Академия Фундаментальных Исследований

Классика науки

Дж. Леббок

ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА, или ПЕРВОБЫТНАЯ ЭПОХА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

URSS

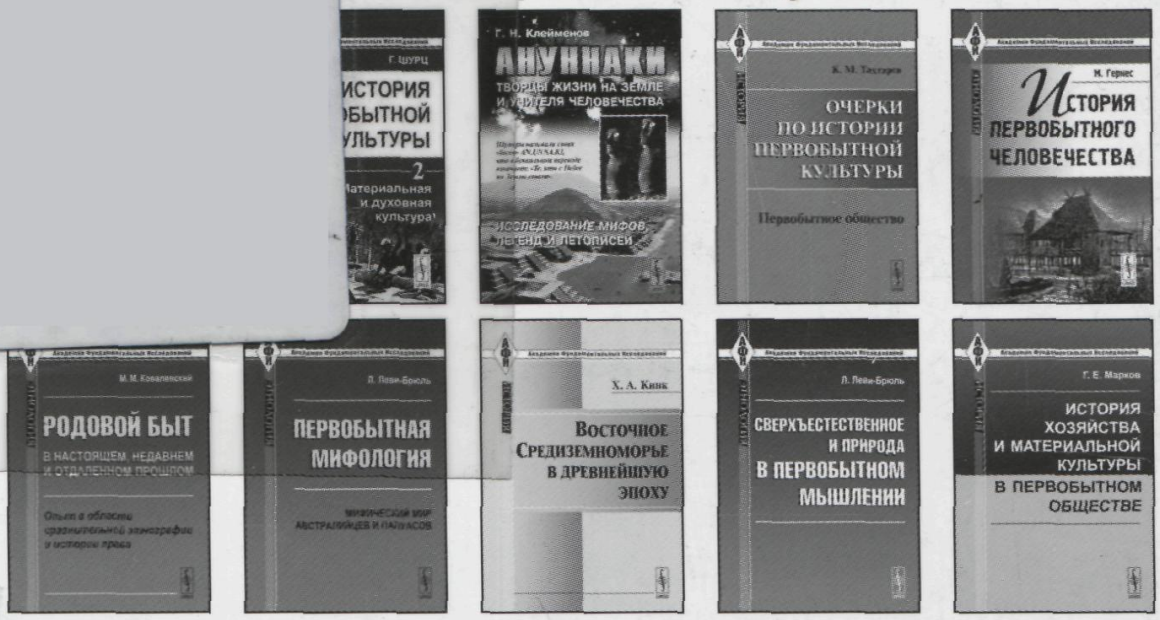
Об авторе

Джон ЛЕББОК
(1834–1913)

Известный английский археолог и этнограф, биолог, писатель и политический деятель, один из классиков эволюционистской («антропологической») школы. Родился в Лондоне, в дворянской семье; его отцом был банкир сэр Джон Уильям Леббок, математик и астроном. Учился в Итонском колледже. Работал в банке отца; в 22 года стал одним из совладельцев банка. В 1870 и 1874 гг. избирался членом парламента от либеральной партии; по его инициативе были приняты многие законы, в том числе действующий и в наше время закон о праздничных днях. Первый президент Института банкиров (с 1879 г.), президент Лондонского общества Линнея (1881–1886). Почетный доктор Оксфордского, Кембриджского, Эдинбургского и других университетов, попечитель Британского музея (с 1878 г.), президент Лондонской торговой палаты (1888–1892), президент Королевского статистического общества (1900–1902). В 1900 г. был возведен в звание пэра с титулом барона Эйвбери.

Являясь последовательным сторонником применения естественно-исторического сравнительного метода в изучении человеческой культуры, Джон Леббок предложил удачную периодизацию археологических памятников, разделив каменный век на палеолит и неолит. Он исследовал вопросы истории культуры, особенно истории брака и семьи; древнейшей их формой он признавал «коммунальный» (то есть групповой) брак, из которого позже, через обычай похищения женщин и экзогамию, развился индивидуальный брак. В истории становления религиозных верований Леббок пытался показать общие для всего человечества стадии: атеизм (безрелигиозный период), фетишизм, тотемизм, шаманизм и т. д. Он впервые применил комплексное использование археологического и этнографического материала для изучения первобытной истории.

ельство предлагает следующие книги:



9619 ID 119317

9 785397 016841 >

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу **URSS@URSS.ru**. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги *в нашем интернет-магазине* **http://URSS.ru**

URSS

E-mail: URSS@URSS.ru

Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru

URSS НАШИ НОВЫЕ КООРДИНАТЫ

ТЕЛЕФОН / ФАКС (многоканальный) **+7 (499) 724-25-45**

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56

Академия фундаментальных исследований:
этнология

John Lubbock

PREHISTORIC TIMES,
AS ILLUSTRATED BY ANCIENT REMAINS,
AND THE MANNERS AND CUSTOMS
OF MODERN SAVAGES

Дж. Леббок

ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА, или ПЕРВОБЫТНАЯ ЭПОХА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Перевод
с третьего английского издания
под редакцией и с предисловием
Д. Н. Анучина

Издание второе,
исправленное

URSS
МОСКВА

ББК 63.3 63.4 63.5 71

Леббок Джон

Доисторические времена, или Первобытная эпоха человечества:
Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. Д. Н. Анучина. Изд. 2-е, испр.
М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 504 с., ил.
(Академия фундаментальных исследований: этнология.)

Вниманию читателей предлагается фундаментальный труд английского археолога и этнографа Джона Леббока (1834–1913), посвященный истории первобытного человечества. Автор не только исследует жизнь и быт доисторических племен на основании изучения результатов археологических раскопок, но и описывает нравы и обычаи людей, и в XIX–XX столетиях живущих на уровне каменного века, и на этом основании проводит сравнительные исследования. Именно Джон Леббок впервые применил комплексное использование археологического и этнографического материала для изучения первобытной истории. Книга содержит большое количество иллюстраций.

Издание будет интересно этнографам, археологам, историкам, культурологам, а также широкому кругу читателей.

1-е издание выходило под заглавием «Доисторические времена, или Первобытная эпоха человечества, представленная на основании изучения остатков древности и нравов и обычаев современных дикарей»

Издательство «Книжный дом "ЛИБРОКОМ"».
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.
Формат 60×90/16. Печ. л. 31,5. Зак. № 4170.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–397–01684–1

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», оформление, 2010

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА
E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернете:
http://URSS.ru
Тел./факс (многоканальный):
+ 7 (499) 724–25–45
URSS

9619 ID 119317
9 785397 016841

Отъ редакціи.

Сочиненіе Лёббока, предлагаемое теперь читателю въ русскомъ переводѣ, можетъ быть названо безспорно однимъ изъ самыхъ лучшихъ современныхъ научно-популярныхъ сочиненій по предмету доисторической археологіи или т. наз. первобытной исторіи человѣчества. Правда, въ послѣдніе десять лѣтъ вышло не мало книгъ и статей, трактующихъ о томъ же предметѣ, но почти всѣ онѣ или имѣютъ въ виду только древности одного рода или если и разнородныя, то по крайней мѣрѣ только одной мѣстности, или составлены довольно поверхностно, часто, въ добавокъ, еще въ романическомъ тонѣ, или, наконецъ, могутъ считаться въ настоящее время уже значительно устарѣвшими. Трудъ же Лёббока (въ своемъ третьемъ изданіи) не только можетъ считаться свободнымъ отъ этихъ недостатковъ, но и представляетъ положительныя преимущества, во 1) въ томъ отношеніи, что здѣсь каждый родъ древностей (пфальбауты, кьёккенмеддинги, пещеры и пр.) разсматривается отдѣльно во всѣхъ подробностяхъ, 2) что авторъ, при составленіи своихъ описаній, не довольствовался только трудами другихъ археологовъ, но, что касается Европы, посѣтилъ самъ бо́льшую часть описанныхъ древностей, самъ дѣлалъ раскопки, осмотрѣлъ всѣ замѣчательные археологическіе музеи, познакомился лично съ большинствомъ послѣдователей и, будучи самъ хорошимъ натуралистомъ, могъ, во многихъ случаяхъ, составить свое собственное мнѣніе. Наконецъ, не малое достоинство книги представляетъ господствующій въ ней сравнительный методъ, объясненіе быта доисторическаго населенія бытомъ современныхъ дикарей и очеркъ существенныхъ особенностей послѣдняго въ приложенныхъ къ концу книги четырехъ главахъ.

При всѣхъ этихъ достоинствахъ, вполнѣ оправдывающихъ появленіе книги въ русскомъ переводѣ, послѣ того какъ она появилась во французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ,— сочиненіе Лёббока пред-

ставляло однако же и нѣкоторые недостатки или пробѣлы, которые необходимо было принять во вниманіе, при переводѣ его на русскій языкъ. Прежде всего, авторъ, имѣя въ виду по преимуществу англійскую публику, останавливается гораздо болѣе на древностяхъ своей родины, также Даніи и Швейцаріи чѣмъ остальной Европы и почти совершенно не упоминаетъ о древностяхъ Германіи и Россіи. Затѣмъ, сочиненіе это, какъ изданное въ послѣдній разъ три года тому назадъ (въ 1872 г.), уже нѣсколько устарѣло, такъ что въ него не могли, напримѣръ, войдти извѣстія о нѣкоторыхъ сдѣланныхъ въ новѣйшее время открытіяхъ, о высказанныхъ недавно археологическихъ теоріяхъ и т. п. Отсюда невольно, такъ сказать, явилась для редакціи необходимость—сдѣлать въ переводѣ нѣкоторыя измѣненія и добавленія. Впрочемъ, что касается сокращеній, то редакція ограничилась только тѣмъ, что выкинула таблицы и перечни нѣкоторыхъ раскопокъ, особенно англійскихъ, какъ не представляющихъ интереса для русской публики—также ссылки на источники и—нѣкоторые, не особенно важные рисунки, взамѣнъ которыхъ вставлены однако многіе другіе. Что же касается до прибавленій (всего прибавлено около 3½ печатныхъ листовъ), то онѣ или помѣщены прямо въ текстѣ (большею частью въ концѣ главъ и между знаками [ ]), или отнесены въ подстрочныя примѣчанія, или наконецъ приложены въ концѣ книги, въ формѣ «добавленій». Наиболѣе значительныя прибавленія сдѣланы: въ главѣ о культурѣ бронзоваго вѣка, именно о теоріяхъ Вибеля, Нильсона, Линденшмидта и др., въ главѣ о каменномъ вѣкѣ, именно о каменныхъ орудіяхъ, найденныхъ въ Россіи,—о курганахъ въ Россіи,—о вновь открытыхъ пфальбаутахъ,—объ открытіяхъ орудій и костей въ Везерскихъ и др. пещерахъ Зап. Европы и т. д. При составленіи этихъ добавленій редакція впрочемъ не имѣла претензій на достиженіе возможно бо́льшей полноты, что̀ было бы затруднительно уже по одному тому, что должно было значительно увеличить объемъ и стоимость книги, а желала только указать на новѣйшіе успѣхи науки, и дать нѣкоторое понятіе о первобытныхъ древностяхъ, встрѣчающихся въ Россіи.—Въ заключеніе, редакція проситъ обратить вниманіе на списокъ замѣченныхъ въ книгѣ опечатокъ.

Д. Н. Анучинъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Введеніе.

Первое появленіе человѣка въ Европѣ относится къ такому раннему періоду, что не только исторія, но даже и преданіе не бросаетъ ни малѣйшаго свѣта на его происхожденіе и первоначальный образъ жизни. Отсюда многіе выработали убѣжденіе, что прошедшее сокрыто подъ густымъ покровомъ, который современемъ будетъ, по всей вѣроятности, сгущаться, но никогда не спадетъ. На этомъ основаніи, хотя доисторическимъ древностямъ и придавали цѣну, какъ памятникамъ стариннаго искусства и труда, однако не считали ихъ равнозначущими листкамъ старой лѣтописи. Ихъ признавали интересными виньетками, но не историческими картинами. Многіе писатели соглашались, что, говоря словами Пальгрэва, «мы должны вполнѣ отказаться отъ изученія нѣмаго прошлаго, какъ его событій и хронологій, такъ и его ученій и вѣрованій, и это не только въ приложеніи къ Европѣ, но также къ Азіи, Африкѣ и Америкѣ, какъ относительно Ѳивъ, такъ и Паленки, какъ въ отношеніи Ликійскаго берега, такъ и Салисбюрійской равнины. Что потеряно, то потеряно и что исчезло, то исчезло навсегда». Другіе допускали менѣе безнадежный взглядъ; но за то, пытая возстановить исторію прошлаго, *они давали слишкомъ много воли своей фантазіи. Они писали* въ духѣ повѣллистовъ, но не естествоиспытателей.

Въ послѣдніе годы однакожъ открылась новая отрасль знаній, явилась, можно сказать, новая наука, предметъ изслѣдованія которой составляютъ времена и происшествія, на столько отдаленныя, что до послѣдняго времени они почти не входили въ область археологическихъ изслѣдованій. Геологъ считаетъ не днями, не годами. Шесть тысячъ лѣтъ, которыя еще недавно считались полнымъ періодомъ существованія земли, служатъ для него только единицею сравненія въ длинномъ рядѣ прошедшихъ временъ. Конечно, наши геологиче-

скія познанія еще весьма неполны и относительно нѣкоторыхъ вопросовъ мы, безъ сомнѣнія, принуждены будемъ еще измѣнить наши теперешнія мнѣнія, но въ цѣломъ—выводы геологіи такъ же опредѣленны, какъ выводы зоологіи, химіи и сродныхъ имъ отраслей знанія. Почему же не попытаться бросить свѣтъ на исторію человѣка въ доисторическую эпоху при помощи тѣхъ же способовъ изслѣдованія, которые оказались столь плодотворными въ геологіи, тѣмъ болѣе, что археологія, какъ извѣстно, стоитъ дѣйствительно на границѣ между геологіей и исторіей. Правда, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, мы не можемъ отличить скелетъ дикаря отъ скелета философа, тогда какъ по костямъ и зубамъ животнаго мы можемъ составить себѣ опредѣленное представленіе объ его привычкахъ и образѣ жизни. Но, съ другой стороны, животное оставляетъ послѣ себя только зубы и кости, а человѣка прошедшихъ вѣковъ мы можемъ изучать по произведеніямъ его рукъ; его жилища указываютъ намъ на образъ его жизни, гробницы—на почитаніе мертвыхъ, укрѣпленія—на способъ защиты, храмы—на форму религіи, инструменты—на потребности и наконецъ орнаменты — на стремленіе къ украшеніямъ.

На основаніи внимательнаго изученія сохранившихся до насъ остатковъ древности, можно, повидимому, подраздѣлить доисторическую археологію на слѣдующіе четыре большихъ періода:

1) Періодъ отложеній или наносовъ ледяной эпохи, когда человѣкъ дѣлилъ обладаніе Европой съ мамонтомъ, пещернымъ медвѣдемъ, покрытымъ шерстью носорогомъ и съ другими, нынѣ вымершими животными. Мы можемъ назвать этотъ періодъ «палеолитическимъ» или «древне-каменнымъ».

2) Позднѣйшій каменный періодъ или эпоха полированнаго (шлифованнаго) камня, характеризуемая оружіемъ и инструментами прекрасной работы—изъ кремня и другихъ каменныхъ породъ; мы однако вовсе не встрѣчаемъ слѣдовъ знакомства съ какимъ-либо металломъ, кромѣ золота, употреблявшагося, повидимому, иногда на украшенія. Этотъ періодъ мы можемъ назвать «неолитическимъ».

3) Бронзовый періодъ, когда для приготовленія оружія и всевозможныхъ рѣжущихъ инструментовъ употреблялась бронза, и

4) Желѣзный періодъ, когда желѣзо вытѣснило изъ употребленія бронзу, какъ матеріялъ для оружія (топоровъ, ножей и т. д.), хотя бронза и продолжала еще употребляться на украшенія, часто также на рукоятки мечей, кинжаловъ и пр., но никогда на клинки.

Многія каменныя орудія однако употреблялись еще и въ продолженіе бронзоваго вѣка, а нѣкоторыя—даже въ желѣзномъ, такъ что

одно присутствіе нѣсколькихъ каменныхъ орудій еще не можетъ само по себѣ служить доказательствомъ принадлежности находки къ каменному періоду. Кромѣ того, во избѣжаніе недоразумѣній, слѣдуетъ замѣтить, что покуда мы прилагаемъ вышеизложенное раздѣленіе на періоды только въ Европѣ, хотя, по всей вѣроятности, его можно распространить и на сосѣднія области Азіи и Африки *). Что же касается другихъ цивилизованныхъ странъ, какъ напримѣръ Японіи и Китая, то намъ до сихъ поръ ничего неизвѣстно объ ихъ доисторической археологіи. Очевидно впрочемъ, что нѣкоторые народы, какъ напримѣръ Пешересы, Андаманцы и пр., еще и теперь находятся, или по крайней мѣрѣ недавно находились, въ каменномъ періодѣ.

По всей вѣроятности, золото было первымъ металломъ, на который человѣкъ обратилъ вниманіе: его часто находятъ во многихъ рѣкахъ и блестящій цвѣтъ его, несомнѣнно, долженъ былъ привлечь вниманіе даже грубыхъ дикарей, какъ извѣстно, большихъ любителей украшеній. Серебро же, повидимому, было открыто гораздо позже золота и ему предшествовали мѣдь и олово, по крайней мѣрѣ его рѣдко или почти никогда не находятъ въ курганахъ бронзоваго періода. — Какъ бы то ни было, мѣдь была повидимому первымъ металломъ получившимъ дѣйствительное значеніе для человѣка, безъ сомнѣнія потому что мѣдная руда встрѣчается во многихъ странахъ въ большомъ количествѣ и можетъ плавиться весьма легко, а иногда попадается и въ свободномъ состояніи, такъ что ее можно прямо ковать, между тѣмъ какъ желѣзо, напримѣръ, находится всегда только въ видѣ руды. Относительно сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ извѣстно, что они добывали себѣ мѣдь въ чистомъ видѣ изъ рудниковъ по близости Верхняго озера и прямо перековывали ее въ топоры, браслеты и другіе нужные имъ предметы.

Олово, по значительной тяжести своей руды, вѣроятно также рано обратило на себя вниманіе человѣка. При этомъ весьма естественно, что въ томъ случаѣ, когда залежи руды были незначительны, то, для полученія надлежащаго количества, одинъ металлъ прибавляли къ другому, олово къ мѣди или наоборотъ. При этомъ опытъ долженъ былъ показать, что смѣсь или сплавъ имѣетъ совсѣмъ другія качества, чѣмъ каждый изъ металловъ въ отдѣльности, и немного навыка было достаточно для того, чтобъ опредѣлить самыя выгод-

*) На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ археологіи и лингвистики можно однако полагать, что въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напр. въ юго-восточной Европѣ (у Скиѳовъ), желѣзо вошло въ употребленіе одновременно или можетъ быть даже ранѣе бронзы. *Примѣч. Ред.*

ныя пропорціи для топоровъ и другихъ рѣжущихъ инструментовъ,— именно девять частей мѣди на одну часть олова. До сихъ поръ не было найдено ни одного оружія, ни одного инструмента изъ олова; предметы изъ мѣди также составляютъ большую рѣдкость, изъ чего и сдѣлано было заключеніе, что приготовленіе бронзы было гдѣ-нибудь извѣстно раньше, чѣмъ оба эти металла въ отдѣльности вошли въ употребленіе въ Европѣ. Большинство такъ называемыхъ «мѣдныхъ» топоровъ содержитъ въ себѣ небольшую примѣсь олова, и немногія исключенія изъ этого правила должно приписать скорѣе временному недостатку олова, чѣмъ совершенному незнакомству съ этимъ металломъ.

Желѣзныя руды хотя встрѣчаются и чаще мѣдныхъ, однако далеко не такъ бросаются въ глаза. Къ тому же, хотя самый металлъ легче изъ нихъ добывается, но обработка его гораздо затруднительнѣе, чѣмъ обработка бронзы. Этотъ же послѣдній сплавъ весьма пригоденъ по своей легкоплавкости, и дѣйствительно всѣ оружія и инструменты, сдѣланные изъ него въ древнія времена, были отлиты въ песочныхъ или каменныхъ формахъ. Напротивъ того, плавленіе желѣзной руды было неизвѣстно до сравнительно поздняго періода. Въ произведеніяхъ древнихъ поэтовъ желѣзо носитъ часто эпитетъ «πολύχμητος» т. е. тщательно, искусно сдѣланный; его прилагательное «σιδήρεος» (желѣзный) употребляется метафорически въ смыслѣ твердаго, крѣпкаго, нечувствительнаго, немилосерднаго.

Хотя все это ослабляетъ до нѣкоторой степени кажущуюся невѣроятность факта, что такой сложный и сравнительно дорогой металлъ, какъ бронза, вошелъ у насъ во всеобщее употребленіе раньше, нежели желѣзо, однако въ доказательство тому мы можемъ привести еще многія свидѣтельства.

Такъ, Гезіодъ, древнѣйшій изъ европейскихъ писателей, труды которыхъ дошли до насъ, и жившій, какъ думаютъ, около 900 года до Р. Х., положительно утверждаетъ, что желѣзо было открыто позже, чѣмъ мѣдь и олово. Говоря о людяхъ, которые даже въ его время считались «древними», онъ сообщаетъ, что они употребляли не желѣзо, а бронзу *).

Впрочемъ изъ его поэмъ и поэмъ Гомера видно, что уже почти 3000 лѣтъ тому назадъ люди вполнѣ понимали цѣну желѣза. Въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ» мы хотя видимъ (какъ справедливо замѣчаетъ докторъ

*) Свидѣтельство Гезіода подтверждается еще тѣмъ, что греческое слово ковать—χαλκεὶς означаетъ собственно ковать мѣдь или бронзу, такъ какъ χάλκος значитъ мѣдь. *Примѣч. Ред.*

Смитъ въ своемъ словарѣ греческихъ и римскихъ древностей), что бронза была наиболѣе обыкновеннымъ матеріаломъ для оружія, инструментовъ и разной утвари, тогда какъ желѣзо упоминается сравнительно гораздо рѣже, — однако нельзя забывать, что у Грековъ, даже во времена Гомера, слово желѣзо σιδήρος употреблялось какъ синонимъ меча, и что, повидимому, сталь имъ была также извѣстна подъ именемъ ἀδαμας, или, какъ во времена Гезіода, — κύανος. На этомъ основаніи мы можемъ полагать, что Троянская война происходила въ переходное время между бронзовымъ и желѣзнымъ періодами.

Въ первыхъ книгахъ Моисея бронза (или какъ ее иногда невѣрно переводятъ—латунь) упоминается восемьдесятъ три раза, желѣзо же только четыре раза.

Изъ римскихъ поэтовъ Лукрецій явственно различаетъ три періода. Онъ говоритъ:

«Arma antiqua manus, ungues dentesque fuerunt
Et lapides et itam silvarum fragmina rami.
Posterius ferri vis aerisque reperta,
Sed prior aeris erat, quam ferri cognitus usus».

Т. е. древнѣйшимъ оружіемъ были руки, ногти, зубы, камни и сучья деревьевъ. Значеніе же желѣза и мѣди было узнано позже, притомъ употребленіе мѣди предшествовало употребленію желѣза.

Что касается новѣйшаго времени, то Эккардъ (1750), Гогѐ (1758), а также Борлазъ и сэръ Рич. Кольтъ Хоръ — явственно различаютъ три періода и высказываютъ мысль, что желѣзныя орудія, «относятся къ гораздо болѣе позднему періоду, нежели бронзовыя». — Тѣмъ не менѣе заслуга возведенія этихъ предположеній въ научную классификацію принадлежитъ сѣвернымъ археологамъ, а именно, главнымъ образомъ, Томсону, основателю музея древностей въ Копенгагенѣ, и шведскому профессору Нильсону.

Теперь еще нельзя опредѣлить въ точности эпоху, когда желѣзо было введено въ сѣверную Европу, но, разъ появившись, оно, вѣроятно, очень быстро вошло во всеобщее употребленіе. Такъ надо предполагать не только a priori, на основаніи важности этого открытія, но также и потому, что тѣ же торговыя сношенія, при помощи которыхъ корнуэлльское олово провозилось черезъ весь континентъ, должны были способствовать и распространенію желѣза, какъ скоро употребленіе послѣдняго сдѣлалось всѣмъ извѣстнымъ и доступнымъ. Какъ бы то ни было, воины Бренна были уже вооружены желѣзными мечами, и когда римскія войска принесли южную цивилизацію въ соприкосновеніе съ сѣверною, они нашли желѣзо въ большомъ почетѣ

и во всеобщемъ употребленіи у своихъ новыхъ враговъ. Нѣтъ никакого основанія думать, чтобы на сѣверѣ въ то время было еще въ употребленіи бронзовое оружіе, потому что еслибъ это дѣйствительно было, то римскіе писатели навѣрное упомянули бы объ этомъ; напротивъ того, изъ Тацитова описанія каледонскаго оружія видно, что въ его время мечи, употреблявшіеся въ Шотландіи, дѣлались изъ желѣза. Кромѣ того извѣстно много случаевъ находокъ большаго количества оружія, принадлежащаго Римской эпохѣ и состоящаго исключительно изъ орудій и инструментовъ, сдѣланныхъ изъ желѣза. О нѣкоторыхъ изъ этихъ находокъ я позволю себѣ упомянуть здѣсь вкратцѣ, ограничиваясь конечно наиболѣе интересными.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ около Тифенау, близъ Берна, открыли замѣчательное поле битвы, которое было описано Яномъ. Тамъ нашли множество желѣзныхъ предметовъ, обломки колесницъ, удила, колеса, куски панцырей, а также различное оружіе, въ томъ числѣ болѣе сотни мечей, всѣ сдѣланные изъ желѣза. Между ними найдено было множество бронзовыхъ фибулъ (головныхъ шпилекъ) и нѣсколько монетъ, въ томъ числѣ тридцать бронзовыхъ, отчеканенныхъ въ Марсели и представляющихъ на одной сторонѣ голову Аполлона, а на другой изображеніе быка: оба изображенія могутъ служить хорошими образцами греческаго искусства. Прочія монеты были изъ серебра и отчеканены также въ Марселѣ. Эти монеты и отсутствіе всякихъ слѣдовъ римскаго вліянія уже достаточно доказываютъ древность этой интересной находки.

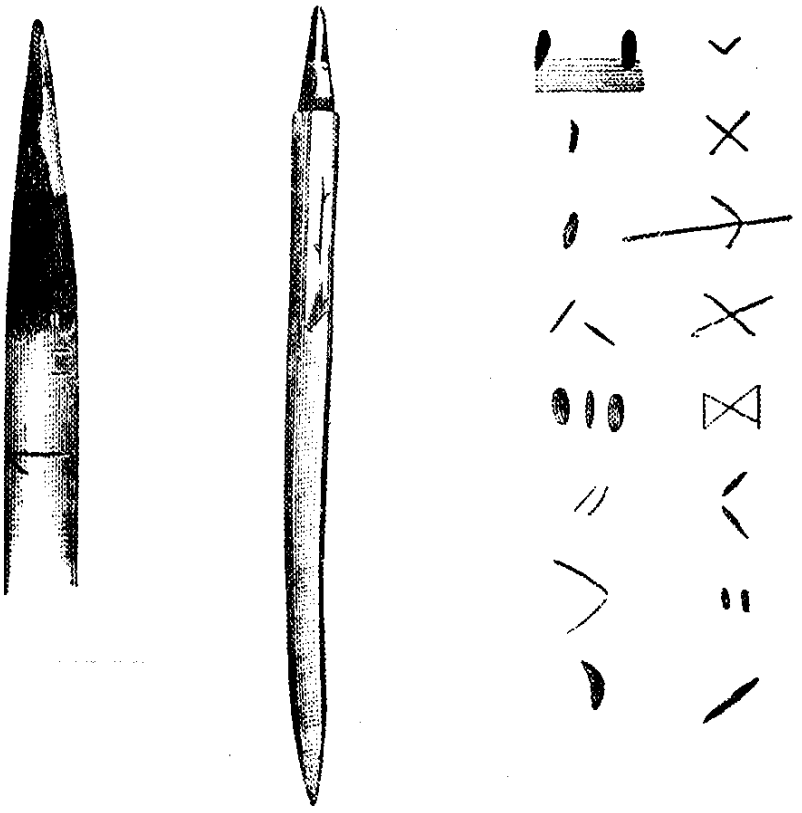
Подобное же собраніе древностей было найдено въ одной древней свайной постройкѣ Нейенбургскаго или Невшательскаго озера, вблизи Ла-Тень. Въ главѣ о швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ я возвращусь къ этой интересной мѣстности, покуда же замѣчу только, что тамъ нашли 50 мечей, 5 топоровъ, 4 ножа и 23 копья, но ни одного бронзоваго оружія. Кромѣ того, тамъ найдено было также девять монетъ, тогда какъ въ постройкахъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ онѣ вовсе не встрѣчаются. Между тѣмъ извѣстно, что у Галловъ были монеты собственнаго чекана уже за 300 л. до Р. Х., а Бритты, какъ доказалъ Эвансъ, стали изготовлять ихъ только 150 годами позже.

Многія весьма интересныя находки предметовъ, принадлежащихъ желѣзному вѣку, были сдѣланы также въ торфяникахъ Шлезвига; онѣ описаны Энгельгардтомъ, хранителемъ Фленсбургскаго музея. Такъ, въ Нидаммскомъ болотѣ нашли одежды, сандаліи, украшенія, маленькіе щипчики, пуговицы, шлемы, щиты, брони, панцыри, пряжки, рукоятки и ножны мечей, до 100 цѣлыхъ мечей, до 500 копій, 30

топоровъ, 40 шилъ, 160 стрѣлъ, 80 ножей, различныя части конской сбруи, деревянныя грабли и молотки, металлическую и глиняную посуду, колеса, монеты и т. д. Все оружіе и рѣжущіе инструменты были безъ исключенія изъ желѣза, хотя на брошки, шпильки и др. предметы украшенія бронза и продолжала еще употребляться.

На томъ же полѣ, въ 1862 году, Энгельгардтъ нашелъ большую лодку въ семьдесятъ футовъ длины, сдѣланную изъ дубовыхъ досокъ, скрѣпленныхъ желѣзными скобками и нагруженную желѣзными топорами, мечами, копьями, ножами, разными украшеніями, посудой и

Фиг. 1. Фиг. 2. Фиг. 3.



пр. Эта находка интересна еще тѣмъ, что здѣсь можно было положительно опредѣлить ея древность. Какъ было уже упомянуто, лодка эта была найдена на томъ же полѣ, какъ и ранѣе описанная Нидаммская находка, а такъ какъ оружія, орудія и украшенія въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаковы, то не подлежитъ сомнѣнію, что обѣ относятся къ одному и тому же періоду времени. Между тѣмъ въ числѣ предметовъ первой находки находилось около 50 римскихъ монетъ, относящихся ко времени между 67 и 217 годами по Р. Х., а потому мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если отнесемъ всѣ эти остатки къ третьему столѣтію послѣ Р. Х.

Не говоря уже о томъ, что всѣ инструменты и оружія этихъ находокъ сдѣланы изъ желѣза, ихъ форма и характеръ орнаментаціи весьма отличны отъ того, что мы видимъ въ предметахъ бронзоваго періода; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они представляютъ сходство съ римскимъ оружіемъ, но въ другихъ отличаются многими особенностями, ясно указывающими на ихъ сѣверное происхожденіе. Такъ, многія стрѣлы носятъ на себѣ значки владѣльцевъ (фиг. 1 и 3) и напоминаютъ стрѣлы современныхъ Эскимосовъ (фиг. 2). На нидаммскихъ мечахъ попадаются также надписи, изъ которыхъ нѣкоторыя невозможно было разобрать, другія оказались римскими, третьи— руническими. На одномъ клинкѣ меча были найдены также фигуры, сдѣланныя изъ золотой проволоки и похожія на руническіе знаки. Я упоминаю обо всемъ этомъ потому, что въ древностяхъ, которыя приписываются бронзовому періоду, до сихъ поръ еще никогда не находили ни надписей, ни монетъ.

По той же причинѣ весьма знаменательно присутствіе большаго количества серебра. Кромѣ 200 пряжекъ и четыреугольныхъ серебряныхъ бляхъ отъ поясовъ, множество бронзовыхъ вещей были украшены серебряными бляхами; этотъ же металлъ употреблялся также для украшенія краевъ щитовъ, для сандалій, брошекъ, латъ, рукоятокъ и ноженъ мечей, поясовъ, сбруи и т. д., также на застежки, серьги, ящички, щипчики, а одинъ шлемъ былъ даже сдѣланъ цѣликомъ изъ этого, сравнительно рѣдкаго металла. Замѣтимъ при этомъ, что орнаменты щитовъ, мечей и пр. носятъ также иной характеръ, чѣмъ на тѣхъ же предметахъ бронзовой эпохи. Изъ всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ находокъ ясно видно, что на сѣверѣ бронзовое оружіе вышло изъ употребленія еще задолго до начала нашей эры. По причинѣ легкости обработки, бронзу продолжали еще употреблять на украшенія и отдѣлку, но для приготовленія мечей, топоровъ и подобныхъ имъ орудій она была совершенно вытѣснена желѣзомъ. Извѣстно много случаевъ нахожденія желѣзныхъ мечей съ бронзовыми рукоятками или ножнами, но едва ли былъ одинъ примѣръ обратной находки; и, какъ бронзовое оружіе совершенно отсутствуетъ въ большихъ находкахъ желѣзнаго вѣка, такъ точно наоборотъ, не встрѣчается вовсе желѣзнаго—тамъ, гдѣ, какъ въ Нидау, на Бьеннскомъ озерѣ, или въ Эставайерѣ, на Невшательскомъ, было найдено огромное количество орудій и инструментовъ изъ бронзы. Короче сказать, хотя находки желѣзнаго и бронзоваго оружія весьма многочисленны, однако врядъ ли былъ хотя одинъ случай, чтобы въ одномъ мѣстѣ были найдены мечи, топоры, кинжалы и тому подобное оружіе изъ обоихъ металловъ. Точно также бронзовое оружіе ни-

когда не встрѣчается вмѣстѣ съ надписями, монетами, глиняною посудою или другими остатками римскаго происхожденія.

Съ другой стороны, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что каменныя орудія продолжали употребляться и въ бронзовомъ періодѣ, однако было много случаевъ, когда между громаднымъ количествомъ каменнаго оружія и инструментовъ не было найдено ни одного металлическаго.—Многіе любопытные примѣры тому представляютъ древнія швейцарскія свайныя постройки или пфальбауты. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. въ открытой близъ Моосзеедорфа, было найдено нѣсколько тысячъ кремневыхъ стрѣлокъ, до 100 каменныхъ скребковъ, такое же приблизительно количество каменныхъ топоровъ, 12 наконечниковъ копій, 30 пилъ и пр., а также множество орудій изъ кости, рога, медвѣжьихъ зубовъ, и при этомъ ни малѣйшаго слѣда металловъ. Наоборотъ, въ другихъ постройкахъ, какъ напр. открытыхъ близъ Морга, Нидау, Эставайера—при громадномъ количествѣ бронзовыхъ орудій, почти вовсе не было найдено каменныхъ.

Возможно конечно допустить, что въ одинъ и тотъ же періодъ времени степень цивилизаціи въ различныхъ частяхъ одной и той же страны можетъ быть не одинаковою, однако въ приведенномъ случаѣ Нидау находится не болѣе какъ въ пятнадцати миляхъ отъ Моосзеедорфа. Различіе это не можетъ также заключаться въ различной степени богатства поселеній, такъ какъ бронзовые гарпуны, топоры, кольца, гвозди и т. д., которые были найдены въ такомъ большомъ количествѣ, показываютъ, что бронза шла не только на изготовленіе предметовъ роскоши, но и на обыкновенные инструменты ежедневнаго употребленія.

Присутствіе или отсутствіе бронзы не составляетъ еще единственнаго отличія одной свайной постройки отъ другой. Здѣсь кромѣ того замѣчаются еще и другіе признаки прогресса. Конечно, каменныя и костяныя орудія не могутъ представить намъ значительныхъ тому доказательствъ, тѣмъ не менѣе лучшія формы каменныхъ топоровъ, въ особенности снабженныхъ отверстіемъ для топорища, встрѣчаются весьма рѣдко въ постройкахъ каменнаго вѣка: такъ, въ Моосзеедорфѣ ихъ не было найдено ни одного, а въ Вангенѣ только два.

Что касается до поселеній бронзоваго вѣка, то насъ поражаетъ въ нихъ не одно только присутствіе бронзы, но также разнообразіе и изящество сдѣланныхъ изъ нея предметовъ. Наоборотъ, въ коллекціяхъ добытыхъ въ постройкахъ каменнаго періода, преобладаетъ удивительное однообразіе. Видно, что средства, которыми располагали тогдашніе художники и ремесленники, были весьма просты и ограничены.

Въ бронзовый періодъ все это существенно измѣнилось. Кромѣ топоровъ, стрѣлъ и ножей здѣсь встрѣчаются уже мечи, копья, серпы, серьги, браслеты, булавки, кольца и множество другихъ предметовъ. То же можно сказать и о посудѣ. Правда, гончарный станокъ былъ, повидимому, одинаково неизвѣстенъ какъ въ продолженіе каменнаго, такъ и бронзоваго періода, однако матеріалъ, изъ котораго дѣлалась глиняная посуда каменнаго періода былъ грубъ и содержалъ значительную примѣсь крупнозернистаго кварца, тогда какъ матеріалъ для посуды бронзоваго вѣка приготовлялся гораздо тщательнѣе.

Не меньшее различіе представляютъ и орнаменты обоихъ періодовъ. Въ каменномъ періодѣ они состоятъ изъ отпечатковъ сдѣланныхъ ногтемъ, пальцемъ или иногда шнуркомъ, обведеннымъ вокругъ мягкой еще глины. Всѣ линіи прямы, а если и изогнуты, то весьма неправильно и несовершенно. Въ бронзовомъ вѣкѣ эти узоры, правда, продолжаются, но рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ еще круги и спирали, тогда какъ изображенія животныхъ и растеній служатъ уже признакомъ желѣзнаго періода.

Подобнымъ же образомъ различіе между бронзовымъ и желѣзнымъ вѣками основывается не на одномъ только присутствіи желѣза. Оно распространяется также на приготовленіе посуды, формы инструментовъ и орудій, украшенія и орнаментацію. Въ желѣзный періодъ знаніе металлургіи сдѣлало значительный шагъ впередъ, вошли въ употребленіе серебро и свинецъ, были изобрѣтены буквы, стали чеканиться монеты. Совершенное отсутствіе серебра, монетъ и надписей въ находкахъ бронзоваго періода представляетъ весьма замѣчательное и характерическое явленіе, явно доказывающе неосновательность мнѣнія, будто бы бронза была введена въ употребленіе Римлянами. Здѣсь было бы утомительнымъ вдаваться въ подробный разборъ этого послѣдняго мнѣнія, которое защищалось между прочимъ весьма уважаемыми авторитетами, какъ напр. извѣстнымъ археологомъ Райтомъ (Wright). Достаточно сказать, что всѣ весьма немногочисленные случаи находокъ бронзоваго оружія съ предметами римской эпохи, приведенные этимъ ученымъ — весьма неубѣдительны, а нѣкоторые даже, какъ доказано, основаны положительно на ошибкахъ.

Напротивъ того, существуетъ много доказательствъ тому, что бронзовое оружіе никакъ нельзя отнести къ римскому періоду. Главнѣйшія изъ этихъ доказательствъ слѣдующія:

1) Бронзовое оружіе никогда не встрѣчается вмѣстѣ съ римскою посудою, монетами и другими вещами римской эпохи.

2) Его особенно часто находятъ въ такихъ странахъ, которыя, какъ напримѣръ Данія и Ирландія, никогда не были заняты римскими

войсками. Напротивъ того, въ Италіи бронзовое оружіе попадается весьма рѣдко и въ Помпеѣ, напр., не было найдено ни одного бронзоваго меча и ни одного цельта.

3) Форма бронзовыхъ мечей нисколько не похожа на римскую.

4) Латинское слово «ferrum» (желѣзо) употреблялось какъ синонимъ меча. Это доказываетъ, что Римляне дѣлали свои мечи изъ желѣза.

5) Орнаментація бронзоваго періода не имѣетъ римскаго характера.

6) Бронза, употреблявшаяся Римлянами, содержала по большей части значительную примѣсь свинца, который никогда не встрѣчается въ оружіи бронзоваго періода.

Мы не можемъ приписать также введеніе бронзовыхъ орудій какой-либо позднѣйшей эпохѣ, слѣдовавшей за римскою. Въ Англіи и на континентѣ было изслѣдовано, напримѣръ, большое количество древнихъ саксонскихъ могилъ, и мы знаемъ, что мечи, копья, ножи и другое оружіе того времени всегда дѣлалась изъ желѣза. Кромѣ того, еслибы бронзовыя орудія принадлежали къ послѣ-римскому періоду, то, я думаю, мы нашли бы сколько-нибудь ихъ въ развалинахъ замковъ, вмѣстѣ съ глиняною посудою и монетами того времени. Притомъ сходство бронзоваго оружія, въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ Европы, показываетъ существованіе значительно болѣе распространенныхъ торговыхъ сношеній между различными странами, чѣмъ въ столѣтія, о которыхъ идетъ рѣчь. Такимъ образомъ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что употребленіе бронзоваго оружія характеризуетъ собою отдѣльный фазисъ въ исторіи европейской цивилизаціи, предшествовавшій открытію желѣза или по крайней мѣрѣ всеобщему употребленію послѣдняго на изготовленіе рѣжущихъ орудій. При этомъ я считаю вполнѣ доказаннымъ, что употребленіе желѣза въ сѣверной Европѣ сдѣлалось общимъ еще задолго до вторженія Цезаря.—Очевидно впрочемъ, что переходъ отъ бронзоваго оружія къ желѣзному совершался постепенно и навѣрное должно было быть время, когда оба металла были приблизительно въ одинаковомъ употребленіи.

Дѣйствительно г. Рамзауеру, состоявшему въ продолженіе многихъ лѣтъ директоромъ австрійскихъ соляныхъ копей въ Галльштадтѣ, близь Зальцбурга, удалось открыть и изслѣдовать весьма обширное кладбище, принадлежащее именно къ этому переходному періоду. Онъ раскопалъ не менѣе 980 могилъ, принадлежавшихъ очевидно людямъ, которые уже въ тѣ отдаленныя времена занимались разработкою этихъ, до сихъ поръ еще знаменитыхъ соляныхъ копей. Всѣ найденные предметы описаны и изображены въ особомъ альбомѣ, къ

сожалѣнію, еще не опубликованномъ *), но съ котораго мнѣ и г. Эвансу удалось все-таки достать копію. О важности этого открытія можно судить по слѣдующимъ фактамъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что эти могилы относятся къ переходному періоду между бронзовымъ и желѣзнымъ вѣками. Въ нихъ встрѣчаются какъ бронзовыя, такъ и желѣзныя рѣжущія орудія и инструменты, и притомъ часто въ особенныхъ, если можно такъ выразиться, промежуточныхъ формахъ. Тоже можетъ быть сказано и относительно орнаментаціи. Изображенія животныхъ встрѣчаются часто, но дурно выполнены, тогда какъ геометрическія фигуры сдѣланы хорошо. Монетъ вовсе не найдено. Что переходъ совершился отъ бронзы къ желѣзу, а не наоборотъ, ясно видно изъ того, что здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ находкахъ, желѣзныя оружія съ бронзовыми ручками весьма обыкновенны, тогда какъ неизвѣстно ни одного случая нахожденія бронзоваго оружія съ желѣзными рукоятками. Это показываетъ, что, при одновременномъ употребленіи обоихъ металловъ, клинки предпочитали всегда дѣлать изъ желѣза. Галльштадтская бронза представляетъ еще интересъ въ томъ отношеніи, что въ ней, какъ и въ бронзѣ настоящаго бронзоваго вѣка, совершенно не встрѣчается ни серебра, ни свинца, ни цинка (за исключеніемъ случайныхъ примѣсей). Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что присутствіе не только олова, но также стекла, янтаря и слоновой кости указываетъ на значительныя торговыя сношенія.

Кромѣ того отсутствіе серебра, какъ замѣтилъ Морло, не могло быть случайнымъ, но зависитъ отъ того, что Галльштадтская бронза не содержитъ въ себѣ свинца, а отсутствіе свинца по необходимости влечетъ за собою отсутствіе серебра, такъ какъ оба эти металла, *по крайней мѣрѣ въ Европѣ, добываются всегда вмѣстѣ* **).

---

*) Древности, найденныя въ Галльштадтскихъ могилахъ подробно описаны въ сочиненіи Sacken'a „Das Grabfeld von Hallstatt und dessen Alterthümer," къ которому приложено 26 таблицъ рисунковъ (1868). *Прим. Ред.*

**) Изъ указаннаго ранѣе сочиненія фонъ-Сакена видно, что на Галльштадтскомъ кладбищѣ было изслѣдовано всего 993 могилы, въ которыхъ было найдено 6.084 вещи, большей частью оружіе и различные инструменты изъ бронзы и желѣза, 3.696 украшеній изъ бронзы, янтаря, стекла и золота, 182 бронзовыхъ сосуда и 1.244 глиняныхъ, также кое-какіе остатки одежды (кожаной, шерстяной, льняной), 11 костей домашнихъ животныхъ и пр. По всѣмъ признакамъ, народъ, которому принадлежало это кладбище, стоялъ на довольно значительной ступени развитія, имѣлъ многія породы домашнихъ животныхъ (рогатаго скота, овецъ, козъ, свиней, собакъ, лошадей), занимался земледѣліемъ, разработывалъ соляныя копи, былъ хорошо знакомъ съ металлургіей желѣза и бронзы и велъ значительныя торговыя сношенія (напр. съ Италіей, какъ то доказываютъ многія бронзовыя вазы, шлемы и проч. съ украшеніями этрусскаго стиля, также

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Объ употребленіи бронзы въ древнія времена.

Самые обыкновенные и, можно сказать, наиболѣе характеристическіе остатки бронзоваго періода суть т. н. «*цельты*» (или пальстабы), которые употреблялись вѣроятно какъ долота, мотыки, боевые топоры, и для разныхъ другихъ цѣлей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири и Африки еще и въ настоящее время употребляютъ если не совсѣмъ такія, то подобныя орудія, только сдѣланныя не изъ бронзы, а изъ желѣза.

Болѣе двухъ тысячъ ихъ находится въ различныхъ ирландскихъ коллекціяхъ: одинъ музей Ирландской Королевской Академіи въ Дублинѣ заключалъ въ себѣ, по описи 1860 года, не менѣе 688 экземпляровъ, и изъ нихъ врядъ ли найдется и два вылитые по одной и той же формѣ. Величина этихъ орудій колеблется между дюймомъ и футомъ, а по способу прикрѣпленія къ рукояткамъ ихъ можно раздѣлить на три главныхъ группы (фиг. 7—9), между которыми существуетъ впрочемъ множество переходныхъ формъ.

Цельты первой группы (фиг. 4, 7, 11, 13, 14 и 15)—самые простѣйшіе по формѣ, и нѣкоторые археологи, напр. сэръ В. Р. Вильде, считаютъ ихъ за древнѣйшіе, частью потому, что они очевидно сдѣланы по образцу древнихъ каменныхъ цельтовъ (сравни напр. фиг. 16 съ фиг. 18), частью потому, что нѣкоторые изъ нихъ (между прочимъ около 30 въ Дублинскомъ музеѣ) состоятъ изъ одной красной мѣди,

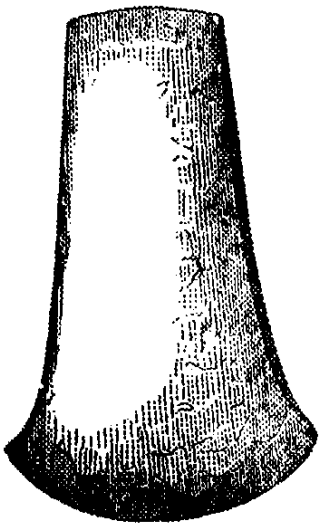
---

стеклянныя украшенія и проч.). Что касается до приблизительнаго опредѣленія эпохи, въ которую жилъ этотъ народъ, то совершенное отсутствіе монетъ и произведеній римскаго, именно императорскаго періода, заставляетъ отнести ее къ до-христіанской эрѣ, ко времени процвѣтанія этрусской торговли и приблизительно къ I-му вѣку до Р. Х., а отчасти и позднѣе. А такъ какъ, по единогласнымъ свидѣтельствамъ древнихъ историковъ, страна, гдѣ находится Галльштадтъ, была населена въ то время Кельтами, именно племенемъ Таурисковъ, то весьма вѣроятно, что всѣ эти могилы принадлежали именно этому племени.

Прим. Ред.

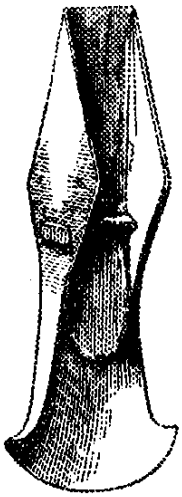
почти безъ всякой примѣси другаго металла, представляя собою «почти единственныя орудія древности, сдѣланныя исключительно изъ это-

Фиг. 4.



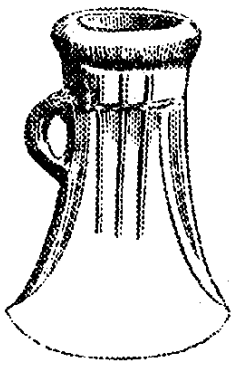
Мѣдный цельтъ (изъ Уэтерфорда).

Фиг. 5.



Пальштабъ (изъ Ирландіи).

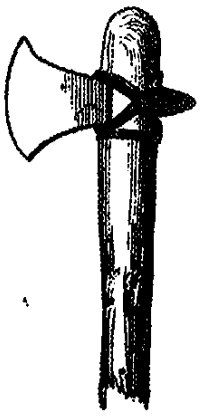
Фиг. 6.



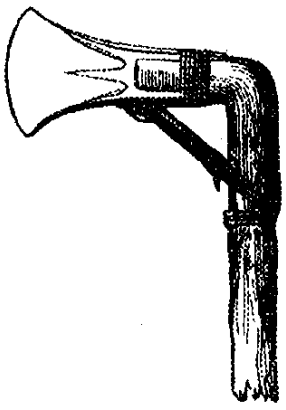
Полый цельтъ (изъ Ирландіи).

го металла»,—частью же, наконецъ, на томъ основаніи, что они совершенно лишены орнаментовъ. Однако съ другой стороны простота

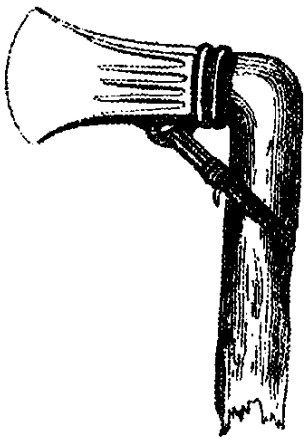
Фиг. 7.



Фиг. 8.



Фиг. 9.



Различные способы прикрѣпленія топора къ рукояткѣ.

формы мѣдныхъ топоровъ, замѣченная не только въ ирландскихъ находкахъ, но и въ находкахъ другихъ странъ, можетъ быть объяснена и другою причиною, именно бо̀льшею трудностью отливки чистой мѣди, вслѣдствіе чего литейщики, обработывавшіе этотъ металлъ, долж-

ны были по-неволѣ ограничиваться простѣйшими формами. По всей вѣроятности, цельты этого рода вклинивались въ рукоятку, подобно

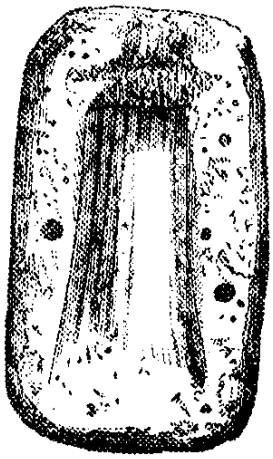
Фиг. 10.

Калмыцкій топоръ.

Фиг. 11.

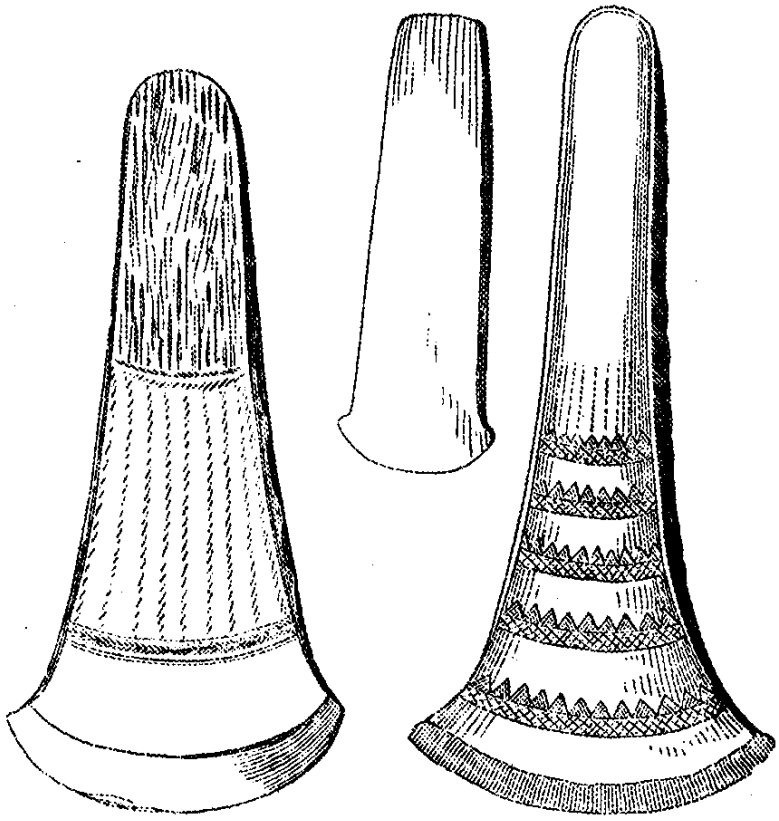
Мѣдный цельтъ изъ Ирландіи.

Фиг, 12.



Форма для цельта изъ Ирландіи.

Фир. 13. Фиг. 14. Фиг. 15.



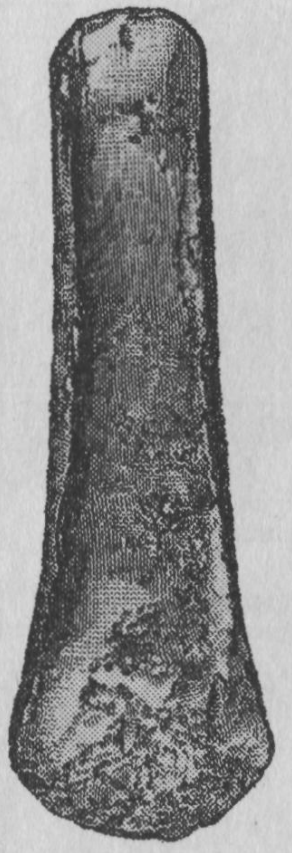
Бороздчатые цельты изъ Даніи.

тому какъ это дѣлается въ современныхъ африканскихъ топорахъ, которые имѣютъ подобную форму, съ тою только разницей, что клинокъ здѣсь желѣзный.

Фиг. 16.

Бронзовый топоръ (Неаполь).

Фиг. 17.



Бронзовый топоръ (Ле-Пюи).

Фиг. 18.

Каменный топоръ.

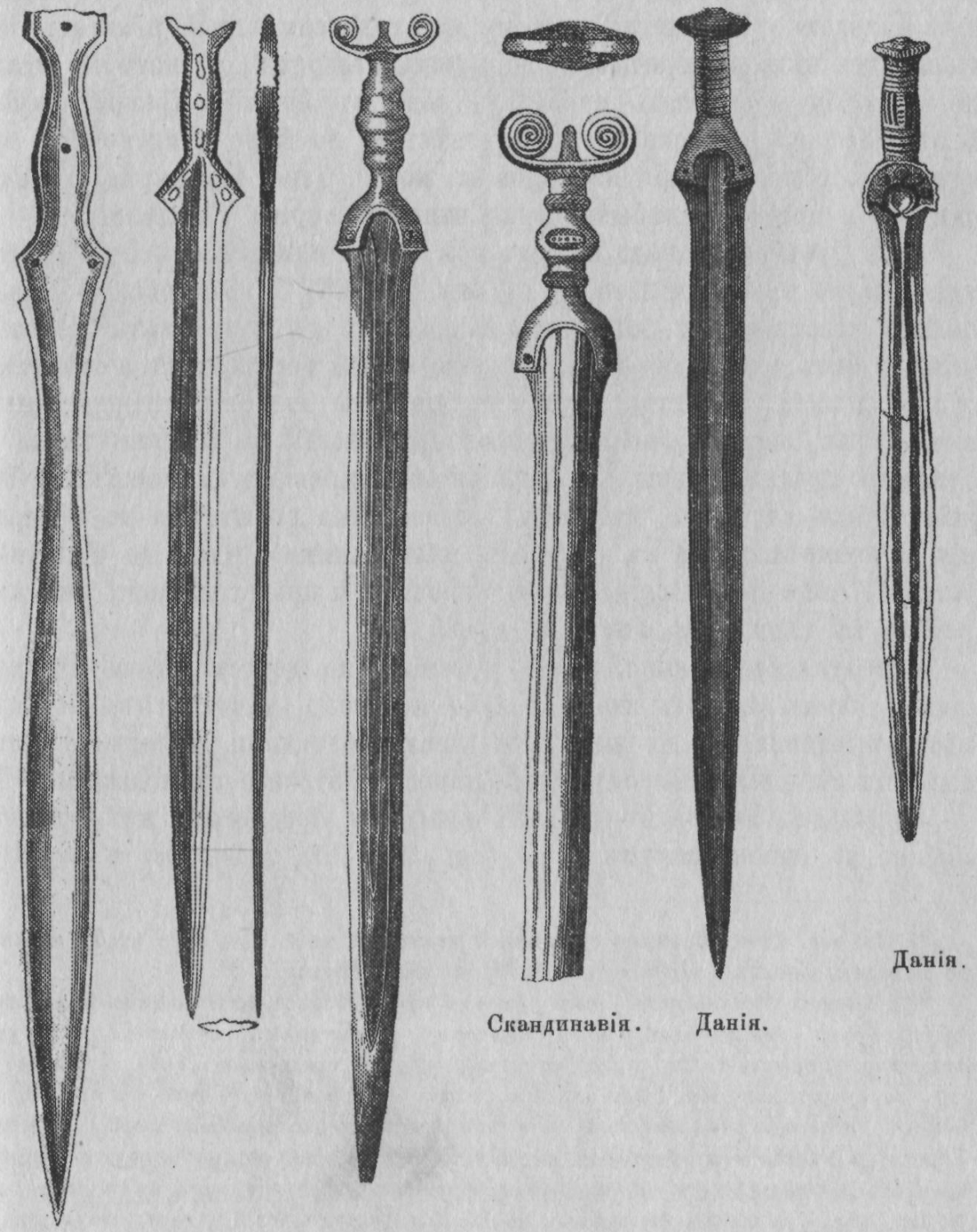
Фиг. 19.

Древній желѣзный мечъ изъ одной саксонской могилы. (Англія).

Очевидно однакожъ, что вставленный такимъ образомъ клинокъ легко могъ расщепить рукоятку. Во избѣжаніе этого, на цельтахъ дѣлались зарубки или валики и клинокъ укрѣпляли на изогнутой рукояткѣ такимъ образомъ, что дерево и металлъ заходили одинъ за другой (см. фиг. 5 и 8). Эта вторая форма цельтовъ извѣстна подъ именемъ „*Пальстабовъ*“ (Paalstab) и снабжена часто небольшимъ ушкомъ на одной сторонѣ (вѣроятное назначеніе котораго видно изъ

фиг. 8), а также боковыми выступами въ видѣ крыльевъ. Дальнѣйшее улучшеніе состояло въ измѣненіи взаимныхъ отношеній металла и де-

Фиг. 20. Фиг. 21. Фиг. 22. Фиг. 23. Фиг. 24. Фиг. 25.



Швеція. Швейцарія. Нейенбургское озеро. Скандинавія. Данія. Данія.

рева, причемъ въ топорѣ дѣлалось съ одной стороны углубленіе, которымъ онъ и надѣвался на рукоятку (см. 6 и 9).

Въ большинствѣ случаевъ бронзовые цельты представляютъ ровную поверхность, но иногда они бываютъ украшены бороздками, валиками, точками или линіями (фиг. 6, 9, 13 и 15). Нахожденіе формъ для литья (фиг. 12) доказываетъ, что орудія эти дѣлались на мѣстѣ ихъ находокъ. Непонятно, почему изготовители этихъ цельтовъ не дѣлали въ нихъ поперечныхъ сквозныхъ отверстій, въ которыя можно было бы пропускать рукоятку, какъ въ нашихъ топорахъ. Въ Великобританіи, на сколько мнѣ извѣстно, не было найдено еще ни одного подобнаго орудія изъ бронзы, но въ Даніи они изрѣдка попадаются, и притомъ необыкновенно изящной формы и отдѣлки.

Мечи бронзоваго вѣка имѣютъ всѣ болѣе или менѣе ясную форму удлиненнаго тростниковаго листа (фиг. 20—25) *). Они обоюдоостры, сильно заострены и болѣе приспособлены къ тому чтобы колоть, чѣмъ рубить, что видно какъ изъ ихъ общей формы, такъ и свойствъ граней лезвея. Рукоятки ихъ всегда лишены эфесовъ, защищающихъ кисть руки, иногда довольно массивны, иногда же плоски, тонки и очевидно предназначены для обдѣлки ихъ деревомъ или костью.—Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наконецъ, лезвее меча расширено къ основанію и прикрѣпляется къ рукояткѣ нѣсколькими (отъ 2 до 4) штифтиками. Такіе мечи всегда короче прочихъ и представляютъ уже переходъ къ кинжаламъ (фиг. 27 и 28).

Рукоятки бронзовыхъ мечей чрезвычайно коротки, такъ что нашимъ рукамъ держать ихъ довольно неудобно, качество въ особенности выставляемое на видъ тѣми изслѣдователями, которые приписываютъ введеніе въ Европу бронзы народу азіатскаго происхожденія **).

Перейдемъ теперь къ другимъ классамъ предметовъ изъ бронзы, именно къ наконечникамъ *копій* (фиг. 29 и 30), *дротиковъ* и *стрѣлъ*.

---

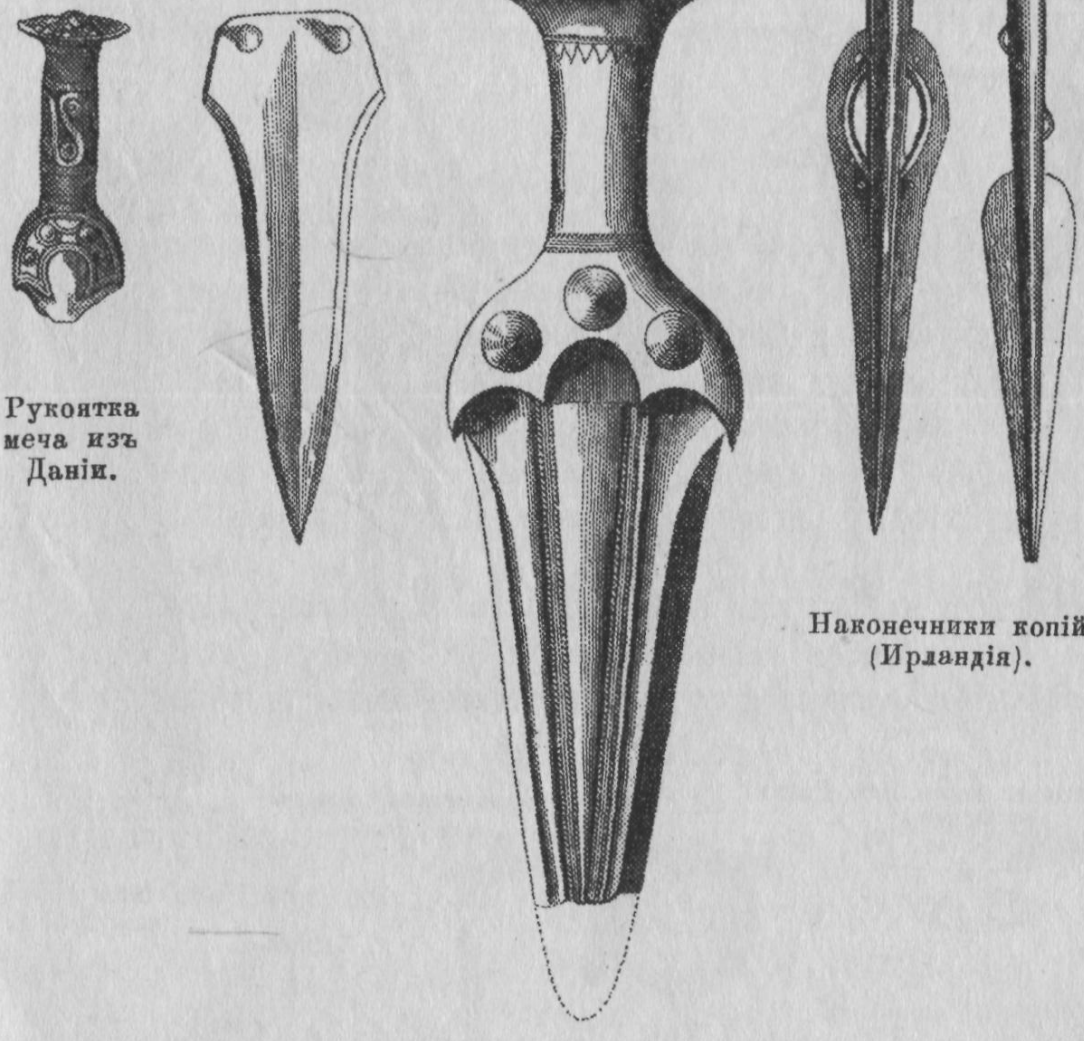
*) На фиг. 19 изображенъ старинный желѣзный мечъ, для того чтобы наглядно показать различіе его формы отъ бронзоваго оружія.

**) Именно Финикійцамъ, какъ думаетъ проф. Нильсонъ. Впрочемъ малая величина рукъ свойственна также Индусамъ, Египтянамъ, а также и многимъ финскимъ племенамъ. Съ другой стороны, трудно представить себѣ, чтобы оружіе, которымъ неудобно было владѣть, могло быть распространено въ Европѣ въ такомъ огромномъ количествѣ и притомъ, отчасти по крайней мѣрѣ, производиться на мѣстѣ. На этомъ основаніи г. Вибель полагаетъ, что неудобство короткихъ рукоятокъ есть скорѣе кажущееся чѣмъ дѣйствительное, такъ какъ возможно, что, при схватываніи меча, большой и указательный пальцы обхватывали его выше рукоятки. Изрѣдка такія ручки попадаются и на мечахъ желѣзнаго періода. Замѣтимъ еще, что подобная листовидная форма мечей съ короткими ручками встрѣчается и на изображеніяхъ древнѣйшихъ вазъ греческой работы, а также попадается (изрѣдка) и между такъ-наз. чудскими древностями Сибири.

Примѣч. Ред.

Въ одномъ Дублинскомъ музеѣ ихъ находится 276 штукъ. Длина ихъ колеблется отъ 2-хъ футовъ до полудюйма, а форма весьма разно-

Фиг. 26. Фиг. 27. Фиг. 28. Фиг. 29. Фиг. 30.



Рукоятка меча изъ Даніи.

Наконечники копій. (Ирландія).

Ирландскіе бронзовые кинжалы.

образна, хотя вообще сходна съ тою, которую даютъ подобнымъ предметамъ во всѣхъ странахъ и эпохахъ, какой бы матеріалъ ни употреблялся для ихъ изготовленія. Бронзовыя стрѣлы въ Сѣверной Европѣ попадаются впрочемъ довольно рѣдко, вѣроятно потому, что кремень въ этомъ случаѣ гораздо дешевле, а пригоденъ почти одинаково. Въ Нидау, на Бьенскомъ озерѣ, найдено было также болѣе сотни бронзовыхъ *крючковъ для уженья*, но въ другихъ мѣстахъ они попадаются весьма рѣдко: въ Дублинскомъ музеѣ, напримѣръ, ихъ находится только одинъ. Чаще встрѣчаются *серпы;* въ Копенгагенскомъ музеѣ ихъ находится 25, въ Дублинскомъ 11, а въ остаткахъ

свайной постройки около Нидау ихъ было найдено 18 штукъ. Бо́льшая часть ихъ имѣетъ около 6 дюймовъ длины; съ одной стороны

Фиг. 31. Фиг. 32. Фиг. 33. Фиг. 34. Фиг. 35.

Бронзовые ножи изъ Даніи.

Бритвенный ножъ изъ Даніи.

Маленькій ножъ изъ Даніи.

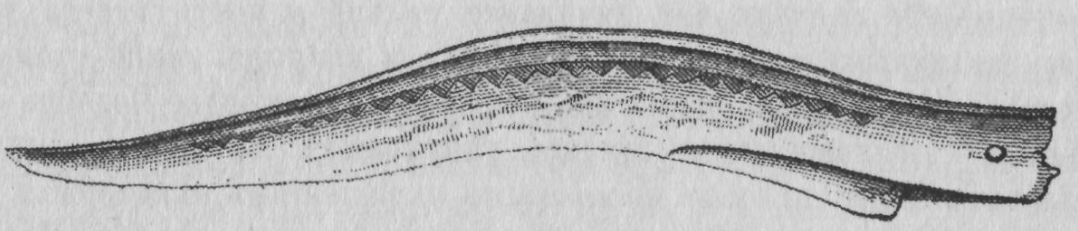
Бронзовый ножъ изъ Швейцаріи.

они плоски, съ другой нѣсколько выпуклы и всѣ приспособлены къ употребленію правою рукою.

Ножи изъ бронзы (фиг. 31—33) попадаются всего чаще въ Датскихъ курганахъ и между остатками швейцарскихъ свайныхъ построекъ. Въ Ирландіи же они повидимому очень рѣдки, по крайней мѣрѣ въ Дублинскомъ музеѣ ихъ нѣтъ ни одного. Обыкновенно они вдѣлывались въ костяныя, роговыя или деревянныя ручки и имѣли болѣе или менѣе кривое лезвее; ножи желѣзнаго вѣка, напротивъ того, въ большинствѣ случаевъ прямы.

Фиг. 36 представляетъ бронзовый ножъ, найденный Сэромъ Гардн. Вилькинсономъ въ Ѳивахъ.

Фиг. 36.

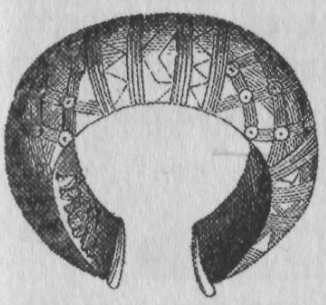


Египетскій ножъ.

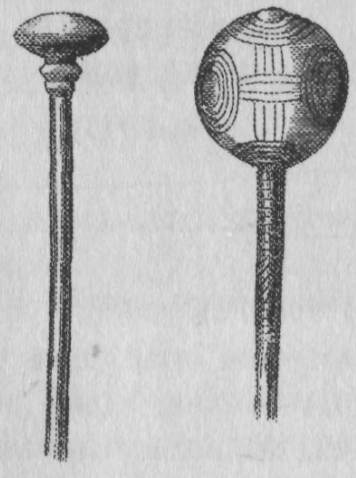
Въ противуположность ножамъ, маленькія *бронзовыя бритвы* имѣютъ прямые края, подобно желѣзнымъ ножамъ, хотя общая форма ихъ представляетъ совершенно иной характеръ. На основаніи выгравированныхъ на нихъ орнаментовъ, я склоненъ думать, что онѣ относятся уже къ позднѣйшему періоду бронзоваго вѣка, а можетъ-быть и къ началу желѣзнаго. Въ Фленсбургскомъ музеѣ дѣйствительно есть такая бритва, найденная, какъ говорятъ, вмѣстѣ съ желѣзными предметами.

Что касается украшеній изъ бронзы, то ихъ нельзя считать, подобно бронзовому оружію, за вѣрный признакъ опредѣленнаго періода, такъ какъ они могутъ встрѣчаться и въ остаткахъ позднѣйшихъ

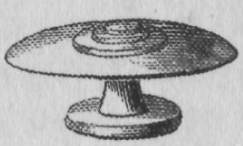
Фиг. 37. Фиг. 38. Фиг. 39. Фиг. 40.



Браслетъ.



Бронзовыя булавки.



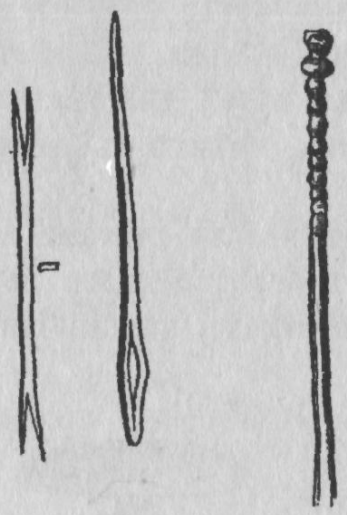
Запонка. Швейцарія.

вѣковъ. Поэтому, прежде чѣмъ отнести какую-нибудь брошку, кольцо и т. п. украшеніе къ бронзовому вѣку, мы должны внимательно обсудить всѣ обстоятельства, при которыхъ оно было найдено. Слѣдующіе рисунки изображаютъ преимущественно украшенія, найденныя въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ.

Изъ *украшеній*, которыя, полагаю, мы можемъ несомнѣнно приписать бронзовому вѣку, слѣдуетъ въ особенности упомянуть о браслетахъ, булавкахъ и кольцахъ. Браслеты имѣютъ по бо́льшей части форму простой спирали или неполнаго кольца и почти всегда украшены различными комбинаціями прямыхъ и кривыхъ линій, столь характеристичныхъ для орнаментаціи бронзоваго періода. Подобно оружію, они въ большинствѣ случаевъ указываютъ на малую величину рукъ, хотя часто, подобно бронзовымъ украшеніямъ нѣкоторыхъ современныхъ дикарей, какъ напримѣръ пѣкоторыхъ племенъ Негровъ или племени Кондовъ въ Ориссѣ,—весьма тяжелы и массивны.

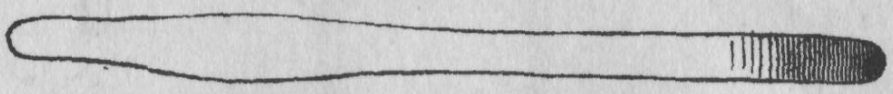
Булавки изъ бронзы встрѣчаются весьма часто. Такъ, въ свайной постройкѣ близъ Эставайера ихъ было найдено 239 и близъ Нидау 600 экземпляровъ. Ихъ часто находятъ также въ могилахъ, гдѣ онѣ употреблялись, можетъ быть, какъ думаютъ нѣкоторые археологи, для прикалыванія льняной ткани, въ которую завертывались кости (?). Хотя бронзовыя брошки или «фибулы» также не составляютъ рѣдкости, особенно на сѣверѣ Европы, однако чаще онѣ встрѣчаются вмѣстѣ съ желѣзными вещами; въ бронзовый же періодъ мѣсто ихъ кажется часто замѣняли простыя булавки.

Фиг. 41. Фиг. 42.



Многія изъ булавокъ, найденныхъ въ швейцарскихъ озерахъ, служили однако, повидимому, скорѣе шпильками для во-

Фиг. 43.



Мелкія бронзов. вещи.—Швейцарія.

лосъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ въ длину до фута, а двѣ найденныя около Берна, даже до 2-хъ футовъ 9 дюймовъ. Однѣ изъ нихъ снабжены большими круглыми полыми головками, другія варіируютъ на столько, что невозможно описать ихъ подъ общими рубриками. Что всѣ онѣ относятся къ бронзовому періоду, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться, хотя, съ другой стороны, также положительно доказано, что подобныя булавки употреблялись еще долго послѣ введенія въ обращеніе желѣза.—Нѣкоторые мелкіе предметы изъ бронзы, между прочимъ двѣ иголки изъ Невшательскаго озера, представлены на фиг. 41—43.

Бронзовые молотки встрѣчаются весьма рѣдко, и есть вѣроятіе, что вмѣсто нихъ употребляли камни; долота встрѣчаются чаще, равно какъ и пилки (въ Даніи и Германіи), но въ Великобританіи ихъ до сихъ поръ не находили. Въ Швейцаріи и Скандинавіи, хотя не часто, но находятъ также пуговицы или запонки. Серебро, свинецъ и цинкъ были, повидимому, неизвѣстны въ продолженіе бронзоваго періода. Стеклянныя бусы встрѣчаются (равно какъ и янтарныя), но стеклянной посуды не было найдено: извѣстно, что и теперь еще существуютъ варварскія племена, которыхъ Европейцы снабжаютъ бусами, но у которыхъ вовсе нѣтъ стеклянной посуды.

Всѣ орудія и украшенія бронзоваго вѣка безъ исключенія приготовлялись отливкой, что указываетъ на довольно значительное развитіе литейнаго дѣла *). Отливка эта производилась тремя способами. При одномъ употреблялись каменныя или металлическія формы; онѣ состояли, конечно, изъ двухъ половинъ, вслѣдствіе чего и отлитые въ нихъ цельты носятъ ясные слѣды соединительнаго шва. Очевидно однакожъ, что такой предметъ, какъ напримѣръ ножъ, изображенный на фиг. 32, не могъ быть отлитъ такимъ способомъ, точно также какъ и булавки (фиг. 37 и 38), потому что тогда были бы видны линіи швовъ, соединяющихъ обѣ половинки формы. И дѣйствительно, этотъ способъ отливки повидимому былъ не очень употребителенъ. Это доказывается какъ наружнымъ видомъ предметовъ и рѣдкостью литейныхъ формъ, такъ и тѣмъ фактомъ, что между бронзовыми предметами мы весьма рѣдко встрѣчаемъ два совершенно сходныхъ между собою. Такъ, между 688 экземплярами Дублинскаго музея нѣтъ и двухъ, которые были бы отлиты въ одной и той же формѣ, а это ясно показываетъ, что литейныя формы не были въ долговременномъ употребленіи.

Второй способъ отливки заключался въ томъ, что модель предмета приготовляли изъ дерева или другаго твердаго матеріала, затѣмъ втискивали въ мелкій песокъ и получали соотвѣтствующее углубленіе. Во всякомъ случаѣ песокъ долженъ былъ находиться въ двухъ рамахъ или ящикахъ, которыя, подобно массивнымъ формамъ, должны были имѣть швъ. Преимущества этого способа заключаются въ томъ, что на мягкомъ пескѣ легче выдавить требуемую фигуру, а сдѣлать модель изъ дерева гораздо проще, чѣмъ выдолбить ее въ камнѣ или

*) По мнѣнію Вибеля, нѣкоторыя бронзовыя орудія однако показываютъ, что они были скованы и вытянуты, а не отлиты. Во многихъ случаяхъ литье ограничивалось только, какъ онъ полагаетъ, воспроизведеніемъ самыхъ грубыхъ формъ или полосъ и притомъ несомнѣнно въ формахъ песчаныхъ, дальнѣйшая же отдѣлка достигалась ковкою. *Прим. Ред.*

металлѣ. Однако, то, что было сказано о первомъ способѣ, можетъ быть отнесено и ко второму; онъ точно также годится только для литья болѣе грубыхъ предметовъ. Экземпляры, въ которыхъ соединительный шовъ приходится несовершенно въ центрѣ или симметрично, вылиты были, вѣроятно, этимъ способомъ, причемъ модель глубже входила въ одну половину формы, чѣмъ въ другую.

Третій способъ отливки производился съ помощью воска. Для этой цѣли, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, дѣлали изъ него модель и облѣпляли ее нарочно приготовленною смѣсью глины съ коровьимъ навозомъ или какимъ-либо другимъ горючимъ веществомъ, чтобы масса послѣ дѣйствія жара сдѣлалась бы пористою. При нагрѣваніи формы воскъ таялъ и вытекалъ изъ отверстія, чрезъ которое затѣмъ вливался металлъ. Этотъ способъ былъ, кажется, самымъ употребительнымъ въ бронзовый періодъ. Онъ требовалъ мало вспомогательныхъ орудій и не оставлялъ соединительнаго шва, что было важнымъ преимуществомъ, такъ какъ при недостаткѣ стали было очень трудно удалить возвышенія съ металлическаго предмета, особенно покрытаго орнаментами. Г. Морло замѣтилъ на одной бронзовой вещи оттискъ пальца, который произошелъ, вѣроятно, отъ давленія на мягкій воскъ. Иногда случалось, что, при неосторожномъ нагрѣваніи послѣдняго, онъ сгоралъ и оставлялъ обугленную кожицу, производившую соотвѣтственную неровность на отлитомъ предметѣ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ внутренность бронзовыхъ сосудовъ показываетъ слѣдъ лопаточки, которою обдѣлывали воскъ.

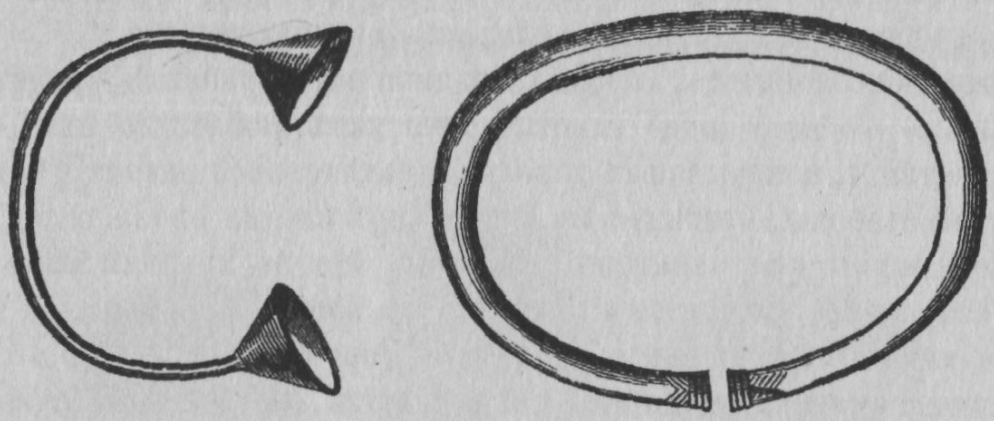
Кромѣ отверстія, чрезъ которое вливали металлъ, въ формѣ нужно было, конечно, оставлять еще одну или нѣсколько дыръ для выхода воздуха. Первое отверстіе, имѣвшее форму воронки, задѣлать было не трудно, но послѣднія часто оставляли слѣды, уничтожить которыя безъ стали было почти невозможно. Съ другой стороны, кузнецы бронзоваго періода, повидимому, совершенно не умѣли просверливать бронзу: всѣ отверстія, которыя дѣлались напр. въ мечахъ для прохода гвоздей и проч., были отлиты, а не просверлены. Подобнымъ же образомъ были отлиты всѣ орнаменты, круги, спирали и пр., встрѣчающіеся на бронзовыхъ предметахъ. Хотя линіи эти проведены довольно правильно, однако все-таки видно, что онѣ сдѣланы просто отъ руки и что циркуль былъ въ то время еще неизвѣстенъ. Кромѣ того не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти предметы, украшенные орнаментами, были отлиты по третьему способу, то-есть съ помощью воска, такъ какъ если соединительный шовъ и могъ быть заглаженъ на предметахъ съ ровною поверхностью, то этого нельзя было сдѣлать на вещахъ, покрытыхъ украшеніями. Впрочемъ, на нѣкоторыхъ бронзо-

выхъ сосудахъ видно, что орнаменты ихъ были не отлиты, а выбиты, что указываетъ уже на значительное усовершенствованіе въ обработкѣ металловъ.

Паяніе въ бронзовомъ вѣкѣ и даже въ началѣ желѣзнаго было, какъ кажется, вовсе неизвѣстно, хотя въ Галльштадтѣ и были найдены нѣсколько бронзовыхъ сосудовъ, очевидно склепанныхъ.

Я позволилъ себѣ помѣстить здѣсь также нѣсколько золотыхъ украшеній, найденныхъ въ Ирландіи, хотя мы и не имѣемъ точныхъ указаній на ихъ происхожденіе, и есть основанія полагать, что онѣ относятся къ болѣе позднѣйшему періоду. Но онѣ представляютъ интересъ въ томъ отношеніи, что весьма сходныя украшенія, сдѣланныя

Фиг. 44. Фиг. 45.



Золотые браслеты. (Ирландія).

только не изъ золота, а изъ желѣза, еще и теперь дѣлаются туземцами Африки.

Орнаменты, встрѣчающіеся на вещахъ бронзоваго періода, представляютъ оригинальный, хотя въ то же время и однообразный характеръ; они состоятъ именно изъ простыхъ геометрическихъ узоровъ, образовавшихся отъ соединенія круглыхъ спиральныхъ и зигзагообразныхъ линій. Попытки изображенія животныхъ и растеній встрѣчаются весьма рѣдко и небольшое число исключеній изъ этого правила есть скорѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Такъ, въ Копенгагенскомъ музеѣ находятся только два такихъ изображенія:—одно, представляющее лебедя (фиг. 31), другое—человѣка (фиг. 32). Послѣдняя фигура образуетъ ручку ножа съ прямымъ, повидимому, лезвеемъ, а это, какъ было уже упомянуто, можетъ служить признакомъ скорѣе желѣзнаго, нежели бронзоваго вѣка. Что же касается до ножа съ изображеніемъ лебедя, то существуютъ опять достаточныя причины, чтобы отнести его къ переходному времени или по крайней мѣрѣ къ концу бронзоваго періода. Остаются еще узоры встрѣчаю-

щіеся на бритвахъ и которые, какъ можно видѣть на рис. 34, представляютъ грубое подобіе лодки. Но если даже и допустить, что это дѣйствительно лодка и что предметы эти дѣйствительно относятся къ бронзовому вѣку, то они только показываютъ, какъ несовершенно было въ то время искуство изображать видимые предметы.

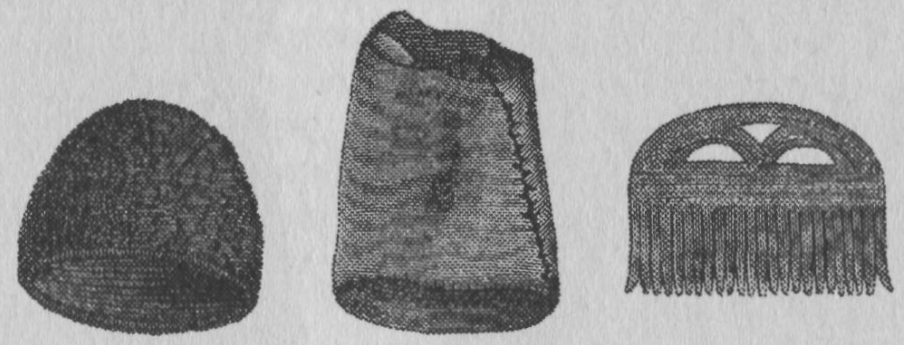
Съ другой стороны, между всѣми орудіями и инструментами бронзоваго вѣка, хранящимися въ музеяхъ, есть только одно съ надписью,— фактъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что подобныя надписи весьма обыкновенны на вещахъ желѣзнаго періода. Экземпляръ этотъ, именно цельтъ съ боковыми выступами, хранится въ Кирхеріанскомъ музеѣ іезуитской коллегіи въ Римѣ. Надпись до сихъ поръ еще не разобрана, даже не знаютъ, къ какой азбукѣ принадлежатъ ея буквы. Найденъ онъ былъ въ Кампаньи, но, къ сожалѣнію, неизвѣстно никакихъ подробностей о мѣстѣ и условіяхъ его нахожденія.

Техническая ловкость, проявляющаяся въ обработкѣ предметовъ, описанныхъ въ настоящей главѣ, равно какъ изящество ихъ формы и орнаментаціи, показываютъ довольно значительное развитіе техники. Съ другой стороны, открытіе въ Эставайерѣ слитка олова, а въ Моргѣ литейной формы для цельтовъ, доказало, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ этихъ предметовъ дѣлались въ самой Швейцаріи; а подобныя же находки въ другихъ странахъ Европы, какъ напр. Англіи, Шотландіи, Ирландіи и Даніи, показываютъ, что и тамъ существовали свои литейныя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, сходство всѣхъ бронзовыхъ вещей по формѣ и орнаментаціи показываетъ, что въ то время уже существовали довольно оживленныя торговыя сношенія, что впрочемъ явствуетъ изъ самаго присутствія бронзы, такъ какъ только въ Корнуэллѣ, Саксоніи и Испаніи существовали рудники, которые могли снабжать остальную Европу оловомъ.

Кажется сомнительнымъ, чтобы мы могли получить какія-либо свѣдѣнія объ одеждѣ человѣка бронзоваго періода, которая, повидимому, давнымъ-давно должна была разрушиться и истлѣть. Однако чудеснымъ образомъ нѣкоторые остатки ея сохранились и дошли до насъ. Безъ сомнѣнія значительнѣйшая часть ея дѣлалась изъ звѣриныхъ шкуръ, какъ и въ продолженіе всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ, но въ англійскихъ могилахъ бронзоваго періода и въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи было найдено также нѣсколько остатковъ льняныхъ тканей. Уже одни эти лоскутки бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на тогдашнюю фабрикацію, если можно такъ выразиться; но, къ счастію, свѣдѣнія наши въ этомъ отношеніи гораздо болѣе значительны, такъ какъ мы обладаемъ полнымъ нарядомъ одного вождя, жившаго въ бронзовомъ періодѣ.

Въ Ютландіи, недалеко отъ Рибе, въ помѣстьи г. Дальса, находятся четыре кургана, извѣстные у мѣстныхъ жителей подъ четырьмя особыми названіями. Одинъ изъ этихъ кургановъ былъ изслѣдованъ въ 1861 году гг. Ворсо и Гербстомъ. Онъ имѣлъ около 50 аршинъ въ діаметрѣ, 6 вышины и состоялъ изъ рыхлой песчанистой почвы. Внутри его, почти въ центрѣ, открыли три деревянныхъ гроба, два обыкновенной величины, а третій, повидимому, дѣтскій. Гробъ, на который мы должны обратить особенное вниманіе, имѣлъ снаружи около 9 футовъ 8 дюймовъ длины и 2 фута 2 дюйм. ширины, внутри же $7^1/_2$ футъ длины и 1 футъ 8 дюймовъ ширины. Сверху онъ былъ покрытъ подвижною крышкою. Содержаніе этого гроба было оригинально и въ высшей степени интересно. Тогда какъ въ бо́льшей части древнихъ могилъ находятъ, какъ и естественно ожидать, только кости и зубы, всѣ же мягкія части успѣваютъ давнымъ-давно ист-

Фиг. 46. Фиг. 47. Фиг. 48.



Шерстяныя шапки. Гребень.

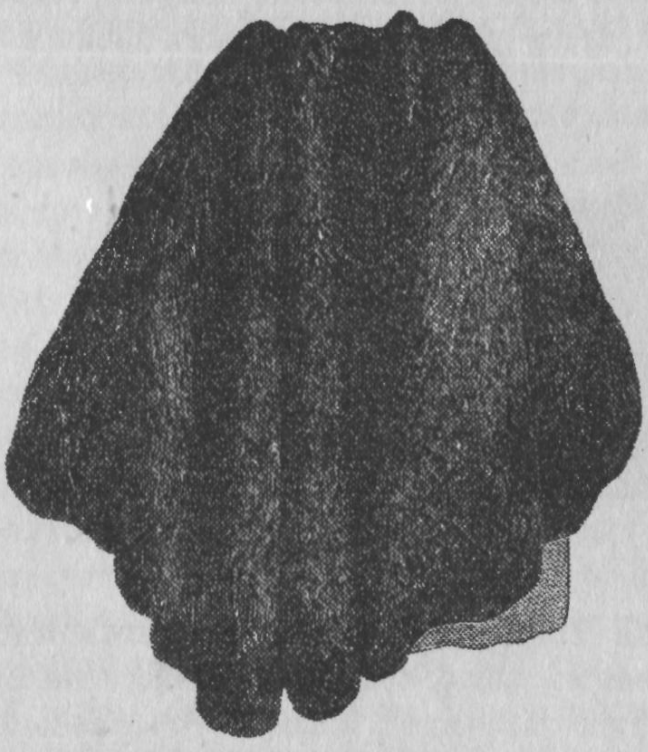
лѣть,—здѣсь случилось почти совершенно обратное. Мягкія части трупа, быть-можетъ подъ вліяніемъ воды, содержащей много желѣза, превратились въ темное, жирное вещество, а кости, за немногими исключеніями, образовали что-то въ родѣ синеватаго порошка.

Довольно странно, что изъ всѣхъ мягкихъ частей тѣла мозгъ подвергся наименьшимъ измѣненіямъ. Когда открыли гробъ, онъ лежалъ тамъ, гдѣ, безъ сомнѣнія, прежде находилась голова, и былъ покрытъ полукруглою шерстяною шапкою въ 6 дюймовъ вышины (фиг. 46). Наружная сторона шапки была густо покрыта короткими нитками, оканчивающимися, каждая, небольшимъ узелкомъ, что придавало ей очень странный видъ. Самый трупъ былъ обернутъ трубымъ шерстянымъ плащомъ полукруглой формы (фиг. 49), съ вырѣзкой вокругъ шеи, имѣвшимъ около 3 футовъ 8 дюймовъ въ длину и ширину. Внутренняя сторона его была покрыта множествомъ короткихъ шерстинокъ, что придавало матеріи видъ плюша.

Съ правой стороны трупа находилась коробка въ $6^1/_4$ дюйм. вышины и $7^1/_2$ дюймовъ въ діаметрѣ, покрытая крышкою такой же величины и связанная ивовыми прутьями или древесною корою. Въ этой коробкѣ стояла другая такая же, только безъ крышки, а въ ней находились три вещи, именно шапка изъ вязаной шерстяной ткани въ 7 дюймовъ вышины (фиг. 47), маленькій гребень въ 3 дюйма длины и $2^1/_2$ вышины (фиг. 48) и небольшой ножикъ въ видѣ бритвы—самой простой работы.

Когда вынули плащъ и коробку, то увидѣли два шерстяныхъ плаща, одинъ изъ которыхъ покрывалъ ноги, а другой лежалъ по близости

Фиг. 49.



Шерстяной плащъ.

Фиг. 50.

Шерстяная рубашка.

головы. Они были четырехъугольной формы, около 5 футъ длины и 4 ширины, и имѣли длинную бахрому. На томъ мѣстѣ, гдѣ лежало туловище, находилась рубашка (фиг. 50), также изъ шерстяной ткани и имѣвшая небольшую вырѣзку для шеи и длинный язычъ на одномъ изъ своихъ верхнихъ угловъ. Она была перевязана вокругъ тальи длинною шерстяною тесемкою, которая два раза обвивалась вокругъ тѣла и двумя длинными концами спускалась напереди книзу.

Съ лѣвой стороны трупа лежалъ бронзовый мечъ въ деревянныхъ ножнахъ, имѣвшій 2 фута 3 дюйма длины и простую массивную ручку.

Въ ногахъ находились два лоскута шерстяной ткани въ $14^1/_2$ дюймовъ длины и $3^1/_2$ дюйма вышины, назначеніе которыхъ не совсѣмъ ясно; можно предположить, что это были штиблеты. Рядомъ съ ними нашли также слѣды кожи, безъ сомнѣнія, остатки обуви. Внутри шапки на мѣстѣ головы можно было различить нѣсколько черныхъ волосъ, а также очертанія мозга. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что тѣло этого древняго воина, прежде чѣмъ быть положеннымъ въ гробъ, было обернуто еще въ бычачью шкуру.

Два другіе гроба этого кургана не были изслѣдованы компетентными лицами и результаты ихъ осмотра совершенно для насъ утрачены. Однако нѣкоторые предметы болѣе прочные сохранились, а именно: мечъ, брошка, ножъ, шило о двухъ концахъ, пара шипцовъ, большая двойная пуговица или запонка — всѣ изъ бронзы и кромѣ того еще маленькая оловянная запонка и кремневый наконечникъ дротика.

Въ дѣтскомъ гробѣ были найдены только янтарная бусина и маленькій бронзовый браслетъ въ видѣ простаго кольца.

Въ двухъ другихъ курганахъ были найдены еще четыре деревянныхъ гроба; лежавшіе въ нихъ трупы были обернуты также въ шерстяныя одежды, а рядомъ съ ними находились: бронзовый мечъ въ деревянныхъ ножнахъ, украшенныхъ рѣзьбою, два бронзовыхъ кинжала, деревянный сосудъ, маленькая коробка изъ древесной коры и деревянная чашка, украшенная множествомъ оловянныхъ гвоздиковъ.

Что эти замѣчательные курганы относятся къ бронзовому періоду, въ этомъ, мнѣ кажется, не можетъ быть сомнѣнія, хотя, по формѣ ножа и бритвы, ихъ можно приписать скорѣе концу этого періода или даже началу желѣзнаго. Бронзовыя брошки также довольно рѣдко встрѣчаются въ бронзовый періодъ и болѣе обыкновенны въ желѣзный; наконецъ мечъ представляетъ форму, которую профессоръ Нильсонъ считаетъ позднѣйшаго происхожденія.

Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что самый способъ погребенія въ данномъ случаѣ отличается отъ обыкновенно употреблявшагося въ бронзовомъ вѣкѣ, хотя извѣстны впрочемъ и другія исключенія въ этомъ же родѣ. Именно, въ желѣзный вѣкъ покойниковъ въ большинствѣ случаевъ хоронили въ горизонтальномъ—лежачемъ положеніи, но въ бронзовый, за немногими исключеніями, ихъ сожигали или погребали въ сидячемъ положеніи. Въ Даніи сожженіе употреблялось повидимому всего чаще; что же касается Англіи, то изъ 100 случаевъ раскопокъ могилъ, содержавшихъ предметы изъ бронзы и изслѣдованныхъ гг. Батемапомъ и Хоромъ (Hoare), видно, что въ 59

случаяхъ тѣло было сожжено, въ 19—погребено въ сидячемъ положеніи, въ 7—въ лежачемъ и въ 15 случаяхъ форма погребенія осталась неясною. Въ другихъ ста случаяхъ раскопокъ, произведенныхъ Гринвилемъ, всѣ трупы были или сожжены, или погребены въ сидячемъ положеніи. Изъ всего этого видно, что въ бронзовый вѣкъ покойниковъ очень рѣдко хоронили на спинѣ, въ горизонтальномъ положеніи, чаще же погребали въ сидячемъ или на корточкахъ съ приведенными къ тѣлу колѣнями—въ небольшихъ нишахъ, сложенныхъ изъ крупныхъ камней; въ большинствѣ же случаевъ преобладалъ обычай сожиганія, послѣ чего пепелъ и остатки костей собирали обыкновенно въ урну *).

Объ архитектурѣ бронзоваго вѣка намъ до сихъ поръ извѣстно еще очень немного. Г. Ружмонъ полагаетъ, что круглыя башни должны быть отнесены къ этому періоду, но мнѣ неизвѣстно достаточно основаній для такого мнѣнія. Съ своей стороны я имѣю нѣкоторыя причины думать, что по крайней мѣрѣ часть такъ называемыхъ «друидическихъ построекъ» можетъ быть приписана этому періоду; сюда же навѣрное принадлежатъ многія свайныя постройки Швейцаріи. Остатки эти даютъ намъ однако весьма ограниченное понятіе о характерѣ тогдашнихъ жилищъ. Въ Италіи и Германіи найдены впрочемъ урны

---

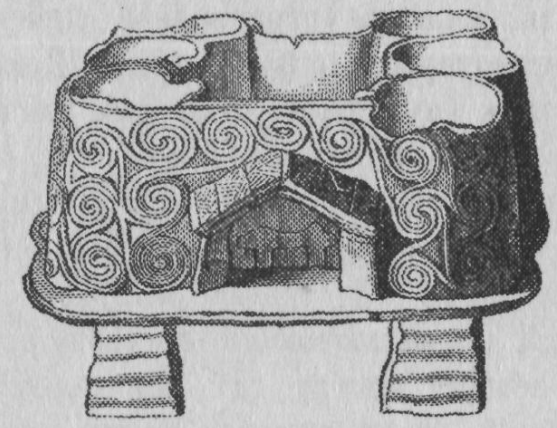
*) Нѣкоторые археологи (какъ напр. Липъ и Маакъ) полагали возможнымъ различить въ бронзовомъ вѣкѣ два періода: одинъ древнѣйшій, когда преобладалъ обычай погребенія, и другой, болѣе поздній, когда употреблялось сожиганіе труповъ. Однако доводы, приводимые ими въ пользу своего мнѣнія, не слишкомъ убѣдительны. Нужно замѣтить, что сожиганіе труповъ употреблялось иногда (по крайней мѣрѣ въ Германіи) и въ продолженіе каменнаго вѣка. Въ бронзовомъ же вѣкѣ оба обычая существовали повидимому одновременно: по крайней мѣрѣ нельзя установить никакихъ различій въ этомъ отношеніи ни по времени, ни по странамъ, ни полу, возрасту или состоянію. Что касается до погребенія въ сидячемъ положеніи (на корточкахъ), то повидимому обычай этотъ можно объяснить просто тѣмъ, что покойнику желали придать то положеніе, какое онъ всего чаще занималъ при жизни; по другому объясненію—покойниковъ хоронили такъ потому, что положеніе это всего болѣе подходитъ къ тому, какое имѣетъ младенецъ въ утробѣ матери. Иногда случалось также, что сожиганіе и погребеніе употреблялись одновременно для различныхъ частей одного и того же трупа. Такъ напр. голова зарывалась, прочее тѣло сожигалось; иногда, напротивъ того, голова, руки и ноги сожигались, туловище погребалось и т. д.,—обычай весьма странный и который существовалъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи еще въ VII вѣкѣ (Von Sacken).—Замѣтимъ еще, что въ томъ случаѣ, когда тѣло сожигалось и пепелъ собирался въ глиняныя урны, урны эти (особенно въ концѣ бронзоваго и началѣ желѣзнаго вѣка) представляли часто форму, напоминающую египетскіе «канопы», т. е. на наружной сторонѣ ихъ находилось грубое изображеніе человѣческаго лица—съ глазами, носомъ и ртомъ.

Прим. ред.

въ формѣ домовъ, которыя относятся повидимому къ концу этого періода. Итальянскія урны этого рода были открыты въ 1817 году въ Альбано, недалеко отъ Рима, подъ нетронутымъ слоемъ уплотненнаго вулканическаго пепла, и принадлежатъ слѣдовательно той эпохѣ, когда около Рима были еще дѣйствующіе вулканы. Вмѣстѣ съ урнами здѣсь было найдено большое количество посуды, сдѣланной изъ очень плотной глины чернаго цвѣта, а также нѣсколько бронзовыхъ ножей. Однако присутствіе желѣзныхъ обломковъ показываетъ, что урны эти относятся уже къ концу бронзоваго или даже къ началу желѣзнаго вѣка.

Этотъ случай находки не есть единственный въ своемъ родѣ. Въ 1837 году въ одномъ курганѣ, недалеко отъ Пархима, принадлежащемъ, по мнѣнію д-ра Лиша, къ бронзовому періоду, г. Бейеръ нашелъ урну, очень похожую на вышеописанныя. Другая подобная урна была найдена въ 1849 году въ одномъ курганѣ около Ашерслебена. Она очевидно изображала домъ съ высокою соломенною кровлею. По цвѣту и матеріалу, изъ котораго она сдѣлана, Лишъ относитъ ее также къ бронзовому періоду.

Фиг. 51.



Урна, по всей вѣроятности изображающая швейцарскую свайную постройку.

Въ Мюнхенскомъ музеѣ находится также очень интересная глиняная урна, изображающая, повидимому, озерную деревню на сваяхъ — изъ семи маленькихъ, круглыхъ хижинъ. Эти семь хижинъ расположены такъ, что образуютъ три стороны четырехъугольника; четвертая же замыкается стѣною, въ которой, какъ видно изъ рисунка, находится отверстіе, ведущее въ сѣни, крытыя соломою. Платформа, на которой стоятъ хижины, поддерживается четырьмя колоннами, сдѣланными какъ бы изъ деревянныхъ колодъ, лежащихъ одна надъ другою. Крышка урны потеряна, а наружныя стороны ея покрыты столь характеристичными для бронзоваго вѣка спиральными украшеніями *).

---

*) Замѣтимъ однако, что всѣ эти орнаменты, какъ бы ни были они характеристичны для бронзоваго вѣка, могутъ встрѣчаться и на произведеніяхъ самыхъ различныхъ странъ и эпохъ. Такъ напр. спиральныя украшенія можно найдти на многихъ американскихъ древностяхъ (мексиканскихъ и перуанскихъ), на

Безъ сомнѣнія, многія изъ жилищъ бронзоваго вѣка устраивались или вполнѣ, или наполовину подъ землею. Слѣды такихъ древнихъ деревень можно найти во многихъ странахъ Европы, въ болѣе отдаленныхъ и безплодныхъ мѣстностяхъ. Выкапывали яму и изъ выброшенной земли дѣлали круглый валъ, покрывая все, вѣроятно, древесными сучьями. Къ такого рода постройкамъ слѣдуетъ отнести, безъ сомнѣнія, такъ называемые «Penpits» недалеко отъ Джиллингама, въ Вильтширѣ, указывающія на нѣкогда обширное поселеніе. Подобныя же землянки, расположенныя кругомъ, были найдены въ Энглези и подробно описаны Оуэномъ Станлеемъ.

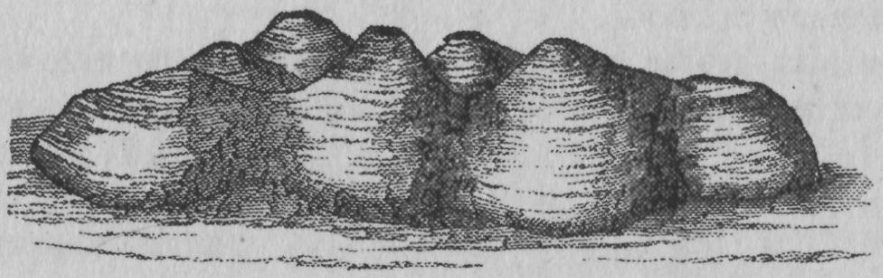
Въ Дартморѣ и другихъ мѣстахъ, изобилующихъ большими каменными глыбами, туземцы избавляли себя, повидимому, отъ труда вырывать ямы, а прямо строили кольцеобразныя каменныя стѣны. Въ иныхъ же случаяхъ, когда имѣлась въ виду бо́льшая безопасность, жилища устраивались совершенно подъ землею, какъ напр. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Шотландіи, гдѣ такія подземныя постройки (въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были найдены бронзовые мечи), кажется, служили жилищами или, по крайней мѣрѣ, потаенными убѣжищами еще въ продолженіе римской эпохи. Къ этому же періоду времени могутъ быть отнесены вѣроятно нѣкоторыя изъ такъ-называемыхъ «построекъ Пиктовъ», имѣющія снаружи форму кургановъ, но заключающія въ себѣ родъ большихъ камеръ, сходящихся къ общему центру, гдѣ, повидимому, было отверстіе для свѣта и вентиляціи. Намъ кажется почти невѣроятнымъ, чтобы въ этихъ грубыхъ жилищахъ жили люди, умѣвшіе обработывать металлы, но мы видимъ теперь тоже самое у Кафровъ и у другихъ современныхъ народовъ.

произведеніяхъ китайской работы, на такъ называемыхъ чудскихъ древностяхъ и проч. Относительно урнъ и вообще посуды прибавимъ еще, что всѣ формы, описанныя выше принадлежатъ къ числу болѣе рѣдкихъ. Обыкновенная же глиняная посуда, представляетъ форму простыхъ, брюхатыхъ урнъ, безъ ножки, съ маленькими ушками, или форму горшковъ, кружекъ съ ручкою, плоскихъ чашекъ и т. д., различной величины—отъ вмѣщающихъ въ себѣ около ведра до стаканчиковъ въ 2 дюйма вышиною. Всѣ эти сосуды весьма грубой работы, сдѣланы отъ руки, обожжены довольно плохо на открытомъ огнѣ, поэтому весьма ломки, крошатся отъ сырости и въ изломѣ выказываютъ черный цвѣтъ. Они не глазированы, хотя иногда поверхность ихъ покрыта графитомъ или желѣзистою охрою и отполирована, иногда также выкрашена красною или черною краскою.— Кромѣ глиняной посуды въ этотъ вѣкъ употреблялась еще бронзовая, которая дѣлалась изъ тонкихъ металлическихъ листовъ (обыкновенно изъ одного) и представляла бо́льшею частью форму сегмента шара съ висячею ручкою, въ видѣ к. ромысла (какъ у нашихъ вёдеръ). Иногда употреблялась также деревянная посуда съ прикрѣпленными къ ней бляхами, обручами и ручками изъ бронзы.

Прим. ред.

Здѣсь же слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о такъ-называемыхъ ульеобразныхъ постройкахъ, сдѣланныхъ изъ толстыхъ земляныхъ стѣнъ и похожихъ по формѣ на улья. Многія изъ нихъ, безъ сомнѣнія, очень древни и нѣкоторыя относятся вѣроятно даже къ каменному вѣку, другія же болѣе новѣйшаго происхожденія, какъ напр. группа, нарисованная на фиг. 52, которая была обитаема еще

Фиг. 52.

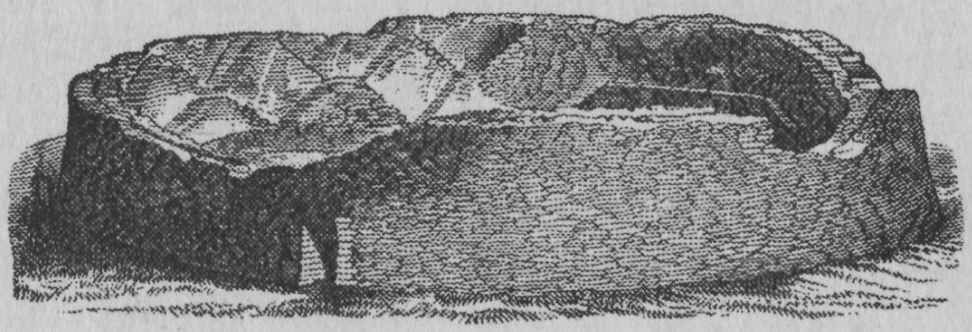


Группа ульеобразныхъ жилищъ (Шотландія).

въ 1823 году. Она находилась на такъ-называемомъ Длинномъ островѣ, на берегу Лохъ-Резорта. На островѣ Уигъ еще и до сихъ поръ существуютъ нѣсколько такихъ обитаемыхъ жилищъ.

Весьма оригинальна также архитектура знаменитыхъ «Brochs» или башенъ (бурговъ), которыя нерѣдко попадаются въ сѣверной

Фиг. 53.



Башня на о-вѣ Мусса.

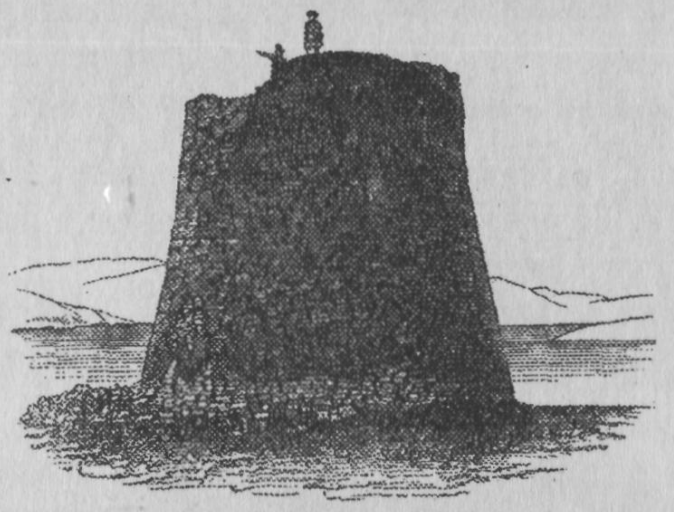
Шотландіи, а также на Шетландскихъ и Оркнейскихъ островахъ. Многіе приписывали имъ скандинавское происхожденіе, но такъ какъ ни въ Швеціи, ни въ Норвегіи, ни въ Даніи такихъ построекъ не встрѣчается, то, значитъ, стиль ихъ архитектуры древнѣе эпохи пришествія Норманновъ.

На фиг. 53 представлена копія съ фотографіи знаменитой башни на островѣ Мусса, одномъ изъ Шетландскихъ острововъ. Это, безъ сомнѣнія, самый сохранившійся образчикъ курьезной архитектуры

этого рода. Я осматривалъ ее въ 1867 году. Она стоитъ на маленькомъ островѣ Мусса, у самаго берега, имѣетъ круглую форму и около 6 саженъ (41,7 фута) высоты; въ срединѣ діаметръ ея доходитъ до 3 саженъ (20 футовъ), а стѣны имѣютъ наверху 8 футовъ, при основаніи же 14 футовъ толщины. Внутри башни находятся: лѣстница, идущая до самаго верха, различныя горизонтальныя галлереи и маленькія конусообразныя камеры, всѣ открывающіяся отверстіями на внутренней сторонѣ; единственное отверстіе есть дверь, имѣющая около 7 футовъ вышины.

Недостатокъ дерева и изобиліе камня были вѣроятно причинами, вызвавшими появленіе этого курьезнаго архитектурнаго стиля, который впрочемъ, несмотря на свой архаичный характеръ, продолжалъ употреблятьсяеще въ историческія времена, пока введеніе извести и познаніе теоріи свода не дало возможности измѣнить характеръ построекъ. Такіе «бурги» весьма многочисленны въ Кайтнессѣ, на островахъ Оркнейскихъ, Шетландскихъ, но Мусская башня—одна изъ немногихъ, память о которыхъ сохранилась въ исторіи. Торфеусъ разсказываетъ, что около 1150 года Эрлингъ увезъ прекрасную Маргариту, мать тогдашняго оркнейскаго графа Гарольда. Онъ былъ побѣжденъ Гарольдомъ при Муссѣ, но послѣдній не могъ овладѣть башнею и долженъ былъ дать свое согласіе на бракъ.—Несмотря на большое число этихъ башенъ, немногія изъ нихъ уцѣлѣли отъ разрушенія, и единственная подобная постройка, которая сохранилась въ той же степени, какъ и Мусская, это такъ-называемая дюна Дорнадилла, которую приписываютъ древнему королю Скоттовъ — Дорнадиллѣ. Принадлежатъ ли, и которыя именно изъ этихъ бурговъ къ бронзовому вѣку—рѣшить съ точностію невозможно. Замѣчательно впрочемъ, что на островѣ Сардиніи существуютъ подобныя же архаическія постройки, извѣстныя подъ мѣстнымъ названіемъ «nurhàgs» и весьма похожія на британскія. Съ другой стороны, принимая во вниманіе, что знаменитыя развалины «Stonehenge» и «Abury» могутъ

Фиг. 54.



Стегъ-фортъ (Керри).

быть (какъ мы увидимъ далѣе) отнесены съ бо̀льшею вѣроятностью къ бронзовому періоду, можно предположить, что къ этой эпохѣ принадлежатъ и древнѣйшія изъ описанныхъ укрѣпленій, хотя значительная часть ихъ, какъ напр. Стегъ-фортъ (Staige-Fort) въ графствѣ Керри, относятся, по всей вѣроятности, къ гораздо позднѣйшему времени.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Бронзовый вѣкъ *).

Относительно бронзоваго вѣка, именно открытія или введенія въ употребленіе бронзы, существуетъ между археологами нѣсколько весьма различныхъ между собою теорій. Одни изъ нихъ говорятъ, что введеніе бронзы не сопровождалось никакимъ значительнымъ или внезапнымъ измѣненіемъ въ жизни европейскаго населенія,—но было результатомъ постепеннаго и мирнаго его развитія; другіе приписываютъ найденное въ сѣверной Европѣ оружіе и инструменты изъ бронзы римскимъ войскамъ; третьи полагаютъ, что они были введены финикійскими торговцами; четвертые утверждаютъ, что первобытное племя каменнаго періода было смѣнено другимъ, болѣе цивилизованнымъ народомъ индо-европейской расы, который, принеся съ собою знаніе бронзы, наводнилъ всю Европу, подчинивъ и частью истребивъ первобытныхъ или, вѣрнѣе, древнѣйшихъ ея обитателей.

[Наконецъ въ новѣйшее время было высказано еще два мнѣнія, по одному изъ которыхъ Европа обязана въ значительной степени своей культурой бронзоваго вѣка — Этрускамъ и древнимъ Грекамъ, а по другому — происхожденіе бронзы должно быть отнесено къ гораздо болѣе отдаленнымъ странамъ и эпохамъ, такъ какъ изученіе древне-греческихъ памятниковъ съ одной стороны и сибирскихъ (чудскихъ) съ другой—указываетъ на существованіе между ними нѣкоторыхъ общихъ чертъ, которыя могутъ быть объяснены только взаимнымъ сродствомъ или общностью первоначальнаго происхожденія.

Что касается до перваго мнѣнія, приписывающаго открытіе и распространеніе въ Европѣ бронзы ея туземному населенію, то мнѣ-

---

*) Глава эта потребовала значительныхъ измѣненій и дополненій. *Ред.*

ніе это было въ особенности защищаемо однимъ нѣмецкимъ археологомъ-химикомъ, докторомъ Вибелемъ. Основываясь на химическомъ анализѣ древней бронзы, ученый этотъ пришелъ къ заключенію, что она добывалась не изъ сплава чистыхъ металловъ—мѣди и олова, но прямымъ путемъ—изъ рудъ, содержавшихъ оба эти металла. При этомъ, имѣя въ виду, что древняя бронза не заключаетъ въ себѣ замѣтной примѣси цинка и свинца,—металловъ, встрѣчающихся въ бронзахъ римскихъ (цинкъ) и восточныхъ (свинецъ, именно въ ассирійской, египетской и отчасти этрусской бронзѣ),—далѣе, что въ Европѣ были неоднократно находимы: формы для литья бронзовыхъ орудій, остатки плавиленъ, полосы и куски мѣди и бронзы, шлаки и т. д., и наконецъ, что олово нигдѣ въ Европѣ не встрѣчается въ такомъ значительномъ количествѣ, какъ въ южной Англіи, гдѣ кромѣ того встрѣчается и мѣдная руда и притомъ часто вмѣстѣ или рядомъ съ оловянною, — д-ръ Вибель, основываясь на всѣхъ этихъ фактахъ, вывелъ заключеніе, что какъ техническая обработка бронзы, такъ и самый сплавъ рудъ производились на мѣстѣ въ отдѣльныхъ странахъ сѣверной и средней Европы, и что первоначально бронза была открыта въ южной Англіи, гдѣ открытіе ея предшествовало открытію отдѣльныхъ металловъ — мѣди и олова. Какъ и можно было ожидать, эта теорія нашла себѣ мало поддержки въ средѣ археологовъ, большинство которыхъ высказалось рѣшительно противъ воззрѣній, защищаемыхъ докторомъ Вибелемъ. Дѣйствительно, трудно допустить, чтобы открытіе бронзы предшествовало открытію мѣди и олова и чтобы первоначально бронза могла получаться прямымъ путемъ изъ сплава содержащихъ эти металлы рудъ. По словамъ англійскихъ инженеровъ, подобныя смѣшанныя руды встрѣчаются довольно рѣдко въ южной Англіи, и притомъ едва ли возможно изъ такой смѣшанной руды получить бронзовый сплавъ съ опредѣленнымъ процентомъ олова (5—15%), какой существуетъ во всѣхъ древнихъ бронзахъ. Притомъ всѣ такія смѣшанныя руды заключаютъ въ себѣ и небольшія примѣси другихъ металловъ, которыя должны были бы также переходить въ сплавъ, чего однакоже не замѣчается. Правда, иногда пропорціи сплава въ древнихъ бронзахъ варіируютъ, но такое различіе обусловливается большею частью различіемъ предметовъ, для которыхъ предназначался сплавъ, т. е. имѣлась ли въ виду бо́льшая плавкость, твердость и пр.

Что касается до нахожденія формъ для литья, шлаковъ и пр., то находки эти несомнѣнно доказываютъ, что многіе бронзовые предметы приготовлялись и переплавлялись на мѣстѣ. Но, не говоря уже

о томъ, что для нѣкоторыхъ, весьма обыкновенныхъ и характеристичныхъ для бронзоваго вѣка предметовъ, какъ напр. мечей, до сихъ поръ еще не было находимо формъ въ сѣверной и средней Европѣ,—фактъ этотъ во всякомъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ, чтобы первоначально бронза не была ввезена извнѣ и чтобы и позже лучшіе экземпляры бронзоваго оружія, посуды и инструментовъ не были привозимы изъ другихъ странъ. Отдѣлка многихъ изъ этихъ предметовъ представляетъ значительное развитіе техники, большой вкусъ и указываетъ на производство подобныхъ предметовъ въ большихъ размѣрахъ, фабричнымъ, если можно такъ выразиться, образомъ,—что все мы привыкли встрѣчать скорѣе въ цивилизованныхъ странахъ древняго Востока, нежели въ подобной странѣ, какъ южная Англія, которая еще въ историческія времена, въ эпоху Тацита, была населена варварскимъ и полудикимъ племенемъ. Все это дѣлаетъ въ высшей степени вѣроятнымъ, что первоначальное открытіе бронзы послѣдовало не въ Европѣ (по крайней мѣрѣ не въ сѣверной и средней ея части), но что она была привезена сюда въ формѣ уже готовыхъ произведеній извнѣ. Почти совершенное отсутствіе предметовъ, сдѣланныхъ изъ чистой мѣди и олова (за исключеніемъ весьма немногихъ мѣдныхъ орудій, найденныхъ въ Ирландіи и Венгріи), равно какъ и замѣчательное сходство мечей, цельтовъ и т. п. бронзовыхъ предметовъ, найденныхъ въ весьма отдаленныхъ одна отъ другой странахъ, еще болѣе доказываетъ вѣроятность такого предположенія. Остается только изслѣдовать, какому народу Европа по преимуществу обязана своею культурой бронзоваго вѣка; но здѣсь-то мы и встрѣчаемъ камень преткновенія, такъ какъ, несмотря на многія теоріи, высказанныя по этому поводу различными учеными, окончательное рѣшеніе этого вопроса еще и до настоящаго времени не достигнуто наукою.

Что касается до теоріи, приписывающей введеніе въ Европѣ бронзы Римлянамъ, то совершенная невѣроятность ея была доказана уже въ предыдущей главѣ. Нѣсколько болѣе заслуживаетъ вниманія другая теорія, высказанная и защищаемая въ особенности профессоромъ Нильсономъ (Шведомъ), который въ своемъ сочиненіи: «Первобытные жители Скандинавскаго Сѣвера. Бронзовый вѣкъ», старался доказать, что бронзовая культура сѣверной и средней Европы обязана своимъ происхожденіемъ вліянію финикійской торговли. Что Финикійцы вели обширныя торговыя сношенія, въ особенности чрезъ посредство своихъ колоній — Карѳагена и Гадеса (Кадикса), въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. На островахъ Мальты и Сардиніи были найдены пуническія монеты и надписи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми дру-

гими, нѣсколько болѣе сомнительными остатками финикійской цивилизаціи. Существуетъ нѣсколько указаній на то, что въ Испаніи ими были разработываемы находящіеся тамъ оловянные рудники и что за этимъ послѣднимъ металломъ они предпринимали даже болѣе отдаленныя путешествія—до береговъ Англіи. У Плинія встрѣчается извѣстіе, что Карѳагеняне въ то самое время, когда они послали Ганнона въ экспедицію вдоль западнаго берега Африки (около 500 г. до Р. Х.), снарядили также другую экспедицію, подъ начальствомъ Гимилькона на сѣверъ, вдоль западныхъ береговъ Европы. Хотя подробный отчетъ объ этомъ послѣднемъ путешествіи и не дошелъ до насъ, однако одинъ римскій поэтъ IV-го столѣтія по Р. Х., Р. Ф. Авіенъ, въ своемъ стихотворномъ произведеніи «Ora maritima» приводитъ, правда, довольно краткое и не совсѣмъ понятное описаніе его, для составленія котораго онъ пользовался, повидимому, собственнымъ отчетомъ Гимилькона, написаннымъ имъ на пуническомъ языкѣ. Изъ этого краткаго описанія видно, что Гимильконъ, выйдя изъ Галдиха (Гадеса), направился къ сѣверу и достигъ острововъ, называемыхъ Oestrymnidae, богатыхъ оловянною и свинцовою рудою и населенныхъ многочисленнымъ, промышленнымъ и мореходнымъ народомъ. Острова эти находились въ двухъ дняхъ пути отъ Insula Sacra (Ирландіи). По всей вѣроятности, эти Oestrymnidae были тѣ же острова, которые впослѣдствіи назывались *Касситеридами*, или оловянными островами, и которые соотвѣтствовали вѣроятно нынѣшнимъ Scilly-islands. Острова эти (числомъ около 140) лежатъ въ 70 геогр. миляхъ отъ сѣвернаго берега Испаніи и въ $7^1/_2$ миляхъ отъ берега Англіи; населены они довольно скудно (не болѣе 2.500 жителей) и въ настоящее время вовсе не доставляютъ олова, хотя на нѣкоторыхъ изъ нихъ и существуютъ слѣды древнихъ рудниковъ. Впрочемъ вѣроятно, что и въ древности подъ именемъ Касситоридъ разумѣлись не одни только эти острова, но и противулежащій берегъ Англіи, именно Корнуэлль; самые же острова служили по преимуществу лишь мѣстомъ стоянки для кораблей. Корнуэлль же несомнѣнно долженъ былъ въ ту отдаленную эпоху, какъ и въ настоящее время, доставлять наибольшее количество олова, вмѣстѣ съ значительнымъ количествомъ мѣди. Извѣстно, что въ настоящее время корнуэлльскіе рудники доставляютъ ежегодно около 25.000 тоннъ оловянной руды, т. е. почти всю массу добываемаго въ Европѣ олова; около 12.000 человѣкъ занято добываніемъ этого металла, а еще большее число (около 18.000 человѣкъ) занято добываніемъ мѣди.

Что эти рудники, особенно оловянные, разработывались еще Финикійцами, на это указываетъ ихъ древность, упоминаніе ихъ Ги-

мильономъ (около 500 года до Р. Х.), многія мѣстныя названія, приводимыя Птоломеемъ, напр. Tamara, Uxella, Isaka, Voliba и пр., указывающія на семитическое происхожденіе и т. д. Можетъ-быть, въ своихъ странствіяхъ, Финикійцы заходили иногда и далѣе къ сѣверу, достигали Норвегіи, Швеціи, какъ полагаетъ профессоръ Нильсонъ, однако точныхъ доказательствъ тому не имѣется, приводимыя же Нильсономъ весьма недостаточны. Нильсонъ указываетъ, напр., на одинъ древній монументъ близъ Кивика въ пров. Шоненъ, въ Швеціи, именно курганъ съ гробницею внутри, изъ каменныхъ плитъ, внутреннія стороны которыхъ покрыты разными изображеніями животныхъ, людей, геометрическими фигурами, изображеніями топоровъ (въ родѣ бронзовыхъ) и конуса (символъ Ваала—божества Финикійцевъ — какъ думаетъ Нильсонъ), — однако объясненія Нильсона врядъ ли могутъ считаться вполнѣ убѣдительными *).

Еще менѣе убѣдительны доказательства, приводимыя Нильсономъ, въ пользу его теоріи о введеніи Финикійцами бронзы. Правда, не подлежитъ сомнѣнію, что Финикійцы славились нѣкогда своимъ искусствомъ обработывать бронзу: извѣстно, что еще Гомеръ воспѣвалъ «богатый мѣдью Сидонъ», а Финикіецъ Гирамъ былъ вызванъ Соломономъ, какъ знатокъ «мѣднаго дѣла», для украшенія Іерусалимскаго храма; однако свидѣтельства эти не могутъ еще служить доказательствомъ, что культура бронзоваго вѣка въ Европѣ была бы также обязана своимъ происхожденіемъ Финикійцамъ. Нильсонъ старается доказать, что характеристическіе орнаменты бронзоваго вѣка— именно географическія фигуры, спирали, круги, зигзаги, ромбы и проч.—указываютъ на восточное происхожденіе. такъ какъ они де встрѣчаются на нѣкоторыхъ предметахъ и монументахъ, приписываемыхъ Египтянамъ и Финикійцамъ. Однако, намъ извѣстно, что въ числѣ украшеній финикійской работы, находившихся въ древнемъ Іерусалимскомъ храмѣ, а также на разукрашенныхъ щитахъ, описанныхъ Гомеромъ, встрѣчались во множествѣ изображенія животныхъ и растеній, чего мы вовсе не замѣчаемъ на предметахъ европейскаго бронзоваго вѣка. Незначительная величина рукоятокъ бронзовыхъ мечей также не можетъ служить доказательствомъ ихъ финикійскаго происхожденія, такъ какъ малымъ развитіемъ рукъ отличаются также

*) Нильсонъ указываетъ также какъ на слѣды финикійскаго вліянія — нѣкоторые народные обычаи (напр. зажиганіе огней наканунѣ Ивана Купалы), многія мѣстныя названія, напр. Балтійскаго моря (отъ Ваала?), на способъ ловли лосося у береговъ Норвегіи, сходный со способомъ ловли тунца у Финикійцевъ и пр.,—но всѣ эти обычаи и названія могутъ быть объяснены гораздо проще инымъ путемъ.

Индусы, Египтяне и пр., не говоря уже о томъ, что короткость рукоятокъ не есть еще, какъ было замѣчено выше, строгое доказательство малой величины кистей. Наконецъ, насколько извѣстно, Финикійцы уже во времена Гомера были хорошо знакомы съ употребленіемъ желѣза, а что касается до ихъ искусства обработывать бронзу, то намъ неизвѣстно почти ни одного бронзоваго произведенія несомнѣнно финикійской работы, такъ что мы вовсе не можемъ составить себѣ опредѣленнаго понятія о стилѣ этихъ работъ, составѣ употребляемой финикійцами бронзы и пр.

Впрочемъ, изъ археологическихъ изслѣдованій Ренана, произведенныхъ имъ въ 1860—61 гг. по порученію французскаго правительства въ области древней Финикіи, видно, что почти всѣ найденные тамъ монументы и древности представляютъ ничто иное, какъ копіи и подражанія подобнымъ же произведеніямъ другихъ смежныхъ народовъ, какъ-то Ассирійцевъ, Персовъ, Египтянъ, Грековъ. Отсутствіе оригинальности и самостоятельнаго національнаго стиля видны, напримѣръ, уже изъ того факта, что гробница сидонскаго короля Эшмуназара представляетъ саркофагъ изъ сіенита, сдѣланный, какъ то доказываетъ матеріалъ и характеръ работы, въ Египтѣ; даже изображеніе короля, сдѣланное на крышѣ саркофага, представляетъ совершенно египетскій характеръ, хотя надпись надъ нимъ и финикійская. Точно также карѳагенскія монеты, хотя и имѣютъ пуническія надписи, однако изображеніе божества на нихъ явственно— копія съ монетъ Грековъ. Съ другой стороны внутреннія стѣны катакомбъ Библоса и Сидона покрыты въ изобиліи изображеніями цвѣтовъ на бѣломъ фонѣ, а крыши многихъ саркофаговъ украшены изображеніями вѣнковъ, листьевъ, львиными и бычачьими головами и т. д. Геометрическіе же орнаменты, напротивъ того, встрѣчаются рѣдко; притомъ, и чаще прочихъ, встрѣчаются «лѣстницеобразные» (ornements à gradins, какъ ихъ называетъ Ренанъ), которыхъ мы почти вовсе не находимъ на произведеніяхъ европейскаго бронзоваго вѣка, и которые были заимствованы ими, повидимому, у Ассирійцевъ *).

Изъ всего вышесказаннаго мы можемъ, кажется, заключить, что вліяніе Финикійцевъ на развитіе европейской культуры бронзоваго вѣка если и существовало, то было во всякомъ случаѣ не первостепеннымъ и не непосредственнымъ. Настоящее же объясненіе про-

*) Замѣтимъ еще, что финикійскій обычай погребенія умершихъ въ пещерахъ, въ катакомбахъ, совершенно отличенъ отъ способовъ, господствовавшихъ въ бронзовомъ вѣкѣ, именно сожиганія или погребенія въ могилахъ въ сидячемъ или распростертомъ положеніи, вмѣстѣ съ принадлежащимъ покойному оружіемъ, утварью, украшеніями и проч.

исхожденія этой культуры намъ нужно искать въ иномъ мѣстѣ, у народовъ, вліяніе которыхъ на европейскую цивилизацію было гораздо болѣе близко и значительно.

Въ числѣ этихъ народовъ мы въ особенности должны обратить вниманіе на Этрусковъ и Грековъ. Относительно Этрусковъ свидѣтельства древнихъ говорятъ намъ, что это были выходцы изъ Лидіи (нѣкоторые новѣйшіе ученые считаютъ ихъ Семитами, другіе—Индо-Европейцами), что они славились своимъ искусствомъ обработывать металлы, въ особенности бронзу, и вели обширную морскую и сухопутную торговлю. Гробницы Этруріи доставили множество бронзовыхъ орудій и украшеній, золотыхъ и серебряныхъ вещей, вазъ изъ терракотты, мраморныхъ саркофаговъ, статуэтокъ и пр., свидѣтельствующихъ о значительномъ техническомъ и художественномъ развитіи этого народа, выработавшаго себѣ, повидимому изъ смѣшенія семитическихъ культурныхъ элементовъ съ греческими, свой особый, оригинальный стиль и характеръ. Каковы были торговыя сношенія этого народа, видно уже изъ того, что въ гробницахъ его, кромѣ произведеній національнаго труда и мѣстной промышленности, попадается также, и притомъ въ изобиліи, янтарь — продуктъ Сѣвернаго и Балтійскаго моря, также страусовыя яйца съ египетскою живописью, египетскія статуэтки, индѣйскіе смарагды и проч. Наоборотъ, въ средней и сѣверной Европѣ были находимы неоднократно произведенія этрусской работы, какъ напр.: этрусскія монеты, золотыя украшенія, бронзовые сосуды, иногда даже съ этрусскими надписями, различныя другія бронзовыя вещи (кольца, брошки, ожерелья, пояса и проч.), съ различными геометрическими орнаментами изъ спирально завитой проволоки и проч.

Уже это одно показываетъ, что между Этруріей и болѣе сѣверными областями Европы существовали нѣкогда довольно оживленныя торговыя сношенія, при посредствѣ которыхъ бронзовыя и золотыя вещи этрусской работы обмѣнивались на янтарь и другіе сырые продукты сѣвера *). Но мы имѣемъ доказательства еще болѣе тѣснаго

*) Плиній говоритъ, что бронзовыя вещи этрусской работы распространены были въ его время по всѣмъ странамъ тогдашняго міра: „signa tuscanica per terras dispersa“. Что же касается до размѣровъ, которыхъ достигало металлическое дѣло у Этрусковъ, то достаточно привести тотъ фактъ, что, по свидѣтельству Ливія, жители одного только города, именно Аретинцы, могли доставить для войска Сципіона 30.000 щитовъ, столько же шлемовъ, 50.000 дротиковъ, столько же копій и снарядить вполнѣ 40 кораблей Плиній разсказываетъ, что флотъ, которымъ командовалъ полководецъ Дуилій (260 до Р. Х.), и который состоялъ изъ 120 судовъ, былъ снаряженъ въ 60 дней послѣ того, какъ были срублены необходимыя для постройки судовъ деревья.

вліянія Этрусковъ на культуру бронзоваго вѣка въ Европѣ. Такъ бо́льшая часть характеристическихъ орнаментовъ бронзоваго вѣка (спирали, двойныя спирали, концентрическіе круги изъ точекъ, иногда съ выступающими по бокамъ абрисами птичьихъ головъ, зигзаги, колеса, ромбы и пр.) встрѣчаются также и на произведеніяхъ несомнѣнно этрусской работы. Бронзовые щиты съ круглыми выпуклинами по серединѣ, нѣсколько экземпляровъ которыхъ было найдено въ Даніи и Германіи, *совершенно сходны съ этрусскими*; подобное же сходство представляютъ нѣкоторые экземпляры шлемовъ. Въ Италіи были найдены многіе цельты, почти совершенно сходные съ *европейскими*, а *также листовидные бронзовые мечи вмѣстѣ съ формами для отливки ихъ рукояток*. Археологи Нильсонъ и Ворсо описали и изобразили нѣсколько бронзовыхъ роговъ (трубъ), найденныхъ въ Швеціи и Даніи, которые совершенно сходны съ подобными же произведеніями этрусской и греческой работы. Выше мы уже говорили о глиняныхъ урнахъ въ формѣ домиковъ (хижинъ итальянскихъ пастуховъ), предназначавшихся для помѣщенія въ нихъ пепла умершихъ. Такія урны были найдены въ Албано, близъ Рима, подъ слоемъ вулканическаго пеперино, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вещами этрусской работы, но точно такія же урны были найдены и въ сѣверной Германіи, гдѣ онѣ были описаны извѣстнымъ археологомъ Лишемъ. Боевыя бронзовыя палицы съ 3—4 рядами коническихъ выступовъ вокругъ (въ каждомъ ряду по 5 выступовъ) были найдены какъ въ Швеціи и Германіи, такъ и въ Италіи. Наконецъ, весьма интересныя черты сходства представляютъ маленькія, четырехъ-колесныя бронзовыя колесницы, несущія бронзовыя вазы и которыя предназначались повидимому для куренія ѳиміамомъ или духами во храмахъ и домахъ. Первые экземпляры такихъ миніатюрныхъ колесницъ были найдены въ сѣв. Германіи и Швеціи, гдѣ мѣстные археологи Лишъ и Нильсонъ признали ихъ за произведенія финикійской работы, на томъ основаніи, что подобныя же колесницы, только гораздо бо́льшихъ размѣровъ, употреблялись, какъ то можно судить по словамъ св. Писанія, въ Іерусалимскомъ храмѣ, а въ металлическихъ работахъ этого храма принимали, какъ уже сказано, значительное участіе Финикійцы. Нельзя однако же не согласиться, что данныхъ этихъ еще весьма недостаточно для составленія такого вывода, если даже и допустить, что между тѣмъ и другимъ видомъ весьма различныхъ по своей величинѣ колесницъ существовало дѣйствительное сходство по формѣ. Между тѣмъ въ Италіи, въ окрестностяхъ Вулчи, Лучеры и Рима были недавно дѣйствительно найдены миніатюрныя бронзовыя колесницы, однородныя съ тѣми, какія ра-

нѣе были добыты изъ находокъ близъ Пеккателя, Истада, Оберкеле и др. мѣстностей Германіи и Швеціи, такъ что этрусское происхожденіе всѣхъ этихъ оригинальныхъ сосудовъ не подлежитъ болѣе сомнѣнію.

Сказаннаго достаточно для того, чтобы доказать несомнѣнность этрусскаго вліянія на культуру бронзоваго вѣка въ Европѣ, хотя съ другой стороны не трудно убѣдиться, что одного этого вліянія еще недостаточно для объясненія всѣхъ фазисовъ и особенностей ея развитія. Въ особенности, мы не должны отрицать въ этомъ случаѣ вліянія греческой культуры. Что Греки имѣли нѣкогда также свой бронзовый вѣкъ,—это повидимому несомнѣнно, такъ какъ извѣстны многіе факты, подтверждающіе это предположеніе (см. Petersen: Ueber das Verhältniss der Broncealters zur historischen Zeit etc., стр. 15 и слѣд.). Во времена Гомера, хотя желѣзо и было извѣстно, однако бронза и мѣдь были повидимому гораздо болѣе употребительны, такъ какъ изъ нихъ дѣлались нетолько панцыри, щиты, наколѣнники и шлемы, но также сѣкиры, мечи, копья, стрѣлы, гвозди, оси колесницъ, ободки колесъ и пр. *) Вступая въ торговыя сношенія съ иноземцами, заводя колоніи по берегамъ Средиземнаго и Чернаго морей, Греки очевидно должны были способствовать распространенію въ этихъ отдаленныхъ странахъ бронзы и бронзовыхъ орудій. Что касается до береговъ Чернаго моря, то раскопки, произведенныя на мѣстѣ древней Ольбіи, Пантикапеи, Херсонеза и пр. познакомили со множествомъ бронзовыхъ, золотыхъ и глиняныхъ вещей греческой работы; нѣкоторыя изъ этихъ вещей были найдены даже гораздо далѣе къ сѣверу, до Кіевской губ. включительно. Но слѣды греческаго вліянія замѣчаются также и на произведеніяхъ бронзоваго вѣка зап. Европы. Уже

*) Раскопки, произведенныя недавно на мѣстѣ древней Трои д-ромъ Шлиманомъ, познакомили археологовъ со многими формами бронзоваго оружія, инструментовъ и посуды древнѣйшей греческой работы. При этихъ раскопкахъ оказалось, что мѣсто древней Трои было населено послѣдовательно, въ различныя эпохи, четырьмя различными народами, вторымъ изъ которыхъ были повидимому Троянцы, воспѣтые Гомеромъ. Замѣчательно, что въ остаткахъ всѣхъ этихъ четырехъ эпохъ были найдены въ значительномъ количествѣ каменныя орудія (кремневые ножи и пилы, топоры и молоты изъ діорита, грюнштейна и пр.), рядомъ со многими предметами изъ бронзы, золота, серебра и электрона. Но при этомъ не было вовсе найдено предметовъ изъ желѣза, что довольно странно, такъ какъ во времена Троянской войны желѣзо было повидимому хорошо извѣстно. Шлиманъ объясняетъ это тѣмъ, что желѣзо гораздо скорѣе разрушается, нежели бронза. Замѣтимъ впрочемъ, что въ послѣднее время нѣкоторые ученые высказали сомнѣніе относительно вѣрности мѣстонахожденія Трои Шлиманомъ.

Ред.

Бонстеттенъ показалъ, что нѣкоторые бронзовые мечи, найденные въ Даніи, представляютъ значительное сходство съ мечами, изображенными на греческихъ вазахъ, что нѣкоторыя формы бронзовыхъ кинжаловъ, наконечниковъ копій и цельтовъ, находимыхъ въ Скандинавіи и Германіи, весьма сходны съ находимыми въ Македоніи и южной Италіи (нѣкогда греческой колоніи, называвшейся Великой Грецією). Еще бо̀льшія черты сходства были указаны недавно Конце, который показалъ, что орнаменты древнѣйшихъ греческихъ вазъ представляютъ значительное сходство съ орнаментами, характеристичными для культуры бронзоваго вѣка въ Европѣ. «Великая Грецiя» повидимому въ особенности имѣла вліяніе на распространеніе бронзы: ея города—Тарентъ, Брундузій, Сиракузы имѣли, по свидѣтельству Плинія, обширныя фабрики бронзовыхъ издѣлій, чему очевидно способствовали богатство древняго Бруттіума мѣдью и положеніе этихъ городовъ, снабженныхъ превосходными гаванями (особенно Брундузій, нынѣшній Бриндизи), и гдѣ слѣдовательно полученіе олова и отправка бронзы не могли представлять затрудненій. Съ другой стороны изящный стиль и техническое совершенство многихъ произведеній греческой работы имѣли немалое вліяніе на развитіе этрусской техники, хотя послѣдняя, въ свою очередь, также не осталась безъ вліянія на развитіе греческой.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что европейская культура бронзоваго вѣка обязана была по преимуществу своимъ развитіемъ Этрускамъ и древнимъ Грекамъ. Вліяніе Финикійцевъ также не можетъ быть оспариваемо уже изъ того факта, что ими почти исключительно доставлялось необходимое для приготовленія бронзы олово, хотя, съ основаніемъ греческой колоніи Массиліи (нынѣшней Марсели), значительное количество этого металла стало привозиться и другимъ путемъ, именно чрезъ островъ Иктисъ (Wight) и Галлію. Однако, признавая за указанными тремя народами болѣе непосредственное вліяніе на развитіе европейской культуры бронзоваго вѣка, мы отнюдь не считаемъ возможнымъ приписать имъ однимъ честь ея почина, а тѣмъ болѣе первоначальнаго открытія мѣди, олова и бронзы. Мы знаемъ, что на Востокѣ, кромѣ Финикійцевъ, металлическое дѣло и въ частности обработка мѣди и бронзы находились также на высокой степени развитія у Египтянъ, у Ассирійцевъ, у Евреевъ, у Персовъ и притомъ было извѣстно имъ съ незапамятныхъ временъ. Плиній приводитъ одно древнее греческое преданіе, по которому первоначальное открытіе бронзы изъ сплава мѣди съ оловомъ было сдѣлано однимъ Лидійцемъ, по имени Скифъ (Scythes); знатоки же восточныхъ языковъ говорятъ, что слово «бронза» всего естественнѣе можетъ быть объяснено про-

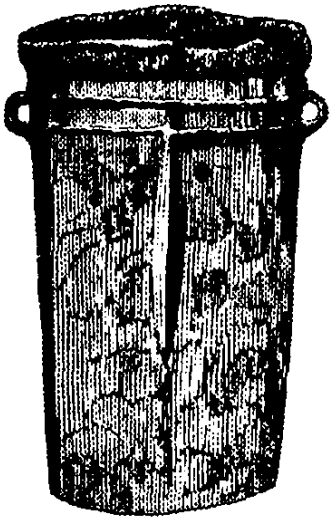
изведеніемъ его отъ одного персидскаго корня, означающаго блескъ (въ особенности блескъ меча). Съ другой стороны, нѣтъ никакихъ доказательствъ тому, чтобы первобытное Арійское племя (равно какъ и Семитическое), до своего распаденія на отдѣльныя отрасли и народности, было бы вовсе незнакомо съ употребленіемъ металловъ. Напротивъ того, филологическія изслѣдованія показываютъ, что знаніемъ нѣкоторыхъ металловъ (по крайней мѣрѣ мѣди и золота) обладали по всей вѣроятности всѣ народы индо-европейскаго племени съ незапамятныхъ временъ, задолго до своего раздѣленія, а нѣкоторыя отрасли его были знакомы повидимому также съ серебромъ и даже желѣзомъ.

Впрочемъ этотъ фактъ знакомства первобытнаго Арійскаго племени съ металлами (особенно мѣдью) вовсе не умаляетъ вліянія на европейскую культуру бронзоваго вѣка Финикіянъ, Этрусковъ и Грековъ. Первоначальное знаніе естественно было весьма несовершеннымъ и кромѣ того, съ теченіемъ времени, при переселеніи племенъ могло даже утратиться у нѣкоторыхъ изъ нихъ, что и подтверждаютъ нѣкоторыя филологическія наблюденія; у другихъ же оно могло развиться, достигнуть, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, высокого совершенства и обусловить своимъ вліяніемъ культуру цѣлаго періода. Съ другой стороны, этотъ филологическій фактъ не можетъ еще служить доказательствомъ, чтобы мѣдь была открыта самими Арійцами, а не была получена ими первопачально отъ иного племени, тѣмъ болѣе, что существуютъ нѣкоторыя данныя, которыя показываютъ, что въ дѣлѣ первоначальнаго открытія и обработки мѣди и бронзы не малая заслуга принадлежитъ, повидимому, племенамъ средней Азіи, по всей вѣроятности монгольской расы. Геродотъ говоритъ, что къ востоку отъ Западнаго моря жилъ народъ Массагеты, совершенно незнавшій употребленія желѣза и котораго оружіе было изъ бронзы (мѣди), а украшенія изъ золота. Первобытные, мифическіе кузнецы европейской мифологіи (какъ южной, греко-латинской,—именно Гефестъ и Вулканъ, такъ и сѣверной, скандинавской—Велундръ или Виландъ) представляются въ сагахъ отличными отъ прочихъ боговъ и героевъ, какъ по своему внѣшнему виду (иногда уродливому и карликовому), такъ и по своему происхожденію (отъ смертной или чужеземной матери, и пр.); герой сѣверной мифологіи даже выучивается своему искусству у чужеземнаго народа (Гунновъ, Финновъ, у карликоваго племени горы Rallowa и пр.). По греческимъ преданіямъ, приведеннымъ Геродотомъ, родина золота находится въ горахъ Азіи, гдѣ живетъ народъ Аримаспы, ведущій на коняхъ борьбу съ грифами, стерегущими золото. Всѣ эти саги и преданія указываютъ повидимому

на монголо-финнскія племена и на среднюю Азію, горы которой дѣйствительно изобилуютъ металлами. Какъ бы то ни было, однако когда Русскіе въ XVI столѣтіи проникли до Алтая и открыли тамъ неизвѣстныя Татарамъ металлическія богатства, то они нашли, что всѣ болѣе значительные рудники уже разработаны до глубины 10—15 метровъ и завалены. Кромѣ того, были найдены кучи древнихъ шлаковъ, изъ которыхъ еще можно было извлечь около 2% мѣди, плавильные тигли, а также мѣдныя и каменныя орудія. Впослѣдствіи слѣды такихъ древнихъ шахтъ были открыты и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ народъ вообще приписываетъ ихъ Чуди,—какому-то полумифическому, вымершему инородческому племени, по всей вѣроятности финно-монголо-турецкой расы.

Интересно, что въ числѣ этихъ чудскихъ древностей встрѣчаются иногда орудія и украшенія изъ мѣди (или, какъ оказалось въ нѣко-

Фиг. 55.



Бронзовый цельтъ, найденный въ Россіи.

Фиг. 56.

Изображеніе Чудскаго меча. (По Палласу).

Фиг 57.

Изображеніе домашней козы на одной изъ греческихъ вазъ архаичнаго періода. (По Conze).

торыхъ случаяхъ, изъ бронзы), представляющія замѣтное сходство съ подобными же предметами Европейскаго бронзоваго вѣка. Такъ напр. во многихъ мѣстностяхъ Сибири и Приуралья были найдены долота съ однимъ или двумя ушками, весьма сходныя съ Западно-Европейскими цельтами (рис. 55). Палласъ приводитъ изображеніе одного чудскаго меча (рис. 56), о двухъ остріяхъ съ короткою рукояткою, весьма напоминающаго характеристичные листовидные мечи бронзоваго періода. Въ числѣ чудскихъ украшеній (бляхъ, подвѣсокъ, аму-

летовъ) встрѣчаются, между прочимъ, мѣдныя и бронзовыя изображенія различныхъ животныхъ, особенно дикихъ козловъ и барановъ, подобныя которымъ мы встрѣчаемъ въ числѣ этрусскихъ и греческихъ древностей, съ тою только разницей, что дикіе козлы и бараны замѣнены здѣсь повидимому домашними. (Рис. 57).—Правда, рядомъ съ этими вещами встрѣчаются въ числѣ чудскихъ древностей и другія, представляющія свой особенный типъ, какъ напр. характеристическіе кинжалы, различныя подвѣски и пр., но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать возможности вліянія этой чудской цивилизаціи въ отдаленныя времена на развитіе первобытной культуры Арійцевъ.

Что это цивилизація была самостоятельною, можно заключить изъ оригинальныхъ формъ многихъ вещей, изъ коихъ нѣкоторыя состоятъ изъ чистой мѣди, изъ богатства Сибирскихъ горъ мѣдью и изъ нахожденія тамъ (и на Уралѣ) олова, изъ древности чудскихъ копей, во многихъ изъ которыхъ были найдены каменныя орудія и пр. Слѣды этой чудской цивилизаціи можно прослѣдить на Западъ до Европейской Россіи, гдѣ впрочемъ мѣдныя орудія попадаются весьма рѣдко (особенно въ Западной ея части), такъ что допустить для этихъ странъ существованіе особаго бронзоваго періода положительно невозможно и повидимому вѣкъ камня смѣнился здѣсь непосредственно вѣкомъ желѣза. Немногіе бронзовые цельты, пальстабы и мечи, найденные въ Финляндіи. Остзейскихъ провинціяхъ и Зап. краѣ представляютъ формы совершенно сходныя съ встрѣчающимися въ Зап. Европѣ, откуда очевидно они и были завезены. Только на югѣ Россіи, въ странѣ Скифовъ (племени, причисляемаго то къ Монголамъ, то къ Индо-Европейцамъ), мы встрѣчаемся съ самостоятельной обработкой металловъ, развивавшейся особенно подъ вліяніемъ Греческихъ колоній; но въ числѣ этихъ металловъ, рядомъ въ мѣдью и золотомъ, мы встрѣчаемъ также серебро и желѣзо и притомъ послѣднее повидимому было извѣстно Скифамъ уже съ незапамятныхъ временъ.

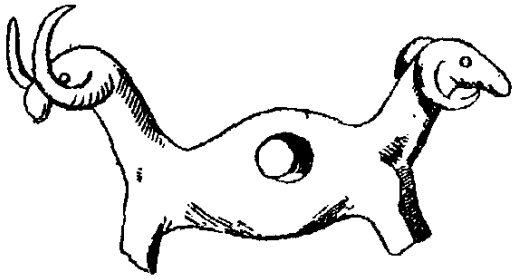
Впрочемъ нельзя отрицать, что первоначальная культура Скифовъ могла развиться подъ вліяніемъ чудской, тѣмъ болѣе, что по словамъ Геродота, къ Востоку отъ нихъ жили племена, находившіяся очевидно въ бронзовомъ вѣкѣ. Съ другой стороны на Кавказѣ (славившемся какъ извѣстно въ древности своими металлическими богатствами) были найдены нѣкоторыя древнія вещи изъ золота и бронзы, весьма напоминающія по своему характеру и орнаментамъ съ одной стороны подобныя же вещи Европ. бронзоваго періода, съ другой—нѣкоторые предметы, найденные при раскопкахъ древней Ниневіи и Персеполиса. Всѣ эти отрывочные факты указываютъ повидимому, что первоначальное открытіе мѣди и бронзы (а также м. б. и

другихъ металловъ) послѣдовало у народовъ Средней Азіи, откуда это знаніе металлическаго дѣла перешло къ Семитамъ и Арійцамъ, достигло наибольшаго развитія у народовъ Передней Азіи, затѣмъ у Грековъ и Этрусковъ и наконецъ распространилось по всей Европѣ. Такъ надо предполагать на основаніи всѣхъ указанныхъ выше фактовъ, хотя нельзя не упомянуть, что существуютъ данныя, весьма усложняющія окончательное рѣшеніе этого вопроса. Мы знаемъ имен-

Фиг. 58.

Двойное изображеніе горнаго барана чудской работы. (По Палласу).

Фиг. 59.



Двойное изображеніе домашняго барана этрусской работы. (По Линденшмидту).

Фиг. 60.

Мѣдное изображеніе горнаго козла, найденное въ одномъ изъ сибирскихъ кургановъ. (По Палласу).

но, что бронзовый вѣкъ въ Европѣ представляетъ совершенно обособленный періодъ времени съ особою, ему только свойственною культурою, совершенно незнакомой съ употребленіемъ желѣза. Но насколько извѣстно, желѣзо было хорошо знакомо и притомъ съ весьма отдаленной эпохи какъ семитическимъ племенамъ, такъ и Грекамъ и Этрускамъ, отчего же желѣзныя вещи совершенно не попадаются въ находкахъ бронзоваго вѣка? Съ другой стороны, если, какъ то доказываетъ филологія, Арійскія племена Зап. Европы (Кельты, Германцы и др.) были знакомы съ употребленіемъ мѣди до своего отдѣленія отъ общаго индо-европейскаго корня, то какимъ образомъ мы не встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ находкахъ бронзоваго вѣка,—орудій болѣе грубой формы и отдѣлки, и, напротивъ того, видимъ, что произведенія древнѣйшей эпохи бронзоваго вѣка отличаются наиболѣе изящною отдѣлкою и притомъ въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ Европы представляютъ типы почти совершенно одинаковые?

Хотя нѣкоторыя изъ этихъ затрудненій и могутъ быть обойдены путемъ разныхъ предположеній, тѣмъ не менѣе много еще остается сдѣлать для того, чтобы объяснить себѣ вполнѣ всѣ существенныя черты культуры бронзоваго вѣка въ Европѣ и въ особенности ея первоначальное возникновеніе и развитіе. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что, въ будущемъ, рамки археологическихъ розысканій по этому вопросу должны значительно раздвинуться и кромѣ древностей Европейскаго бронз. вѣка должны будутъ обнять также древности Греціи, Этруріи, Египта, Семитическихъ народовъ и отдаленныхъ странъ Средней Азіи.]

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Каменный вѣкъ.

Предъидущія главы были посвящены бронзовому періоду. Теперь мы перейдемъ къ еще болѣе отдаленной эпохѣ и болѣе грубымъ племенамъ человѣчества, — къ періоду, который по очевиднымъ причинамъ археологи называютъ «Каменнымъ вѣкомъ». Какъ уже было сказано, этотъ періодъ естественнымъ образомъ распадается на два большихъ отдѣла.

1. Періодъ наносовъ (Drift), который я предложилъ назвать «палеолитическимъ» или «археолитическимъ».

2. Позднѣйшій каменный періодъ, который можно назвать «неолитическимъ» и который отличается гораздо болѣе искусной и изящной отдѣлкой каменныхъ орудій, большимъ разнообразіемъ ихъ формы, а главное тѣмъ, что почти всѣ они тщательно отполированы. Разсмотрѣніемъ этого второго, позднѣйшаго періода мы и займемся въ настоящее время.

Громадное количество каменныхъ орудій, находимыхъ во всѣхъ частяхъ свѣта, достаточно указываетъ уже на важность роли, которая принадлежала имъ въ древнія времена. Въ одномъ Копенгагенскомъ музеѣ (по свидѣтельству Гербста) ихъ находится болѣе 11,000, а во всѣхъ датскихъ музеяхъ — число ихъ превышаетъ 30,000. Въ музеѣ Ирландской академіи наукъ ихъ находится безъ малаго 2,000, а въ Стокгольмскомъ музеѣ 15,000 экземпляровъ. Значительное число ихъ хранится также въ археологическихъ музеяхъ Франціи, Англіи, Германіи, Италіи, Россіи и др. странъ, не

говоря уже о многихъ частныхъ коллекціяхъ. Въ числѣ этихъ орудій встрѣчаются топоры, клинья, долота различныхъ формъ, кинжалы, наконечники копій и стрѣлъ, инструменты въ формѣ полумѣсяца, молоты съ отверстіемъ посрединѣ, бруски, ножи, скребки, пилы и т. д., рядомъ со многими инструментами изъ кости, рога, зубовъ и дерева.

Несмотря на это обиліе вещественныхъ доказательствъ, существованіе каменнаго періода еще недавно отрицалось нѣкоторыми весьма извѣстными археологами. Райтъ, ученый секретарь лондонскаго этнологическаго общества, еще недавно утверждалъ, «что хотя и возможно предположить существованіе нѣкогда эпохи, когда человѣчество находилось въ такомъ варварскомъ состояніи, что палки или камни были единственными орудіями, которыми оно могло снабжать себя, однако сомнительно, чтобы кому нибудь изъ археологовъ удалось до сихъ поръ найти строгія доказательства дѣйствительности существованія каменнаго періода». Хотя приведенныя выше числа ясно доказываютъ, что камень былъ нѣкогда употребляемъ для многихъ орудій, которыя въ настоящее время дѣлаются изъ металла, однако этотъ фактъ самъ по себѣ не можетъ еще служить положительнымъ опроверженіемъ мнѣнія Райта и вовсе не отрицается этимъ ученымъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ продолженіи многихъ вѣковъ каменныя и металлическія орудія употреблялись одновременно, первыя—бѣднымъ классомъ населенія, вторыя—людьми болѣе состоятельными. Если принять въ соображеніе какъ затруднительна была въ древнія времена работа рудокопа, какъ плохи были орудія, съ помощью которыхъ она производилась, и съ какими трудностями была сопряжена перевозка сухимъ путемъ или водою, то нетрудно убѣдиться, что бронзовыя орудія должны были имѣть въ то время значительную цѣнность, должны были приходиться не по карману болѣе бѣднымъ. Кромѣ этой вѣроятности à priori, мы имѣемъ множество прямыхъ доказательствъ тому, что бронза и камень употреблялись вмѣстѣ въ продолженіи долгаго періода времени. Такъ, Батеманъ приводитъ въ примѣръ 37 кургановъ, въ которыхъ были найдены предметы изъ бронзы, но изъ числа ихъ въ 29 были найдены также и орудія изъ камня. Во время открытія Америки, Мексиканцы, хотя и были вполнѣ знакомы съ употребленіемъ бронзы, однако продолжали еще употреблять для ножей и бритвъ осколки обсидіана. Для нѣкоторыхъ цѣлей каменныя орудія продолжали даже употребляться и послѣ введенія въ обращеніе желѣза, даже во времена историческія. Несмотря однакоже на всѣ эти факты, существуетъ достаточное число доказательствъ не только тому, чтобы

допустить существованіе періода, когда «человѣчество находилось въ такомъ варварскóмъ состояніи, что палки и камни» (можно прибавить еще — рога и кости) были единственными орудіями, которыми оно могло снабжать себя», но также и тому, что археологамъ удалось найти «строгія доказательства дѣйствительности существованія такого періода».

Наши свѣдѣнія объ этомъ древнемъ періодѣ проистекаютъ, главнымъ образомъ, изъ четырехъ источниковъ. Источники эти слѣдующіе: 1) курганы или древнія могильныя насыпи, 2) швейцарскія свайныя постройки, 3) датскіе «кухонные остатки» (т. н. Кьёккенмёдинги) или кучи раковинъ и 4) пещеры съ костями (т. е. въ которыхъ находятъ древнія кости человѣка и животныхъ). Кромѣ того есть еще много другихъ весьма интересныхъ остатковъ древности, какъ напр., древнія укрѣпленія—замки или городища, украшающія вершины многихъ нашихъ холмовъ, длинные валы или насыпи, перекрещивающія по разнымъ направленіямъ нѣкоторыя изъ горныхъ мѣстностей Шотландіи; такъ-называемыя кольцеобразныя стѣны Друидовъ и древнія постройки въ родѣ: «Клогхаунсъ», «Вимсъ», «Пенпитовъ», «жилищъ Пиктовъ» и т. д. Бóльшая часть этихъ построекъ принадлежитъ однако, по всей вѣроятности, уже позднѣйшему періоду; во всякомъ случаѣ, при современномъ состояніи нашихъ знаній, мы не можемъ сказать, многія ли изъ нихъ и которыя именно могутъ быть отнесены къ каменному періоду.

Что касается матеріала, изъ котораго приготовлялись каменныя орудія, то можно сказать, что для этой цѣли употребляли всевозможныя каменныя породы, обладавшія достаточною степенью твердости и крѣпости, такъ напр.: гранитъ, змѣевикъ, базальтъ, разл. породы полеваго шпата, сланцовъ, порфира и пр.,—иногда даже довольно рѣдкія породы, какъ напр. нефритъ. Хотя орудія изъ этого послѣдняго рода камня и не совсѣмъ обыкновенны, однако и не рѣдки, такъ какъ ихъ находили во многихъ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ и въ различныхъ частяхъ Италіи, Франціи, Германіи и Англіи, несмотря на то, что самъ нефритъ не попадается нигдѣ въ Европѣ. Нѣкоторые археологи предполагали, правда, что его могли добывать изъ конгломератовъ, извѣстныхъ въ Швейцаріи подъ именемъ «нагельфлю», но самыя тщательныя изысканія не подтвердили этого предположенія. Я не думаю вывести изъ этого положительнаго заключенія, что нефритовые топоры были привезены съ Востока; но такъ какъ до сихъ поръ въ Европѣ еще не было найдено мѣстности гдѣ бы встрѣчался нефритъ, то возможно допустить предположеніе, что орудія эти дѣйствительно переходили изъ рукъ въ руки, отъ

одного племени къ другому, чрезъ посредство мѣны. Въ подтвержденіе этому можно привести много другихъ фактовъ подобнаго рода. Такъ, Сквиръ и Дависъ разсказываютъ, что въ курганахъ долины Миссисипи, въ однѣхъ и тѣхъ же могилахъ находятъ рядомъ: мѣдь изъ Верхняго озера, слюду изъ Аллеганскихъ горъ, раковины изъ Мексиканскаго залива и обсидіанъ (быть можетъ порфиръ) изъ Мексики. Хорошія изображенія «морской коровы» или манати попадаются за 1000 миль отъ береговъ, обитаемыхъ этимъ животнымъ, а раковины большой тропической *Pyrula perversa* находятъ за 2000 миль отъ мѣста ея родины, въ курганахъ, окружающихъ большія озера Сѣв. Америки.

Изъ всѣхъ каменныхъ породъ кремень былъ однако повидимому наиболѣе употребительнымъ матеріаломъ для каменныхъ орудій въ Европѣ и вообще имѣлъ бо̀льшее вліяніе на нашу цивилизацію, чѣмъ это обыкновенно предполагается. Дикари высоко цѣнятъ его за твердость и легкость раскола, вслѣдствіе чего изъ него, при извѣстномъ навыкѣ, легко выдѣлывать орудія какой-угодно формы.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ кремневыя орудія выдѣлывались прямо изъ кусковъ кремня, находимыхъ на поверхности земли; но въ другихъ случаяхъ употреблялось много труда для того, чтобы добыть кремень хорошаго качества. Въ доказательство можно привести такъ называемыя «грязныя ямы» (Grime's Graves), находящіяся недалеко отъ Брандона; одна изъ нихъ, благодаря любезному позволенію г. Ангерстейна, была изслѣдована недавно Гринуэлемъ. Мнѣнія археологовъ очень расходились въ вопросѣ о настоящемъ значеніи этихъ ямъ; но Гринуэль рѣшилъ окончательно этотъ вопросъ, показавъ, что это были шахты или ходы, сдѣланные въ мѣлу для добыванія изъ него кремня. Ямы эти, числомъ до 254,—неглубоки; поперечникъ ихъ колеблется между 20—60 футами и онѣ расположены довольно неправильно, на разстояніи примѣрно 25 футовъ одна отъ другой, занимая всѣ вмѣстѣ пространство болѣе чѣмъ въ 20 акровъ. Хотя теперь онѣ относительно неглубоки, Гринуэль нашелъ однако, что прежде онѣ доходили до 39 футовъ глубины и оканчивались на днѣ ходами или шахтами, часто сообщавшимися между собою. На востокъ отъ этихъ ямъ находится холмъ, который очевидно образовался изъ мѣлу, выброшеннаго при копаньи первой, ближайшей къ нему ямы.— Матеріалъ же слѣдующихъ ямъ, повидимому, бросался въ старыя шахты, которыя такимъ образомъ снова наполнялись до нѣсколькихъ футовъ отъ поверхности. Какъ всегда случается въ верхнихъ мѣловыхъ пластахъ, кремень лежитъ здѣсь отдѣльными слоями, которые хотя представляютъ различіе по своимъ качествамъ, однако удержи-

ваютъ одинъ и тотъ же характеръ на весьма значительномъ протяженіи. При этомъ нужно замѣтить, что Брандонъ, какъ показалъ Флауэръ, несмотря на невыгодность своего положенія и безплодіе окружающей страны, былъ очевидно значительнымъ и часто посѣщаемымъ сборнымъ мѣстомъ въ древнія времена—фактъ, который можно объяснить единственно лишь изобиліемъ и хорошимъ качествомъ находимаго здѣсь кремня. Наносы гравія изобилуютъ здѣсь палеолитическими орудіями, а почва усѣяна множествомъ кремневыхъ осколковъ и обломками кремневыхъ инструментовъ.

Инструментами для производства этихъ горныхъ работъ служили въ то время оленьи рога, глазные отростки которыхъ замѣняли кирки, а прочія вѣтви отламывались: въ такомъ видѣ оленій рогъ дѣйствительно очень похожъ на употребляемую и теперь кирку. Но нужно замѣтить, что, при употребленіи, орудія эти весьма скоро тупились и ломались, какъ-то можно видѣть изъ множества негодныхъ экземпляровъ, найденныхъ Гриндуэлемъ въ мусорѣ.

Въ одномъ случаѣ одна изъ шахтъ оказалась заваленною. По удаленіи обвалившагося мѣла, можно было разсмотрѣть всю галлерею. Разработка кремня производилась здѣсь въ трехъ различныхъ мѣстахъ, и передъ двумя такими углубленіями лежали двѣ кирки изъ оленьяго рога, направленныя остріемъ къ камню. Очевидно, онѣ лежали тамъ гдѣ ихъ бросили рабочіе, и поверхность ихъ была покрыта еще мѣловою пылью, на которой въ одномъ мѣстѣ видѣнъ былъ даже отпечатокъ руки работника. Очевидно орудія были оставлены тамъ по окончаніи дневной работы, а въ продолженіе ночи случился обвалъ, завалившій галлерею, которая съ тѣхъ поръ и не разрывалась.

«Это была потрясающая минута», говоритъ Гриндуэль,—«которую я никогда не забуду, когда передъ нашими глазами открылась неоконченная работа, производившаяся вѣроятно за 3000 лѣтъ тому назадъ, и когда мы увидѣли орудія, оставленныя на мѣстѣ рабочими за нѣсколько тысячелѣтій до нашего времени».

Подобныя же кирки изъ олсньихъ роговъ были найдены также и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ мѣловые слои разработывались для полученія изъ нихъ кремня, а также и въ Корнуэлльскихъ оловянныхъ пріискахъ. Въ Бельгіи, близъ Спьѣнна, гдѣ открыты также слѣды обширныхъ древнихъ шахтъ и галлерей для добыванія кремня, найдены были тоже многіе инструменты изъ оленьяго рога, но они представляютъ отличный характеръ и очевидно употреблялись какъ молотки, причемъ рогъ срѣзался какъ разъ выше глазнаго отростка, служившаго рукояткой.

Кромѣ этихъ кирокъ изъ олепьяго рога—въ «грязныхъ ямахъ» найдено также нѣсколько теслообразныхъ орудій и одинъ базальтовый топоръ съ косымъ лезвеемъ, слѣды котораго ясно замѣтны на стѣнахъ шахты, изъ чего видно, что онъ былъ употребляемъ для выламыванія мѣла.

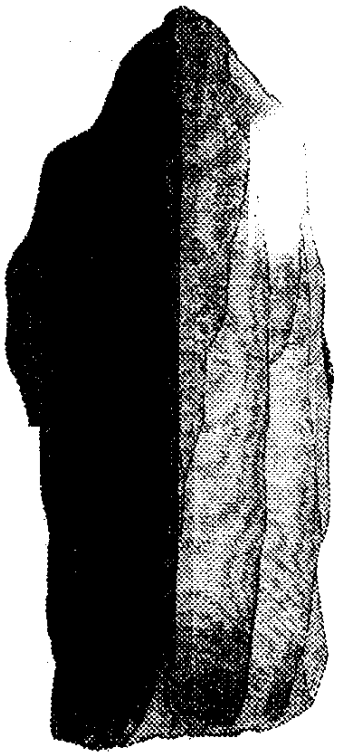
Какъ уже было упомянуто, для выдѣлки кремневыхъ орудій было весьма важно имѣть кремень хорошаго качества, безъ трещинъ, легко доступный обработкѣ и удобно добываемый.

Вслѣдствіе этого, мѣста, удовлетворявшія этимъ условіямъ, привлекали къ себѣ въ то время множество поселенцевъ и цѣлые округи снабжались изъ такихъ мѣстностей всѣми необходимыми для нихъ кремневыми орудіями. Одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ мѣстностей этого рода была открыта д-ромъ Левеллье близъ Прессиньи-Легранъ (Pressigny-le-Grand), во Франціи, на срединѣ пути между гг. Туромъ и Пуатье. Здѣсь встрѣчается въ изобиліи хорошій кремень, цвѣтомъ похожій на медъ и ровнаго, хотя и грубаго сложенія. Этотъ сортъ кремня повидимому весьма уважался въ древности: цѣлыя поля покрыты здѣсь кремневыми осколками, а изготовляемыя здѣсь орудія, легко отличимыя по ихъ характеристичному цвѣту, были найдены въ различныхъ частяхъ Франціи и даже въ Бельгіи. Въ моей собственной коллекціи есть одинъ стержень или зерно кремня изъ Прессиньи, отъ котораго отколотъ брусокъ или осколокъ въ 12 дюймовъ длиною. Такіе куски или зёрна (нуклеусы), извѣстные въ Германіи подъ названіемъ «Kernsteine», а во Франціи подъ именемъ «Livres de beurre», обыкновенно бываютъ похожи формой на лодку, расширенную на одномъ концѣ и съуженную къ другому—форма, обусловливаемая тѣмъ, что съ боковъ вдоль куска, рядомъ ударовъ, отбивались отъ него одинъ или нѣсколько продолговатыхъ осколковъ. При первомъ взглядѣ на эти зерна можетъ казаться, что они суть ничто иное, какъ недоконченныя орудія, топоры, мотыги или что-нибудь подобное,—но изъ сравненія большаго количества такихъ кусковъ я убѣдился, что всѣ эти «livres de beurre» служили только для того, чтобы приготовлять изъ нихъ длинные и правильные осколки, которые, имѣя острый конецъ и края, употреблялись для наконечниковъ копій, для ножей и т. п.

Многіе изъ этихъ осколковъ никогда не употреблялись однакоже какъ ножи, а передѣлывались повидимому въ пилы, шила и наконечники стрѣлъ. Извѣстно, что многіе дикари и теперь еще обрабатываютъ подобнымъ образомъ кремень и роговикъ,—и Мексиканцы, во времени Кортеца, употребляли для тѣхъ же цѣлей совершенно сходные осколки обсидіана. Пріемы, употребляемые въ настоящее вре-

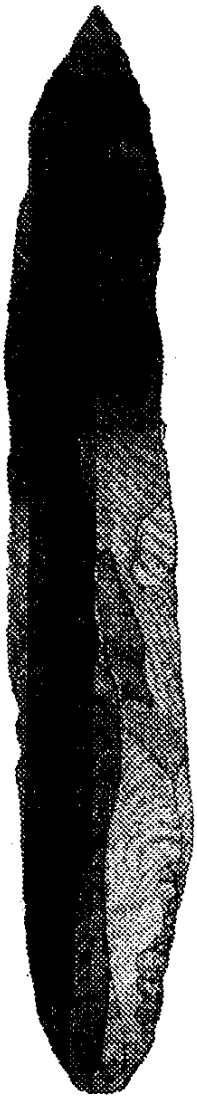
мя работниками при изготовленіи ружейныхъ кремней, могутъ дать намъ ясное понятіе о способѣ фабрикаціи древнихъ кремневыхъ ору-

Фиг. 61.



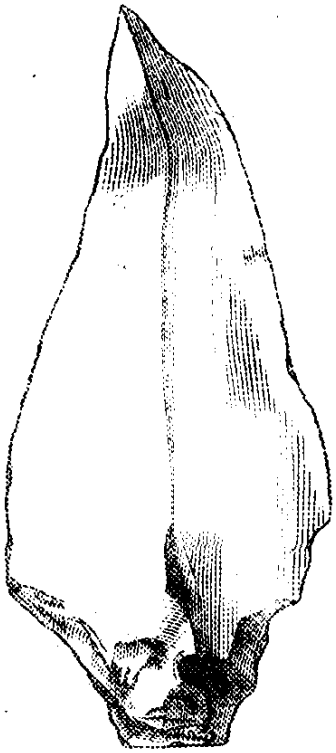
Кремневый стержень или зерно.

Фиг. 62.

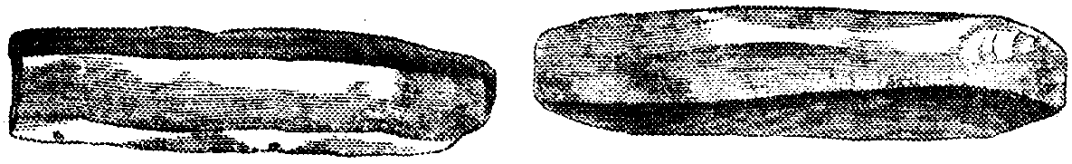


Кремневый осколокъ. (Данія).

Фиг. 63.



Стрѣловидный кремневый осколокъ (Ирландія).



Кремневые осколки. (Данія).

дій, и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ, чтобы мы обратили на нихъ вниманіе.

Если ударить округленнымъ молоткомъ по ровной поверхности кремня, то произойдетъ коническій изломъ, величина котораго въ зна-

чительной степени зависитъ отъ формы молотка. Поверхность излома распространяется книзу сквозь толщу кремня въ расходящемся направленіи и такимъ образомъ описываетъ конусъ, вершина котораго приходится въ точкѣ удара молотомъ; конусъ этотъ можетъ быть легко вылущенъ изъ общей массы кремня. Подобные кремневые конусы встрѣчаются иногда въ кучахъ камня, приготовленнаго для поправки шоссейныхъ дорогъ, и безъ сомнѣнія неоднократно принимались за отпечатки ископаемыхъ раковинъ.

Если же ударъ будетъ произведенъ не по ровной поверхности, но по углу или грани болѣе или менѣе четырехъграннаго куска кремня, то изломъ представляется сначала полуконическимъ, но, пройдя нѣкоторое разстояніе, становится плоскимъ и можетъ продолжаться въ такомъ видѣ на протяженіи болѣе 13 дюймовъ въ длину, образуя осколокъ въ видѣ клинка, (фиг. 61 — 62), съ трехъугольнымъ поперечнымъ сѣченіемъ.

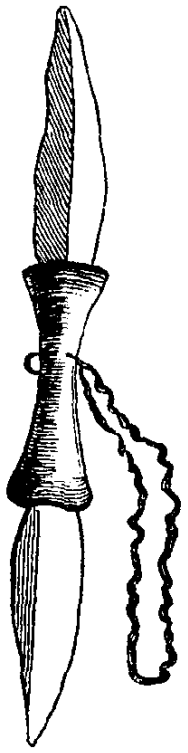
Соотвѣтственно такому ходу излома правильный осколокъ кремня всегда представляетъ небольшое вздутіе на своемъ широкомъ концѣ, на его гладкой сторонѣ, которое называется конусомъ или шишкой сотрясенія. Отколовъ первоначальныя ребра четырехъграннаго камня можно продолжать тоже самое и съ образовавшимися вновь восемью ребрами втораго порядка и т. д. Фиг. 61 представляетъ намъ такой стержень, отъ котораго отбиты много острыхъ осколковъ, а фиг. 62 одинъ изъ осколковъ, весьма длинный, представленный въ половину своей естественной величины и найденный близь Фаннеруна, въ Ютландіи.

Другой осколокъ, стрѣловидной формы, широкій конецъ котораго отбитъ, представленъ на фиг. 63, а фиг. 64 представляетъ маленькій осколокъ найденный въ Даніи и повидимому негодный, такъ какъ острый конецъ его отбитъ. Подобные осколки, встрѣчающіеся во многихъ странахъ, представляютъ уже не трехъугольный поперечный разрѣзъ, а четырехъугольный, показывающій, что отъ нихъ предварительно отбивались трехъгранные осколки. — По временамъ попадаются также осколки пятигранной формы.

Какъ бы ни казалось легкимъ на первый взглядъ приготовленіе такихъ осколковъ, однако небольшой опытъ уже въ состояніи убѣдить, что для этого необходима значительная сноровка. Одинъ работникъ изъ Брандона, занимающійся приготовленіемъ ружейныхъ кремней, говорилъ мнѣ, что онъ употребилъ два года на ознакомленіе съ этимъ искусствомъ. Кромѣ того, необходима большая осмотрительность въ выборѣ кремня. Очевидно, слѣдовательно, что эти кремневые осколки, какъ бы ни были они просты на видъ, все-таки

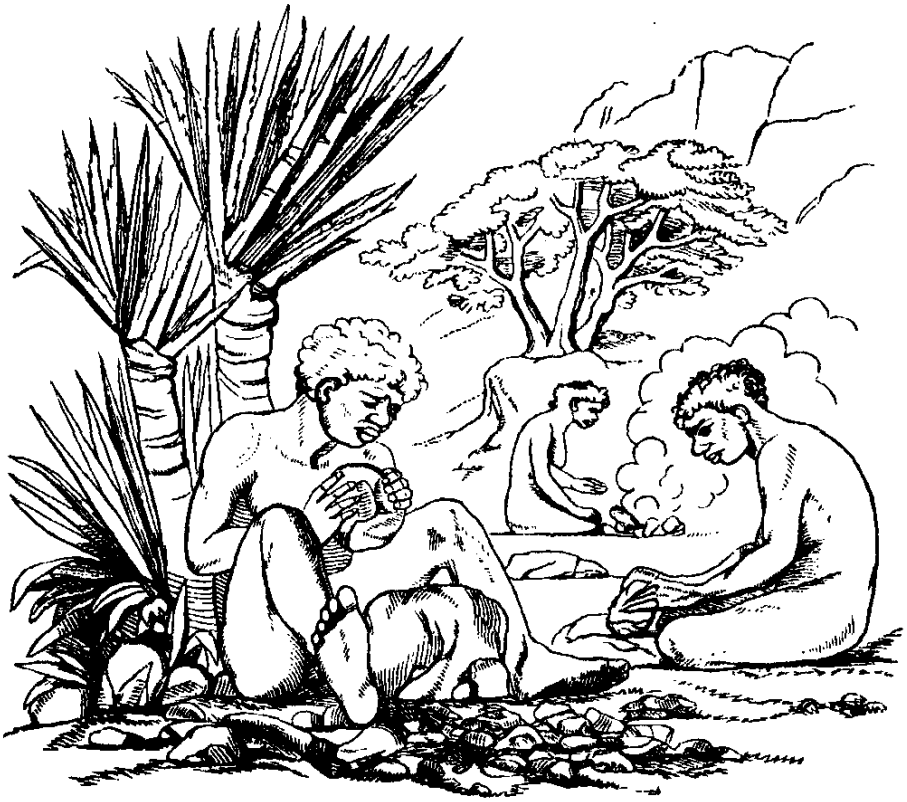
сдѣланы рукой человѣка. Чтобы сдѣлать хотя одинъ такой осколокъ необходимо держать кремень весьма крѣпко и употребить значительную силу для того, чтобы рядомъ послѣдовательныхъ ударовъ или нажимовъ, повторенныхъ 3—4 раза по нѣсколько различнымъ направленіямъ и всякій разъ съ опредѣленною силой, добиться отдѣленія осколка извѣстной формы и величины. Трудно предположить, чтобы всѣ эти условія могли совпасть чисто случайно; поэтому такой осколокъ кремня какъ бы ни казался онъ простъ для неопытнаго глаза,

Фиг. 66.



Сѣверо-америк. ножъ.

Фиг. 67.



Австралійцы, приготовляющіе осколки.

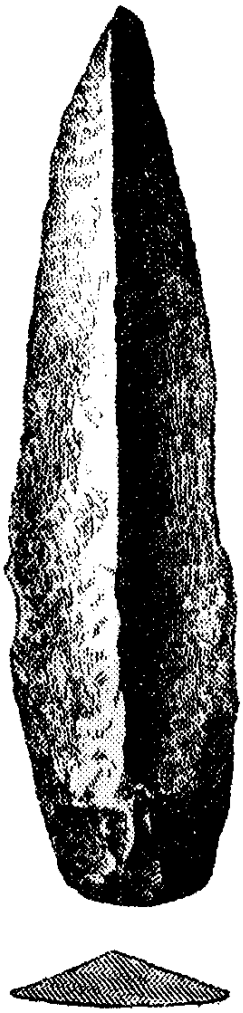
на столько же ясно указываетъ археологу на слѣдъ человѣка, какъ отпечатокъ ноги въ пескѣ—Робинзону Крузе.

Едва ли нужно еще упоминать, что осколки эти имѣютъ по два рѣжущихъ края, а поэтому могли употребляться прямо какъ ножи, что мы и видимъ на фиг. 66, представляющей сѣверо-американскій ножъ о двухъ клинкахъ.

Нѣкоторые археологи, дѣйствительно, и называютъ эти осколки «ножами», но мнѣ кажется болѣе подходящимъ называть ихъ просто «осколками», сохраняя названіе «ножей»—для инструментовъ, предназначенныхъ и приспособленныхъ исключительно для рѣзанья. Фиг. 67, копія рисунка Бэнса, представляетъ намъ Австралійца, выдѣлывающаго грубые кремневые осколки; фиг. 68 изображаетъ кремневый

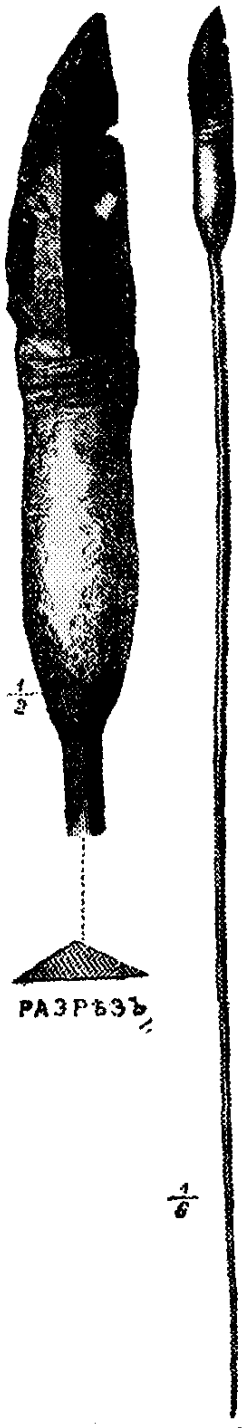
осколокъ въ формѣ ножа, изъ Австраліи, а фиг. 79—Новокаледонскій дротикъ, наконечникъ котораго сдѣланъ изъ осколка обсидіана.

Фиг. 68.



Кремневый осколокъ изъ Австраліи.

Фиг. 69.



Новокаледонскій дротикъ.

Нѣкоторые старинные Испанскіе писатели, жившіе въ Мексикѣ, оставили намъ подробное описаніе способа, которымъ Ацтеки (туземные жители Мексики) добывали себѣ осколки изъ обсидіана. Торквемадо, свидѣтельство котораго подтверждено Гернандесомъ, разсказываетъ слѣдующее (я привожу его разсказъ изъ сочиненія Тэйлора о древней Мексикѣ): «У нихъ были, и теперь еще есть работники, которые дѣлаютъ ножи изъ извѣстнаго сорта камня или кремня (обсидіана). Способъ, которымъ они обработываютъ камень весьма любопытенъ и нельзя не удивляться остроумію изобрѣтателей этого искусства. На сколько можно видѣть, они поступаютъ при этомъ слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ индѣйскихъ рабочихъ садится на землю и беретъ кусокъ этого чернаго камня, похожаго видомъ на агатъ, а плотностью не уступающаго кремню. (Камень этотъ по справедливости можно назвать драгоцѣннымъ, такъ какъ онъ красивѣе и блестящѣе алебастра и яшмы настолько, что изъ него дѣлаютъ даже маленькіе столики и зеркала). Кусокъ, который беретъ рабочій, длиною приблизительно въ 8 дюймовъ, или немного болѣе, а толщиною въ человѣческую ногу, или нѣсколько тоньше; форма же его цилиндрическая. У каждаго рабочаго есть палка толщиною съ рукоятку

копья и длиною въ 3 локтя, на концѣ которой прикрѣпленъ кусокъ дерева въ 8 дюймовъ длиною, для того, чтобы придать этой части болѣе вѣса. Сжимая свои голыя ноги, рабочій удерживаетъ въ нихъ камень также крѣпко, какъ въ клещахъ или тискахъ; затѣмъ онъ беретъ обѣими руками палку (срѣзанную гладко на своемъ концѣ) и приложивъ ее точно къ грани передней стороны камня, срѣзаннаго также гладко въ этомъ мѣстѣ, надавливается на нее изо всѣхъ силъ грудью. Слѣдствіемъ этого давленія является то, что отъ камня отлетаетъ осколокъ, имѣющій видъ ножа съ однимъ остріемъ и лезвеемъ и настолько правильный, какъ будто бы онъ былъ вырѣзанъ острымъ ножемъ изъ рѣпы или скованъ на огнѣ изъ желѣза. Затѣмъ ножъ шлифуется на камнѣ и оттачивается съ помощью осслка. Такимъ способомъ рабочій можетъ приготовить въ очень короткое время болѣе двадцати ножей. Ножи эти похожи формою на ланцеты нашихъ цирюльниковъ, но имѣютъ на срединѣ возвышенное ребро, а къ концу легкую выемку».

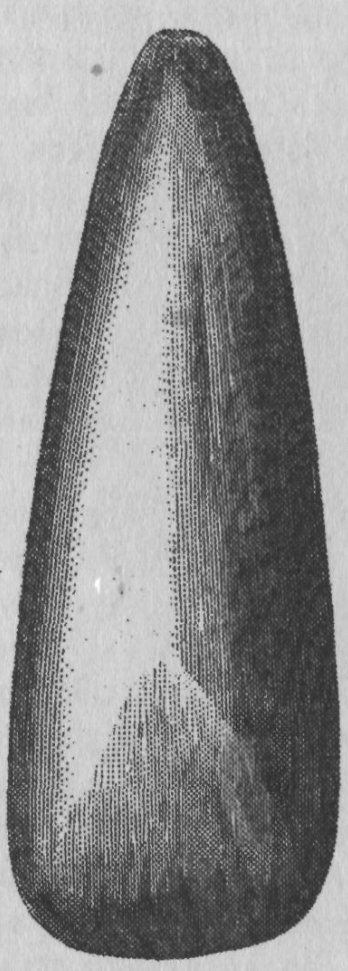
Изъ этого описанія видно, что осколки изъ обсидіана приготовлялись не съ помощью ударовъ, а посредствомъ давленія. Подобнымъ же образомъ выдѣлывались и инструменты изъ роговика, употребляемые Эскимосами, судя по описанію, сдѣланному Бельчеромъ. «Они берутъ» говоритъ онъ «деревянный обрубокъ, въ которомъ вырѣзано ложковидное углубленіе, кладутъ въ него предназначенный для разщепленія камень и осторожно надавливая его вертикально вдоль края, то съ одной стороны, то съ другой—въ родѣ того какъ это дѣлаютъ при оттачиваніи пилы—отбиваютъ отъ него съ обѣихъ сторонъ небольшіе кусочки, до тѣхъ поръ, покуда предметъ не получитъ желаемой,—копьевидной или стрѣловидной формы, съ двумя рѣжущими зубчатыми краями». Весьма похожее описаніе дѣлаетъ также лейтенантъ Беквитъ, говоря о пріемахъ, употребляемыхъ для той же цѣли сѣвероамериканскими Индѣйцами.

Послѣ кремневыхъ осколковъ, наибольшее вниманіе заслуживаютъ конечно топоры и клинья или цельты, лучшіе и наиболѣе крупные экземпляры которыхъ были найдены въ Даніи. Тутъ они имѣютъ либо прямые края (Зеландія), либо косые и сходящіеся (Ютландія); топоры этого послѣдняго рода могутъ считаться наиболѣе типичными для другихъ странъ Сѣверо-западной Европы; наоборотъ Швейцарскіе топоры, которые вообще гораздо меньше Датскихъ, имѣютъ обыкновенно параллельные края.

Экземпляры, находимые въ Даніи, бываютъ то отполированы, то просто грубымъ образомъ стесаны. Наоборотъ, топоры другихъ мѣстностей Сѣверо-западной Европы почти всегда имѣютъ болѣе или ме-

нѣе гладко отполированную поверхность. Что нѣкоторые изъ числа этихъ топоровъ употреблялись прямо—безъ ручекъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, но не менѣе ясно, что многіе экземпляры были насажены на деревянныя рукоятки, слѣды которыхъ иногда можно даже замѣтить на особеннымъ образомъ стертыхъ мѣстахъ камня. Само собою разумѣется, что большая часть этихъ деревянныхъ рукоятокъ давнымъ давно сгнила и истлѣла, однако извѣстны два-три случая, когда онѣ сохранились до нашего времени. Фиг. 71 изображаетъ такой каменный топоръ съ его рукояткой, найденный въ Консизѣ, на Невшательскомъ озерѣ, и совершенно похожій на новѣйшій Африканскій топоръ, съ тою только разницею, что клинокъ послѣдняго сдѣланъ изъ желѣза.

Фиг. 70.



Каменный топоръ. (Франція).

Замѣтимъ однако, что швейцарскій экземпляръ отличается тѣмъ, что въ немъ есть промежуточныя втулки изъ рога. Такія роговыя трубки или втулки весьма многочисленны въ нѣкоторыхъ изъ озерныхъ построекъ Швейцаріи, какъ напр. въ Консизѣ, между тѣмъ какъ въ другихъ, напр. въ Вангенѣ, ихъ не находили вовсе, несмотря на то, что топоры встрѣчаются тамъ въ изобиліи. Намъ, привыкшимъ къ употребленію металлическихъ орудій, можетъ казаться невѣроятнымъ, что такія вещи дѣйствительно употреблялись для извѣстныхъ цѣлей; однако мы знаемъ, что нѣкоторые дикари и до сихъ поръ еще не имѣютъ лучшихъ орудій, а между тѣмъ, съ помощью такихъ топоровъ и при содѣйствіи огня, они могутъ сваливать огромные стволы деревьевъ и выдабливать себѣ изъ нихъ свои кану или лодки. На сваяхъ швейцарскихъ озерныхъ построекъ, принадлежащихъ каменному періоду, найдены зарубки, ясно доказывающія, что сваи эти были приготовлены каменными топорами. Точно также и въ датскихъ торфяныхъ болотахъ часто попадались стволы деревьевъ, съ очевидными слѣдами каменныхъ топоровъ и огня, а въ одномъ или двухъ случаяхъ рядомъ съ ними были найдены каменные цельты. Такъ напримѣръ извѣстно, что въ «грязныхъ ямахъ» найденъ былъ топоръ

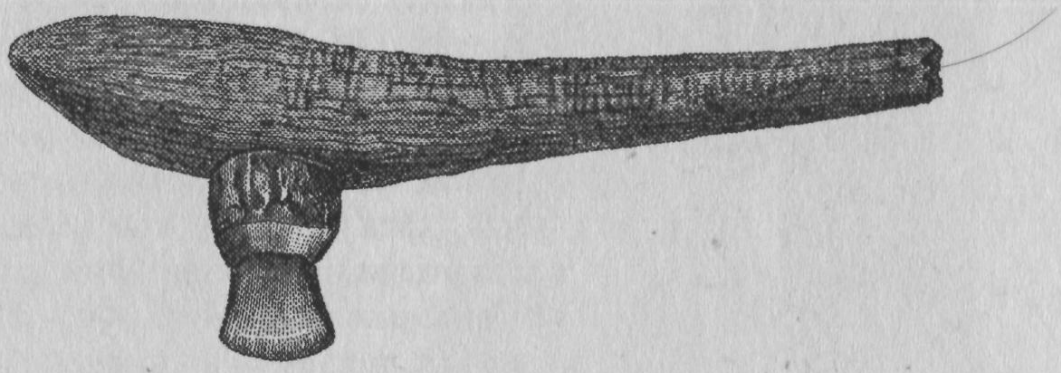
изъ базальта, который очевидно служилъ для выдалбливанія шахтъ, какъ это ясно видно по зарубкамъ на стѣнахъ.

Съ другой стороны, принимая въ соображеніе, что одинъ изъ способовъ употребленія сѣвероамериканскаго каменнаго топора или «томагаука» заключается въ раздробленіи костей съ цѣлью извлеченія изъ нихъ мозга, возможно предположить, что древніе каменные топоры служили также и для этой цѣли.

Во многихъ случаяхъ сами топоры представляютъ ясные слѣды долгаго, продолжительнаго употребленія, такъ какъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ можно видѣть явственныя доказательства тому, что испортившееся отъ долгаго употребленія лезвее было вновь, иногда неоднократно, отточено и отполировано.

Что эти топоры употреблялись также и какъ боевое оружіе, это

Фиг. 71.



Каменный топоръ съ рукояткой.

не только вѣроятно a priori, но доказывается еще тѣмъ, что ихъ часто находятъ въ могилахъ вождей и иногда вмѣстѣ съ кинжалами и др. оружіемъ изъ бронзы.

Такъ, въ 1809 г., въ одномъ древнемъ могильникѣ (cairn) близь Киркудбрайтшира (въ Шотландіи; по народному преданію гробницѣ короля Альдусъ-Макъ-Гальдуса) былъ найденъ грубо сдѣланный каменный гробъ, заключавшій въ себѣ скелетъ мужчины необыкновенно большаго роста. Кости были уже въ такой степени разложенія, что ребра и позвонки при первомъ прикосновеніи къ нимъ превратились въ пыль. Остальныя болѣе плотныя кости были вынуты, причемъ оказалось, что одна рука была почти отдѣлена отъ плеча, ударомъ каменнаго топора, осколокъ котораго еще торчалъ въ кости. Самый топоръ былъ сдѣланъ изъ грюнштейна, породы не встрѣчающейся въ этой части Шотландіи.

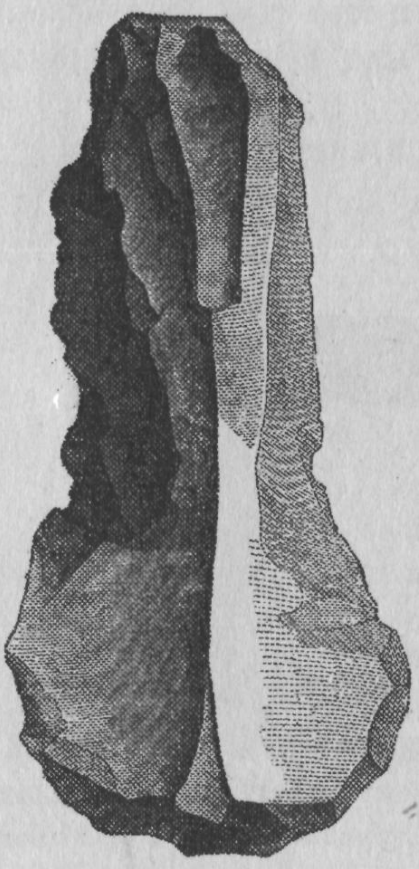
Кромѣ того въ гробу были найдены еще круглый и хорошо отполированный кремневый шаръ, 3 дюймовъ въ діаметрѣ, и кремневый

же наконечникъ стрѣлы. Металлическихъ вещей не было найдено ни одной.

Съ другой стороны, намъ извѣстно, что сѣвероамериканская сѣкира или томагаукъ не только употреблялся какъ инструментъ, но и какъ оружіе, и притомъ двояко,—какъ сѣкира и какъ метательное оружіе, бросаемое на значительное разстояніе.

Другой классъ каменныхъ топоровъ составляютъ тѣ, которые продыравлены для вставки въ нихъ рукоятокъ. Судя по свойствамъ кремня, надо полагать, что такіе топоры врядъ ли дѣлались изъ этого матеріала. Впрочемъ въ Копенгагенскомъ музеѣ находятся два такихъ топора, при изготовленіи которыхъ весьма ловко воспользовались природными отверстіями въ кремнѣ. Въ другихъ же твердыхъ каменныхъ породахъ возможно было пробуравить такую диру помощью костянаго или роговаго цилиндра, песку и воды, хотя все таки еще сомнительно, принадлежатъ ли подобныя орудія дѣйствительно каменному вѣку. Пробуравленные топоры встрѣчаются обыкновенно въ могилахъ бронзоваго періода и очень можетъ быть, что этотъ способъ прикрѣпленія рукоятки употреблялся очень рѣдко или вовсе не употреблялся до тѣхъ поръ, покуда открытіе металла не сдѣлало этотъ процессъ гораздо болѣе легкимъ и доступнымъ.

Фиг. 72.



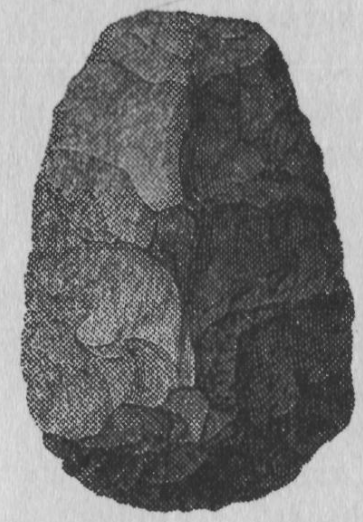
Скребокъ (съ выпуклой стороны).

Названіе *скребковъ* (scrapers) (фиг. 72) придается камнямъ удлиненной формы, округленнымъ на одномъ концѣ, который, рядомъ небольшихъ ударовъ, получилъ скошенное лезвеё. Одна сторона ихъ плоская, другая (или верхняя) болѣе или менѣе выпуклая. Иногда они снабжены короткою рукояткой, которая придаетъ имъ видъ ложекъ. Ихъ находили въ Англіи, Франціи, Даніи, Ирландіи, Швейцаріи и др. странахъ Длина ихъ простирается отъ 1 — 4 дюймовъ, а ширина отъ $^1/_2$ до 2 дюймовъ Фиг. 73 изображаетъ современный эскимосскій скребокъ; по своей формѣ, онъ какъ двѣ капли воды похожъ на нѣкоторые изъ древнихъ.

Что касается маленькихъ трехъугольныхъ каменныхъ топоровъ

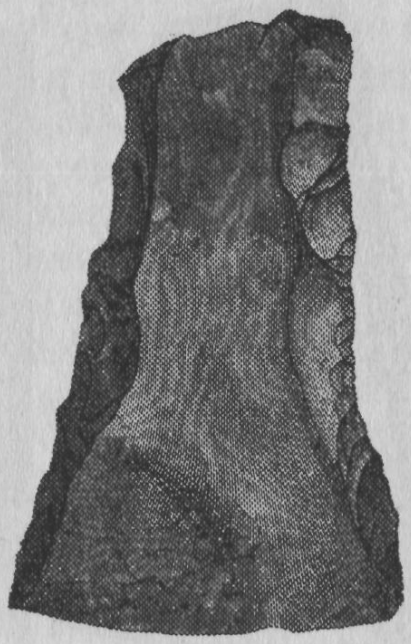
(фиг. 74 и 75), характеристичныхъ для кухонныхъ остатковъ и береговыхъ находокъ Даніи, то я называю ихъ такъ потому, что они обыкновенно извѣстны подъ этимъ названіемъ, нисколько не желая тѣмъ предрѣшать вопроса объ ихъ назначеніи. Съ одной стороны они плоски, съ другой болѣе или менѣе выпуклы и имѣютъ грубыя трехъугольныя или четырехъугольныя очертанія съ рѣжущимъ краемъ на своемъ широкомъ концѣ; длина ихъ колеблется между $2^1/_2$—$5^1/_2$ дюймовъ въ длину и $1^1/_2$—$2^1/_2$ дюймовъ въ ширину. Они никогда не бываютъ шлифованы, а рѣжущій край ихъ хотя и не остръ, однако

Фиг. 73.



Эскимосскій скребокъ.

Фиг. 74.



Датскій топоръ.

Фиг. 75.

весьма крѣпокъ, такъ какъ онъ образованъ двумя плоскостями, пересѣкающимися подъ весьма тупымъ угломъ.

Профессоръ Стенструпъ сомнѣвается однакожь, чтобъ эти странныя и характеристичныя орудія употреблялись какъ топоры и, высказываетъ предположеніе, что, по всей вѣроятности. они служили только грузилами для удочекъ. Въ доказательство онъ приводитъ изображенія дѣйствительно довольно сходныхъ каменныхъ предметовъ, употребляемыхъ для этой цѣли Эскимосами. То, что называется острымъ краемъ или лезвеемъ, по его мнѣнію, никогда не могло служить для рѣзанья, и просто представляетъ форму, признанную рыбаками наиболѣе выгодною для своихъ цѣлей. Онъ обращаетъ также вниманіе на полированныя фацетки наружныхъ поверхностей, полагая, что онѣ представляютъ явныя доказательства справедливости его мнѣнія.

Конечно, нельзя не согласиться, что многіе изъ этихъ «топоровъ» никогда не могли служить для рѣзанья, но такіе экземпляры должны быть разсматриваемы какъ неудачные, а отнюдь не какъ нормальные. Совершенно вѣрно, что двѣ поверхности, составляющія лезвее, сходятся между собою подъ весьма тупымъ угломъ, но необходимо принять во вниманіе, что хотя это уменьшаетъ остроту орудія, за то придаетъ ему гораздо бо́льшую крѣпость. Кромѣ того, уголъ этотъ почти совершенно одинаковъ съ тѣмъ, который мы на-

Фиг. 76.

Новозеландскій топоръ.

Фиг. 77.

Долото.

ходимъ на сѣкирахъ Ново-Зеландцевъ и другихъ островитянъ Южнаго океана. Въ примѣръ можно привести современную сѣкиру, изображенную на фиг. 76. Экземпляръ этотъ, привезенный изъ Новой-Зеландіи Р. Тайлоромъ и хранящійся теперь въ Британскомъ музеѣ, весьма напоминаетъ типическіе топоры Кьёккенмёдинговъ. Лезвее здѣсь, правда, нѣсколько отполировано, но во всякомъ случаѣ оно нисколько не ровнѣе естественнаго излома кремня.

«*Долота*» (фиг. 77) имѣютъ перпендикулярные края и потому нѣсколько похожи на датскіе топоры, но они уже и притомъ почти всегда отполированы. Нѣкоторыя изъ нихъ кромѣ того еще слегка выдолблены на одной сторонѣ.

Плоскіе, полукруглые кремневые инструменты, изображенные на фиг. 78, встрѣчаются довольно часто въ Даніи, но очень рѣдко или

почти вовсе не попадаются въ другихъ странахъ Англіи, Франціи или Италіи. Выпуклый край ихъ былъ повидимому укрѣпленъ въ деревянной ручкѣ, слѣды которой ясно видны на нѣкоторыхъ экземплярахъ. Другой край, который бываетъ либо прямымъ, либо вогнутымъ, обыкновенно снабженъ зубчиками, которые придаютъ инструменту бо̀льшее или мѐньшее сходство съ пилою. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ край этотъ такъ истертъ отъ употребленія, что орудіе принимаетъ форму полумѣсяца или бумеранга; иногда же край имѣетъ такой видъ, какъ будто бы онъ былъ отполированъ продолжительнымъ треніемъ объ мягкое вещество. Я говорю «мягкое вещество», потому что полированная часть орудія возвышается съ обѣихъ сторонъ между зубцами пилы, а это могло случиться только при сказанномъ условіи.

Фиг. 78.

По всей вѣроятности, эти полулунные инструменты прикрѣплялись къ деревяннымъ ручкамъ и употреблялись для очистки кожъ. По крайней мѣрѣ эскимосскія женщины и теперь еще употребляютъ подобные инструменты какъ ножи, подъ названіемъ «улусъ» (Ooloos). Можетъ быть терминъ этотъ былъ бы наиболѣе подходящимъ и для древнихъ датскихъ орудій.

Такъ называемыя «*шила*» суть ничто иное какъ грубые куски или осколки кремня, одинъ конецъ которыхъ нѣсколько стёсанъ и заостренъ. Не отличаясь остротою, они однакоже весьма крѣпки.

«*Наконечники копій*» (фиг. 79) весьма разнятся между собою, какъ по формѣ, такъ и величинѣ. Нѣкоторые могутъ быть отличены отъ длинныхъ наконечниковъ стрѣлъ, другіе, напротивъ того, гораздо длиннѣе. Многіе изъ нихъ такой грубой работы, что сомнительно, можно ли считать ихъ додѣланными; другіе представляютъ удивительные образчики древняго искусства.

Что касается «*кинжаловъ*» (фиг. 80), то они представляютъ часто невѣроятные образцы искусства древнихъ въ обдѣлкѣ кремня. По своей формѣ они такъ поразительно похожи на металлическіе кинжалы, что нѣкоторые археологи склонны были считать ихъ за копіи бронзовыхъ и слѣдовательно не принадлежащими каменному вѣку. Однако изученіе мѣстностей, въ которыхъ они были найдены, не подтверждаетъ этой гипотезы.

«*Пращи*» или метательные камни встрѣчаются двухъ родовъ. Одни

представляютъ простые куски кремня, грубо обдѣланные нѣсколькими ударами молотка. Судя по условіямъ, въ которыхъ они были найдены, ихъ можно было бы принять за естественные голыши. Про-

Фиг. 79.

Наконечникъ копья.

Фиг. 80.

Кинжалъ.

Фиг. 81.

Кинжалъ со сломанной верхушкой.

фессоръ Стенструпъ считаетъ ихъ за грузила неводовъ; однако нахожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ торфяныхъ болотахъ указываетъ, по моему мнѣнію, скорѣе на то, что они употреблялись какъ пращи. Пращи другаго рода имѣютъ видъ круглыхъ, нѣсколько сплющенныхъ кружковъ, изъ которыхъ нѣкоторые весьма искусно и тщательно отдѣланы.

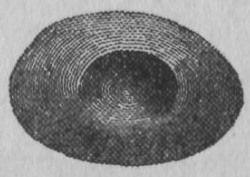
«*Овальные рабочіе камни*» или «Tilhggersteens», какъ ихъ называютъ скандинавскіе археологи, суть овальные или яйцевидные

камни, которые на одной или двухъ сторонахъ снабжены болѣе или менѣе глубокими ямками. Употребленіе этихъ камней съ точностью еще неизвѣстно. Нѣкоторые археологи предполагаютъ, что ихъ употребляли какъ молотки или скобли, держа между большимъ и указательнымъ пальцами. Однако, сравнивая между собою большое число экземпляровъ, не трудно замѣтить, что глубина ямокъ въ нихъ весьма различна, а на нѣкоторыхъ камняхъ встрѣчается даже сквозное отверстіе,—обстоятельство, указывающее, повидимому, на то, что это были грузила или маленькія головки молотковъ. Принадлежали ли эти орудія дѣйствительно каменному періоду, положительно еще не доказано. Другіе камни, продольная ось которыхъ окружена бороздой, очевидно употреблялись какъ грузила.

Фиг. 82.

Метательный камень.

Фиг. 83.



Овальный „рабочій камень“.

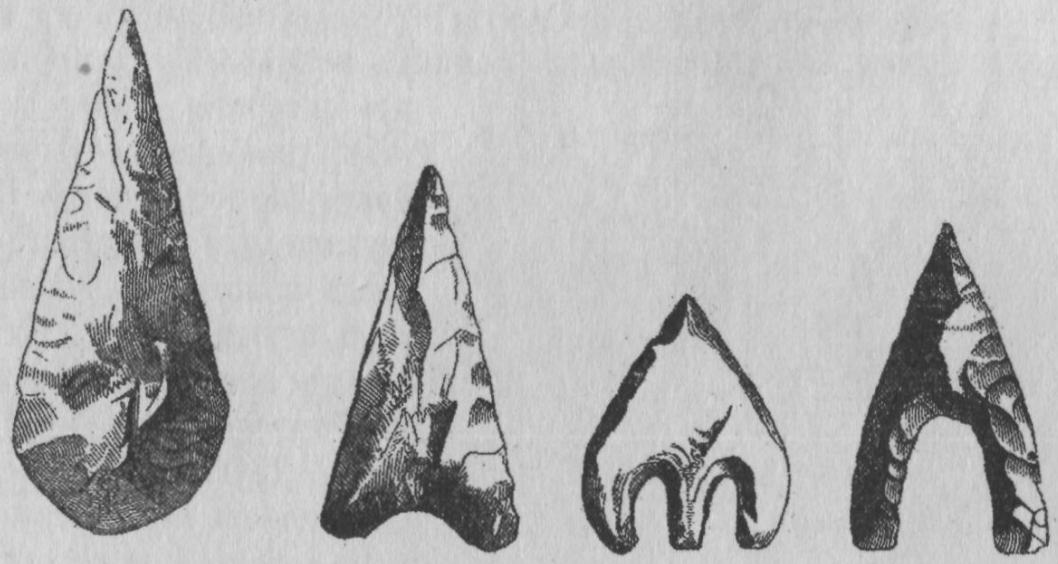
«*Наконечники стрѣлъ*» имѣютъ весьма различную форму: трехъугольную, съ выемкой при основаніи, съ отросткомъ для прикрѣпленія къ древку, сердцевидную, листовидную и т. д. Величина ихъ около дюйма, или нѣсколько болѣе; увеличиваясь, они переходятъ въ наконечники дротиковъ и затѣмъ копій. Большое сходство всѣхъ этихъ стрѣлокъ, даже въ томъ случаѣ, если онѣ происходятъ изъ весьма отдаленныхъ странъ, видно изъ рисунковъ, представляющихъ экземпляры изъ Ирландіи, Франціи, Сѣв. Америки и Огненной Земли.

Различіе формы стрѣлокъ, можетъ-быть, объясняется принадлежностью ихъ различнымъ народамъ,—но вѣроятнѣе, что оно зависитъ отъ различныхъ цѣлей, которыя имѣлись въ виду при ихъ изготовленіи. Такъ, намъ извѣстно напр., что сѣверо-американская боевая стрѣла къ концу утончается для того, чтобы наконечникъ оставался въ ранѣ, по отнятіи древка; охотничья же стрѣла, напротивъ, расширена къ концу, такъ что она можетъ быть вынута вмѣстѣ съ древкомъ.

Есть еще много другихъ кремневыхъ орудій, какъ-то: молотки, пилы (*фиг. 91*), гарпуны и т. д.; однако, если не считать предметовъ, принадлежащихъ древнѣйшему періоду наносовъ, то описанныя формы будутъ представлять главнѣйшіе виды древнихъ инструментовъ и оружія изъ камня.

Рога животныхъ и кости употреблялись не на одни только рукоятки каменныхъ топоровъ, но изъ нихъ дѣлали также и другія простыя орудія. Рога оленей въ особенности, благодаря своей крѣ-

Фиг. 84. Фиг. 85. Фиг. 86. Фиг. 88.



Наконечники стрѣлъ. (Ирландія).

пости, предпочитались для этихъ цѣлей. Самое обыкновенное костяное орудіе это — иголка или шило (фиг. 92). Не менѣе много-

Фиг. 88. Фиг. 89. Фиг. 90. Фиг. 91.

Франція.

Сѣв. Америка.

Огненная земля.

Каменная пила.

численны также извѣстныя продолговатыя орудія вродѣ долота, употребленіе которыхъ трудно опредѣлить съ достовѣрностью.

Иногда попадаются также ребра, расщепленныя на одномъ концѣ

и заостренныя на другомъ. Нѣкоторые археологи думаютъ, что они употреблялись для приготовленія льна, другіе, что съ помощью ихъ дѣлали глиняную посуду. Встрѣчаются также костяные наконечники стрѣлъ, гарпуны. Фиг. 93 изображаетъ костяной гарпунъ изъ болѣе древнѣйшаго періода сѣвернаго оленя. Фиг. 94 изображаетъ сѣверо-американское долото, съ помощью котораго Индѣйцы очищаютъ отъ волосъ шкуры. Упомянемъ еще о пробуравленныхъ зубахъ (медвѣдей и другихъ животныхъ), которые нерѣдко носились повидимому какъ амулеты.

Относительно мѣстонахожденія каменныхъ орудій замѣтимъ еще,

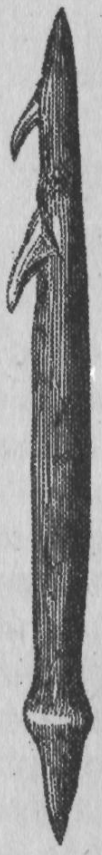
Фиг. 92.

Костяное шило. (Шотландія).

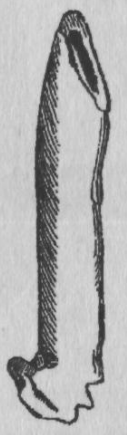
что они часто попадаются на поверхности земли, много выкапываютъ ихъ также при полевыхъ или другихъ земляныхъ работахъ. Отдѣльно найденные экземпляры имѣютъ относительно мало значенія; но если они попадаются въ значительномъ количествѣ, въ особенности вмѣстѣ съ другими остатками,—то они безспорно проливаютъ много свѣта на нравы и обычаи древнихъ временъ. Какъ уже было замѣчено выше, курганы (вообще могильныя насыпи), свайныя постройки и кучи раковинъ имѣютъ въ этомъ отношеніи наибольшее значеніе. Впрочемъ, что касается до датскихъ древностей—то нужно упомянуть еще нѣсколько словъ и о такъ называемыхъ «береговыхъ находкахъ». Эти береговыя находки состоятъ изъ скопленій грубо обтесанныхъ кремневыхъ орудій, которыя встрѣчаются на значительномъ протяженіи въ извѣстныхъ мѣстахъ, вдоль всего морскаго берега и часто на довольно значительномъ разстояніи отъ береговой линіи. Послѣднее, по всей вѣроятности, слѣдуетъ приписать поднятію страны надъ уровнемъ моря, послѣдовавшему уже по окончаніи каменнаго періода. Другіе же лежатъ гораздо ближе къ берегу. Такое скопленіе находится напр. рядомъ со станціей желѣзной дороги Корсёръ, гдѣ оно видно впрочемъ только во время отлива; другія же подобныя мѣста остаются подъ водой и во время отлива. По всей вѣроятности, однакожъ, эти береговыя скопленія камней имѣютъ неодинаковое значеніе. Такъ напр., одно изъ нихъ, находящееся близь Анхольта, было очевидно мѣстомъ мастерской, гдѣ изготовлялись

кремневыя орудія: это доказывается свойствомъ осколковъ и нахожденіемъ болѣе 60 кремневыхъ, болѣе или менѣе оббитыхъ зёренъ. Мѣста, находящіяся теперь подъ водою, вѣроятно были въ томъ же положеніи и въ тѣ отдаленныя времена, а такъ какъ въ Даніи не найдено никакихъ слѣдовъ свайныхъ построекъ, то можно допустить предположеніе, что это были мѣста, гдѣ рыболовы имѣли обыкновеніе развѣшивать свои сѣти. Современные рыбаки точно также выбираютъ для этой цѣли всегда одни и тѣ же опредѣленныя мѣста. Допустивши же такое предположеніе, становится вѣроятнымъ, что многія рыболовныя принадлежности, въ особенности грузила, легко могли теряться на этомъ мѣстѣ, особенно въ продолженіе долгаго времени. Найденные предметы дѣйствительно подтверждаютъ это предположеніе. Они состоятъ, главнымъ образомъ, изъ неправильныхъ обломковъ кремня, изъ грузилъ, осколковъ, скребковъ, шилъ и топоровъ. Эти предметы попадаются почти во всѣхъ «береговыхъ находкахъ», и разница заключается только въ относительномъ числѣ ихъ.

Фиг. 93. Фиг. 94



Гарпунъ. (Франція).



Современное сѣверо американское долото.

Чтобы дать понятіе о приблизительномъ количествѣ этихъ предметовъ, я могу упомянуть, что мы съ профессоромъ Стенструпомъ собрали въ Фрёландѣ, близь Корсёра, не болѣе какъ въ часъ времени: 141 осколокъ, 84 грузила, 5 топоровъ, 1 скребокъ и около 150 обломковъ кремня; въ другой подобной мѣстности я одинъ набралъ въ $2^1/_2$ часа: 76 грузилъ, 40 осколковъ, 30 скребковъ, и значительное количество кремневыхъ осколковъ. Въ мелкихъ и защищенныхъ скалами датскихъ фіордахъ, море почти всегда спокойно и во многихъ мѣстахъ эти остатки кремневыхъ орудій легко могли быть засыпаны пескомъ и такимъ образомъ сохраниться. Такъ было это, безъ сомнѣнія, и съ выше упомянутыми береговыми скопленіями.

Одни изъ нихъ были вырыты впослѣдствіи изъ воды при проложеніи дренажа, другіе при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ; случайное теченіе могло смыть болѣе легкій песокъ и оставить наружу болѣе тяжелые камни; но часто скопленія эти лежатъ, повидимому, нетронутыми, въ томъ видѣ, какъ они отложились съ теченіемъ времени, и

иногда такъ плотно усѣяны бѣлымъ кремнемъ, что уже издали обращаютъ на себя вниманіе.

Конечно, на берегахъ, омываемыхъ такимъ бурнымъ моремъ, какое окружаетъ Англію, остатки эти быстро превратились бы въ гравій. Кромѣ того нужно помнить, что сѣверное море, даже въ теченіе историческихъ временъ, значительно распространилось на счетъ своихъ южныхъ и восточныхъ береговъ. Несмотря на то, подобныя скопленія кремня, во многомъ напоминающія датскія, извѣстны до нѣкоторой степени и въ Англіи.

Такъ, Джемсонъ упоминаетъ объ одномъ мѣстѣ на берегахъ Итана, близь Эллона, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ «могъ наполнить свои карманы кремневыми осколками, недодѣланными наконечниками стрѣлъ, зернами кремня, отъ которыхъ были отбиты осколки, и другими частью еще неописанными образцами древняго искуства». Подобныя же мѣста находятся близь Бридлингтона, Понтлевоя, Спіенія, въ окрестностяхъ Макона и пр. Наибольшее значеніе имѣетъ впрочемъ мастерская кремневыхъ орудій, открытая г-мъ Левеллье близь Pressigny le Grand. Тамъ найдено множество необтесанныхъ топоровъ, камней, кремневыхъ осколковъ, наконечниковъ копій и пр. Разъ наше вниманіе направлено на подобныя находки,—нѣтъ сомнѣнія, что мы найдемъ со-временемъ и еще.

Находки эти не ограничиваются предѣлами Европы: Бёскъ и Лангамъ Дэль нашли въ Капской долинѣ, близь Капштадта (въ Юж. Африкѣ) подобныя же кучи осколковъ и грубыхъ издѣлій изъ кремня, какія были находимы и въ Европѣ. Во всей Америкѣ, Австраліи и Полинезіи недавно еще употреблялись, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этихъ странъ и теперь еще употребляются каменныя орудія. Съ другой стороны, хотя въ Азіи, Африкѣ, подобно тому какъ и въ Европѣ, орудія эти большею частью давно уже вышли изъ употребленія, однако въ Алжирѣ, на мысѣ Доброй Надежды, въ Египтѣ, въ Палестинѣ, Сиріи, Японіи и др. странахъ находки каменныхъ орудій дѣлались неоднократно. Фактъ этотъ служитъ явнымъ доказательствомъ, что и эти страны, подобно европейскимъ, имѣли нѣкогда свой каменный періодъ.

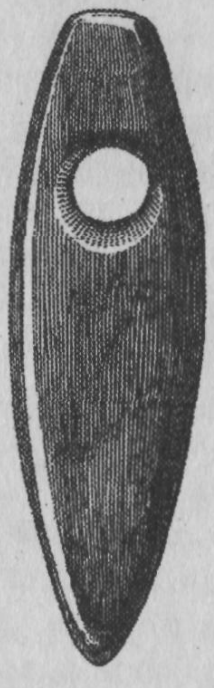
Въ заключеніе, позволимъ себѣ прибавить нѣсколько словъ о каменныхъ орудіяхъ, найденныхъ въ Россіи. — Несмотря на то, что наука доисторической археологіи начала разработываться въ Россіи еще относительно весьма недавно, каменныя орудія (стрѣлки и топорки), были находимы здѣсь, повидимому, съ весьма отдаленнаго

времени, причемъ происхожденіе ихъ объяснялось обыкновенно другимъ путемъ,—именно паденіемъ съ неба, вмѣстѣ съ молніей. По крайней мѣрѣ въ книгѣ, именуемой «*Лусидаріусъ*, сирѣчь просвѣтітель, яже глаголетъ толкованіемъ», заимствованной первоначально съ Запада и извѣстной во многихъ спискахъ, различной редакціи, относящихся къ XVI и XVII вѣкамъ,—такъ объясняется происхожденіе грома и молніи: «сіе бываетъ отъ сраженія облаковъ, егда вѣтры отъ моря придутъ и сразятся на аеръ и смѣсится огнь вкупѣ и бываетъ буря

Фиг. 95.

Каменный клинъ, найденный въ чудскихъ копяхъ Алтая.

Фиг. 96.



Молотъ съ дирой для рукоятки.

сильна, еже и воздухъ разтерзати, и бываетъ стукъ егоже мы слышимъ громъ. Бываетъ же въ то время молнія и исходятъ на землю падающе *стрѣлки громныя и топорки* сероведны, и сіе бываетъ на устрашеніе дѣмономъ, за не бо дѣмони наблюдаютъ тогда на кую страну Богъ казнь напуститъ».—Подобное же мнѣніе удержалось отчасти и до сихъ поръ въ русскомъ народѣ, такъ какъ большею частью всѣмъ такимъ стрѣлкамъ и топоркамъ простолюдины оказываютъ суевѣрное почитаніе и приписываютъ имъ способность излечивать отъ разныхъ недуговъ, наговоровъ и пр.—Для того, чтобъ имѣть понятіе, въ какомъ количествѣ встрѣчаются въ Россіи каменныя орудія, достаточно упомянуть, что въ одномъ Виленскомъ музеѣ древностей, по каталогу его, составленному Кирхоромъ, еще въ 1857 году, находилось болѣе 700 экземпляровъ различныхъ орудій (молотовъ, пращей, клинь-

евъ и пр. Теперь же число это навѣрно еще значительно увеличилось *).

Съ другой стороны, Гревингкъ въ 1865 г. описалъ около 150 каменныхъ орудій, найденныхъ въ предѣлахъ Остъзейскихъ губерній. Далѣе къ сѣверу, въ Финляндіи, именно въ одномъ Гельсингфорскомъ музеѣ, находится болѣе 250 каменныхъ орудій, описанныхъ въ 1863 г. Гревингкомъ. Еще болѣе найдено ихъ было въ смежной Олонецкой губ., гдѣ одинъ генералъ Бутеневъ успѣлъ собрать ихъ, въ промежутокъ времени около 25 лѣтъ, до 400 экземпляровъ, не считая многихъ, найденныхъ гг. Рыбниковымъ, Лерхомъ и др.

Довольно большія собранія различныхъ орудій изъ камня находятся также въ музеѣ Акад. Наукъ, въ музеѣ Горнаго Института, въ Публичномъ музеѣ г. Москвы, въ Зоол. музеѣ Московскаго, въ музеяхъ Казанскаго, Кіевскаго университетовъ, въ музеяхъ Археологическихъ Обществъ, не считая при этомъ находящихся въ частныхъ коллекціяхъ. Значительное число ихъ происходитъ изъ внутреннихъ губерній Россіи, изъ Московской, Костромской, Калужской, Тульской; еще болѣе находили ихъ въ Восточной полосѣ; попадаются онѣ и на югѣ, въ Кіевской, Волынской губ.; наконецъ многіе экземпляры были найдены также въ Сибири, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (на сѣверѣ и къ востоку), они или подобные имъ еще недавно были въ употребленіи у инородцевъ. Вообще можно сказать, что ихъ находили и находятъ всюду въ Россіи, и за недостаточностью произведенныхъ до настоящаго времени систематическихъ археологическихъ розысканій и неизвѣстностью многихъ находокъ, результаты которыхъ остаются достояніемъ немногихъ лицъ, нельзя указать ни одной губерніи, ни одного достаточно обширнаго уѣзда, гдѣ бы нахожденіе подобныхъ орудій можно было вполнѣ отрицать съ достовѣрностью. Обыкновенно ихъ находятъ по одиночкѣ и случайно, при земляныхъ работахъ, на поляхъ, въ лѣсу, при выкапываніи корней, при рытьѣ канавъ, на подмытыхъ водой берегахъ рѣкъ и пр., рѣже въ курганахъ, въ пещерахъ или въ т. наз. «Чудскихъ копяхъ» (въ Сибири). Вслѣд-

*) О томъ, какъ часто попадается въ Зап. Россіи каменное оружіе, можно судить также изъ факта, приводимаго извѣстнымъ археологомъ графомъ К. Тышкевичемъ, который разсказываетъ, что во время плаванія его въ 1838 г. по Западной Двинѣ, когда, миновавъ ея пороги, у горы и замка Кокенгаузена, онъ принужденъ былъ остановиться для осмотра и починки судна, ему бросилась въ глаза растянутая на берегу для просушки сѣть, въ которой, вмѣсто обыкновенныхъ глиняныхъ кружковъ для тяжести, нанизаны были на веревку для этой цѣли каменные молотки, въ числѣ по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ десятковъ штукъ.

ствіе этого, именно вслѣдствіе отрывочности находокъ и отсутствія другихъ слѣдовъ человѣка,—опредѣленіе ихъ относительной древности и значенія, ихъ принадлежности тому или другому народу и періоду является весьма сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что другихъ указаній (какія встрѣчаются напр. на Западѣ въ пещерахъ съ костями, въ свайныхъ постройкахъ, въ «кьёкенмёдингахъ», даже въ тумулусахъ и долменахъ) здѣсь нѣтъ. Находки каменныхъ орудій въ курганахъ и подобныхъ имъ насыпяхъ могли бы представлять, повидимому, бо̀льшее значеніе, но не говоря уже объ относительной рѣдкости такихъ находокъ, самыя могилы до сихъ поръ еще вовсе не классифицированы наукою по эпохамъ и племенамъ, и ученые не согласились еще, какимъ признакомъ они должны по преимуществу руководствоваться при опредѣленіи относительной древности различныхъ изслѣдуемыхъ ими могильныхъ памятниковъ *).

Фиг. 97.

Боевой молотъ.

Какъ бы то ни было, однако несомнѣнно, повидимому, что каменныя орудія, находимыя въ Россіи, относятся къ весьма различнымъ эпохамъ и народностямъ. Извѣстно напр., что на сѣверѣ Сибири до самаго пришествія Русскихъ жили народцы, имѣвшіе оружіе изъ камня и кости и незнавшіе употребленія желѣза. Въ Лаврентьевской Лѣтописи сохранился разсказъ Новгородца Гюряты Роговича (1092), посылавшаго своихъ отроковъ на сѣверъ въ Печору и Югру, о дикихъ народахъ, живущихъ въ горахъ (за Ураломъ?): «и есть не разумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза, и аще кто даетъ имъ ножъ ли, сѣкиру ли, даютъ скорою противу».

*) Могильныя насыпи, встрѣчающіяся по всей Зап., Сред. и Южн. Россіи и во многихъ мѣстностяхъ Сибири, извѣстны у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ—*кургановъ*, *могилъ*, *жальниковъ* (въ Новг. губ., также Зап. краѣ), *сопокъ* (Новг., Твер., Вит. губ:), *маръ* (Пенз., Нижег.), *волотовокъ* (отъ «волотъ», великанъ), *Чудскихъ*, *Батыевыхъ или пановыхъ могилъ*, *панковъ* и пр. Онѣ представляютъ обыкновенно видъ простыхъ земляныхъ насыпей (болѣе обширныхъ и широкихъ на югѣ, болѣе мелкихъ и крутыхъ на сѣверѣ), стоящихъ по-одиночкѣ или рядами, выложенныхъ камнями или заключающихъ въ себѣ каменныя гробницы (на югѣ), а снаружи, поверху, украшенныхъ часто каменными статуями, т. наз. «бабами», въ половину или $^3/_4$ челов. роста, б. ч. женскаго, иног-

Одна старинная рукопись Соловецкаго монастыря говоритъ о жившихъ на сѣверѣ Лопянахъ и Чуди, что «древле быша сіи родове яко звѣріе дивіи живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разселинахъ каменныхъ, не имуще ни храма, ни иного потребнаго къ жительству человѣческому, но токмо животными питахуся, звѣрьми и птицами и морскими рыбами, одежда же кожа еленей тѣмъ бяше. Отнюдь Бога истиннаго единаго и отъ него посланнаго Іисусъ Христа не знаша; ни разумѣти хотяху; но може кто когда чрево насытитъ, тогда они и бога си поставляше, и *аще иногда каменемъ звѣря убиваетъ*, камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое, палицу боготворитъ». Здѣсь сохранилось тоже повидимому преданіе о существованіи у сѣверныхъ инородцевъ Россіи—еще въ относительно недавнюю эпоху—каменнаго вѣка.

Наоборотъ, на югѣ, каменный періодъ окончился повидимому въ весьма отдаленную эпоху. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ мы встрѣчаемъ уже только «желѣзныя стрѣлы»: «лѣтятъ стрѣлы каленыя—трещатъ копія харалужныя»; кромѣ того, мы знаемъ изъ Геродота, что на сѣверъ отъ Чернаго моря съ давнихъ поръ уже жилъ народъ Скифы, хорошо знакомый съ употребленіемъ желѣза.

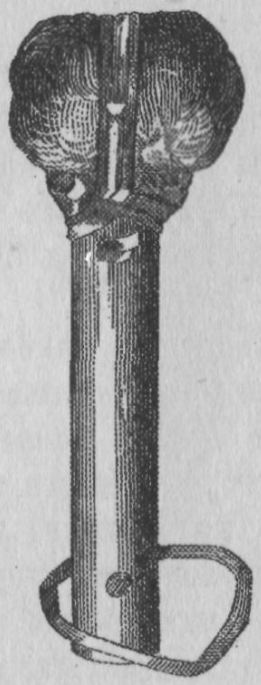
Въ числѣ найденныхъ въ Россіи каменныхъ орудій, наибольшее число принадлежитъ къ полированнымъ или если и обтесаннымъ, то весьма красиво и тщательно; грубо обтесанныя орудія попадаются рѣдко. Относительно матеріала нужно замѣтить, что чаще всего встрѣчаются орудія изъ разныхъ сланцовыхъ породъ, кремнистаго и смолистаго шифера, песчаника, сіенита, діорита, грюнштейна, порфира, даже гранита и нефрита (Сиб.), и пр.; орудія же изъ кремня встрѣчаются относительно рѣдко, почти всегда только обтесанныя, и притомъ большею частью только въ видѣ наконечниковъ стрѣлъ и копій. Впрочемъ, бо́льшее или меньшее число кремневыхъ орудій обусловливается минералогическими условіями мѣстности, т. е. встрѣчается ли въ ней въ достаточномъ развитіи мѣловая формація или нѣтъ. Въ Остзейскихъ губ. напр. кремневыхъ орудій почти вовсе не встрѣчается, въ Финляндіи очень рѣдко, въ Олонецкой губ. тоже (только грубо обтесанные наконечники стрѣлъ и ножи или пилочки, что́ впрочемъ и Лерхъ объясняетъ недостаткомъ въ этомъ краѣ матеріала для точенія и шлифовки кремня). Но уже въ Зап. краѣ крем-

---

да мужскаго пола, съ грубо выраженными частями лица, иногда обличающими монгольскій типъ, съ различными украшеніями на почти голой верхней половинѣ тѣла, съ оригинальной шапочкой на головѣ, съ руками сближенными на животѣ и держащими обыкновенно какой-то сосудъ или чашу.

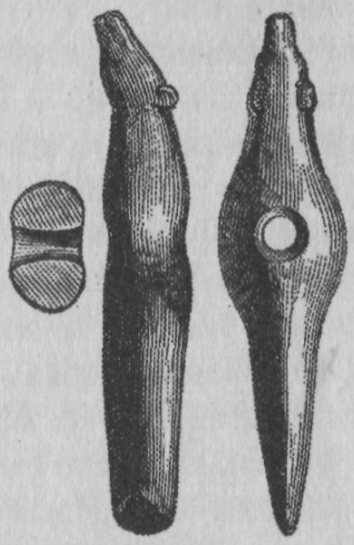
невыя орудія встрѣчаются чаще. По графу Тышкевичу, они здѣсь, по крайней мѣрѣ лучшіе экземпляры ихъ, скандинавскаго происхожденія, но, по Гревингку, кремень встрѣчается весьма часто въ Гродненской мѣловой формаціи, гдѣ онъ и былъ разработываемъ еще недавно на ружейные кремни (до введенія пистоновъ). Еще чаще встрѣчаются орудія изъ кремня (молоты, долота, клинья, ножи, пилы и пр.) въ Волынской губ. (на кремнистой почвѣ), а также въ Вятской и Казанской, гдѣ были найдены: наконечники стрѣлъ и копій, ножи (весьма похожіе на скандинавскіе, описанные Нильсономъ), топоры (похожіе на найденные въ Даніи) и пр., а также кремневые осколки и

Фиг. 98.



Каменный молотъ, укрѣпленный къ деревянной рукояткѣ.

Фиг. 99. Фиг. 100.



Каменная кирка, съ изображеніемъ медвѣжьей головы, найденная въ Олонецкой губер. Сверху и сбоку.

Фиг. 101.

Каменный буравъ.

зерна (нуклеусы), указывающія на ихъ обдѣлку на мѣстѣ. Что касается до формъ встрѣчающихся въ Россіи каменныхъ орудій, то чаще всего встрѣчаются: *наконечники стрѣлъ и копій*, различной величины, съ острымъ или тупымъ концомъ, разнообразной формы, иногда весьма грубой работы, иногда же превосходно отдѣланные, *клинья* (или каменные цельты, съ широкимъ лезвеемъ; могли употребляться какъ топоры), *тёсла*, *долота* (прямыя и выемчатыя, съ рукояткою или безъ оной), *топоры* и *молоты* (рукодѣльные и боевые), самой

различной формы и величины: съ отверстіемъ для укрѣпленія рукоятки, находящимся ближе къ центру или къ тупому концу, или безъ отверстія, гладкіе или съ боковыми выступами и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ топоровъ, по своей изогнутой формѣ и узкости лезвея, похожи на *кирки* или *мотыки;* въ числѣ ихъ въ Олонецкой губ. было найдено нѣсколько весьма тщательной работы, съ тупымъ концомъ, отдѣланнымъ въ видѣ звѣриной головы (медвѣжьей или лосьей), весьма интересныя въ томъ отношеніи, что подобныхъ не находили въ Зап. Европѣ. Предполагаютъ, что это были боевыя орудія. Всѣ эти кирки снабжены, подобно многимъ сѣкирамъ и молотамъ, сквозными дырами для вставленія рукоятокъ, причемъ, при внимательномъ осмотрѣ, особенно разломанныхъ и недодѣланныхъ экземпляровъ, видно, что дыры эти дѣлались не помощью металлическихъ цилиндровъ, а каменными буравами. На недодѣланныхъ экземплярахъ именно можно замѣтить, что отверстія эти имѣютъ коническую, а не цилиндрическую форму; притомъ были найдены каменные стержни или бурава, многогранной формы, повидимому соотвѣтствующіе отверстіямъ. Иные молоты имѣютъ, правда, цилиндрическое отверстіе; но есть основаніе предполагать, что и тутъ эта цилиндрическая округлость достигалась помощью каменныхъ цилиндровъ, нѣсколько экземпляровъ которыхъ дѣйствительно было найдено. По всей вѣроятности, для сверленія отверстій употреблялся сперва тонкій каменный буравокъ, за тѣмъ слѣдовалъ другой побольше и т. д. (всѣ они дѣйствовали при помощи воды и песку), наконецъ каменные цилиндры окончательно выглаживали отверстіе.

Рядомъ съ этими орудіями находятъ иногда еще продыравленные каменные *кружки*, иногда довольно толстые и тяжелые, которые могли, повидимому, будучи насажены на рукоятки, служить молотами, иногда же тонкіе и легкіе, служившіе можетъ-быть, какъ думаетъ гр. Тышкевичъ, эмблемою власти, въ родѣ жезла или булавы. Другіе кружки служили вѣроятно грузилами, по крайней мѣрѣ это несомнѣнно можно утверждать относительно нѣкоторыхъ экземпляровъ, найденныхъ въ Финляндіи и совершенно похожихъ на скандинавскіе, описанные Нильсономъ. Нѣкоторые, наконецъ, могли употребляться какъ метательные или пращевые камни. Въ Финляндіи были найдены также *каменные кружки* съ широкимъ отверстіемъ, неизвѣстнаго назначенія. Наконецъ, находятъ иногда камни, употреблявшіеся, повидимому, для точенія и полированія; такъ, въ Виленскомъ музеѣ находятся большіе камни съ выдолбленіями, въ которыя аккуратно входятъ острія каменныхъ сѣкиръ; другіе же, гладкіе, цилиндрическіе камни употреблялись, какъ уже сказано, для полированія отверстій.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мегалитическіе монументы и могильныя насыпи.

Повсюду въ Европѣ, можно сказать даже на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ только не разрушили ихъ плугъ и молотъ, мы находимъ памятники доисторическихъ временъ—остатки укрѣпленій, городища, валы, тумулусы или курганы, менгиры или стоячіе камни, кромлечи или круги изъ камней, долмены или каменные столы и т. д.; многіе изъ

Фиг. 102.

Датскій тумулусъ (курганъ).

нихъ поражаютъ своею колоссальностью и всѣ вообще весьма интересны, какъ остатки отдаленной старины, происхожденіе которыхъ покрыто непроницаемымъ мракомъ. Изъ всѣхъ этихъ памятниковъ самыми распространенными могутъ конечно считаться тумулусы или курганы. Въ Великобританіи они встрѣчаются почти на каждой равнинѣ, а на Оркнейскихъ островахъ еще въ настоящее время ихъ

насчитываютъ болѣе двухъ тысячъ. Еще чаще они встрѣчаются въ Даніи (много ихъ находится также въ Швеціи, Германіи, Россіи). Вообще можно сказать, что они распространены по всей Европѣ,

Фиг. 103.

начиная отъ границъ Европейской Россіи до Тихаго океана и отъ сибирскихъ степей до равнинъ Индіи: «вся равнина Іелалабада, говоритъ путешественникъ Массонъ,—буквально покрыта валами и

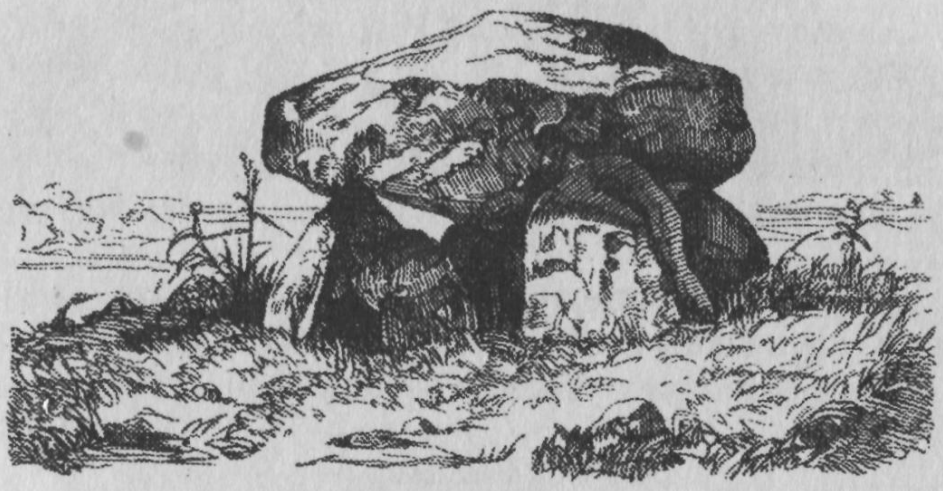
Фиг. 104.

Могильные круги изъ камней.

курганами». Не менѣе многочисленны они въ Америкѣ, гдѣ, говорятъ, ихъ можно считать тысячами и десятками тысячъ; попадаются они и въ Африкѣ, гдѣ самыя пирамиды могутъ быть разсматриваемы, какъ грандіозное выраженіе той же самой первоначальной мысли. Вообще можно сказать, вся земля усѣяна могилами, большая часть которыхъ, правда, довольно незначительной величины, но нѣкоторыя могутъ быть названы очень большими: такъ Сильбёрійскій холмъ (Silbury Hill), самый высокій изъ великобританскихъ кургановъ, имѣетъ сто семьдесятъ футовъ вышины. Впрочемъ, хотя искуственное происхожденіе этого кургана не подлежитъ сомнѣнію, однако не доказано еще, чтобъ онъ служилъ когда-либо для погребенія.

Что касается до стоячихъ камней или «*менгировъ*» *), то по всей вѣроятности они воздвигались въ память какихъ-либо особенныхъ событій и большинство ихъ можно считать надгробными памятниками давно исчезнувшихъ временъ. [Многіе изъ нихъ относятся однакожъ къ эпохѣ, непосредственно предшествовавшей исторической, какъ напр. всѣ тѣ, на которыхъ встрѣчаются руническія или огамныя **

Фиг. 105.



Датскій долменъ.

надписи; а нѣкоторые были воздвигнуты можетъ-быть (какъ полагаетъ г. Фергюссонъ) уже послѣ введенія христіанства, въ историческую эпоху, на могилахъ, на поляхъ сраженій, въ память мѣстныхъ событій и т. д. Весьма часто эти менгиры ставились группами,—рядами или кругами, въ послѣднемъ случаѣ или сами по себѣ, или вокругъ кургана (иногда въ нѣсколько рядовъ по скатамъ его), или—долмена. Что касается послѣднихъ (т. е. долменовъ), то слѣдуетъ замѣтить, что они представляютъ весьма различныя формы: иногда

*) „Менгиръ"—происходитъ отъ кельтскихъ словъ: Maen — камень и hir — высокій, длинный; подобнымъ же образомъ „долменъ"—происходитъ отъ Daul — столъ и Maen—камень, а „кромлечъ"—отъ Crom—кругъ и Lech—камень.

**) Руническія надписи встрѣчаются преимущественно въ Швеціи, затѣмъ въ Норвегіи, Даніи, Англіи и изрѣдка въ Ирландіи; находки въ Торсбергѣ и Нидамѣ показываютъ, что онѣ употреблялись еще во II и III столѣтіяхъ, но начало ихъ относится; вѣроятно, къ болѣе ранней эпохѣ. Руническій алфавитъ состоитъ изъ знаковъ, отчасти похожихъ на буквы греческой и славянской азбуки, отчасти совершенно особенныхъ, и употреблялся преимущественно Норманнами. Что же касается до огамскихъ надписей (Oghams), то онѣ встрѣчаются по преимуществу въ Ирландіи, изрѣдка еще въ Шотландіи и состоятъ изъ бо́льшаго или меньшаго числа зарубокъ, расположенныхъ вдоль одной вертикальной линіи, читаемой снизу вверхъ.

они состоятъ только изъ четырехъ каменныхъ глыбъ или плитъ, покрытыхъ сверху пятою; иногда они сооружены изъ бо́льшаго числа камней, образуютъ камеру (иногда съ подраздѣленіями) или корридоръ (аллею), или то и другое вмѣстѣ и т. д. Иногда они стоятъ особнякомъ и отдѣльно, иногда окружены кругомъ изъ менгировъ или сосредоточены по нѣскольку; въ иныхъ случаяхъ они являются открытыми, въ другихъ—они скрыты подъ насыпью и образуютъ внутренность кургана. При этомъ одни археологи полагаютъ, что такіе покрытые долмены составляютъ особенный родъ этихъ построекъ, другіе же думаютъ, что всѣ долмены были нѣкогда покрытыми, но что, съ теченіемъ времени, у нѣкоторыхъ изъ нихъ земляной покровъ осыпался, былъ раскопанъ, разрытъ, размытъ и проч., вслѣдствіе чего камни и выступили наружу. Послѣднее мнѣніе, несмотря на его кажущуюся несообразность, имѣетъ много за себя (см. «Nature», 1874. № 250), тѣмъ болѣе, что, насколько извѣстно, всѣ долмены служили могилами и долмены открытые вполнѣ сходны по своему устройству съ закрытыми. Встрѣчаются эти постройки чаще всего въ западной части Франціи и въ Даніи, затѣмъ въ Шлезвигъ-Голштейнѣ, Мекленбургѣ, Ганноверѣ, въ южной Швеціи, на западныхъ берегахъ Англіи и Шотландіи, кое-гдѣ въ Ирландіи, а также на островахъ Ла-Манша, наконецъ въ Португаліи и кое-гдѣ въ Испаніи. Въ прочихъ частяхъ Европы и въ Россіи (за исключеніемъ немногихъ, найденныхъ на побережьи Чернаго моря) ихъ нѣтъ; но за то онѣ встрѣчаются въ изобиліи въ Алжирѣ и въ Индіи.

Эти данныя географическаго распространенія, въ связи съ тѣмъ, что каменныя постройки этого рода, несмотря на различіе странъ, представляютъ все-таки много общаго и заключаютъ въ себѣ, кромѣ скелетовъ, большею частью только орудія изъ камня и бронзы, — подали поводъ къ предположенію, что всѣ долмены были воздвигнуты однимъ племенемъ, одною расою, которая по мнѣнію однихъ археологовъ, шла съ сѣвера, изъ южной Швеціи на югъ до Африки, по другимъ же наоборотъ—двигалась съ юга на сѣверъ, изъ Алжира въ Европу. Замѣтимъ впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ долменахъ Европы, кромѣ каменныхъ и бронзовыхъ орудій, были найдены также вещи изъ желѣза и серебра и даже монеты римскихъ императоровъ, что и подало поводъ англійскому архитектору-археологу Фергюссону отнести всѣ эти постройки къ относительно недавней, именно римской и непосредственно слѣдующей за ней эпохѣ, или, точнѣе, къ первымъ десяти вѣкамъ христіанской эры. Нельзя не сознаться, что мнѣніе это уже крайнее, тѣмъ не менѣе оно показываетъ, что вопросъ о

происхожденіи долменовъ—вопросъ еще весьма темный и допускающій самыя разнородныя теоріи для его объясненія.]

Кромѣ этихъ памятниковъ прошлаго, на многихъ возвышенностяхъ и холмахъ Европы мы встрѣчаемъ еще остатки старинныхъ укрѣпленій, городищъ или замковъ. Въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ Шотландіи эти старинныя укрѣпленія отличаются тѣмъ, что (какъ замѣтилъ впервые Дж. Вилльямсъ въ 1777 году) стѣны ихъ (сдѣланныя изъ камня и глины) представляютъ слѣды обжиганія и плавки, указывающія на дѣйствіе сильнаго и продолжительнаго жара. До 1837 года думали, что эти глазированныя укрѣпленія (vitrified forts) составляютъ исключительную принадлежность Великобританіи; но въ этомъ году профессоръ Циппе указалъ на существованіе подобнаго же рода развалинъ въ Богеміи, а въ недавнее время онѣ были найдены также въ Германіи и Франціи *).

Затѣмъ мы должны упомянуть о большихъ плотинахъ и длинныхъ валахъ, пересѣкающихъ по всѣмъ направленіямъ Англію, каковы напр.: Уэнскій валъ, Чортова плотина близъ Ньюмаркета и Оффаскій валъ, который тянется отъ Бристольскаго канала къ Ди, отрѣзая такимъ образомъ Англію отъ Уэллса. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти валы служили отчасти пограничными линіями, а отчасти укрѣпленіями, подобно римскому валу или еще болѣе знаменитой китайской стѣнѣ. [Такіе валы не ограничиваются, впрочемъ, только Англіей, но встрѣчаются также и въ другихъ странахъ Европы. Въ Германіи особую извѣстность имѣетъ система валовъ и шанцевъ Оберъ Лаузица, которая тянется отъ Познани, чрезъ Силезію и Оберъ-Лаузицъ до Саксоніи и которая имѣла, можетъ-быть, нѣкогда связь съ каменными валами Вестфаліи и Рейнской провинціи. Укрѣпленія эти приписываются одними археологами древнимъ Германцамъ, другими—Славянамъ (Вендамъ); послѣднее мнѣніе можетъ быть вѣроятнѣе. Подобные же валы и укрѣпленія встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Россіи, таковъ напр. такъ-назы-

*) Въ Германіи онѣ были изслѣдованы недавно Вирховымъ, который нашелъ, что онѣ состоятъ изъ камней (базальтовъ, долеритовъ), съ примѣсью глины и слѣдами угля, происшедшаго, несомнѣнно, отъ горѣнія дерева; дерево это, безъ сомнѣнія, наполняло всѣ промежутки между камнями (а равно и наружную сторону послѣднихъ) и, будучи зажжено, обжигало и отчасти расплавляло камни. Послѣднее можетъ казаться невѣроятнымъ, такъ какъ для плавки базальта нужна температура въ 1.200°; однако большой гамбургскій пожаръ, послѣ котораго были найдены многіе куски шлаковъ, показываетъ, что подобная высокая температура можетъ быть достижима въ извѣстныхъ случаяхъ и при открытомъ воздухѣ. *Ред.*

ваемый «Траяновъ» валъ, идущій по Кіевской губерніи на протяженіи до 80 верстъ, и другіе].

Что касается кромлечей или каменныхъ круговъ, то, какъ уже сказано, это названіе придается кольцамъ, образованнымъ изъ необтесанныхъ, стоячихъ камней, расположенныхъ на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго и образующихъ въ совокупности одинъ или нѣсколько (въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно концентрическихъ) круговъ. Наичаще встрѣчающійся діаметръ такихъ круговъ равняется приблизительно 100 футамъ, но нѣкоторые изъ нихъ отличаются гораздо бо́льшею величиною: такъ діаметръ самого наружнаго круга въ Авбери (Avebury или Abury) равняется 1.200 футамъ. Обыкновенно отдѣльные камни находятся на равныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго и число ихъ имѣло нѣкогда, по всей вѣроятности, какое нибудь символическое значеніе. Такъ напр., оба внутреннихъ круга въ Авбери, меньшій кругъ въ Стенисѣ и одинъ изъ круговъ въ Стантонъ-Дрью, состояли каждый изъ двѣнадцати камней; наружные круги въ Стоньхенгѣ, образованные изъ стоячихъ камней съ перекладинами,—наружные круги въ Авбери и бо́льшій кругъ въ Стантонъ-Дрью имели каждый по тридцати камней; а самый наружный кругъ въ Авбери – сто камней. Самый замѣчательный изъ этихъ каменныхъ круговъ есть, безъ сомнѣнія, «Стоньхенгъ», въ графствѣ Уильтширъ, въ Англіи; но онъ во многихъ отношеніяхъ уже отклоняется отъ общаго типа, такъ какъ главные камни въ немъ нѣсколько обтесаны и соединены попарно вверху поперечными плитами.

Кромѣ Англіи, гдѣ они достигаютъ наиболѣе грандіозныхъ размѣровъ, каменные круги встрѣчаются также въ Швеціи и Даніи. Во Франціи ихъ нѣтъ, но за то въ Алжирѣ они попадаются довольно часто; кромѣ того есть извѣстія, что они существуютъ въ Сиріи (къ сѣверу отъ Тира) и въ Аравіи. Наконецъ путешественники, ѣздившіе къ сѣверному полюсу, упоминаютъ еще о каменныхъ кругахъ, найденныхъ ими у Эскимосовъ. Но здѣсь эти круги имѣютъ совершенно иное значеніе, такъ какъ они очень малы и составляютъ лишь нижнюю часть жилищъ. Миссіонеръ Лафито — точно также сообщаетъ рисунокъ одного индѣйскаго храма въ Виргиніи, состоящаго изъ круга вертикально-поставленныхъ камней,—но здѣсь на верхушкахъ камней вырѣзаны грубыя изображенія человѣческихъ лицъ. По словамъ Squier'a, каменные круги попадаются и въ Перу. По другимъ извѣстіямъ, они существуютъ и въ Австраліи. По крайней мѣрѣ Симсонъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ въ долинахъ Викторіи, близъ Слоновой горы, множество такихъ круговъ. Діаметръ ихъ простирается отъ 10 до 100 футовъ, причемъ часто внутри большаго

круга заключается другой меньшій. Камни, изъ которыхъ сдѣланы эти круги, разнятся между собою по формѣ и величинѣ, а въ находящихся по близости этихъ круговъ холмахъ часто находили человѣческія кости. У туземцевъ не сохранилось никакого преданія объ этихъ памятникахъ. На вопросъ объ ихъ происхожденіи, всегда получается одинъ и тотъ же отвѣтъ: «не знаемъ».

Что касается до періода или цѣли построенія каменныхъ круговъ въ Европѣ, то исторія не даетъ намъ, въ этомъ случаѣ, никакихъ положительныхъ указаній. Въ нѣкоторыхъ англійскихъ актахъ XIV и XV столѣтій упоминаются, правда, каменные круги Оркнейскихъ острововъ, какъ мѣста, гдѣ производился иногда судъ и разбирательство тяжбъ, однако, руководствуясь тѣмъ, какъ употреблялись эти круги въ сравнительно недавнее время,—нельзя еще дѣлать заключеніе объ ихъ первоначальномъ назначеніи.

Нѣсколько болѣе важное указаніе даютъ «Иліада» (книга 19) и «Одиссея» (книга 8), въ которыхъ упоминается о собраніяхъ старшинъ, сидящихъ на камняхъ, расположенныхъ кругомъ; однако тутъ, въ «Иліадѣ», по крайней мѣрѣ, сказано, что эти камни были полированы. Впрочемъ, относительно британскихъ каменныхъ круговъ не можетъ быть сомнѣнія, что бо́льшая часть ихъ представляетъ надгробные памятники; по всей вѣроятности, съ такою цѣлью они были воздвигнуты всѣ, но, съ теченіемъ времени, нѣкоторые изъ нихъ, подобно другимъ святынямъ, получили значеніе храмовъ.

Что касается до тумулусовъ и менгировъ, то о нихъ упоминается уже въ Библіи: вспомнимъ памятникъ, поставленный Лаваномъ на рубежѣ земель его и Іакова; 12 столбовъ, поставленныхъ Моисеемъ у Синайской горы, и другіе—поставленные Іисусомъ Навиномъ, въ память перехода чрезъ Іорданъ и пр. Съ другой стороны, объ Ахавѣ и его семействѣ сказано, что послѣ того, какъ ихъ побили камнями и сожгли, на прахъ ихъ была навалена куча камней; надъ могилой короля Аи также воздвигнута была каменная насыпь, а Авессаломъ еще до своей смерти приготовилъ себѣ каменный памятникъ.

По свидѣтельству Діодора, Семирамида похоронила своего мужа Нина въ оградѣ дворца и приказала сдѣлать на его могилѣ огромный земляной холмъ, а Павзаній упоминаетъ, что на могилѣ Лая, отца Эдипа, навалена была груда камней. Во время Троянской войны Тидей и Ликусъ были погребены подъ двумя земляными холмами; такой же холмъ воздвигнулъ Ахиллесъ надъ пепломъ своего друга Патрокла. Могильный холмъ, содержавшій въ себѣ, по предположенію Ксенофонта, остатки лидійскаго царя Аліата, отца Креза, былъ сдѣланъ изъ камней и земли и имѣлъ въ окружности около четверти

мили. Позднѣе, Александръ Великій приказалъ воздвигнуть надъ трупомъ друга своего Гефестіона курганъ, который стоилъ ему 1.200 талантовъ, сумма весьма значительная даже для такого завоевателя, какимъ былъ Александръ Великій, такъ какъ она равнялась 232.500 фунтамъ стерлинговъ.

Точно также Виргилій разсказываетъ, что Дерценнусъ, король Лаціума, похороненъ былъ подъ земляпымъ курганомъ, а по показаніямъ древнихъ историковъ, свидѣтельства которыхъ подкрѣпляются розысканіями археологовъ, подобныя могильныя насыпи воздвигались въ древнія времена Скиѳами, Греками, Этрусками, Германцами и многими другими народами. Большая часть, однако, изъ находящихся на западѣ Европы кургановъ принадлежитъ къ временамъ историческимъ, хотя есть между ними нѣсколько и такихъ, происхожденіе которыхъ извѣстно, таковы напр. тумулусы королевы Тиры и короля Горма, умершихъ около 950 г. въ Іеллингѣ, въ Даніи. Съ другой стороны, датскія саги повѣствуютъ, что въ половинѣ VIII столѣтія Сигурдъ Рингъ, побѣдивъ въ битвѣ при Браваллѣ своего дядю, короля Гаральда Гильдетанда, «обмылъ тѣло его, положилъ на боевую колесницу и велѣлъ похоронить въ курганѣ, нарочно сдѣланномъ для этой цѣли. Лошадь убитаго была также зарыта съ нимъ, и притомъ, вмѣстѣ съ сѣдломъ, такъ что Гаральдъ могъ отправиться въ Валгаллу, какъ ему угодно, верхомъ или въ колесницѣ. Затѣмъ Рингъ устроилъ пышный пиръ, подъ конецъ котораго предложилъ присутствующимъ вождямъ бросать въ курганъ въ честь Гаральда ихъ оружіями украшенія, а въ заключеніе курганъ былъ аккуратно закрытъ и засыпанъ» *).

Большинство европейскихъ кургановъ принадлежитъ однакоже, какъ сказано, къ гораздо болѣе отдаленному періоду времени и нѣкоторые изъ самыхъ большихъ относятся, очевидно, къ каменному вѣку, какъ то доказываютъ находимые въ нихъ предметы. При первомъ взглядѣ, правда, можетъ казаться невѣроятнымъ, чтобы напр. большая часть британскихъ кургановъ могла быть сооружена народомъ, незнакомымъ съ употребленіемъ металла; однако мы не должны забывать, что нѣкоторые изъ памятниковъ, находящихся на островахъ Тихаго океана, отличаются не меньшею громадностью. Съ другой стороны, хотя въ курганахъ этихъ были найдены цѣлыя сотни превосходно отдѣланныхъ каменныхъ топоровъ и разныхъ украшеній, однако въ нихъ вовсе не было найдено металлическаго оружія. Нѣ-

*) Въ русской исторіи также упоминается объ насыпи, сдѣланной Олегомъ на могилѣ Аскольда и Дира, и Ольгою надъ могилой Игоря. *Ред.*

которые археологи предполагали, правда, что встрѣчающаяся здѣсь иногда рѣзьба на камняхъ могла быть сдѣлана только съ помощью металла, но дѣйствительные опыты, предпринятые по этому поводу Бертраномъ и Мортилльe, вполнѣ убѣдили меня, что на камнѣ можно весьма удобно рѣзать кремнемъ, тогда какъ бронза не оставляетъ на немъ никакого слѣда. Сэръ Джемсъ Симсонъ точно также пришелъ къ заключенію, что изображенія, начертанныя на нѣкоторыхъ изъ шотландскихъ скалъ, даже на гранитѣ, могли быть сдѣланы и кремневымъ орудіемъ. Въ Англіи существуетъ обыкновеніе называть древніе мегалитическіе памятники «постройками Друидовъ», однако едва ли стоитъ упоминать о томъ, что мы не имѣемъ равно никакихъ серьезныхъ основаній для того, чтобы связывать ихъ съ культомъ Друидовъ.

Самою большой изъ этихъ такъ называемыхъ построекъ Друидовъ есть или вѣрнѣе былъ храмъ Авбери въ Вильтширѣ. Правда, онъ далеко не пользуется такою извѣстностью, какъ Стоньхенгъ (Stonehenge), однако первоначальные размѣры его были, по всей вѣроятности, много больше.

Въ полномъ своемъ видѣ онъ состоялъ изъ кольцеваго рва съ валомъ, окружавшимъ площадь въ 28½ акровъ (акръ=0,37, десятины). Параллельно съ валомъ шелъ большой кругъ изъ стоячихъ камней, а внутри его находились два меньшихъ круга, образованные каждый изъ двойнаго ряда камней меньшей величины. Къ наружному валу примыкали двѣ длинныя извитыя аллеи изъ камней, одна изъ которыхъ шла по направленію къ Бекгамптону, а другая почти доходила до Кеннета, гдѣ она оканчивалась также двойнымъ каменнымъ кругомъ. Въ промежуткѣ между обѣими аллеями возвышался Сильбури-Гиль, самый высокій искуственный курганъ въ Великобританіи, вышина котораго не менѣе 170 футовъ. По положенію этого кургана надо думать, что онъ входилъ въ общій планъ памятника, однако, несмотря на то, что его два раза тщательно изслѣдовали, въ немъ не было найдено никакихъ слѣдовъ древняго погребенія.—Въ общемъ эта мегалитическая руина была, повидимому, когда-то самою красивой во всей Европѣ; къ сожалѣнію, теперь тамъ раскинулась хорошенькая деревенька Авбери, которая, выросши подобно паразитному растенію на древнихъ развалинахъ, на столько разрушила ихъ, что изъ 650 *находившихся здѣсь нѣкогда* большихъ камней въ настоящее время осталось не болѣе двадцати.

[Что касается до цѣли и эпохи построенія этого памятника, то большинство археологовъ считаетъ его воздвигнутымъ въ доисторическую, до-Римскую эпоху, и полагаетъ, что это былъ большой храмъ. Фер-

гюссонъ же оспариваетъ справедливость этого мнѣнія, главнымъ образомъ на томъ основаніи, что 1) трудно допустить, чтобы въ то отдаленное время, при относительно рѣдкомъ населеніи, люди могли придти къ мысли выстроить храмъ такой величины, что въ немъ можетъ помѣститься до $^1/_2$ милліона народу; 2) естественно предположить, что храмъ долженъ былъ имѣть какую-нибудь покрышку, а не состоять только изъ круговъ камней, на которыхъ притомъ не замѣчается никакихъ знаковъ—изображеній, нарѣзокъ и пр.; 3) фактически доказано, что большая часть каменныхъ круговъ меньшихъ размѣровъ заключали въ себѣ древнія могилы и слѣдовательно служили для погребенія и 4) есть нѣкоторыя данныя (впрочемъ весьма сомнительныя и оспариваемыя), что Сильбюрійскій холмъ былъ насыпанъ на Римской дорогѣ, т. е. послѣ Римскаго владычества.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Фергюссонъ предполагаетъ, что Авберійскій памятникъ есть дѣло какой-нибудь побѣдоносной арміи (примѣрно тысячъ въ 10 человѣкъ), которая воздвигнула кругъ изъ камней надъ могилами своихъ убитыхъ товарищей, а въ память сраженія насыпала большой Сильбюрійскій курганъ. При этомъ онъ считаетъ возможнымъ отнести постройку круга къ временамъ историческимъ и думаетъ, что онъ былъ воздвигнутъ арміей короля Артура, послѣ знаменитаго сраженія при Батонскомъ холмѣ, въ 520 г. по Р. Х. Однако нетрудно убѣдиться, что всѣ эти предположенія г. Фергюссона основаны на весьма шаткихъ данныхъ, тѣмъ болѣе, что ни одинъ лѣтописецъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ о построеніи этого круга во времена историческія.

Другой, хотя и нѣсколько меньшій по величинѣ, но не менѣе замѣчательный памятникъ этого рода есть т. наз. Stonehenge (въ графствѣ Вильтширъ, въ 34 англійскихъ миляхъ отъ г. Bath'a). Въ первоначальномъ своемъ видѣ онъ состоялъ: 1) изъ наружнаго круга стоячихъ камней (числомъ 30), соединенныхъ вверху на всемъ протяженіи круга перекладинами (архитравами), 2) изъ внутренняго круга образованнаго 5 большими трилитами и 3) изъ неопредѣленнаго съ точностью числа камней, расположенныхъ отчасти между самымъ наружнымъ кругомъ и кругомъ трилитовъ, отчасти же внутри послѣдняго; кромѣ того въ самомъ нутри находилась (и находится еще) большая лежачая плита, которую многіе археологи признаютъ за жертвенникъ. Всѣ большіе камни наружнаго круга и трилитовъ представляютъ такія же каменныя глыбы кремнистаго песчаника (по мѣстному—sarcens), какія послужили и для постройки Авберійскихъ круговъ, съ тою только разницей, что здѣсь, въ Стоньхенгѣ, онѣ болѣе тщательно обтесаны; камни же самаго внутренняго круга, (которые можетъ быть нѣ-

когда также представляли трилиты), имѣютъ иной видъ и происхожденіе; они не обтесены, носятъ у мѣстныхъ жителей названіе «синихъ камней» и происходятъ, по всей вѣроятности, изъ плутоническихъ горныхъ породъ Корнуэлля или даже Ирландіи. Діаметръ самаго наружнаго круга равняется 100 футамъ, вышина большихъ трилитовъ 16—21 фут., а вышина «синихъ» камней 6—7 фут.]

Ни на одномъ камнѣ не было найдено никакихъ изображеній, или знаковъ, которые могли бы дать какой-нибудь намекъ на ихъ происхожденіе или цѣль постройки. Исторія и преданіе точно также не даютъ намъ въ этомъ случаѣ никакихъ сколько-нибудь достовѣрныхъ указаній. Правда, у одного писателя конца XII столѣтія, Гаральда Камбрійскаго, мы находимъ извѣстіе, что Стоньхенгъ былъ воздвигнутъ около 460 г. по Р. Х. Аврелiемъ Амброзіусомъ въ память британскихъ вождей, измѣнически убитыхъ Генгистомъ и Саксонцами,—однако разсказъ объ этой постройкѣ есть, очевидно, сказка, заимствованная изъ фантастическихъ народныхъ преданій. Гаральдъ разсказываетъ именно «что въ древности былъ въ Ирландіи, въ долинѣ Кильдаръ, близъ замка Наасъ, удивительный кругъ изъ камней, который назывался «пляской великановъ» (Giant's Dance), по той причинѣ, что, какъ говоритъ преданіе, онъ былъ построенъ великанами, которые принесли для него камни изъ отдаленныхъ странъ Африки. Въ самомъ дѣлѣ невозможно объяснить себѣ какимъ образомъ могли быть собраны въ одно мѣсто всѣ эти громадные камни, какъ они были поставлены стоймя и какъ на нихъ были помѣщены въ свою очередь, другіе, не менѣе громадные, поперечные камни; право, можетъ казаться, что они взгромоздились одни на другіе, скорѣе въ мысли строителя, нежели съ помощью подпоръ и подставокъ.—Вотъ эти-то камни, говоритъ исторія, британскій король Аврелій Амброзіусъ и приказалъ волшебнику Мерлину перенести изъ Ирландіи въ Британію. Здѣсь, желая увѣковѣчить память о знаменитой измѣнѣ, она велѣлъ поставить ихъ въ томъ же порядкѣ, какъ они стояли, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ погубленъ Саксами цвѣтъ британской націи и гдѣ безоружные, по случаю мира, молодые защитники королевства были разбойнически убиты измѣнниками.—Разсказъ этотъ очевидно относится къ сагамъ. Большіе камни взяты были, безъ сомнѣнія, изъ окрестностей, гдѣ въ Салисбюрійской равнинѣ и теперь еще можно видѣть сотни такихъ «Sarcens».

Кромѣ того самое названіе «Стоньхенгъ» доказываетъ, по моему мнѣнію, несправедливость мнѣнія, относящаго этотъ памятникъ къ исторической эпохѣ. Обыкновенно принимаютъ, что Стоньхенгъ значитъ «каменная висѣлица»—названіе, объясняемое присутствіемъ трилитовъ, которые, состоя изъ двухъ высокихъ камней съ перекладиною,

дѣйствительно могли напоминать висѣлицу; однако гораздо естественнѣе производить послѣдній слогъ отъ англо-саксонскаго слова «ing»— поле, подобно тому, какъ напр. Кестонъ назывался прежде Kyst-staning или «поле усѣянное каменными гробами». Въ самомъ дѣлѣ, что могло быть болѣе естественнымъ для послѣдующаго населенія, которому ничего не было извѣстно о происхожденіи этой величественной руины какъ назвать ее просто, «поле» или «мѣсто камней»; но это названіе было бы совершенно невозможнымъ, еслибы населеніе знало, кѣмъ или для чего былъ воздвигнутъ этотъ памятникъ.

Съ другой стороны самый планъ и стиль постройки Стоньхенга, кажется, достаточно ясно доказываетъ, что онъ не можетъ быть относимъ къ послѣримской эпохѣ. Нѣкоторые ученые пробовали, правда, возражать, что еслибы Стоньхенгъ существовалъ во времена Цезаря, то о немъ было бы упомянуто какимъ нибудь изъ римскихъ писателей, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Однако Гекатей упоминаетъ о какомъ-то великолѣпномъ кругломъ храмѣ, находящемся на островѣ Гипербореевъ, напротивъ Кельтики, и нѣкоторые археологи принимаютъ это за указаніе на Стоньхенгъ. Съ другой стороны, если Стоньхенгъ, какъ мы предполагаемъ, уже въ то время представлялъ развалины, хотя можетъ и менѣе разрушенныя, чѣмъ теперь, то трудно и ожидать, чтобъ о немъ могло сохраниться какое-либо извѣстіе. Мы знаемъ, что Каледонская стѣна напр. была однимъ изъ самыхъ значительныхъ укрѣпленій сооруженныхъ Римлянами, а между тѣмъ, по увѣренію д-ра Вильсона, о постройкѣ ея слегка только упоминаетъ одинъ римскій писатель; о болѣе же значительномъ кругѣ въ Авбери не упоминается ни у одного изъ средневѣковыхъ писателей.

Существуетъ много данныхъ, указывающихъ, что Стоньхенгъ былъ когда-то мѣстомъ большой святости. Стоитъ только взглянуть на карту генеральнаго штаба, чтобы видѣть, какое множество кургановъ и могилъ находится въ его окрестностяхъ: на три мили въ окружности мы находимъ здѣсь до 300 кургановъ, тогда какъ въ остальныхъ частяхъ области едва ли найдется ихъ нѣсколько десятковъ. Мнѣ кажется, что еслибы намъ удалось опредѣлить древность этихъ кургановъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы могли бы опредѣлить приблизительно и древность самого Стоньхенга.

Но многіе изъ этихъ кургановъ, въ томъ числѣ 131 совершенно не тронутыхъ ранѣе, были изслѣдованы уже довольно давно Сэромъ Рич. Хоромъ. Результаты его раскопокъ показываютъ, что большая часть могилъ заключала въ себѣ сожженные человѣческіе остатки, какіе мы находимъ обыкновенно въ могилахъ бронзоваго періода. Только въ двухъ курганахъ найдены были орудія изъ желѣза, но и

то можно было убѣдиться, что они попали въ курганъ уже при позднѣйшихъ погребеніяхъ, т. е. что владѣтели ихъ не были первоначальными строителями кургановъ.—Изъ прочихъ кургановъ, не менѣе чѣмъ въ 39, найдены были предметы изъ бронзы, а одинъ, въ которомъ найденъ былъ наконечникъ стрѣлы и бронзовая иголка, былъ, повидимому, еще тѣснѣе связанъ съ главною святынею, такъ какъ въ немъ были найдены не только обломки большихъ камней (Sarcens), но и «синихъ», составляющихъ самый внутренній кругъ въ Стоньхенгѣ, и которые, по мнѣнію Сэра Р. Хора, совершенно не встрѣчаются въ Вильтширѣ въ природномъ состояніи.

Основываясь на всѣхъ этихъ фактахъ, мы, кажется, имѣемъ достаточное право считать Стоньхенгъ памятникомъ бронзоваго періода, хотя всю постройку можетъ быть и нельзя отнести къ той же эпохѣ. Можно полагать напр., что внутренній кругъ, состоящій изъ синихъ, необтесанныхъ камней меньшей величины,—древнѣе, нежели остальные. Въ отношеніи къ Авбери, гдѣ всѣ камни находятся въ своемъ естественномъ первобытномъ видѣ,—кругъ въ Стоньхенгѣ, гдѣ большая часть камней грубо обтесана, относится, повидимому, къ болѣе поздней эпохѣ, такъ что если Стоньхенгъ относится къ срединѣ или концу бронзоваго періода, то Авбери долженъ быть отнесенъ къ его началу или даже къ концу каменнаго вѣка.

Что касается до построенія этихъ памятниковъ, то я держусь того мнѣнія, что какъ Стоньхенгъ, такъ и Авбери были храмы *). Относительно другихъ каменныхъ круговъ однакожъ положительно доказано, что они служили мѣстами погребенія. Въ большинствѣ случаевъ, такое мѣсто состоитъ изъ долмена, покрытаго насыпью и окруженнаго кругомъ изъ камней; но иногда мы встрѣчаемъ только одну насыпь, въ другихъ случаяхъ—одинъ долменъ, или даже только одинъ кругъ изъ камней.

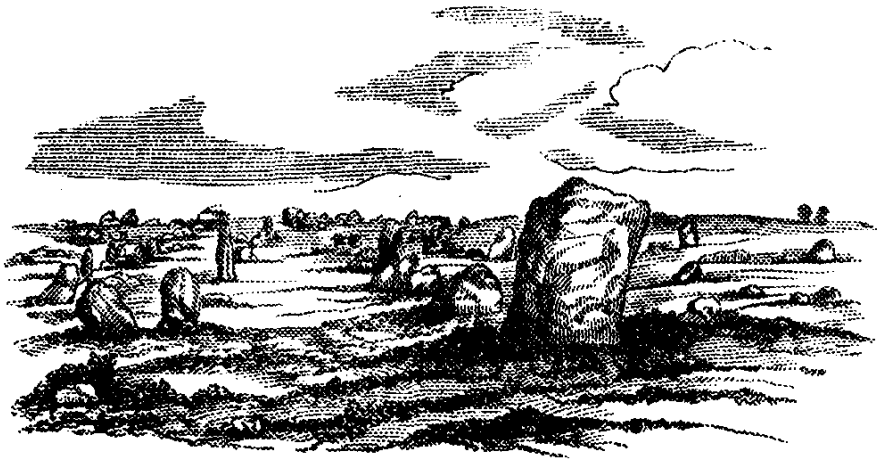
Весьма интересный примѣръ мегалитическихъ монументовъ пред-

---

*) Что Авбери и Стоньхенгъ были храмы, съ этимъ согласны большинство археологовъ, но нельзя того же сказать относительно опредѣленія эпохи ихъ построенія. Такъ, что касается Стоньхенга, то нѣкоторые старинные археологи признавали его за произведеніе римской эпохи, мнѣніе, которое и въ настоящее время раздѣляется Фергюссономъ; другіе—приписывали его сооруженіе Альфреду Великому, древнимъ Бриттамъ, Друидамъ, Датчанамъ и пр. Браунъ утверждалъ, что онъ воздвигнутъ еще до потопа, племенемъ, отличавшимся значительно большимъ ростомъ и силою; Нильсонъ приписываетъ построеніе его Финикійцамъ, и считая его за храмъ Ваалу, полагаетъ, что онъ былъ построенъ около 500 г. до Р. Х., а одинъ писатель даже совершенно отрицалъ его построеніе людьми, полагая, что камни были нагромождены въ этомъ случаѣ самою природою, именно время ледниковаго періода. *Ред.*

ставляютъ намъ, между прочимъ, знаменитые камни близъ Карнака, въ Бретани. Камни эти расположены въ одиннадцать рядовъ, необтесаны и значительно отличаются другъ отъ друга по своей вышинѣ и массивности; одни изъ нихъ поднимаются сажени на три надъ поверхностью земли, между тѣмъ какъ другіе могутъ быть названы очень низкими. Повидимому, эти ряды или аллеи камней тянулись нѣкогда на цѣлыя мили, но теперь отъ нихъ сохранилась только часть, такъ какъ многіе камни, съ теченіемъ времени, были свезены прочь — съ цѣлью обработки почвы. Тѣмъ не менѣе, изъ сохранив-

Фиг. 106.



Карнакъ.

шихся остатковъ можно видѣть, что прежде они составляли одно цѣлое. Фиг. 106 представляетъ копію съ рисунка д-ра Гукера, сдѣланнаго имъ весною 1867 года, когда мы вмѣстѣ съ нимъ путешествовали въ Бретани.

Основываясь на томъ, что большая часть кургановъ этой провинціи принадлежитъ, вѣроятно, каменному вѣку, я полагаю, что и Карнакъ мы можемъ отнести къ тому же самому періоду.

Подобныя мегалитическія постройки не ограничиваются, впрочемъ, одною Европой. Въ отдаленныхъ странахъ Азіи и Африки мы находимъ памятники, совершенно похожіе на такъ-называемые «друическіе» Европы. Такъ, De Saulcy нашелъ въ Моабѣ ряды необтесанныхъ камней и другіе монументы, весьма схожіе, какъ онъ говоритъ, съ кельтскими долменами. Лейтенантъ Оливеръ также упоминаетъ, что Говасы на Мадагаскарѣ до сихъ поръ воздвигаютъ еще монолиты и каменные надгробные памятники, весьма сходные съ тѣми, какіе встрѣчаются въ западной Европѣ.

Что касается Индіи, то, насколько мнѣ помнится, Морисъ пер-

вый обратилъ вниманіе, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этой страны также попадаются различные каменные монументы, «вполнѣ напоминающіе», по выраженію полковника Юля. «тѣ таинственные, одинокіе или сгруппированные по нѣскольку, монументы неизвѣстнаго происхожденія, которые, будучи разсѣяны по всей Европѣ и западной Азіи, столь интересуютъ нашихъ археологовъ». Фергюссонъ идетъ далѣе и весьма остроумно замѣчаетъ, что «буддійская архитектура Индіи, насколько она извѣстна намъ по памятникамъ, относящимся къ промежутку времени между III столѣтіемъ до Р. Х. и VII по Р. Х.,— проявляла свою дѣятельность преимущественно въ постройкѣ надгробныхъ памятниковъ—кургановъ, круговъ, долменовъ и пр., представляющихъ многія черты сходства съ такъ-называемыми друидическими монументами Европы». Такое сходство, во всякомъ случаѣ, слишкомъ велико, чтобы быть случайнымъ, и встрѣчающіяся отклоненія не столько зависятъ отъ различія стиля, сколько отъ различной степени цивилизаціи. Такъ напр. въ индійскихъ курганахъ, которые иногда дѣлались также изъ земли,—«большею частью внутренняя камера выложена бутовымъ камнемъ, а наружная поверхность—каменными плитами или кирпичомъ; кромѣ того первоначально они были, повидимому, всегда окружены оградою изъ стоящихъ камней, хотя въ позднѣйшія времена круги эти дѣлались уже скорѣе въ видѣ украшенія и перестали составлять существенную часть постройки. Въ самомъ замѣчательномъ изъ этихъ памятниковъ, именно находящемся въ Санчи, круглая ограда состоитъ изъ грубо-обтесанныхъ, четыреугольныхъ, вертикальныхъ свай, верхушки которыхъ соединены архитравами, такой же толщины, какъ сами сваи, т. е. совершенно такъ же, какъ въ Стоньхенгѣ: единственное различіе заключается въ томъ, что здѣсь, между вертикальными сваями, помѣщены три поперечныхъ каменныхъ бруска—архитектурная тонкость, которой врядъ ли можно ожидать отъ Кельтовъ».

Относительно каменныхъ круговъ можно замѣтить, что въ Индіи они обыкновенно окружаютъ курганъ; однако это встрѣчается не всегда, такъ какъ есть и такіе, «внутри которыхъ очевидно ничего не было». Кромѣ того, большая часть камней имѣетъ обыкновенно скульптурныя украшенія, однако и тутъ встрѣчаются исключенія; такъ напр. въ Амравати находится безчисленное множество маленькихъ круговъ, изъ необтесанныхъ камней, которые почти какъ двѣ капли воды сходны съ англійскими, и только немного уступаютъ имъ въ размѣрахъ.

Что касается Европы, то мы знаемъ, что камни мегалитическихъ памятниковъ не представляютъ здѣсь никогда никакой рѣзьбы. Впро-

чемъ, въ департаментѣ Шаранты, недалеко отъ Конфолена (Confolens) есть долменъ, верхній камень котораго поддерживается четырьмя тонкими столбиками, съ рѣзными украшеніями.

Однако, я вполнѣ раздѣляю мнѣніе Рошбрюна, что колонки эти были обдѣланы гораздо позднѣе времени сооруженія самого памятника *). Камни въ Стоньхенгѣ грубо обтесаны, но, начиная съ этого времени, мегалитическая архитектура западной Европы, повидимому, уступаетъ мѣсто совершенно иному стилю. Въ Алжирѣ, напротивъ того, она развивалась далѣе. Тамъ мы находимъ тумулусы, весьма правильно сложенные изъ камней, каменные круги, внутреннее пространство которыхъ вымощено. На главныхъ камняхъ одного изъ такихъ круговъ вырѣзаны даже буквы, значеніе которыхъ, однако, еще неразъяснено. Въ Индіи мегалитическая архитектура достигла еще болѣе высокой степени развитія, такъ что только опытный глазъ археолога можетъ признать въ грубыхъ кромлечахъ, каменныхъ кругахъ и тумулусахъ Европы прототипъ роскошно разукрашенныхъ архитектурныхъ построекъ Буддистовъ.

Замѣчательный фактъ, что многія изъ горныхъ племенъ Индіи (Hill-tribes) до сихъ поръ продолжаютъ еще воздвигать менгиры, кромлечи и другія мегалитическія постройки, — иногда поодиночкѣ, иногда рядами или кругами; въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія постройки представляютъ поразительное сходство съ западно-европейскими.

По словамъ Гукера, «у племени Кхазіевъ единственныя, болѣе значительныя церемоніи суть погребальныя, часто производящіяся съ большими издержками и варварскою пышностью. Въ честь умершихъ обыкновенно ставятся памятники, въ видѣ грубыхъ камней гигантскихъ размѣровъ, то одинокихъ, то расположенныхъ рядами или кругами, а иногда поддерживающихъ другіе поперечные камни,—подобно трилитамъ Стоньхенга, съ которыми вообще они могутъ соперничать какъ по величинѣ, такъ и по внѣшнему виду».

Отдѣльно стоящіе столбы имѣютъ иногда значеніе памятниковъ, иногда же воздвигаются въ память какихъ-либо особенныхъ событій. Полковникъ Юль спросилъ однажды одного туземца, не существуетъ ли какого-нибудь преданія объ одномъ изъ такихъ столбовъ, извѣстномъ подъ названіемъ «Масма» (Mausmai), т. е. «камень клятвы»,— и получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Между двумя мѣстечками была война, а когда они помирились между собою и принесли въ томъ клятву,

*) По другимъ археологамъ, въ этомъ долменѣ можетъ считаться древнимъ только одинъ верхній камень; все же остальное — позднѣйшаго происхожденія. *Ред.*

то во свидѣтельство своей клятвы, они и воздвигнули этотъ камень» *).

Д-ръ Гукеръ обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что кхазійское слово для камня «Ма» (Man) точно также часто повторяется въ мѣстныхъ названіяхъ селъ и мѣстечекъ, какъ слоги «man», «maen» и «men» въ Бретани, Уэллсѣ, Корнуэллѣ и т. д. Такъ напр. «Масма» значитъ по-кхазійски камень клятвы,—«Мамлу»—соленой камень,—«Моѳлонь» (Mouflong)—камень, поросшій травою и пр., подобно тому,

Фиг. 107.

Индійскіе долмены.

какъ въ Уэллсѣ, «Penmaenmawr» означаетъ холмъ изъ большихъ камней; «Менгиръ»—стоячій камень; «долменъ»—каменный столъ и т. д. Тѣ, которые полагаютъ, что употребленіе металла было введено въ Европу расой индо-европейскаго происхожденія, найдутъ въ этихъ фактахъ интересное подтвержденіе своего мнѣнія.

Какое значительное сходство эти индійскіе долмены имѣютъ съ европейскими, легко можно видѣть изъ сравненія рис. 104 и 105 съ рис. 107.

По словамъ капитана М. Тайлора, долмены Индіи могутъ считаться вполнѣ тождественными съ западно-европейскими.

Онъ осмотрѣлъ ихъ весьма значительное число и собралъ по-

*) Въ другихъ случаяхъ такіе менгиры воздвигаются въ честь духовъ умершихъ, если духи эти приносятъ счастіе или исцѣленіе отъ болѣзни возносящимъ къ нимъ мольбы родственникамъ. Постройка такихъ долменовъ вызывается обыкновенно обѣтомъ, и если молва о какомъ-нибудь духѣ распространяется, и адресованныя къ нему просьбы бываютъ часто успѣшны, то количество посвященныхъ ему долменовъ можетъ достичь значительнаго числа —5, 7, 25 и т. д., но всегда не парнаго. *Ред.*

дробныя свѣдѣнія о 2.119 такихъ долменовъ, въ округѣ Беллари, въ Деканѣ, причемъ убѣдился, что изъ числа послѣднихъ болѣе чѣмъ 1.100 имѣли въ одномъ изъ боковыхъ камней круглое отверстіе, какъ это иногда встрѣчается и у европейскихъ долменовъ. Отверстіе это вѣроятно дѣлалось для того, чтобы доставлять чрезъ него пищу покойникамъ. У Дюбуа де Монперё, въ его путешествіи на Кавказъ, мы находимъ изображеніе подобнаго же долмена, а Скулькрафтъ упоминаетъ, что краснокожіе Соединенныхъ Штатовъ весьма часто оставляютъ для этой же цѣли отверстіе въ камняхъ, покрывающихъ могилы.

Впрочемъ, мы не должны придавать слишкомъ большаго значенія этому сходству мегалитическихъ сооруженій въ различныхъ частяхъ свѣта. Дайте ребенку ящикъ съ деревянными кирпичиками, и онъ сейчасъ же начнетъ строить изъ нихъ долмены, кромлечи и трилиты, подобные Стоньхенгу, такъ что сооруженіе этихъ замѣчательныхъ памятниковъ можетъ быть разсматриваемо какъ новое доказательство любопытнаго сходства между дикаремъ и ребенкомъ.

Тумулусы или курганы гораздо многочисленнѣе каменныхъ круговъ и пользуются значительно бо̀льшимъ распространеніемъ. Большинство ихъ, безъ сомнѣнія, представляетъ могильныя насыпи, но нѣкоторые могли быть сооружены и въ память какихъ-либо событій, подобно «памятной насыпи» Лавана и Іакова, или холму, сооруженному «десятью тысячами» въ ихъ знаменитомъ отступленіи, когда они на своемъ походѣ впервые увидѣли море.

Бо̀льшая или мѣньшая величина тумулуса можетъ-быть находилась въ связи съ тѣмъ уваженіемъ, которымъ пользовался умершій при жизни; по крайней мѣрѣ Джемсъ говоритъ, что это было такъ у сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ. У горныхъ Шотландцевъ употребительно пожеланіе: «Curri mi clach er du cuirn», т. е. «и я прибавлю камень къ твоей могилѣ», а м-ръ Р. Грей сообщилъ мнѣ, что обычай этотъ еще до настоящаго времени существуетъ на Гебридскихъ островахъ, подобно тому, какъ и у многихъ другихъ дикихъ или полудикихъ народовъ.

Слѣдующее замѣчаніе Скулькрафта, сдѣланное имъ относительно сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ, можетъ быть приложено ко многимъ другимъ дикимъ народамъ. «Все, что принадлежало покойнику, будь это, относительно, самыя дорогія вещи, — все это зарывается вмѣстѣ съ его тѣломъ. Драгоцѣнныя одежды, оружіе, украшенія и орудія—все помѣщается въ могилу», которая «выбирается, повозможности, въ живописной мѣстности, на какомъ-нибудь холмѣ или возвышеніи, въ уединенной долинѣ». Сѣверо-американскіе Индѣйцы до послѣдняго времени, говорятъ, сохраняли расположеніе къ Фран-

цузамъ за то, что послѣдніе, во время своего владычества въ Америкѣ, никогда не тревожили могилъ туземцевъ.

Повидимому, въ каменномъ періодѣ не были въ употребленіи гробы, хотя Гринуэлль и находилъ иногда при своихъ раскопкахъ слѣды истлѣвшаго дерева, а въ одномъ случаѣ ему удалось замѣтить даже отпечатокъ доски. Большая часть тумулусовъ представляетъ просто насыпи изъ земли или камней, насыпанныя надъ пепломъ или трупомъ покойника; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ насыпь заключаетъ въ себѣ каменную цисту, очевидно предназначавшуюся для заключенія въ ней останковъ умершаго, а иногда мертвый погребался въ долменѣ, который потомъ засыпался землею. Такіе долмены, закрытые или открытые, встрѣчаются, какъ уже сказано, въ Сѣверной Африкѣ и въ Индіи. Многіе археологи утверждаютъ, что всѣ долмены были первоначально закрыты землею или кучею камней, но другіе думаютъ, что нѣкоторые изъ нихъ могли быть оставляемы съ намѣреніемъ открытыми.

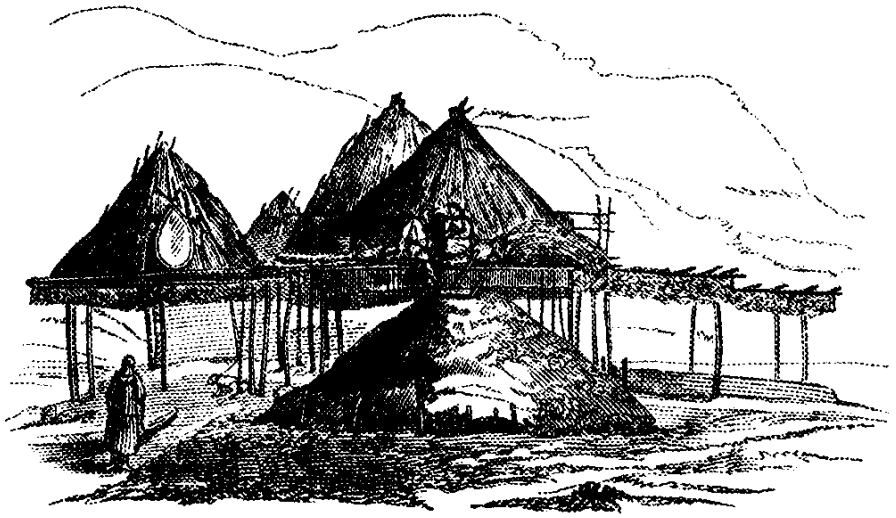
Нѣкоторые изъ древнѣйшихъ тумулусовъ Скандинавіи имѣютъ особенное устройство. Они заключаютъ въ себѣ ходъ или корридоръ, образованный большими каменными глыбами, который всегда (по крайней мѣрѣ въ Бретани) открывается на югъ или на востокъ,— никогда на сѣверъ и ведетъ въ большую центральную камеру, вдоль стѣнъ которой сидятъ мертвые.

Въ 1830 году, близъ Гольдхавена, была вскрыта, напримѣръ, одна подобная могила (если ее можно только назвать этимъ именемъ), и въ ней было найдено множество скелетовъ, сидящихъ на низенькихъ сидѣньяхъ вдоль стѣнъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ возлѣ себя свое оружіе и украшенія. Интересно, что жилища нѣкоторыхъ полярныхъ народовъ, какъ напр. «зимнія землянки» Эскимосовъ и Гренландцевъ или «юрты» Чукчей во многихъ отношеніяхъ весьма напоминаютъ эти скандинавскія могилы съ корридорами (Ganggräber). Такъ напр. зимнія юрты многихъ сибирскихъ инородцевъ находятся наполовину въ землѣ и, будучи покрыты сверху также землею, весьма напоминаютъ своимъ видомъ издали небольшіе курганы. Еще бо̀льшее сходство представляютъ хижины или «гаммы» Лопарей, какъ то можно видѣть изъ рис. 109, представляющаго планъ одной такой хижины, найденной близъ Комачфіорда и описанной м-ромъ Брукомъ. Она была сдѣлана изъ дерна, поддерживаемаго грубымъ остовомъ изъ сплетенныхъ сучьевъ, а щели были аккуратно заткнуты мохомъ. Наибольшая вышина ея равнялась 6 футамъ, ширина—14, а длина - 30 футамъ. A есть наружная дверь; B—корридоръ, имѣющій 3 фута вышины, 6—ширины и 12—длины; C—внут-

ренняя дверь, открывающаяся въ гамму D; E — очагъ, сдѣланный изъ нѣсколькихъ большихъ камней; F—отверстіе въ крышѣ для выхода дыма; GG—мѣста для спанья, служащія также для поддержки крыши; H—отгороженное мѣсто для овецъ и козъ. (См. прибавл.)

Сравненіе плана этой хижины съ планомъ тумулуса показываетъ довольно наглядно, насколько подобныя жилища представляютъ сходства съ «Ganggräber». Очень возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, разрушившіяся жилища этого рода были ошибочно принимаемы за могильные тумулусы; это именно въ тѣхъ случаяхъ, когда изслѣдованныя насыпи содержали въ себѣ много сломанныхъ орудій, глиняной посуды, золы и пр. и вовсе не заключали человѣческихъ костей: короче сказать, выказывали многіе слѣды жизни и ни одного— смерти. Кромѣ того, намъ извѣстно, что у многихъ дикихъ наро-

Фиг. 108.



Лѣтнія и зимнія жилища Камчадаловъ.

довъ существуетъ суевѣрное отвращеніе отъ вещей, которыя принадлежали покойнику. Иногда отвращеніе простирается даже на домъ умершаго, такъ что его либо покидаютъ, либо обращаютъ въ могилу. Индѣйцы на Амазонской рѣкѣ хоронятъ своихъ покойниковъ подъ своими жилищами, которыя не покидаются родственниками. Но у Новозеландцевъ, по словамъ Тайлора, «если владѣлецъ дома умретъ и будетъ похороненъ въ своемъ домѣ, то послѣдній оставляется со всѣмъ, что̀ въ немъ было. Дверь его затворяется, окрашивается охрою, въ знакъ того, что она «tapu», и съ тѣхъ поръ никто уже не смѣетъ входить въ нее. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, говоритъ онъ, *половина домовъ принадлежатъ умершимъ*».

Жители острововъ Торресова пролива также употребляютъ свои хижины для погребенія покойниковъ.

Путешественникъ Денгамъ также сообщаетъ, что въ большомъ королевствѣ центральной Африки, Борну, «мертвые погребаются безъ всякихъ памятниковъ и надгробныхъ камней, прямо подъ поломъ ихъ собственнаго жилища. Простолюдины продолжаютъ жить въ такихъ домахъ, какъ и прежде, но у высшаго сословія существуетъ обычай всегда оставлять такія жилища и строить новыя. Тотъ же обычай существуетъ у Дагомейцевъ, Іорубовъ и другихъ племенъ. Еще большій интересъ представляетъ существованіе подобнаго обычая у Эскимосовъ, которые точно также оставляютъ иногда покойниковъ въ тѣхъ хижинахъ, которыя они занимали при жизни; а между тѣмъ, выше уже было говорено, насколько планъ этихъ хижинъ (сдѣланныхъ изъ льда) представляетъ сходства съ устройствомъ скандинавскихъ «Ganggräber».

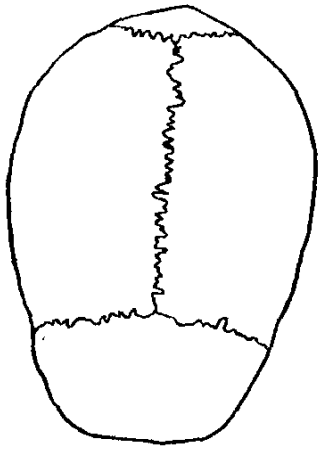
При такихъ обстоятельствахъ, мнѣніе Нильсона, маститаго шведскаго археолога, представляетъ значительную долю правдоподобности. Нильсонъ полагаетъ именно, что эти могилы съ коррридорами—«Ganggräber» — были копіями или подражаніями жилыхъ хижинъ: древніе жители Скандинавіи, неумѣвшіе представлять себѣ будущую жизнь, какъ отличную отъ настоящей, вообразить иной міръ, «старались выказать свою любовь и уваженіе къ усопшимъ тѣмъ, что хоронили съ ними всѣ тѣ вещи, которыя были имъ дороги при жизни: съ женщинами—ихъ украшенія, съ воинами—ихъ оружіе. Они хоронили иногда даже домъ, съ его владѣльцемъ, такъ что могила дѣлалась буквально жилищемъ умершаго. Когда умиралъ какой-нибудь значительный человѣкъ, его сажали на его любимое мѣсто, ставили передъ нимъ пищу и питье, клали около него оружіе, и затѣмъ домъ его запирался, дверь заваливалась, иногда, впрочемъ, только на время, покуда жена и дѣти покойнаго не являлись на соединеніе съ нимъ въ царствѣ тѣней».

Во Франціи и въ Англіи такія могильныя камеры попадаются сравнительно гораздо рѣже, что можетъ-быть объясняется большею мягкостью здѣсь климата, дѣлающей употребленіе «зимнихъ землянокъ» излишнимъ, или—различіемъ племени. Дальнѣйшія изслѣдованія, по всей вѣроятности, помогутъ намъ разъяснить этотъ вопросъ. Замѣтимъ впрочемъ, что въ сѣверныхъ частяхъ Великобританіи довольно часто встрѣчаются такъ-называемые «дома Пиктовъ» (Picts Houses), которыя, «по своему внѣшнему виду, едва отличимы отъ большихъ тумулусовъ, но по снятіи насыпи оказывается, что они заключаютъ въ себѣ рядъ камеръ, сдѣланныхъ изъ большихъ плитъ и сходящихся къ центру, въ которомъ прежде устроено было, повидимому, отверстіе для свѣта и для воздуха. Эти постройки представляютъ

значительное сходство съ жилыми землянками многихъ народовъ, исключая того, что онѣ стоятъ на поверхности земли и покрыты сверху искусственною насыпью».

По мнѣнію Батемана (Bateman), сужденіе котораго въ особенности важно, такъ какъ оно основано на изслѣдованіи около 400 кургановъ, большая часть которыхъ была разрыта въ его присутствіи, «всѣ британскіе курганы, за исключеніемъ немногихъ, заключающихъ въ себѣ камеры или галлереи и встрѣчающихся въ Беркширѣ, Вильтширѣ, Ирландіи и пр., равно какъ и тѣхъ, которые принадлежатъ позднѣйшему саксонскому періоду, представляютъ въ сущности одно и тоже устройство во всѣхъ мѣстностяхъ. Главная особенность этихъ могильныхъ насыпей заключается въ томъ, что онѣ содержатъ въ себѣ грубо сложенный изъ камня склепъ или камеру, или ящикъ (называемый кое-гдѣ по мѣстному—kistvaen); иногда же мѣсто послѣдняго занимаетъ яма, углубленная нѣсколько ниже материка и выложенная каменными плитами; въ такую яму клали обыкновенно пепелъ или трупъ умершаго».

Фиг. 109.



Длинный черепъ изъ Дербишира.

Продолговатые тумулусы (long barrows) Великобританіи сходны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ скандинавскими «Ganggräber» и, подобно послѣднимъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ встрѣчаются большія каменныя глыбы, — содержатъ въ себѣ мегалитическія камеры, въ которыхъ погребены не сожженные трупы. Въ тумулусахъ этого рода не было найдено ни малѣйшаго слѣда металла; поэтому, по всей вѣроятности, они относятся къ каменному періоду. Найденные въ нихъ черепа очень длинны и узки, вслѣдствіе чего они и были названы д-ромъ Вильсоно «ладьевидными» (Kumbecephalen). Рис. 109 представляетъ одинъ изъ такихъ череповъ, найденный въ Лоньлау (Longlow), близъ Ваттона въ Дербиширѣ. Курганъ этотъ заключалъ въ себѣ остатки 13 человѣкъ, похороненныхъ въ сидячемъ положеніи въ каменной цистѣ изъ большихъ камней и имѣвшихъ при себѣ различные предметы изъ кремня, въ томъ числѣ три тщательно отдѣланныя стрѣлы. Въ круглыхъ англійскихъ тумулусахъ длинные черепа попадаются сравнительно гораздо рѣже, точно также какъ, наоборотъ, по крайней мѣрѣ въ Вильтширѣ и Глочестерширѣ, въ продолговатыхъ тумулусахъ не было найдено ни одного круглаго черепа.

Фактъ этотъ, повидимому, подтверждаетъ афоризмъ Тёрнама, вы-

разившагося такимъ образомъ: «длинныя могилы — длинные черепа, круглыя могилы — круглые черепа». Этотъ выводъ основанъ на измѣреніи 137 череповъ, изъ которыхъ 70 взято изъ круглыхъ, а 67 изъ продолговатыхъ кургановъ. При этомъ нужно замѣтить, что не было сдѣлано никакой преднамѣренной отборки, а приняты во вниманіе всѣ извѣстные и мало-мальски сохранившіеся черепа, происхожденіе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Измѣренія показали, что если мы назовемъ долихоцефалами или длинными—черепа, ширина которыхъ относится къ ихъ длинѣ менѣе чѣмъ 73 къ 100, ортоцефалами тѣ, ширина которыхъ относится какъ 74—7 ко 100, и брахицефалами или короткими тѣ, ширина которыхъ относится къ длинѣ какъ 80 или болѣе къ 100,—то мы получимъ слѣдующій результатъ.

	Долихоцефалы. (63—73)	Ортоцефалы. (74—79)	Брахицефалы. (80—82)
Въ продолговатыхъ тумулусахъ	55	12	0
Въ круглыхъ тумулусахъ	0	26	44

Такимъ образомъ изъ 70 череповъ, добытыхъ въ круглыхъ тумулусахъ, нѣтъ ни одного длиннаго, а изъ 67, найденныхъ въ продолговатыхъ тумулусахъ, ни одного короткаго.—Фактъ этотъ, повидимому, указываетъ на различіе племенъ; и д-ръ Тёрнамъ склоненъ думать, что долихоцефалы принадлежали неолитическому періоду, а брахицефалы бронзовому.

До сихъ поръ еще ни въ одномъ изъ кургановъ не было найдено никакихъ остововъ вымершихъ млекопитающихъ. Даже сѣверный олень, насколько только можно судить по произведеннымъ до сего времени раскопкамъ, уже не существовалъ въ то время въ зап. Европѣ. Съ другой стороны, какъ уже было упомянуто, находимыя здѣсь каменныя орудія носятъ совершенно другой характеръ, чѣмъ тѣ, которыя употреблялись въ продолженіе палеолитическаго періода.

Вслѣдствіе этого, насъ не долженъ удивлять тотъ фактъ, что черепа, находимые въ курганахъ, приписываемыхъ каменному періоду, указываютъ намъ, что Европа уже въ ту отдаленную эпоху была населена разными племенами. На континентѣ Европы, точно также какъ и въ Англіи, курганы заключаютъ въ себѣ то короткіе черепа (похожіе нѣсколько на черепа Лопарей), то долихоцефальные или длинные. Проф. Вирховъ публиковалъ недавно результаты своихъ изслѣдованій надъ черепами, найденными въ датскихъ курганахъ и сохраняющимися въ Копенгаген-

скомъ музеѣ. Откинувъ неполные экземпляры и тѣ, которые принадлежали очень молодымъ особямъ, онъ изучилъ 41 черепъ, относящихся, какъ предполагаютъ, къ каменному вѣку, 3 относимыхъ къ бронзовому періоду и 5 къ желѣзному; всѣ эти черепа были сравнены имъ съ черепами Лопарей (6), Гренландцевъ (5) и Финновъ (3), находящимися въ той же коллекціи. Результаты измѣреній показали, что черепа каменнаго періода относятся къ ортоцефальнымъ, съ наклонностью къ брахицефализму, экземпляры же бронзоваго и желѣзнаго періодовъ къ долихацефаламъ. Впрочемъ изъ такого незначительнаго числа экземпляровъ трудно было сдѣлать окончательный выводъ. Притомъ, если мы предположимъ даже, что иная форма череповъ бронзоваго періода указываетъ на вторженія въ Европу новаго племени,—нельзя принимать, чтобы прежніе обитатели были совершенно истреблены новыми пришельцами; по всей вѣроятности, при этомъ были бы пощажены молодыя женщины. Вообще, покуда мы не обладаемъ достаточнымъ числомъ данныхъ, было бы слишкомъ отважно разсуждать о типѣ населенія бронзоваго періода.

Черепа Гренландцевъ принадлежатъ къ долихоцефаламъ, а Лопари и Финны, напротивъ того, могутъ быть названы брахицефалами; но Вирховъ замѣчаетъ, что если въ этомъ отношеніи черепа послѣднихъ и напоминаютъ нѣсколько типъ датскихъ череповъ каменнаго періода, то за то они представляютъ большое различіе въ отношеніи своей ширины и высоты, такъ что племенное сродство между ними не можетъ быть доказано.

Иногда даже черепа одного и того же кургана значительно разнятся одинъ отъ другаго по своей формѣ. Такъ, въ числѣ экземпляровъ, найденныхъ въ большомъ тумулусѣ Борреби, въ Даніи, были и короткіе и длинные, представляя колебанія ширины отъ 71,8 до 85,7, въ отношеніи длины принятой за 100, слѣд. не менѣе чѣмъ на 14%.

Нѣкоторые археологи высказывали предположеніе, что заботливость, съ которою хоронили мертвыхъ, и обычай класть возлѣ нихъ различныя орудія, служатъ доказательствомъ того, что люди, воздвигавшіе курганы, вѣрили въ безсмертіе души и матеріальное существованіе послѣ смерти. «Что древній Бретонецъ вѣрилъ въ загробную жизнь, это ясно видно, говоритъ Вильсонъ, — изъ того факта, что возлѣ мертвыхъ клалось не только ихъ оружіе, орудія и украшенія, но также и сосуды, которые, по всей вѣроятности, заключали въ себѣ пищу и питье. Эти же данныя показываютъ, насколько грубы были въ то время представленія о загробной жизни». Однако мертвые далеко не всегда были такъ хорошо снабжены всѣмъ тѣмъ, что необходимо для удовлетворенія главныхъ жизненныхъ потребностей; напротивъ того

такіе случаи скорѣе можно считать за исключенія, чѣмъ за правило. По крайней мѣрѣ изъ числа 250 кургановъ, описанныхъ сэромъ Р. Хоромъ, въ первомъ томѣ его знаменитаго сочиненія «Древній Вильтширъ» только въ 18-ти были найдены орудія изъ камня въ 31—изъ кости, въ 17 изъ бронзы, а въ 11-ти изъ желѣза; съ другой стороны, хотя глиняная посуда была найдена въ 107 могилахъ, въ 60 случаяхъ она состояла только изъ урнъ, очевидно предназначенныхъ для помѣщенія пепла умершихъ, а отнюдь не пищи. Что касается впрочемъ каменныхъ орудій, то есть основаніе полагать, что сэръ Р. Хоръ просмотрѣлъ нѣкоторые изъ болѣе грубыхъ. Поэтому я буду, главнымъ образомъ, дѣржаться результатовъ, добытыхъ раскопками Батемана и Гринуэля.

Несмотря на то, что значительное число кургановъ, изслѣдованныхъ Батеманомъ, уже прежде подвергались раскопкамъ,—297 изъ числа ихъ еще не были до него тронуты, и хотя онъ тщательно записывалъ всякій осколокъ кремня, все-таки не менѣе чѣмъ въ ста изъ этихъ кургановъ не было найдено никакихъ орудій—ни каменныхъ, ни металлическихъ, а глиняной посуды, кромѣ урнъ, было найдено всего только 40 штукъ. Трудно думать также, чтобы эти скудно снабженныя могилы принадлежали врагамъ или бѣднымъ людямъ. Мы можемъ быть увѣрены, что тумулусы, устройство которыхъ требовало столько труда, воздвигались исключительно въ честь богатыхъ и знатныхъ, хотя впослѣдствіи они могли безъ сомнѣнія служить иногда и для погребенія бѣдныхъ. Однако первичное погребеніе можетъ быть почти всегда довольно легко отличено отъ послѣдующихъ, потому что если и бывали случаи, когда покойникъ позорнымъ образомъ вынимался изъ могилы, чтобы освободить мѣсто для другаго, то такіе случаи весьма рѣдки; обыкновенно же вторые трупы лежатъ сверху первыхъ, или съ боку тумулуса. Тоже самое чувство, которое побуждало нашихъ предковъ отдавать предпочтеніе къ погребенію въ старинныхъ тумулусахъ, удерживало ихъ и отъ святотатственнаго осквернения похороненныхъ въ этихъ курганахъ труповъ.

Фактъ, что во многихъ британскихъ тумулусахъ (какъ оказалось изъ раскопокъ Батемана и Гринуэля), не было найдено никакихъ вещей, показываетъ, что не каждому умершему клали въ могилу его орудія и украшенія. Могила Кронкстонъ Гилля, напримѣръ, заключала въ себѣ скелетъ мужчины, около котораго лежали сожженные остатки другой особы, вѣроятно раба или можетъ-быть жены, принесенной въ жертву на его могилѣ; но изъ вещей здѣсь было найдено только какое-то «круглое орудіе», по всей вѣроятности кремневый скребокъ или пращевый камень. Точно также курганъ, извѣстный

подъ названіемъ «Хау-Ло» (How-Low) не заключалъ въ себѣ ничего кромѣ костяной булавки. Еслибы нѣжные родственники, насыпавшіе этотъ курганъ, вѣрили, что предметы, зарытые вмѣстѣ съ мертвымъ, могутъ принести послѣднему какую-либо пользу, то безъ сомнѣнія *они не отпустили бы свою покойницу на тотъ свѣтъ съ одною только* булавкой. Даже большой тумулусъ въ «Арборъ Лау (Arbor Low) заключалъ въ себѣ изъ вещей только одну костяную иголку, кусокъ сѣрнистаго желѣза, какой-то почковидный инструментъ изъ кремня и два глиняныхъ горшка. Легко можно бы было насчитать еще много подобныхъ примѣровъ; но, мнѣ кажется, приведенныхъ уже достаточно для того, чтобы видѣть, что предметы, находимые въ могилахъ, вовсе не указываютъ на существованіе опредѣленнаго вѣрованія въ загробную жизнь, въ которой эти предметы могли бы быть полезны умершему. Притомъ почти каждый случай здѣсь представляетъ свои характеристическія особенности, которыя, повидимому, указываютъ на то, что присутствіе этихъ грубыхъ или малоцѣнныхъ орудій въ могилахъ составляетъ не столько результатъ народнаго вѣрованія, сколько признакъ личной привязанности.

Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ довольно рѣдкихъ случаяхъ, вмѣсто орудій были находимы ихъ небольшія модели. Въ могилахъ современныхъ Эскимосовъ также находятъ иногда маленькія модели каяковъ, дротиковъ и т. д.; такой же обычай замѣченъ былъ и въ Египтѣ. Г. Франксъ сообщилъ мнѣ, что украшенія, находимыя въ этрусскихъ гробницахъ бо́льшею частью до того тонки, что едва ли онѣ могли быть употребляемы при жизни. Въ Японіи, лицамъ, обладающимъ правомъ носить при жизни одинъ или нѣсколько мечей, кладутъ въ могилу деревянныя модели этихъ мечей; а въ Китаѣ долго существовалъ обычай сожигать вырѣзанныя или нарисованныя изображенія лошадей, модели денегъ и другихъ предметовъ, въ предположеніи, что изображенные предметы дѣйствительно сдѣлаются на томъ свѣтѣ собственностью умершихъ.

Мы не должны забывать, что древніе тумулусы и курганы не составляютъ принадлежности одной только эпохи и одного племени. Правда, до сихъ поръ еще не найдено тумулусовъ, которые относились бы къ палеолитическому или древне-каменному періоду, но начиная съ неолитическаго или позднѣйшаго каменнаго періода, обычай насыпать курганы существовалъ, *повидимому, вплоть до введенія христіанства.* Мало того, изученіе этихъ могильныхъ насыпей дало первый поводъ сэру Р. Хору (Hoare) и другимъ археологамъ приложить къ сѣверной Европѣ раздѣленіе на три большіе періода культуры,—раздѣленіе, которое въ особенности рѣзко было проведено въ Даніи. Здѣшніе архео-

логи пришли къ убѣжденію, что различіе между тумулусами каменнаго періода и курганами бронзоваго на столько рѣзко и значительно, что введеніе бронзы должно быть приписано совершенно новому племени, которое быстро истребило прежнихъ обитателей страны, ввело совершенно другіе погребальные обычаи и находилось на сравнительно гораздо болѣе высокой ступени цивилизаціи. Было найдено, что тумулусы каменнаго вѣка почти всегда окружены кругами изъ большихъ камней и заключаютъ въ себѣ камеры, сложенныя изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, причемъ мертвые, похороненные въ этихъ камерахъ, помѣщены въ сидячемъ положеніи, или на корточкахъ, съ колѣнами приведенными къ подбородку и руками сложенными на груди.

Наоборотъ, курганы бронзоваго періода описывались какъ лишенные круговъ изъ большихъ камней, неимѣющіе внутреннихъ камеръ и вообще не заключающіе въ себѣ большихъ камней, за исключеніемъ небольшихъ каменныхъ цистъ, весьма отличныхъ по своему сложенію и величинѣ отъ камеръ. При этомъ принималось, что курганы эти состоятъ почти исключительно изъ земли, съ примѣсью мелкаго камня, имѣютъ всегда видъ простыхъ насыпей, въ рѣдкихъ только случаяхъ окаймленныхъ маленькимъ кружкомъ изъ камней, и заключаютъ въ себѣ сожженные останки труповъ, сложенные въ глиняныя посудины, вмѣстѣ съ оружіемъ, инструментами и украшеніями изъ металла.

Изъ этихъ данныхъ, повидимому, можно было бы заключить, что могильныя насыпи бронзоваго періода отличаются отъ болѣе древнихъ не только тою важною особенностью: «что вмѣсто простыхъ и однообразныхъ орудій и украшеній изъ камня, кости и янтаря, онѣ содержатъ въ себѣ множество разнообразнаго и превосходнаго оружія, инструментовъ и украшеній изъ бронзы, иногда даже вмѣстѣ съ украшеніями изъ золота,—но также отличаются еще и своимъ внѣшнимъ видомъ, своимъ сложеніемъ, а также тѣмъ, что въ каменномъ періодѣ трупъ хоронился всегда въ сидячемъ положеніи, тогда какъ въ бронзовомъ онъ всегда сожигался.

Однако послѣдующія изыскапія, сдѣланныя датскими археологами, заставили ихъ сознаться, что гораздо чаще можно найдти исключенія изъ этого правила, чѣмъ его подтвержденіе, вслѣдствіе чего вообще слѣдуетъ принять, что, за исключеніемъ тумулусовъ съ коридорами (Ganggräber) и продолговатыхъ кургановъ (long barrow), принадлежащихъ, повидимому, исключительно каменному вѣку,—мы не знаемъ ни одного наружнаго признака, по которому можно бы было отличать съ точностью курганы каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго періодовъ.

Болѣе поучительно въ этомъ случаѣ содержимое могилъ, т. е. находящіяся въ нихъ вещи. Еще болѣе точныя указанія могли бы дать намъ самые останки мертвыхъ, въ особенности черепа, но въ настоящее время мы имѣемъ еще слишкомъ мало достовѣрныхъ описаній и измѣреній послѣднихъ, чтобы имѣть право сдѣлать какой-нибудь общій выводъ, за исключеніемъ развѣ того, что черепа, находимые вмѣстѣ съ бронзовыми предметами, иногда совершенно похожи на тѣ, которые встрѣчаются въ могилахъ, заключавшихъ въ себѣ только каменныя орудія.

Изъ этого можно, повидимому, заключить, что если употребленіе бронзы было дѣйствительно введено другимъ, болѣе цивилизованнымъ племенемъ,—то первоначальные обитатели страны также не были совершенно уничтожены. Глиняная посуда въ этомъ случаѣ тоже мало помогаетъ намъ: та, которую находятъ вмѣстѣ съ бронзовыми предметами, по бо́льшей части также груба, плохо обожжена и сдѣлана отъ руки, какъ и посуда каменнаго вѣка, съ которою она вообще представляетъ большое сходство, какъ по формѣ и орнаментамъ, такъ и по матеріалу. Часто случается, что какой-нибудь курганъ только потому относятъ къ каменному вѣку, что въ немъ было найдено одно или два каменныхъ орудія. Но такое заключеніе весьма ненадежно и можетъ быть ошибочнымъ. Мы имѣемъ данныя, что каменныя орудія пользовались весьма обширнымъ употребленіемъ и въ бронзовомъ вѣкѣ: такъ, изъ числа 37 кургановъ, въ которыхъ Батеманъ нашелъ бронзовые предметы, 29 въ тоже время заключали въ себѣ и каменныя орудія, бо́льшая часть которыхъ была притомъ весьма грубой работы.

Кромѣ того извѣстны случаи, когда кремневыя орудія помѣщались въ могилу, повидимому, скорѣе въ силу завѣщаннаго обычая, нежели потому, что они продолжали еще быть въ данное время въ ежедневномъ употребленіи. Такъ напр. въ курганѣ «Кулоба» или «пепельномъ холмѣ», близъ Керчи, была найдена цѣлая куча острыхъ кремней. Этотъ курганъ отличался значительною величиной и заключалъ въ себѣ, повидимому, остатки какого-то вождя или вельможи, его жены, раба и лошади. Самъ вождь имѣлъ на головѣ шапку, украшенную золотыми пластинками, на шеѣ—ожерелье изъ эмальированнаго золота, на рукахъ—золотые браслеты. Мечъ его былъ желѣзный, съ рукояткою, покрытою золотыми пластинками, на которыхъ находились рельефныя изображенія зайцевъ и лисицъ. Щитъ его былъ также изъ золота и весь украшенъ головами медузъ и т. п. Пластинка, сдѣланная изъ сплава золота съ серебромъ (electron) и составлявшая часть его колчана, тоже была украшена различными изображеніями животныхъ, въ родѣ, напримѣръ, тигра, хватающаго

козу, или оленя, аттакуемаго грифомъ. Вокругъ были разставлены различныя статуэтки, бронзовые котлы и многіе другіе предметы.

Супруга вождя была также богато украшена. Въ курганѣ были найдены: золотая діадема, ожерелье изъ золотыхъ нитей, съ подвѣсками изъ высокаго золота; медальоны изъ зеленой и голубой эмали, великолѣпная ваза изъ электрона, два золотыхъ браслета и шесть ножей съ ручками изъ слоновой кости, не считая еще многихъ другихъ золотыхъ вещей, бо́льшею частью изящно орнаментированныхъ фигурками животныхъ и пр. Такъ напр., въ одномъ головномъ уборѣ находилась пластинка изъ электрона съ изображеніемъ четырехъ женщинъ въ греческомъ костюмѣ, сидящихъ въ гирляндѣ изъ лотосовъ. Пластинка эта была прикрѣплена къ головному убору четырьмя львиными головками, а нижній край убора былъ окаймленъ золотой діадемой, украшенною маленькими эмальированными розетками. Въ томъ же самомъ курганѣ, ниже описанной могилы, находилась другая, еще болѣе богато убранная; говорятъ, что изъ нея было добыто не менѣе трехъ пудовъ золотыхъ украшеній.

Въ подобныхъ случаяхъ, кремневыя орудія и осколки, очевидно, могли имѣть только символическое значеніе.

Поэ́тому, одно присутствіе нѣсколькихъ каменныхъ орудій не можетъ еще само по себѣ служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобъ относить извѣстную могилу къ каменному періоду. Слѣдующая табличка, показывающая результаты изслѣдованія 564 англійскихъ могилъ, произведеннаго гг. Батсманомъ и сэромъ Р. Хоромъ, мнѣ кажется, не лишена интереса.

	Трупы.				
Орудія.	Сидящихъ.	Сожженныхъ.	Лежащихъ.	Положеніе неопредѣлено.	Всего.
Никакихъ	36	223	6	19	284
Каменныхъ	55	53	3	32	143
Бронзовыхъ	19	59	7	15	100
Желѣзныхъ	2	3	21	11	37
Всего	112	338	37	77	564

Изъ этой таблицы видно, что изъ 37 могилъ, заключавшихъ въ себѣ желѣзные предметы, по крайней мѣрѣ въ 21-й—трупъ былъ найденъ въ лежачемъ положеніи, между тѣмъ какъ изъ 527 случаевъ, когда желѣзо не было найдено, только 16 разъ получены были лежащіе скелеты. Другими словами, въ первомъ случаѣ пропорція эта равняется почти $^{7}/_{12}$, тогда какъ во второмъ, только $^{1}/_{33}$. Отсюда мы можемъ съ увѣренностью заключить, что способъ по-

гребенія труповъ въ лежачемъ положеніи былъ введенъ около того же времени, какъ и употребленіе желѣза.

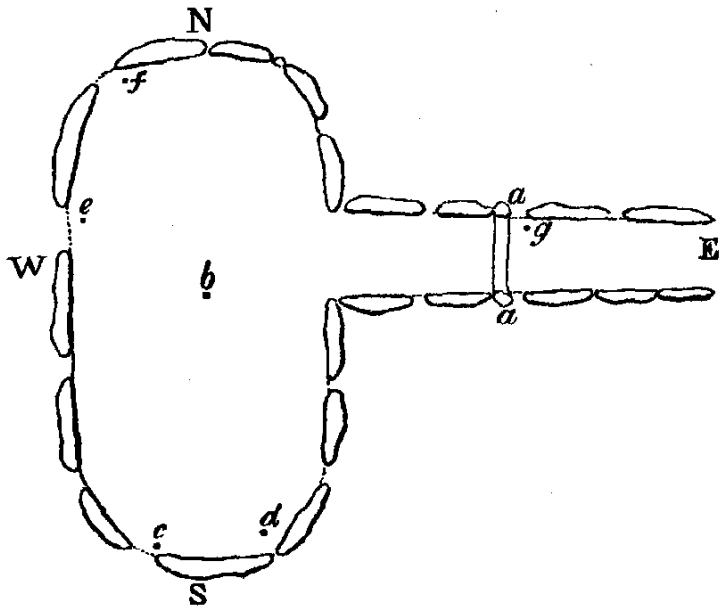
Что касается до обычая сожигать мертвыхъ, то результаты раскопокъ отличаются значительно меньшею опредѣленностью. Впрочемъ, изъ ста случаевъ раскопокъ могилъ, охарактеризованныхъ присутствіемъ бронзы, сидячее или скорченное положеніе тѣла было найдено только въ 19, а лежачее или вытянутое—только въ 7 случаяхъ. Изъ этого можно заключить, что въ бронзовомъ періодѣ трупъ большею частью предавался сожженію. Правда, что встрѣчается много и такихъ могилъ, въ которыхъ хотя и существуютъ слѣды сожженія труповъ, однако нѣтъ никакихъ бронзовыхъ орудій. Но, такъ какъ мы знаемъ, что металлъ этотъ всегда былъ довольно дорогъ, то, мнѣ кажется, мы имѣемъ полное право предположить, что многія, если не всѣ эти могилы относятся также къ бронзовому періоду, несмотря на то, что въ нихъ вовсе не было найдено орудій изъ металла.

Относительно неолитическаго періода, мы можемъ, повидимому, съ увѣренностью заключить, что преобладающимъ въ немъ способомъ погребенія было—въ положеніи сидячемъ или на корточкахъ. Короче сказать, кажется вѣроятнымъ, хотя еще и не вполнѣ доказаннымъ, что въ западной Европѣ, погребеніе въ этомъ положеніи составляетъ характеристическій признакъ каменнаго періода, сожженіе—бронзоваго, а тѣ случаи, когда скелетъ былъ найденъ въ вытянутомъ положеніи, должны быть, по правилу, отнесены къ желѣзному вѣку. Впрочемъ я долженъ повторить, что число извѣстныхъ до сего времени примѣровъ далеко еще не убѣдительно; кромѣ того, положительно доказано, что во времена Англосаксовъ одни племена сжигали своихъ покойниковъ, другія предавали погребенію ихъ останки.

Однако, съ другой стороны, если присутствіе нѣсколькихъ кремневыхъ осколковъ или другихъ каменныхъ орудій не можетъ еще служить доказательствомъ того, что извѣстный курганъ относится къ каменному періоду,—вопросъ получаетъ иное значеніе, когда такіе предметы встрѣчаются въ бо́льшемъ количествѣ. Такъ напр., я имѣю въ моей коллекціи группу каменныхъ орудій, которая состоитъ изъ 14 превосходно отдѣланныхъ топоровъ, изъ клиньевъ, долотъ, наконечниковъ копій и болѣе 60 крупныхъ кремневыхъ осколковъ. Всѣ эти орудія были найдены вмѣстѣ, въ одной большой погребальной камерѣ на островѣ Мёнъ (Möen—въ Даніи) и описаны г. Буа (Boye). Окружность этого тумулуса простиралась до 140 локтей, а вышина около 8 локтей. Вѣроятно онъ прежде былъ окруженъ кругомъ изъ камней; по крайней мѣрѣ, нынѣшній владѣлецъ его, г.

Іенсенъ, припоминаетъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сѣверная сторона его была окружена рядомъ плотно прилегающихъ одинъ къ другому камней; но теперь, однако, ихъ не осталось ни одного. Къ сожалѣнію, г. Воуе не было, когда началась раскопка кургана; тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ, что сообщенныя ему данныя вполнѣ заслуживаютъ довѣрія. Г. Іенсенъ началъ раскопку съ восточной стороны и первая вещь, какая ему попалась, былъ кувшинъ, который, къ сожалѣнію, онъ разбилъ въ дребезги. Кувшинъ этотъ заключалъ въ себѣ сожженныя кости и бронзовую булавку, головка которой украшена была концентрическими линіями. На юго-юго-востокъ найденъ былъ ящикъ, длиною въ локоть, сдѣланный изъ каменныхъ

Фиг. 110.



Планъ камеры въ датскомъ тумулусѣ на о-вѣ Мёнъ.

плитокъ и заключавшій въ себѣ также обоженныя кости, вмѣстѣ съ кривымъ ножемъ и парой щипцовъ, въ два дюйма длины. Обѣ вещи были изъ бронзы. Недалеко отъ этого ящика находилась другая урна, въ которой также помѣщались сожженныя кости и различные предметы изъ бронзы, между прочимъ ножъ въ 4 дюйма длины, часть небольшаго, символическаго меча и два обломка шила. Очевидно, что всѣ эти остатки принадлежали бронзовому періоду, а также, что они были уже вторичными, т. е. относились къ позднѣйшей эпохѣ нежели первоначальная могильная камера, надъ которой былъ насыпанъ курганъ.

Самая могильная камера (фиг. 110) имѣла направленіе съ сѣ-

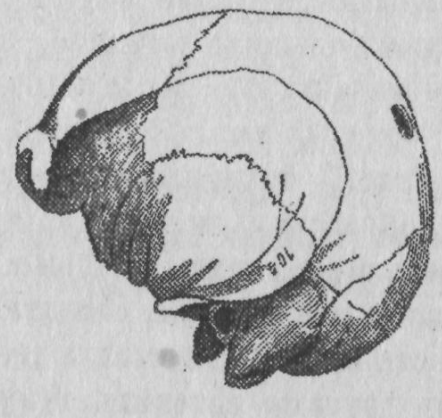
вера на югъ, представляла овальную форму и содержала въ себѣ $8^1/_2$ локтей длины, $2^1/_2$ — вышины и около $20^1/_6$ локтей въ окружности. Стѣны ея состояли изъ 12 огромныхъ, необтесанныхъ каменныхъ глыбъ, не вполнѣ соприкасавшихся между собою, но оставлявшихъ промежутки, которые были выложены мелкими каменьями; точно также крыша была образована пятью большими камнями, разстояніе между которыми было выполнено маленькими. На восточной сторонѣ находился ходъ или корридоръ, который имѣлъ 5 локтей въ длину и 1 въ ширину, и былъ сдѣланъ изъ 11 боковыхъ и 7 верхнихъ камней. Въ одномъ мѣстѣ этого корридора (см. рис. 110, *a*) съ каждой стороны было по одному небольшому камню, которые, въ соединеніи съ третьимъ, лежащимъ на полу между ними, составляли родъ порога, указывая, по всей вѣроятности мѣсто, гдѣ стояла дверь. Подобные слѣды входа, найденные и въ другихъ датскихъ тумулусахъ, могутъ быть разсматриваемы какъ доказательство того, что послѣдніе служили прежде жилищами. Для кургана, предназначеннаго для погребенія, устройство этой двери было дѣломъ совершенно лишнимъ, такъ какъ входъ въ него, равно какъ и вся могильная камера, засыпались землею и каменьями.

Почти посрединѣ камеры (у буквы *b*) лежалъ скелетъ, обращенный головою къ сѣверу. На южномъ концѣ (близь *c* и *d*) были найдены два черепа, лежащіе на цѣлой кучѣ костей, указывающей, что мертвые были похоронены здѣсь въ сидячемъ положеніи. Подобный же скелетъ былъ найденъ и близь *e*; возлѣ него оказались три янтарныхъ бусинки, прекрасный кремневый топоръ, повидимому не бывшій еще въ употребленіи, маленькое, недодѣланное долото и нѣсколько осколковъ глиняной посуды, покрытой орнаментами изъ точекъ и линій. Близь *f* найденъ еще одинъ скелетъ въ подобномъ же положеніи, вмѣстѣ съ кремневымъ осколкомъ, янтарной бусиной и нѣсколькими обломками глиняной посуды. Рис. 111 и 112 изображаютъ одинъ изъ череповъ, найденныхъ въ этой камерѣ. Вокругъ стѣнъ находилось еще нѣсколько сидячихъ скелетовъ, которые, къ сожалѣнію, были сдвинуты еще до прибытія г-на Буа и выброшены. Вмѣстѣ съ ними были найдены обломки по крайней мѣрѣ двадцати кувшиновъ или урнъ различной формы, всѣ опрокинутые и довольно красиво украшенные точками и линіями.

Кромѣ названныхъ предметовъ, наполнявшая камеру земля заключала еще въ себѣ: 5 кремневыхъ наконечниковъ копій, въ томъ числѣ одинъ сломанный и опять обтесанный, 2 маленькихъ кремневыхъ долота, 53 кремневыхъ осколка различной длины, отъ 3 до $5^1/_2$ дюймовъ, 19 цѣльныхъ и около 30 сломанныхъ янтарныхъ бусинъ,

большею частью въ формѣ молотка, а нѣкоторыя въ видѣ трубочекъ и колецъ. Корридоръ былъ засыпанъ землею, смѣшанной съ

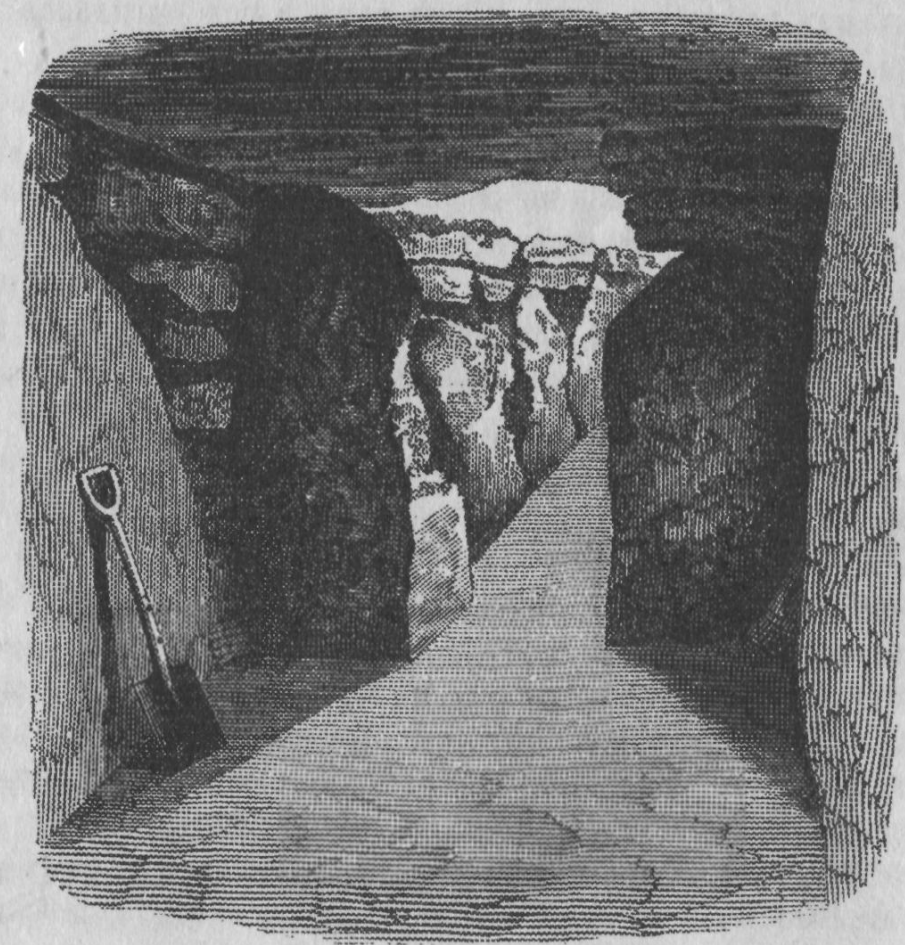
Фиг. 111.



Фиг. 112.

Черепъ изъ одного датскаго кургана на о-вѣ Мёнъ.

Фиг. 113.



Видъ изъ камеры по направленію входа.

обломками посуды и маленькими камешками. Почти посрединѣ его помѣщенъ былъ скелетъ, обращенный головою къ востоку и возлѣ

котораго находились 3 кремневыхъ осколковъ и одна янтарная бусина, а въ ногахъ—еще кувшинъ, значительно болѣе грубой работы нежели тѣ, которые найдены были въ самой камерѣ. Ни малѣйшаго слѣда металловъ не было найдено ни въ корридорѣ, ни въ камерѣ.

Другой примѣръ подобнаго рода представляетъ продолговатый курганъ (Long Barrow) близъ Кеннета (West-Kennet) въ Вильтширѣ (фиг. 113), описанный д-ромъ Тёрнамомъ. Курганъ этотъ имѣетъ въ длину 336 футовъ, въ ширину—на западномъ концѣ 40 футовъ, а на восточномъ 75 футовъ, и въ вышину 8 футовъ. Внутренняя камера, образованная шестью большими каменными глыбами, окапчивалась здѣсь ходомъ, т. е. представляла подобное же устройство, какъ и тумулусъ, описанный ранѣе, а равно и всѣ вообще тумулусы съ корридорами.

Фиг. 114.

Кремневое орудіе изъ тумулуса въ Вестъ-Кеннетѣ.

Камера и входъ были почти совершенно завалены мѣловымъ щебнемъ, заключавшимъ въ себѣ кости животныхъ, кремневыя орудія (фиг. 114) и обломки посуды. Скелетовъ найдено было четыре, изъ числа которыхъ два были повидимому похоронены въ сидячемъ положеніи. Въ различныхъ мѣстахъ камеры найдено еще около 300 кремневыхъ осколковъ, 3 или 4 кремневыхъ стержня, точильный камень, скребокъ, сломанная игла, бусина изъ киммериджской глины и нѣсколько кучъ глиняныхъ черепковъ (рис. 115), принадлежавшихъ, повидимому, не менѣе чѣмъ 30 различнымъ сосудамъ, которые, за исключеніемъ одного сомнительнаго экземпляра, были сдѣланы весьма грубо отъ руки. Металла нигдѣ не было найдено ни малѣйшаго слѣда. Два глиняныхъ черепка лежали въ сторонѣ отъ остальныхъ и могли быть уже позднѣйшаго происхожденія.

Большіе тумулусы Бретани, изъ которыхъ многіе были раскопаны въ послѣднее время, дали нѣсколько другихъ примѣровъ подобныхъ находокъ. Такъ напр. большая гора св. Михаила (Mont St. Michel) близъ Карнака, имѣющая не менѣе 380 футовъ длины, 190—ширины и около 33 футовъ вышины, оказалась заключающею въ себѣ четырехъугольную камеру, въ которой были найдены: 11 великолѣпныхъ цельтовъ изъ нефрита, 2 большихъ грубой работы и 26 маленькихъ изъ фибролита; кромѣ того еще 110 каменныхъ бусинъ и нѣсколько кремневыхъ обломковъ. Подобнымъ же образомъ камера кургана, извѣстнаго подъ именемъ Mannè-er-H'roeck, заключала въ

себѣ 103 каменныхъ топора, 3 кремневыхъ осколка и 50 бусинъ изъ ящмы, кварца и агата; но ни въ одномъ изъ этихъ большихъ тумулусовъ не было найдено никакихъ слѣдовъ металла.

Вообще мы могли бы привести много случаевъ, когда тумулусы значительной величины, сооруженные съ большимъ трудомъ и очевидно предназначенные для погребенія лицъ знатнаго сословія, заключали въ себѣ множество каменныхъ орудій и глиняной посуды, но вовсе не представляли слѣдовъ металла. Такіе тумулусы мы, повидимому, имѣемъ полное право отнести къ дометаллическому періоду, въ особенности въ томъ случаѣ, когда мы находимъ въ нихъ вторичныя погребенія, принадлежащія, очевидно, позднѣйшему періоду, и которыя, хотя и не представляютъ указаній на высокое положеніе похороненныхъ лицъ, тѣмъ не менѣе заключаютъ въ себѣ предметы изъ бронзы.

Фиг. 115.

Глиняный черепокъ изъ кургана въ Вестъ-Кеннетѣ.

Съ перваго взгляда можетъ казаться совершенно неправдоподобнымъ, чтобы такія значительныя сооруженія были дѣломъ племенъ, незнакомыхъ съ употребленіемъ металловъ. Однако могильный курганъ Обереа на островѣ Отаити имѣлъ также не менѣе 267 футовъ въ длину, 87—въ ширину и 44—въ вышину Далѣе, при описаніи быта современныхъ дикарей, я буду имѣть случай привести еще нѣсколько другихъ, не менѣе курьезныхъ подобныхъ примѣровъ.

Обычай погребать покойниковъ въ старинныхъ тумулусахъ, сохранившійся до временъ Карла Великаго *), неоднократно подавалъ поводъ ко многимъ ошибочнымъ заключеніямъ, такъ какъ предметы, принадлежащіе различнымъ періодамъ, описывались иногда вмѣстѣ, какъ происходящіе изъ одной могилы. Съ другой стороны, однако, благодаря этому обычаю, мы получаемъ иногда весьма поучительныя указанія, какъ напр. въ томъ случаѣ, подобномъ описанному выше,

*) Одинъ изъ его указовъ гласитъ: Jubemusut corpora Christianorum Saxonorum ad cemeteria ecclesiae deferantur et non ad tumulos paganorum; т. е. повелѣваемъ, чтобы тѣла Саксовъ христіанъ относились на церковныя кладбища, а не къ языческимъ тумулусамъ.

когда погребенія, характеризованныя присутствіемъ бронзы, находятся выше, а слѣдовательно относятся къ болѣе позднему періоду, нежели болѣе древнія нижнія, сопровождаемыя только орудіями изъ камня.

Вообще впрочемъ, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что въ могилы клались преимущественно такія вещи, которыя пользовались наибольшимъ употребленіемъ при жизни, и что количество находимыхъ здѣсь каменныхъ орудій ясно показываетъ, какая важная роль принадлежала камню въ древнюю эпоху,—эпоху, которая по справедливости заслуживаетъ названіе «каменнаго вѣка», — тѣмъ не менѣе, болѣе очевидныя тому доказательства мы надѣемся представить только въ слѣдующихъ главахъ. Во всякомъ случаѣ должно сознаться, что при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, мы лишь сравнительно о весьма немногихъ тумулусахъ можемъ сказать съ увѣренностью, что они относятся къ неолитическому каменному періоду.

Что касается до глиняной посуды, то, по мнѣнію Батемана, всѣ формы ея, найденныя до сего времени въ древнихъ тумулусахъ Великобританіи, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ четыремъ типамъ: 1. Урны; 2. чаши для куренья; 3. горшки для пищи; 4. кружки или кубки для питья. Урны встрѣчаются обыкновенно въ тѣхъ могилахъ, которыя выказываютъ слѣды сжиганія труповъ; при этомъ, онѣ либо заключаютъ въ себѣ сожженные остатки, либо, будучи опрокинуты, прикрываютъ ихъ сверху. Обыкновенно онѣ отличаются значительной величиной, имѣютъ отъ 10 до 16 дюймовъ вышины, снабжены широкимъ отверстіемъ и украшены грубыми орнаментами, которые представляютъ большею частью рядъ вдавленій, сдѣланныхъ помощью закрученнаго ремешка, или нарѣзовъ, иногда перемежающихся съ точками или имѣющихъ видъ сѣтки. Всѣ эти урны сдѣланы отъ руки и ни на одной изъ нихъ незамѣтно слѣдовъ гончарнаго станка; точно также всѣ онѣ имѣютъ выдающіеся края. Матеріалъ, изъ котораго онѣ сдѣланы, состоитъ изъ глины, смѣшанной съ крупно-зернистымъ пескомъ; про нѣкоторыя изъ нихъ, кромѣ того говорятъ, что онѣ высушены на солнцѣ. Мнѣніе это впрочемъ, по всей вѣроятности, ошибочно и вызвано единственно лишь несовершеннымъ способомъ обжиганія. Цвѣтъ ихъ обыкновенно бурый, коричневый или снаружи сходенъ съ цвѣтомъ сженной умбры, а внутри черный.

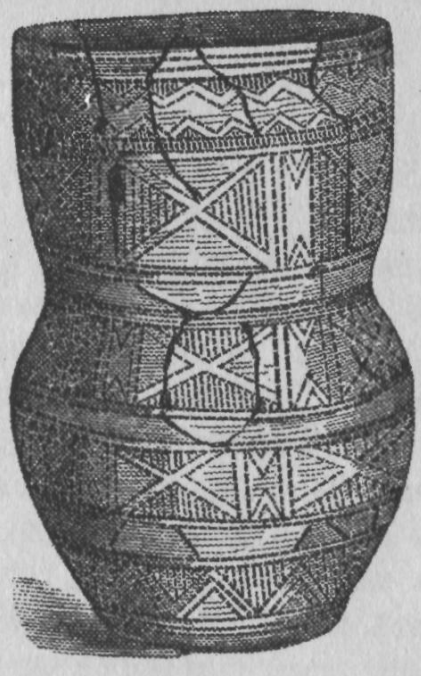
Сосуды втораго разряда, названные сэромъ Р. Хоромъ «курительными чашками», представляютъ весьма различныя формы и имѣютъ обыкновенно не болѣе 3 дюймовъ въ вышину. Если они снабжены орнаментами (что встрѣчается рѣдко), то узоры послѣднихъ

сходны съ описанными выше и ограничиваются большею частью одной нижней половиной наружной поверхности. Часто между ними попадаются продырявленные экземпляры и есть основаніе предполагать, что такіе употреблялись какъ лампы.

Къ третьему типу относятся сосуды, представляющіе весьма различную степень орнаментаціи, отъ самой грубой до очень сложной, но весьма сходные между собою по величинѣ; опредѣленіе относительной древности сосудовъ этого рода наиболѣе затруднительно, по той причинѣ, что часто экземпляры грубой и тщательной отдѣлки встрѣчаются вмѣстѣ, въ одной и той же могилѣ. Рисунокъ 118 изображаетъ сосудъ, найденный въ могильной насыпи въ окрестностяхъ Арборъ Ло, въ Дербиширѣ.

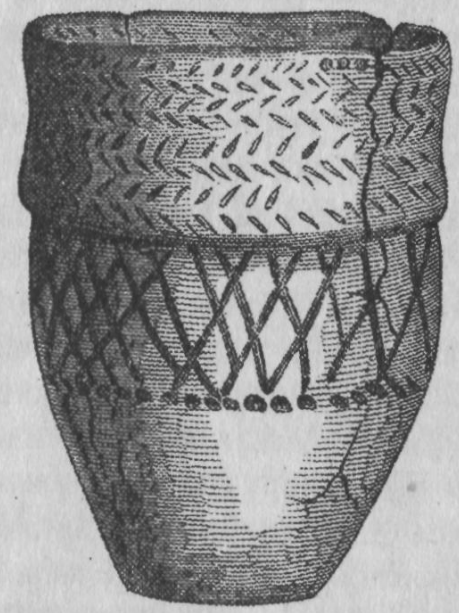
Четвертый разрядъ составляютъ «кружки для питья» (рис. 116).

Фиг. 116.



Кубокъ.

Фиг. 117.



Урна.

Вышина ихъ обыкновенно отъ $6^1/_2$ до 9 дюймовъ, въ срединѣ онѣ съужены, внизу округлены, а къ краю расширены; сдѣланы онѣ очень тщательно отъ руки, изъ хорошаго сорта глины съ примѣсью песку и хорошо обожжены. Стѣнки ихъ тонки, не болѣе $^3/_8$ дюйма толщиной, и снаружи имѣютъ свѣтло-коричневый, а внутри сѣрый цвѣтъ. Бо́льшею частью онѣ изящно орнаментированы и встрѣчаются обыкновенно вмѣстѣ съ кремневыми орудіями весьма тщательной отдѣлки. Извѣстно также нѣсколько случаевъ, когда онѣ были

найдены вмѣстѣ съ предметами изъ бронзы. Тѣмъ не менѣе, г. Батеманъ полагаетъ, что большинство ихъ относится къ дометаллическому періоду.

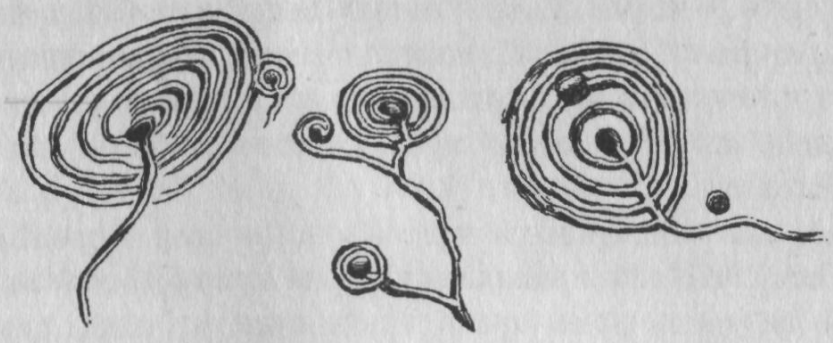
Какое бы разнообразіе формы не представляла однакоже глиняная посуда могилъ до-римской эпохи, вся она (по крайней мѣрѣ вся, изслѣдованная г. Батеманомъ) была сдѣлана отъ руки, безъ помощи гончарнаго станка и изъ глины съ примѣсью песку. Рѣдкіе сосуды снабжены ручкой, а посики были повидимому совершенно неизвѣстны. Орнаментація ихъ состоитъ изъ прямыхъ линій, точекъ и углубленій, сдѣланныхъ, какъ видится, помощью вдавленія въ мягкую глину ремешка или веревки; круглыя или кривыя линіи встрѣчаются весьма рѣдко; равно какъ нельзя замѣтить никакой попытки къ подражанію формамъ какого-либо животнаго или растенія.

Фуг 118.

Сосудъ изъ Дербишира.

Вообще мегалитическіе монументы сооружались изъ грубыхъ, необтесанныхъ камней и не представляютъ никакой орнаментаціи. Въ послѣднее время, однакожъ, было найдено нѣсколько образцовъ рѣзьбы. Въ сѣверной Англіи и Шотландіи узоры этой рѣзьбы имѣ-

Фиг. 119.



Узоры на скалахъ въ Шотландіи.

ютъ обыкновенно форму круглыхъ вдавленій, спиралей, круговъ съ точкою въ срединѣ или—пересѣченныхъ линіей, проходящей черезъ центръ, какъ на фиг. 118. О значеніи этихъ рисунковъ мы не имѣемъ еще ровно никакого попятія. Встрѣчаются они на камняхъ древнихъ городищъ и укрѣпленій, менгировъ, долменовъ и кромлечей. Фиг. 119 представляетъ намъ образецъ узора, начертаннаго на скалахъ Auchnabreach'a въ Аршльширѣ.

Подобныя изображенія мы находимъ также въ Ирландіи, въ Бретани, а также въ Скандинавіи, гдѣ онѣ представляютъ уже шагъ впередъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ очевидно изображаютъ лодки, подобныя тѣмъ, какія мы видѣли на нѣкоторыхъ формахъ бронзовыхъ ножей. Наиболѣе замѣчательный памятникъ этого рода находится въ одной изъ провинцій Швеціи, именно въ Сканіи, близъ Кивика, недалеко отъ берега Балтійскаго моря.

Находимые въ могилахъ вмѣстѣ съ человѣческими костями остатки животныхъ, возбудили въ послѣднее время значительный интересъ, съ тѣхъ поръ какъ замѣчательныя изслѣдованія датскихъ и швейцарскихъ зоолого-археологовъ, въ особенности Стенструпа и Рютимейера показали, какіе важные результаты могутъ быть получены при изученіи такого, повидимому, самаго ничтожнаго и неблагодарнаго матеріала. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ, находимые въ тумулусахъ остатки животныхъ весьма неполны и притомъ обращали на себя весьма мало вниманія со стороны археологовъ. Ни въ одномъ изъ тумулусовъ зап. Европы не было найдено никакихъ слѣдовъ вымершихъ животныхъ. Даже сѣверный олень не встрѣчается, тогда какъ кости благороднаго оленя и быка попадаются довольно часто. Послѣдній, по всей вѣроятности, находился въ Швейцаріи въ одомашненномъ состояніи уже въ продолженіи неолитическаго періода; но было ли это такъ и въ сѣверной Европѣ—еще не опредѣлено. Нѣкоторые археологи полагаютъ, что единственнымъ прирученнымъ животнымъ этого періода была собака; другіе же принимаютъ, что на сѣверѣ въ эту эпоху уже были одомашнены: овца, свинья, быкъ, коза, а, можетъ-быть, даже и лошадь. Въ британскихъ курганахъ кости этихъ животныхъ находили часто, но еще не опредѣлено съ точностью, принадлежатъ ли онѣ дикимъ или домашнимъ особямъ.

Что касается лошадиныхъ костей, то, по всей вѣроятности, можно допустить, что онѣ принадлежатъ уже прирученной породѣ, такъ какъ ничто не даетъ намъ права предположить, чтобы дикія лошади, по крайней мѣрѣ въ Великобританіи, могли существовать въ такую, сравнительно позднюю эпоху. Изъ раскопокъ британскихъ кургановъ, произведенныхъ г. Батеманомъ, видно, что кости и зубы лошадей встрѣчаются всего чаще вмѣстѣ съ орудіями изъ металла, и весьма рѣдко (если только встрѣчаются) въ тумулусахъ каменнаго вѣка. Въ позднѣйшую эпоху (металла), какъ лошади, такъ и быки приносились, повидимому, въ жертву на могилахъ, и мясо ихъ вѣроятно употреблялось въ пищу при похоронныхъ пиршествахъ.

Частое присутствіе въ могилахъ костей животныхъ показываетъ,

что въ честь усопшаго устроивались обыкновенно похоронные пиры, поминки или тризны; многочисленные же случаи нахожденія въ тумулусахъ, вмѣстѣ съ погребенными костями, костей сожженныхъ, повидимому, указываетъ на существованіе еще болѣе жестокаго обычая, именно приношенія въ жертву на могилѣ усопшаго не только лошадей *) и собакъ, но также и его рабовъ. Нелишено также вѣроятности, что и жены сжигались иногда съ своими мужьями, какъ это и до сихъ поръ еще дѣлается въ Индіи и у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ. Напр. у жителей о-вовъ Фиджи существуетъ обычай, по смерти начальника, приносить въ жертву извѣстное число его рабовъ, трупы которыхъ называютъ «подстилкою для могилы.» «Весьма вѣроятно, говоритъ Батеманъ,—что критическое изслѣдованіе всѣхъ случаевъ нахожденія въ могилахъ сожженныхъ костей могло бы привести къ весьма интереснымъ открытіямъ относительно вопроса о сожженіи женъ и дѣтей усопшихъ; ибо многіе и разнообразные факты заставляютъ насъ допустить существованіе этого обычая въ языческой Британіи». Съ другой стороны, изъ многихъ случаевъ, когда кости младенца были находимы съ костями женщины, можно предположить, что если женщина умирала отъ родовъ, или во время кормленія ребенка, то послѣдняго зарывали вмѣстѣ съ трупомъ матери,—обычай, и теперь еще существующій у нѣкоторыхъ племенъ Эскимосовъ.

Тѣмъ, кто пожелаетъ заняться разрытіемъ могильныхъ насыпей, я могу дать слѣдующіе практическіе совѣты и указанія.

1) Опредѣлять полъ зарытой особи. При этомъ всего вѣрнѣе руководствоваться формою таза, нежели устройствомъ черепа. Опредѣляя полъ, мы можемъ нѣсколько уяснить взаимныя отношенія половъ и различіе ихъ занятій, если такое различіе существовало.

2) Изслѣдовать состояніе зубовъ, изъ котораго мы можемъ вывести заключеніе о родѣ пищи.

3) Тщательно собирать найденныя кости животныхъ, чтобы можно было опредѣлить тѣ виды, которымъ онѣ принадлежатъ; въ случаѣ нахожденія костей быковъ или свиней опредѣлить, если можно, принадлежали ли онѣ дикимъ или домашнимъ особямъ.

Смѣемъ надѣяться, что при тщательномъ изслѣдованіи кургановъ получится отвѣтъ не только на эти интересные вопросы, но что еще сдѣлано будетъ много другихъ открытій, о которыхъ теперь пока мы и не подозрѣваемъ. Несомнѣнно, что если подобнымъ образомъ будетъ

*) Еще въ 1781 году нѣмецкій генералъ Фридрихъ Казиміръ былъ схороненъ вмѣстѣ съ его убитою лошадью. Horae ferales, p. 66.

изслѣдовано значительное число кургановъ, то мы узнаемъ гораздо бо лѣе, чѣмъ теперь объ общественной частной и жизни людей въ древ нѣйшія времена. Мы узнаемъ тогда, существовали ли въ теченіе камен наго періода на сѣверѣ домашнія животныя, какъ это было въ Швей царіи, или нѣтъ; мы узнаемъ отчасти, какую носили въ то врем одежду, а по предметамъ, которые будутъ найдены при женскихъ скелетахъ, будетъ возможно до нѣкоторой степени заключить о по ложеніи женщины по отношенію къ мужчинѣ.

Но чтобы воспользоваться тѣмъ, что намъ могутъ дать могиль ныя насыпи, мы не должны терять времени. Ежегодно многіе изъ числа ихъ уничтожаются и даже самъ Авбери, этотъ замѣчательнѣйшій мегалитическій памятникъ, былъ уничтоженъ ради жалкой прибыли.

Народонаселеніе увеличивается, цѣнность земли возрастаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ эти древніе памятники все болѣе и болѣе подвергаются уничтоженію и разрушенію. Мы не можемъ поставить ихъ подъ защиту нашихъ музеевъ, но было бы весьма желательно, чтобы правительство поручило присмотръ за памятниками нашей старины нѣсколькимъ компетентнымъ археологамъ, обязанность которыхъ состояла бы въ томъ, чтобъ охранять могилы нашихъ предковъ и другіе болѣе интересные археологическіе памятники отъ уничтоженія и расхищенія. На этихъ же лицъ можно было бы возложить также обязанность срисовывать тѣ памятники, которые еще не срисованы, и отъ времени до времена давать отчетъ о состояніи ихъ. Датское правительство купило у своего народа множество тумулусовъ за незначительную сумму; оно сохранило такимъ образомъ много народныхъ памятниковъ, которые безъ этого неминуемо бы уничтожились.

[Въ концѣ этой главы мы позволимъ себѣ прибавить нѣсколько словъ о мегалитическихъ монументахъ и могильныхъ насыпяхъ, встрѣчающихся въ предѣлахъ Россіи. Что касается первыхъ, т. е. долменовъ, кромлеховъ, большихъ каменныхъ камеръ, камеръ съ коридорами (Gangräber, Jettenstuben) и пр., то во всей средней и сѣверной Россіи, равно какъ въ Остзейскихъ губерніяхъ и Польшѣ, ихъ, повидимому, не имѣется. Нѣкоторые археологи упоминаютъ, правда, о нѣсколькихъ долменахъ и менгирахъ, встрѣчающихся будто бы въ Курляндіи, и далѣе къ сѣверу, по берегамъ Балтійскаго моря; однако всѣ эти кампи и скопленія камней суть, по словамъ Гревинка, ничто иное, какъ природные валуны, занесенные сюда на льди-

нахъ во время ледоваго періода *). Единственныя мѣстности Россіи, гдѣ встрѣчаются мегалитическія постройки, соотвѣтствующія западно-европейскимъ долменахъ и менгирамъ, суть, повидимому, только Крымъ и Кавказъ.—Въ Крыму еще Палласъ, а позже Дюбуа де-Монперё—описали одинъ могильникъ близъ Токлука (на мысѣ Мегапомѣ), состоящій изъ квадратныхъ или прямоугольныхъ каменныхъ гробницъ, сложенныхъ изъ отдѣльныхъ каменныхъ плитъ, покрытыхъ сверху одною большою. Близъ Гаспры, на мысѣ Лиманъ-Бурунъ, Дюбуа нашелъ пять подобныхъ же гробницъ, изъ которыхъ каждая имѣла около сажени въ длину и полъ-сажени въ ширину и состояла изъ отдѣльныхъ несвязанныхъ между собою стоячихъ плитъ, покрытыхъ сверху одной массивной, необтесаной плитой, длиной до 8, а шириной до $5^1/_2$ футовъ Гробницы эти Дюбуа считаетъ аналогичными подобнымъ же, найденнымъ имъ на Кавказѣ, у Атакума, близъ форта Св. Николая, и полагаетъ, что всѣ онѣ были воздвигнуты Киммерійцами Страбона,—племенемъ, явившимся въ южную Россію изъ Малой Азіи и позже пере-

*) Гревинкъ не считаетъ возможнымъ даже причислить къ числу мегалитическихъ монументовъ такъ называемую „козью гору“ (Stegelu – kalns), находящуюся къ сѣверу отъ Виндау въ Курляндіи и представляющую четыре большихъ камня, поверхъ которыхъ лежитъ пятый, длиной до 11 футовъ.—Замѣтимъ впрочемъ, что, по словамъ лѣтописца Нестора, многія изъ древнихъ славянскихъ племенъ (Радимичи, Вятичи, Сѣверяне, Кривичи др.) „одинъ обычай имяху: аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, а посемъ творяху кладу велику и возложахуть на кладу мертвеца, сожьжаху, а посемъ собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путѣхъ“,—т. е. слѣд. помѣщали урны съ пепломъ умершихъ на менгирахъ или долменахъ, а можетъ быть и на деревянныхъ столбахъ. Извѣстно, что многія дикія и полудикія племена (Австралійцы и др., а равно и сибирскіе Тунгузы) клали трупы покойныхъ (плотно обвернутые въ древесную кору или кожи) на подмостки, устроенные между вершинами деревьевъ или на деревянныхъ столбахъ. Гревинкъ полагаетъ, что этимъ непрочнымъ способомъ погребенія и можно объяснить себѣ нахожденіе отдѣльныхъ орудій изъ камня, кости, металла на поляхъ, въ лѣсахъ и пр. По мнѣнію же А. Котляревскаго, выраженія: *на столпѣ на путехъ* слѣдуетъ понимать иначе; именно онъ предполагаетъ, что слово *столпъ*, *стлъпъ*, имѣетъ здѣсь иное, отличное отъ обыкновеннаго знаменованіе, указываемое санскритскимъ корнемъ Stûp и производнымъ существительнымъ Stûpa, означающимъ холмъ, возвышеніе изъ земли и камней, высокая могила. Относительно менгировъ замѣтимъ еще, что существуетъ извѣстіе, будто бы въ Сендомірскомъ округѣ Царства Польскаго находятся цѣлые ряды какихъ-то камней, тянущіеся на нѣсколько верстъ, а, по словамъ Глинки, въ Тверской и Новгородской губерніяхъ попадаются иногда въ отдаленныхъ мѣстностяхъ отдѣльные большіе камни съ высѣченною на нихъ подковою. Что касается до круговъ изъ камней, окружающихъ курганы, и стоящихъ на послѣднихъ или вблизи ихъ каменныхъ столбовъ, большей частью *представляющихъ подобія* челов. фигуры, то объ нихъ будетъ говориться далѣе при описаніи кургановъ.

селившимся въ Данію, гдѣ оно явилось уже подъ именемъ Кимвровъ. Съ другой стороны, Палласъ нашелъ въ Крыму близъ Судака и Кооса менгиры изъ глыбъ песчаника длиною до двухъ саженъ и шириною въ $^1/_2$ аршина, очевидно—могильные памятники, служившіе однако въ тоже время пограничными столбами,—а на Фанарійской косѣ и близъ Корсуня—многочисленные, круглые или овальные кромлечи, которые онъ приписалъ древнимъ греческимъ поселенцамъ— Херсонитамъ Страбона. Однако впослѣдствіи оказалось, что могилы этихъ послѣднихъ находятся въ другомъ мѣстѣ, именно недалеко отъ Севастополя, близъ упомянутаго Корсуня, въ подземныхъ катакомбахъ, высѣченныхъ въ скалѣ, въ которыхъ были найдены, между прочимъ, многія греческія монеты I—XI вѣковъ по Р. Х.—Къ числу подобныхъ мегалитическихъ гробницъ относятся вѣроятно и найденныя недавно близъ Инкермана, при постройкѣ Севастопольской желѣзной дороги. Здѣсь нашли также нѣсколько могилъ, сдѣланныхъ, каждая, изъ вертикальныхъ грубыхъ плитъ, покрытыхъ сверху необтесанною каменною глыбою и заключавшихъ въ себѣ остатки костей вмѣстѣ съ большимъ количествомъ древеснаго угля. — Состоятъ ли эти крымскія могилы въ связи съ западно европейскими мегалитическими монументами, и въ какой именно,—дѣло темное. Датскій археологъ Ворсо высказалъ недавно предположеніе, что строители ихъ принадлежали племени—родственному тому, которое воздвигло на сѣверѣ запади. Европы (въ Даніи, Шлезвигѣ, Гольстейнѣ и пр.)—тамошніе долмены бронзоваго вѣка. Это мнѣніе г. Ворсо основываетъ: 1) на свидѣтельствѣ нѣкоторыхъ путешественниковъ, утверждающихъ, что южнорусскіе курганы по своему внѣшнему виду представляютъ полное сходство съ такъ-называемыми «Куманскими могилами» (Kumanierhügeln) Венгріи и могилами Гунновъ или Славянъ (Вендовъ) Германіи, что нѣкоторые курганы (курьемы) Каменецъ-Подольской губ. сходны по своему устройству со закрытыми долменами зап. Европы и т. под., и 2) на томъ фактѣ, что въ одномъ небольшомъ курганѣ Херсонской губ. было найдено 12 серпообразныхъ ножей изъ бронзы, весьма напоминающіе нѣкоторыя скандинавскія формы ножей бронзоваго періода. Однако, что касается до свидѣтельства путешественниковъ, то оно, какъ основанное на поверхностномъ сравненіи внѣшней формы и устройства могилъ, безъ сличенія находимыхъ въ нихъ предметовъ и проч. особенностей, едва ли заслуживаетъ серьезнаго вниманія; что же касается до серпообразныхъ ножей изъ бронзы, то нужно замѣтить, что въ Скандинавіи они встрѣчаются значительно рѣже, нежели въ Германіи и Италіи; притомъ въ Херсонской губ. они были найдены вмѣстѣ съ двумя, обоюдоострыми сѣкирами изъ

бронзы или мѣди, подобныя которымъ совершенно не встрѣчаются въ скандинавскихъ могилахъ, но были найдены въ Венгріи, на Эгейскомъ о-вѣ Терміи, между древностями Трои, описанными Шлиманомъ, а изображенія ихъ можно отыскать на многихъ барельефахъ и вазахъ греческой, этрусской и римской работы. — Всѣ эти факты указываютъ, повидимому, на то, что упомянутые серпообразные ножи составляютъ подражаніе древнимъ греческимъ формамъ, распространившимся по всей южной Европѣ, а черезъ посредство Великой Греціи и Этрусковъ дошедшимъ и до Скандинавіи. — Что же касается до описанныхъ выше крымскихъ гробницъ, то, по всей вѣроятности, какъ полагаетъ Гревинкъ, онѣ могутъ быть приписаны Готамъ третьяго вѣка по Р. Х. — о поселеніи которыхъ на Кубани и въ Крыму — упоминаютъ еще Прокопій (548 года), Рубруквисъ (1253 года), Barbaro (1436 года) и др. позднѣйшіе путешественники.

Гораздо болѣе распространены въ предѣлахъ Россіи могильныя насыпи или курганы, о насыпаніи которыхъ надъ трупами умершихъ у древнихъ Славянъ, Скифовъ, Половцевъ (Комановъ) и пр., сохранились историческія извѣстія въ лѣтописяхъ, у Геродота, у древнихъ арабскихъ путешественниковъ и т. д. *). Насыпи эти встрѣчаются,

---

*) Въ лѣтописи, подъ 945 годомъ, говорится, что Ольга „повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику (надъ мѣстомъ, гдѣ былъ погребенъ Игорь у Искоръстѣна), яко соспоша, и повелѣ тризну творити". Козьма Пражскій († 1125) говоритъ, что въ XI—XII вѣкахъ, въ Чехахъ, надъ прахомъ знаменитаго усопшаго, въ память ему — воздвигается холмъ. „Въ житіи князя Константина Муромскаго", († 1129), составленномъ не ранѣе XVI вѣка, говорится, что князь похоронилъ тѣло усопшаго сына своего Михаила по христіанскому обычаю, при чемъ „невѣрніи людіе, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе.... *могилы верхъ холмомъ не сыпаху,* но ровно съ землею".... Арабскій путешественникъ Ибнъ-Доста (около 900 г. по Р. Х.) говоритъ о Славянахъ, что когда „кто изъ нихъ умретъ, они сожигаютъ трупъ его. На слѣдующій же день по сожженіи мертвеца, они собираютъ пепелъ съ пожарища, складываютъ его въ сосудъ и ставятъ послѣдній на камнѣ". О Руссахъ же Ибнъ-Доста говоритъ, что „когда между ними умретъ какой знатный, для него вырываютъ могилу въ видѣ просторной комнаты, кладутъ туда мертвеца, кладутъ туда также его одежду, золотые обручи, которые онъ носилъ, много яствъ, кружки съ напитками, и другіе неодушевленные предметы цѣнности (деньги?). Жена, которую онъ любилъ, живою помѣщается въ погребальной комнатѣ, затѣмъ затворяютъ двери, и она тамъ умираетъ". Какихъ Славянъ описываетъ Ибнъ-Доста и какое племя разумѣетъ онъ подъ Руссами, къ точности неизвѣстно; по всей вѣроятности, и тѣ и другіе были Славянами. Другой арабскій путешественникъ Ибнъ-Фоцланъ говоритъ, что у Славянъ, вслѣдъ за сожженіемъ, на жаровищѣ насыпался круглый холмъ, который и скрывалъ подъ собою усопшаго. Свидѣтельства обоихъ этихъ путешественниковъ взаимно пополняютъ другъ друга: т. е. нужно принять, что трупъ сожигали и надъ погребальными сосудами съ костями сожженныхъ

за исключеніемъ дальняго сѣвера, по всей Россіи, начиная отъ Финляндіи, Петербургской, Новгородской, Ярославской, Пермской губерній до Новороссійскаго края и Кавказа, и отъ Польши и Западнаго края до Урала и Каспійскаго моря; не мало ихъ находится также въ Сибири, особенно вблизи Алтайскихъ и Саянскихъ горъ, по верховьямъ рѣкъ Енисея и Оби. а равно и въ Киргизскихъ степяхъ.

Распространенные на такомъ громадномъ пространствѣ, насыпи эти, извѣстныя въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи подъ различными названіями, представляютъ весьма неодинаковую величину, форму, устройство и содержаніе, и относятся несомнѣнно къ весьма различнымъ народностимъ и эпохамъ. Наиболѣе употребительное названіе есть *курганъ* – слово, заимствованное съ востока и происходящее, по всей вѣроятности, отъ персидскихъ словъ «хуръ» — «ханэ», т. е. «домъ могилы». Названіе это, впрочемъ, одно изъ менѣе древнихъ, такъ какъ оно встрѣчается въ грамотахъ не ранѣе XVI вѣка, а въ Новгородской лѣтописи въ первый разъ упоминается подъ 1224 г., и то не въ смыслѣ могильной насыпи, а городища (земляного укрѣпленія). Самое древнее названіе есть несомнѣнно *могила*, такъ какъ оно встрѣчается еще подъ 945 г. («съсути могилу велику»). Во Владимірской и Ярославской губерніяхъ и теперь еще курганы называютъ *могилами*. Тоже названіе употребительно и въ Малороссіи (высокая, острая, чубатая, рязная, сторожевая, лядская и проч. могилы); но здѣсь иногда (особенно по сѣвернымъ берегамъ Азовскаго моря) могилами называютъ не только курганы или естественные холмы, но даже и скалы. Другое названіе кургановъ есть *жальникъ*,— слово, встрѣчающееся въ Стоглавѣ и до нынѣ еще употребительное въ Новгородской губерніи, а равно и въ западной Россіи, гдѣ могильныя насыпи носятъ еще иногда названіе *волотовокъ* (отъ волотъ, великанъ, какъ жмудинскія «Мильжиню-Капай»—могилы великановъ). Въ другихъ мѣстностяхъ Новгородской губерніи, а равно въ Тверской, Витебской и пр., курганы носятъ названіе *сопокъ*, а въ Пен-

---

насыпался холмъ. Ставить же сосуды съ прахомъ сожженнаго на поверхности холма не соотвѣтствовало цѣли обряда, который заботился о сохраненіи дорогихъ останковъ.—Что касается до Скифовъ, то погребальные обычаи ихъ описаны Геродотомъ; относительно же Романовъ (Половцевъ), монахъ Рубруквисъ (посланный королемъ Людовикомъ IX къ Мангу-хану въ 1253 г.) говоритъ, что они имѣютъ обычай насыпать холмъ надъ умершимъ и воздвигать въ честь его статую, обращенную лицемъ на востокъ и держащую въ рукѣ, передъ пупкомъ, чашу. Кромѣ того, въ честь богатыхъ людей, они воздвигаютъ пирамиды, т. е. небольшія, заостренныя кверху возвышенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я видѣлъ сильныя укрѣпленія изъ кирпичей, въ другихъ—пирамиды, сложенныя изъ камней, хотя послѣднихъ въ окрестностяхъ не имѣется“ и пр.

зенской, Нижегородской и Казанской ихъ называютъ *мáрами* (отъ мордовскаго слова мар—означающаго насыпь и кучу камней). Кромѣ того, мѣстами, ихъ называютъ еще *Чудскими могилами* (въ Сибири и на сѣверѣ европейской Россіи), *Батыевыми могилами* (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи), *панами, панками, пановыми могилами* (во Владимірской, Ярославской губерніи) и т. д.

Что касается до величины кургановъ, *то она весьма различна*: одни изъ нихъ весьма малы и возвышаются не болѣе 1—2 аршинъ надъ поверхностью земли, а нѣкоторые приходятся даже въ уровень съ землею (какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ они обложены вокругъ маленькими плитами). Наоборотъ, другіе отличаются весьма значительною величиной, какъ Ананьевскій могильникъ близъ города Елабуги и многіе изъ кургановъ южной Россіи (какъ напр. Александропольскій, имѣющій ололо 70 футовъ въ вышину и около 1.000 футовъ въ окружности, курганъ на горѣ Озъ-Оба близъ Керчи и др.). Большая часть кургановъ имѣетъ снаружи форму простаго холма съ округленнымъ основаніемъ, другіе имѣютъ болѣе удлиненную форму, нѣкоторые форму четырехъгранной пирамиды. Большинство ихъ ссыпано изъ земли, или земли и песку, иные (какъ нѣкоторые керченскіе, также нѣкоторые въ Литвѣ и пр.) изъ земли и камней, или даже одного камня; одни стоятъ на ровномъ мѣстѣ, въ степяхъ и равнинахъ, другіе обнесены рвомъ, третьи встрѣчаются всегда на возвышенностяхъ (*какъ жальники Новгородской губ. и пр.*); одни окружены при основаніи плитами или каменными глыбами, другіе имѣютъ камни на вершинѣ, расположенные четырехъугольникомъ, соотвѣтствующимъ положенію скелета; въ иныхъ камни помѣщены внутри, около скелета или надъ и подъ нимъ и т. д. Одни курганы принадлежатъ къ одиночнымъ, т. е. насыпаннымъ надъ однимъ покойникомъ, въ другихъ встрѣчаются остатки нѣсколькихъ одновременно или въ разное время погребенныхъ умершихъ; а въ нѣкоторыхъ не было найдено вовсе слѣдовъ погребеній. Послѣдніе многіе изъ археологовъ признаютъ за сторожевые или дорожные курганы, т. е. ссыпанные для указанія пути или для того, чтобы обозрѣвать съ нихъ окрестность: они расположены обыкновенно рядами или линіями и притомъ на такомъ разстояніи, что съ вершины одного кургана можно всегда видѣть въ отдаленіи нѣсколько другихъ. Наконецъ, нѣкоторые курганы были насыпаны, можетъ-быть, въ память какихъ-нибудь особенныхъ событій — битвъ, стоянокъ на походѣ и пр.; по крайней мѣрѣ такія преданія сохранились о нѣкоторыхъ курганахъ въ народѣ, который пріурочиваетъ ихъ то къ Ивану Грозному,

то къ Стенькѣ Разину, то къ Лисовскому, Татарамъ, Полякамъ, казацкимъ гетманамъ и пр.

Что касается собственно до могильныхъ кургановъ, то они встрѣчаются то въ одиночку, то группами, причемъ въ послѣднемъ случаѣ въ расположеніи ихъ можно отыскать иногда извѣстный порядокъ и правильность. При раскопкахъ ихъ, либо находятъ болѣе или менѣе полно сохранившіеся скелеты, лежащіе или на материкѣ, или ниже, либо слѣды сожженія труповъ и сосуды, содержащіе въ себѣ пепелъ и останки костей, либо, наконецъ, и то и другое вмѣстѣ. Въ случаяхъ, когда находятъ скелеты, послѣдніе или помѣщены прямо на землѣ, или же около нихъ можно примѣтить остатки досокъ (слѣды гроба); иногда же скелетъ помѣщенъ подъ сводомъ или въ гробницѣ, сдѣланной болѣе или менѣе искусно изъ каменныхъ плитъ или глыбъ. Относительно находимыхъ при покойникахъ вещей, нужно сказать, что иногда ихъ не находятъ вовсе, иногда только нѣсколько бусинъ, бляшекъ, желѣзныхъ обломковъ и т. п.; въ другихъ же случаяхъ количество находокъ увеличивается, попадаются бронзовыя и мѣдныя бляхи, часто съ рельефными изображеніями различныхъ животныхъ, серебряныя вещи, части сбруи, золотыя украшенія, бисеръ, бусы, янтарь, глиняная посуда, иногда также латы и желѣзное оружіе; иногда къ послѣднему присоединяется еще бронзовое и каменное. Впрочемъ, находки могилъ, которыя бы заключали въ себѣ единственно каменныя орудія и притомъ такого рода и въ такомъ количествѣ, что мы имѣли бы достаточное основаніе отнести ихъ къ каменному вѣку,—въ Россіи принадлежатъ къ исключенію. Правда, извѣстно довольно случаевъ нахожденія каменныхъ орудій и оружій въ могилахъ, но бо́льшею частью вмѣстѣ съ ними были находимы также и орудія изъ металловъ—изъ желѣза и бронзы, а иногда также монеты и другія вещи, указывающія на принадлежность ихъ эпохѣ, непосредственно предшествующей исторической или даже началу послѣдней *). Въ другихъ случаяхъ были находимы, впрочемъ, одни

*) Такъ Ананьевскій могильникъ (близъ г. Елабуги, Вятской губ.) заключалъ въ себѣ скелеты, при которыхъ, рядомъ съ кремневыми стрѣлками и каменными орудіями, находились также оружіе и инструменты изъ бронзы, мѣди и желѣза. Каменныя орудія были находимы также въ Меринскихъ курганахъ Владимірской губ., относящихся къ X и XI вѣкамъ по Р. Х. Въ могилахъ близъ Аперade, въ Лифляндіи, относящихся къ IX—XII в. по Р. Х., были найдены кремневыя орудія вмѣстѣ съ орудіями изъ бронзы и желѣза и стеклянными бусами. Въ одномъ курганѣ Витебской губ., окруженномъ каменнымъ кругомъ, каменныя орудія оказались лежащими рядомъ съ желѣзными, бронзовыми, серебряными и стеклянными вещами и раковинками. На южномъ побережьи Балтійскаго моря и около Кёнигсберга каменныя орудія были находимы вмѣстѣ съ римскими монетами

каменныя орудія, безъ всякаго слѣда металловъ; однако и эти могилы врядъ ли можно считать значительно болѣе древними, нежели прочія. Въ одномъ курганѣ близь Ростова на Дону (такъ называемомъ «кругломъ курганѣ») были найдены недавно два скелета съ лежащими около нихъ кремневыми осколками и продырявленными костяными шариками, и останки эти оказались менѣе древними, нежели другіе, лежавшіе глубже въ томъ же курганѣ и заключавшіе при себѣ бронзовыя вещи греческой работы,—едва ли древнѣе IV вѣка до Р. Х. Наиболѣе основаній имѣемъ мы повидимому отнести къ каменному вѣку могилы, изслѣдованныя въ послѣднее время (1874 г.) Пржиборовскимъ (Przyborowski) въ Польшѣ, между рѣками Наревомъ и Вкрой, по правому берегу Вислы, въ окрестностяхъ Плоцка и въ 7 пунктахъ близь Варшавы. Здѣсь было найдено множество кремневыхъ орудій, помѣщенныхъ вмѣстѣ съ погребальными урнами и небольшими глиняными сосудами, подъ круглыми сводами изъ обожженныхъ камней, или подъ каменными насыпями, или наконецъ безъ нихъ, на глубинѣ 1—2 футовъ, иногда также подъ сводомъ изъ глины. За исключеніемъ двухъ-трехъ орудій изъ діорита, слюдянаго сланца и т. п., всѣ остальныя были исключительно изъ кремня, въ томъ числѣ различные наконечники стрѣлъ и копій, кремневые ножи съ прямымъ или кривымъ лезвеемъ, долотообразныя орудія, метательные камни, кремневые нуклеусы и осколки (послѣднихъ болѣе 1.000 штукъ) и прочее. Свойство кремня и присутствіе нуклеусовъ и осколковъ, равно какъ значительное число совершенно новыхъ или, наоборотъ, иступленныхъ и вновь обтесанныхъ орудій, дѣлаютъ несомнѣннымъ, что кремень обработывался здѣсь на мѣстѣ и добывался изъ мѣловыхъ пластовъ, встрѣчающихся выше Варшавы, по теченію рѣки Вѣпржа. Съ другой стороны, значительное число могилъ и изобиліе кремневыхъ орудій, между которыми не встрѣчается большихъ формъ кинжаловъ и копій, а попадаются, наоборотъ, ручныя каменныя мельницы или зернодробилки, указываетъ на довольно значительное, мирное населеніе, жившее, повидимому, въ каменномъ вѣкѣ, преимущественно по теченію рѣкъ и занимавшееся охотой, рыбной ловлей, а можетъ быть и земледѣліемъ. Тѣмъ не менѣе, тщательныя изслѣдованія Пржиборовскаго показали, что и это населеніе каменнаго вѣка не было совершенно чуждо употребленію металловъ. Въ одномъ изъ семи могильниковъ, находящихся близь Варшавы, онъ нашелъ именно, рядомъ съ ножами и стрѣлами изъ

81—361 гг. по Р. Х.; а во многихъ мѣстностяхъ средней Россіи — вмѣстѣ съ восточными диргемами X столѣтія.

кремня, совершенно подобные же, сдѣланные изъ желѣза. Фактъ этотъ весьма интересенъ, такъ какъ онъ показываетъ, что населеніе каменнаго вѣка Польши прямо перешло отъ употребленія камня къ употребленію желѣза, обработывая послѣднее въ формы, совершенно сходныя съ формами каменныхъ орудій. Но спрашивается, въ какое время совершился этотъ переходъ и къ какому періоду мы можемъ отнести эти гробницы? Степень сохраненія, въ которой были найдены желѣзные ножи и стрѣлы, уже само по себѣ доказываетъ, что они не могутъ быть очень древни; кромѣ того, въ одной могилѣ (близъ Варшавы) были найдены рядомъ съ кремневыми стрѣлами, серьги и фибулы изъ бронзы, бронзовыя трубочки и спирали, стеклянныя бусы, а также серебряная серьга съ тремя рядами шариковъ, подобныя которымъ находятъ часто въ могилахъ IX и X вѣковъ. Въ другой могильной насыпи, близъ Плоцка, вмѣстѣ съ кремневыми орудіями была найдена одна нѣмецкая монета X вѣка; еще въ одной—серебряное кольцо, подобное тѣмъ, какіе находятъ обыкновенно въ Польшѣ, вмѣстѣ съ монетами IX—XI вѣковъ, а также одинъ бронзовый цельтъ съ боковыми выступами, весьма сходный съ скандинавскими (вообще, западно-европейскими) пальстабами. Послѣдняя находка заставляетъ предположить, что этотъ народъ каменнаго вѣка жилъ въ Польшѣ уже въ то время, когда на западныхъ берегахъ Балтійскаго моря процвѣтала культура бронзоваго вѣка, вліяніе которой, въ данномъ случаѣ, было однакоже повидимому весьма ограничено, такъ что каменный вѣкъ здѣсь почти непосредственно смѣнился желѣзнымъ, или, вѣрнѣе, перешелъ въ смѣшанный, характеризованный одновременнымъ употребленіемъ желѣза и камня. Начало этого смѣшаннаго вѣка можетъ быть отнесено, вѣроятно, къ первымъ столѣтіямъ по Р. Х., причемъ каменныя орудія продолжали еще употребляться (или по крайней мѣрѣ класться въ могилы) до XI столѣтія, а можетъ быть и нѣсколько далѣе *).

Только что указанный непосредственный переходъ каменнаго вѣка въ желѣзный, констатированный для Польши, можетъ быть, по мнѣнію Гревинка, распространенъ также и на весь Прибалтійскій край, на Остзейскія губерніи и на Литву. Что касается послѣдней и вообще западнаго края, то изслѣдованія Крашевскаго и гр. К. Тышкевича

*) Замѣчательно, что при такомъ изобиліи орудій изъ кремня, г. Пржиборовскій, за исключеніемъ одной иглы, не нашелъ совершенно предметовъ, сдѣланныхъ изъ кости или рога, между тѣмъ какъ въ зап. Европѣ такіе предметы попадаются весьма часто въ находкахъ каменнаго вѣка. Впрочемъ, случаи нахожденія древнихъ костяныхъ орудій или украшеній составляютъ вообще большую рѣдкость въ Россіи, хотя въ послѣднее время и было констатировано нѣсколько такихъ находокъ. Такъ, г. Поляковъ нашелъ на р. Тихмангѣ (Олонецкой

еще ранѣе показали, что находки типичныхъ орудій и оружія западно-европейскаго бронзоваго вѣка, какъ то: мечей, цельтовъ и пр., здѣсь составляютъ необыкновенную рѣдкость *). Вообще можно сказать, что Венгрія, Галичина, южное побережье Балтійскаго моря и Финляндія составляютъ самый крайній восточный предѣлъ распространенія западно-европейской культуры бронзоваго вѣка. Далѣе къ востоку, изъ западно-европейскихъ бронзовыхъ орудій попадаются только цельты, и то не прежде какъ въ Кіевской и Московской гу-

---

губ., Каргопольскаго уѣзда), рядомъ съ кремневыми осколками, глиняными черепками и костями косули, бобра, птицъ и рыбъ (особенно украшеніями изъ щучьихъ позвонковъ) костяную гарпуну, съ ушкомъ для продѣванія веревки. Еще болѣе предметовъ изъ кости было найдено на р. Нижмѣ, Вятской губ., древность которыхъ, впрочемъ, подлежитъ еще, сомнѣнію. Тутъ было найдено именно, въ земляныхъ валахъ съ слѣдами жаровницъ, слоями золы и черепками глиняной посуды, — кольцо изъ мѣди и многія костяныя вещи, какъ-то: разные идолы и фигурки съ крыльями, наконечники копій и стрѣлъ, долота, погремушки, иглы и пр. Въ другомъ городищѣ той же мѣстности—костяныя стрѣлы и бляшки были найдены вмѣстѣ съ каменными кружками, голубыми стеклянными бусами, мѣдными и бронзовыми украшеніями, желѣзными ножами, а также пластинками и фигурками изъ олова. Замѣтимъ, что рѣзьба по кости и теперь еще составляетъ довольно развитый промыселъ въ Шенкурскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ Архангельской губерніи.

*) За исключеніемъ нѣсколькихъ сомнительныхъ мечей и одного топора, единственное бронзовое орудіе, мѣстонахожденіе котораго не подлежитъ сомнѣнію, есть бронзовая кика, хранящаяся въ Виленскомъ музеѣ и найденная недалеко отъ Ковно. Вообще въ курганахъ западнаго края, изъ бронзовыхъ вещей находятъ только украшенія; встрѣчающіяся же орудія и оружія сдѣланы всегда изъ желѣза, или (что встрѣчается весьма рѣдко) изъ камня. По словамъ Шмидта, раскопавшаго около 100 кургановъ въ Ковенской и Гродненской губ., могилы здѣсь представляютъ обыкновенно слѣдующій видъ. Ниже уровня земли слой песку, на которомъ лежалъ остовъ; въ головахъ послѣдняго, глиняный сосудъ, большею частью разбитый. Сверхъ остова насыпанъ слой земли (иногда также угли), въ которомъ уложены камни въ видѣ круга или четырехъугольника; за тѣмъ насыпана земля, изъ которой выведенъ курганъ. Въ другихъ мѣстностяхъ западнаго края были находимы также курганы, сложенные изъ камней или обставленные глыбами и плитами (Дюбуа, гр. Тышкевичъ). По числу и разнообразію находимыхъ предметовъ, женскія могилы представляютъ здѣсь наиболѣе интереса. Въ нихъ находятъ множество украшеній, браслетовъ, перстней, ожерельевъ, діадемъ, серегъ, бляшекъ, цѣпей, бубенчиковъ, пуговицъ и пр., сдѣланныхъ изъ бронзы, иногда также изъ серебра, но весьма рѣдко изъ золота. Фибулъ и большихъ булавокъ, столь обыкновенныхъ на западѣ Европы здѣсь не находится; изображенія животныхъ встрѣчаются также рѣдко, но за то попадаются часто стеклянныя бусы, а иногда также янтарь, остатки тканей и пр. Въ мужскихъ могилахъ находятъ ножи, топоры, мечи, наконечники стрѣлъ и копій, огнивы и пр., всѣ изъ желѣза (мѣдныхъ стрѣлъ не встрѣчается), также бронзовыя бляшки отъ поясовъ, камни для точенія оружія и пр. Наконецъ во всѣхъ почти могилахъ, безъ различія пола,

берніяхъ, притомъ, или въ формахъ иного «чудскаго» типа, или вмѣстѣ съ мѣдными стрѣлами, оружіемъ, составляющимъ одну изъ спеціальныхъ особенностей южно-русской, а также и чудской бронзовой культуры *).

Изъ кургановъ, собственно русскихъ, наибольшій интересъ представляютъ по своему числу, величинѣ и содержанію – курганы южной Россіи, разсѣянные въ изобиліи по всему пространству черноземной полосы и степей, окаймляющихъ Черное, Азовское и Каспійское моря. Если ѣхать отъ Москвы на югъ, къ Харькову, то первые курганы встрѣчаются въ Курской губерніи, около Обояни; отсюда къ югу, по направленію къ Азовскому морю и къ Новороссійскому краю, число ихъ увеличивается и самые курганы становятся больше. Большею частью они расположены группами, иногда въ извѣстномъ, послѣдовательномъ порядкѣ; въ другихъ же случаяхъ въ расположеніи ихъ нельзя отыскать никакой правильности. Изъ различія въ устройствѣ, способѣ погребенія и находимыхъ вещей можно заключить, что курганы эти относятся не къ одному и тому же народу и эпохѣ. Одни курганы отличаются значительною величиною, содержатъ въ себѣ камеры и представляютъ большое количество различныхъ золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ вещей, часто изящнаго греческаго стиля и работы; въ другихъ встрѣчаются только кости людей и животныхъ или урны съ пепломъ, съ немногими украшеніями, съ мѣдными стрѣлами и желѣзными обломками; нѣкоторые наконецъ содержатъ въ себѣ каменныя орудія, причемъ скелеты оказываются иногда въ сидя-

---

встрѣчается глиняная посуда, кружки, горшки, урны, такъ называемыя „слезницы“ и т. д.

*) Мѣдныя стрѣлы попадаются въ изобиліи въ южной Россіи, какъ въ курганахъ, такъ и просто въ землѣ. М. А. Максимовичъ, въ одной мѣстности Золотоношскаго уѣзда (Полтавской губ.) нашелъ ихъ 41 вида, которые онъ и распредѣлилъ, по внѣшней формѣ, на два отряда и на восемь родовъ (какъ напр. крюкастыя, т. е. съ крючкомъ на боку, загнутымъ внизъ, двухбокія, трехбокія, трехгранныя и т. д.). Нѣкоторыя формы этихъ стрѣлъ попадаются въ самыхъ древнихъ скиѳскихъ и греческихъ могилахъ, другія были, повидимому, въ употребленіи у Половцевъ, Татаръ и пр. При нѣкоторыхъ стрѣлахъ, вырываемыхъ изъ могилъ, находится еще кусочки древка, иногда съ красными и золочеными полосками. Г. Максимовичъ считаетъ послѣднія „ханскими“, на томъ основаніи, что въ Словѣ о Полку Игоревѣ, половецкій ханъ говоритъ Кончаку: „соколича растрепавѣ своими злачеными стрѣлами“. Однако, въ другихъ мѣстностяхъ средней Россіи, гдѣ также бывали Татары, подобныя стрѣлы попадаются весьма рѣдко. Впрочемъ, по словамъ Аристова, въ уральскихъ курганахъ попадаются какъ трехугольныя, такъ и двухбокія бронзовыя стрѣлы; подобныя же были найдены въ Казанской, Вятской губ., у Алтая, а также и въ Московской губ., въ Клинскомъ уѣздѣ—вмѣстѣ съ мѣднымъ цельтомъ.

чемъ положеніи *). Были случаи, когда вмѣсто скелетовъ находили одни черепа, иногда въ большомъ количествѣ въ одномъ и томъ же курганѣ; случалось и наоборотъ, то есть, находили скелеты безъ череповъ и т. д. **). Однако, число произведенныхъ до настоящаго времени систематическихъ изслѣдованій и раскопокъ настолько еще незначительно, что мы не можемъ, даже приблизительно вѣрно, опредѣлить, сколько здѣсь существуетъ всего родовъ кургановъ, сколькимъ и какимъ именно племенамъ они должны быть приписаны, а равно и указать, какъ идутъ границы распространенія каждаго изъ этихъ родовъ кургановъ въ отдѣльности.

Многіе изъ южно-русскихъ кургановъ имѣютъ ту особенность, что на вершинѣ ихъ находятся (или находились) каменныя изваянія, представляющія фигуру человѣка, такъ называемыя «каменныя бабы». Всего болѣе такихъ бабъ сохранилось въ Екатеринославской губ.,

---

*) Объ эти случая находокъ встрѣчались въ курганахъ Кіевской губерніи; одни скелеты безъ череповъ были находимы также въ курганахъ Оренбургской губерніи. Замѣтимъ еще, что въ нѣкоторыхъ курганахъ были находимы восточныя монеты; а въ одной могилѣ Кіевской губерніи—чешскія монеты XIII вѣка. Иногда между земляными курганами попадаются и такіе, которые сложены изъ камней или покрыты камнями.

**) Въ одномъ курганѣ Екатеринославской губ. былъ найденъ скелетъ, возлѣ черепа котораго лежали два кремневыхъ наконечника копій, а въ стоящемъ рядомъ глиняномъ горшкѣ находились кремневыя стрѣлки, ножи и пилки. Въ Подоліи, по р. Днѣстру, была найдена одна могила съ 15 скелетами въ сидячемъ положеніи, каждый изъ которыхъ имѣлъ при себѣ по каменному топору. Такіе сидячіе скелеты попадались иногда и въ курганахъ Кіевской губ. Въ одномъ кавказскомъ курганѣ, находящемся на 4-й верстѣ къ югу отъ Ставрополя, нашли 2 мѣдныхъ наконечника стрѣлъ, желѣзное кольцо, 4 желѣзныхъ орудія и желѣзныя палки, длиною въ полъ-аршина, съ дырою въ серединѣ и пустымъ шаромъ на концѣ, внутри котораго находилась петля, а напереди—крючекъ. Замѣтимъ при этомъ, что на Кавказѣ, именно по сю сторону хребта, по рр. Кубани и Тереку, курганы встрѣчаются весьма часто, и по внѣшнему виду совершенно сходны съ Новороссійскими. Что касается до вещей греческой работы, то, кромѣ „скифскихъ“ кургановъ Екатеринославской и Херсонской губ., о которыхъ мы скажемъ далѣе, онѣ были находимы также во многихъ курганахъ Земли Войска Донскаго и въ Кіевской губ. Въ Донской области были находимы: плиты, золотые кубки и пр., съ греческими надписями, золотые вѣнки, мѣдныя статуэтки, съ греческими буквами, греческія монеты и т. д., а въ Кіевской: греческая амфора, муравленная подъ бронзовый цвѣтъ урна, съ изображеніемъ сценъ изъ греческой жизни; аѳинскій бронзовый шлемъ съ наличникомъ и др. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей найдены вмѣстѣ съ обломками глиняной посуды, мѣдными стрѣлами и пр. Извѣстно, что на сѣверномъ берегу Понта находились нѣкогда греческія колоніи, богато украшенныя могилы которыхъ сохранились отчасти до настоящаго времени на Керченскомъ полуостровѣ.

но онѣ встрѣчаются также и во всѣхъ сосѣднихъ *). На востокѣ граница ихъ распространенія въ Европейской Россіи составляетъ Киргизская степь, къ сѣверу отъ Каспійскаго моря; на югѣ—Ставропольская губернія, земля Черноморскихъ казаковъ и рѣка Кача близь Бахчисарая; на западѣ—Подольская губернія, село Каменка въ Галичинѣ и Калишская губернія; сѣверная же граница идетъ чрезъ Минскую губернію, южные уѣзды Курской, Ахтырскій уѣздъ Харьковской, Воронежскую, Балашевскій и Аткарскій уѣзды, Саратовской—до береговъ рѣки Самары въ Бузулукскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи. Далѣе на сѣверъ каменныхъ бабъ не встрѣчается, но на востокѣ онѣ снова появляются въ Сибири, въ верховьяхъ рѣки Енисея, въ Минусинскомъ краѣ, на Алтаѣ, по ту сторону Алтая и Саяна, въ степяхъ киргизскихъ, и наконецъ—близь озера Иссыкъ-Куля.

Разсѣянныя на такомъ огромномъ пространствѣ, эти изваянія (подобныхъ которымъ совершенно не встрѣчается въ западной Европѣ) **) представляютъ далеко не одинаковую форму и степень отдѣлки. Нѣкоторыя изъ нихъ весьма грубы и представляютъ простые обрубки камня, иногда обтесанные въ видѣ параллелепипеда, на верхней части которыхъ представлена голова человѣка; другіе истуканы изваяны болѣе отчетливо и представляютъ женскія или мужскія фигуры, обыкновенно сидячія, иногда стоячія нагія или одѣтыя, большею частью съ руками держащими чашу, съ остроконечной шапкой на головѣ, съ волосами, заплетенными назади въ косы, иногда также съ оружіемъ на боку и съ различными украшеніями на тѣлѣ (ожерельями, бляхами, серьгами, браслетами). При взглядѣ на эти истуканы, намъ невольно представляются два вопроса: во-первыхъ, что они изображаютъ и съ какою цѣлью они ставились, а во-вторыхъ, были ли они воздвигаемы однимъ народомъ и въ одну эпоху, или

*) Во второй половинѣ прошлаго вѣка, судя по описаніямъ путешествій Зуева и Палласа, каменныя бабы встрѣчались въ южной Россіи чаще, нежели въ настоящее время, когда большая часть ихъ утратилась, будучи занесена землей, свезена частными лицами или отправлена въ музеи. Впрочемъ г. Пискаревъ еще не очень давно могъ насчитать ихъ 649—въ предѣлахъ Россіи, въ томъ числѣ 428 въ одной Екатеринославской губерніи.

**) Терещенко упоминаетъ о нѣкоторомъ сходствѣ русскихъ каменныхъ бабъ съ изваяніями на одной скалѣ близь Женевы, извѣстной подъ названіемъ: la pierre aux dames или la pierre aux demoiselles, и на которой изображены четыре нагія женскія фигуры, съ большими головами и съ чѣмъ-то въ родѣ кошелька въ сложенныхъ на груди рукахъ. Унгеръ указываетъ на нѣкоторыя грубыя каменныя изваянія, найденныя въ Германіи, представляющія также фигуру человѣка. Однако, сходство всѣхъ этихъ истукановъ съ русскими, повидимому, весьма ограниченное и чисто поверхностное, такъ какъ типъ, убранство, мѣстонахожденіе и пр., здѣсь совершенно различны.

разными—и какими именно? Что касается до перваго вопроса, то мы имѣемъ многія основанія предполагать, что каменныя бабы ставились первоначально въ память объ умершихъ, представляли намогильные памятники, хотя съ теченіемъ времени нѣкоторые изъ нихъ могли также получать значеніе идоловъ, которымъ приносили мольбы и поклапялись *). Значительно труднѣе отвѣтить на второй изъ вышеуказанныхъ вопросовъ. Съ одной стороны, различіе въ отдѣлкѣ заставляетъ предположить, что изваянія эти относятся къ различнымъ эпохамъ, но съ другой — ихъ оригинальность, условія ихъ распроненія, сходство, замѣченное между многими изъ нихъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ—все это указываетъ на то, что онѣ были воздвигнуты если не однимъ народомъ, то по крайней мѣрѣ весьма близкими между собою, хотя и трудно сказать какими именно. Болѣе точныя указанія могли бы дать въ этомъ случаѣ раскопки всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, бо́льшей части тѣхъ кургановъ, на которыхъ находятся бабы; но, къ сожалѣнію, по сіе время такихъ систематическихъ раскопокъ было сдѣлано еще слишкомъ мало и притомъ лишь въ немногихъ мѣстностяхъ.

Впрочемъ мы имѣемъ довольно подробное описаніе раскопокъ, произведенныхъ въ большихъ, украшенныхъ каменными бабами курганахъ Херсонской и Екатеринославской губ., находившихся невдалекѣ отъ Днѣпра, выше его пороговъ. Здѣсь были открыты гробницы, сдѣланныя изъ большихъ каменныхъ плитъ или глыбъ, внутри которыхъ были найдены человѣческіе и лошадиные скелеты, урны съ пепломъ и глыбы перегорѣвшихъ костей, вмѣстѣ съ различными украшеніями изъ золота, желѣза, покрытаго золотыми листками, серебра и бронзы, желѣзнымъ оружіемъ, мѣдными стрѣлами и т. п. Въ числѣ украшеній, особенное вниманіе обращаютъ на себя блюда, пластинки, бляхи, черепки книжаловъ и др. вещи съ изображеніемъ животныхъ, какъ дѣйствительно существующихъ — оленей, кабановъ, медвѣдей, лошадей, львовъ, орловъ, журавлей, рыбъ и т. д., такъ и баснословныхъ,— грифовъ, центавровъ, медузъ и пр. Многія изъ этихъ изображеній но-

*) По словамъ Рубрукиса, проѣзжавшаго южную Россію въ XIII столѣтіи, каменныя бабы воздвигались Половцами (Команами) въ память умершихъ. По свидѣтельству о. Іакинфа, на могилѣ монгольскаго президента сената Ѣлюй-Чуцан (умершаго въ 1241 году), по повелѣнію правительства, въ 1751 г. сооруженъ былъ новый храмъ и поставленъ былъ каменный памятникъ: статуя его и его супруги представлены были въ сидячемъ положеніи. Впослѣдствіи же такіе памятники предковъ неоднократно принимали характеръ идоловъ. Многіе сибирскіе инородцы финскаго и татарскаго племени и теперь еще оказываютъ этимъ истуканамъ суевѣрное почитаніе: собираются къ нимъ для совершенія празднествъ, совѣщаній и т. д.

сятъ на себѣ очевидную печать греческаго стиля и работы, другія могутъ быть разсматриваемы, какъ произведенія туземныхъ художниковъ. Рядомъ съ ними встрѣчаются также глиняные сосуды, отчасти изящной работы, съ греческими надписями, отчасти болѣе грубой, очевидно туземнаго происхожденія. Принимая во вниманіе, что къ сѣверу отъ греческихъ колоній Понта жилъ народъ Скифы, могилы царей которыхъ находились, по Геродоту, выше пороговъ Днѣпра, въ странѣ Геррусъ, и основываясь съ другой стороны на богатыхъ находкахъ здѣсь золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ вещей, мы имѣемъ полное основаніе принять эти курганы за могилы скифскихъ царей и вельможъ. Но здѣсь является новый вопросъ: кто такіе были эти Скифы, къ какой расѣ и какому племени они принадлежали? Были ли они Монголами, какъ то можно предположить изъ нѣкоторыхъ подробностей ихъ быта, описаннаго Геродотомъ или (что вѣроятнѣе) принадлежали ли они къ кавказской расѣ и притомъ къ какому племени, индо-европейскому или тюркскому — положительно еще не доказано. Судя по чертамъ лица каменныхъ бабъ, по физіономіямъ человѣческихъ фигуръ, изображенныхъ на вырытой изъ одного скифскаго кургана вазѣ, наконецъ по формѣ, правда весьма немногихъ, курганныхъ череповъ, мы должны полагать, что народъ этотъ не имѣлъ рѣзко выраженнаго монгольскаго типа. Другіе идутъ далѣе, и на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, между прочимъ—лингвистическаго разбора скифскихъ именъ и названій, заключаютъ, что это было племя индо-европейскаго корня. Однако вѣрнѣе будетъ по всей вѣроятности полагать, что подъ именемъ Скифовъ, древніе разумѣли не одну какую-нибудь опредѣленную національность, а цѣлый комплексъ народовъ, отчасти индо-германскаго, отчасти же урало-алтайскаго, именно татарскаго корня.

Нѣкоторые ученые считаютъ даже этотъ послѣдній, т. е. ýрало-алтайскій элементъ преобладающимъ и видятъ въ Скифахъ племя родственное Чуди, то есть тому древнему племени Сибири, объ остаткахъ цивилизаціи котораго было говорено уже въ четвертой главѣ. Дѣйствительно, уже одинъ фактъ нахожденія въ Сибири каменныхъ бабъ, сходныхъ съ новороссійскими, указываетъ на близкое родство между собою тѣхъ племенъ, которыя ихъ воздвигали *). Съ другой

*) Замѣтимъ при этомъ, что сибирскія каменныя бабы не всегда стоятъ на курганахъ, но часто и на ровной землѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, онѣ находятся обыкновенно невдалекѣ отъ могилъ, бóльшею частью къ западу отъ нихъ, причемъ эти послѣднія (т. е. могилы) иногда вовсе не имѣютъ насыпи и представляютъ просто ровное мѣсто, огороженное камнями или плитами. Въ числѣ сибирскихъ каменныхъ бабъ есть такія, по сторонамъ которыхъ находятся раз-

стороны, въ числѣ вещей, найденныхъ въ «чудскихъ могилахъ» Сибири (по рр. Иртышу, Томи и др.), находится много мѣдныхъ стрѣлъ, а также украшеній, сосудовъ. бляхъ отъ одежды и сбруи и т. п., изъ золота, серебра и бронзы, часто съ изображеніями различныхъ животныхъ—оленей, медвѣдей, горныхъ барановъ, барсовъ, тигровъ, верблюдовъ, цаплей, орловъ, рыбъ и т. п., многія изъ которыхъ весьма напоминаютъ вещи, найденныя въ скифскихъ курганахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей могли, впрочемъ, заходить въ Сибирь путемъ торговли, подобно добытому въ одной изъ чудскихъ могилъ золотому сосуду съ арабскою надписью 617 г. геджиры, или найденнымъ г. Степановымъ въ енисейскихъ курганахъ металлическимъ зеркаламъ, съ китайскими надписями, какъ думаютъ, 1186—227 гг. до Р. Х. Съ другой стороны, нужно замѣтить, что въ числѣ чудскихъ древностей Сибири встрѣчаются и такія, которыя представляютъ особенный типъ: таковы напр. оригинальныя формы бронзоваго и мѣднаго оружія—цельты, кирки, кинжалы. Рядомъ съ ними встрѣчаются еще иногда каменныя орудія (въ такъ-называемыхъ «чудскихъ копяхъ»), а также вещи изъ желѣза, хотя этотъ послѣдній металлъ и былъ, повидимому, въ меньшемъ употребленіи у Чуди, нежели мѣдь или бронза *).

ныя изображенія: верблюдовъ, зайцевъ, медвѣдей, людей, кружковъ, сосудовъ и пр., также разныя черточки и какіе то гіероглифическіе знаки. Подобныя изображенія различныхъ животныхъ (и охоты за ними) были найдены въ Сибири, на прибрежныхъ утесахъ р. Томи, а также и западнѣе, въ Пермской губерніи, около Чердыни, и на берегу Онежскаго озера, на гранитныхъ мысахъ: Бѣсъ и Бѣсиха. Здѣсь же кстати упомянуть о копытообразныхъ знакахъ, найденныхъ на скалахъ по р. Енисею, объ изображеніяхъ красною краскою, находившихся на утесахъ Иртыша и о надписяхъ, сдѣланныхъ черною краскою, извѣстными буквами (какъ думаютъ, древне-маньчжурскими), открытыхъ въ одной известковой пещерѣ по р. Бухтармѣ, а также на лѣвомъ берегу Енисея. Относительно каменныхъ бабъ, замѣтимъ еще, что Рубруквисъ, путешественникъ XIII вѣка говоритъ, что въ южной Россіи онѣ ставились на могилахъ Команами (Половцами), народомъ несомнѣнно турецкаго племени, а нѣкоторые археологи, основываясь на невѣрно понятомъ текстѣ Амміана Марцелина, полагали, что они воздвигались Гуннами. Нѣкоторыя изъ каменныхъ бабъ, судя по описаніямъ и рисункамъ, дѣйствительно представляютъ, повидимому, монгольскій типъ.

**) Древнія каменныя орудія (клинья, молоты, кирки) находили въ Сибири (вмѣстѣ съ мѣдными) преимущественно въ такъ-называемыхъ „чудскихъ копяхъ“, которыя и считаются поэтому болѣе древними, нежели „чудскія могилы“, гдѣ попадаются и вещи изъ желѣза Палласъ, Миллеръ и другіе ученые прежняго времени полагаютъ, что Чуди было совершенно неизвѣстно употребленіе и обработка желѣза. Однако уже Гмелинъ, а позже Титовъ и др. находили остатки древнихъ желѣзныхъ шлаковъ и слѣды плавильней; кромѣ того, на знакомство съ желѣзомъ указываютъ и раскопки древнихъ кургановъ. Впрочемъ,

Если, такимъ образомъ, вопросъ о сродствѣ Скифовъ съ Чудью и не можетъ быть названъ рѣшеннымъ, то во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ многія доказательства тому, что вліяніе чудской культуры распространялось нѣкогда далеко на востокъ—до бассейна Волги и даже далѣе. Бронзовые цельты, ножи и стрѣлы были найдены въ могилахъ Бузулукскаго уѣзда, Самарской губерніи. Металлическія украшенія чудскаго типа (съ изображеніемъ животныхъ и пр.), были находимы неоднократно въ Пермской, Казанской и Вятской губерніяхъ; нѣсколько бронзовыхъ цельтовъ было найдено даже въ Московской губерніи. Но особенное значеніе представляетъ въ этомъ отношеніи такъ называемый «Ананьинскій могильникъ», близъ города Елабуги, Вятской губерніи. Здѣсь было найдено до 50 могилъ, иныя со слѣдами сожженія, другія съ остатками погребенія, причемъ въ каждой почти могилѣ находили или оружіе, или украшенія, или орудія домашняго обихода, бо́льшею частью изъ бронзы, иногда также желѣза и (рѣдко) камня, но безъ всякихъ слѣдовъ серебра или золота. Въ числѣ бронзовыхъ вещей здѣсь найдены: *цельты* съ ушками и безъ ушковъ; *боевые топоры; боевыя кирки*, иногда съ скульптурными изображеніями животныхъ (кабановъ, орловъ), напоминающія подобныя же кирки изъ камня, найденныя въ Олонецкой губерніи; *наконечники копій и стрѣлъ; долота, шила*, небольшія *колесики* о четырехъ спицахъ; *полумѣсяцы;* миніатюрныя *орлиныя, бараньи и медвѣжьи головы; пряжка, съ изображеніемъ змѣи;* какое-то украшеніе въ видѣ *дракона; конскія удила;* шейные *жгуты, ожерелья, колечки, бляхи* отъ поясовъ, *браслеты, привѣски, зеркала* (?), *тарелочки* и пр. Изъ желѣзныхъ вещей здѣсь найдены: *кинжалы*, иногда съ бронзовыми ручками; *ножи*, а также нѣсколько *топоровъ, стрѣлъ, удилъ* и пр. Изъ прочихъ вещей упоминаемъ еще о *глиняныхъ и янтарныхъ бусахъ, кремневыхъ ножахъ и стрѣлкахъ, точильныхъ камняхъ, глиняныхъ горшкахъ* и «слезницахъ», а также лошадиныхъ костяхъ и звѣриныхъ зубахъ. Кромѣ того, здѣсь были найдены еще два черепа, признанные сходными съ финскими (?), а также плита, съ изображеніемъ какого то человѣка въ остроконечной шапкѣ *).

относительно кургановъ, нужно замѣтить, что многіе изъ нихъ относятся къ гораздо позднѣйшей эпохѣ и нѣкоторые, какъ полагаетъ Радловъ, могли быть насыпаны даже предками нынѣшнихъ Киргизовъ, въ XVII столѣтіи. Что касается до такъ-называемыхъ «чудскихъ городковъ» или укрѣпленій, то большая часть ихъ, повидимому, была также устроена въ историческую эпоху, незадолго до прихода Русскихъ или даже самими Русскими, въ огражденіе себя отъ набѣговъ инородцевъ.

*) Г. Невоструевъ находитъ, что изображенный на этой плитѣ человѣкъ, какъ по шапкѣ, такъ и по вооруженію совершенно соотвѣтствуетъ Геродотову

Ни въ одной изъ могилъ не было найдено никакихъ монетъ и надписей, что, въ связи съ изобиліемъ вещей изъ мѣди и бронзы, указываетъ, повидимому, на то, что могильникъ этотъ можетъ быть отнесенъ къ той отдаленной эпохѣ, когда желѣзо только что начинало вытѣснять бронзу и входить во всеобщее употребленіе.

Изъ кургановъ средней Россіи всего болѣе изслѣдованы такъ-называемые «Мерянскіе», находящіеся во Владимірской и Ярославской губерніяхъ и относящіеся къ X и XI столѣтіямъ. Раскопка 7729 изъ этихъ кургановъ дала возможность гр. Уварову составить подробный очеркъ быта этого народа, его орудія, оружія, хозяйства, искусства, вѣрованій, ремеслъ, торговыхъ сношеній и пр. Затѣмъ, не мало раскопокъ дѣлалось также въ Московской губерніи, въ курганахъ, которой (относимыхъ къ VIII и X вѣкамъ) было найдено до 150 череповъ, изслѣдованныхъ профессоромъ Богдановымъ. Большею частью эти черепа оказались длинными и узкими (subdolichocephali) и только мѣньшая часть могла быть причислена къ короткимъ. При этомъ, бо́льшая часть череповъ отличалась развитіемъ затылка, а мужскіе, кромѣ того, выступаніемъ челюстей (прогнатизмомъ) и всѣ вообще представляли типъ, во многихъ отношеніяхъ отличный отъ типа современнаго велико́русскаго черепа. Наоборотъ, черепа, найденные въ «жальникахъ» Новгородской губерніи, оказались короткими (subbrachicephali) и принадлежали, по мнѣнію г. Волкенштейна, древнимъ Новгородцамъ.]

Скифу. Въ числѣ сибирскихъ древностей, хранящихся въ Петербургскомъ эрмитажѣ есть бронзовый барельефъ и бронзовая статуэтка, изображающіе «чудскихъ» охотниковъ въ остроконечныхъ шапкахъ. Острыя же шапки замѣчаются на многихъ каменныхъ бабахъ, а г. Клапротъ нашелъ подобную же серебряную статуэтку на берегу р. Кумы. Сибирскіе Самоѣды и многіе другіе народы средней Азіи еще и до настоящаго времени носятъ шапки, заостренныя кверху.

Что касается до найденныхъ въ Ананьинскомъ могильникѣ череповъ, то, по словамъ Эйхвальда, они длинные и узкіе (долихоцефалы), сходны съ финскими и напоминаютъ чудскіе, а также—найденные Нильсономъ въ скандинавскихъ могилахъ. Однако чудскіе черепа (ихъ находится три въ музеѣ Академіи наукъ) отличаются, по словамъ академика Бэра, наоборотъ, короткостью, вышиною, и принадлежатъ слѣдовательно къ брахицефаламъ. Подобные же короткіе черепа были найдены и въ одномъ изъ скифскихъ кургановъ (Александропольскомъ), только тѣ ниже и болѣе подходятъ къ башкирскимъ. Рядомъ съ ними были найдены однако и длинные черепа, и притомъ эти послѣдніе принадлежали, повидимому, высшему классу, тѣмъ особямъ, въ честь которыхъ былъ насыпанъ курганъ; короткіе же черепа принадлежали вѣроятно рабамъ, убитымъ на могилѣ повелители. Подобные же длинные черепа были находимы иногда и въ курганахъ средней Россіи. Замѣтимъ, что между черепами современныхъ финскихъ народовъ есть и весьма короткіе (какъ у Лопарей) и удлиненные (у Эстовъ и другихъ).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Древнія озерныя поселенія Швейцаріи.

(Пфальбауты).

Зимою 1853 года, вслѣдствіе необыкновенно сухой погоды и сильныхъ холодовъ, швейцарскіе потоки значительно уменьшились въ объемѣ и вода въ озерахъ убыла много ниже ихъ обыкновеннаго уровня. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнажились большія береговыя отмели; въ другихъ—подводныя мели превратились въ острова. Никогда, насколько извѣстно, вода не спадала такъ сильно въ Швейцаріи, какъ въ эту зиму. На такъ называемомъ камнѣ Стефа самое низкое стояніе воды помѣчено 1674 годомъ, но въ 1854 году оно было еще на одинъ футъ ниже.

Въ маленькой бухтѣ Цюрихскаго озера, между Обермейленомъ и Долликономъ, жители воспользовались этимъ низкимъ уровнемъ воды для того, чтобы увеличить свои сады, именно отдѣляя плотиною ближайшія выступившія отмели и понемногу возвышая ихъ грунтъ иломъ, взятымъ изъ озера. При извлеченіи ила, работники натолкнулись на множество свай, нашли нѣсколько оленьихъ роговъ, нѣкоторыя орудія и обломки посуды. Г. Эппли, изъ мѣстечка Мейленъ, первый обратилъ вниманіе на эти остатки, призналъ ихъ древность и пришелъ къ предположенію, что они могутъ разъяснить до нѣкоторой степени исторію и бытъ древнихъ обитателей Швейцаріи. Онъ тотчасъ же сообщилъ объ этой находкѣ д-ру Келлеру, а этотъ знаменитый археологъ вскорѣ дѣйствительно убѣдился въ важности сдѣланнаго открытія и показалъ, что древніе обитатели Швейцаріи, по крайней мѣрѣ отчасти, *строили свои жилища надъ водою и должны были жить* подобнымъ же образомъ какъ и древніе Пеонійцы, о поселеніяхъ которыхъ Геродотъ говоритъ слѣдующее:

«Жилища ихъ устроены такимъ образомъ: на срединѣ озера, на высокихъ сваяхъ, настланъ помостъ, соединяющійся съ берегомъ посредствомъ узкихъ мостковъ. Въ прежнія времена постановка этихъ

свай лежала на обязанности всѣхъ гражданъ и составляла для нихъ общественную повинность; впослѣдствіи же было принято закономъ, что каждый мужчина, вступая въ бракъ, долженъ вбить три сваи, добывъ нужный лѣсъ съ горы Орбелосъ. Замѣчу, что каждый мужчина имѣетъ по нѣскольку женъ. Они живутъ такимъ образомъ: каждый мужчина имѣетъ на помостѣ хижину, внутри которой находится плотно укрѣпленная дверь, открывающаяся на озеро. Маленькихъ дѣтей, чтобы они не падали въ озеро, привязываютъ за ногу веревкою. Лошадей и вьючныхъ животныхъ они кормятъ рыбою, которой тамъ такое множество, что стоитъ только поднять дверь и опустить на веревкѣ корзину въ озеро, чтобы чрезъ короткое время вытащить ее биткомъ набитою рыбой».

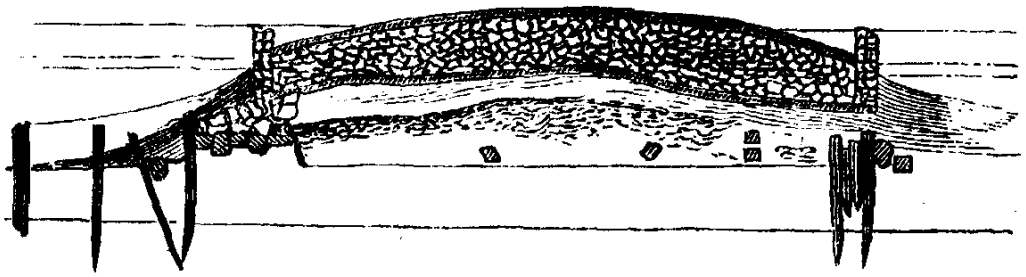
Въ 1863 году, въ засѣданіи британской ассоціаціи наукъ въ Ньюкэстлѣ, лордъ Ловенъ (Lovaine) также сообщилъ объ одной свайной постройкѣ, найденной имъ въ одномъ озерѣ южной Шотландіи, а въ іюлѣ 1863 года я могъ сообщить о подобной же, найденной сѣвернѣе, которая однако не была еще въ то время надлежащимъ образомъ изслѣдована. Подобные остатки были найдены затѣмъ и въ другихъ мѣстностяхъ Великобританіи, а также на Гардскомъ озерѣ и въ сѣверной Италіи, гдѣ они были описаны гг. Гастальди, Стробелемъ, Пигорини и Капестрини. Съ другой стороны, д-ръ Лишъ описалъ нѣсколько свайныхъ построекъ, найденныхъ въ Мекленбургѣ, а Буше де Пертъ, въ знаменитомъ сочиненіи «Antiquités celtiques et antediluviennes», упоминаетъ о нѣкоторыхъ остаткахъ, найденныхъ имъ въ торфяномъ болотѣ около Аббевилля, которые весьма напоминаютъ остатки, находимые въ свайныхъ постройкахъ. Это наблюденіе имѣетъ значительный интересъ, такъ какъ оно доказываетъ, что швейцарскія свайныя постройки соотвѣтствуютъ періоду отложенія торфа въ долинѣ Соммы и слѣдовательно принадлежатъ эпохѣ гораздо болѣе поздней, нежели періодъ нарсовъ (drift) — заключеніе, вполнѣ сходящееся съ выводомъ, основаннымъ на сравненіи самихъ каменныхъ орудій *).

Впрочемъ, чтобы доказать существованіе курьезнаго обычая жить въ хижинахъ, устроенныхъ на сваяхъ, намъ нѣтъ необходимости обращаться къ доисторическимъ временамъ и ссылаться на сомнительныя данныя исторіи или на древніе остатки. Нѣкоторыя дикія и полудикія племена живутъ подобнымъ образомъ еще и въ настоящее время. Одинъ знакомый сообщилъ мнѣ изъ Салоники, что ры-

*) Впослѣдствіи, цфальбауты или остатки, сходные съ ними, были найдены также во Франціи, въ сѣверной Германіи, около Дрездена, въ различныхъ мѣстностяхъ Австріи, въ Польшѣ и пр. *Ред.*

баки озера Празіасъ еще и теперь живутъ въ хижинахъ, построенныхъ надъ водою точно такъ же, какъ во времена Геродота. Пастушескія племена Синда, по описанію Бёрнса, строятъ себѣ «для защиты отъ сырости и насѣкомыхъ» хижины, возвышающіяся на 8 или на 10 футовъ надъ землею. Подобныя же постройки въ большомъ ходу у жителей сѣверныхъ береговъ Южной Америки и самая Венецуэлла получила свое названіе отъ того, что дома ея, подобно Венеціи, построены надъ водою. Въ восточной Индіи обычай этотъ встрѣчается еще чаще. Городъ Борнео весь находится на сваяхъ; подобныя же постройки были наблюдаемы различными путешественниками въ Новой Гвинеѣ, на Целебесѣ, Соло, Церамѣ, Мин-

Фиг. 120.



Разрѣзъ Кранножа.

данао, на Каролинскихъ островахъ и въ другихъ мѣстахъ. Путешественникъ Дюмонъ-Дюрвилль разсказываетъ, что «въ прежнія времена весь городъ Тондано былъ построенъ на озерѣ и сообщеніе между жилищами происходило только на лодкахъ. Въ 1810 году жители, считая себя сильными въ такомъ убѣжищѣ, затѣяли было споры съ Голландцами и думали свергнуть ихъ иго; они вооружились, но были разбиты. Покорить ихъ стоило не мало труда; нужно было употребить въ дѣло артиллерію и строить канонирскія лодки. Съ этого времени, во избѣжаніе подобныхъ случаевъ, туземцамъ запрещено было строить жилища на озерѣ. Епископъ Лабуанскій такимъ образомъ описываетъ жилища Дайяковъ: «Они построены вдоль береговъ рѣки на платформахъ, вышиною отъ 20 до 30 футовъ и образуютъ цѣлыя деревни, тянущіяся на нѣсколько сотъ футовъ въ длину. Платформы окаймлены бревнами, на которыя, въ разстояніяхъ около двухъ дюймовъ, положены на-крестъ такой же ширины бруски. Этимъ достигается хорошая вентиляція и помостъ остается всегда чистъ, такъ какъ весь соръ проваливается сквозь дыры внизъ».

Въ Ирландіи существуетъ довольно много, болѣе или менѣе искусственныхъ острововъ, которые носятъ названіе кранножей (Crannoges) (фиг. 120) и, какъ то доказано исторіей, служили нѣкогда укрѣпленіями и убѣжищами для менѣе сильныхъ вождей. Устроены они изъ земли и камней, укрѣпленныхъ сваями, и раскопки ихъ доставили ирландскимъ археологамъ множество древняго оружія, орудій и костей. Изъ кранножа въ Дёншаглинѣ (Dunchanglin) добыто было, говорятъ, болѣе полутораста возовъ костей, которыя и были всѣ употреблены на удобреніе. Эти ирландскія свайныя постройки относятся впрочемъ къ значительно болѣе поздней эпохѣ, нежели швейцарскія, такъ какъ многія изъ нихъ упоминаются въ старыхъ лѣтописяхъ и документахъ даже еще въ XVI столѣтіи.

Что касается до швейцарскихъ свайныхъ построекъ, то онѣ были описаны преимущественно д-ромъ Келлеромъ въ мемуарахъ Цюрихскаго археологическаго общества, а также Тройономъ въ его сочиненіи «Sur les habitations lacustres», 1860. Находки въ Моосзеедорфѣ были описаны Яномъ и Ульманомъ, пфальбауты Невшательскаго озера—Дезоромъ, постройки въ Понъ де-Тиле—Гилльерономъ и проч. Наконецъ изученіемъ животныхъ остатковъ мы обязаны профессору Рютимейеру (см. его «Fauna der Pfahlbauten»), а растительныхъ—г. Гееру, результатомъ изслѣдованій котораго явился мемуаръ «Die Pflanzen des Pfahlbauten».

Вообще нужно замѣтить, что швейцарскіе археологи воспользовались какъ нельзя лучше благопріятнымъ для нихъ открытіемъ. Свайныя постройки были найдены не только въ Цюрихскомъ, но также въ Баденскомъ, въ Женевскомъ, Невшательскомъ, Бьеннскомъ и Семпахскомъ, слѣдовательно почти во всѣхъ большихъ озерахъ Швейцаріи, равно какъ и во многихъ меньшихъ озерахъ. Кромѣ того, почти въ каждомъ болѣе значительномъ озерѣ было найдено не одно, но много подобныхъ поселеній. Такъ, въ Бьеннскомъ озерѣ ихъ открыли около двадцати, въ Женевскомъ—двадцать четыре, въ Баденскомъ—тридцать два, въ Невшательскомъ—сорокъ девять и т. д. Вообще теперь описано болѣе 200 свайныхъ построекъ и нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ будутъ найдены еще многія другія. Изъ числа извѣстныхъ, нѣкоторыя принадлежатъ къ желѣзному вѣку (изъ числа ихъ 2 — 3 даже къ римской эпохѣ), но большая часть относится, повидимому, наполовину къ каменному вѣку и наполовину къ бронзовому.

Хотя способъ постройки того времени былъ, по всей вѣроятности, весьма простъ, тѣмъ не менѣе вѣсъ, который должна была выдерживать деревянная платформа, былъ, повидимому, довольно значи-

тельный, что видно отчасти изъ многихъ согнутыхъ и сломанныхъ свай, а отчасти изъ того, что нѣкоторыя сваи, очевидно, съ цѣлью предохранить ихъ отъ слишкомъ глубокаго погруженія въ мягкій илъ, были пропущены сквозь доски, которыя и оставались на днѣ озера.

Жилища древнихъ Галловъ описываются какъ круглыя, куполообразныя хижины, сдѣланныя изъ дерева и вымазанныя глиною, причемъ щели, какъ кажется, забивались предварительно мохомъ. Нѣкоторыя изъ хижинъ свайныхъ построекъ были вѣроятно устроены подобнымъ же образомъ. Такое предположеніе не есть чистая гипотеза, но основывается на томъ, что въ илу были найдены дѣйствительно куски глины, которою, по всей вѣроятности, были вымазаны стѣны. Сохраненіе же этихъ кусковъ въ водѣ обусловливается очевидно тѣмъ, что строеніе, которому они принадлежали, погибло отъ огня, который въ состояніи былъ придать глинѣ достаточную твердость, чтобы она могла выдержать продолжительное дѣйствіе воды. Обломки эти на одной сторонѣ представляютъ обыкновенно отпечатки переплетенныхъ прутьевъ, тогда какъ другая сторона, составлявшая, повидимому, внутреннюю стѣну хижины, почти гладка. Нѣкоторые изъ этихъ глиняныхъ кусковъ настолько велики и правильны, что дали Тройону возможность составить даже понятіе о формѣ хижинъ, именно заключить, что послѣднія были круглы и имѣли отъ 10 до 15 футовъ въ діаметрѣ.

Было бы весьма интересно, еслибы мы могли вычислить примѣрное число жителей отдѣльныхъ поселеній въ эти давнопрошедшія времена,—попытка, дѣйствительно предпринятая г. Тройономъ. Поселеніе въ Моргѣ, одно изъ обширнѣйшихъ Женевскаго озера, имѣетъ 1.200 футовъ въ длину, 150 въ ширину и слѣдовательно занимаетъ поверхность въ 180.000 квадратныхъ футовъ. Принимая, что хижины имѣли 15 футовъ въ поперечникѣ и предполагая, что онѣ занимали половину поверхности платформы, другая же была оставлена для проходовъ, г. Тройонъ полагаетъ, что число всѣхъ хижинъ равнялось 311. Предполагая же, съ другой стороны, что каждая хижина была населена четырьмя душами, онъ получилъ для всего населенія количество жителей въ 1.244 души. Исходя отъ этой цифры, онъ приходитъ къ заключенію, что на Невшательскомъ озерѣ жило около 5.000 человѣкъ. Шестьдесятъ восемь деревень, принадлежащихъ бронзовому періоду, предполагается, были населены 42.500 лицами, а поселенія болѣе древняго періода заключали въ себѣ, по такому же способу вычисленія, около 31.000 душъ.

Однако всѣ эти вычисленія, какъ основанныя только на остат-

кахъ глиняныхъ стѣнъ, должны считаться въ высшей степени неудовлетворительными, тѣмъ болѣе, что самые большіе, до сихъ поръ найденные, куски, какъ сообщилъ мнѣ д-ръ Келлеръ, имѣютъ не болѣе одного фута въ поперечникѣ. Съ другой стороны, есть многія основанія предполагать, что хижины были обыкновенно четвероугольными, а не круглыми. Кромѣ того я не думаю, чтобы вычисленіе народонаселенія могло быть основано на величинѣ платформы. Самъ Тройонъ признается, что цифры его, можетъ-быть, немного велики, въ особенности если принять въ соображеніе жилища на твердой землѣ, которыя не могутъ быть приняты въ разсчетъ при этомъ вычисленіи, а также, что далеко еще не всѣ остатки озерныхъ построекъ сдѣлались извѣстными. И въ самомъ дѣлѣ, уже черезъ три года послѣ изданія его книги, число открытыхъ свайныхъ построекъ увеличилось вдвое. Кромѣ того Тройонъ принимаетъ, что всѣ свайныя постройки бронзоваго періода существовали одновременно; тоже предположеніе дѣлаетъ онъ и относительно построекъ каменнаго періода. Но съ этимъ точно также нельзя согласиться: оба періода, а въ особенности каменный, обнимаютъ несомнѣнно длинный рядъ годовъ, и хотя о подобныхъ вещахъ вообще нужно говорить съ большою осторожностью, однако если уже дѣлать какое-либо заключеніе, то естественно предположить, что въ каждомъ періодѣ нѣкоторыя деревни погибали и были оставляемы прежде, нежели взамѣнъ ихъ были выстраиваемы новыя.

Можетъ казаться страннымъ, почему такой нецивилизованный народъ считалъ необходимымъ строить свои жилища съ громаднымъ трудомъ надъ водою, тогда какъ во всякомъ случаѣ было гораздо удобнѣе строить ихъ на сушѣ. Но, мы уже видѣли, что даже въ историческія времена подобныя постройки служили хотя простыми, тѣмъ не менѣе довольно прочными укрѣпленіями. Во всякомъ случаѣ, если и можно допустить, что громадный трудъ вознаграждался здѣсь отчасти сознаніемъ безопасности, то все-таки трудно понять, какимъ образомъ вбивались при этомъ сваи.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ поселенія каменнаго вѣка отличаются присутствіемъ такъ наз. «каменныхъ холмовъ» (Steinberge), т. е. искуственныхъ кучъ камней и пр.,—очевидно доставленныхъ сюда туземцами съ цѣлью укрѣпленія въ водѣ свай. Лодка, нагруженная камнями, повидимому, для этой цѣли, была открыта нѣсколько лѣтъ тому назадъ на днѣ Невшательскаго озера. Очевидно, обитатели пфальбаутовъ считали болѣе легкимъ возвысить дно около свай, нежели вбивать въ него послѣднія.

Наоборотъ, другія постройки, какъ напримѣръ найденныя въ Ин

квилѣ и Вовилѣ, сходны, судя по описаніямъ Морло и Сутера, болѣе съ ирландскими кранножами. Изъ этого видно, говоритъ д-ръ Келлеръ, что озерныя жилища устраивались двумя способами: какъ настоящія постройки на сваяхъ (пфальбауты) и какъ кранножи (Packwerkbauten). Въ первомъ случаѣ платформы поддерживались просто сваями. во второмъ – подпоры состояли главнымъ образомъ изъ кучъ, камней, глины и пр., перемежавшихся съ горизонтальными и вертикальными рядами кольевъ, которые служили болѣе для укрѣпленія насыпи, чѣмъ для поддержки помоста. Очевидно, что устройство пахверковой постройки или кранножа было дѣломъ значительно болѣе легкимъ и требовало менѣе труда, нежели работа свайной постройки, гдѣ нужно было не мало усилій и опытности для того, чтобъ укрѣпить вертикальныя сваи и связать ихъ съ горизонтальными перекладинами. Замѣтимъ еще, что кранножи не годились для большихъ озеръ, такъ какъ во время бурь они должны были бы подвергаться значительному разрушенію отъ дѣйствія волнъ, между тѣмъ какъ послѣднія могли свободно проходить въ промежуткахъ между отдѣльными сваями пфальбаутовъ. Поэтому система кранножей встрѣчается только на маленькихъ озерахъ или болотахъ; на большихъ же озерахъ мы находимъ только пфальбауты, и послѣднія могли устраиваться иногда и на твердой землѣ, обычай до сихъ поръ еще существующій въ нѣкоторыхъ странахъ,—какъ напр., на островѣ Борнео и даже иногда въ самой Швейцаріи.

Древности, найденныя въ Вовилѣ, Робенгаузенѣ, Попъ-де-Тиле, Моосзеедорфѣ и въ другихъ мѣстностяхъ маленькихъ озеръ и торфяныхъ болотъ, были покрыты болѣе или менѣе толстымъ слоемъ торфа, изученіе роста котораго можетъ-быть дастъ намъ современемъ ключъ къ опредѣленію относительной древности найденныхъ предметовъ. Наоборотъ въ большихъ озерахъ образованія торфа не происходитъ. Правда, при устьѣ рѣкъ скопляется мало-по-малу большое количество ила и гравія: такъ-напримѣръ, Женевское озеро, въ прежнее время, вдавалось, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе въ долину Роны; но, какъ извѣстно всѣмъ, илъ и гравій, который увлекается Роной откладывается весь вблизи устья послѣдней, такъ что собственно въ озерѣ вода вездѣ остается необыкновенно чистою и прозрачною.

Озеро само по себѣ очень глубоко, мѣстами даже до 980 футовъ. Берегъ его вездѣ крутъ, но во многихъ мѣстахъ онъ окаймленъ мелководною полосою, происшедшею, по всей вѣроятности, вслѣдствіе разрушительной силы волнъ и называемой рыбаками «Blanc-fond». Вода въ этомъ мѣстѣ имѣетъ свѣтло-сѣрый цвѣтъ и рѣзко отличает-

ся отъ свѣтло-голубой средины озера. На этомъ-то Blanchond'ѣ, на глубинѣ иногда до пятнадцати футовъ, и строились обыкновенно пфальбауты. Въ тихую погоду, когда поверхность воды неподвижна, можно ясно видѣть здѣсь остатки свай. Впрочемъ въ настоящее время только немногія изъ нихъ выдаются фута на два надъ поверхностью дна; большая же часть ихъ подверглась разрушенію отъ непрерывнаго дѣйствія волнъ и имѣетъ видъ только торчащихъ иглъ или просто черныхъ и круглыхъ пятенъ на поверхности ила. Такой видъ представляютъ онѣ въ особенности въ свайныхъ постройкахъ каменнаго періода. «Что особенно отличаетъ послѣднія, говоритъ профессоръ Дезоръ,—такъ это форма свай, которыя гораздо толще, чѣмъ въ поселеніяхъ бронзоваго вѣка, и представляютъ цѣлые древесные стволы, имѣющіе отъ 28 до 30 сантиметровъ въ поперечникѣ. Вмѣсто того, чтобы дѣлать выступъ въ воду, концы ихъ находятся на одномъ уровнѣ съ дномъ». Описывая же постройки бронзоваго періода, тотъ же авторъ говоритъ: «Сваи здѣсь тоньше и состоятъ обыкновенно изъ расколотыхъ на-четверо стволовъ, толщиной не болѣе какъ въ 4—5 дюймовъ (12—15 сантиметровъ); притомъ концы ихъ не разрушены вплоть до дна, но торчатъ на 1—2 фута (30—50 сант.) изъ ила такъ, что, не смотря на значительную глубину, ихъ можно легко отличить глазомъ.» Тройонъ точно также говоритъ, что «сваи конца второй эпохи, имѣющія болѣе двухъ тысячъ лѣтъ и выдающіяся на 1—3 фута надъ поверхностью ила, имѣютъ почти вездѣ одинъ и тотъ же видъ, тогда какъ сваи каменнаго періода разрушены до самаго дна, иногда даже совершенно покрыты иломъ».

Болѣе полное разрушеніе свай, принадлежащихъ древнѣйшему періоду, зависитъ не только отъ ихъ древности, но и отъ того, что онѣ встрѣчаются на болѣе мелкихъ мѣстахъ. Извѣстно, что наибольшая сила волнъ бываетъ на поверхности и уменьшается постепенно, по мѣрѣ увеличенія глубины; вслѣдствіе этого тѣ сваи, которыя находятся на болѣе глубокихъ мѣстахъ, бываютъ наименѣе подвержены дѣйствію волнъ; притомъ и разрушеніе ихъ идетъ постепенно сверху внизъ, такъ что весьма часто верхній конецъ является у нихъ болѣе заостреннымъ, нежели нижній. Между сваями находятся обломки костей, роговъ, глиняные черепки, а иногда также бронзовыя вещи. Многія изъ нихъ погружены въ илъ или завалены каменьями, но другія лежатъ прямо на днѣ и иногда въ такомъ неповрежденномъ видѣ, что сначала я даже усомнился въ ихъ древности, когда мнѣ пришлось въ первый разъ увидѣть ихъ черезъ прозрачную воду. Онѣ имѣли такой видъ, такъ мало пострадали отъ времени, что, казалось, были сдѣланы только вче-

ра, и никакъ нельзя было предположить, что онѣ пролежали тамъ цѣлыя столѣтія. Это необыкновенное явленіе легко объяснить тѣмъ, что самыя сильныя бури распространяются только на весьма незначительную глубину. За исключеніемъ устьевъ рѣкъ и мѣстъ, покрытыхъ густою растительностію, которая весьма рѣдко встрѣчается въ большихъ озерахъ, отложеніе ила на глубинѣ болѣе четырехъ футовъ есть процессъ чрезвычайно медленный, такъ что предметы, упавшіе на дно подобныхъ мѣстъ, не уносятся волнами и часто совершенно не покрываются иломъ.

«Я вытащилъ», говоритъ Тройонъ,—«противъ мельницы Бевэ (Bevaix) нѣсколько черепковъ глинянаго сосуда, лежавшихъ въ недалекомъ разстояніи одинъ отъ другаго, и, сложивъ ихъ, я могъ возстановить сосудъ во всей его цѣлости. Въ Тонгѣ, недалеко отъ Германса, я нашелъ на разстояніи нѣсколькихъ футовъ двѣ половинки висячаго кольца, которыя, будучи сложены вмѣстѣ, не оставили между собой ни малѣйшаго промежутка». Верхняя часть вещей, омываемая водой, обыкновенно покрыта слоемъ углекислой извести, но нижняя часть, погруженная въ илъ, остается почти неизмѣненною. Закинувъ однажды сѣть близъ Корталіода, Тройонъ вытащилъ пару браслетовъ: тотъ изъ нихъ, который былъ сперва замѣченъ, имѣлъ зеленый цвѣтъ и былъ покрытъ известковою корой, но другой, лежавшій тотчасъ подъ нимъ въ илѣ, казался совершенно новымъ, какъ будто бы онъ былъ только-что сдѣланъ.

Такъ какъ сваи бронзоваго періода часто находятъ на глубинѣ 15 футовъ и такъ какъ возведеніе подобныхъ построенъ на болѣе глубокихъ мѣстахъ было едва ли возможно, то отсюда мы можемъ заключить, что уровень воды въ швейцарскихъ озерахъ того времени не могъ быть много выше теперешняго. Это заключеніе подтверждается положеніемъ римскихъ развалинъ близъ Тонона на Женевскомъ озерѣ, которыя вполнѣ доказываютъ, что уровень швейцарскихъ озеръ оставался почти одинаковымъ въ продолженіе весьма долгаго періода.

Въ большихъ озерахъ путешественнику довольно легко замѣтить число и общее расположеніе свай, опредѣлить занимаемое ими пространство и добыть находящіеся между ними обломки костей и посуды; но, вообще говоря, торфяныя болота представляютъ гораздо болѣе поучительнаго: въ нихъ мы не только можемъ получить свѣдѣнія о величинѣ, формѣ и способѣ постройки хижинъ, но мы находимъ тамъ остатки деревянной посуды, плоды, орѣхи, зерна и даже лоскутья одежды, что̀ все не могло сохраниться въ открытой водѣ большихъ озеръ.

Послѣ выбора подходящаго мѣста, первое дѣло при постройкѣ озернаго поселенія состояло конечно въ томъ, чтобы добыть необходимаго лѣсу. Срубить дерево каменнымъ топоромъ было, безъ сомнѣнія, нелегкимъ предпріятіемъ и очень вѣроятно, что при этомъ прибѣгали къ помощи огня, какъ это и теперь еще дѣлаютъ дикари, если имъ нужно срубить дерево и сдѣлать свое кану (сапое—лодку). Обжиганіе дерева и откалываніе затѣмъ обугленныхъ частей естественно должно было значительно облегчать работу; притомъ люди каменнаго вѣка, повидимому, избѣгали толстыхъ стволовъ, пользуясь ими исключительно лишь для устройства лодокъ. Если мы примемъ въ соображеніе, что сваи сидятъ въ илу на 1—4 фута и должны были выдаваться верхнимъ концомъ футовъ на 5—6 надъ уровнемъ воды, который не отличался въ то время значительно отъ нынѣшняго, то мы должны заключить, что онѣ имѣли отъ 15 до 30 футовъ длины и отъ 3 до 9 дюймовъ въ діаметрѣ. Заостренный конецъ, воткнутый въ илъ, до сихъ поръ еще представляетъ слѣды огня и неровныя зарубки, сдѣланныя каменными топорами. Сваи, принадлежащія бронзовому періоду, т. е. приготовленныя металлическими топорами, заострены гораздо правильнѣе, и различіе въ обоихъ случаяхъ можетъ быть сравнено съ тѣмъ, какое замѣчается между хорошо и дурно очиненными карандашами. Кромѣ того поверхность разрѣза, сдѣланнаго каменнымъ топоромъ, всегда болѣе или менѣе вогнута, тогда какъ сдѣланная металлическимъ орудіемъ имѣетъ ровный видъ.

Притащить сваи къ озеру и укрѣпить ихъ на днѣ стоило, конечно, неимовѣрно большаго труда, особенно если принять въ вниманіе ихъ число. Въ одномъ Вангенѣ, по вычисленію Лёле, ихъ должно было быть около 50.000. Впрочемъ мы должны имѣть въ виду, что онѣ могли быть вбиты не всѣ въ одно время и не однимъ поколѣніемъ. Что касается до Вангена, то несомнѣнно, что озерное поселеніе здѣсь было построено не въ одинъ день, но увеличивалось постепенно, по мѣрѣ возрастанія числа жителей. Геродотъ говоритъ, что Пеонійцы дѣлали первый помостъ обществомъ, но что впослѣдствіи при каждой свадьбѣ (а у нихъ дозволялось многоженство) женихъ долженъ былъ для общей пользы вбить опредѣленное число свай. Въ Нидервилѣ, напримѣръ, мы видимъ два ряда свай, лежащихъ одинъ надъ другимъ. Слой золы указываетъ, что жилища были сожжены и затѣмъ снова построены. Болѣе новыя сваи, насколько то можно судить по сохранившимся остаткамъ, мало отличаются отъ характеристичныхъ для каменнаго вѣка; впрочемъ онѣ менѣе разрушены и выдаются изъ ила болѣе, чѣмъ принадлежащія къ предшествовавшей эпохѣ.

Благодаря содѣйствію полковника Сутера, я имѣлъ случай тщательно изучить способъ постройки озерныхъ жилищъ въ Вовилѣ, недалеко отъ Цофингена, въ Люцернскомъ кантонѣ. Постройки эти, очевидно, принадлежатъ каменному періоду, такъ какъ въ нихъ до сихъ поръ не было найдено никакихъ слѣдовъ металла. Онѣ находятся въ торфяномъ болотѣ, которое, повидимому, было нѣкогда ложемъ мелководнаго озера. Однако, вслѣдствіе постепеннаго отложенія торфа, оно возвысилось на нѣсколько футовъ, а поверхность въ новѣйшее время была осушена дренажемъ. Въ поискахъ нашихъ намъ помогали шесть работниковъ; они копали торфъ, а мы затѣмъ тщательно разсматривали вывороченныя глыбы. Я упоминаю объ этихъ подробностяхъ потому, что различіе вещей, добытыхъ изъ разныхъ пфальбаутовъ, отчасти по крайней мѣрѣ, можетъ, по всей вѣроятности, обусловливаться различіемъ способовъ ихъ отыскиванія. Толщина торфа въ Вовилѣ колеблется между тремя и десятью футами; онъ лежитъ на бѣломъ слоѣ, состоящемъ изъ обломковъ прѣсноводныхъ раковинъ. Этотъ послѣдній имѣетъ только нѣсколько дюймовъ толщины и встрѣчается въ старыхъ ложахъ многихъ небольшихъ озеръ; онъ часто упоминается швейцарскими археологами подъ названіемъ «бѣлаго грунта,» (Weissgrund), котораго впрочемъ не нужно смѣшивать съ «Blancfond» большихъ озеръ. Сваи идутъ черезъ торфъ, проходятъ бѣлый грунтъ и внѣдряются въ лежащую ниже твердую землю. Ихъ очень трудно вытащить вполнѣ, такъ какъ нижній конецъ очень разрушился отъ времени и настолько пропитанъ водою, что почти сталъ совершенно мягкимъ. Полковнику Сутеру удалось однако добыть двѣ изъ нихъ: одна имѣла 14 футовъ и 6 дюймовъ длины, изъ которыхъ 4 фута находились въ торфѣ, а остальные въ нижележащемъ пескѣ. Другая имѣла только 8 фут. 6 дюйм. длины, изъ нимъ 4 ф. были въ торфѣ, а 8 ф. 6 д. въ твердомъ грунтѣ. Діаметръ свай колеблется между 3 и 5 дюймами; всѣ онѣ круглы и нижній конецъ такъ плохо обтесанъ, что трудно понять, какъ было возможно вбить ихъ такъ глубоко въ землю.

Въ большей части пфальбаутовъ сваи разбросаны болѣе или менѣе неправильно по всему пространству бывшаго поселенія; но въ Вовилѣ этого нѣтъ: тутъ онѣ окружаютъ четыре четвероугольныхъ пространства, средина которыхъ была занята нѣсколькими помостами, лежащими одинъ надъ другимъ и промежутки между которыми были наполнены вѣтвями, листьями и торфомъ. Остатки древности здѣсь не разбросаны по всему торфянику, но или лежатъ на слоѣ изъ обломковъ раковинъ, бывшемъ нѣкогда дномъ озера,—или въ самомъ нижнемъ слоѣ торфа. Отсюда очевидно, что наибольшая часть торфа,

если не весь онъ, отложилась уже послѣ того, какъ эти интересныя развалины были обитаемы. Верхняя часть торфа была однако снята незадолго до нашего пріѣзда, такъ, что слѣд. «культурный слой» (Culturschicht), то есть тотъ, который заключаетъ въ себѣ остатки древней культуры, былъ почти обнаженъ для нашихъ изысканій.

Нѣкоторыя сваи выдавались еще и при насъ надъ поверхностью торфа, большая же часть ихъ была сломана значительно ниже. Мы стояли на одномъ изъ верхнихъ помостовъ, на которомъ, безъ сомнѣнія, нѣкогда были выстроены хижины и бревенчатая настилка котораго вполнѣ сохранилась. Въ первое время вопросъ о томъ, какимъ образомъ удерживались эти платформы на мѣстѣ, т. е. лежали ли онѣ на водѣ, какъ плоты, или же утверждались на особаго рода искусственныхъ островахъ, изъ глины, сучьевъ и пр.,—былъ еще не рѣшенъ. Позднѣйшія наблюденія, подтвержденныя открытіями въ другихъ мѣстахъ, какъ напр. въ Инквилѣ и Нидервилѣ, однако рѣшили его въ пользу второй гипотезы.

Въ бытность мою въ Вовилѣ мы нашли тамъ 4 маленькихъ каменныхъ топора, 1 наконечникъ стрѣлы, 4 осколка кремня, 15 грубыхъ каменныхъ молотковъ, 8 оселковъ, 33 пращевыхъ камня, 8 костяныхъ орудій и 2 деревянныхъ, не считая еще безчисленнаго множества костей и большаго количества глиняныхъ черепковъ. Полковникъ Сутеръ полагаетъ, что для одного дня работы добыча эта довольно успѣшна. Всего найдено было въ Вовилѣ 500 каменныхъ костяныхъ орудій, въ Моосзеедорфѣ болѣе 3.300, въ Вангенѣ не менѣе 5.800, а въ Консизѣ, по словамъ Тройона, до 25.000.

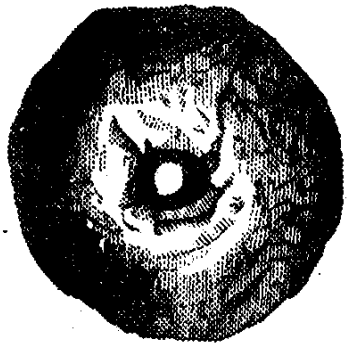
Топоръ былъ въ древнія времена орудіемъ по преимуществу: его употребляли какъ на войнѣ и охотѣ, такъ и для домашнихъ цѣлей; этимъ и объясняется громадное количество ихъ, найденное въ Вангенѣ на (Боденскомъ) и въ Консизѣ (на Невшательскомъ озерѣ). За немногими исключеніями, они были небольшой величины, особенно если сравнить ихъ съ превосходными экземплярами, найденными въ Даніи. Въ длину они варіируютъ между 1—6 дюймами, рѣжущее же остріе имѣетъ обыкновенно отъ 15—20 линій ширины. Большею частью ихъ дѣлали изъ серпентина и діорита, иногда также изъ кремня, изрѣдка изъ нефрита и яшмы. Многія изъ болѣе значительныхъ поселеній были очевидно мѣстами ихъ фабричнаго производства; въ нихъ найдено было много неудачныхъ и вполовину оконченныхъ экземпляровъ. Послѣ выбора камня, первое дѣло заключалось въ томъ, чтобы помощью ударовъ молоткомъ придать ему требуемую величину; затѣмъ въ немъ дѣлали искусственныя выемки или углубленія, что должно было быть весьма трудной и утомительною

работой, такъ какъ единственными орудіями для того, въ то время, были только кремневые ножи, песокъ и вода. Когда углубленія были сдѣланы, тогда выдающіяся части отбивались сразу ловкими ударами молотка и затѣмъ притовленное такимъ образомъ орудіе натачивалось и полировалось на глыбѣ песчаника.

Топоры, повидимому, прикрѣплялись къ рукояткамъ посредствомъ горной смолы, которая получалась въ то время или изъ «Val de Travers» близь Невшателя, или же изъ «Perte du Rhône».

Каменные ножи можно раздѣлить на два класса. Одни отличаются отъ топоровъ главнымъ образомъ тѣмъ, что ширина ихъ превышаетъ длину; другіе же суть просто осколки кремня, вставленные въ деревянную рукоятку и укрѣпленные, подобно топорамъ, помощью смолы. Пилы приготовлялись такимъ же образомъ, съ тою только разницею, что лезвее здѣсь было нѣсколько зазубрено. Мы не нашли въ Швейцаріи ни одного изъ столь обыкновенныхъ въ Даніи серповидныхъ каменныхъ орудій. Наконечники стрѣлъ дѣлались изъ кремня, иногда изъ горнаго хрусталя и имѣли обыкновенную форму. Прядильныя веретена изъ грубой глины были находимы довольно часто въ нѣкоторыхъ свайныхъ постройкахъ даже каменнаго періода. Это указываетъ на существованіе въ то время искусства ткать, что впрочемъ, какъ мы скоро увидимъ, подтверждается еще и другими болѣе вѣскими доказательствами. Кромѣ того найдены были еще круглые камни, съ однимъ или иногда съ двумя отверстіями. Употребленіе ихъ не опредѣлено съ точностью; можетъ-быть, они служили грузилами для неводовъ.

Фиг. 121.



Веретено каменнаго вѣка.

Кремневые осколки не представляютъ особенностей; впрочемъ швейцарскіе экземпляры вообще малой величины. Иногда, даже въ поселеніяхъ каменнаго періода, попадаются еще зернодробилки — шары отъ двухъ до трехъ дюймовъ въ діаметрѣ, сдѣланные изъ твердаго камня.

Вотъ перечень предметовъ, найденныхъ до сего времени въ Вовилѣ:

Каменныхъ топоровъ, большею частью изъ серпентина	43
Маленькихъ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ	86
Осколковъ кремня	200

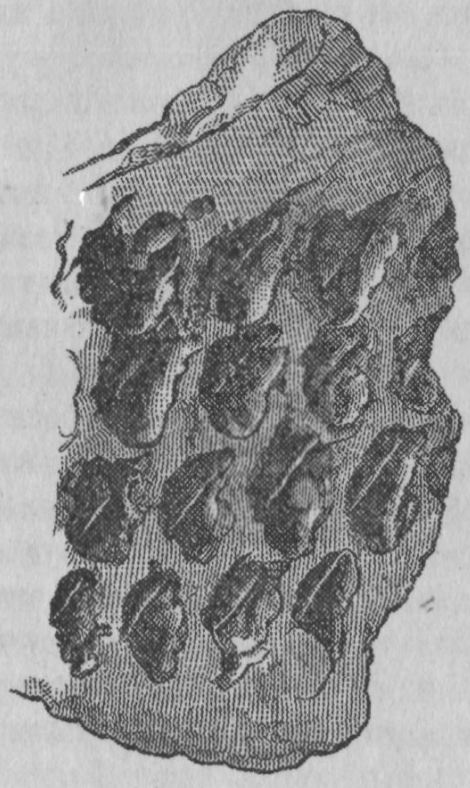
Зернодробилокъ	16	не всѣ находятся въ одной коллекціи.
Простыхъ камней, употреблявшихся вмѣсто молотковъ	20	
Точильныхъ камней	26	
Пращевыхъ камней	85	
Всего	426	каменныхъ предметовъ.

Кремень, изъ котораго дѣлались осколки и наконечники стрѣлъ, долженъ былъ быть доставляемъ издалека, и лучшій сортъ получался, по всей вѣроятности, изъ Франціи. Очень можетъ быть, что для этой цѣли предпринимались путешествія къ французскимъ каменоломнямъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ, по словамъ Катлина, американскія племена, собираясь, часто весьма издалека, за трубочной глиной въ Coteau des Prairies. Въ Консизѣ найдено было также нѣсколько кусковъ коралла изъ Средиземнаго моря, а въ Мейленѣ—балтійскій янтарь. Изъ этихъ фактовъ нѣкоторые археологи вывели предположеніе о довольно значительномъ развитіи торговли даже въ каменный періодъ. Однако, такъ какъ оба эти поселенія принадлежали, повидимому, переходному періоду между каменнымъ и бронзовымъ вѣками, то вѣрнѣе будетъ отнести оба упомянутые продукта къ послѣднему періоду.

Подобно другимъ дикимъ племенамъ, жители свайныхъ построекъ старались извлечь всевозможную пользу изъ добываемыхъ ими животныхъ. Мясо ихъ съѣдали, шкуру употребляли на одежду, высасывали мозгъ изъ костей и приготовляли себѣ часто изъ послѣднихъ орудія. Болѣе крупныя и плотныя кости, точно также какъ и оленьи рога, служили имъ молотами или рукоятками для топоровъ. Иногда также часть кости оттачивалась въ лезвеё, но такія орудія недостаточно тверды и не настолько остры, чтобъ ими можно было удобно рѣзать. Весьма часто находили костяныя шила, которыя могли употребляться для приготовленія шкуръ на одежду. Иногда также, какъ въ Вангенѣ, попадались костяныя долота или скребки. Безъ сомнѣнія, одинъ изъ родовъ ихъ употребленія заключался въ отдираніи волосъ со шкуръ, предназначенныхъ для одежды. Въ Вовилѣ было также найдено нѣсколько деревянныхъ вещей, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, но добываніе ихъ, если онѣ и были первоначально многочисленны, весьма затруднительно. Ихъ почти нельзя отличить отъ окружающаго изъ торфа, который самъ по себѣ заключаетъ множество древесныхъ вѣтвей и другихъ деревянныхъ обломковъ; кромѣ того весьма трудно вытащить такія вещи цѣлыми. По всей вѣроятности, деревянныя орудія

были значительно болѣе разнообразны и обыкновенны, нежели какъ это можно заключить изъ имѣющихся коллекцій. Трутъ былъ найденъ во многихъ свайныхъ постройкахъ и, безъ сомнѣнія, употреблялся для добыванія огня. Глиняная посуда каменнаго вѣка почти во всѣхъ поселеніяхъ имѣетъ одинъ и тотъ же характеръ—грубой и аляповатой работы. Большею частью отъ нея находятъ только черепки, а цѣлыхъ сосудовъ было добыто сравнительно весьма мало. Гончарный станокъ былъ тогда еще, повидимому, неизвѣстенъ, а обжиганіе было весьма несовершенно и производилось, какъ кажется, на открытомъ огнѣ. Матеріалъ былъ также весьма грубъ и большею частію содержитъ въ себѣ многочисленныя зерна кварца. Наичаще встрѣчающаяся форма сосудовъ—цилиндрическая, но нѣкоторые изъ нихъ округлены при основаніи и безъ ножки. Одинъ изъ курьёзныхъ признаковъ посуды этой эпохи заключается въ частомъ присутствіи углубленій, расположенныхъ рядами и не проникающихъ сквозь всю толщу сосудовъ; но самыя обыкновенныя ихъ украшенія состоятъ изъ простыхъ линій или бороздъ, сдѣланныхъ иногда острымъ оружіемъ, иногда просто ногтемъ (фиг. 166), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ давленіемъ шнурка объ мягкую глину. Кривыя линіи встрѣчаются рѣдко, изображеній животныхъ вовсе не было найдено, и только одинъ сосудъ, найденный въ Вангенѣ, представляетъ попытку изобразить растеніе. Въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ бронзоваго періода найдены глиняныя кольца, которыя, очевидно, употреблялись какъ подставки къ сосудамъ, но они въ поселеніяхъ каменнаго вѣка не попадались. Можетъ быть, въ эту древнѣйшую эпоху посуда ставилась просто на рыхлую землю и столы были введены только въ бронзовый періодъ, когда съ помощью металлическихъ орудій стало гораздо легче обдѣлывать дерево, въ особенности приготовлять доски. Нѣкоторые сосуды имѣютъ маленькія ушки съ дырочками, конечно для того, чтобы продѣвать черезъ нихъ веревку и вѣшать. У другихъ имѣются въ стѣнкахъ не-

Фиг. 122.

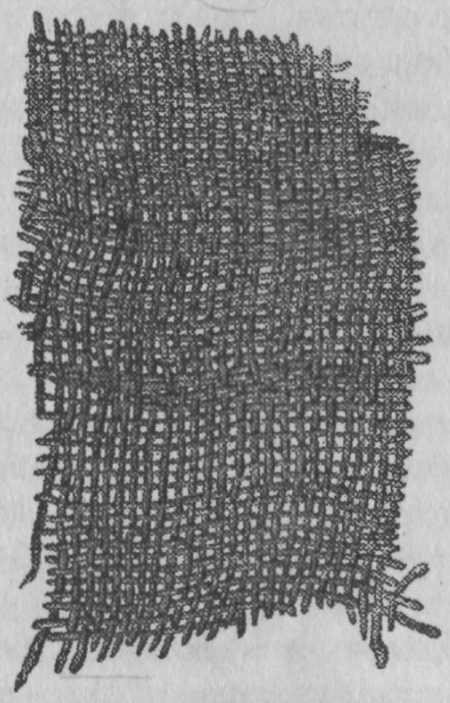


Глиняный черепокъ изъ Цюрихскаго озера.

большія просверленныя отверстія, на различной высотѣ; предполагаютъ, что сосуды этого рода служили для приготовленія сыра, причемъ дырочки сдѣланы были для стеканія сыворотки. Орнаментація посуды этого періода весьма проста и безъискусственна. Иногда вокругъ сосуда идетъ рядъ небольшихъ возвышеній, и этотъ стиль украшеній г. Гилльеронъ встрѣчалъ весьма часто въ посудѣ изъ Pont de Thiéle.

Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что звѣриныя шкуры доставляли древнимъ жителямъ свайныхъ построекъ главнѣйшій матеріалъ для одежды, однако въ нѣкоторыхъ изъ поселеній, особенно въ Вангенѣ и Робенгаузенѣ (оба относятся къ каменному вѣку) было найдено также довольно много лоскутковъ грубой ткани. Она сдѣлана изъ льняныхъ волоконъ, либо изъ соломы.

Фиг. 123.



Кусокъ ткани изъ Робенгаузена.

Что касается до животныхъ остатковъ пфальбаутовъ, то опредѣленіемъ ихъ мы обязаны почти единственно профессору Рютимейеру, описавшему ихъ весьма подробно въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи: «Фауна пфальбаутовъ Швейцаріи», 1861 г. Всѣ найденныя кости весьма обломаны, главнымъ образомъ потому, что изъ нихъ добывался мозгъ. Нѣкоторыхъ костей и частей костей всегда не хватало, такъ что невозможно было составить ни одного полнаго скелета даже самаго обыкновеннаго животнаго.

Полное число видовъ, найденныхъ въ свайныхъ постройкахъ, простирается до семидесяти; изъ нихъ десять—рыбъ, четыре—пресмыкающихся, двадцать шесть—птицъ, а остальное приходится на долю звѣрей. Въ числѣ послѣднихъ—шесть видовъ могутъ быть разсматриваемы какъ одомашненные; это именно: собака, свинья, лошадь, коза, овца и по крайней мѣрѣ двѣ разновидности рогатаго скота. Кости весьма рѣдко встрѣчаются въ естественномъ положеніи; большею же частью остатки дикихъ и домашнихъ животныхъ перемѣшаны, и состояніе, въ которомъ онѣ находятся, слѣды на нихъ ножа, наконецъ то обстоятельство, что онѣ всегда расколоты, съ цѣлью из-

влеченія мозга, ясно показываютъ, что онѣ прошли чрезъ руки человѣка.

Наичаще встрѣчающіеся виды, это — изъ дикихъ — благородный олень, а изъ домашнихъ — быкъ. Остатки ихъ обыкновенно равняются остаткамъ всѣхъ остальныхъ видовъ взятыхъ вмѣстѣ. Интересно также, что во всѣхъ болѣе древнихъ поселеніяхъ, какъ напр въ Моосзеедорфѣ, Вовилѣ и Робенгаузенѣ, олень замѣтно преобладаетъ надъ домашнимъ быкомъ по числу особей, тогда какъ въ болѣе новѣйшихъ поселеніяхъ западныхъ озеръ, какъ напр. въ Вангенѣ и Мейленѣ мы встрѣчаемъ обратное, т. е. болѣе костей рогатаго скота, нежели оленьихъ.

Затѣмъ чаще прочихъ встрѣчаются остатки свиньи. Много рѣже и обыкновенно только въ числѣ немногихъ экземпляровъ, между тѣмъ какъ упомянутые ранѣе встрѣчаются массами, попадаются—косуля, коза и овца; послѣдняя становится чаще въ позднѣйшихъ поселеніяхъ. Съ ними одинаковы по числу особей лисица и куница. Мясо лисицы употребляется иногда въ пищу Эскимосами; оно весьма понравилось капитану Ліону, а Франклинъ увѣряетъ, что оно вкуснѣе тощей дичины. Въ каменный вѣкъ, лисицъ, повидимому, также ѣли, такъ какъ кости ихъ представляютъ слѣды ножа и расколоты, какъ и прочія, для извлеченія мозга. Но встрѣчаясь часто въ поселеніяхъ каменнаго вѣка, лисица до сихъ поръ вовсе не была найдена въ поселеніяхъ бронзовой эпохи. Довольно странно, что собака встрѣчается въ древнѣйшихъ поселеніяхъ рѣже лисицы, хотя все-таки чаще, нежели лошадь. Изъ остальныхъ видовъ было найдено всего по нѣсколько экземпляровъ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бобръ, барсукъ и ёжъ довольно многочисленны. Медвѣдь и волкъ, равно какъ дикій быкъ, зубръ и лось, также иногда доставались въ добычу охотникамъ; по всей вѣроятности, эти послѣдніе виды попадались въ нарочно устроенныя, скрытыя ямы.

Размѣры костей оленя и кабана показываютъ, бо́льшею частью, что онѣ принадлежали животнымъ бо́льшаго роста, нежели современныя, тогда какъ лисицы, наоборотъ, были повидимому меньше нынѣшнихъ. Породы собакъ представляли значительно меньшія различія, такъ какъ почти всѣ найденныя кости принадлежатъ одной и той же породѣ, составляющей по формѣ черепа и размѣрамъ конечностей нѣчто среднее между нынѣшней гончей и лягавой. Овца каменнаго періода отличалась отъ обыкновенной породы нынѣшняго времени меньшею величиною, болѣе тонкими конечностями и короткими, козлиными рогами. Эти отличительные признаки сближаютъ ее съ нѣкоторыми современными породами сѣверныхъ и горныхъ странъ,

какъ напримѣръ съ мелкими породами Оркнейскихъ и Шетландскихъ острововъ, горнаго Уэлльса и нѣкоторыхъ мѣстностей Швейцаріи. Въ Вовилѣ однакоже Рютимейеръ нашелъ остатки одного экземпляра съ удлиненными рогами. Вообще, впрочемъ, наши свѣдѣнія о дикихъ видахъ овецъ такъ неудовлетворительны, что Рютимейеръ не рѣшается высказать никакого положительнаго мнѣнія относительно происхожденія домашнихъ разновидностей, хотя и полагаетъ, что онѣ могутъ быть сведены къ нѣкоторымъ видамъ дикихъ родичей. Изъ другихъ неупомянутыхъ выше дикихъ животныхъ, въ нфальбаутахъ были найдены остатки: куницы, бѣлодушки, хорька, горностая, выдры, дикой кошки, бѣлки, лѣсной мыши, зайца (мало), горнаго козла и серны.

Почти совершенное отсутствіе зайца, безъ сомнѣнія, обусловливается курьезнымъ предразсудкомъ противъ употребленія его мяса,— предразсудкомъ и теперь еще существующимъ у многихъ народовъ. Древніе Бритты никогда не употребляли его, подобно тому, какъ и современные Лопари. По словамъ Бертонье. Арабы-Сомали также брезгаютъ имъ, а Шлегель утверждалъ, что тотъ же предразсудокъ существуетъ и у древнихъ Китайцевъ. У Готтентотовъ, зайцевъ ѣдятъ только женщины; мужчинамъ же мясо ихъ запрещено. У Евреевъ заяцъ признавался нечистымъ животнымъ, а по словамъ Кранца, Гренландцы соглашаются скорѣе ѣсть мясо лисицы, нежели зайца. Замѣтимъ при этомъ, что въ датскихъ кухонныхъ остаткахъ точно также не было найдено костей зайца.

Изъ птицъ, въ нфальбаутахъ найдены до сихъ поръ слѣдующія: беркутъ, скопа, коршунъ, ястребъ, перепелятникъ, сарычъ, сѣрая сова, сычъ, скворецъ, воронъ, черная ворона, оляпка, вяхирь, рябчикъ, горная куропатка, бѣлый аистъ, сѣрая цапля, журавль, лысуха, два вида чаекъ, лебедь-шипунъ, сѣрый гусь (Anser segetum), кряква, чирокъ (Anas querquedula), малая гагара, крохаль (Mergus merganser).

Изъ пресмыкающихся и рыбъ найдено около десяти самыхъ обыкновенныхъ видовъ.

Обыкновенная мышь, два вида нашихъ домашнихъ крысъ и домашняя кошка не были найдены ни въ швейцарскихъ нфальбаутахъ, ни въ датскихъ кьёккенмёдингахъ. Тоже можно сказать и о домашней курицѣ, которая была кажется еще неизвѣстна во времена Гомера и Гезіода. Единственная куриная кость, найденная въ постройкѣ близъ Морга,—поселеніи бронзоваго періода, принадлежитъ, по мнѣнію Рютимейера, позднѣйшему періоду.

Древнѣйшіе остатки осла, найденные, по словамъ Рютимейера, въ

Шаваннѣ и Новилѣ, не стоятъ въ связи съ свайными постройками и принадлежатъ уже позднѣйшему, послѣ римскому періоду. Въ Библіи объ ослѣ въ первый разъ упоминается какъ извѣстно, во времена Авраама, о которомъ говорится, что онъ имѣлъ овецъ, рогатый скотъ,ословъ, рабовъ, рабынь, ослицъ и верблюдовъ.

Замѣчательно, что въ этомъ перечнѣ не упомянуто о лошадяхъ. Лаванъ тоже обладалъ овцами, козами, рогатымъ скотомъ, верблюдами и ослами, но повидимому не имѣлъ лошадей. Точно также подарокъ, посланный Іаковомъ брату своему Исаву, состоялъ изъ двухсотъ козъ, двадцати козловъ, двухсотъ овецъ, двадцати барановъ, тридцати верблюдицъ съ жеребятами, сорока коровъ, десяти быковъ и двадцати ослицъ съ ослятами, но не заключалъ въ себѣ лошадей. Вообще о лошадяхъ не упоминается въ Библіи нигдѣ, до переселенія сыновъ Израиля въ Египетъ, а между тѣмъ о пастушеской жизни Израильтянъ приводятся такія многочисленныя и интересныя подробности, что, если бы они обладали въ то время лошадьми, то о послѣднихъ было бы по всей вѣроятности гдѣ нибудь упомянуто. Что касается Египта, то изображенія лошадей не встрѣчаются здѣсь ни на одномъ изъ монументовъ, воздвигнутыхъ до восемнадцатой династіи, тогда какъ начиная съ этого времени онѣ попадаются весьма часто.

Въ отношеніи швейцарскихъ свайныхъ построекъ замѣчательно то обстоятельство, что хотя остатки лошадей были найдены почти во всѣхъ пфальбаутахъ, однако въ такомъ маломъ числѣ, что присутствіе ихъ можетъ почти считаться случайнымъ. Въ Вангенѣ напр. нашли одинъ зубъ; въ Моосзеедорфѣ только одну изъ плюсневыхъ костей, которая притомъ была искусственно отшлифована; въ Робенгаузенѣ— ладьевидную кость плюсна; въ Вовилѣ наконецъ нѣсколько костей, которыя могли принадлежать одной особи. Наоборотъ, если мы обратимся къ постройкамъ бронзоваго періода, какъ напр. найденной близъ Нидау, то мы находимъ множество костей, принадлежащихъ этому виду; такъ что, основываясь на этихъ данныхъ, можно повидимому заключить, что если лошадь и была извѣстна въ продолженіи каменнаго періода, то во всякомъ случаѣ встрѣчалась рѣже, чѣмъ въ послѣдующіе вѣка. Всѣ остатки лошади принадлежали, повидимому, одомашненной породѣ (Equus caballus), тогда какъ остатки, находимые въ рѣчныхъ наносахъ (Drift gravel beds) и въ пещерахъ, относятся къ особымъ, рѣзко отличнымъ расамъ, которыя профессоръ Оуэнъ назвалъ «ископаемой» (Eq. fossilis) и «пещерной лошадью (Equus spelaeus).

Хотя изъ найденныхъ костей свиньи, нѣкоторыя Рютимейеръ при-

писываетъ дикому кабану, другія—домашней породѣ, однако большую часть ихъ онъ считаетъ принадлежавшими особой расѣ, которой онъ и далъ названіе «торфяной свиньи» (Sus palustris). По его мнѣнію, эта разновидность отличалась меньшимъ ростомъ и была менѣе опасна, чѣмъ обыкновенный кабанъ, такъ какъ ея клыки были гораздо слабѣе; въ самомъ дѣлѣ, по его описанію, порода эта съ коренными зубами обыкновеннаго, вполнѣ взрослаго кабана, соединяла ложнокоренные, клыки и рѣзцы молодыхъ особей домашней свиньи. Онъ полагаетъ, что всѣ кости этой породы, найденныя въ Моосзеедорфѣ, принадлежали дикимъ особямъ, тогда какъ изъ числа добытыхъ въ Нидау, Робенгаузенѣ, Вовилѣ и Консизѣ нѣкоторыя выказываютъ, по его мнѣнію, слѣды одомашненія. Относительно этой породы, нѣкоторыми натуралистами было высказано предположеніе, что ея признаки были основаны только на женскихъ особяхъ, однако Рютимейеръ, путемъ многочисленныхъ сравненій и измѣреній, доказалъ несправедливость этого мнѣнія. Онъ показалъ существованіе у Sus palustris многочисленныхъ половыхъ различій того же свойства, хотя и не столь рѣзко выраженныхъ, какъ у дикаго кабана. Съ другой стороны, онъ отрицаетъ также возможность происхожденія ея отъ скрещиванія дикаго кабана съ домашней свиньей, и не полагаетъ, чтобы признаки, отличающіе ее отъ перваго, могли быть разсматриваемы, какъ чисто индивидуальныя особенности. Онъ думаетъ, что какъ дикое животное, порода эта вымерла еще въ очень ранній періодъ времени, хотя такъ называемая индійская домашняя свинья, весьма сходная съ этою расою, и могла быть прямымъ ея потомкомъ.

Наоборотъ, г. Шютцъ считаетъ родичемъ торфяной свиньи сеннаарскаго кабана (Sus senaarensis), до сихъ поръ еще существующаго въ центральной Африкѣ, и полагаетъ, что въ дикомъ состояніи порода эта никогда не жила въ Швейцаріи. Кромѣ того, онъ указываетъ, что черепа этой породы, найденные въ позднѣйшихъ свайныхъ постройкахъ, значительно разнятся отъ болѣе древнихъ, что съ одной стороны показываетъ вліяніе приученія, а съ другой, можетъ быть, служитъ косвеннымъ доказательствомъ, что между основаніемъ древнѣйшихъ и послѣдующихъ поселеній долженъ былъ пройти значительный періодъ времени.

Наша обыкновенная домашняя свинья впервые встрѣчается только въ позднѣйшихъ свайныхъ постройкахъ, какъ напр. въ Консизѣ. Впрочемъ г. Рютимейеръ не думаетъ, чтобы она была приручена жителями Швейцаріи, а скорѣе готовъ предполагать, что она была введена въ продолженіе бронзоваго періода, тѣмъ болѣе, что въ Кон-

сизѣ онъ нашелъ также остатки одной породы рогатаго скота (B. trochoceros), которая попадается въ болѣе древнихъ поселеніяхъ.

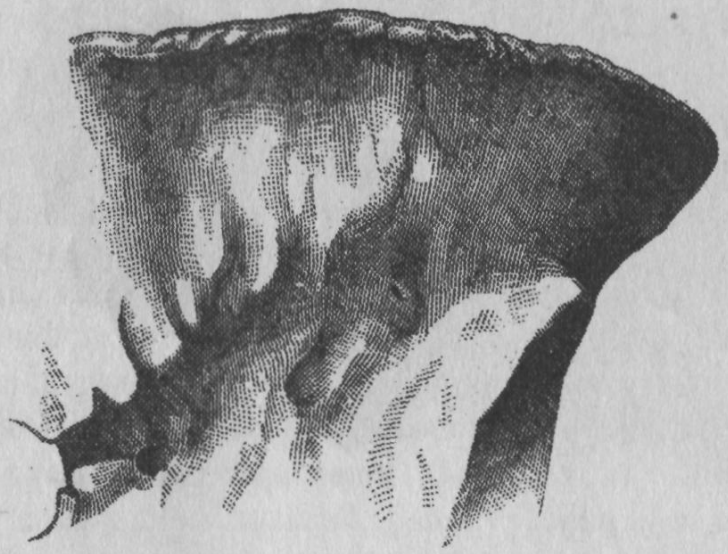
Навозъ, найденный между остатками свайныхъ построекъ, можетъ служить уже достаточнымъ доказательствомъ, что обитатели пфальбаутовъ обладали домашними животными; впрочемъ существуютъ и многіе другіе факты, изъ которыхъ можно вывести тоже заключеніе. Для того, чтобы рѣшить вопросъ, принадлежатъ ли извѣстныя кости ручному или дикому животному, мы можемъ руководствоваться слѣдующими признаками: числомъ находимыхъ особей, относительнымъ количествомъ молодыхъ и старыхъ экземпляровъ; присутствіемъ или отсутствіемъ очень старыхъ особей, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда данный видъ принадлежалъ къ числу снѣдныхъ; слѣдами долговременнаго, хотя и прямого подбора, съ цѣлью уменьшенія величины всякаго опаснаго для человѣка оборонительнаго органа; прямымъ вліяніемъ человѣка впродолженіи жизни на животное и наконецъ сложеніемъ и состояніемъ костей.

Прилагая всѣ эти соображенія къ Sus palustris изъ Моосзеедорфа, нельзя не согласиться, говоритъ Рютимейеръ, что, во-первыхъ, аргументъ, обусловливаемый числомъ молодыхъ особей, теряетъ въ этомъ случаѣ много въ своей силѣ, вслѣдствіе необыкновенной плодовитости свиньи и легкости, съ какою могутъ быть находимы и убиваемы молодыя особи; во-вторыхъ, по числу находимыхъ особей, свинья эта представляетъ полное сходство съ оленемъ, который навѣрное никогда не былъ приручаемъ; въ третьихъ, было найдено нѣсколько костей очень старыхъ особей, а также и очень молодыхъ, даже зародышей; въ четвертыхъ, что касается до малой величины клыковъ, то, по Рютимейеру, особенность эта есть признакъ расы, а не доказательство приручения; въ пятыхъ, всѣ кости отличаются плотнымъ и твердымъ строеніемъ и единственные слѣды разрушенія замѣчаются только въ значительномъ стираніи зубовъ, что въ такихъ размѣрахъ врядъ ли могло случаться у домашнихъ особей. Наконецъ, въ шестыхъ, ни на одномъ зубѣ не было найдено слѣдовъ спиливанія или другой какой-либо искусственной обработки, исключая такой, которая могла быть сдѣлана и по смерти животнаго. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, г. Рютимейеръ выводитъ заключеніе, что обитатели свайной постройки близъ Моосзеедорфа. не обладали ни одною породою домашней свиньи.

Профессоръ Рютимейеръ обратилъ особенное вниманіе на сложеніе и состояніе самыхъ костей, и полагаетъ, что во многихъ случаяхъ онъ можетъ, по однимъ только этимъ признакамъ, различить видъ и даже опредѣлить, принадлежали ли кости дикому или приру-

ченному животному. У дикихъ животныхъ кости плотнѣе и крѣпче, и на ихъ наружной поверхности замѣчаются трудно описываемыя, но весьма характеристичныя для опытнаго глаза, возвышенія и неровности, обусловливаемыя болѣе рѣзкими и многочисленными отпечатками сосудовъ и бо́льшею шероховатостью всѣхъ мѣстъ, къ которымъ прикрѣпляются мышцы. Кромѣ того, здѣсь существуетъ усиленное развитіе костяныхъ отростковъ и гребней и уменьшеніе всѣхъ болѣе индифферентныхъ поверхностей. Указанное различіе всего явственнѣе видно при сравненіи соотвѣтствующихъ костей, напр. позвонковъ дикаго быка (зубра) и домашняго (обыкновенной коровы). При помощи этихъ признаковъ, профессоръ Рютимейеръ могъ убѣ-

Фиг. 124.



Часть позвонка домашняго быка.

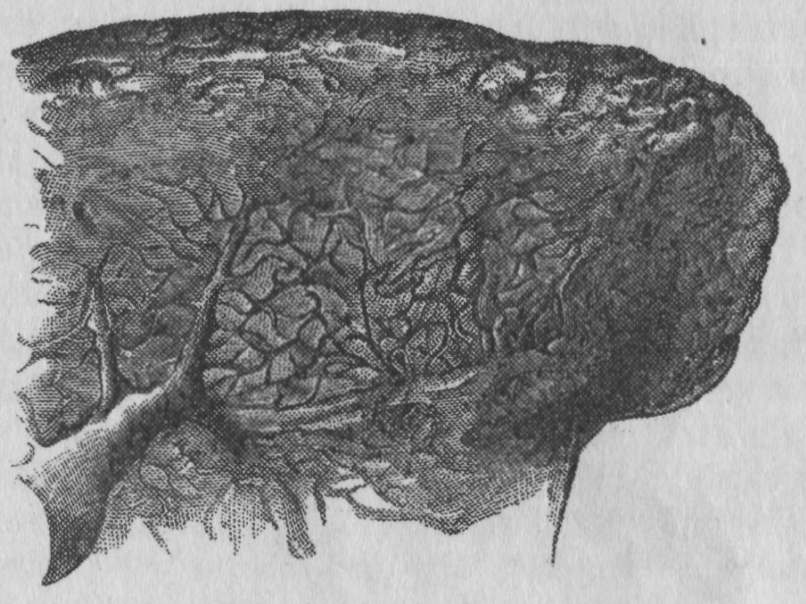
диться, что кромѣ двухъ видовъ дикихъ быковъ, именно первобытнаго быка или тура (Bos primigenius) и зубра (B. Bison или Bison europaeus), въ свайныхъ постройкахъ встрѣчаются еще четыре главныхъ породы домашняго рогатаго скота.

Первая изъ этихъ породъ, первобытная раса (Primigenius), весьма напоминаетъ первобытнаго быка (Bos primigenius) и несомнѣнно произошла отъ него. Она встрѣчается во всѣхъ свайныхъ постройкахъ древнѣйшаго періода, а въ настоящее время лучшими представителями ея служатъ дикій скотъ Чилингамскаго парка и крупный домашній скотъ Фрисландіи, Ютландіи и Гольштейна.

Вторая порода, Trochoceros, представляетъ сходство съ ископаемой формой, найденной впервые въ дилювіяльныхъ отложеніяхъ Ареццо и Сіены и опредѣленной Мейеромъ. Остатковъ ея до сихъ поръ не было найдено ни въ одной изъ построекъ каменнаго вѣка. Рютимейеръ считаетъ этп породу мало отличною отъ Bos primigenius и замѣчаетъ, что ея характеристическія особенности выражены преимущественно, хотя и не исключительно, у самокъ.

Третья порода, Frontosus, попадается весьма рѣдко въ древнѣйшихъ пфальбаутахъ, встрѣчается чаще въ поселеніяхъ бронзоваго

Фиг. 125.



Часть позвонка зубра.

періода, а въ настоящее время составляетъ преобладающую расу въ сѣверной Швейцаріи. Рютимейеръ полагаетъ, что эта разновидность также произошла отъ Bos primigenius и замѣчаетъ, что въ то время, какъ дикій скотъ Чилингамскаго парка остался почти вполнѣ вѣрнымъ типу древняго Bos primigenius, нѣкоторыя особи изъ дикаго скота Лимскаго парка (Lime-Park) приближаются къ типу Bos frontosus. Впрочемъ, онъ говоритъ, что ему никогда не случалось видѣть черепа этого типа, принадлежащаго несомнѣнно дикому животному.

Четвертая порода, Longifrons, (длиннолобая) или Brachyceros (короткорогая) Первоначальное названіе ея Brachyceros должно быть оставлено, такъ какъ оно ранѣе было приложено Греемъ къ одному

виду африканскихъ быковъ. Порода эта встрѣчается въ изобиліи во всѣхъ пфальбаутахъ. Профессоръ Рютимейеръ полагаетъ, что она произошла не отъ Bos primigenius, но отъ другаго, болѣе мелкаго вида, или если и отъ перваго, то во всякомъ случаѣ обособилась гораздо ранѣе прочихъ породъ. При этомъ онъ замѣчаетъ, что мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ, чтобы Bos longifrons жилъ когда нибудь въ средней Европѣ въ дикомъ состояніи.

По мнѣнію Катрфажа, всѣ породы нашего крупнаго рогатаго скота происходятъ отъ Bos primigenius; наоборотъ, Дарвинъ считаетъ Bos longifrons и Bos frontosus современными представителями нѣкогда существовавшихъ дикихъ формъ, отличныхъ отъ Bos primigenius, и заключаетъ, что «нашъ домашній скотъ почти навѣрное произошелъ отъ нѣсколькихъ дикихъ видовъ».

Что касается до Великобританіи, то по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Бойда-Даукинса (Boyd-Dawkins), мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, для того, чтобы предполагать здѣсь нѣкогда существованіе болѣе нежели двухъ видовъ дикихъ быковъ, именно «первобытнаго» и зубра. Всѣ разновидности меньшаго роста были введены повидимому уже какъ домашнія животныя и притомъ не раньше неолитическаго періода. Наоборотъ, въ Швеціи, по Нильсону, обѣ формы, какъ Bos frontosus такъ и Bos longifrons жили нѣкогда въ дикомъ состояніи. Мое личное мнѣніе таково, что первобытный быкъ былъ одомашненъ въ Европѣ, но что нѣкоторые изъ древнихъ поселенцевъ привели съ собою и другія породы скота, которыя могли произойти отъ иныхъ дикихъ родичей. Впрочемъ, относительно этого интереснаго предмета, нужны еще дальнѣйшія розысканія. Оставляя въ сторонѣ морскихъ животныхъ, какъ напр. тюленей, рыбъ, устрицъ, и т. п. остатковъ, которыхъ нельзя и ожидать встрѣтить такъ далеко отъ моря,—фауна свайныхъ построекъ, во всѣмъ, что касается до дикихъ животныхъ, представляетъ замѣчательное сходство съ фауной датскихъ кьёккенмёдинговъ. Съ другой стороны, не трудно убѣдиться, что она принадлежитъ гораздо болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ знаменитые каменные топоры, первымъ знакомствомъ съ которыми мы обязаны трудамъ и неутомимости Буше де-Перта.

Вмѣсто слона и носорога, мы находимъ въ отложеніяхъ неолитическаго періода—именно въ кьёккенмёдингахъ и пфальбаутахъ остатки первобытнаго быка, зубра, лося и оленя. Даже сѣверный олень совершенно отсутствуетъ, тогда какъ благородный олень и кабанъ водились, повидимому, во множествѣ и составляли главную пищу обитателей пфальбаутовъ. Большой первобытный быкъ, по крайней мѣрѣ въ дикомъ состояніи, въ настоящее время уже совершенно истреб-

ленъ [1]). Цезарь еще упоминаетъ объ немъ, говоря, что по величинѣ онъ немногимъ меньше слона (Hi sunt magnitudine paulo infra elephantos specie et colore et figura tauri). По Герберштейну, онъ еще встрѣчался въ Германіи и Польшѣ въ шестнадцатомъ столѣтіи, однако вскорѣ послѣ того онъ уже окончательно вымеръ.

Европейскій бизонъ или зубръ изчезъ изъ западной Европы, кажется, въ одно время съ первобытнымъ быкомъ. Нѣтъ никакихъ историческихъ извѣстій, которыя бы доказывали, что онъ жилъ когда либо въ Англіи или Скандинавіи. Въ Швейцаріи мы можемъ прослѣдить слѣды его только до X столѣтія, но въ Германіи онъ упоминается еще, какъ одинъ изъ обитателей Вормскихъ лѣсовъ въ пѣсни о Нибелунгахъ, относящейся къ XII столѣтію, а въ Пруссіи послѣдній экземпляръ былъ убитъ только въ 1775 году. Нѣкогда, однакожъ, онъ водился повидимому почти во всей Европѣ и въ большей части Азіи, но въ настоящее время мѣстопребываніе его ограничивается только Бѣловѣжской пущей въ Литвѣ, да еще Зеленчукскимъ округомъ, въ горахъ Кавказа.

Относительно лося мы не имѣемъ никакихъ указаній на существованіе его въ Швейцаріи, въ продолженіи историческаго періода, но Цезарь упоминаетъ еще о немъ при описаніи Герцинскихъ лѣсовъ, а по словамъ Альберта Великаго и Геснера, въ земляхъ Западныхъ Славянъ и въ Венгріи онъ водился еще въ XII столѣтіи. Въ Саксоніи смерть послѣдняго лося записана въ 1746 г. Въ настоящее время онъ встрѣчается еще въ Пруссіи, Литвѣ, Скандинавіи, Финляндіи, многихъ мѣстностяхъ Европы, Россіи и въ Сибири до береговъ Амура.

Горный козелъ исчезъ изъ большей части Швейцарскихъ Альпъ вѣроятно немногимъ позже лося. Долѣе всего онъ держался на западѣ. Въ Гларусѣ послѣдній былъ убитъ въ 1550 году; близъ Шіавенны они водились еще до начала XVII вѣка, а въ Тиролѣ до второй половины XVIII. Въ окрестностяхъ горы Изеранъ до сихъ поръ еще живутъ нѣсколько экземпляровъ этого животнаго, подъ покровительствомъ короля Италіи.

Медвѣдь, подобно горному козлу, вымеръ, какъ кажется также сначала въ восточныхъ кантонахъ; впрочемъ онъ не изчезъ еще вполнѣ и попадается иногда въ горахъ Юры и Граубиндена, откуда спускается по временамъ въ Валлисъ и въ юго-восточную Швейцарію. Лисица, выдра и различныя породы куницъ до сихъ поръ еще обыкно-

---

[1]) Рютимейеръ, какъ уже сказано, считаетъ дикаго танкервильскаго или чиллингамскаго быка за несомнѣннаго, хотя и измельчавшаго потомка Bos primigenius.

венны въ Швейцаріи, а дикая кошка, барсукъ и волкъ и теперь еще водятся въ Юрѣ и Альпахъ, причемъ послѣдній изъ этихъ видовъ въ холодныя зимы забѣгаетъ иногда и въ равнины. Бобръ однакоже исчезъ въ послѣднее время совершенно; онъ былъ съ давняго времени рѣдкостью въ Швейцаріи, хотя нѣсколько особей его жили еще въ Люцернѣ и Валлисѣ до начала нынѣшняго столѣтія. Олени встрѣчались еще въ изобиліи въ Юрѣ и Шварцвальдѣ до VII и VIII столѣтій, хотя и не были уже такъ крупны, какъ тѣ, которые жили въ древности. Въ Базельскомъ кантонѣ послѣдній экземпляръ былъ убитъ въ концѣ XVIII вѣка, но въ западной Швейцаріи и въ Валлисѣ они держались нѣсколько долѣе. Косуля и теперь еще попадается изрѣдка въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Всѣ эти факты показываютъ, что животныя Швейцарскихъ пфальбаутовъ принадлежали къ той фаунѣ, которая населяла Европу, начиная съ палеолитическаго періода—вплоть до настоящаго времени.

Однако, разсматривая фауну каменнаго періода, какъ принадлежащую одной и той же великой зоологической эпохѣ съ древними наносами рѣчнаго гравія съ одной стороны и настоящимъ періодомъ съ другой, — мы не должны забывать, что въ безконечно длинный періодъ, протекшій отъ конца третичной эпохи, должны были произойти значительныя измѣненія въ европейской фаунѣ. Въ этой послѣтретичной эрѣ свайныя постройки занимаютъ, такъ сказать, срединное положеніе. Отличаясь отъ современной фауны Швейцаріи присутствіемъ дикаго быка, зубра, лося, оленя и кабана, также какъ и болѣе общимъ распространеніемъ бобра, медвѣдя, горнаго козла и т. д., она отличается отъ фауны болѣе древнихъ, рѣчныхъ отложеній гравія—отсутствіемъ мамонта, носорога, мускуснаго быка, пещерной гіены и сѣвернаго оленя.

Профессоръ Рютимейеръ полагаетъ, что на основаніи подобныхъ же соображеній, даже при отсутствіи другихъ данныхъ, мы можемъ провести это подраздѣленіе далѣе. Возьмемъ напримѣръ поселенія въ Моосзеедорфѣ, Вовилѣ, Робенгаузенѣ и Нидау, какъ наиболѣе изученныя въ этомъ отношеніи, и сравнимъ между собою ихъ фауны. Мы убѣдимся, что первыя три, принадлежащія каменному вѣку, представляютъ многія отличія отъ послѣдней, т. е. Нидау, въ которой было найдено до сихъ поръ наибольшее число бронзовыхъ предметовъ: такъ напр. въ Нидау не было вовсе найдено остатковъ дикаго быка и зубра и т. д.

Болѣе положительныя впрочемъ доказательства представляетъ распредѣленіе домашнихъ животныхъ. Овца попадается уже въ Моосзеедорфѣ, хотя и не въ такомъ большомъ количествѣ какъ въ Нидау.

Наоборотъ, лошадь встрѣчается часто въ Нидау, тогда какъ въ Моосзеедорфѣ была найдена только одна лошадиная кость, да и то въ состояніи отличномъ отъ прочихъ костей и вѣроятно позднѣйшаго происхожденія. Наконецъ, домашняя свинья современной породы не попадается ни въ одной изъ построекъ каменнаго періода, за исключеніемъ Вовиля, и становится болѣе обыкновенною только въ Нидау.

Если позднѣйшія розысканія подтвердятъ эти выводы, то мы должны будемъ придти къ заключенію, что домашнія животныя, сравнительно рѣдкія въ продолженіи каменнаго періода, становятся со введеніемъ бронзы гораздо болѣе обыкновенными,—процессъ, который необходимо долженъ былъ вызвать значительное измѣненіе въ образѣ жизни озерныхъ поселенцевъ.

Какъ бы ни было немногочисленно въ то время количество рогатаго скота лошадей, овецъ и козъ, однако его трудно было, при климатическихъ условіяхъ Швейцаріи, содержать зимою безъ запасовъ корма и безъ какого нибудь хлѣва. Поэтому пастушескій народъ долженъ былъ обладать нѣсколько высшей степенью развитія, чѣмъ грубое племя охотниковъ. Кромѣ того, мы знаемъ изъ другихъ данныхъ, что земледѣліе въ то время не было совершенно неизвѣстно. Фактъ этотъ былъ доказанъ совершенно неожиданно: открытіемъ во многихъ постройкахъ обугленныхъ злаковъ. Чаще всего попадается пшеница; её нашли въ Мейленѣ, Моосзеедорфѣ и Вангенѣ. Въ послѣднемъ изъ этихъ поселеній она была найдена въ большомъ количествѣ, причемъ зерна оказались сплоченными въ большіе комья. Въ другихъ мѣстностяхъ, зерна попадаются поодиночкѣ и безъ мякины; по величинѣ и формѣ они сходны съ нынѣшними. Цѣлые колосья попадаются довольно рѣдко; наоборотъ колосья шестирядnаго ячменя (Hordeum hexastichon L.) встрѣчаются часто. Этотъ видъ отличается отъ обыкновеннаго ячменя (H. vulgare L.) числомъ рядовъ и меньшей величиной зеренъ. По мнѣнію Декандоля, онъ былъ самымъ распространеннымъ хлѣбнымъ растеніемъ у древнихъ Грековъ, Римлянъ и Египтянъ.

Въ колосьяхъ изъ Вангена, каждый рядъ заключаетъ въ себѣ десять или одиннадцать зеренъ, которыя однако меньше и короче, чѣмъ бываютъ обыкновенно въ настоящее время.

Три сорта пшеницы воздѣлывались обитателями нфальбаутовъ, имѣвшихъ кромѣ того два сорта ячменя и два проса; изъ нихъ наиболѣе древними и замѣчательными были мелкій шестирядный ячмень и мелкая «озерная» пшеница. Не малый интересъ возбудило также открытіе Египетской пшеницы (Triticum turgidum) въ Вангенѣ и

Робенгаузенѣ. Овесъ былъ воздѣлываемъ въ продолженіи бронзоваго періода, но въ поселеніяхъ каменнаго вѣка его не найдено. Рожь была также неизвѣстна въ то время.

Изъ всѣхъ этихъ злаковъ только пшеница и просо употреблялись повидимому на приготовленіе хлѣба: относительно ячменя профессоръ Гееръ полагаетъ, что его вѣроятно поджаривали. У шестирядnаго ячменя шелуха обыкновенно весьма плотно облегаетъ зерно, такъ что отдѣлить её весьма трудно, но у поджареннаго она отваливается легко.

Еще неожиданнѣе было открытіе печенаго хлѣба или вѣрнѣе сухарей, такъ какъ консистенція его такъ плотна, что повидимому для изготовленія его не употреблялись дрожжи. Хлѣбцы эти имѣли круглую плоскую форму, отъ одного дюйма до 15 линій толщины, и, судя по одному экземпляру, около пяти дюймовъ въ діаметрѣ. Въ другихъ случаяхъ зерна повидимому поджаривали, а затѣмъ или хранили въ глиняныхъ горшкахъ, или употребляли въ пищу, слегка смочивъ водою, какъ это дѣлается еще и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи и Германіи. Какимъ образомъ обработывалась въ то время земля подъ посѣвъ,—неизвѣстно, такъ какъ до сихъ поръ не было найдено совершенно орудій, которыя можно было бы счесть за земледѣльческія.

Въ Вангенѣ были найдены обугленныя яблоки, отчасти цѣлыя, отчасти разрѣзанныя пополамъ, или рѣже на четыре части; повидимому они сушились и заготовлялись на зиму. Ихъ находили не только въ Вангенѣ, но также въ Робенгаузенѣ, на озерѣ Пфеффиконѣ и въ Консизѣ, на Невшательскомъ озерѣ. Яблоки эти мелки и вообще походятъ на тѣ, которыя и теперь еще растутъ въ Швейцарскихъ лѣсахъ; въ Робенгаузенѣ однако былъ найденъ и болѣе крупный сортъ, который по всей вѣроятности были культивированъ. До сихъ поръ еще не было найдено никакихъ слѣдовъ винограда, вишень, грецкаго орѣха или сливъ, но косточки дикихъ сливъ и Prunus padus попадались. Сѣмена малины и ежевики, а также шелуха лѣсныхъ орѣховъ и буковыхъ желудей встрѣчаются во множествѣ въ илѣ; но сѣмена земляники попадаются рѣдко. Горохъ былъ найденъ въ Моосзеедорфѣ, но бобы вошли въ употребленіе, повидимому, не ранѣе бронзоваго періода.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ видно, что пища обитателей свайныхъ построекъ состояла изъ хлѣба и дикихъ плодовъ, изъ рыбы и мяса дикихъ и домашнихъ животныхъ. Безъ сомнѣнія, молоко составляло также одну изъ важныхъ частей ихъ пищи.

Всего было опредѣлено изъ остатковъ свайныхъ поселеній 115 видовъ растеній. Изъ нихъ дикорастущіе виды были почти совершенно

тѣже, что и теперь; впрочемъ Silene cretica, южно-европейская сорная трава, найденная въ Робенгаузенѣ, куда она безъ сомнѣнія была занесена случайно вмѣстѣ съ хлѣбными злаками, не встрѣчается въ настоящее время въ Швейцаріи; что же касается до Trapa natans, которую обитатели Моосзеедорфа и Робенгаузена употребляли въ пищу, то объ ней сначала тоже думали, что она вымерла въ Швейцаріи, однако теперь дознано, что она еще *несомнѣнно* встрѣчается здѣсь въ одной ограниченной мѣстности. До сихъ поръ еще не найдено ни конопли, ни овса, ни ржи. Маленькіе обрывки бичевокъ и грубой ткани—изъ льна могли составлять нѣкогда часть одежды. Для этой же цѣли несомнѣнно употреблялись шкуры животныхъ, на что указываютъ обрывки кожъ и нѣкоторыя формы каменныхъ орудій, повидимому приспособленныя для обдѣлки шкуръ, тогда какъ костяныя булавки и иглы изъ кабаньихъ зубовъ могли служить для сцѣпленія между собой отдѣльныхъ частей одежды. Д-ръ Гееръ, изъ интереснаго сочиненія котораго заимствованы вышеизложенные факты, обращаетъ особенное вниманіе на то обстоятельство, что въ то время какъ остатки дикорастущихъ растеній, найденныхъ въ свайныхъ постройкахъ, до мельчайшихъ частностей сходны съ нынѣ встрѣчающимися въ Швейцаріи, культурныя растенія, наоборотъ, отличаются отъ всѣхъ нынѣ существующихъ разновидностей и почти всегда представляютъ замѣтно меньшіе объема и плоды. Очевидно, что съ теченіемъ времени человѣкъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи значительныя улучшенія. Кромѣ того, весьма интересно, что многіе факты представляемые швейцарскими *ифальбаутами*, вполнѣ согласны съ тѣми данными, которыя мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ. Такъ, извѣстно, что ленъ упоминается неоднократно въ Пятикнижіи и у Гомера; кромѣ того мы знаемъ, что онъ былъ въ большомъ употребленіи у Египтянъ, тогда какъ конопля сдѣлалась повидимому извѣстною гораздо позже. Что касается до овса и ржи, то они, кажется, также не были извѣстны древнимъ Евреямъ даже во времена Давида.—О льнѣ говорится въ Ветхомъ Завѣтѣ девять разъ, о льняномъ полотнѣ тринадцать; о коноплѣ же, напротивъ того, не упомянуто ни разу.

До сихъ поръ мы не имѣемъ еще прямыхъ указаній на то, какой расѣ могутъ быть приписаны эти интересные остатки. Въ свайныхъ постройкахъ человѣческія кости попадаются очень рѣдко, и присутствіе немногихъ до сихъ поръ найденныхъ, вѣроятно нужно приписать несчастнымъ случаямъ, тѣмъ болѣе, что всего чаще попадаются кости дѣтей. По словамъ Дезора, въ поселеніяхъ каменнаго періода до сихъ поръ еще не было найдено ни одного человѣческаго скелета,

а д-ръ Келлеръ, въ своемъ пятомъ отчетѣ о пфальбаутахъ, говоритъ, что во всѣхъ свайныхъ постройкахъ, взятыхъ вмѣстѣ, ихъ было отыскано не болѣе полудюжины. Только одинъ взрослый черепъ, именно изъ поселенія близь Мейлена, былъ описанъ профессоромъ Гисомъ, который нашелъ, что онъ весьма мало отличается отъ обыкновеннаго швейцарскаго типа. Впослѣдствіи впрочемъ, когда сочиненіе Гиса уже печаталось, профессоръ Ротимейеръ получилъ отъ полковника Шваба еще четыре черепа: два изъ Нидау, одинъ изъ Зуца и одинъ изъ Биля; наконецъ, еще одинъ черепъ былъ найденъ въ поселеніи близь Оверня профессоромъ Дезоромъ. Всѣ эти поселенія впрочемъ относятся уже повидимому къ бронзовому періоду, точно также, какъ до сихъ поръ еще не было возможности приписать съ достовѣрностью хотя одинъ древній тумулусъ Швейцаріи болѣе раннему періоду времени.

Переходя къ свайнымъ постройкамъ бронзоваго вѣка мы находимъ, что онѣ не были такъ повсемѣстно распространены, какъ постройки древнѣйшаго періода. До сихъ поръ ихъ находили главнымъ образомъ на озерахъ: Женевскомъ, Луссельскомъ, Невшательскомъ, Моратскомъ, Бьенньскомъ и Семиахскомъ; въ восточной же Швейцаріи едва ли было найдено хотя одно такое поселеніе. Изъ этого вывели предположеніе, что на востокѣ каменный періодъ продолжался долѣе чѣмъ на западѣ, и что кремень и змѣевикъ продолжали еще долго употреблять на Боденскомъ озерѣ, въ то время какъ на западныхъ озерахъ ихъ давно уже замѣнила бронза. Однако едвали можно серьезно предполагать, чтобы жители Инквиля и Моосзеедорфа въ Бернскомъ кантонѣ, добывавшіе себѣ кремень изъ Франціи, могли бы оставаться въ невѣдѣніи объ усовершенствованіи, происшедшемъ въ ихъ сосѣдствѣ, на Бьенньскомъ озерѣ; кромѣ того было найдено недавно одно поселеніе бронзоваго періода и на самомъ Боденскомъ озерѣ, хотя, вообще говора, при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній, и нужно принять, что свайныя постройки металлическаго вѣка свойственны почти исключительно западной и средней Швейцаріи.

Пфальбауты бронзоваго періода отличаются отъ древнѣйшихъ—бо́льшею прочностью постройки, но что касается матеріала, то онъ повидимому не представляетъ никакихъ отличій. Впрочемъ поселенія бронзоваго періода часто удалены далѣе отъ берега, и построены на болѣе глубокихъ мѣстахъ,—обстоятельство, которое могло обусловливаться отчасти усовершенствованіемъ орудій для обработки строеваго лѣса, а отчасти и тѣмъ, что улучшеніе орудія, вообще средствъ нападенія, потребовало и лучшихъ способовъ защиты. Глав-

нѣйшія формы бронзовыхъ предметовъ составляютъ мечи, кинжалы, топоры, наконечники копій, ножи, удильные крючки, серпы, булавки, кольца и браслеты. Число всѣхъ этихъ вещей, найденныхъ до сего времени, весьма значительно; такъ напр. одна коллекція полковника Шваба содержитъ въ себѣ не менѣе 4346 металлическихъ предметовъ. Многіе изъ нихъ отличаются весьма изящною отдѣлкой, а такъ какъ бронза въ этотъ ранній періодъ времени должна была имѣть значительную цѣнность, то трудно понять, какъ такое количество цѣнныхъ вещей могло очутиться на днѣ озера и оставаться тамъ забытымъ столь продолжительное время. «Очевидно», говоритъ Дезоръ, «что это не были предметы, брошенные за негодностью и о которыхъ никто не заботился; точно также нельзя полагать, чтобы они попали въ воду случайно, такъ какъ иногда мы встрѣчаемъ ихъ цѣлыми массами, подобно кучамъ глиняной посуды или нетронутымъ горшкамъ съ припасами.» Вообще онъ склоненъ думать, что, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ случаевъ, мы имѣемъ предъ собою: «запасные магазины съ домашнею утварью и запасами, по всей вѣроятности погибшіе отъ пожара, какъ то повидимому указываютъ часто встрѣчающіеся слѣды огня на бревнахъ, точно также какъ и на глиняной посудѣ. Этимъ предположеніемъ легко бы объяснялись находки почти совершенно новыхъ бронзовыхъ орудій и цѣльныхъ сосудовъ, скученныхъ притомъ въ одномъ мѣстѣ. Кромѣ того, эта гипотеза подтверждается повидимому и мнѣніемъ многихъ изъ наиболѣе опытныхъ нашихъ искателей древностей, которые утверждаютъ, что на хорошую добычу можно разсчитывать только тамъ, гдѣ балки обгорѣли, и что было бы потерянным временемъ искать тамъ гдѣ дерево не обуглено». Однако полковникъ Швабъ, человѣкъ весьма опытный въ этомъ дѣлѣ, рѣшительно и, какъ я думаю, справедливо, опровергаетъ эту «магазинную» теорію, хотя и соглашается, что въ тѣхъ пфальбаутахъ, которые не носятъ слѣдовъ огня, было сдѣлано сравнительно гораздо менѣе находокъ

Было высказано предположеніе, что древнее населеніе Швейцаріи поклонялось озерамъ и что изящные браслеты и тому подобныя украшенія могли быть жертвами, принесенными богамъ. Дѣйствительно, судя по извѣстіямъ древнихъ писателей, у Галловъ, Германцевъ и другихъ народовъ, нѣкоторыя озера считались священными. Такъ, согласно Цицерону, Юстину и Страбону, въ окрестностяхъ Тулузы было озеро, въ которое окрестные народы бросали въ жертву золото и серебро. Тацитъ. Плиній и Виргилій также упоминаютъ о существованіи такихъ священныхъ озеръ. Даже въ VI столѣтіи Григорій Турскій разсказываетъ, что у горы Гелана лежитъ озеро, которое

составляетъ предметъ народнаго почитанія. Каждый годъ окрестные жители сбираются къ нему съ приношеніями изъ одеждъ, кожъ, сыра, пироговъ и т. п. Слѣды подобнаго суевѣрія можно найти и теперь еще въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Шотландіи и Ирландіи; въ Шотландіи, напр., я самъ видѣлъ одинъ священный ручей, обложенный кругомъ приношеніями окрестныхъ крестьянъ, которые полагали, повидимому, что пенсы и полупенсы суть самые приличные и угодныя жертвы Духу Водъ. Какъ бы то ни было, однако грубые обломки посуды, скопленія костей и слѣды жилищъ, встрѣчаемыя нами въ остаткахъ пфальбаутовъ, не могутъ быть объяснены только что высказаннымъ предположеніемъ.

Глиняная посуда бронзоваго періода представляетъ бо̀льшее разнообразіе и болѣе искусную отдѣлку, чѣмъ та, которая встрѣчается въ поселеніяхъ каменнаго вѣка, хотя гончарный станокъ и не былъ еще, повидимому, въ употребленіи. Между прочимъ, часто попадаются глиняныя кольца, которыя, по всей вѣроятности, служили подставками для закругленныхъ снизу сосудовъ. Встрѣчающіеся на посудѣ орнаменты представляютъ тотъ же характеръ, какъ и на предметахъ изъ бронзы. Многія изъ большихъ урнъ служили, повидимому, для сохраненія на зиму зеренъ и другихъ продуктовъ, собранныхъ лѣтомъ, за отсутствіемъ сундуковъ и шкаповъ; даже орудія и украшенія хранились, кажется, въ большихъ сосудахъ. Въ Кортайльодѣ, рядомъ съ нѣсколькими серпами были найдены въ одномъ горшкѣ также изящные браслеты. Обломки посуды, попорченной огнемъ при обжиганіи, были найдены, по словамъ Тройона, во многихъ пфальбаутахъ, изъ чего онъ и выводитъ заключеніе, что глинянан посуда приготовлялась здѣсь на мѣстѣ.

Полковникъ Швабъ нашелъ въ Нидау болѣе двухъ десятковъ глиняныхъ полумѣсяцевъ, обдѣланныхъ такимъ образомъ, что ихъ выпуклая сторона была приплюснута и могла годиться для подпорки или подставки. Съ боковъ они сплюснуты, поверхность ихъ гладкая или покрыта украшеніями; что же касается до размѣровъ, то они имѣютъ отъ 10 до 12 дюймовъ въ ширину и отъ 6—8 въ вышину. Д-ръ Келлеръ припялъ ихъ сначала за эмблемы поклоненія лунѣ, однако, вѣроятнѣе, что они служили подушками. Хотя съ перваго взгляда это можетъ казаться весьма неправдоподобнымъ, такъ какъ такія подушки должны были быть весьма не комфортабельны, однако мы знаемъ, что нѣкоторые изъ варварскихъ народовъ еще и въ настоящее время употребляютъ подобныя же подушки или, вѣрнѣе, подкладки подъ шею, сдѣланныя только изъ дерева. Такъ напр. жители острововъ Фиджи, отличающіеся необыкновенно густыми и кос-

матыми волосами, жертвуютъ комфортомъ тщеславію и, чтобы не портить своей массивной прически, употребляютъ вмѣсто подушки деревянныя подпорки подъ шею. Длинныя булавки, найденныя вмѣстѣ съ этими полумѣсяцами, показываютъ, что въ продолженіи бронзоваго вѣка носили очень длинные волосы и немало заботились объ ихъ прическѣ.

Тройонъ полагаетъ, что жители бронзоваго періода Швейцаріи принадлежали къ другой расѣ, чѣмъ жители каменнаго вѣка. Онъ также согласенъ съ нѣкоторыми скандинавскими археологами въ томъ, что считаетъ эту расу «Кельтами» и приписываетъ ей обычай сжигать тѣла своихъ покойниковъ. «Одновременно съ распространеніемъ бронзы», говоритъ онъ, «сжиганіе труповъ входитъ во всеобщее употребленіе. Очевидно, что появленіе этого металла соотвѣтствовало появленію новаго народа. Погребальныя урны, точно такъ же какъ и кубическія гробницы находятъ еще подъ поверхностью земли или въ тумулусахъ, но эти послѣдніе обыкновенно ниже, чѣмъ въ первобытный періодъ и не прикрываютъ собою могильныхъ камеръ. Если принять во вниманіе, какъ рѣдко бронза сопровождаетъ первый родъ погребенія, то должно признать, что вторгнувшійся народъ сдѣлался господствующимъ; впрочемъ иначе это и не могло быть со стороны народа, обладавшаго металлическимъ оружіемъ; а оружіе это, какъ извѣстно, принадлежало Кельтамъ, которые не хоронили своихъ покойниковъ, а предавали ихъ сожженію на кострѣ. Такъ какъ сожиганіе составляло нераздѣльную часть ихъ религіознаго культа, а урны съ пепломъ входятъ во всеобщее употребленіе вмѣстѣ съ бронзою, то отсюда слѣдуетъ, что Кельты не были первыми обитателями Европы, въ которую они ввели искусство металлургіи».

Для того, чтобы можно было оцѣнить надлежащее значеніе этихъ фактовъ, вытекающихъ изъ изслѣдованія швейцарскихъ тумулусовъ, было бы весьма желательно имѣть нѣкоторыя статистическія данныя и относительно пфальбаутовъ. Тройонъ напираетъ особенно на тотъ фактъ, что многія свайныя постройки были разрушены огнемъ и что если онѣ возобновлялись потомъ, въ продолженіи бронзоваго періода, какъ это повидимому случалось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, то онѣ никогда не строились на томъ же самомъ мѣстѣ, а всегда далѣе отъ берега. Наоборотъ, д-ръ Келлеръ полагаетъ, что первобытное населеніе не отличалось отъ позднѣйшаго, знакомаго съ употребленіемъ бронзы ни способомъ постройки, ни образомъ жизни, ни промышленностью, и что свайныя поселенія, отъ начала до конца своего существованія, представляютъ явственные слѣды постепеннаго и мирнаго развитія. Онъ считаетъ, что число озерныхъ посе-

леній, разрушенныхъ, какъ полагаютъ, огнемъ, видимо преувеличено. Изъ всѣхъ поселеній Бьенньскаго и Невшательскаго озеръ, число которыхъ простирается до шестидесяти шести, только четвертая часть, по словамъ полковника Шваба, выказываетъ признаки пожара: процентъ еще не очень значительный, если принять во вниманіе, что хижины были деревянныя и, по всей вѣроятности, крытыя соломой. Кромѣ того, если бы эти пожары были произведены во время непріятельскаго нападенія, то мы должны были бы ожидать встрѣтить здѣсь многочисленные остатки убитыхъ, а между тѣмъ, какъ уже сказано, во всѣхъ свайныхъ постройкахъ, взятыхъ вмѣстѣ, до сихъ поръ было добыто не болѣе полдюжины разрозненныхъ скелетовъ.

Признаюсь, я думаю, что доводы, приведенные г. Тройономъ, не настолько убѣдительны, чтобы склонить насъ къ его мнѣнію, будто введеніе бронзы сопровождалось полной смѣной населенія. Построеніе озерныхъ поселеній на сваяхъ есть фактъ, настолько выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, что продолженіе этого обычая въ послѣдующій періодъ бронзы кажется мнѣ сильнымъ аргументомъ противъ всякой подобной гипотезы.

Къ концу бронзоваго періода свайныя постройки становятся все болѣе и болѣе рѣдкими. Въ каменномъ вѣкѣ онѣ были распространены по всей странѣ. Но постройки бронзоваго періода очень рѣдки на востокѣ Швейцаріи, а желѣзнаго встрѣчаются только на озерахъ: Бьенньскомъ и Невшательскомъ. Эти послѣднія поселенія отличаются не только появленіемъ новаго металла — желѣза, но и самыя формы орудій здѣсь иныя. Правда, иногда попадаются желѣзные топоры, сдѣланные по образцу бронзовыхъ, подобно тому, какъ мы ранѣе видѣли, что нѣкоторые изъ древнѣйшихъ бронзовыхъ цельтовъ сходны по формѣ съ каменными топорами; однако такіе случаи принадлежатъ къ исключеніямъ. Обыкновенно же мечи желѣзнаго періода снабжены рукоятками большаго размѣра и богато украшены орнаментами; ножи имѣютъ прямое лезвее, серпы бо̀льше; глиняная посуда сдѣлана искуснѣе и относится къ тому типу, который обыкновенно называется Римскимъ; появляются монеты; украшенія становятся болѣе разнообразными и въ числѣ ихъ въ первый разъ встрѣчаются стеклянныя; бронза еще продолжаетъ встрѣчаться, но, во первыхъ, она не употребляется уже болѣе на изготовленіе оружія, а во вторыхъ, она обработана другимъ способомъ, именно выкована, тогда какъ всѣ предметы бронзоваго періода отлиты въ формахъ. — Поле битвы, близъ Тифенау, недалеко отъ Берна, представляетъ весьма замѣчательный примѣръ скопленія древнихъ орудій и оружій изъ желѣза. Най-

денныя здѣсь обломки колесницъ, около сотни мечей, остатки кольчугъ, наконечники копій, кольцы, фибулы, украшенія, утварь, черепки глиняной и стеклянной посуды, также какъ штукъ тридцать Галльскихъ и Массальотскихъ (древн. Марсельскихъ) монетъ, относящихся къ эпохѣ до Р. Х.—позволяютъ намъ отнести это поле битвы ко времени Римлянъ. На маленькомъ островѣ Бьенньскаго озера было также найдено около сорока монетъ Римскаго періода.

Въ позднѣйшее время мы не находимъ никакихъ слѣдовъ мало мальски значительныхъ озерныхъ поселеній на сваяхъ. Можетъ быть, кое гдѣ, на полуразрушенныхъ помостахъ, и продолжали еще жить нѣсколько рыбаковъ, но вообще, потребности и образъ жизни народа подверглись измѣненію и періодъ свайныхъ построекъ Швейцаріи миновалъ навсегда.

Такимъ образомъ, мы прослѣдили эти постройки черезъ каменный и бронзовый вѣка до начала желѣзнаго. Мы видѣли ясныя доказательства постепеннаго прогресса культуры, усовершенствованія ремеслъ, увеличенія домашнихъ животныхъ и распространенія торговли. Мы нашли страну населенную грубыми дикарями и оставляемъ её территоріею могущественнаго народа. Такія значительныя перемѣны не могли конечно произойти въ одинъ день. Прогрессъ человѣческаго ума совершается медленно и постепенныя прибавленія къ человѣческому знанію, подобно годичнымъ кольцамъ древесныхъ стволовъ, позволяютъ намъ составить нѣкоторое представленіе о томъ, насколько удалено отъ насъ начало этого развитія. Однако, условія дѣятельности человѣческаго разума настолько разнообразны, народы такъ часто находятся подъ вліяніемъ другихъ, что если бы мы попытались выразить наши впечатлѣнія въ годахъ, то мы бы потерялись передъ сложностью задачи.

Нѣкоторыя попытки, впрочемъ были сдѣланы для того, чтобы составить болѣе опредѣленную хронологію, и въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы къ нимъ еще вернемся. Хотя мы и не можемъ скрывать отъ себя неполноту археологической лѣтописи, однако не слѣдуетъ сомнѣваться, чтобы рано или поздно мы не могли придти къ до нѣкоторой степени точному лѣтосчисленію. Наши познанія о первобытныхъ древностяхъ сдѣлали громадные успѣхи въ послѣднее десятилѣтіе и мы имѣемъ полное право съ надеждою смотрѣть впередъ на будущее.

[Остатки свайныхъ построекъ, подобныхъ Швейцарскимъ пфальбаутамъ, были открыты, кромѣ Швейцаріи, и во многихъ другихъ странахъ Европы. Такъ, онѣ были найдены во многихъ озерахъ и

болотахъ Сѣверной Италіи, близъ Меркураго на Лаго Маджіоре, въ Лаго ди Варезе, близъ Пескьеры и Фимоне на озерѣ Гарда въ Венеціанской области и проч. — Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ попадались почти исключительно предметы, сдѣланные изъ камня, кости и рога, въ другихъ преобладали наоборотъ орудія и украшенія изъ бронзы *). Южнѣе, остатки подобныя пфальбаутамъ были найдены въ областяхъ Пармы, Реджіо и Модены, въ такъ называемыхъ «терramарахъ»,— искусственныхъ возвышеніяхъ или насыпяхъ, иногда довольно значительнаго объема (до 5 и болѣе метровъ вышиной и до 100 метровъ въ діаметрѣ) и состоящихъ изъ богатой органическими остатками, вообще весьма пригодной для удобренія земли, которая еще съ прошлаго столѣтія употребляется съ этою цѣлью мѣстными жителями **). Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже давно было извѣстно, что иногда въ этихъ насыпяхъ попадаются также кости животныхъ, обломки раковинъ, черепки глиняной посуды, а равно и орудія изъ камня и бронзы. На этомъ основаніи, нѣкоторые археологи, уже въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій, высказывали мысль, что насыпи эти— обязаны своимъ происхожденіемъ людямъ, именно племени Бойевъ. Этруссkамъ, Римлянамъ и проч. Однако теперь дознано, что эти остатки должны быть отнесены къ гораздо болѣе древней эпохѣ; притомъ въ нихъ найдены остатки свай и многія другія вещи, весьма сходныя съ полученными изъ пфальбаутовъ. По всѣмъ признакамъ, это были постройки на сваяхъ, возведенныя въ болотистой мѣстности, которая впослѣдствіи осушилась, а отчасти была засыпана самими обитателями, именно ихъ соромъ, остатками пищи, обломками утвари и т. п. Всѣ эти остатки, скопляясь мало по малу подъ платформой построекъ, образовывали кучи, которыя все увеличивались, и по прошествіи многихъ лѣтъ, или вѣрнѣе столѣтій, превратились въ довольно значительныя насыпи или возвышенія. Впослѣдствіи, когда по неизвѣстнымъ причинамъ поселенія эти были покинуты ихъ обитателями, оставшіяся возвышенія покрылись слоемъ земли и дерна, а во многихъ случаяхъ, въ позднѣйшее время, окрестные жители снова сели-

*) Впрочемъ, изъ всѣхъ Итальянскихъ пфальбаутовъ, только въ трехъ найдены исключительно орудія каменнаго вѣка: это именно въ двухъ поселеніяхъ на озерѣ Гарда и въ одномъ—на озерѣ Пасіано.

**) Слово terramara, нѣкоторые производятъ отъ terra marna—мергелистая земля, другіе отъ terra di mare—морская, вообще наносная земля.—Терramары заключаютъ въ себѣ, по изслѣдованіямъ профессора Стробеля, главнымъ образомъ, глину, углекислую известь, песокъ и другіе минеральные осадки, органическія вещества и фосфорную кислоту. Земля эта употребляется преимущественно для удобренія луговъ; на поляхъ же она негодится, такъ какъ отъ нея сгараетъ посѣвъ.

лись на нихъ, не подозрѣвая, что подъ ногами ихъ погребены остатки гораздо болѣе древнихъ поселеній. На нѣкоторыхъ изъ этихъ холмовъ еще и въ настоящее время находятся строенія и разведены сады: такъ напр. на одномъ изъ такихъ холмовъ близь Модены возвышается церковь мѣстечка Монтале, на другомъ, близь Кастіане—монастырское строеніе и т. д.

Изъ предметовъ, найденныхъ въ этихъ террамарахъ, упомянемъ прежде всего объ остаткахъ растеній и животныхъ. Изъ растительныхъ—здѣсь найдены: остатки грушъ, яблоковъ, орѣховъ, вишень, желудей, бобовъ, сѣмянъ льна и хлѣбныхъ растеній, а въ нѣкоторыхъ также—слѣды винограда, оливковаго дерева и каштановъ. Сваи дѣлались изъ дерева вязовъ, дубовъ и каштановъ. Изъ животныхъ остатковъ здѣсь найдены остатки раковинъ (особенно Unio pictorum), кости благороднаго оленя, косули, кабана, медвѣдя. Костей зубра не найдено, но за то добыто много остатковъ домашнихъ животныхъ, въ томъ числѣ 2 — 3 расъ рогатаго скота, двухъ породъ собакъ, двухъ—овецъ, трехъ—свиней, двухъ—лошадей и еще, какъ говорятъ, осла. Изъ произведеній человѣческой индустріи здѣсь попадаются: орудія изъ камня и костей (немного), бронзовыя вещи (пальстабы, долота, гребни, шпильки, браслеты и т. д.), также вещи изъ желѣза, иногда изъ золота (никогда изъ серебра), ожерелья изъ костяныхъ бусъ, янтаря и ископаемыхъ Аппенинскихъ раковинъ, обломки глиняной посуды (часто снабженной ручками) и т. п. Многія изъ этихъ вещей представляютъ большое сходство съ вещами изъ швейцарскихъ нфальбаутовъ; кромѣ того здѣсь были найдены остатки растеній и раковинъ, сходныхъ съ нынѣ живущими въ Альпахъ. Всѣ эти факты привели итальянскихъ археологовъ къ мнѣнію, что обитатели террамаръ явились сюда съ Сѣвера—изъ Швейцаріи, Ломбардіи и Піемонта. Подтвержденіе этого факта они видятъ еще въ томъ, что, какъ оказалось, многія изъ террамаръ были построены первоначально на сваяхъ въ искусственныхъ бассейнахъ, т. е. какъ будто поселенцы, не находя во многихъ мѣстностяхъ озеръ и болотъ, и привыкнувъ жить на сваяхъ дѣлали для себя искуственные пруды и строили въ нихъ на сваяхъ свои жилища. Почти всѣ эти поселенія могутъ быть отнесены повидимому къ бронзовому и желѣзному вѣкамъ. На западъ отъ Швейцаріи, слѣды древнихъ построекъ на сваяхъ были найдены въ Савойѣ (озерѣ Буржѣ), въ юго-восточной Франціи, въ небольшихъ озерахъ и болотахъ при подошвѣ Пиринеевъ и т. д. Большая часть ихъ относится какъ кажется къ металлической эпохѣ. Послѣднее можетъ быть утверждаемо положительно относительно одного озернаго поселенія на сваяхъ въ озерѣ Паладрю (около Вуарона въ Департ. Изеры),

гдѣ были найдены, въ числѣ другихъ вещей изъ желѣза,—ключи, шпоры и скребницы, сходныя съ тѣми, какія употреблялись во Франціи въ IX столѣтіи по Р. Х., во времена Карловинговъ *).

Изъ другихъ странъ Европы,—пфальбауты были найдены въ Сѣверной Германіи (въ Мекленбургѣ, Шверинѣ, Познани), гдѣ онѣ относятся повидимому бо́льшей частью къ металлической эпохѣ,—а также въ различныхъ мѣстностяхъ Австріи, гдѣ иногда въ нихъ находили исключительно предметы изъ камня и кости. Впрочемъ, число найденныхъ во всѣхъ этихъ древнихъ поселеніяхъ орудій и украшеній довольно незначительно и далеко не можетъ сравниться съ тѣмъ, которое было добыто изъ швейцарскихъ пфальбаутовъ. Тѣмъ не менѣе, тщательное изслѣдованіе одной такой доисторической «стоянки», открытой при прорытіи канала въ г. Ольмюцѣ, дало возможность Jetteleis'y собрать весьма интересные матерьялы (именно въ формѣ костей) для исторіи дикихъ и домашнихъ животныхъ Европы въ доисторическую эпоху.

---

*) Недавно г. фонъ-Гелльвальдъ указалъ на одну нѣмецкую рукопись,—«friesische Adelabüch, которую одни относятъ къ VI вѣку, другіе считаютъ за подложную, составленную въ XVI или даже XVII вѣкахъ. Въ этой рукописи говорится между прочимъ объ одной Апполоніи, которая въ 540 г. — и объ одномъ Аделѣ, сынѣ Фридо, который въ 250 г. до Р. Х. посѣтили швейцарскія поселенія на сваяхъ. Жители этихъ поселеній называются въ рукописи «Marsâfa», т. е обитатели озеръ, причемъ подробно описываются ихъ жилища на сваяхъ, ихъ образъ жизни и проч. Очевидно, составитель рукописи имѣлъ понятіе о пфальбаутахъ, хотя краткая замѣтка г. Гелльвальда и не даетъ возможности составить болѣе опредѣленное понятіе о характерѣ и степени достовѣрности этой рукописи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Датскіе кухонные остатки или кучи раковинъ

(Кьёккенмёддинги).

Данія занимаетъ въ исторіи болѣе значительное мѣсто, чѣмъ это можно заключить при разсматриваніи карты Европы. Нація здѣсь болѣе велика, чѣмъ страна. Хотя, вслѣдствіе физическаго усиленія сосѣднихъ народовъ, она и много потеряла въ политическомъ отношеніи, лишившись значительной части своихъ старинныхъ владѣній, однако теперешнихъ Датчанъ отнюдь нельзя назвать недостойными потомками своихъ предковъ. Многіе болѣе значительные народы могутъ позавидовать тому мѣсту, которое они занимаютъ въ наукѣ и искусствѣ, и только немногіе содѣйствовали болѣе ихъ прогрессу человѣческаго знанія. Копенгагенъ можетъ гордиться какъ своими музеями, такъ и учеными; я могу въ особенности указать на его знаменитый Музей Сѣверныхъ Древностей, какъ на въ высшей степени оригинальное и даже единственное въ своемъ родѣ учрежденіе.

Для составленія такой коллекціи, Данія представляетъ, впрочемъ, многія удобства. Вся страна здѣсь была, повидимому, усѣяна когда-то могильными насыпями и тумулусами. На мѣстахъ болѣе безплодныхъ, гдѣ почва не обработывается, они еще и теперь попадаются часто въ большомъ количествѣ, но и въ мѣстностяхъ болѣе плодородныхъ и населенныхъ, плугъ земледѣльца долженъ часто еще обходить древніе могильники. Къ счастью, камни, изъ которыхъ построены эти памятники, настолько тяжелы и массивны, что ихъ разрушеніе и перевозка сопряжены съ значительнымъ трудомъ и расходами. Тѣмъ не менѣе, съ каждымъ годомъ земля становится все дороже и дороже, самые камни употребляются на постройки и для разныхъ другихъ цѣлей; съ другой стороны, сила древнихъ преданій и суевѣрное почитаніе умершихъ, которое такъ долго защищало ихъ

отъ осквернения, постепенно слабѣетъ и исчезаетъ. Разсчитано, что не проходитъ дня, въ который бы не былъ разрушенъ одинъ или нѣсколько этихъ тумулусовъ, а между тѣмъ потеря нѣкоторыхъ изъ нихъ образуетъ почти незамѣнимый пробѣлъ въ исторіи человѣчества. Многіе изъ этихъ тумулусовъ, уже сами по себѣ, представляютъ небольшую коллекцію древностей, а вся страна можетъ быть разсматриваема какъ одинъ антикварный музей громаднаго объема. Торфяныя болота, занимающія значительную часть Даніи, можно сказать, также кишатъ древностями на столько, что по исчисленію профессора Стенструпа, на каждые три квадратныхъ фута приходится среднимъ числомъ нѣсколько образчиковъ древняго искусства. Однако, всѣ эти преимущества и благопріятныя обстоятельства могли еще пройти совершенно безслѣдно для науки, если бы не геній и настойчивость профессора Томсена, создавшаго, можно сказать, музей, которымъ онъ такъ долго и съ такою честью завѣдывалъ. Кромѣ предметовъ, добытыхъ изъ тумулусовъ и торфяныхъ болотъ, а также случайно найденныхъ въ землѣ, Музей Сѣверныхъ Древностей заключаетъ еще въ себѣ интересное собраніе предметовъ изъ весьма оригинальныхъ кучъ раковинъ, извѣстныхъ въ Даніи подъ именемъ «кухонныхъ остатковъ» (Kjökkenmöddings). Эти береговыя скопленія долго принимались за естественные валы, образованные изъ выброшенныхъ на берегъ песку и раковинъ. Однако естественные береговые валы всегда содержатъ въ себѣ многіе виды раковинъ, которые представлены притомъ особями различнаго возраста и смѣшаны всегда съ значительнымъ количествомъ песку и гравія. Въ этихъ же кучахъ, какъ показалъ впервые профессоръ Стенструпъ, всѣ раковины принадлежатъ вполнѣ или почти вполнѣ взрослымъ экземплярамъ и притомъ состоятъ изъ четырехъ видовъ, которые никогда не водятся въ однихъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, а слѣдовательно никогда не могутъ встрѣчаться вмѣстѣ, въ естественныхъ отложеніяхъ. Кромѣ того, въ этихъ кучахъ почти вовсе не находится гравія, и вся ихъ масса образована почти исключительно изъ однихъ раковинъ.

Открытіе грубыхъ кремневыхъ орудій и костей, представляющихъ слѣды ножа, подтвердило предположеніе, что эти кучи не были естественными образованіями, а скорѣе мѣстами древнихъ поселеній, обитатели которыхъ жили на берегу и питались главнымъ образомъ морскими слизняками, а отчасти также добычею охоты. Во многихъ мѣстностяхъ были найдены очаги, сложенные изъ плоскихъ камней и представляющіе явственные слѣды огня. Негодныя для пищи раковины и кости постепенно накапливались вокругъ шалашей и хижинъ и образовали мало по малу кучи отбросковъ, обыкновенно отъ 3 до

5 футовъ вышины, но иногда болѣе 10 футовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе трехсотъ ярдовъ въ длину и отъ ста до двухсотъ футовъ шириною. Названіе «Kjökkenmödding», придаваемое этимъ насыпямъ, происходитъ отъ словъ «Kjökken»—кухня и «Mödding»—куча отбросовъ. Разъ было узнано значеніе этихъ кучъ,—легко было догадаться, что тщательное изслѣдованіе ихъ должно пролить значительный свѣтъ на нравы и степень цивилизаціи тогдашняго населенія.

Съ этою цѣлью и былъ составленъ дѣйствительно комитетъ, изъ профессора Стенструпа, извѣстнаго автора трактата «О перемежающемся размноженіи», проф. Форхгаммера, ветерана датской геологіи и проф. Ворсо, знаменитаго археолога, — счастливый выборъ, обѣщавшій наилучшіе результаты для Біологіи, Геологіи и Археологіи. Естественно, что отъ трудовъ подобнаго тріумвирата ожидали многаго, и дѣйствительно, результаты его изслѣдованій превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Болѣе пятидесяти скопленій были тщательно изслѣдованы; многія тысячи предметовъ собраны, описаны и сданы въ Копенгагенскій музей; общіе же выводы были изложены въ шести отчетахъ, представленныхъ Копенгагенской Академіи Наукъ. На основаніи этихъ то отчетовъ, а также превосходнаго мемуара г. Морлó и составлена настоящая глава этого сочиненія. Однако, желая представить моимъ читателямъ болѣе полное и вѣрное описаніе этихъ интересныхъ кучъ раковинъ, я самъ два раза посѣтилъ Данію, сначала въ 1861 году, вмѣстѣ съ проф. Бёскомъ, (Busk), а затѣмъ, лѣтомъ 1863 года. Въ оба раза изученіе большихъ коллекцій, добытыхъ изъ различныхъ Кьёккенмёддинговъ, было всевозможнымъ образомъ облегчено для меня любезною предупредительностью проф. Томсена и Гербста. Кромѣ того, мнѣ выпало на долю большое преимущество осмотрѣть нѣсколько кучъ раковинъ подъ личнымъ руководствомъ самого проф. Стенструпа, именно одну, въ 1861 году, въ Гавельзѣ, и нѣсколько, въ 1863 году, въ Мейльгардѣ и Фаннерупѣ.

Затѣмъ уже мы одни съ проф. Бёскомъ осмотрѣли одну такую кучу у Билидта, въ Изефіордѣ, недалеко отъ Фредерикзунда; однако въ этомъ мѣстѣ древніе поселенцы занимались своею стряпней, повидимому, у самаго берега, вслѣдствіе чего раковины и кости оказались сильно перемѣшанными съ гравіемъ и пескомъ, и наши поиски за кремневыми орудіями были не очень удачны. Наоборотъ, въ Гавельзе, поселеніе было расположено на высокомъ мѣстѣ и хотя недалеко отъ берега, однако уже внѣ дѣйствія волнъ; поэтому, встрѣчающіяся здѣсь раковины и кости почти вовсе не смѣшаны съ посторонними веществами. Здѣшній кьёккенмёддингъ незначительной

величины и представляетъ форму неправильнаго кольца, окружающаго пространство, гдѣ, по всей вѣроятности, находилось нѣкогда одно или нѣсколько жилищъ. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ отложенія имѣютъ болѣе значительный объемъ, какъ напр. въ Мейльгардѣ, поверхность насыпи волниста, причемъ бо́льшая толщина раковиннаго слоя, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, очевидно указываетъ на находившіяся здѣсь въ древности жилища. Когда проф. Стенструпъ осматривалъ до насъ кучи въ Гавельзе, часть ея была снята и употреблена на удобреніе; вслѣдствіе этого, въ одномъ мѣстѣ холма образовался перпендикулярный разрѣзъ, что весьма благопріятствовало изслѣдованію. Однако, къ нашему пріѣзду эта яма завалилась, такъ что мы принуждены были начать раскопки съизнова. Въ два или три часа мы добыли около ста костей, много грубыхъ кремневыхъ осколковъ, метательныхъ камней и обломковъ, а также девять грубыхъ топоровъ обыкновеннаго типа кьеккенмеддинговъ; нѣкоторые изъ нихъ были подняты нами на самой поверхности кучи.

Наша поѣздка въ Мейльгардъ въ 1863 году была еще болѣе успѣшна. Здѣшняя куча, одна изъ самыхъ большихъ и наиболѣе интересныхъ во всей Даніи, расположена недалеко отъ морскаго берега, вблизи Грена, на сѣверо-востокѣ Ютландіи, въ прекрасной буковой рощѣ «Aigt» или «Aglskow», принадлежащей г. Ользену. Любя и уважая науку, г. Ользенъ запретилъ раскопку находящихся въ его имѣніи кучъ, несмотря на то, что матеріалъ ихъ весьма пригоденъ для улучшенія почвы, съ каковою цѣлью онѣ и разрывались прежде, пока не было узнано ихъ настоящее значеніе. Хотя мы не были приглашены и не предупредили о нашемъ пріѣздѣ, г. Ользенъ и его семейство приняли насъ съ сердечнымъ радушіемъ. Сейчасъ же были посланы два работника, чтобы снять соръ, накопившійся со времени послѣдняго археологическаго изслѣдованія, и когда мы пришли на мѣсто, то нашли только что очищенную поверхность раковинной кучи, приготовленной для нашего осмотра. Въ срединѣ, этотъ кьеккенмеддингъ имѣлъ около 10 футовъ толщины, но къ краямъ постепенно понижался; вокругъ большой кучи расположены нѣсколько мѣньшихъ одинаковаго расположенія. Поверхъ раковинъ здѣсь накопился тонкій слой земли, на которомъ росла трава и деревья. Удачный разрѣзъ такой кучи поражаетъ всякаго, кто видитъ ихъ въ первый разъ, хотя и довольно трудно передать точно на словахъ представляемый ими видъ. Вся масса состоитъ изъ раковинъ, въ Мейльгардѣ преимущественно изъ устрицъ, съ кое-гдѣ разсѣянными костями, и еще болѣе рѣдкими каменными орудіями и обломками посуды. За исключеніемъ вершины и основанія, куча почти не заключаетъ

въ себѣ ни песку, ни гравія, такъ что она состоитъ почти исключительно изъ предметовъ, которые такъ или иначе могли служить на пользу человѣку. Единственнымъ исключеніемъ, открытымъ мною, было нѣсколько кремневыхъ голышей, которые, вѣроятно, были вытащены изъ моря вмѣстѣ съ устрицами. Въ эту же поѣздку мы посѣтили и другой кьеккенмеддингъ, находящійся близъ Фаннерупа, въ Колиндзундѣ, который еще въ историческое время былъ рукавомъ моря, но теперь представляетъ прѣсноводное озеро.

Другія скопленія подобнаго рода были открыты въ этой же части Ютландіи, по берегамъ Рандерсфіорда и Маріягерфіорда; многія были найдены также по берегамъ Изефіорда. Въ окрестностяхъ Рёскильде, кьеккенмеддинги попадаются на Kattinge, близъ Gjerdrup'a, 'на Kattinge Vaerk, близъ Trallerup'a, на Gjershöi и напротивъ острова Гилдегольма, также на островахъ Фіонъ, Мёнъ и Самсо. Южныя области Даніи не были еще изслѣдованы въ этомъ отношеніи съ надлежащею тщательностью. Вообще доказано, что скопленія подобнаго рода попадаются во многихъ мѣстахъ вдоль морского берега, но никогда не встрѣчаются внутри страны. Замѣтимъ, что въ продолженіи каменнаго періода, вся страна была еще болѣе изрѣзана фіордами, чѣмъ теперь. При этомъ, само собою понятно, что народъ, кормившійся по преимуществу морскими моллюсками, не могъ основывать большихъ поселеній внутри страны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, впрочемъ, кьеккенмеддинги были найдены въ разстояніи восьми миль отъ настоящаго берега; однако въ этихъ случаяхъ существуютъ многія основанія предполагать увеличеніе суши на счетъ моря. Съ другой стороны, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ кьеккенмеддинги не встрѣчаются, ихъ отсутствіе можетъ быть приписано дѣйствію волнъ, размывшихъ съ теченіемъ времени извѣстную часть берега. Этой же причиной можно объяснить, почему они встрѣчаются чаще по берегамъ фіордовъ, нежели на собственно морскомъ прибрежьи, и почему ихъ трудно напр. ожидать встрѣтить на берегахъ Великобританіи.

Впрочемъ, нѣсколько скопленій подобнаго рода было найдено и здѣсь, хотя онѣ и относятся, по всей вѣроятности, къ болѣе позднѣйшей эпохѣ. Ихъ наблюдалъ д-ръ Гордонъ на берегу Морай-Фьорда, гдѣ и я имѣлъ возможность осматривать ихъ въ его сопровожденіи. Самый значительный изъ этихъ шотландскихъ кьеккенмеддинговъ, находится на берегу озера Спини (Loch Spynie). Мы не могли отыскать въ немъ ни одного орудія, ни одного глинянаго черепка, хотя и рылись въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Работникъ, который занимался свозкой части этой кучи на удобреніе, нашелъ въ ней, ранѣе нашего пріѣзда, нѣсколько черепковъ грубой посуды и одну бронзовую булавку

(фиг. 126). Озеро Спини отчасти осушено и отдѣлено со стороны моря значительнымъ скопленіемъ наносныхъ камней, такъ что вода въ немъ теперь совершенно прѣсна. На основаніи нѣкоторыхъ старинныхъ извѣстій, можно полагать, что образованіе этой каменной плотины окончилось въ XIII или XIV столѣтіи, когда озеро и отдѣлилось совершенно отъ моря. Съ другой стороны, я показывалъ найденную бронзовую булавку г. Франксу, который высказалъ мнѣніе, что, по всей вѣроятности, она не старѣе VIII или XI по Р. Х. Если, поэтому, она дѣйствительно взята, какъ увѣряетъ работникъ, изъ кучи раковинъ, сомнѣваться въ чемъ мы не имѣемъ никакихъ основаній, то опредѣленіе ея древности даетъ намъ указаніе и на эпоху образованія самой кучи. Близь С. Валери, у самаго устья рѣки Соммы, гг. Эвансъ, Престичъ и я—нашли большое скопленіе раковинъ, изъ котораго я добылъ нѣсколько кремневыхъ осколковъ и черепковъ грубой глиняной посуды. Гг. Пенгели и Спенсъ Бетъ описали недавно также нѣсколько кучь раковинъ, найденныхъ въ Корнуэллѣ и Девонширѣ. Подобныя же отложенія были наблюдаемы и въ другихъ частахъ свѣта, какъ напр. въ Австраліи. Дампіеромъ (Dampier), на Огненной землѣ—Дарвиномъ, на Малайскомъ полуостровѣ — Эрлемъ (Earl), на Андаманскихъ островахъ — д-ромъ Столичкой, а также въ сѣверной и южной Америкѣ *).

Фиг. 126.

Бронзовая булавка изъ шотландской раковинной кучи.

Фактъ, что большая часть датскихъ кьеккенмеддинговъ находится на незначительной высотѣ (въ нѣсколько футовъ) надъ уровнемъ моря, повидимому, показываетъ, что со времени ихъ образованія, здѣсь не было значительнаго поднятія суши, а тѣмъ болѣе ея пониженія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, на болѣе крутыхъ берегахъ, они были найдены на довольно значительной высотѣ. Съ другой стороны, можно предположить, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ около Билидта, матеріалъ раковинныхъ кучъ перемѣшанъ съ слоями песку и гравія, страна должна была нѣкогда опуститься; однако, если бы подобныя скопленія раковинъ были подвержены, въ продолженіи долгаго времени, дѣйствію волнъ, то всѣ слѣды ихъ навѣрное

*) На восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря, бѣднаго вообще съѣдобными

бы давно исчезли. Поэтому, наиболѣе вѣроятнымъ объясненіемъ будетъ то, что дѣйствіе волнъ и бурь было въ прежнія времена значительнѣе, нежели теперь. Въ настоящее время, разница прилива и отлива въ Каттегатѣ не превышаетъ $1^1/_2$ футовъ, и очертанія страны защищаютъ ее весьма значительно отъ дѣйствія вѣтра. Наоборотъ, на западномъ берегу Ютландіи, приливъ достигаетъ почти до 9 футовъ высоты, причемъ сила вѣтра можетъ, какъ дознано, производить колебанія уровня воды, въ размѣрахъ до 29 футовъ. А такъ какъ мы знаемъ, что Ютландія была въ древности архипелагомъ, и что Балтійское море соединялось нѣкогда болѣе широкимъ рукавомъ съ Сѣвернымъ, то мы можемъ легко понять, какимъ образомъ колебанія уровня воды могли быть въ то время значительнѣе, нежели теперь, и какъ прибой волнъ могъ достигать тогда вершины кьеккенмеддинга въ Билидтѣ (лежащаго, впрочемъ, всего на десять футовъ надъ уровнемъ моря), не прибѣгая при этомъ къ гипотезѣ опусканія и послѣдующаго поднятія берега.

Въ озерныхъ поселеніяхъ каменнаго вѣка Швейцаріи были найдены—пшеница, зерна ячменя и даже хлѣбъ или вѣрнѣе лепешки. Но люди оставившіе намъ скопленія кьёккенмёддинговъ, повидимому были вовсе незнакомы съ земледѣліемъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ здѣсь не было открыто ни малѣйшихъ слѣдовъ какого-либо хлѣбнаго растенія. Единственные, найденные здѣсь, растительные остатки состоятъ изъ обгорѣлыхъ кусковъ дерева и какого-то объугленнаго вещества, которое Форхгаммеръ приписываетъ Zoostera marina, морской водоросли, вѣроятно употреблявшейся для добыванія соли.

Изъ раковинъ наибольшее число относится къ слѣдующимъ четыремъ видамъ:

Устрица (Ostrea edulis L.)
Сердцевикъ (Cardium edule L.)
Ракушка (Mytilus edulis L.) и
Береговая улитка (Littorina littorea L).

слизняками и гдѣ, притомъ, устрицы совершенно не водятся, кьеккенмеддинги не были найдены, да и не могли образоваться. Тоже самое можетъ быть сказано и относительно береговъ Чернаго моря. Правда, вблизи развалинъ г. Ольбіи, при сліяніи рѣкъ Буга и Днѣпра, были открыты кучи отбросовъ изъ костей рогатаго скота, лошади, собаки, когтей подорлика (Aquila clanga), костей севрюги (Accipenser stellatus), карповъ и раковинъ церитій (Cerithium); однако, остатки эти, во всякомъ случаѣ, не древнѣе эпохи основанія г. Ольбіи (655 г. до Р. Х.) и не могутъ быть поставлены наравнѣ съ датскими кьеккенмеддингами. *Ред.*

Всѣ эти четыре вида еще и теперь употребляются въ пищу. Другіе виды встрѣчаются рѣже, именно:

Nassa reticulata L.
Buccinum undatum L.
Venus pullastra Mont.
Helix nemoralis Müll.
Venus aurea Gm.
Trigonella plana Da C.
Littorina obtusata L.
Helix strigella Müll. и
Carocolla lapicida L.

Замѣчательно, что почти всѣ экземпляры первыхъ семи видовъ хорошо развиты и положительно крупнѣе, чѣмъ тѣ, которые встрѣчаются теперь въ тѣхъ же мѣстностяхъ. Это относится въ особенности къ Cardium edule и Littorina littorea, тогда какъ устрица теперь совершенно исчезла и даже въ Каттегатѣ встрѣчается только въ немногихъ мѣстахъ, что отчасти можетъ быть обусловливается усиленною ловлей ея съ давнихъ поръ рыбаками. Впрочемъ, въ Изефіордѣ устрицы еще водились въ началѣ нынѣшняго столѣтія и изчезновеніе ихъ нельзя приписать исключительно одной ловлѣ, такъ какъ значительное число пустыхъ раковинъ попадается здѣсь еще и теперь; но въ этомъ случаѣ истребленіе ихъ приписывается обыкновенно морскимъ звѣздамъ. Вѣрнѣе однакоже предполагать, что изчезновеніе ихъ, равно какъ и малый ростъ другихъ видовъ раковинъ, въ значительной мѣрѣ обусловливается уменьшеніемъ содержанія соли въ водѣ нынѣшняго моря.

Изъ ракообразныхъ до сихъ поръ были найдены здѣсь только немногіе остатки крабовъ. Остатки же позвоночныхъ животныхъ весьма многочисленны и представляютъ немалый интересъ. Чтобы составить себѣ понятіе о числѣ костей и сравнительной многочисленности различныхъ видовъ животныхъ, профессоръ Стеенструпъ вырылъ въ трехъ различныхъ мѣстахъ раковинной кучи въ Гавельзе по четвероугольной ямѣ въ три фута длиною и тщательно собралъ всѣ полученныя при этомъ кости. Въ первой ямѣ онъ нашелъ 175 костей звѣрей и 35 птицъ, во второй 121 кость звѣрей и 9 птичьихъ, въ третьей 309 костей звѣриныхъ и 10 птичьихъ. Впрочемъ ямы эти не вполнѣ соотвѣтствовали между собою, такъ какъ ихъ кубическое содержаніе зависѣло отъ толщины кучи въ различныхъ мѣстахъ и колебалось между 17 и 20 кубическими футами. Въ общемъ, по вычисленію Стенструпа, въ каждомъ кубическомъ футѣ находилось отъ 10 до 12

костей—число, какъ видно, довольно значительное. Въ самомъ дѣлѣ, изъ кучи въ Гавельзе комитетъ получилъ, въ продолженіе одного лѣта, 3.500 костей звѣрей и болѣе 200 птичьихъ, не считая еще многихъ сотъ рыбьихъ, количество которыхъ было, можно сказать, безчисленно. Самые обыкновенные виды рыбъ суть:

Селедка (Clupea harengus L.)
Треска (Gadus callarias L.)
Камбала (Pleuronectes limanda L.)
Угорь (Muraena anguilla L.)

Птичьи кости необыкновенно интересны и поучительны. Домашней курицы (Gallus domesticus) совершенно не найдено, равно какъ воробья, аиста и обоихъ видовъ домовыхъ ласточекъ (Hirunda rustica и H. urbica). Съ другой стороны, нахожденіе многихъ экземпляровъ глухарей (Tetrao urogallus), которые питаются главнымъ образомъ сосновыми побѣгами и почками, показываетъ, какъ то уже извѣстно было прежде ихъ остатковъ, находимыхъ въ болотахъ, что Данія была нѣкогда покрыта сосновыми лѣсами. Чаще всего, впрочемъ, попадаются водяныя птицы, особенно различные виды утокъ и гусей. Дикій лебедь (Cygnus musicus), который посѣщаетъ Данію только зимой, былъ также находимъ здѣсь неоднократно; но можетъ-быть самою интересною находкою былъ большой безкрылъ (Alca impennis L.), видъ, который, въ настоящее время, кажется, уже совершенно изчезъ.

Изъ звѣрей чаще всего попадаются:

Олень (Cervus elaphus L.)
Козуля (Cervus capreolus L.) и
Кабанъ (Sus scrofa L.).

По исчисленію профессора Стенструпа, эти три вида составляютъ 79 процентовъ всего числа. Остальные виды слѣдующіе:

Первобытный быкъ (Bos urus L.)
Собака (Canis familiaris L.)
Лисица (Canis vulpes L.)
Волкъ (Canis lupus L.)
Куница (Martes sp.)
Выдра (Lutra vulgaris Exl.)
Дельфинъ—морская свинья (Delphinus phocaena L.)
Тюлень (Phoca Sp.)
Водяная крыса (Hypudaeus amphibius L. и Hypudaeus agrestis L.)

Бобръ (Castor fiber L.)
Рысь (Felis lynx L.)
Дикая кошка (Felis catos L.)
Ежъ (Erinaceus europaeus L.)
Медвѣдь (Ursus arctus L.)
Мышь (Mus flavicollis Mel.).

Есть также слѣды болѣе мелкой породы быковъ. Литовскій зубръ (Bison europaeus) попадается иногда въ торфяныхъ болотахъ, но до сихъ поръ не былъ еще найденъ въ кьеккенмеддингахъ. Мускусный быкъ (Ovibos moschatus) и домашній (Bos taurus), также какъ сѣверный олень, лось, заяцъ, овца и домашняя свинья также не были еще найдены *).

Профессоръ Стенструпъ полагаетъ, что древне-европейская домашняя свинья произошла не прямо отъ дикаго кабана, а была ввезена съ Востока, и дѣйствительно, черепа, которые онъ мнѣ показывалъ, въ подтвержденіе справедливости своего мнѣнія, свидѣтельствуютъ во всякомъ случаѣ о значительномъ различіи между обѣими породами. Овца, лошадь и сѣверный олень положительно отсутствуютъ; домашняя кошка была неизвѣстна въ Европѣ почти до IX столѣтія, а кости первобытнаго быка принадлежатъ, по всей вѣроятности, дикимъ особямъ, такъ что собака была, повидимому, единственнымъ домашнимъ животнымъ этого періода **). Правда, и въ этомъ случаѣ можно задать вопросъ—не принадлежали ли найденныя кости дикой породѣ собакъ, однако вопросъ этотъ разрѣшается отрицательно.

Между остатками птицъ, длинныя кости, составляющія приблизительно пятую часть скелета, попадаются въ кьеккенмеддингахъ почти въ двадцать разъ чаще, нежели всѣ прочія, и притомъ почти всегда въ неполномъ видѣ, безъ концовъ, съ одною только среднею частью. Подобнымъ же образомъ нѣтъ никакой возможности составить хотя бы одинъ полный звѣриный скелетъ, такъ какъ извѣстныя кости и части костей всегда отсутствуютъ. Такъ напр. у костей быка всегда недостаетъ головокъ длинныхъ костей (впрочемъ у плечевой кости одна головка всегда цѣла), также спинныхъ костей,—за исключеніемъ двухъ первыхъ позвонковъ,—остистыхъ отростковъ, часто также реберъ и костей черепа, за исключеніемъ нижней челюсти и части вокругъ глазъ

*) Весьма любопытно, что, какъ сообщаетъ мнѣ професс. Стенструпъ, кости, найденныя въ кьёккенмёддингахъ Ютландіи, принадлежатъ вообще болѣе крупнымъ особямъ, нежели находимыя на сосѣднихъ островахъ.

**) Судя по слѣдамъ ножа на костяхъ, видно, что собака въ то время употреблялась въ пищу, какъ и теперь еще у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ.

(обочія). Проф. Стенструпу пришло въ голову, что причиною этого страннаго явленія могли быть собаки; и дѣйствительно, произведя опытъ, онъ убѣдился, что въ кьеккемеддингахъ недостаетъ именно тѣхъ костей, какія обыкновенно ѣдятъ собаки; встрѣчающіяся же кости и части костей суть самыя плотныя, содержащія въ себѣ наименѣе питательныхъ веществъ. Позже профессоръ Стенструпъ публиковалъ рисунокъ скелета, раскрашеннаго такимъ образомъ, что изъ него при первомъ взглядѣ видно, какія кости встрѣчаются въ кьеккенмеддингахъ; рисунокъ этотъ оказался совершенно сходнымъ съ рисункомъ Флуранса, сдѣланнаго съ тою цѣлью, чтобы показать наглядно образующіяся ранѣе прочихъ части скелета. Хотя уже одного бѣглаго взгляда на продольный разрѣзъ длинной кости, напримѣръ бедра, достаточно для того, чтобъ изъ сравненія рыхлой, губчатой ткани ея обоихъ концовъ съ массивнымъ и плотнымъ строеніемъ средней части объяснить предпочтеніе и выборъ, оказываемые собаками, тѣмъ не менѣе интересно все-таки, что собачій вкусъ былъ въ первобытныя времена совершенно такимъ же, какъ и теперь. Кромѣ того, подобнымъ способомъ мы можемъ объяснить себѣ преобладаніе нѣкоторыхъ костей въ ископаемыхъ слояхъ. Я упоминалъ уже, что отъ череповъ остаются обыкновенно только твердыя части, окружающія глазницы и нижнія челюсти; но частое нахожденіе ископаемыхъ нижнихъ челюстей есть фактъ хорошо извѣстный геологамъ, и вѣроятно онъ отчасти обусловливается подобною же причиною.

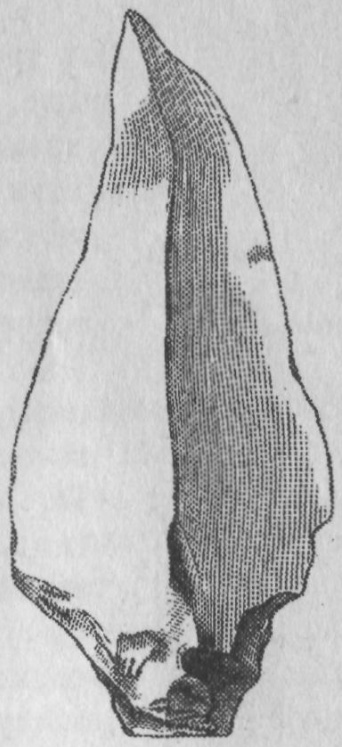
Всѣ кости кьеккенмеддинговъ, заключающія въ себѣ костный мозгъ, оказываются разбитыми, очевидно съ цѣлью извлеченія изъ нихъ мозга. Эта особенность, уже сама по себѣ служащая убѣдительнымъ доказательствомъ присутствія человѣка, до сихъ поръ еще не была замѣчена на костяхъ изъ слоевъ собственно третичной формаціи.

Кьеккенмеддинги не были только лѣтними стоянками: древніе рыбаки очевидно жили здѣсь по крайней мѣрѣ двѣ трети, а можетъ-быть и круглый годъ. Это видно по костямъ дикихъ животныхъ, такъ какъ частію оказывается возможнымъ почти навѣрное опредѣлить время года, въ которое они были убиты. Напримѣръ кости дикаго лебедя (Cygnus musicus) встрѣчаются довольно часто, а мы знаемъ, что птица эта прилетаетъ въ Данію только зимою, оставляя ее въ мартѣ и возвращаясь снова въ ноябрѣ. Естественно ожидать, что кости молодыхъ птицъ могли бы дать намъ указанія относительно весны и начала лѣта, но, къ сожалѣнію, по причинамъ, изложеннымъ выше, такихъ костей не было найдено. Но тутъ намъ являются на помощь два періодическія явленія у звѣрей: во-первыхъ, сбрасываніе и новое образованіе роговъ у оленя, которыя, за небольшими варіа-

ціями, зависящими отъ возраста животнаго, происходятъ всегда въ опредѣленное время года,—а во вторыхъ, рожденіе и ростъ приплода. Эти и подобные имъ факты дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, что «строители раковинныхъ кучъ» жили на берегахъ Даніи круглый годъ, хотя я и склоненъ думать, что они часто переходили съ мѣста на мѣсто, подобно жителямъ Огненной земли или Пешересамъ, которые и теперь еще ведутъ подобный же образъ жизни. На это указываетъ, повидимому, не только состояніе покинутыхъ очаговъ, но также и цвѣтъ кремневыхъ осколковъ, топоровъ и т. д. Въ то время, какъ многіе изъ нихъ удержали свой обыкновенный темный, синевато-черный цвѣтъ, который служитъ характеристичнымъ признакомъ свѣжеотколотаго кремня и остается неизмѣннымъ все время, покуда кремень окруженъ углекислою известью, другіе замѣтно выцвѣли и поблѣднѣли, какъ это обыкновенно происходитъ съ экземплярами, подверженными, въ продолженіи долгаго времени, вліянію воздуха. Поэтому, можно предположить, что они оставались извѣстный періодъ времени на поверхности кучи, именно въ періодѣ ея оставленія, и закрылись раковинами и прочими остатками, только впослѣдствіи, когда на это мѣсто явились новые поселенцы.

Фиг. 127.

Фиг. 128.



Осколки.

Кремневыя орудія, находимыя въ кьеккенмедингахъ, сходны съ тѣми, которые характеристичны для такъ называемыхъ береговыхъ

Фиг. 129.

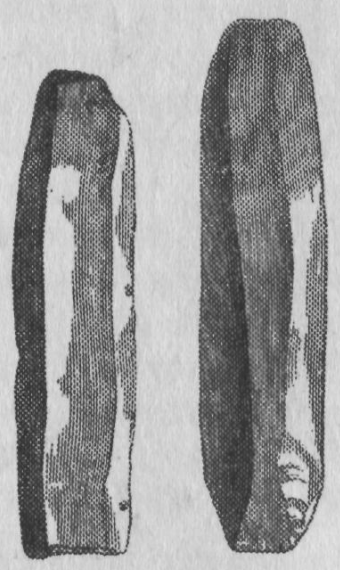
находокъ. Ихъ можно подраздѣлить на: *осколки* (фиг.127—131), *топоры*, имѣющіе, какъ уже было упомянуто, особенную форму (фиг. 132 и 133), *шила*, метательные камни (фиг. 134) или грузила для неводовъ и грубые наконечники копій. Вмѣстѣ съ ними попадаются иногда и другіе предметы, хотя и весьма грубой работы, однако, очевидно, сдѣланные руками человѣка, повидимому топоры, и другіе, снабженные острыми краями, очевидно предназначенные для рѣзанья.

Въ два дня, проведенные нами въ Мейльгардѣ, мы нашли слѣдующіе предметы:

Топоровъ	19	
Осколковъ кремня	139	
Костяныхъ иглъ и пр. . .	6	
Роговъ	6	
Глиняныхъ сосудовъ только . .	4	штуки
Каменныхъ молотовъ. . . .	1	
Пращевыхъ камней около . .	20	
	195	

Изъ трехъ ямъ, вырытыхъ, какъ было сказано выше, одна заключала въ себѣ семь осколковъ кремня, два топора, одинъ обдѣланный кусокъ рога, три обдѣланные обломка кости и нѣсколько глиняныхъ черепковъ; въ другой находились: шестьнадцать кремневыхъ осколковъ, топоръ и семь пращевыхъ камней; изъ третьей было добыто три осколка кремня, два кремневыхъ топора и заостренная кость. Вообще, кьеккенмеддинги Мейльгарда и Гавельзе, хотя, повидимому, нисколько не богаче другихъ, доставили, каждый, уже болѣе тысячи подобныхъ остатковъ, несмотря на то, что только небольшая часть обоихъ этихъ холмовъ была систематически раскопана. Поэтому, мы не должны удивляться количеству топоровъ, найденныхъ въ долинѣ Соммы, гдѣ была изслѣдована гораздо бо́льшая масса матеріала.

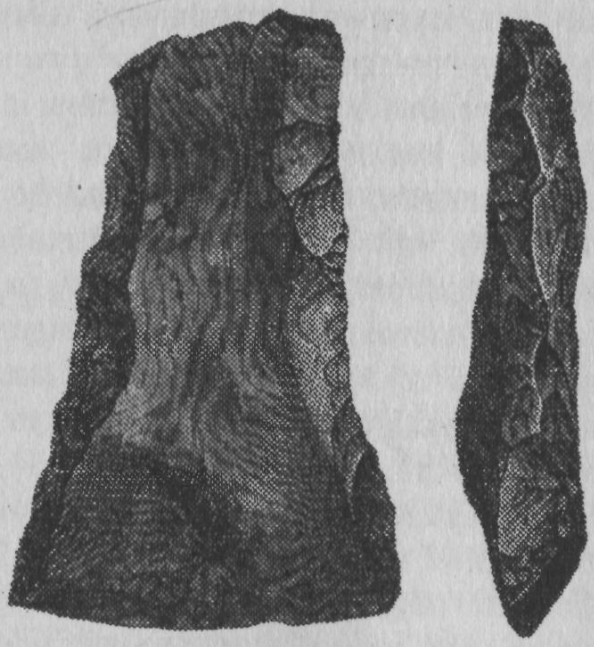
Фиг. 130. Фиг. 131.



Осколки.

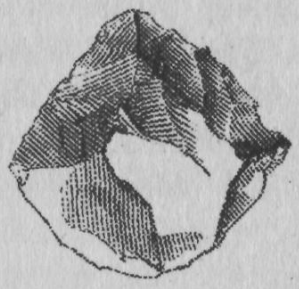
До сихъ поръ въ кухонныхъ остаткахъ не было найдено ни одного большаго полированнаго топора, хотя одинъ обломокъ, найденный въ Гавельзе, обдѣланный въ видѣ скребка, показываетъ, что подобныя орудія не были совершенно неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе, количество тщательно обдѣланныхъ орудій вообще незначительно; большинство же ихъ весьма грубой работы и относится къ типамъ, которые были описаны ранѣе, какъ характеристичные для береговыхъ находокъ. Изъ другихъ вещей здѣсь были найдены небольшіе черепки глиняной посуды, весьма грубой работы, а также многія кости, представляющія явственные слѣды остраго инструмента, и иногда даже обдѣланныя на подобіе грубыхъ иголъ.

Фиг. 132 и 133.



Датскій топоръ.

Фиг. 134



Метательный камень.

Наблюденія путешественниковъ въ полярныхъ странахъ показываютъ, что даже нахожденіе человѣческихъ костей въ раковинныхъ кучахъ не можетъ еще само по себѣ служить доказательствомъ каннибализма; положительное же отсутствіе такихъ остатковъ въ датскихъ кьеккенмеддингахъ наглядно убѣждаетъ, что первобытное населеніе Сѣвера было свободно отъ этого варварскаго обычая. Напротивъ того, тумулусы Даніи снабдили насъ многочисленными скелетами, относящимися, по всей вѣроятности, къ каменному періоду. Черепа этихъ скелетовъ очень круглы и во многихъ отношеніяхъ похожи на лаппландскіе, только надбровныя дуги ихъпредставляютъ значительно бо́льшее развитіе. Одна изъ особенностей этихъ чере-

повъ заключается еще въ томъ, что верхніе рѣзцы въ нихъ не находятся, какъ у насъ, впереди нижнихъ, а сходятся вмѣстѣ, какъ у нынѣшнихъ Гренландцевъ. Это очевидно указываетъ на нѣсколько отличный способъ ѣды *).

Найденные факты, какъ бы ни были они недостаточны еще для полнаго познанія человѣка каменнаго періода, все таки, подобно нѣсколькимъ штрихамъ искуснаго художника, даютъ намъ возможность составить общій абрисъ быта тогдашняго населенія. Если мы позволимъ нашей фантазіи заглянуть въ отдаленное прошлое, то мы увидимъ на низменныхъ берегахъ Датскаго архипелага племя небольшаго роста, съ нависшими бровями, круглою головою и лицомъ, можетъ быть представлявшимъ сходство съ лицомъ нынѣшнихъ Лапландевъ. По всей вѣроятности, для защиты отъ вѣтра и непогоды, эти люди строили себѣ палатки или юрты изъ звѣриныхъ шкуръ. Полное отсутствіе металловъ въ кьеккенмеддингахъ показываетъ, что населеніе ихъ могло имѣть оружіе только изъ дерева, камня и кости. Главная пища ихъ состояла изъ моллюсковъ, но они ловили также рыбу и разнообразили, по временамъ, свой обѣдъ добычею отъ охоты. При этомъ можно предполагать, что въ случаѣ необыкновенно удачной охоты, все общество наѣдалось, что называется до отвалу, подобно нѣкоторымъ дикарямъ настоящаго времени. Очевидно также, что костный мозгъ считался въ то время особеннымъ лакомствомъ, такъ какъ всякая кость, которая хоть сколько нибудь его содержитъ, была постоянно разбиваема для его извлеченія.

Мы видѣли уже, что обитатели кьеккенмеддинговъ были постоянными поселенцами, а не просто лѣтними посѣтителями береговъ. По всей вѣроятности, *они вели такой же образъ жизни, какъ и обитатели* Огненной земли или Пешересы. Послѣдніе точно также живутъ по берегамъ, питаются главнымъ образомъ моллюсками и имѣютъ единственнымъ домашнимъ животнымъ — собаку. Прекрасное описаніе этого народа находится въ «Дневникѣ путешествія вокругъ свѣта» Дарвина, изъ котораго я и позволю себѣ выписать нѣкото-

*) Датскіе черепа каменнаго вѣка были изучены Р. Вирховымъ, который нашелъ ихъ "мезо"—или "ортоцефальными" и отличными по формѣ и измѣреніямъ, какъ отъ короткихъ (брахицефальныхъ) череповъ Лопарей и Финновъ, такъ и длинныхъ (долихоцефальныхъ)—Гренландцевъ. Съ послѣдними скорѣе представляли сходство черепа бронзоваго вѣка, но и то довольно ограниченное. Бо̀льшее сходство представляютъ, повидимому, древніе черепа каменнаго вѣка (по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ) съ черепами новѣйшихъ Датчанъ, которые также ортоцефальны, съ замѣтною наклонностью къ брахицефаліи. Замѣтимъ еще, что въ тумулусахъ каменнаго вѣка Даніи обыкновенно находятъ полированныя орудія. *Ред.*

рыя мѣста, дающія намъ живое и вѣроятно вѣрное понятіе о томъ, что можно было видѣть на берегахъ Даніи за много, много лѣтъ тому назадъ: «Туземцы, питающіеся почти исключительно одними моллюсками, вынуждены постоянно мѣнять свое мѣстопребываніе; но время отъ времени они возвращаются къ старымъ мѣстамъ, какъ это видно по кучамъ старыхъ раковинъ, которыя часто бываютъ въ нѣсколько тоннъ вѣсомъ. Эти груды легко отличить на большомъ разстояніи по ярко-зеленому цвѣту извѣстныхъ растеній, неизмѣнно на нихъ растущихъ. Вигвамъ Пешересовъ объемомъ и размѣрами похожъ на стогъ сѣна. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сучьевъ, воткнутыхъ въ землю и очень плохо прикрытыхъ съ одной стороны нѣсколькими клоками травы и тростника. Все это можно устроить меньше чѣмъ въ часъ, да и пользуются то подобнымъ жильемъ только нѣсколько дней....

Въ другой разъ, когда корабль Бигль подходилъ къ острову Уёлльстона, лежащему нѣсколько далѣе къ сѣверу, намъ пришлось идти мимо лодки съ шестью Пешересами. Это были самыя низкія и жалкія созданія, которыхъ я когда либо видѣлъ. На восточномъ берегу туземцы, какъ я сказалъ, носятъ шкуру гуанаки, а на западномъ—они имѣютъ тюленьи шкуры. У центральныхъ племенъ мужчины носятъ обыкновенно выдровую шкуру или какой-либо маленькій лоскутокъ, величиною съ носовой платокъ, едва достаточный для прикрытія спины. Этотъ лоскутъ привязанъ черезъ грудь веревками, и, смотря потому, откуда дуетъ вѣтеръ, передвигается изъ стороны въ сторону. Эти же Пешересы въ лодкѣ были совершенно наги, въ числѣ ихъ была и одна совершенно взрослая женщина. Шелъ сильный дождь и по ея тѣлу струилась дождевая вода, вмѣстѣ съ морскими брызгами.... Эти бѣдняки были какими то недорослями, ихъ безобразныя лица были размалеваны бѣлою краскою, кожа засалена и грязна, волосы всклокочены. голоса нестройны, движенія порывисты и необузданны. При видѣ такихъ людей, съ трудомъ вѣришь себѣ, что это наши ближніе и живутъ въ одномъ мірѣ съ нами.... Ночью, эти люди, скучившись по пяти или шести, голые и едва прикрытые отъ дождя и вѣтра этого бурливаго климата, спятъ на сырой землѣ, свернувшись, подобно животнымъ. Во время отлива, какъ въ лѣтнее. такъ и въ зимнее время, имъ нужно вставать и идти собирать раковины по утесамъ; женщины же ныряютъ, для того чтобы достать морскихъ ежей или сидятъ терпѣливо въ своихъ кану́, вытаскивая мелкую рыбу волосяными удочками, снабженными приманкою. Если убитъ тюлень или откроютъ плавающій трупъ гніющаго кита, то это уже считается праздникомъ; къ этой жалкой пищѣ присоединяется еще немного безвкусныхъ ягодъ и грибовъ. При этомъ, они

часто страдаютъ отъ голода, слѣдствіемъ котораго является людоѣдство, сопровождаемое отцеубійствомъ». Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, преимущество кажется на сторонѣ древнихъ Датчанъ, которыхъ мы не имѣемъ никакого права обвинять въ людоѣдствѣ.

Отсутствіе въ кьёккенмёддингахъ остатковъ хлѣбныхъ растеній позволяетъ, повидимому, заключить, что древнимъ жителямъ датскихъ береговъ, земледѣліе было вполнѣ неизвѣстно. Вслѣдствіе этого, они должны были несомнѣнно терпѣть по временамъ большой недостатокъ въ пищѣ, на что и указываютъ, можетъ быть, кости лисицы, волка и другихъ хищниковъ, мясо которыхъ врядъ ли употреблялось въ пищу по выбору. За то, съ другой стороны, народъ этотъ не могъ имѣть никакихъ спиртныхъ напитковъ, и, слѣдовательно, не зналъ величайшаго бѣдствія современной сѣверной Европы.

Профессоръ Ворсо сдѣлалъ попытку раздѣлить каменный періодъ на два отдѣла, а первый изъ нихъ еще на два подотдѣла. Вотъ его классификація:

I. *Древнѣйшій каменный періодъ.*

1) Каменныя орудія, находимыя въ рѣчныхъ наносахъ и въ пещерахъ вмѣстѣ съ остатками мамонта, носорога, гіены и другихъ вымершихъ животныхъ.

2) Кьёккенмёддинги и береговыя находки.

II. Позднѣйшій каменный періодъ,

характеризующійся превосходно отдѣланными каменными орудіями и большими тумулусами.

Кучи раковинъ и береговыя находки характеризуются, по мнѣнію профессора Ворсо, кремневыми орудіями весьма грубой работы и представляютъ остатки гораздо болѣе дикаго и варварскаго народа чѣмъ тотъ, который воздвигъ большіе тумулусы каменнаго вѣка и приготовилъ находимыя въ послѣднихъ прекрасныя полированныя орудія. Онъ не отрицаетъ, что нѣсколько полированныхъ орудій и ихъ обломковъ было найдено въ кьёккенмёддингахъ, но онъ полагаетъ, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ не столь древни, какъ тѣ кучи раковинъ, въ которыхъ они, судя по отчетамъ, были найдены, и что, во всякомъ случаѣ, присутствіе ихъ можно считать уже исключеніемъ. Въ Мейльгардѣ, напримѣръ, раскопки, произведенныя подъ надзоромъ покойнаго короля, въ іюнѣ 1861 г., дали болѣе пятисотъ кремневыхъ осколковъ и другихъ грубыхъ орудій, но ни одного по-

лированнаго экземпляра, который бы представлялъ сходство съ кремневыми орудіями, находимыми въ тумулусахъ. Наоборотъ, въ тумулусахъ, какъ говорятъ, грубыя орудія совершенно отсутствуютъ и замѣнены инструментами иного типа и болѣе искусной работы. Кромѣ того, тогда какъ всѣми признано, что обитатели кьеккенмеддинговъ имѣли только одно домашнее животное, именно собаку, и не были знакомы съ земледѣліемъ, профессоръ Ворсо полагаетъ, что въ позднѣйшій каменный періодъ, жители Даніи навѣрное обладали домашнимъ рогатымъ скотомъ и лошадьми и, по всей вѣроятности, имѣли нѣкоторое понятіе о земледѣліи.

Наоборотъ, профессоръ Стенструпъ придерживается совершенно другаго мнѣнія и полагаетъ, что кьёккенмёддинги и тумулусы каменнаго вѣка принадлежатъ одному и тому же періоду времени. Онъ отрицаетъ, чтобы въ тумулусахъ каменнаго вѣка находили кости домашняго рогатаго скота и лошадей, за исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, да и относительно ихъ онъ предполагаетъ, что обломки эти не современны эпохѣ построенія тумулусовъ, а вѣроятно были занесены туда уже впослѣдствіи лисицами. Онъ допускаетъ, что каменные инструменты раковинныхъ кучъ и береговыхъ находокъ имѣютъ иную, болѣе грубую форму, нежели находимые въ тумулусахъ, но, по его мнѣнію, эти два класса орудій представляютъ не различныя эпохи, а двѣ фазы одного и того же періода цивилизаціи. Тумулусы—суть мѣста погребенія начальниковъ, а кьеккенмеддинги представляютъ собою кучи отбросковъ рыбаковъ. Первые содержатъ все, что могло произвести тогдашнее искусство, предложить привязанность или пріобрѣсти богатство; послѣдніе—только тѣ предметы, которые искусство не съумѣло сдѣлать пригодными, которые были выброшены за негодностію или потерялись случайно. Поэтому, чтобы сравнивать между собою эти два класса объектовъ, мы должны, говоритъ профессоръ Стенструпъ, брать не обыкновенные, грубые экземпляры, столь многочисленные въ раковинныхъ кучахъ, а скорѣе тѣ немногіе, лучше обдѣланные инструменты, которые, къ счастью для насъ и для науки, затерялись случайно между раковинами или, будучи сломаны, были брошены туда нарочно. Хотя число ихъ и незначительно, однако, по мнѣнію профессора Стенструпа, они встрѣчаются настолько часто, насколько то можно вообще ожидать при сказанныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Кромѣ того, длинные осколки кремня, такъ часто попадающіеся въ кьеккенмеддингахъ, достаточно показываютъ, что въ обработкѣ кремня тогдашнее населеніе достигло уже значительной ловкости.—Вообще, какъ показалъ профессоръ Стенструпъ, мы склонны, основываясь на простой формѣ

этихъ кремневыхъ осколковъ и небольшомъ числѣ ударовъ, необходимыхъ для ихъ изготовленія, цѣнить слишкомъ низко требуемое для ихъ фабрикаціи искусство. Однако всякій, кто попробуетъ сдѣлать себѣ нѣсколько такихъ осколковъ, въ чемъ, по всей вѣроятности, потерпитъ неудачу, въ состояніи будетъ составить себѣ болѣе вѣрное понятіе о значеніи кремневыхъ орудій Нѣкоторые изъ осколковъ, найденныхъ въ кьеккенмеддингахъ, совершенно сходны съ подобными же, найденными въ тумулусахъ; многіе изъ нихъ, добытыхъ нами въ Мейльгардѣ, имѣли болѣе 5, даже 6 дюймовъ въ длину а одинъ громадный осколокъ изъ Фаннерупа. подаренный мнѣ профессоромъ Стенструпомъ, имѣетъ болѣе 8¾ дюймовъ. Что касается до «топоровъ» грубой, болѣе или менѣе треугольной формы, столь характеристичныхъ для кьеккенмеддинговъ и береговыхъ находокъ, то, какъ мы уже видѣли, профессоръ Стенструпъ уклоняется отъ сравненія ихъ съ полированными топорами тумулусовъ, такъ какъ, по его мнѣнію, они предназначались для иныхъ цѣлей.

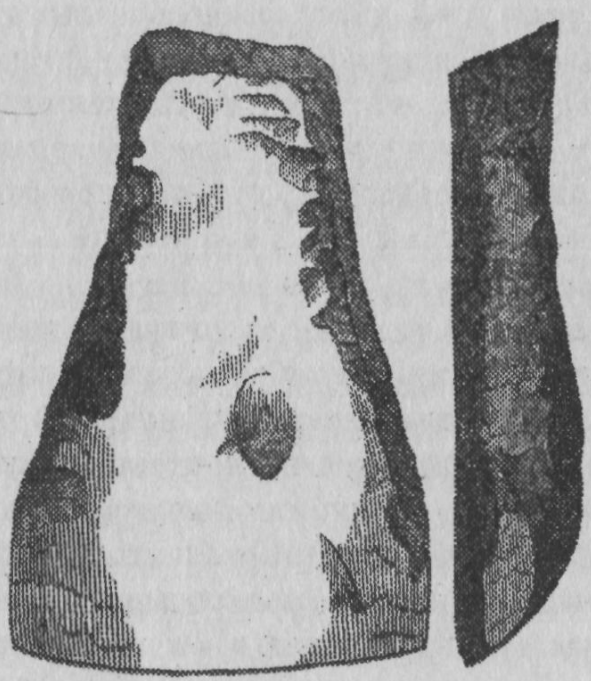
Въ дополненіе же къ прямымъ доказательствамъ, основаннымъ на нахожденіи въ кьеккенмеддингахъ немногихъ хорошо обдѣланныхъ кремневыхъ топоровъ типа тумулусовъ, профессоръ Стенструпъ старается подтвердить свое мнѣніе многими косвенными доказательствами, заимствованными изъ прочаго содержимаго раковинныхъ кучъ. Такъ, частое нахожденіе остатковъ большихъ и совершенно взрослыхъ животныхъ, какъ напримѣръ тюленя и дикаго быка, служатъ, по его мнѣнію, достаточнымъ доказательствомъ, что строители этихъ кучъ должны были обладать болѣе совершеннымъ и смертоноснымъ оружіемъ чѣмъ то, какое приписываетъ имъ профессоръ Ворсо. Кромѣ того, онъ полагаетъ, что многіе разрѣзы костей изъ кьеккенмеддинговъ, были навѣрное сдѣланы полированными инструментами, такъ какъ они слишкомъ гладки для того, чтобы быть произведенными, какъ думаетъ профессоръ Ворсо, кремневыми осколками Наконецъ, профессоръ Стенструпъ не считаетъ возможнымъ придавать такое значеніе отсутствію грубыхъ кремневыхъ орудій въ тумулусахъ, какъ это дѣлаетъ профессоръ Ворсо,—если бы даже такое отсутствіе было положительно доказано. На самомъ же дѣлѣ, онъ полагаетъ, что эти орудія были находимы и въ тумулусахъ, только здѣсь на нихъ до недавняго времени не обращали вниманія, не придавая имъ значенія искусственныхъ орудій.

По внимательномъ обсужденіи доказательствъ обѣихъ сторонъ, я, какъ и слѣдовало естественно ожидать, не считаю возможнымъ согласиться вполнѣ ни съ тою, ни съ другою стороною.

Небольшіе топоры грубой работы кажутся мнѣ также мало при-

годными для цѣли, предполагаемой профессоромъ Стенструпомъ, какъ и для той, которую имъ приписываютъ обыкновенно. Нѣкоторые изъ нихъ, безъ сомнѣнія, никогда не могли быть употребляемы для рѣзанья, но такіе экземпляры, можетъ быть, были неудачными произведеніями неискуснаго рабочаго или были обязаны своимъ происхожденіемъ какой нибудь трещинѣ или недостатку въ самомъ кремнѣ. Другіе же экземпляры кажутся мнѣ, какъ и профессору Ворсо, годными къ

Фиг. 135 и 136.



Новозеландскій топоръ.

употребленію, и, несмотря на свою грубую форму, подходящими для нѣкоторыхъ цѣлей, какъ напримѣръ для собиранія устрицъ и для расколки дерева, — операцій, требующихъ скорѣе крѣпкаго, нежели остраго лезвея. Къ тому же, по своей формѣ, они вполнѣ сходны съ топорами, употребляемыми островитянами Южнаго океана (см. фиг. 135 и фиг. 136). Однако, я согласенъ и съ профессоромъ Стенструпомъ, что они существенно отличаются отъ хорошо обдѣланныхъ и обыкновенно полированныхъ топоровъ, и что ихъ нельзя считать за болѣе грубыя орудія того же самаго типа.

Съ другой стороны, хотя и нельзя ожидать, чтобы искусно сдѣланные ножи, топоры и наконечники копій могли чаще попадаться въ кьеккенмеддингахъ, чемъ произведенія искусства и цѣнныя вещи въ нашихъ мусорныхъ кучахъ; тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, можно было бы ожидать, что обломки этихъ инструментовъ, негод-

стей штата Нью-Іорка; но въ предѣлахъ этого штата онъ описываетъ много различныхъ древнихъ памятниковъ, число которыхъ по его мнѣнію простиралось первоначально отъ 200 до 250. При этомъ онъ приходитъ къ заключенію, котораго онъ никакъ не ожидалъ въ началѣ своей работы, именно, что всѣ земляныя насыпи, находящіяся въ западной части Нью-Іорка, были сдѣланы Ирокезами, или ихъ западными сосѣдями, и слѣдовательно не представляютъ значительной древности.

Систематическое изслѣдованіе древностей штата Висконсина, описанное въ мемуарѣ Lapham'a, было предпринято по порученію Американскаго Антикварнаго Общества, которое и дало необходимыя для этого средства. Сочиненіе это было напечатано на счетъ Смитсоніевскаго института и появилось въ XVII томѣ его мемуаровъ—«Contributions». Изданіе это стоило очень дорого, вслѣдствіе множества приложенныхъ къ нему таблицъ и политипажей.

Сочиненіе Сам. Гавена, какъ то явствуетъ уже изъ его заглавія, представляетъ весьма интересное введеніе къ изученію Сѣверо-американской археологіи. Авторъ сообщаетъ въ немъ сравнительно мало новыхъ изслѣдованій или собственныхъ воззрѣній; но послѣ тщательнаго разбора всего того, что было написано по одному предмету другими, онъ приходитъ къ заключенію, что древнія земляныя сооруженія Соединенныхъ Штатовъ отличаются скорѣе величиною, нежели характеромъ постройки отъ другихъ подобныхъ же, память о которыхъ сохранилась въ исторіи. Онѣ только многочисленнѣе, болѣе скучены и требовали несомнѣнно бо́льшаго труда и усилій, чѣмъ тѣ, которыя замѣняютъ ихъ въ другихъ мѣстностяхъ, и съ которыми онѣ имѣютъ много общаго. Что касается до ихъ многочисленности, то она зависитъ, можетъ быть, отъ частой перемѣны мѣстопребыванія сравнительно ограниченнаго населенія,—перемѣны, стоящей въ соотвѣтствіи съ суевѣрнымъ обычаемъ Индѣйцевъ немедленно оставлять тѣ, мѣста, гдѣ они потерпѣли какое либо большое несчастіе; вѣрнѣе однакоже предполагать, что эти постройки были воздвигнуты въ странѣ, которая была населена довольно густо въ продолженіи достаточно долгаго періода, такъ что жители имѣли возможность съ теченіемъ времени значительно усовершенствовать и расширить свои постройки.

Хотя сочиненіе г. Скулькрафта посвящено, главнымъ образомъ, описанію современнаго, или покрайней мѣрѣ недавняго, положенія и образа жизни индѣйскихъ племенъ, тѣмъ не менѣе она заключаетъ въ себѣ много археологическихъ указаній, и я буду имѣть часто поводъ ссылаться на эту замѣчательную работу. Самыя древности распадаются на два большихъ отдѣла: 1) орудія—со включеніемъ сюда

же различныхъ украшеній, и 2) земляныя сооруженія. Послѣднія были подраздѣлены американскими археологами на семь классовъ: 1) городища или укрѣпленія; 2) священныя или смѣшанныя городища; 3) могильныя насыпи; 4) жертвенные курганы; 5) молельные курганы; 6) курганы, изображающіе изъ себя животныхъ; 7) различные курганы. Мы разсмотримъ каждый изъ этихъ классовъ въ отдѣльности, для того, чтобы лучше познакомиться съ самими «строителями кургановъ».

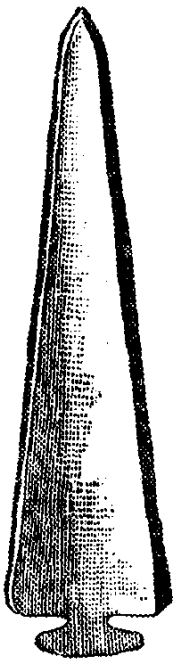
Простыя оружія изъ кости и камня, найденныя въ Америкѣ, весьма сходны съ тѣми, какія встрѣчаются и въ другихъ странахъ; такъ напримѣръ осколки, топоры, сѣкиры, наконечники стрѣлъ, костяныя орудія представляютъ, за исключеніемъ различія въ матеріалѣ, большое сходство съ соотвѣтствующими орудіями швейцарскихъ свайныхъ построекъ. Однако, рядомъ съ этими простыми формами, распространенными по всѣмъ странамъ, здѣсь встрѣчаются иногда и другія, болѣе сложныя. Во многихъ случаяхъ орудія эти пробуравленныя, какъ напр. изображенныя въ сочиненіи Сквира и Дэвиса. Въ Европѣ такіе пробуравленные топоры относятъ обыкновенно къ металлическому періоду, но что касается Америки, то мы не имѣемъ еще до сихъ поръ никакихъ указаній на относительную древность пробуравленныхъ и непробуравленныхъ экземпляровъ.

Во время открытія Америки, жители ея были совершенно незнакомы съ желѣзомъ, за исключеніемъ, быть можетъ, одного племени, жившаго при устьѣ Ла-Платы. У этого племени были найдены стрѣлы съ наконечниками изъ желѣза, которое, какъ предполагаютъ, они добывали изъ природныхъ (метеорическихъ?) массъ этого металла. Однако, въ то время, какъ могущественныя націи Центральной Америки находились въ бронзовомъ вѣкѣ, племена Сѣверо-американскія были въ томъ періодѣ, отъ котораго въ Европѣ мы находимъ только немногіе слѣды, именно въ мѣдномъ періодѣ. Изъ другихъ металловъ — въ древнихъ курганахъ встрѣчается только серебро, и то въ очень незначительномъ количествѣ. Этотъ металлъ попадается иногда въ чистомъ видѣ вмѣстѣ съ мѣдью у Верхняго озера,—откуда онъ, по всей вѣроятности, и добывался. Повидимому, его никогда не плавили. Основываясь на большомъ количествѣ найденной въ курганахъ свинцовой руды, гг. Сквиръ и Дэвисъ склонны думать, что употребленіе свинца должно было быть отчасти также извѣстно Сѣверо-американскимъ племенамъ. Однако, самый металлъ до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, еще ни разу не попадался въ древнихъ остаткахъ.

Наоборотъ, мѣдь, какъ въ обдѣланномъ, такъ и въ необдѣланномъ видѣ, попадается весьма часто въ курганахъ. Замѣчательно, что мѣд-

ные наконечники стрѣлъ и копій (фиг. 137—8) представляютъ сходство съ американскимъ типомъ каменныхъ стрѣлокъ, а топоры поразительно сходны съ тѣми простыми европейскими формами, въ которыхъ всего менѣе заключается олова. При этомъ интересно, что въ томъ случаѣ, когда орудія снабжены трубчатымъ влагалищемъ, послѣднее, точно такъ же какъ и у соотвѣтственныхъ европейскихъ формъ, дѣлалось посредствомъ расплющиванія мѣди и загибанія краевъ (фиг. 138). Нѣкоторыя изъ мексиканскихъ изображеній даютъ намъ ясное понятіе о способѣ укрѣпленія этихъ орудій въ рукояткахъ и ихъ употребленіи. Но орудія эти были сдѣланы, какъ сказано, изъ бронзы и, слѣдовательно, были отлиты, тогда какъ индѣйскіе топоры, состоящіе изъ чистой мѣди, повидимому, всѣ обдѣланы въ холодномъ состояніи. Фактъ этотъ весьма замѣчателенъ, такъ какъ, по мнѣнію Дэвиса и Сквира, «огонь на жертвенникахъ былъ достаточно силенъ, чтобы растопить мѣдныя орудія и украшенія, которыя на нихъ ставились. Однако древніе, повидимому, не съумѣли воспользоваться этимъ указаніемъ» *). Это тѣмъ болѣе удивительно, что, по словамъ Скулькрафта, «почти во всѣхъ недавно разрытыхъ земляныхъ сооруженіяхъ, попадаются кучи угольевъ и золы, явственно указывающія на распространеніе у древнихъ обычая сожженія».

Фиг. 137.



Мѣдный наконечникъ стрѣлы.

Такимъ образомъ, хотя древніе Индѣйцы и были знакомы съ мѣдью, однако они не умѣли надлежащимъ образомъ ею пользоваться, такъ что (какъ справедливо замѣтилъ въ одномъ письмѣ ко мнѣ профессоръ Дана), про нихъ можно до извѣстной степени утверждать, что они находились въ каменномъ періодѣ, ибо употребляли мѣдь не какъ металлъ, а какъ камень! Это переходное состояніе отъ каменнаго вѣка къ металлическому, представляетъ дѣйствительно большой интересъ для археолога.

Въ окрестностяхъ Верхняго озера и въ другихъ еще болѣе сѣверныхъ, самородки мѣди попадаются въ большомъ количествѣ, такъ что Индѣйцамъ оставалось только разбивать ихъ на куски и придавать имъ, съ помощью молотка, желаемую форму. Знаменитое путешествіе Херна (Hearne) къ устью Мѣдной рѣки (Coppermine River),

*) Одинъ „отлитый“ мѣдный топоръ найденъ былъ въ штатѣ Нью-Іоркѣ, но неизвѣстно никакихъ подробностей объ этой находкѣ.

совершенное имъ по порученію Гудсонбейской компаніи, было предпринято главнымъ образомъ съ цѣлью изслѣдовать мѣстность, откуда туземцы добывали себѣ этотъ металлъ. Въ этой мѣстности мѣдь встрѣчалась дѣйствительно кусками на поверхности почвы, и Индѣйцы, повидимому, брали ее, сколько имъ было нужно, не дѣлая ни малѣйшей попытки устроить что нибудь подобное руднику. Иное дѣло въ окрестностяхъ Верхняго озера. Тутъ были найдены, именно въ 1847 г., агентомъ Миннесотской горной компаніи, слѣды древнихъ копей объ открытіи которыхъ г. Сквиръ сообщаетъ слѣдующее:

Фиг 138.

Мѣдный наконечникъ копья.

«Слѣдуя постоянно понижающейся почвѣ, онъ (агентъ) добрался наконецъ до пещеры, въ которой нѣсколько дикобразовъ устроили себѣ свою зимнюю квартиру. Здѣсь, замѣтивъ слѣды искусственной раскопки, онъ приказалъ удалить осыпавшуюся землю, и открылъ не только мѣдную жилу, но и нашелъ въ мусорѣ множество каменныхъ колотушекъ и молотковъ, очевидно оставленныхъ древними рабочими.

Дальнѣйшіе поиски увѣнчались открытіемъ многихъ пещеръ или шахтъ значительныхъ размѣровъ, часто имѣющихъ отъ 25 до 30 футовъ глубины и разсѣянныхъ на пространствѣ въ нѣсколько миль. Земля и мусоръ, выкопанные изъ этихъ ямъ, были ссыпаны по сторонамъ въ видѣ холмовъ, а самые ходы мало по малу снова засыпались землей и растительными остатками, накопившимися въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ, протекшихъ послѣ оставленія копей; поверхъ всего этого выросли громадныя деревья, которыя въ свою очередь отжили, упали и сгнили. Кнаппъ, агентъ Миннесотской компаніи, насчиталъ триста девяносто пять годичныхъ колецъ на стволѣ одного изъ такихъ деревьевъ, выросшемъ на кучѣ земли, выброшенной изъ древней шахты. М-ръ Фостеръ также упоминаетъ объ огромномъ и очень старомъ стволѣ сосны, которая должна была вырости, жить и погибнуть уже послѣ того, какъ эти шахты были покинуты, а г. Уиттеслей указываетъ не только на деревья, еще и понынѣ растущія на выкопанной изъ шахтъ землѣ, и которыя, навѣрно, имѣютъ болѣе трехсотъ лѣтъ вѣку, но и прибавляетъ: «на томъ же

самомъ мѣстѣ лежатъ еще сгнившіе стволы предшествующаго поколѣнія или поколѣній деревьевъ, которыя также достигли полнаго возраста и, наконецъ, упали на землю отъ старости». По словамъ того же писателя, въ сообщеніи, сдѣланнымъ имъ на митингѣ Американской ассоціаціи наукъ въ 1857 г., въ Монреалѣ: «эти древнія копи простирались на протяженіи отъ 100 до 150 англійскихъ миль вдоль каждаго берега озера.

Въ другой шахтѣ найденъ былъ большой самородокъ мѣди, вѣсомъ болѣе шести тоннъ; эта глыба поставлена была на искусственную дубовую подставку, которая, вслѣдствіе погруженія въ воду, отчасти сохранилась. Рядомъ съ нею были найдены различныя каменныя орудія и инструменты изъ этого же металла. Въ числѣ ихъ всего болѣе было каменныхъ колотушекъ или молотковъ, которыхъ въ одномъ мѣстѣ собрано было десять полныхъ тачекъ. «Тутъ же найдены были большіе каменные топоры, изъ грюнштейна, приспособленные, повидимому, къ прикрѣпленію ихъ къ ивовымъ рукояткамъ. Далѣе, найдены были большіе куски грюнштейна, которые, какъ кажется, употреблялись вмѣсто большаго молота. Въ нихъ просверлены круглыя дыры глубиною въ нѣсколько дюймовъ, служившія вѣроятно для вставленія деревянныхъ клиньевъ, къ которымъ могли прикрѣпляться рукоятки, сплетенныя изъ ивы, такъ что нѣсколько человѣкъ, размахивая эту глыбу съ достаточною силою, могли откалывать помощью ея куски скалъ и выдающіяся глыбы мѣди. Нѣкоторыя изъ нихъ были разбиты, а нѣкоторые изъ выдающихся краевъ скалъ представляютъ слѣды ударовъ, полученныхъ, повидимому, описаннымъ способомъ».

Деревянныя орудія такъ непрочны, что трудно и ожидать найдти ихъ въ сколько нибудь значительномъ числѣ экземпляровъ. Двѣ или три деревянныхъ чашки, корыто и нѣсколько лопатъ съ длинными рукоятками,—вотъ все, что кажется было до сихъ поръ найдено. Часто было высказываемо мнѣніе, что Индѣйцы обладали какимъ то, до сихъ поръ еще не изслѣдованнымъ искусствомъ дѣлать мѣдь тверже, чѣмъ она есть отъ природы; но, по изслѣдованіямъ профессора Уильсона, это мнѣніе ошибочно. Нѣсколько мѣдныхъ орудій, пересланныхъ имъ профессору Крофтсу, оказались нисколько не крѣпче естественной мѣди Верхняго озера. «Притомъ, строеніе металла было весьма листовидно, какъ будто инструменты эти приготовлялись помощью разбиванія куска мѣди молотомъ».

До введенія металла, искусство дѣлать глиняную посуду имѣло еще болѣе значенія, чѣмъ теперь, вслѣдствіе чего мѣста древнихъ поселеній обыкновенно характеризуются множествомъ глиняныхъ че-

репковъ: это относится одинаково какъ къ древнимъ индѣйскимъ поселеніямъ, такъ и къ кельтскимъ городищамъ Англіи или свайнымъ постройкамъ Швейцаріи. Всѣ эти черепки принадлежатъ обыкновенной грубой посудѣ ежедневнаго употребленія; для того же, чтобы найдти лучше сдѣланныя урны и чаши, которыя бы давали болѣе полное понятіе о степени древняго искусства, мы должны обратиться главнымъ образомъ къ тумулусамъ. Что касается Англіи, то извѣстно, что весьма немногія изъ найденныхъ здѣсь пепельныхъ урнъ, относящихся къ до Римской эпохѣ, представляютъ какія бы то ни было изогнутыя линіи на своей поверхности. Изображенія животныхъ и растеній точно также почти совершенно отсутствуютъ. Они не встрѣчаются даже на предметахъ бронзоваго періода Швейцаріи, можно сказать, даже всей западной Европы, тогда какъ кривыя и спиральныя линіи составляютъ характерическіе орнаменты этого періода. Въ каменномъ же вѣкѣ, насколько извѣстно, орнаментація ограничивалась единственно комбинаціями прямыхъ линій; понятіе же о кривыхъ линіяхъ, повидимому, совершенно отсутствовало. Самые элегантные орнаменты на посудѣ этого вѣка представляютъ вдавленія ногтя или снурка, сдѣланныя на мягкой еще глинѣ. Д-ръ Уильсонъ положительно доказалъ, что «въ Европѣ не встрѣчается ни одной попытки подражанія листьямъ или цвѣтамъ, — изображенія птицъ, звѣрей или другихъ какихъ либо предметовъ природы; и даже, если подобныя изображенія и появляются наконецъ, именно на бронзовыхъ вещахъ позднѣйшаго желѣзнаго періода, то онѣ представляютъ, главнымъ образомъ, змѣй и драконовъ, вообще формы, заимствованныя, повидимому, кельтскими и германскими переселенцами съ востока, изъ отдаленной своей родины, вмѣстѣ съ дикими представленіями своей мифологіи».

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находилось американское искусство. «Гончарное дѣло достигло здѣсь значительной степени совершенства». Нѣкоторые сосуды, найденные въ курганахъ, не уступаютъ, какъ говорятъ, «по красотѣ формы, тонкости и совершенству исполненія» лучшимъ образчикамъ перувіанскаго искусства. Матеріалъ, изъ котораго они дѣлались, былъ—мелко-зернистая, хорошая глина, для болѣе изящныхъ экземпляровъ—чистая, для болѣе простыхъ смѣшанная съ толченымъ кварцемъ. Искусство глазировать посуду, точно такъ же какъ и употребленіе гончарнаго станка, повидимому, не были извѣстны, хотя «простѣйшая форма послѣдняго и могла употребляться». Это именно была «деревянная палка, которую брали по серединѣ одной рукой, и вращали внутри глинянаго цилиндра, поддерживаемаго другой рукой или другимъ рабочимъ».

Къ числу наиболѣе характерныхъ образчиковъ древне-американскаго горшечнаго искусства принадлежатъ курительныя трубки. Нѣкоторыя изъ нихъ весьма простой работы, представляютъ обыкновенныя небольшія трубки, довольно сходныя съ употребляемыми еще и по настоящее время, съ тѣмъ только отличіемъ, что не имѣютъ чубука, котораго повидимому и не было, такъ что, при куреніи, ихъ приставляли прямо ко рту. Многія изъ этихъ трубокъ богато разукрашены, другія представляютъ весьма искусно сдѣланныя фигуры чудовищъ или животныхъ, какъ напр. бобра, выдры, дикой кошки, лося, медвѣдя, волка, пантеры (?), енота, опоссума, бѣлки, манати, орла, сокола, цапли, совы, сарыча, ворона, ласточки, попугая, утки, тетерева и др. Самымъ интереснымъ изъ нихъ можетъ считаться манати или ламантинъ, семь изображеній котораго было найдено въ курганахъ Ohio. Это не просто грубыя фигуры, при опредѣленіи которыхъ можно было бы ошибиться, но весьма отчетливо сдѣланныя изображенія: «короткая голова, толстая, полукруглая морда, характеристическія ноздри, вздутая, изрытая бороздами губа, оригинальныя ноги или плавники и замѣчательные усы; все это выражено такъ явственно, что животное можетъ быть опредѣлено безъ всякихъ затрудненій» Въ настоящее время это оригинальное животное не встрѣчается ближе какъ на берегахъ Флориды, т. е. на разстояніи болѣе тысячи англійскихъ миль.

Украшенія, находимыя въ курганахъ, состоятъ изъ бусъ, раковинъ, ожерельевъ, подвѣсокъ, слюдяныхъ пластинокъ, браслетовъ, нашейниковъ и т. п. Число бусъ иногда изумительно. Такъ напр. въ знаменитой «могилѣ Криковъ» (Grave Creek) было найдено болѣе трехъ тысячъ бусъ, кромѣ двухсотъ пятидесяти украшеній изъ слюды, многихъ мѣдныхъ браслетовъ и различныхъ предметовъ, вытесанныхъ изъ камня. Большею частью бусины сдѣланы изъ раковинъ, иногда также вырѣзаны изъ кости или зубовъ; форма ихъ обыкновенно круглая, или продолговатая, иногда же онѣ сдѣланы изъ раковинъ Unio, разрѣзанныхъ и нанизанныхъ такимъ образомъ, что «видны какъ ихъ выпуклая верхняя поверхность, такъ и перламутровая внутренняя». Ожерелья сдѣланы часто изъ раковинокъ, иногда изъ зубовъ. Украшенія изъ слюды состоятъ изъ тоненькихъ пластинокъ различной формы, изъ которыхъ каждая имѣетъ небольшое отверстіе. Браслеты сдѣланы изъ мѣди, и обыкновенно окружаютъ руки скелетовъ; кромѣ того они часто встрѣчаются еще на «алтаряхъ» (мольбищахъ). Это простыя кольца, «выбитыя съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ искусствомъ и согнутыя такимъ образомъ, что концы ихъ соприкасаются, или заходятъ одинъ за другой. Такъ называемые «нашей-

ники» представляютъ тонкія мѣдныя пластинки, снабженныя всегда двумя дирочками, и которыя носились вѣроятно какъ почетные значки—символы власти.

Земляныя сооруженія чаще всего попадаются въ центральныхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ. Число ихъ уменьшается съ приближеніемъ къ Атлантическому Океану, такъ что въ Британской Америкѣ и къ западу отъ Скалистыхъ горъ онѣ становятся весьма рѣдкими. Сооруженія эти «занимаютъ обыкновенно естественныя позиціи», и какъ самый лучшій образчикъ ихъ, мы можемъ привести въ примѣръ «Bourneville Enclosure» въ области Россъ (Ohio). «Это городище», говоритъ Сквиръ и Дэвисъ, «занимаетъ вершину высокаго, отдѣльнаго холма, находящагося на разстояніи двадцати англійскихъ миль къ западу отъ города Чиликата, недалеко отъ деревни Bourneville. Холмъ этотъ имѣетъ около 400 футовъ перпендикулярной высоты, и замѣчателенъ по крутизнѣ своихъ склоновъ, которые мѣстами могутъ быть названы совершенно неприступными. Укрѣпленія состоятъ здѣсь изъ каменной стѣны, которая окружаетъ холмъ немного ниже гребня, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подымается, отрѣзываетъ узкіе выступы холма и пересѣкаетъ гребень, соединяющій этотъ холмъ съ остальною цѣпью. Не надо думать впрочемъ, чтобы въ настоящее время уцѣлѣло что нибудь похожее на каменную стѣну: «теперешній видъ ея такой, какой вообще можно ожидать отъ развалившейся стѣны, остатки которой разсѣялись по скатамъ холма». Гдѣ она лучше сохранилась, тамъ она имѣетъ отъ 15 до 20 футовъ ширины и отъ 3 до 4—вышины. Площадь, окруженная этой стѣной, заключаетъ въ себѣ около ста сорока экровъ, а самая стѣна имѣетъ около двухъ съ четвертью англійскихъ миль длины. Камни, употребленные на ея постройку, весьма разнятся по величинѣ, и гг. Сквиръ и Дэвисъ предполагаютъ, что первоначально стѣна эта имѣла около восьми футовъ высоты, съ такою же толщиною при основаніи. Въ настоящее время, на развалинахъ этой стѣны растутъ огромныя деревья. На другомъ подобномъ же укрѣпленіи въ области Highland, именно, такъ называемомъ «Fart Hill», Сквиръ и Дэвисъ нашли великолѣпное каштановое дерево, которому они приписываютъ около шестисотъ лѣтъ.

«Если мы прибавимъ къ этому», говорятъ они, «тотъ приблизительный промежутокъ времени, который долженъ былъ протечь отъ сооруженія этого укрѣпленія до его оставленія и затѣмъ до зароста его лѣсомъ, то мы по необходимости должны будемъ придти къ заключенію, что оно было устроено не менѣе тысячи лѣтъ тому назадъ. Но, когда обратимъ мы вниманіе на окрестности, примемъ въ соображеніе валяющіеся вокругъ полусгнившіе стволы деревьевъ, на-

половину засыпанные землею, то въ насъ возникаетъ мысль объ еще болѣе отдаленной древности».

Укрѣпленіе, извѣстное подъ именемъ «Clarks Work» въ области Россъ (Огіо), есть одно изъ самыхъ обширныхъ и интересныхъ. Оно представляетъ параллелограммъ въ двѣ тысячи восемьсотъ футовъ длиною и тысячу восемьсотъ футовъ шириною, и заключаетъ пространство въ сто одиннадцать акровъ. Направо отъ этого параллелограмма находится правильный квадратъ, заключающій въ себѣ около шестнадцати акровъ и каждая сторона котораго имѣетъ 850 фут. длины. Посрединѣ каждой стороны помѣщены ворота, шириною въ 30 футовъ, защищенныя небольшимъ холмомъ. Внутри большаго параллелограмма находятся много меньшихъ холмовъ и кольцевыхъ валовъ. Вообще вычислено, что для устройства всѣхъ этихъ возвышеній нужно было не менѣе трехъ милліоновъ кубическихъ футовъ земли, а между тѣмъ, по смѣшанному составу земли, изъ которой сдѣланы эти насыпи, можно кажется заключить, что ее носили мѣшками или вообще небольшими кучками. Кромѣ того замѣчено, что почти всегда внутри или около такихъ оградъ находится вода.

Замѣчательно, что неизвѣстно ни одного случая, когда бы вблизи такихъ древнихъ сѣверо-американскихъ укрѣпленій были найдены остатки непріятельскихъ оконовъ. Полковникъ Уитльсей выводитъ изъ этого факта заключеніе, что періодъ, въ продолженіи котораго строители валовъ «обращали свое вниманіе на средства обороны»—былъ непродолжителенъ, и что, сдѣлавъ нужныя приготовленія, они безъ упорнаго сопротивленія переселялись далѣе на югъ. Я, съ своей стороны, скорѣе думаю, что образъ веденія войны этихъ строителей кургановъ былъ сходенъ съ тѣмъ, какой употребляли позднѣйшіе краснокожіе, т. е., что они не предпринимали продолжительныхъ осадъ, а дѣлали быстрыя и внезапныя нападенія.

Если цѣль, съ которой дѣлались земляныя сооруженія этого рода совершенно для насъ очевидна, то нельзя сказать того же относительно другихъ сооруженій, къ которымъ мы теперь намѣрены перейдти. Что онѣ не имѣли значенія укрѣпленій, это—Сквиръ и Дэвисъ заключаютъ изъ ихъ незначительной величины, изъ присутствія рва вдоль внутренной стороны вала, а также изъ ихъ положенія въ мѣстностяхъ, надъ которыми господствуютъ сосѣднія возвышенности.

Д-ръ Уильсонъ также слѣдуетъ мнѣнію сэра Р. Хора, что различное положеніе рва служитъ однимъ изъ главныхъ признаковъ для отличія военныхъ сооруженій отъ священныхъ. Однако Катлинъ, при описаніи одной деревни Мандановъ, положительно говоритъ, что ровъ

находился на внутренней сторонѣ вала, и что воины были такимъ образомъ защищены въ то время, когда они бросали свои стрѣлы черезъ палисадъ. Это доказываетъ, что, для Америки по крайней мѣрѣ, положеніе рва не можетъ еще служить признакомъ при опредѣленіи характера сооруженія.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, въ то время, какъ оборонительныя сооруженія занимаютъ обыкновенно вершины холмовъ и другія мѣстности, удобныя для защиты,—такъ называемыя священныя ограды расположены большею частью «въ широкихъ и низменныхъ долинахъ рѣкъ, рѣже на плоскогорьяхъ или въ волнистыхъ и пересѣченныхъ мѣстностяхъ». Форма ихъ по бо́льшей части круглая или квадратная, причемъ круглый валъ находится часто въ комбинаціи съ однимъ или двумя квадратными. Въ иныхъ случаяхъ постройки эти стоятъ отдѣльно, но чаще встрѣчаются группами. Круги—бо́льшой частью небольшихъ размѣровъ, около 250—300 футовъ въ діаметрѣ, и ровъ въ нихъ всегда находится на внутренней сторонѣ вала. Нѣкоторые круги, впрочемъ, отличаются однако значительно бо́льшими размѣрами и заключаютъ въ себѣ около пятидесяти экровъ или даже болѣе. Квадраты и другія прямоугольныя сооруженія никогда не имѣютъ рвовъ, и земля, изъ которой они сдѣланы, взята, повидимому, съ поверхности или изъ большихъ ямъ, находящихся гдѣ нибудь по сосѣдству. Величина ихъ весьма различна: пять или шесть изъ числа ихъ представляютъ совершенно правильные квадраты, каждая сторона которыхъ имѣетъ тысячу восемьдесятъ футовъ въ длину—совпаденіе, которое врядъ ли можетъ быть случайнымъ и, по всей вѣроятности, должно было имѣть какое нибудь значеніе». Круги также, несмотря на ихъ значительную величину, отличаются такою правильностью, что Американскіе археологи полагаютъ возможнымъ допустить существованіе у древнихъ строителей кургановъ какой нибудь единицы мѣры, и обладаніе какими нибудь способами для опредѣленія угловъ.

Самая замѣчательная группа такихъ сооруженій находится недалеко отъ Ньюорка, въ долинѣ Scioto, гдѣ она занимаетъ поверхность въ четыре англійскихъ квадратныхъ мили! Планъ этихъ гигантскихъ сооруженій былъ сдѣланъ гг. Сквиромъ и Дэвисомъ, а другой, позднѣйшій, г. Вильсономъ. Группа эта состоитъ изъ восьмиугольника, обнимающаго пятьдесятъ экровъ, изъ квадрата—въ двадцать экровъ и двухъ большихъ круговъ — одинъ въ тридцать и другой въ двадцать экровъ. Отъ восьмиугольника идетъ одна большая аллея или корридоръ, образованный двумя параллельными валами, идущими къ югу на двѣ съ половиною англійскихъ мили и двѣ другихъ меньшихъ

аллеи, каждая около мили длиной, и одна изъ которыхъ соединяетъ восьмиугольникъ съ квадратомъ.

Кромѣ того, здѣсь находится еще много другихъ валовъ и мѣньшихъ круговъ, бо́льшею частью около восьмидесяти футовъ въ діаметрѣ, но нѣкоторые значительно больше. Валы этихъ мѣньшихъ круговъ, также какъ корридоровъ и прочихъ, менѣе правильныхъ частей сооруженій, довольно низки и имѣютъ обыкновенно не болѣе четырехъ футовъ. Другія насыпи гораздо болѣе значительны; такъ, валъ большаго круга имѣетъ еще и теперь около двѣнадцати футовъ въ вышину и около пятидесяти футовъ при основаніи; глубина внутренняго рва равняется семи футамъ, при ширинѣ въ тридцать пять. Около воротъ эти насыпи еще массивнѣе: валъ здѣсь имѣетъ до шестнадцати футовъ въ вышину, а ровъ до тринадцати футовъ глубиною. Все это пространство покрыто «гигантскими деревьями первобытныхъ лѣсовъ» и, какъ говорятъ Скви́ръ и Дэвисъ, «вступая въ первый разъ въ эту древнюю аллею, посѣтитель ощущаетъ тоже чувство благоговѣнія, какъ при входѣ въ одинъ изъ древнихъ храмовъ Египта или при посѣщеніи молчаливыхъ развалинъ Пе́тры въ пустынѣ». Городъ Циркльвиль получилъ свое названіе отъ подобной же постройки, которая, впрочемъ, нисколько не замѣчательнѣе многихъ другихъ. Она состояла изъ расположенныхъ рядомъ квадрата и круга, причемъ стороны квадрата имѣли около девятисотъ футовъ въ длину, а кругъ около тысячи футовъ въ діаметрѣ. Въ квадратѣ было восемь воротъ: четыре по угламъ и четыре по сторонамъ. Каждыя ворота были защищены насыпью. Кругъ отличался тѣмъ, что былъ окруженъ двойнымъ валомъ. Къ сожалѣнію, это сооруженіе, какъ и многія другія, въ настоящее время совершенно разрушено, и его насыпи исчезли, сравнены съ землею и запаханы. При этомъ, мы не можемъ не упомянуть съ признательностью о поступкѣ директоровъ поземельнаго общества Огіо, которые, принявъ въ 1788 году въ свое вѣдѣніе земли при устьѣ Мёскингёма, немедленно приняли мѣры къ сохраненію этихъ древнихъ памятниковъ. Къ чести ихъ надо сказать, что одно изъ первыхъ обнародованныхъ ими постановленій состояло въ томъ, что оно признало находившіяся въ той мѣстности древнія сооруженія, именно двѣ пирамиды съ притупленною вершиною и бо́льшой курганъ, съ прилегающими къ нимъ нѣсколькими экрами земли—общественною собственностью. Такое просвѣщенное распоряженіе заслуживаетъ полной благодарности археологовъ и я искренно желаю этой компаніи возможно до́льшаго и бо́льшаго благоденствія..

Развалины Ацталана, въ штатѣ Висконсинѣ, могутъ быть названы одними изъ достопримѣчательныхъ, такъ какъ во многихъ отно-

шеніяхъ онѣ представляютъ сходство съ укрѣпленнымъ городомъ. Онѣ расположены на западномъ рукавѣ рѣки Рока (Rock River) и были открыты въ 1836 году Гіеромъ, который первый представилъ ихъ краткое описаніе. Позднѣе, онѣ были описаны гораздо подробнѣе Тэйлоромъ и Лафамомъ. Названіе «Ацталанъ» было дано этой мѣстности Гіеромъ на томъ основаніи, что у Ацтековъ (древнихъ жителей Мексики) было преданіе, будто бы они пришли въ Мексику съ сѣвера, изъ страны, которую они называли Ацталанъ. Говорятъ, что это слово происходитъ отъ двухъ мексиканскихъ словъ, «Atl»—вода и «An»—около; «эти сооруженія состоятъ, главнымъ образомъ, изъ землянаго (а не кирпичнаго, какъ ошибочно предполагали прежде) вала, который окружаетъ съ трехъ сторонъ неправильный параллелограмъ», четвертую сторону котораго, именно восточную, составляетъ рѣка. Пространство, такимъ образомъ ограниченное, заключаетъ въ себѣ семнадцать и двѣ трети экра. Углы этого параллелограма неправильные, а валъ или гребень дѣлаетъ изгибы. Та часть вала, которая идетъ по сѣверной сторонѣ параллелограма, имѣетъ въ длину 631 футъ, валъ западной стороны имѣетъ 1419 футовъ, а южной—700 футовъ; такимъ образомъ вся длина вала простирается до 2.750 футовъ. Шириною онъ около 22 футовъ, а вышиною—отъ одного фута до пяти. Съ наружной стороны валъ этотъ расширенъ насыпями, сдѣланными изъ того же матеріала и расположенными приблизительно на равныхъ разстояніяхъ. Ихъ называютъ обыкновенно бастіонами, но, понятно, что они были насыпаны не для этой цѣли. Величина ихъ колеблется отъ шестидесяти одного до девяносто шести футовъ, а среднее разстояніе между ними — восемьдесятъ два фута. Близъ юго-западнаго угла расположены два выдающихся сооруженія, устроенныхъ такъ же, какъ и главное укрѣпленіе. Во многихъ мѣстахъ земля, изъ которой сдѣланъ валъ, кажется сожженной.

«Неправильныя массы, грубой красноватой глины, пористаго сложенія, представляютъ явственные отпечатки соломы или, скорѣе, сѣна, съ которымъ она, повидимому, была смѣшана до обжиганія». Въ этомъ и заключается единственный поводъ называть эти валы «кирпичными». На самомъ же дѣлѣ, здѣсь нѣтъ ничего похожаго на сколько нибудь правильно сформированные кирпичи, да притомъ еще сомнительно, не было ли произведено сожженіе уже послѣ сооруженія валовъ и, повидимому, эти валы должны представлять нѣкоторое отдаленное сходство съ знаменитыми глазированными укрѣпленіями Шотландіи и сооруженіями подобнаго же рода, открытыми недавно во Франціи и Германіи. Нѣкоторыя изъ насыпей или бастіоновъ,

входящихъ въ составъ вала, были употребляемы также и для погребенія, какъ то можно заключить изъ нахожденія въ нихъ скелетовъ въ сидячемъ положеніи, вмѣстѣ съ обломками глиняной посуды. Самый высокій пунктъ внутри этого вала находится въ юго-западномъ углу, «занятомъ квадратнымъ холмомъ, съ усѣченною верхушкою», который «имѣетъ видъ пирамиды, возвышающейся ступенями, подобно гигантскимъ постройкамъ Мексики. Въ сѣверо-западномъ углу ограды замѣчается другое пирамидальное возвышеніе, съ четыреугольнымъ основаніемъ и притуплепною верхушкою, съ площадкой въ шестьдесятъ пять футовъ и съ слѣдами ступенчатой дороги или покатаго всхода, которая вела, въ свою очередь, къ валу, идущему по направленію къ рѣкѣ».

Внутри вала находится еще нѣсколько небольшихъ насыпей, фута въ два вышины, и въ связи съ ними нѣсколько колецъ или круговъ, которые считаются остатками нѣкогда бывшихъ здѣсь глиняныхъ хижинъ. «Почти все огороженноеваломъ пространство кажется было вырыто или разбито на холмы и валы; ямы и неправильныя углубленія покрываютъ въ изобиліи почти все пространство, не занятое насыпями». Эти ямы и борозды суть, по всей вѣроятности, ничто иное, какъ слѣды прежнихъ жилищъ. Въ одной изъ насыпей, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, найденъ былъ скелетъ, завернутый, повидимому, въ одѣяніе изъ рѣдкой ткани, «похожей на самое грубое полотно», однако нитки были настолько истлѣвши, что не было никакой возможности достовѣрно опредѣлить, изъ какого матеріала онѣ были сдѣланы.

Послѣдніе обитатели этой интересной мѣстности, именно Индѣйцы, не имѣли никакого преданія относительно исторіи и цѣли этихъ замѣчатсльныхъ земляныхъ сооруженій.

У сѣверныхъ племенъ существующихъ еще Индѣйцевъ, повидимому, вовсе не встрѣчается сооруженій, которыя бы соотвѣтствовали этимъ такъ называемымъ «священнымъ оградамъ». «Но по мѣрѣ того, говоритъ Скиръ, какъ мы приближаемся къ югу и вступаемъ въ области Криковъ, Натчезъ и сродныхъ имъ племенъ Флориды, мы встрѣчаемъ слѣды построекъ, которыя если и не совсѣмъ соотвѣтствуютъ правильнымъ сооруженіямъ Запада, то во всякомъ случаѣ могутъ считаться аналогичными имъ». Эти южныя племена дѣйствительно, кажется, были болѣе цивилизованными, нежели сѣверныя, такъ какъ онѣ занимались земледѣліемъ, жили въ довольно большихъ городахъ и обладали систематизированной религіей, вообще занимали среднюю ступень, какъ въ экономическомъ, такъ и въ географическомъ отношеніи, между могущественными монархами Цент-

ральной Америки съ одной стороны и охотничьими племенами Сѣвера—съ другой; постройки, о которыхъ упоминаетъ здѣсь Скуиръ, описаны имъ въ его «Второмъ мемуарѣ» и въ его сочиненіи «О древнихъ монументахъ долины Миссисипи». Такъ называемые «Chunk yards», еще недавно бывшіе въ употребленіи у Криковъ и Чирокезовъ, представляютъ прямоугольныя площади, обыкновенно занимающія центръ города, замкнутыя по сторонамъ, но со входами на обоихъ концахъ. Площади эти имѣютъ иногда отъ шести до девятисотъ футовъ въ длину, причемъ самыя значительныя попадаются обыкновенно въ старинныхъ городахъ. Пространство, занятое ими, выровнено и нѣсколько понижено, а добытая при этомъ земля употреблялась на устройство низкаго пограничнаго вала. Въ центрѣ площади возвышается небольшой холмъ, на которомъ стоитъ столбъ, такъ называемый «Chunk pole», съ какимъ нибудь предметомъ на верхушкѣ, служащимъ мишенью для стрѣльбы. На концѣ площади, въ обоихъ углахъ, находится по столбу, футовъ въ двадцать вышиною; столбы эти носятъ названіе «мѣста для рабовъ», такъ какъ въ «доброе старое время» къ нимъ привязывались плѣнники, осужденные на муки. Названіе «Chunk yard», кажется, произошло отъ одной индѣйской игры, называемой «Chunke» (Чункъ), въ которую играли на этихъ площадяхъ. На одномъ изъ концовъ, какъ разъ за предѣлами вала, находится обыкновенно круглая возвышенность, на плоской верхушкѣ которой помѣщается зданіе Главнаго совѣта. На противоположномъ же концѣ находится четыреугольное возвышеніе, также съ плоскою верхушкою и приблизительно такой же величины, какъ и круглое, это—такъ называемое «публичное мѣсто».

Всѣ эти и другія подобныя описанія, сдѣланныя старинными путешественниками у Индѣйцевъ, бросаютъ несомнѣнно значительный свѣтъ на вышеописанныя круглыя и квадратныя сооруженія, изъ которыхъ нѣкоторыя, хотя и приписываются Скуиромъ и Дэвисомъ къ числу такъ называемыхъ «священныхъ», однако, по моему мнѣнію, представляютъ просто слабыя укрѣпленія, которыя вѣроятно окружали деревни и были снабжены палисадами. Мы уже видѣли, что положеніе рва не составляетъ въ дѣйствительности аргумента, противнаго этому воззрѣнію; положеніе самихъ построекъ, кажется также не можетъ служить убѣдительнымъ критеріумомъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что онѣ предназначались не столько для правильной обороны, сколько для отраженія внезапнаго нападенія.

Могильные курганы весьма многочисленны въ центральныхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ. «Назвать ихъ безчисленными, въ

обыкновенномъ значеніи этого слова, не было бы преувеличеніемъ. *Ихъ буквально можно считать тысячами и десятками тысячъ».* Вышина ихъ колеблется между шестью и восемью футами; обыкновенно они находятся внѣ валовъ и стоятъ либо отдѣльно, либо группами, и имѣютъ бо́льшею частью круглую, но иногда также эллиптическую или грушевидную форму. Въ большинствѣ случаевъ они заключаютъ въ себѣ только одинъ скелетъ, который притомъ часто представляетъ слѣды сожженія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ находили каменные ящики или цисты, но чаще, особенно въ южныхъ штатахъ, погребальныя урны. Трупы находятся обыкновенно въ сидячемъ (скорченномъ) положеніи. Какъ каменныя, такъ и металлическія орудія встрѣчаются часто, но замѣчательно, что въ то время, какъ украшенія,—браслеты, пробуравленныя мѣдныя пластинки, бусы изъ кости, раковинъ и металла и другія подобныя вещи очень обыкновенны,—оружія встрѣчаются весьма рѣдко,—фактъ, который, по мнѣнію Уильсона, «указываетъ на совершенно иное положеніе общества и образъ мыслей», нежели какіе мы встрѣчаемъ у Индѣйцевъ.

Нѣкоторые маленькіе курганы, изъ числа найденныхъ въ Америкѣ, принимались за остатки глиняныхъ хижинъ. Г. Дилль изслѣдовалъ и описалъ нѣсколько такихъ маленькихъ тумулусовъ, найденныхъ имъ въ штатѣ Миссури, и хотя онъ вскрылъ ихъ довольно большое число, ему ни разу не удалось найти ничего кромѣ углей, золы и немногихъ черепковъ глиняной посуды, изъ чего онъ и заключаетъ, что это дѣйствительно остатки отъ глиняныхъ хижинъ. Манданы, Минатари и нѣкоторыя другія племена Индѣйцевъ, еще недавно строили свои хижины изъ земли, дѣлая только ихъ остовъ изъ дерева.

Съ другой стороны, однако, встрѣчаются тумулусы, относительно которыхъ такое объясненіе рѣшительно непримѣнимо,—это именно тѣ, въ которыхъ встрѣчаются массы костей. Долгое время предполагали, что къ числу такихъ же остатковъ жилищъ принадлежитъ небольшой курганъ «Grave Creek», въ которомъ Alwaler нашелъ однако массы человѣческихъ костей. Это было признано ошибкой, но, тѣмъ не менѣе, положеніе остается справедливымъ для другихъ кургановъ. Здѣсь можно также упомянуть объ «ямахъ съ костями», изъ которыхъ многія были описаны Сквиромъ. «Одна изъ такихъ ямъ, найденная нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ городѣ Камбріи, въ области Ніагары, заключала въ себѣ приблизительно кости нѣсколькихъ тысячъ особей. Другая, которую я осматривалъ въ городѣ Кларенсѣ, въ области Эри, заключала въ себѣ не менѣе четырехсотъ скелетовъ». Тумулусъ, описанный Джефферсономъ въ его «Замѣткахъ о

Виргиніи», заключаетъ въ себѣ скелеты приблизительно тысячи особей; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ число можетъ быть и преувеличено.

Описанія, сдѣланныя различными древними писателями, торжественныхъ пировъ въ честь умершихъ, достаточно объясняютъ намъ происхожденіе этихъ огромныхъ кучъ костей. Повидимому, у Индѣйцевъ былъ обычай, по прошествіи каждыхъ восьми или десяти лѣтъ собираться въ заранѣе опредѣленное мѣсто, выкапывать останки ихъ умершихъ родичей, собирать всѣ кости вмѣстѣ и затѣмъ хоронить ихъ въ общей могилѣ, вмѣстѣ съ лучшими кожами и другими цѣнными предметами. Многія такія ямы съ костями описаны у Скулькрафта. Такъ называемые *жертвенные курганы* представляютъ, по словамъ Уильсона, «особаго рода древніе монументы, свойственные исключительно Новому Свѣту и въ высшей степени интересные для познанія обрядовъ и обычаевъ древнихъ строителей кургановъ. Этотъ замѣчательный классъ насыпей былъ изслѣдованъ весьма тщательно, причемъ найдено, что наиболѣе отличительные признаки ихъ составлчютъ 1) то что они почти всѣ безъ исключенія окружены валомъ, 2) что они сдѣланы изъ правильно смѣняющихся слоевъ гравія, земли и песку, расположенныхъ соотвѣтственно формѣ кургана и 3) что они покрываютъ алтарь изъ обожженной глины или камня, на которомъ находится множество костей всегда представляющихъ слѣды огня, дѣйствію котораго онѣ были подвержены». Такъ называемый «алтарь» есть ничто иное, какъ бассейнъ или столъ, сдѣланный изъ обожженной глины и тщательно обдѣланный въ симметрическую форму, хотя и не одинаковой формы и величины. Нѣкоторые изъ этихъ алтарей круглые, другіе — эллиптическіе, третьи—квадратные или прямоугольные; величина же ихъ колеблется между двумя и пятидесятью футами длины, при ширинѣ отъ двѣнадцати футовъ до пятнадцати. Самый обыкновенный размѣръ ихъ, впрочемъ, отъ пяти до восьми футовъ. Они почти всегда встрѣчаются среди священныхъ валовъ. Изъ всего числа, изслѣдованнаго гг. Сквиромъ и Дэвисомъ, только четыре были найдены внѣ валовъ, и то лишь въ нѣсколькихъ отъ нихъ шагахъ разстоянія.

«Алтарь» всегда находится на одномъ уровнѣ съ поверхностью, и представлятъ постоянно слѣды продолжительнаго огня. Въ одномъ случаѣ, гдѣ онъ сдѣланъ былъ не изъ камня, а изъ песку, этотъ песокъ оказался обезцвѣченнымъ, на глубину двухъ дюймовъ, какъ будто бы на немъ сожигалось какое нибудь жирное вещество. Поверхъ перваго слоя песку здѣсь положенъ былъ второй, а на немъ наложены были камни, величиною немного побольше куринаго яйца,

расположенные въ видѣ мостовой, что весьма напоминало древніе очаги датскихъ кьеккенмеддинговъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на алтарѣ находили слѣды дерева. Такъ, въ одномъ изъ двадцати шести кургановъ, образующихъ «городъ холмовъ», на рѣкѣ Сціото, найдено было множество кусковъ дерева, длиною въ четыре или пять футовъ, а толщиною въ шесть или восемь дюймовъ «Всѣ эти куски были почти одинаковой длины, и это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ положеніемъ, которое они занимали, какъ во взаимномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи къ алтарю, допускаютъ возможность предполагать, что они составляли нѣкогда часть костра». Содержаніе этихъ холмовъ весьма различно. Въ одномъ, только что упомянутомъ, *найдена была глиняная* посуда и многія каменныя и мѣдныя орудія, всѣ, повидимому, испытавшія на себѣ дѣйствіе сильнаго жара. Глиняные черепки могли принадлежать нѣкогда дюжинѣ сосудовъ средней величины. Мѣдныя вещи состояли изъ двухъ долотъ и около двадцати тонкихъ полосокъ. Около полусотни или сотни каменныхъ стрѣлокъ, нѣсколько осколковъ и двѣ лѣпныя трубки дополняли списокъ предметовъ, найденныхъ въ этомъ интересномъ тумулусѣ. Въ другомъ курганѣ найдено около двухсотъ трубокъ. Вообще нужно сказать, что содержимое этихъ холмовъ довольно однообразно, т. е. что «вмѣсто разнообразныхъ остатковъ, украшеній, оружій и другихъ предметовъ, обозначающихъ степень богатства какого нибудь важнаго варвара, мы находимъ на одномъ алтарѣ только *трубки*, на другомъ—только массу свинцовой руды, на третьемъ—посуду или собраніе наконечниковъ копій, а иногда и совершенно ничего, за исключеніемъ, можетъ быть, тонкаго слоя угля. Все это не можетъ считаться подтвержденіемъ указанной выше гипотезы, такъ какъ въ такомъ случаѣ копья, стрѣлы, трубки и другія орудія, и украшенія умершаго находились бы вмѣстѣ одинъ возлѣ другаго».

Это заключеніе, однакоже, врядъ ли можетъ считаться удовлетворительнымъ, и хотя эти курганы съ алтарями отличаются во многихъ отношеніяхъ отъ описанныхъ выше тумулусовъ, тѣмъ не менѣе, я все-таки склоненъ считать ихъ скорѣе могильными, нежели жертвенными. Однако, не имѣвъ возможности изслѣдовать ихъ лично, я высказываю это только какъ предположеніе, а не какъ опредѣленное мнѣніе. Довольно трудно понять, зачѣмъ эти «алтари» покрывались описаннымъ образомъ; я по крайней мѣрѣ не могу припомнить себѣ ни одного аналогичнаго случая. Съ другой стороны, если догадка профессора Нильсона, относительно древнихъ тумулусовъ, вѣрна, то слѣды продолжительнаго огня не могутъ представить за-

трудненій. У Бурятъ, напримѣръ, очагъ, на которомъ поддерживается постоянно огонь, сдѣланъ изъ утрамбованной земли. Такое жилище, если бы оно было превращено наконецъ въ мѣсто для погребенія, представило бы алтарь, весьма сходный съ только что описаннымъ; съ другой стороны, остатки дерева (костра) и сожженныя кости, во всякомъ случаѣ скорѣе объясняются предположеніемъ, что мы имѣемъ передъ собою могилу, чѣмъ храмъ.

Самое однообразіе находимаго въ этихъ курганахъ содержимаго, не кажется мнѣ столь убѣдительнымъ, какъ для гг. Сквира и Дэвиса. Возьмемъ для примѣра курганы, въ которыхъ были найдены одни трубки. Исполненіе ихъ такъ хорошо, что, несомнѣнно, рѣзьба ихъ составляла особое ремесло; такъ что принципъ раздѣленія труда уже въ то время долженъ былъ быть извѣстенъ. Но тоже самое чувство, которое побуждало многія дикія племена класть въ могилу охотника его оружіе, для того чтобы онъ могъ добывать себѣ на томъ свѣтѣ пищу, какъ и на землѣ,— это же чувство, побуждавшее нѣкоторыхъ древнихъ народовъ класть въ могилу монеты, можетъ объяснить не только присутствіе этихъ трубокъ, но и ихъ многочисленность. Для охотника нужны немногія оружія, и удача охоты зависитъ скорѣе отъ его силы и ловкости. Напротивъ того, для торговца трубками, если онѣ вообще могли быть полезны для него въ могилѣ, большой запасъ ихъ, очевидно, долженъ былъ быть весьма пріятнымъ.

Я уже упоминалъ о большомъ числѣ предметовъ, найденныхъ въ такъ называемой «Могилѣ Криковъ», несомнѣнно служившей мѣстомъ погребенія. При одномъ изъ найденныхъ тамъ скелетовъ, оказалось около тысячи семисотъ костяныхъ бусинъ, около пятисотъ морскихъ раковинъ и около полутораста пластинокъ слюды, не считая еще многихъ другихъ вещей. Скопленія осколковъ, стрѣлокъ и т. п., также находили иногда въ тумулусахъ, такъ что одно количество предметовъ, само по себѣ, не можетъ еще служить аргументомъ противъ погребальнаго характера такихъ «жертвенныхъ кургановъ». Если поэтому, «скопленіе обугленнаго вещества, напоминающаго пепелъ травы и листьевъ», вызвало въ проф. Нильсонѣ предположеніе—«о принесеніи умилостивительныхъ даровъ изъ весеннихъ плодовъ земли, согласно мягкимъ формамъ древняго, установленнаго въ честь Бога урожаевъ, жертвоприношенія», то, что касается до меня, я вижу здѣсь просто остовъ хижины или матеріалъ похороннаго костра. Съ другой стороны, я не могу также согласиться съ мнѣніемъ проф. Уильсона, что «на этихъ алтаряхъ приносились человѣческія жертвы и что внутри этихъ священныхъ оградъ исполнялись обряды, не менѣе отвратительные, чѣмъ тѣ, которые суще-

ствовали у жестокихъ Ацтековъ, считавшихъ ихъ наиболѣе угодными и пріятными для своихъ кровожадныхъ боговъ».

Другой классъ кургановъ, называемыхъ гг. Сквиромъ и Дэвисомъ «храмовыми» или «моленными» (Temple-Mounds), представляютъ «пирамиды, съ усѣченною верхушкою, къ которой ведутъ ступенчатые всходы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они устроены террассами, или расположены послѣдовательными уступами. Но какова бы ни была ихъ форма, круглая, овальная, восьмиугольная, квадратная или продолговатая, они неизмѣнно имѣютъ плоскую или ровную вершину, большей или меньшей величины » Курганы эти весьма сходны съ мексиканскими «теокаллями» и вѣроятно имѣютъ подобное же происхожденіе. На сѣверѣ они попадаются рѣдко, хотя нѣсколько ихъ было найдено даже у Верхняго озера; но съ приближеніемъ къ Миссиссипи, число ихъ увеличивается, въ особенности по близости Мексиканскаго залива, гдѣ они составляютъ самую многочисленную и значительную часть древнихъ памятниковъ. Нѣсколько, впрочемъ, изъ самыхъ большихъ встрѣчаются и на сѣверѣ, въ числѣ ихъ одинъ наиболѣе замѣчательный близъ Кахокіи въ Иллинойсѣ. Этотъ гигантскій холмъ имѣетъ до 700 футовъ въ длину, до 500 футовъ въ ширину при основаніи и около 90 футовъ въ вышину. Вся масса его опредѣлена приблизительно въ 20.000.000 кубическихъ футовъ. По всей вѣроятности, однакожъ, эти курганы служили не только храмами, но также мѣстами жилищъ, особенно начальниковъ. Намъ извѣстно, что у Индѣйцевъ племени Натчезъ, «храмы и жилища начальниковъ воздвигались на курганахъ, и что для каждаго новаго начальника дѣлался новый храмъ и новое жилище». Далѣе, Гарцилассо Делла-Вега, въ своей исторіи Флориды, цитируемой Гавеномъ, говоритъ, что «городъ и жилище Кацика Озахиля было похоже на таковые же всѣхъ другихъ Кациковъ Флориды, и что поэтому самымъ лучшимъ будетъ сдѣлать одно общее описаніе, которое можетъ быть приложено ко всѣмъ столицамъ и мѣстопребываніямъ вождей во Флоридѣ. Вообще Индѣйцы предпочитаютъ строить свои города на возвышенныхъ мѣстахъ, но такъ какъ во Флоридѣ такія мѣстности встрѣчаются довольно рѣдко, да притомъ около нихъ трудно добыть подходящій матеріалъ для построекъ, то они дѣлаютъ искусственныя возвышенія. Они выбираютъ подходящее мѣсто и насыпаютъ на него большую кучу земли, изъ которой устраиваютъ родъ возвышенной платформы, вышиною отъ восемнадцати до двадцати пяти футовъ, на плоской вершинѣ которой можетъ легко помѣститься десять, двѣнадцать, пятнадцать или двадцать жилищъ для Кацика, его семейства и свиты.

Не менѣе замѣчательный классъ американскихъ древностей, со-

ставляютъ такъ называемые «Animal-Mounds», — «курганы, имѣющіе форму животныхъ», которые встрѣчаются преимущественно, хотя и не исключительно, въ Уисконсинѣ. Въ этомъ округѣ «разсѣяны тысячи гигантскихъ барельефовъ, изображающихъ людей, звѣрей, птицъ и гадовъ, всѣ,—сдѣланные съ необычайнымъ трудомъ на поверхности земли,» тогда какъ, наоборотъ, ограды и укрѣпленія здѣсь почти не попадаются. Единственное исключеніе составляетъ древній городъ Ацталанъ, который, какъ предполагаютъ, относится къ числу «оградъ».

Эти «Animal Mounds» были открыты Лафамомъ въ 1863 году и описаны имъ первоначально въ газетахъ. Позже, они были изслѣдованы Тайлоромъ, проф. Локкомъ и другими; самое же подробное описаніе было сдѣлано опять Лафамомъ, въ VII томѣ мемуаровъ Смитсоніевскаго института. Къ этой работѣ Лафамъ приложилъ карту, показывающую распредѣленіе этихъ курьезныхъ сооруженій. По-видимому, онѣ чаще всего встрѣчаются въ южныхъ частяхъ Уисконсина, гдѣ тянутся отъ Миссисипи до озера Мичигана, слѣдуя вообще теченію рѣки и будучи наиболѣе многочисленными вдоль большой индѣйской дороги, или военнаго пути, идущаго отъ озера Мичигана, недалеко отъ Мильуоки къ Миссисипи, выше Prairie du Chien. Это однакоже не доказываетъ, чтобы между настоящими Индѣйцами и этими курганами существовала какая либо связь; таже самая линія была избрана для построенія военной дороги Соединенныхъ Штатовъ и могла служить для той же цѣли съ незапамятныхъ временъ.

Самые курганы представляютъ не только живыхъ существъ, какъ напр людей, бизоновъ, лосей, медвѣдей, волковъ, выдръ, енотовъ, птицъ, змѣй, ящерицъ, черепахъ и лягушекъ, но также и нѣкоторые неодушевленные предметы, если только американскіе археологи не ошибаются, находя въ нихъ изображенія крестовъ, курительныхъ трубокъ и т. п.

Многія изъ этихъ изображеній сдѣланы весьма живо и правильно, но другія, вѣроятно отъ дѣйствія времени, менѣе явственны; одно, напримѣръ, близъ деревни Мускода, «можетъ быть изображаетъ птицу, а можетъ быть лукъ и стрѣлы, или человѣческую фигуру». Вышина ихъ варьируетъ отъ одного до четырехъ футовъ и иногда доходитъ до шести; въ послѣднемъ случаѣ, при равномѣрномъ возвышеніи, онѣ являются весьма явственными. По всей вѣроятности, многія подробности ихъ исчезли со временемъ, подъ вліяніемъ дождей и растительности. Въ настоящее время, фигура человѣка состоитъ обыкновенно только изъ головы, туловища, двухъ длинныхъ рукъ и двухъ короткихъ ногъ, другія же подробности незамѣтны. «Птицы» отлича-

ются отъ «людей», главнымъ образомъ, отсутствіемъ ногъ. Такъ называемыя «ящерицы», одна изъ самыхъ обыкновенныхъ формъ, имѣютъ голову, двѣ ноги и длинный хвостъ, изображенныя въ профиль, какъ и бо́льшая часть другихъ четве́роногихъ.

Одна замѣчательная группа въ области Даль, вблизи большой индѣйской военной дороги, состоитъ изъ «человѣка» съ распростертыми руками, семи болѣе или менѣе продолговатыхъ кургановъ, одного тумулуса и шести фигуръ четвероногихъ. Длина человѣческой фигуры 125 футовъ, а разстояніе отъ наружнаго конца одной руки до другой—140 футовъ. Длина четвероногихъ колеблется отъ 90 до 126 футовъ.

Близь Уокешы находится большое число кургановъ, тумулусовъ и «животныхъ», въ томъ числѣ нѣсколько «ящерицъ», одна очень красивая «птица» и превосходная «черепаха». «Эта послѣдняя, когда она была впервые открыта, представляла прекрасный образчикъ этого рода курганныхъ сооруженій. Очертанія ея были весьма тщательны, ноги были направлены впередъ и назадъ, а постепенно утончающійся хвостъ былъ такъ заостренъ, что почти невозможно было указать съ точностью мѣста, гдѣ онъ дѣйствительно оканчивался. Туловище имѣло пятьдесятъ шесть футовъ въ длину, а хвостъ дѣвсти пятьдесятъ; вышина же равнялась шести футамъ». Эта группа кургановъ, къ сожалѣнію, теперь застроена: «жилой домъ стоитъ на туловищѣ черепахи и католическая церковь на ея хвостѣ».

Но самая замѣчательная коллекція ящерицъ и черепахъ находится, по словамъ Лафама, въ полутора миляхъ разстоянія къ юго-востоку отъ деревни Пьюоки. Она состоитъ изъ семи черепахъ, двухъ ящерицъ и четырехъ продолговатыхъ кургановъ. Одинъ изъ кургановъ, изображающихъ черепаху, отчасти пострадавшій отъ проведенія мимо него дороги, имѣетъ въ длину 450 футовъ, слѣдовательно почти вдвое болѣе обыкновенныхъ размѣровъ. Три изъ нихъ замѣчательны по ихъ кривымъ хвостамъ,—особенность, которая не была замѣчена въ другихъ мѣстахъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ попадаются весьма любопытныя варіаціи, такъ напр. животныя, обыкновенной формы и размѣровъ, представлены не рельефомъ, а въ видѣ углубленій.

Немногіе «Animal Mounds», найденные внѣ предѣловъ Уисконсина, отклоняются во многихъ отношеніяхъ отъ общаго типа. Въ Огіо, недалеко отъ Гранвиля, на высокомъ холмѣ, существуетъ земляное сооруженіе, извѣстное у мѣстныхъ жителей подъ именемъ «Аллигатора». Тутъ дѣйствительно можно отличить голову, туловище, четыре кривыхъ ноги и изогнутый хвостъ. Длина всего животнаго 250

футовъ, ширина туловища 40, а длина ногъ 36 футовъ. Голова, плечи и туловище выше прочихъ частей тѣла, такъ что, очевидно, здѣсь была сдѣлана попытка сохранить пропорціи копируемаго животнаго. Средняя вышина этого животнаго четыре фута, а на уровнѣ плечей шесть футовъ. Еще замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи большая змѣя въ Adams County, въ Ogio. Она находится на высокомъ холмѣ, возвышающемся на полтораста футовъ надъ такъ называемымъ Brush Creek. «Слѣдуя покатости холма, змѣя эта положила свою голову на самой его верхушкѣ; тѣло же ея, граціозными извивами, тянется на семьсотъ футовъ внизъ по скату и оканчивается троекратно завернутымъ хвостомъ. Если бы она была вытянута, то вся длина ея была бы не менѣе тысячи футовъ. Только точный планъ можетъ дать настоящее понятіе о граціозныхъ и смѣлыхъ очертаніяхъ этого сооруженія, имѣющаго до пяти футовъ въ вышину и до тридцати футовъ въ основаніи, посрединѣ туловища; къ концамъ, головѣ и хвосту оно, впрочемъ, нѣсколько съуживается. Шея змѣи вытянута и слегка изогнута, а пасть ея широко раскрыта, какъ бы въ моментъ проглатыванія или изверженія какого-то овальнаго предмета, находящагося между ея широко раздвинутыми челюстями. Этотъ овалъ сдѣланъ изъ земляной насыпи, имѣетъ четыре фута въ вышину и представляетъ совершенно правильныя очертанія; его продольный и поперечный діаметры равняются одинъ ста шестидесяти, другой—восьмидесяти футамъ».

Когда, для чего и кѣмъ были сдѣланы эти оригинальныя сооруженія, мы до сихъ поръ еще не знаемъ. Теперешніе Индѣйцы ничего не могутъ сообщить намъ относительно ихъ, хотя и смотрятъ на нихъ съ чувствомъ нѣкотораго благоговѣнія. Содержимое этихъ насыпей также мало помогаетъ намъ въ этомъ случаѣ. Многія изъ нихъ были въ разное время раскапываемы, а при постройкѣ улицъ города Мильуоки, нѣкоторыя изъ нихъ были даже совершенно снесены; тѣмъ не менѣе, единственный результатъ, который былъ кажется достигнутъ, заключался въ томъ, что это не могилы, и что въ нихъ никогда не встрѣчается никакихъ орудій и украшеній, за исключеніемъ развѣ случайно туда попавшихъ. При такихъ обстоятельствахъ, всякія догадки будутъ совершенно напрасны и безполезны; мы должны ждать и надѣяться, что время и терпѣніе разрѣшатъ загадку и уяснятъ намъ значеніе этихъ замѣчательныхъ и таинственныхъ памятниковъ.

Есть еще одинъ отдѣлъ древностей, о которомъ я пока еще не упоминалъ, но которыя, однако, нельзя пройдти совершеннымъ молчаніемъ. Самая замѣчательная изъ нихъ, безъ сомнѣнія, есть такъ

называемая Дигтонова скала, находящаяся на восточномъ берегу рѣки Тантона (Taunton). Ея исторія и различныя, высказанныя относительно ея предположенія, весьма юмористически описаны д-ромъ Уильсономъ. Въ 1783 году достопочтенный Е. Стейльсъ, читая проповѣдь въ присутствіи губернатора штата Коннектикута, сослался на эту скалу, исписанную, по его мнѣнію, финикійскими буквами, какъ на доказательство, что Индѣйцы произошли изъ Ханаана и были, слѣдовательно, прокляты. Графъ де-Гебеленъ, съ своей стороны, призналъ эту надпись за карѳагенскую, а полковникъ Валленси старался доказать, что она сибирскаго происхожденія. Нѣкоторые же датскіе археологи считаютъ ее руническою и утверждаютъ, что разобрали на ней имя «Thorfinn», «съ точнымъ, хотя и не вполнѣ явственнымъ, перечисленіемъ сподвижниковъ, которые, по словамъ Саги, участвовали въ экспедиціи Карльзефна въ Винландъ, въ 1007 году по Р. Х.» Наконецъ, Скулькрафтъ представилъ копію съ этой надписи одному интеллигентному индѣйскому начальнику и тотъ объяснилъ ее, какъ описаніе побѣды Индѣйцевъ надъ какимъ-нибудь соперническимъ, туземнымъ племенемъ, не высказавъ однако никакого мнѣнія объ ея древности.

Въ такъ называемой «Могилѣ Криковъ» былъ найденъ маленькій овальный дискъ изъ бѣлаго песчаника, на которомъ были вырѣзаны двадцать двѣ буквы. По словамъ д-ра Уильсона, г. Скулькрафтъ, спеціально изучавшій эту надпись, послѣ сношенія со многими американскими и европейскими археологами, пришелъ наконецъ къ заключенію, что изъ числа этихъ двадцати двухъ буквъ: «четыре похожи на древнія греческія, четыре—на этрусскія, пять—на древнія сѣверныя руны, шесть—на древне-гаёльскія, семь—на древне-эрзкія, десять—на финикійскія, четырнадцать—на англо-саксонскія и семнадцать—на кельтиберійскія; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ быть усмотрѣно сходство съ древне-еврейскими письменами. Такимъ образомъ, этотъ достопримѣчательный камень, повидимому, еще болѣе податливъ, нежели сама Дигтонова скала, такъ какъ онъ примѣняется ко всевозможнымъ теоріямъ о колонизаціи Америки до Колумба». Очевидно, что камень такого сомнительнаго происхожденія, уже самъ по себѣ не можетъ представлять никакого значенія; но, кромѣ того, не мѣшаетъ упомянуть, что «когда д-ръ Джемсъ Клеменсъ сообщилъ д-ру Мортону подробный отчетъ о раскопкѣ «Могилы Криковъ», онъ при этомъ ни однимъ словомъ не упомянулъ объ открытіи камня съ надписью.... Послѣдній появился только тогда, когда владѣтель кургана сталъ показывать вырытые въ немъ ходы за деньги, причемъ удивительныя письмена должны были, по-

видимому, послужить притягательнымъ средствомъ для привлеченія бо̀льшаго числа посѣтителей».

Извѣстно еще и нѣсколько другихъ, подобныхъ же сомнительныхъ случаевъ, однако, говоря вообще, мы можемъ положительно утверждать, что до сихъ поръ не существуетъ никакихъ основаній предполагать, чтобы населяющія Америку племена, придумали бы что нибудь соотвѣтствующее алфавиту. Искусство «образнаго» письма, которымъ они обладали вмѣстѣ съ Ацтеками и съ «квипусомъ» Перуанцевъ, дополнялось у сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ еще такъ называемымъ «Уомпумомъ» (Wampum).

Этотъ курьезный способъ письма состоялъ изъ разноцвѣтныхъ бусинъ или раковинокъ, укрѣпленныхъ обыкновенно на кожѣ. Одинъ изъ наиболѣе интересныхъ экземпляровъ такого рода, въ видѣ пояса, былъ поднесенъ «Сахемами», племени Лепни-Ленапе, основателю Пенсильваніи, при заключеніи Великаго Договора подъ вязомъ, въ Шахамоксѣ, въ 1682 году. Онъ до сихъ поръ еще хранится въ Музеѣ Историческаго Общества Филадельфіи, и состоитъ «изъ восемнадцати полосокъ «уомпума», составленныхъ изъ бѣлыхъ и фіолетовыхъ бусъ, нашитыхъ на кожанные ремни», и которые, въ совокупности, составляютъ поясъ, двадцати восьми дюймовъ въ длину и двухъ съ половиною въ ширину. «На немъ можно отличить пять узоровъ, сдѣланныхъ фіолетовыми бусами на бѣломъ фонѣ, а въ срединѣ представленъ Пенпъ, подающій руку индѣйскому «Сахему». «Массы бусъ, найденныя въ нѣкоторыхъ могильныхъ курганахъ, были вѣроятно положены съ подобною же цѣлью, именно во свидѣтельство добродѣтелей и подвиговъ умершихъ.

Подобно тому, какъ вигвамы теперешнихъ Мандановъ состоятъ изъ слоя земли, поддерживаемаго деревяннымъ остовомъ, такъ точно и въ древнихъ могильныхъ тумулусахъ, тѣло покойника было защищено только нѣсколькими досками и балками. Поэтому, когда послѣднія разрушались, то земля обваливалась и раздавливала находящіеся тамъ скелеты. Отчасти по этой причинѣ, а отчасти и вслѣдствіе обычая хоронить въ старинныхъ курганахъ (что иногда значительно затрудняетъ отдѣленіе первичныхъ погребеній отъ вторичныхъ), произошло то, что изъ столькихъ тысячъ кургановъ, мы имѣемъ весьма немного хорошо сохранившихся череповъ, которые несомнѣнно принадлежатъ древней расѣ. Эти немногіе черепа относятся къ брахицефалическимъ; но понятно, что на такомъ шаткомъ основаніи мы не можемъ еще создать никакой гипотезы.

До сихъ поръ не было найдено никакихъ доказательствъ существованія письменъ, никакихъ слѣдовъ обожженныхъ кирпичей; и,

насколько мы можемъ судить изъ ихъ оружія, украшеній и глиняной посуды, строители кургановъ имѣютъ очень много общаго съ нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, изъ новѣйшихъ Индѣйцевъ. Что касается до земляныхъ сооруженій, то онѣ также, по своей формѣ, хотя и не по величинѣ, сходны съ тѣми, которыя еще недавно воздвигались Индѣйцами. Тѣмъ не менѣе, эта то громадность ихъ и можетъ служить доказательствомъ, что нѣкогда обширныя долины Соединенныхъ Штатовъ были населены гораздо гуще, чѣмъ во время открытія ихъ Европейцами. Огромное число земляныхъ укрѣпленій и кургановъ, которыхъ можно считать тысячами и десятками тысячъ, конечно, можетъ указывать одинаково, какъ на многочисленное населеніе, такъ и на продолжительность эпохи ихъ воздвиганія. Однако въ другихъ случаяхъ намъ не представляется возможность такой алтернативы. Такъ напримѣръ, сооруженія въ Пьюаркѣ,—курганъ, находящійся близъ Флоренціи въ Алабамѣ, и имѣющій сорокъ пять футовъ въ вышину и четыреста пятьдесятъ футовъ въ окружности при основаніи;—еще болѣе громадный курганъ на р. Etowah, также въ Алабамѣ, вышина котораго болѣе семидесяти пяти футовъ. а окружность болѣе тысячи двухсотъ футовъ при основаніи и около ста сорока на вершинѣ;—валы близъ устья рѣки Сціото, длину которыхъ вычисляютъ въ двадцать англійскихъ миль;—большой курганъ близъ Селзерстоуна (Миссисипи), занимающій шесть экровъ земли, и—пирамида съ усѣченной вершиной, близъ Кахокіи, о которой мы уже говорили выше,—всѣ эти сооруженія и многія другія, которыя мы могли бы еще привести здѣсь, указываютъ на существованіе населенія, въ одно и тоже время и многочисленнаго, и осѣдлаго, которому охота не могла бы доставить достаточно пищи, такъ какъ вычислено, что въ лѣсной мѣстности, каждый охотникъ, для своего продовольствія, долженъ имѣть пространство земли не менѣе 50,000 экровъ. Отсюда мы можемъ кажется заключить, что строители кургановъ, въ значительной мѣрѣ, добывали себѣ пищу воздѣлываніемъ земли. Но, какъ замѣчаютъ Скиръ и Дэвисъ, «на всемъ пространствѣ между Атлантическимъ и Тихимъ океанами, нѣтъ и не было, начиная съ XVI столѣтія, ни одного племени Индѣйцевъ (за исключеніемъ южныхъ полуцивилизованныхъ націй), которое было бы настолько обставлено въ матеріальномъ отношеніи, чтобы могло посвящать свое время на такія непроизводительныя работы, точно также, какъ ни у одного изъ этихъ племенъ не существовало такихъ соціальныхъ условій, которыя бы дозволяли производить подобныя работы съ помощью труда рабовъ». Кромѣ того, намъ извѣстно, что многія, если не всѣ индѣйскія племена, еще въ то время (въ XVI столѣтіи), занимались до

извѣстной степени земледѣліемъ, и существуютъ факты, которые доказываютъ, что *даже еще въ историческое время, обработка земли* производилась въ бо́льшихъ размѣрахъ, нежели въ позднѣйшую эпоху. Такъ напр. де-Нонвиль опредѣляетъ количество маиса, истребленнаго имъ въ четырехъ деревняхъ племени Сенековъ, въ 1.200.000 четвертей.

Лафамъ приводитъ нѣсколько очень остроумныхъ соображеній, на основаніи которыхъ онъ полагаетъ, что въ предѣлахъ Уисконсина, еще не въ очень отдаленное время, лѣса были гораздо менѣе распространены, чѣмъ теперь. Во-первыхъ, самыя крупныя деревья *здѣсь, повидимому, не старѣе 500 лѣтъ, и большія пространства* земли покрыты въ настоящее время молодымъ лѣсомъ, не выказывающимъ никакихъ слѣдовъ существованія здѣсь лѣсовъ прежде. Каждый годъ многія деревья вырываются съ корнемъ бурями, которыя здѣсь довольно часты и производятъ страшныя опустошенія въ лѣсахъ. Лафамъ приводитъ карту такихъ буреломовъ въ одномъ округѣ; они весьма характеристичны и бросаются въ глаза, во-первыхъ потому, что поваленныя деревья, если у корней ихъ осталось достаточно земли, продолжаютъ зеленѣть еще въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, а во-вторыхъ потому, что когда деревья окончательно засохнутъ и истлѣютъ, земля, вырванная съ ними, образуетъ возвышенія, которыя неопытные часто принимаютъ за индѣйскія могилы. «Изъ рѣдкости такихъ земляныхъ кучекъ мы заключаемъ, что дремучимъ лѣсамъ Уисконсина нельзя приписать глубокой древности; *такъ какъ, въ продолженіи долгаго періода времени*, если бы въ климатѣ не произошло существеннаго измѣненія, мы должны были бы встрѣтить массы такихъ возвышеній — памятниковъ свирѣпствовавшихъ здѣсь нѣкогда бурь».

Но есть еще и другія, болѣе прямыя доказательства существованія здѣсь въ древности земледѣлія. Во многихъ мѣстахъ почва покрыта маленькими возвышеніями, извѣстными подъ названіемъ индѣйскихъ «хлѣбныхъ холмовъ». Возвышенія эти разсѣяны безъ всякаго порядка и встрѣчаются часто въ большомъ количествѣ. Что *эти холмики заслуживаютъ данное имъ названіе*, явствуетъ *изъ со*временнаго обычая Индѣйцевъ. Послѣдніе, точно также, сѣютъ зерно постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ, такъ что съ теченіемъ времени, отъ постояннаго приращенія, земля наконецъ возвышается здѣсь въ видѣ небольшаго возвышенія. Но Лафаму удалось еще найдти слѣды болѣе древней и болѣе систематичной обработки почвы. Онѣ состоятъ «изъ небольшихъ, параллельныхъ возвышенностей, какъ будто бы хлѣбъ здѣсь сѣялся въ промежуточныхъ бороздахъ.

Средняя вышина этихъ возвышенностей 4 фута, и на пространствѣ во сто футовъ, ихъ можно насчитать до двадцати пяти; средняя же глубина бороздъ около шести дюймовъ. Эти борозды, получившія названіе «древнихъ садовыхъ грядъ», указываютъ на существованіе значительно болѣе древней и совершенной системы обработки земли, чѣмъ та, которая господствуетъ теперь у Индѣйцевъ. Послѣдніе, повидимому, совершенно не имѣютъ понятія о вкусѣ и порядкѣ, которые бы побуждали ихъ распредѣлять предметы послѣдовательными рядами. Слѣды такого способа обработки, хотя и не очень часто, попадаются въ различныхъ частяхъ штата Уисконсина. Величина «садовыхъ грядъ» бываетъ различна, и въ совокупности онѣ обыкновенно занимаютъ пространство отъ двадцати до сотни экровъ. Нѣкоторыя изъ нихъ покрываютъ даже, какъ говорятъ, до трехсотъ экровъ. По правилу, онѣ встрѣчаются лишь на самой плодородной почвѣ, какъ напр. въ преріяхъ и въ такъ называемыхъ «bur-oak-plains». Въ послѣднемъ случаѣ, на нихъ возвышаются часто деревья колоссальныхъ размѣровъ.

Въ сочиненіи «Ancient Monuments of the Mississippi Valley» (Древніе монументы долины Миссисипи) сказано, между прочимъ, что земляныя сооруженія никогда не встрѣчаются на первыхъ или самыхъ нижнихъ террассахъ большихъ рѣкъ, и что будто бы «это наблюденіе подтверждается всѣми, кто только обращалъ вниманіе на этотъ фактъ». Если бы это наблюденіе было справедливо, то оно безспорно доказывало бы ихъ глубокую древность; но, въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи, Скиръ сообщаетъ намъ, что онѣ «попадаются безразлично, какъ на нижнихъ, такъ и на верхнихъ террассахъ, равно какъ и на островахъ рѣкъ и озеръ».

Скиръ и Дэвисъ держутся мнѣнія, что ветхое состояніе скелетовъ, находимыхъ въ курганахъ, дозволяютъ намъ «составить нѣкоторое понятіе объ ихъ отдаленной древности», въ особенности если мы примемъ во вниманіе, что земля вокругъ ихъ «очень плотна и суха, и что здѣсь вообще имѣются всѣ условія, необходимыя для ихъ возможно полнаго сохраненія». «Въ могилахъ древнихъ Бриттовъ», прибавляютъ они, «найдены были цѣлые скелеты, вполнѣ хорошо сохранившіеся, а между тѣмъ они имѣютъ несомнѣнно не менѣе тысячи восьмисотъ лѣтъ». Д-ръ Уильсонъ также придаетъ большое значеніе этому факту, который, по его мнѣнію, «даетъ намъ болѣе убѣдительное доказательство ихъ глубокой древности, чѣмъ всѣ данныя, заимствованныя изъ вычисленія возраста выросшихъ впослѣдствіи на могилахъ деревьевъ, или изученія измѣненій, послѣдовавшихъ на тѣхъ террассахъ рѣкъ, гдѣ такія могилы всего

чаще встрѣчаются». Однако, если справедливо, что кости въ курганахъ каменнаго вѣка часто удивительно хорошо сохранились, то не менѣе справедливо и то, что въ древнихъ саксонскихъ могилахъ онѣ часто совершенно истлѣли. Вообще нужно сказать, что состояніе, въ которомъ мы находимъ древнія кости, настолько зависитъ отъ условій, въ которыхъ онѣ находились, что мы отнюдь не можемъ придавать этому аргументу особенной важности. Доказательство, заимствованное изъ распредѣленія лѣсовъ, заслуживаютъ, по моему мнѣнію, бо̀льшаго вниманія. Такъ, капитанъ Пекъ нашелъ вблизи рѣки Онтонагона, на глубинѣ двадцати пяти футовъ, нѣсколько каменныхъ молотковъ и другихъ орудій, лежащихъ возлѣ мѣдной жилы. Поверхъ ихъ лежалъ упавшій стволъ огромнаго кедра, «а надо всѣмъ этимъ росла ель, корни которой обвились вокругъ упавшаго дерева».... и указывали, по его мнѣнію, на возрастъ не менѣе трехъ столѣтій. Къ этому нужно прибавить возрастъ кедра, указывающій еще на бо̀льшее число вѣковъ, а затѣмъ еще значительный періодъ времени, въ продолженіи котораго оставленные ходы были мало по малу снова засыпаны опавшей листвой деревьевъ.

Покойный президентъ Гаррисонъ, въ своемъ докладѣ Историческому Обществу Огіо, сдѣлалъ нѣсколько весьма интересныхъ замѣчаній по этому предмету, которыя приведены Сквиромъ и Дэвисомъ. «Процессъ», говоритъ онъ, «которымъ природа возстановляетъ однажды истребленный лѣсъ въ его первобытномъ видѣ, чрезвычайно медленъ. Правда, въ плодородныхъ мѣстностяхъ запада, уничтоженные лѣса быстро замѣняются новыми, но характеръ этой новой растительности совершенно иной, и сохраняется такимъ въ продолженіи долгаго періода. Въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ по р. Огіо, между прочимъ и по близости фермы, принадлежащей мнѣ, часть лѣсовъ была вырублена еще первыми поселенцами страны. Впослѣдствіи, эти мѣста были оставлены и мало по малу снова покрылись лѣсами. Нѣкоторымъ изъ этихъ новыхъ лѣсовъ не менѣе пятидесяти лѣтъ, но они настолько уступаютъ сосѣднимъ съ ними сплошнымъ борамъ, что невольно заставляютъ думать о необходимости въ десять разъ бо̀льшаго періода времени для того, чтобы первые могли вполнѣ сравняться со вторыми. Въ древнихъ земляныхъ сооруженіяхъ мы находимъ всѣ тѣ разнообразныя породы деревьевъ, которыя придаютъ такую красоту нашимъ первобытнымъ лѣсамъ. Наоборотъ, первый поростъ извѣстнаго участка земли, разъ вырубленнаго и затѣмъ снова предоставленнаго природѣ, почти однороденъ и бо́льшею частью состоитъ изъ одного, двухъ и самое бо̀льшее трехъ видовъ деревьевъ. Если почва подвергалась уже обработкѣ, то обыкновенно

выростаетъ желтая акація, если нѣтъ, то преобладающими породами будутъ черный и бѣлый орѣшникъ. Какова же должна быть древность этихъ земляныхъ сооруженій, когда мы знаемъ, что онѣ покрыты уже по крайней мѣрѣ второю генераціею деревьевъ, послѣ того какъ первобытный характеръ лѣса былъ наконецъ снова возстановленъ».

Другое доказательство ихъ высокой древности даютъ намъ только что указанныя «садовыя гряды». Эта система обработки земли была давно уже замѣнена неправильными «маисовыми холмами», а между тѣмъ, по словамъ Лафама, «садовыя гряды» новѣе многихъ кургановъ, чрезъ которые онѣ иногда проходятъ, точно также какъ и по окрестнымъ полямъ. Если поэтому эти курганы относятся къ той же категоріи, какъ и покрытые лѣсами, то мы получаемъ такимъ образомъ указаніе на три періода: 1) періодъ самихъ кургановъ, 2) періодъ «садовыхъ грядъ» и 3) періодъ лѣсовъ.

Но американская агрикультура не была введенною извнѣ; она возникла подъ вліяніемъ постепеннаго развитія самой американской полуцивилизаціи, и въ свою очередь сдѣлала возможнымъ послѣднюю. Это видно изъ того факта, что зерна хлѣбныхъ растеній Стараго Свѣта совершенно не были находимы, и что американское земледѣліе было основано главнымъ образомъ на воздѣлываніи маиса, растенія чисто американскаго. Такимъ образомъ мы имѣемъ, повидимому, указаніе на четыре продолжительныхъ періода:

1) Періодъ, въ продолженіи котораго американскія племена перешли отъ первобытнаго варварства къ познанію земледѣлія.

2) Періодъ, въ теченіи котораго впервые стали воздвигаться курганы и другія большія земляныя сооруженія.

3) Періодъ «садовыхъ грядъ», которыя покрываютъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ кургановъ. Послѣдній фактъ дѣлаетъ вѣроятнымъ, что эти оригинальныя «садовыя гряды» взошли въ употребленіе не прежде, какъ курганы уже утратили свое религіозное значеніе въ глазахъ населенія, такъ какъ трудно предположить, чтобы сооруженія, исполненныя съ такимъ трудомъ и терпѣніемъ, были осквернены такимъ образомъ своими строителями.

4) Періодъ, въ теченіи котораго человѣкъ снова возвратился до нѣкоторой степени къ варварству, такъ что мѣстности, бывшія сначала лѣсами, затѣмъ, быть можетъ, священными монументами, а потомъ воздѣланными полями, снова поросли дремучимъ лѣсомъ.

Но если бы мы даже признали за всѣми этими измѣненіями все значеніе, какое стараются имъ придать, все-таки періодъ въ три тысячи лѣтъ былъ бы для нихъ совершенно достаточенъ. Я не от-

рицаю, что этотъ періодъ могъ быть болѣе продолжителенъ, но, по моему мнѣнію, нѣтъ необходимости принимать его большимъ. Однако, намъ извѣстны другія наблюденія, которыя, если окажутся вѣрными, послужатъ указаніемъ на еще болѣе глубокую древность.

Одно изъ нихъ—есть разсказъ д-ра Коха о мастодонтѣ, найденномъ въ Гасконадскомъ округѣ, въ штатѣ Миссури, при обстоятельствахъ, указывающихъ, повидимому, что онъ былъ побитъ камнями, а затѣмъ отчасти сожженъ Индѣйцами. «Огонь», говоритъ г. Кохъ, «очевидно не былъ случайнымъ, но былъ разведенъ нарочно людьми, и по всему вѣроятію съ цѣлью убить громаднаго звѣря, попавшаго въ болото и находившагося въ совершенно безпомощномъ положеніи. Я нашелъ также въ массѣ золы кости и каменья, нѣсколько наконечниковъ стрѣлъ, одинъ каменный наконечникъ копья и нѣсколько каменныхъ топоровъ».

Тотъ же самый писатель увѣряетъ насъ, что въ другомъ случаѣ онъ нашелъ различныя каменныя стрѣлы вмѣстѣ съ костями мастодонта. «Одна изъ стрѣлъ лежала непосредственно надъ берцовою костью скелета, такъ что они соприкасались между собою,—фактъ, который показываетъ, что стрѣла не могла попасть туда позднѣе кости». *Всѣ эти факты, однакоже, не принимаются большинствомъ* геологовъ.

Въ долинѣ Миссисипи, близъ Натчеза, въ древнихъ рѣчныхъ наносахъ, д-ръ Диксонъ нашелъ os innominatum (подвздошную, тазовую кость, человѣка вмѣстѣ съ нѣсколькими костями мастодонта (Mastodon ohiolicus), которыя выпали изъ крутаго берега, подмытаго водою. Сэръ Ч. Лайель высказалъ предположеніе, что эта кость могла попасть туда изъ какой нибудь индѣйской могилы, которыхъ много находится въ той мѣстности. Но д-ръ Usher (равно какъ и въ новѣйшее время д-ръ Шмидтъ), признаютъ эту кость «несомнѣнно ископаемою», относящеюся къ тому же періоду, какъ и открытыя вмѣстѣ съ нею остатки мастодонта. Съ другой стороны, графъ Пурталесъ точно также нашелъ нѣсколько человѣческихъ костей въ известковомъ конгломератѣ, древность котораго была опредѣлена Агассисомъ въ десять тысячъ лѣтъ *). Наконецъ, послѣдній случай, на который я хочу указать, приведенъ д-ромъ Долеромъ (Douler), который при

*) Фактъ этотъ оказался однакоже невѣрнымъ, и именно потому, что Агассисъ не понялъ гр. Пурталеса. Послѣдній (какъ онъ это объяснилъ печатно въ 1869 г.), нашелъ человѣческія кости не въ коралловомъ известнякѣ, а въ прѣсноводномъ песчаникѣ, на берегу озера Монгое и притомъ вмѣстѣ съ прѣсноводными раковинами (Paludina, Ambullaria и пр.), еще и теперь живущими въ озерѣ. *Ред.*

раскопкахъ вблизи города Нью-Орлеана, нашелъ нѣсколько древеснаго угля и человѣческій скелетъ, древность котораго онъ опредѣляетъ не менѣе какъ въ пятьдесятъ тысячъ лѣтъ.

Долина, на которой построенъ городъ Нью-Орлеанъ и которая возвышается не болѣе какъ на десять футовъ надъ уровнемъ моря, состоитъ изъ аллювіальной, наносной земли, слой которой, какъ то было найдено при буреніи, имѣетъ болѣе пятисотъ футовъ толщины и содержитъ въ себѣ нѣсколько лежащихъ одинъ на другомъ слоевъ кипарисовыхъ деревьевъ. На берегахъ рѣки встрѣчаются подобные же остатки древнихъ лѣсовъ, и гг. Диксонъ и Браунъ, на различныхъ уровняхъ ниже настоящей поверхности, нашли остатки не менѣе десяти поколѣній кипарисовъ. Стволы этихъ деревьевъ имѣютъ нерѣдко до десяти футовъ въ діаметрѣ и въ поперечномъ разрѣзѣ представляютъ отъ 95 до 120 годичныхъ колецъ на протяженіи дюйма. Упомянутый выше человѣческій скелетъ найденъ былъ на глубинѣ шестнадцати футовъ «ниже корней кипариса, принадлежащаго къ четвертому поколѣнію, считая сверху». Примемъ ли мы при этомъ исчисленіе Долера, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ очевидно, что если приведенныя данныя справедливы, то нахожденіе этого скелета значительно удаляетъ время перваго заселенія Америки *).

Какъ бы то ни было, однако, я полагаю, что покуда мы не получимъ новыхъ фактовъ, вопросъ этотъ не можетъ считаться рѣшеннымъ. И хотя, разсуждая a priori, весьма вѣроятно, что человѣкъ жилъ въ Америкѣ одновременно съ мамонтомъ и мастодонтомъ, однако, до сихъ поръ мы не имѣемъ еще на то опредѣленныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ **).

---

*) Новѣйшія, тщательныя изслѣдованія д-ра Шмидта показали, однако, что вычисленіе Долера совершенно невѣрно и что упомянутый скелетъ не имѣетъ большой древности. *Ред.*

**) Въ новѣйшее время было сдѣлано въ Соединенныхъ Штатахъ еще нѣсколько подобныхъ, но болѣе достовѣрныхъ и убѣдительныхъ находокъ. Къ числу ихъ относятся: 1) человѣческій черепъ, найденный въ іюнѣ 1866 года въ Rock Bluff, на р. Иллинойсѣ, къ сѣверо-западу отъ Джаксонвилля, на глубинѣ 33 метровъ ниже слоя рѣки, въ трещинѣ скалы, шириною въ 1 метръ, выполненной аллювіальнымъ наносомъ, одинаковымъ съ тѣмъ, который повсюду покрываетъ поверхность почвы въ Иллинойсѣ. По изслѣдованіямъ д-ра Шмидта, черепъ этотъ отличается значительнымъ развитіемъ надбровныхъ дугъ и мѣстъ прикрѣпленій мышцъ (височныхъ и затылочныхъ), представляя впрочемъ сходство съ нѣкоторыми черепами Индѣйцевъ (племени Дакота и др.). 2) Черепъ, найденный также въ 1866 году, въ Calaveras County, въ Калифорніи, въ двухъ миляхъ отъ г. Ангелосъ. Найденъ онъ былъ въ шахтѣ, въ слоѣ наносныхъ голышей, надъ которымъ было пять слоевъ вулканической лавы и туфа и четыре слоя золотоноснаго песку. Вмѣстѣ съ черепомъ найдены были, говорятъ,

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Звѣри четвертаго періода.

Въ дополненіе къ еще существующимъ видамъ, фауна сѣверной Европы, во время Палеолитическаго періода, заключала въ себѣ многіе виды звѣрей, которые или совершенно вымерли, или ихъ географическое распространеніе значительно съузилось со времени появленія человѣка въ Европѣ. Главные изъ этихъ видовъ суть слѣдующіе:

Ursus spelaeus (пещерный медвѣдь).
U. priscus (первобытный медвѣдь).
Hyaena spelaea (пещерная гіена).

куски окаменѣлаго дерева. Изъ этихъ данныхъ можно, повидимому, заключить, что слой, въ которомъ былъ найденъ черепъ, отложился еще въ ту эпоху, когда вулканы Сьерры еще дѣйствовали, т. е. въ эпоху, предшествовавшую періоду глетчеровъ. Къ сожалѣнію, д-ръ Whitney, въ рукахъ котораго находится черепъ, до сихъ поръ еще не опубликовалъ обстоятельнаго его описанія.

Сюда же могутъ быть отнесены открытія проф. Гольмса (Holmes) въ постъплидоценовыхъ отложеніяхъ окрестностей г. Чарльстоуна, гдѣ были найдены человѣческія кости, обломки древней посуды, орудія и пр., вмѣстѣ съ костями мастодонта. Къ сожалѣнію, эти находки также до настоящаго времени еще не описаны подробно.

Что касается до „строителей кургановъ," то, по всей вѣроятности, какъ полагаетъ Бальдуинъ (Baldwin), племя ихъ было родственно мексиканскимъ Толтекамъ. Отъ сооруженій этого племени слѣдуетъ, однакоже, отличать другія, иногда сходныя, но вообще мѣньшія и грубыя, которыя встрѣчаются въ восточныхъ штатахъ и которыя, очевидно, были дѣломъ предковъ нынѣшнихъ Индѣйцевъ.

Наконецъ, во многихъ мѣстностяхъ восточнаго берега Сѣверной Америки (равно какъ иногда и внутри страны—по притокамъ Миссисипи), встрѣчаются также искусственныя „кучи раковинъ", соотвѣтствующія датскимъ кьеккенмеддингамъ. Въ нихъ встрѣчаются раковины устрицъ и другихъ мѣстныхъ моллюсковъ, слѣды очаговъ, кости оленя, медвѣдя, енота, опоссума, птицъ, черепахъ, аллигаторовъ, рыбъ, черепки глиняной посуды, кремневыя орудія, каменные томагауки, стрѣлки и т. п. *Ред.*

Felis spelaea (пещерный левъ).
Elephas primigenius (мамонтъ).
Elephas antiquus (древній слонъ).
Rhinoceros tichorhinos (покрытый шерстью носорогъ).
R. leptorhinus.
R. hemitaechus.
Hippopotamus major (гиппопотамъ).
Ovibos moschatus (мускусный быкъ).
Megaceros hibernicus (ирландскій большой олень).
Equus fossilis (дикая лошадь).
Gulo luscus (россомаха).
Cervus tarandus (сѣверный олень).
Bison Europaeus (зубръ).
Bos primigenius (буръ, первобытный быкъ).

Первые десять видовъ еще недавно считались совершенно вымершими; но новѣйшія изслѣдованія побудили многихъ натуралистовъ считать нѣкоторые изъ нихъ за прямыхъ предковъ тѣхъ, которые и теперь еще существуютъ въ другихъ частяхъ свѣта, такъ что вполнѣ исчезнувшими видами можетъ быть слѣдуетъ считать только ирландскаго оленя, слоновъ и три вида носороговъ. Бо́льшая часть менѣе крупныхъ видовъ, нынѣ живущихъ въ Европѣ, также существовала уже въ продолженіи четвертаго періода, изъ чего мы можемъ заключить, что измѣненія, происшедшія съ того времени, обусловливались скорѣе постепеннымъ измѣненіемъ условій, чѣмъ какимъ нибудь внезапнымъ переворотомъ или всеобщимъ уничтоженіемъ всего живаго. Невѣроятно также, чтобы исчезновеніе различныхъ видовъ произошло внезапно, что́ и побудило Ларте́, опираясь на эту идею, составить палеонтологическую хронологію.

По его мнѣнію, мы можемъ различить здѣсь четыре періода, именно: 1) вѣкъ пещернаго медвѣдя; 2) вѣкъ мамонта и носорога; 3) вѣкъ сѣвернаго оленя и 4) вѣкъ зубра. Я считаю доказаннымъ, что появленіе этихъ звѣрей въ Европѣ произошло не одновременно и что ихъ исчезновеніе совершалось также послѣдовательно. Извѣстны многіе факты, доказывающіе, что въ средней и западной Европѣ зубръ пережилъ сѣвернаго оленя и что олень, въ свою очередь, жилъ позднѣе, чѣмъ мамонтъ и густошерстый носорогъ. Но хронологическое различіе между этими двумя видами и пещернымъ медвѣдемъ не кажется мнѣ такъ прочно установленнымъ. Допуская, что пещерный медвѣдь до сихъ поръ еще не былъ найденъ въ рѣчныхъ наносахъ долины Соммы, мы должны помнить, что животное это

было преимущественно обитателемъ пещеръ, и что поэтому отсутствіе его можетъ быть скорѣе приписано недостатку пещеръ, нежели исчезновенію вида. Кромѣ того, кости, найденныя въ отложеніяхъ гравія, очень обломаны и рѣдко находятся въ такомъ состояніи, которое бы дало возможность палеонтологу отличить остатки U. spelaeus отъ костей другихъ, большихъ видовъ медвѣдей.

До сихъ поръ еще не существуетъ фактовъ, которые бы показывали, что пещерный медвѣдь жилъ въ Европѣ до начала четвертаго періода, когда онъ былъ, повидимому, весьма распространенъ въ средней Европѣ и на югѣ Россіи. Сомнительно, находили ли его на сѣверъ отъ Балтійскаго моря; въ Испаніи до сихъ поръ онъ тоже не былъ найденъ. Напротивъ того, въ Италіи, остатки его попадаются,—и разъ даже были найдены, повидимому, вмѣстѣ съ полированнымъ каменнымъ орудіемъ и даже обломками посуды. Г. Реньоли былъ такъ добръ, что прислалъ мнѣ гипсовые слѣпки съ найденныхъ костей: онѣ несомнѣнно принадлежатъ пещерному медвѣдю, но я не рѣшаюсь считать ихъ несомнѣнно одновременными съ посудой и съ каменнымъ топоромъ, которые были при нихъ найдены. Въ сѣверной Европѣ до сихъ поръ не встрѣчалось ни одного подобнаго случая, но возможно, что въ Италіи пещерный медвѣдь дожилъ до болѣе поздняго періода, нежели по сю сторону Альпъ. Слѣдовъ его точно также не было найдено между многочисленными остатками изъ Гибралтара, изслѣдованными Бёскомъ и Фальконеромъ. Можетъ быть, наиболѣе интересное открытіе остатковъ, относящихся къ этому виду, было сдѣлано въ Бриксгамской пещерѣ. Онѣ такъ описываются д-ромъ Фальконеромъ въ письмѣ ко мнѣ, изъ котораго я приведу нѣсколько словъ, такъ какъ подробности этого открытія не изложены ясно ни въ одномъ печатномъ отчетѣ. «Всѣ обстоятельства, соединенныя съ этой находкой полной ноги пещернаго мѣдвѣдя, какъ то: бедряной кости, вмѣстѣ съ большой и малой берцовой и частью astragalus'a, ихъ положеніе между стертымъ слоемъ раковинъ, ниже охристаго грунта пещеры, нахожденіе выше ихъ явственнаго кремневаго орудія и пр., все это было опредѣлено мною въ Торквѣ и Бриксгамѣ 2-го сентября. Г. Пенгели сообщилъ намъ ближайшія подробности....

«Я сравнилъ между собою остатки медвѣдя и кремень и вывелъ заключеніе, что нога попала въ пещеру еще свѣжею, вмѣстѣ со своими связками, и притомъ позже того, какъ кремень, обработанный рукою человѣка, былъ введенъ въ нижній слой пещеры».

Однако Бёскъ, который тщательно изслѣдовалъ эти кости и отдѣлилъ ихъ полнѣе отъ окружавшаго ихъ слоя, держится того мнѣ-

нія, что не существуетъ достаточныхъ причинъ приписывать ихъ именно Ursus spelaeus, а не какому нибудь другому крупному виду ископаемаго медвѣдя.

Въ самомъ дѣлѣ, съ увеличеніемъ матеріала для сравненія, становится все труднѣе и труднѣе отличать Ursus spelaeus отъ другихъ крупныхъ видовъ медвѣдя. Челюсти и зубы, правда, довольно характеристичны, но другія части скелета съ трудомъ отличаются, въ особенности, если онѣ обломаны, какъ это обыкновенно бываетъ съ костями, находимыми въ отложеніяхъ гравія.

На этомъ основаніи Фогтъ и выразилъ мнѣніе, что между этимъ видомъ и нашимъ обыкновеннымъ медвѣдемъ (Ursus Arctos), можно найдти всѣ переходныя формы; тоже самое мнѣніе раздѣляется, повидимому, и Брандтомъ. Наконецъ, Бойдъ Даукинсъ также говоритъ, что «кто сравнивалъ между собою французскіе, нѣмецкіе и британскіе экземпляры, тотъ постепенно долженъ былъ убѣдиться въ справедливости факта, что ископаемые остатки медвѣдей представляютъ послѣдовательные ряды, въ которыхъ всѣ варіаціи, кажущіяся на первый взглядъ видовыми, совершенно исчезаютъ и сглаживаются. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, будемъ ли мы считать пещернаго медвѣдя принадлежащимъ къ одному виду съ бурымъ, или отдѣльнымъ, онъ остается все-таки весьма характеристичнымъ варіететомъ, остатковъ котораго до сихъ поръ еще не было найдено ни въ торфяныхъ болотахъ, ни въ тумулусахъ западной Европы, ни въ датскихъ кьёккенмёддингахъ, ни въ швейцарскихъ пфальбаутахъ, короче, нигдѣ вмѣстѣ съ остатками Неолитическаго періода.

Бёскъ сдѣлалъ недавно весьма интересное наблюденіе, что нѣкоторые остатки медвѣдя, найденные въ пещерахъ и наносахъ гравія Великобританіи, совершенно тождественны съ соотвѣтствующими костями U. ferox или такъ называемыхъ «Гриззли» Скалистыхъ горъ Сѣверной Америки.

Пещерная гіена также, подобно предъидущему виду, характеристична для палеолитическаго періода Европы; но теперь ее считаютъ врядъ ли отличною, въ видовомъ отношеніи, отъ Hyaena crocuta или пятнистой гіены южной Африки.

Пещерный левъ (Felis spelaea), былъ вообще больше нашего теперешняго льва и признаки, которыми этотъ послѣдній отличается отъ тигра, были у него выражены въ усиленной степени. До сихъ поръ его считали за особый видъ, но гг. Даукинсъ и Санфордъ разсматриваютъ его теперь, какъ варіететъ льва, отличающійся только бо́льшимъ ростомъ. Въ Шотландіи, Ирландіи, Скандинавіи, Даніи и Пруссіи его до сихъ поръ не находили, но онъ встрѣчается во

Франціи, во многихъ частяхъ Германіи, въ Италіи и Сициліи. Уже въ 1672 году Джонъ Гайнсъ (J. Haims) представилъ рисунокъ одной кости этого вида, найденной въ Карпатскихъ горахъ,—находка весьма интересная, такъ какъ она отодвигаетъ границу распространенія F. spelaea къ горамъ Θессаліи, гдѣ, какъ разсказываетъ Геродотъ, верблюды, находившіеся въ арміи Коркса, были атакованы львами.

Гг. Даукинсъ и Санфордъ приписываютъ этому же виду остатки, найденные у Натчеза, въ долинѣ Миссисипи и описанные д-ромъ Лейди, какъ новый видъ, подъ именемъ Felis atrox. Однако признаки, побудившіе г. Лейди отнести найденные имъ остатки къ особому виду, встрѣчаются также и на нѣкоторыхъ костяхъ Felis spelaea, изъ Мендипскихъ холмовъ. Если это мнѣніе вѣрно, то значитъ F. spelaea распространялась на востокъ чрезъ Россію и Сибирь, гдѣ однако остатковъ ея до сихъ поръ не было найдено. Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе, что мамонтъ, мускусный быкъ, сѣверный олень, бизонъ, лось, лошадь, волкъ, однимъ словомъ, многіе изъ нашихъ наиболѣе характеристичныхъ звѣрей четвертой эпохи, встрѣчаются также и въ Америкѣ, кажется, a priori, весьма вѣроятнымъ, что гг. Даукинсъ и Санфордъ правы, считая Felis atrox Америки тождественнымъ съ европейской Felis spelaea.

Остатки другаго крупнаго вида Felis, котораго считаютъ тождественнымъ съ леопардомъ, были открыты въ пещерахъ Англіи, Франціи, Германіи, Бельгіи, Италіи и Испаніи. Въ одной пещерѣ Дербишира были найдены также Рансономъ остатки рыси.

Распространеніе *мамонта* или *первобытнаго слона* (Elephas primigenius), было очень обширно. Остатки его были найдены во многихъ мѣстностяхъ Сѣверной Америки, начиная отъ атлантическаго берега до залива Эшольца, и отъ Берингова пролива до Техаса; въ Старомъ свѣтѣ ихъ находятъ отъ крайней оконечности Сибири до крайняго запада Европы, гдѣ они, хотя изрѣдка, попадаются еще въ Ирландіи. По ту сторону Альповъ они встрѣчаются еще въ Италіи, до широты Рима; по южнѣе, около Неаполя, а также на югъ отъ Пиренеевъ, на островахъ Средиземнаго моря и въ Скандинавіи ихъ до сихъ поръ еще не находили. Въ Даніи онѣ, хотя изрѣдка, но попадаются. Наоборотъ, на крайнемъ сѣверѣ, остатки этого вида необыкновенно изобилуютъ. Коцебу былъ пораженъ количествомъ ихъ, встрѣчающимся по берегамъ залива Эшольца (сѣверо-запад. Америка), и его отзывъ былъ вполнѣ подтвержденъ Бичи (Beechey). Подобнымъ образомъ, острова Ляховы и новая Сибирь заключаютъ въ себѣ громадныя залежи костей вымершихъ животныхъ, въ особенности мамонтовыхъ, вывозъ которыхъ составляетъ, какъ извѣстно,

предметъ правильной торговли (мамонтова кость). Тутъ находятъ не одни скелеты. Въ 1799 году одинъ тунгусскій охотникъ открылъ цѣлый трупъ мамонта, заключенный въ мерзлой землѣ, въ какомъ положеніи онъ оставался тамъ въ продолженіи многихъ лѣтъ. Въ 1806 году его отыскалъ Адамсъ, который нашелъ его отчасти уже растерзаннымъ волками и другими звѣрями, отчасти же растасканнымъ Якутами, употреблявшими мясо его на кормъ собакамъ. Къ счастью, однакоже, значительная часть животнаго была еще цѣла. Темно-сѣрая кожа звѣря была покрыта рыжеватою шерстью, перемѣшанною съ длинною, черною щетиною, немного погрубѣе конскаго волоса. Впослѣдствіи въ Сибири были найдены и другія, также хорошо сохранившіяся части мамонта. Съ другой стороны, есть вѣроятіе, что подобныя же находки, сдѣланныя гораздо ранѣе, подали поводъ сибирскимъ племенамъ смотрѣть на мамонта, какъ на громадное, роющее животное, живущее въ землѣ, подобно кроту.

Едва ли нужно упоминать, что степень сохраненія этихъ остатковъ мамонта, не даетъ еще повода думать, чтобы послѣдній жилъ въ относительно недавнее время; извѣстно что трупъ, окруженный мерзлою землею, можетъ сохраниться нетронутымъ въ продолженіи неопредѣленнаго періода. Наилучшіе авторитеты придерживаются того мнѣнія, что мамонтъ и покрытый шерстью носорогъ жили въ Сибири какъ ранѣе, такъ и въ продолженіи ледоваго періода. Но въ Европѣ до сихъ поръ ни тотъ, ни другой не были еще найдены въ слояхъ болѣе древнихъ, нежели пласты рѣчныхъ наносовъ, изъ чего Мурчисонъ, де-Вернейль и гр. Кейзерлингъ заключаютъ, что животныя эти жили въ Сибири задолго прежде того, какъ они проникли въ Европу, или, другими словами, что они принадлежатъ къ фаунѣ третичнаго періода въ сѣверной Азіи, тогда какъ въ Европѣ они появились не раньше четвертаго (постъ-пліоценаго или плейстоценоваго) періода. Напротивъ того, Фалконеръ склоненъ думать, основываясь главнымъ образомъ на экземплярахъ, собранныхъ Джономъ Гённомъ (Gonn) и Кингомъ, что E. primigenius жилъ въ Англіи ранѣе отложенія такъ называемаго Boulder-clay. Самъ Геннъ, однакоже, относитъ эти остатки къ послѣ-ледовому періоду и, повидимому, до настоящаго времени мы не имѣемъ достаточныхъ основаній полагать, что мамонтъ жилъ въ Англіи до ледоваго періода. Какія бы, однакоже, сомнѣнія не существовали относительно эпохи перваго появленія этого животнаго въ Европѣ, во всякомъ случаѣ мы не можемъ сомнѣваться, что наши предки или, по меньшей мѣрѣ, наши предшественники, жили въ Англіи въ одно время съ мамонтомъ, за которымъ они навѣрное и охотились, подобно тому, какъ

современные намъ дикіе племена Африки и Индіи охотятся за слонами.

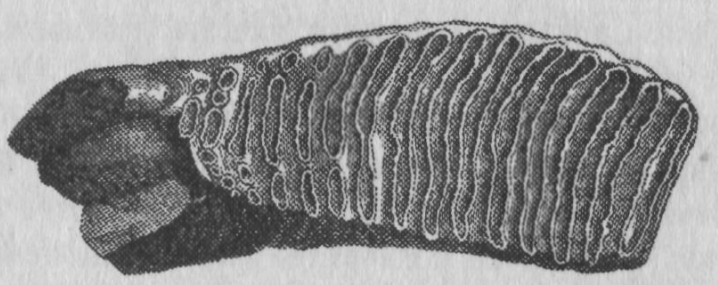
Въ южной Европѣ были найдены несомнѣнные остатки нынѣ живущаго африканскаго слона, но въ сѣверной Европѣ единственный другой видъ слона, живущій въ продолженіи четвертаго періода, вмѣстѣ съ мамонтомъ, былъ Elephas antiquus, остатки котораго нашли въ англійскихъ пещерахъ и отложеніяхъ рѣчнаго гравія, хотя вообще видъ этотъ занималъ болѣе южные предѣлы, нежели мамонтъ. Обыкновенно онъ встрѣчается вмѣстѣ съ Rhinoceros leptorhinus Cuv., тогда какъ мамонтъ попадается по бо̀льшей части съ R. tichorhinus.

Во время четвертаго періода, въ Европѣ жили по крайней мѣрѣ

Фиг. 139.

Коренной зубъ Elephas antiquus.

Фиг. 140.



Коренной зубъ мамонта.

три вида носорога; съ этимъ согласны все палеонтологи, только, къ сожалѣнію, номенклатура ихъ представляетъ много путаницы. R. leptorhinus былъ названъ такъ Кювье въ 1812 году, на основаніи рисунка съ экземпляра, найденнаго въ долинѣ Арно, и на которомъ костяная перегородка между ноздрями была показана отсутствующею. Въ 1835 году, однакоже, де Кристоль сообщилъ, что онъ разсматривалъ упомянутый экземпляръ и нашелъ, что существующій рисунокъ его не вѣренъ и, слѣдовательно, данное названіе не точно. Но позже, д-ръ Фальконеръ, посѣтивъ Италію, убѣ-

дился, что первоначальный рисунокъ былъ вѣренъ, и что поэтому данное Кювье названіе должно быть возстановлено. Между тѣмъ, около этого времени профессоръ Оуэнъ описалъ другой видъ носорога, найденный около Клактона, также подъ именемъ R. leptorhinus; очевидно, что это названіе должно быть отброшено, если данное Кювье будетъ признано правильнымъ. На этомъ основаніи д-ръ Фальконеръ предложилъ назвать этотъ послѣдній видъ R. hemitaechus. Слѣдовательно, нужно помнить, что R. leptorhinus Оуэна, не есть R. leptorhinus Кювье, но R. hemitaechus Фальконера, котораго Ларте, въ свою очередь, считаетъ тождественнымъ съ R. Merkii Каупа. Съ другой стороны, въ 1835 году, де-Кристоль описалъ одного носорога, у котораго несомнѣнно не было костяной перегородки носа, и, такъ какъ онъ считалъ уже положительно доказаннымъ, что рисунокъ, на которомъ Кювье основалъ свой R. leptorhinus, былъ не вѣренъ, то и назвалъ открытый имъ видъ R. megarhinus; отсюда видно, что R. leptorhinus Кювье тождественъ съ R. megarhinus де-Кристоля. Третій видъ есть R. tichorhinus Кювье, имя, которое было принято всѣми, хотя Блуменбахъ и предложилъ ранѣе назвать его R. antiquitatis.

Бойдъ Даукинсъ полагаетъ, что существуетъ еще нѣкоторое сомнѣніе относительно дѣйствительныхъ признаковъ экземпляра, на которомъ Кювье основалъ своего R. leptorhinus, и поэтому принимаетъ слѣдующую номенклатуру: R. megarhinus De Christol, R. leptorhinus Owen и R. tichorhinus Cuvier. Ларте же употребляетъ названія: R. leptorhinus Cuvier, R. Merkii Kaup и R. tichorhinus Cuvier. Но это различіе мнѣнія касается только номенклатуры, а не существованія самихъ видовъ Первые два вида жили какъ до, такъ и послѣ ледоваго періода. Напротивъ того, относительно густошерстаго, гладкокожаго, двурогаго R. tichorhinus, который, повидимому, былъ самымъ обыкновеннымъ видомъ послѣ-ледоваго періода, не доказано еще, чтобы онъ существовалъ въ Европѣ въ періодъ, предшествовавшій ледяной эпохѣ. При этомъ, первые два вида занимали болѣе южныя страны, такъ какъ они были найдены въ Италіи и Испаніи, между тѣмъ какъ R. tichorhinus, хотя остатки его встрѣчаются съ самаго крайняго сѣвера Сибири по всей средней Европѣ и Англіи, повидимому не переходилъ за Альпы и Пиренеи. Нѣсколько удивительно, что въ Сициліи, Мальтѣ, Ирландіи и Америкѣ не было вовсе найдено остатковъ носорога, тогда какъ остатки слоновъ находили во всѣхъ этихъ странахъ. Съ другой стороны, одинъ зубъ носорога былъ, по словамъ Брандта, найденъ и въ Скандинавіи, гдѣ остатки слоновъ до сихъ поръ еще не показались.

Распространеніе *мускуснаго быка*, въ настоящее время, ограничено только сѣверною частью Арктической Америки. Остатки его, однакоже, попадаются и въ Сибири, а въ 1856 году, Кингслей и я добыли часть его черепа и въ Англіи, въ одной большой ямѣ гравія, недалеко отъ станціи Меденгедъ. Позже, остатки его были найдены и въ другихъ мѣстностяхъ Англіи, а равно и во Франціи, именно въ долинахъ Уазы и Дордони.

Ископаемый *гиппопотамъ*, котораго до послѣдняго времени считали *отличнымъ отъ современнаго африканскаго вида* (H. amphibius), былъ, однакоже, если не тождественнымъ, то во всякомъ случаѣ весьма близкимъ къ послѣднему Нѣкоторые палеонтологи полагаютъ, что, *подобно мамонту и* R. tichorhinus, онъ былъ покрытъ волосами; однако, мы не имѣемъ достаточныхъ доказательствъ въ пользу такого мнѣнія. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, (хотя этому наблюденію и нельзя придавать слишкомъ большаго значенія), что наши древніе гиппопотамы попадаются рѣже вмѣстѣ съ вышеупомянутыми двумя видами, чѣмъ съ E. antiquus и R. hemitaechus Falc (leptorhinus Owen), которые, какъ было сказано, имѣютъ болѣе южное распространеніе. Въ Англіи гиппопотамъ найденъ только въ четырехъ пещерахъ: въ Дурдсгамъ-Доунской, Киркдальской, въ такъ называемой Kents Hole Cavern и въ Равенсклифской, въ Гоуэрѣ; причемъ въ двухъ первыхъ, вмѣстѣ съ остатками E. antiquus и R. hemitaechus. Въ рѣчныхъ наносахъ, близъ Грайса и Ильфорда, онъ былъ найденъ вмѣстѣ съ R. tichorhinus, R. leptorhinus и R. hemitaechus, близъ Уальтона и Фолькестона съ E. antiquus; близъ Пекгама съ E. antiquus и E primigenius; около Бедфорда съ E. antiquus, R. tichorhinus и сѣвернымъ оленемъ, и около Бартона съ мамонтомъ и R. hemitaechus.

Великолѣпный ирландскій *гигантскій олень* или Megaceros hibernicus, достигавшій болѣе десяти футовъ высоты, и концы рогъ котораго расходились на одиннадцать футовъ, жилъ, можетъ быть, уже въ нѣсколько болѣе поздній періодъ, причемъ распространеніе его было, повидимому, ограниченнѣе. Остатки его были найдены въ Германіи до Силезіи. во Франціи до Пиренеевъ и въ центральной Италіи. Но многочисленнѣе всего онъ былъ, какъ кажется, на Британскихъ островахъ, и въ особенности въ Ирландіи. Какъ говорятъ, его часто находятъ въ торфяныхъ болотахъ; но профессоръ Оуэнъ полагаетъ, что, въ дѣйствительности, кости его встрѣчаются въ озерномъ раковинномъ мергелѣ, лежащемъ подъ торфомъ или болотною землею

Въ пѣсни о Нибелунгахъ, XII вѣка, упоминается какой то неизвѣстный звѣрь, подъ именемъ «Schelch».

„Darnach schlug er wieder ein Wiesent und einen Elk,
Starker Auer viere und einen grimmen Schelch“

Нѣкоторые писатели предположили, что этотъ «Schelch» былъ вѣроятно Megaceros hibernicus, однако точныхъ доказательствъ тому не имѣется; притомъ мы не должны забывать, что, какъ указалъ Бёкландъ, въ этой же поэмѣ говорится также и объ великанахъ, карликахъ, пигмеяхъ и огненныхъ драконахъ. Ни Цезарь, ни Тацитъ не упоминаютъ объ ирландскомъ оленѣ, а они навѣрное не преминули бы сказать нѣсколько словъ о такомъ замѣчательномъ животномъ, если бы онъ существовалъ еще въ ихъ время.

До сихъ поръ еще ни разу не находили остатковъ гигантскаго оленя вмѣстѣ съ бронзою; я не знаю также ни одной находки ихъ, которую бы можно было приписать позднѣйшему или неолитическому каменному періоду.

Такимъ образомъ эти двѣнадцать видовъ характеристичны для отложеній рѣчныхъ наносовъ. Большая часть ихъ попадается также въ «лёссѣ» долины Рейна и его главнѣйшихъ притокахъ; но до сихъ поръ они не были найдены еще въ торфяныхъ болотахъ. Въ датскихъ кьёккенмёддингахъ, свайныхъ постройкахъ и тумулусахъ они также не попадаются, равно какъ не существуетъ никакихъ преданій въ западной Европѣ, которыя бы указывали, хотя бы смутнымъ образомъ, на воспоминаніе объ этихъ гигантскихъ млекопитающихъ.

Дикія лошади, обитавшія въ древнія времена въ Европѣ, отличались отъ современныхъ породъ и были описаны проф. Оуэномъ, какъ двѣ отдѣльныхъ расы, подъ названіями: Equus fossilis и Equus spelaeus. Послѣдняя раса есть именно та, которая въ такóмъ изобиліи употреблялась въ пищу древними обитателями Брюнихельской пещеры въ департаментѣ Дордони. Она была скорѣе небольшаго роста, но кажется болѣе походила все таки на настоящую лошадь, чѣмъ на осла. Нѣкоторые естествоиспытатели выражали мнѣніе, что въ четвертый періодъ, въ Европѣ жили два дикихъ вида рода Equus. Однако это предположеніе было основано, кажется, болѣе на различіи роста, чѣмъ формы, а мы знаемъ, что лошадиныя породы весьма значительно разнятся между собою по величинѣ.

Монахъ Еккегардъ, въ »Benedictiones ad mensas Ekkehardi monachi Sangellensis», упоминаетъ о дикихъ лошадяхъ, «ferales equi», какъ о существовавшихъ еще въ XI столѣтіи въ Швейцаріи. Лука Давидъ

также (Reuss. Chronik Bd. II) упоминаетъ о дикихъ лошадяхъ, водившихся около 1240 г. въ Россіи. Даже еще въ началѣ XVII столѣтія, Герберштейнъ положительно говоритъ, что въ Литвѣ водятся дикія лошади: «Feras habet Lithuania praeter eas, quae in Germania referuntur, bisontes. uros, alces, «equos sylvestres», etc.

Однако, очень можетъ быть, что эти дикія лошади среднихъ вѣковъ были просто одичавшія домашнія, размножившіяся въ обширныхъ лѣсахъ средней Европы. Въ самомъ дѣлѣ, исторія европейской лошади, повидимому, много напоминаетъ исторію американской. Какъ здѣсь, такъ и тамъ дикія лошади были нѣкогда многочисленны и остатки ихъ встрѣчаются въ изобиліи; однако, какъ при открытіи Америки Испанцы не нашли никакихъ слѣдовъ или преданій о существованіи тамъ лошади, такъ и въ Европѣ, въ эпоху образованія датскихъ кьёккенмёддинговъ и въ древнѣйшихъ пфальбаутахъ Швейцаріи лошадь была или совершенно неизвѣстна или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдка. Затѣмъ, постепенно, она кажется снова стала попадаться чаще, какъ въ домашнемъ, такъ и въ дикомъ состояніи, до тѣхъ поръ, покуда наконецъ, съ увеличеніемъ населенія, дикая лошадь окончательно исчезла въ Европѣ, какъ это случилось съ нею много ранѣе въ Америкѣ.

Сѣверный олень до сихъ поръ еще существуетъ въ сѣверной Европѣ, въ Сибири и въ сѣверной Америкѣ, всюду, куда только не проникалъ человѣкъ на сѣверъ. Въ западной Европѣ видъ этотъ теперь уже исчезъ, но нѣкогда онъ водился въ изобиліи въ Англіи, Франціи и Германіи. Ларте не нашелъ слѣдовъ его ни въ одной изъ изслѣдованныхъ имъ пещеръ Испаніи, но Понци, хотя повидимому и съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, упоминаетъ объ немъ въ перечнѣ животныхъ остатковъ, собранными Реньоли въ Канталупо, близь Рима.

Въ настоящее время сѣверный олень, подобно Лопарю, постепенно отодвигается на сѣверъ, не имѣя силъ противустоять двигающейся впередъ цивилизаціи *). Еще лѣтъ десять тому назадъ, нѣсколько семей Лопарей можно было видѣть въ окрестностяхъ Нистѣна (Nystuen), на высотахъ Филлефьельда и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ южной Норвегіи; но теперь нельзя встрѣтить ни одного Лопаря по сю сторону рѣки Намзена. Въ дикомъ состояніи, однако, сѣверный олень еще и теперь встрѣчается повсемѣстно. хотя и въ ограниченномъ числѣ, на всѣхъ, болѣе высокихъ и дикихъ фьельдахъ Норвегіи, гдѣ онъ стоитъ подъ защитою охотничьихъ законовъ.

---

*) Въ Россіи однакоже замѣчено, что въ послѣдніе десять лѣтъ, сѣверный олень, какъ и лось, стали подвигаться къ югу. *Ред.*

Съ другой стороны, существуютъ всѣ данныя, показывающія, что видъ этотъ былъ нѣкогда весьма многочисленъ въ Великобританіи; не менѣе тысячи роговъ его было найдено полковникомъ Wood'омъ въ нѣсколькихъ только пещерахъ Уэлльса.

Насколько то можно судить по извѣстнымъ уже фактамъ, первое появленіе сѣвернаго оленя въ Европѣ совпадало съ появленіемъ мамонта и послѣдовало позже, чѣмъ появленіе пещернаго медвѣдя или ирландскаго оленя. Онъ встрѣчается вездѣ, гдѣ попадаются мамонтъ и густошерстый носорогъ; но съ другой стороны, такъ какъ остатки его встрѣчаются въ изобиліи въ нѣкоторыхъ пещерахъ съ костями, гдѣ не было вовсе найдено упомянутыхъ гигантскихъ толстокожихъ, то вѣроятно, что онъ дожилъ до сравнительно болѣе поздняго періода. Однако сѣверный олень не былъ вовсе найденъ ни въ датскихъ кьёккенмёддингахъ, ни въ тумулусахъ Англіи, Франціи или Германіи, а равно и въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ. хотя мы знаемъ, что нѣкогда онъ жилъ въ Швейцаріи, такъ какъ кости его были найдены въ Эшелльской пещерѣ близь Женевы, вмѣстѣ съ кремневыми орудіями, золою и костями быковъ и лошадей.

Какъ и можно предположить, остатки сѣвернаго оленя находятъ иногда случайно, въ торфяныхъ болотахъ, какъ въ Швеціи, такъ и въ Англіи и Шотландіи. Изображеніе его однакоже не попадается ни на одной изъ древнихъ британскихъ и галльскихъ монетъ. Цезарь, впрочемъ, упоминаетъ объ немъ, какъ о существовавшемъ еще въ его время животномъ, въ большомъ Герцинскомъ лѣсу, однако описаніе его весьма кратко и неопредѣленно. Повидимому, онъ только слышалъ о немъ изъ вторыхъ устъ и никогда не встрѣчалъ никого, кто бы видѣлъ сѣвернаго оленя собственными глазами Кажется также, что онъ никогда не показывался на аренѣ римскаго цирка.

Бюффонъ, основываясь на авторитетѣ Гастона графа де Фуа, полагалъ, что при жизни графа (1331—1390), сѣверный олень еще жилъ на югѣ Франціи. Однако Кювье, изслѣдовавъ старинный манускриптъ, посланный самимъ Гастономъ Филиппу Смѣлому, убѣдился, что подлинное выраженіе графа нѣсколько двусмысленно, и что вѣроятно онъ хотѣлъ сказать совершенно противоположное. Именно, онъ говоритъ: «J'en ay veu en Nourvegne et Xuredeue et en ha oultre mer, mes en Romain pays en ay je peu veu».

Въ Шотландіи, остатки сѣвернаго оленя были находимы въ залежахъ мергеля и глины, а также, хотя и очень рѣдко, въ торфяныхъ болотахъ. Гиббертъ, Брандтъ, Даукинсъ, I. A. Смитъ и другіе извѣстные авторитеты полагаютъ, что видъ этотъ жилъ еще въ сѣ-

верной части Шотландіи до XII столѣтія. Они основываются при этомъ на словахъ Торфеуса, который говоритъ, что Норвежцы предпринимали охотничьи поѣздки съ Оркнейскихъ острововъ въ Кетнессъ (Caithness), съ цѣлью поохотиться за сѣвернымъ оленемъ (hreina) и другою дичью. Однако, сомнительно еще, можемъ ли мы придавать этому единственному и притомъ, можно сказать, случайному *извѣстію — такое рѣшительное значеніе*. Впрочемъ, въ новѣйшее время, рога сѣвернаго оленя были дѣйствительно найдены I. A. Смитомъ въ развалинахъ старинныхъ замковъ, извѣстныхъ подъ именемъ «brochs» или «burghs», нѣкоторые изъ которыхъ служили, повидимому, еще укрѣпленіями или жилищами до XII столѣтія и далѣе.

Обыкновенная сѣверно-европейская *россомаха*, тождественная съ бурой россомахой сѣверо-американскихъ охотниковъ, была найдена только въ трехъ англійскихъ пещерахъ, но встрѣчается во множествѣ въ пещерахъ Бельгіи.

Зубръ или европейскій бизонъ, кажется, водился нѣкогда въ изобиліи въ западной Европѣ. Онъ былъ найденъ въ Шотландіи, Англіи, Франціи, Германіи, Даніи, Швеціи, Польшѣ, Италіи и въ Россіи. Его остатки встрѣчаются въ рѣчныхъ наносахъ, въ пещерахъ, въ швейцарскихъ пфальбаутахъ и въ торфяныхъ болотахъ, но до сихъ поръ еще не попадались въ датскихъ кьеккенмеддингахъ, а также, насколько мнѣ извѣстно, и въ британскихъ торфяникахъ и тумулусахъ. Ларте полагаетъ, что звѣрь этотъ изображенъ на одной изъ монетъ Сантоновъ, показанной ему г. de Saulcy. Плиній и Сенека сообщаютъ, что въ ихъ время онъ жилъ вмѣстѣ съ уромъ (первобытнымъ быкомъ), въ большихъ лѣсахъ Германіи. Хотя Цезарь и не упоминаетъ о немъ, но онъ приводится еще въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, а въ Пруссіи существовалъ, повидимому, до 1775 г. Въ настоящее время, впрочемъ, онъ водится почти исключительно въ бѣловѣжской пущѣ Гродненской губерніи, гдѣ онъ пользуется покровительствомъ русскаго Императора. Но и здѣсь дальнѣйшее существованіе его, *повидимому, еще далеко не обезпечено*. Въ 1830 году, стадо зубровъ состояло здѣсь изъ 711 головъ. Изъ нихъ, въ продолженіи польскаго возстанія 1831 года убито было 115 штукъ. Съ тѣхъ поръ они понемногу размножились, и въ 1857 году число ихъ простиралось до 1898 головъ. Однако, во время послѣдняго польскаго возстанія, число ихъ снова убавилось, именно до 874 шт. Съ 1863 года не было опубликовано числовыхъ данныхъ *).

*) По новѣйшимъ даннымъ, число зубровъ въ Бѣловѣжской пущѣ продолжаетъ уменьшаться. Такъ, въ 1868 году ихъ было 559 штукъ, въ 1869—70 гг.—

По Рютимейеру, а въ подобномъ вопросѣ нельзя привести болѣе значительный авторитетъ, нашъ древній бизонъ (B. priscus) былъ тождественъ съ нынѣ живущимъ американскимъ бизономъ. Кромѣ того, можно прослѣдить всевозможныя переходныя формы между ископаемымъ и нынѣ живущимъ европейскимъ зубромъ, такъ что между ними нельзя сдѣлать строгаго, видоваго различія,—мнѣніе, съ которымъ согласенъ также и академикъ Брандтъ. Впрочемъ, американскій видъ бизона представляетъ, кажется, болѣе древнюю форму. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ здѣсь ясный примѣръ того, какъ два рѣзко отличные въ настоящее время вида, связываются между собою промежуточными ископаемыми формами.

Что касается до первобытнаго быка или ура, Bos primigenius, то онъ, повидимому, не распространялся до Америки, а равно и въ сѣверо-восточной Азіи, насколько мнѣ извѣстно, не было найдено его остатковъ. Въ Европѣ же ихъ находили повсемѣстно: въ Англіи, Шотландіи, Даніи, южной Швеціи, во Франціи, въ Германіи, въ Россіи. По ту сторону Альпъ и Пиренеевъ они попадаются въ Италіи и Испаніи, и даже, по словамъ Жерве, въ сѣверной Африкѣ. Въ Лундскомъ музеѣ сохраняется одинъ скелетъ, принадлежащій этому виду, въ которомъ одинъ изъ позвонковъ представляетъ явственные слѣды раны, нанесенной, по мнѣнію профессора Нильсона, кремневой стрѣлой. Кости этого вида находили также въ древнихъ тумулусахъ, а равно въ пфальбаутахъ и кьеккенмеддингахъ.

Цезарь, въ своемъ описаніи Германіи, положительно говоритъ, что уръ водился въ его время въ Герцинскомъ лѣсу. Объ немъ упоминается также въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, а по Герберштейну, онъ существовалъ въ Германіи до XVI столѣтія. Въ Англіи дикіе быки упоминаются Фицъ-Стефеномъ, въ его «Жизни Бекета», въ числѣ животныхъ, водившихся еще въ XII столѣтіи близъ Лондона; однако, нельзя утверждать положительно, чтобы это были именно уры. Знаменитый дикій рогатый скотъ Чиллингамскаго парка и нѣкоторыя изъ нашихъ домашнихъ породъ, какъ извѣстно, считаются палеонтологами непосредственными потомками древняго ура (Bos primigenius).

Г. Даукинсъ полагаетъ, что Machairodus latidens, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ хищниковъ пліоценовой эпохи, также пережилъ ледяной періодъ. Онъ былъ найденъ Макъ Энери въ кентской пещерѣ, но въ новѣйшее время, при новомъ изслѣдованіи этой пещеры, ос-

---

512, а въ 1872 году только 528. См. Organ für Schützenwesen und Jägerei 1874, № 1, стр. 16.

Ред.

татки его не были найдены. Его не нашли также до сихъ поръ ни въ одной изъ другихъ англійскихъ пещеръ, а равно и въ рѣчныхъ наносахъ, вмѣстѣ съ остатками звѣрей послѣледянаго періода.—Европейскій *лосъ*,—видъ, тождественный съ американскимъ лосемъ, былъ также нѣкогда обитателемъ Англіи, гдѣ онъ теперь давно уже истребленъ, равно какъ и во всей западной Европѣ. Даже въ Пруссіи, говорятъ, ихъ осталось въ настоящее время (въ 1871 году) только 226 штукъ. Леммингъ или пеструшка былъ найденъ д-ромъ Блакморомъ въ рѣчномъ гравіи Фишертона, близъ Салисбюри, а пищуха или безхвостый заяцъ (*Lagomys*)—родъ, распространеніе котораго ограничено теперь Гималаями, Сибирью и наиболѣе холодными странами Сѣверной Америки, былъ открытъ проф. Оуэномъ между костями кентской пещеры, а Фальконеромъ въ числѣ остатковъ бриксгамскаго грота. Другой родъ, характеристичный для ледянаго періода,—сурковъ, представленъ двумя видами, одинъ изъ которыхъ поразительно сходенъ съ живущимъ еще и теперь въ Юго-Вост. Россіи и Сибири. Въ заключеніе слѣдуетъ еще упомянуть, что недавно во Франціи были найдены также остатки большой бѣлой совы (Strix nivea).

Рѣчные наносы заключаютъ въ себѣ, кромѣ того, 36 видовъ моллюсковъ, изъ коихъ 34 живутъ еще и теперь въ Швеціи, а 29 въ Ломбардіи (?). Послѣдніе принадлежатъ однако къ такимъ видамъ, которые вообще отличаются обширностью своего распространенія. Что фауна моллюсковъ того времени представляла сѣверный характеръ, это видно еще яснѣе изъ того факта, что изъ 77 финляндскихъ видовъ, найдено въ верхнихъ наносахъ гравія 31, тогда какъ изъ 193 ломбардскихъ видовъ—только 29.

Другое интересное явленіе, представляемое фауной четвертаго періода, есть способъ, которымъ она соединяетъ между собою виды, въ настоящее время совершенно отличные. Противники теоріи Дарвина, часто съ неумѣстнымъ торжествомъ, задаютъ вопросъ о промежуточныхъ членахъ, связующихъ между собою два какихъ нибудь вида животныхъ. На самомъ же дѣлѣ, каждый видъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ промежуточное звено между другими родственными формами. Конечно, покуда еще нѣкоторые варіететы остаются неописанными, здѣсь будутъ существовать пробѣлы, но это пробѣлы — въ нашемъ знаніи, а не въ природѣ. Кромѣ того, всѣ допускаютъ, что существуютъ измѣнчивые виды, то есть такіе, которые представляютъ двѣ или нѣсколько крайнихъ формъ, соединенныхъ между собою промежуточными ступенями. Но, мы имѣемъ право спросить тѣхъ, которые утверждаютъ, что ни одинъ видъ не соединенъ съ другимъ промежуточными формами,—какъ они отличатъ случаи «ва-

ріирующихъ животныхъ» (а они согласны, что такіе встрѣчаются) отъ тѣхъ, относительно которыхъ они полагаютъ, что подобныхъ переходовъ не существуетъ. Если мы завтра найдемъ всѣ переходныя формы между какими нибудь двумя видами, которые теперь считаются совершенно отличными, то никто не станетъ отрицать, что нѣкогда эти два вида составляли одинъ, и что, поэтому, они должны являться въ нашей классификаціи, какъ одинъ варіирующій видъ. Дѣйствительно, противники Дарвина сначала соединяютъ въ одинъ видъ всѣ формы, между которыми, какъ бы ни были онѣ различны, извѣстенъ полный рядъ переходовъ, а затѣмъ ратуютъ въ пользу постоянства видовъ, основываясь на томъ, что никогда два вида не соединены между собою промежуточными формами.

Далѣе, если бы виды дѣйствительно рѣзко отдѣлялись одинъ отъ другаго, то отсюда слѣдовало бы, что съ увеличеніемъ нашихъ свѣдѣній о какой нибудь группѣ, отличія между отдѣльными видами ея выступали бы все рѣзче и рѣзче. На дѣлѣ же, какъ извѣстно, происходитъ наоборотъ, и трудно опредѣляемые роды, становятся еще болѣе трудными, чѣмъ основательнѣе они изучаются. Конечно, если мы ограничимся только существующими формами, то, безъ сомнѣнія, различія между большинствомъ видовъ будутъ весьма явственными; но никто и не ожидаетъ найдти между ними рядъ еще живущихъ переходныхъ формъ. Эти переходныя формы существовали въ продолженіи третичнаго и четвертаго періодовъ; а какъ скоро мы обращаемся къ изученію вымершихъ видовъ, такъ мало по малу начинаютъ сглаживаться всѣ, столь удобныя линіи разграниченія. Такъ напримѣръ, болѣе крупные виды звѣрей, въ настоящее время, въ большинствѣ случаевъ рѣзко отдѣлены одинъ отъ другаго, но это различіе становится гораздо менѣе рѣзкимъ, какъ скоро мы примемъ во вниманіе не одни только современные, но также и ископаемые экземпляры. Такъ, останавливаясь только на двухъ примѣрахъ изъ группы звѣрей четвертаго періода, мы видѣли уже, что, по Рютимейеру, европейскій и американскій бизоны, виды различные въ настоящее время, связываются между собою посредствомъ Bison priscus; подобнымъ же образомъ, въ скопленіяхъ костей англійскихъ пещеръ была найдена цѣлая цѣпь промежуточныхъ формъ между нашимъ бурымъ медвѣдемъ и такъ называемымъ гризли Скалистыхъ горъ.

Какъ ни великъ интересъ, связанный съ существованіемъ человѣка въ эпоху, гораздо болѣе древнюю, чѣмъ какая ему до сихъ поръ приписывалась, но одновременное присутствіе такой фауны, какъ только что указанная, въ состояніи произвести на нѣкоторые умы еще бо́льшее впечатлѣніе. Слѣдуетъ именно считать положи-

тельно достовѣрнымъ фактомъ, что уже въ періодъ существованія человѣка, долины Франціи и Англіи служили мѣстопребываніемъ гигантскаго оленя, двухъ видовъ слоновъ, трехъ видовъ носорога, а также сѣвернаго оленя, большаго медвѣдя, весьма сходнаго съ гризли Скалистыхъ горъ, бизона, едва отличнаго отъ нынѣшняго обитателя американскихъ прерій, мускуснаго быка бореальной Америки, пеструшки сибирскихъ степей, тропическаго льва, капской гіены и гиппопотама, почти совершенно сходнаго съ современнымъ африканскимъ.

Основываясь главнымъ образомъ на присутствіи крупныхъ толстокожихъ, особенно гиппопотама, г. д'Аршіакъ склоненъ думать, что климатъ четвертаго періода былъ жарче нынѣшняго, тогда какъ г. Ларте предполагаетъ, что онъ представлялъ сходство съ климатомъ Чили, гдѣ, какъ показалъ Дарвинъ, еще въ настоящее время ледники спускаются до уровня моря и притомъ въ широтахъ, соотвѣтствующихъ южнымъ берегамъ Англіи или сѣвернымъ Франціи.

Въ другихъ отношеніяхъ, однако, фауна четвертаго періода указываетъ еще на болѣе суровый климатъ. Присутствіе сѣвернаго оленя, мускуснаго быка, лемминга и сурка, сопоставленное, какъ мы увидимъ далѣе, съ физическими доказательствами, почти не позволяетъ сомнѣваться въ этомъ фактѣ. Кромѣ того, мы должны помнить, что Rhinoceros tichorhinus и мамонтъ были весьма хорошо защищены отъ холода и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могли быть такъ скоро послѣ своей смерти окружены льдомъ и мерзлымъ иломъ сибирскихъ рѣкъ, что мясо ихъ не имѣло еще времени придти въ разложеніе. Не малое значеніе можетъ быть приписано также, я думаю, въ этомъ случаѣ, присутствію болѣе мелкихъ четвероногихъ, какъ напримѣръ лемминга и пищухи (Lagomys).

Съ другой стороны, я вполнѣ признаю, что нѣкоторые виды, и въ особенности гиппопотамъ, указываютъ на болѣе теплый климатъ. Если бы даже особи этого вида были, какъ полагаетъ Прествичъ, защищены шерстью, то все же онѣ не могли бы жить въ странѣ, гдѣ рѣки ежегодно замерзаютъ зимою. Чтобы избѣгнуть этого затрудненія, было высказано предположеніе, что гиппопотамъ могъ совершать ежегодныя переселенія. На западномъ берегу Южной Америки, въ Пенасскомъ заливѣ, подъ 47° юж. шир., глетчеры, какъ показалъ Дарвинъ, спускаются до уровня моря; между тѣмъ на разстояніи, мѣньшемъ девяти градусовъ широты отъ этого мѣста, растутъ пальмы, и на разстояніи, мѣньшемъ двухъ съ половиною градусовъ—древовидныя травы, мѣньшемъ двухъ градусовъ—орхидеи, а на разстояніи только одного градуса — древовидные папоротники».

Сѣверный олень дѣлаетъ, какъ извѣстно, въ Америкѣ ежегодно далекія переселенія; однако сомнительно, могло ли ихъ дѣлать такое тяжелое и неповоротливое животное, какъ гиппопотамъ. Поэтому, я скорѣе склоненъ думать, что присутствіе гиппопотама, E. antiquus и R. leptorhinus указываетъ, что климатъ четвертаго періода не былъ непрерывно суровымъ, но что онъ представлялъ по крайней мѣрѣ одинъ промежуточный теплый періодъ.

Кромѣ того, достойно замѣчанія, что покойный Морло, извѣстный за превосходнаго и тщательнаго наблюдателя, пришелъ къ заключенію, что въ Швейцаріи было два періода значительнаго развитія ледниковъ, раздѣленныхъ между собою эпохою сравнительно теплаго климата.

Мы скоро увидимъ также, что если холодъ ледянаго періода былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ причинамъ астрономическимъ, указаннымъ гг. Адгемаромъ и Кроллемъ, то періодъ чрезмѣрнаго холода долженъ былъ сопровождаться періодомъ необыкновенной теплоты, или, что вѣрнѣе, здѣсь должны были происходить послѣдовательныя колебанія климата отъ необыкновенно теплаго, къ чрезмѣрно холодному.

Основываясь на всемъ вышесказанномъ, я прихожу къ тому заключенію, что фауна четвертаго періода состоитъ изъ двухъ отличныхъ группъ, принадлежащихъ различнымъ эпохамъ и различнымъ климатамъ, изъ коихъ одинъ былъ теплѣе, а другой холоднѣе теперешняго. Впрочемъ, весь этотъ вопросъ, возбуждающій значительный интересъ, представляетъ, въ тоже время, и необыкновенныя затрудненія. Во многихъ случаяхъ мы должны еще отложить наше окончательное сужденіе, но, по крайней мѣрѣ, одно мы можемъ считать доказаннымъ, это именно то, что со времени появленія человѣка, въ фаунѣ западной Европы произошли важныя измѣненія, такъ какъ здѣсь жили прежде многіе замѣчательные виды, которые въ настоящее время или вымерли, или сохранились только въ отдаленныхъ частяхъ свѣта.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Пещерные люди.

Было бы совершенно невозможно, въ одной главѣ описать всѣ пещеры, въ которыхъ были найдены человѣческіе остатки, рядомъ съ остатками вымершихъ млекопитающихъ, принадлежащихъ, повидимому, одному и тому же періоду. Я хочу обратить здѣсь вниманіе только на нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя были наиболѣе основательно изслѣдованы и содержимое которыхъ позволило вывести наиболѣе удовлетворительныя заключенія.

Не стоитъ упоминать, что многія пещеры представляютъ явственные слѣды того, что онѣ были обитаемы въ гораздо болѣе позднюю эпоху, чѣмъ та, къ разсмотрѣнію которой мы теперь переходимъ; но что касается до Неолитическаго вѣка, равно какъ и всѣхъ послѣдующихъ періодовъ, мы имѣемъ, какъ уже было упомянуто выше, другіе, болѣе удовлетворительные источники и факты, гораздо болѣе достовѣрные, чѣмъ тѣ, которые могутъ быть получены изъ изслѣдованія пещеръ.

Нѣкоторые ученые зашли такъ далеко, что совсѣмъ отрицали достовѣрность выводовъ, которые могутъ быть получены изъ изслѣдованія пещеръ. Они высказывали мнѣніе, что кости вымершихъ животныхъ могли попасть въ пещеры за много вѣковъ до появленія человѣка, что остатки человѣческаго періода могли быть введены уже впослѣдствіи, и что слѣдовательно, здѣсь могли смѣшиваться остатки самыхъ различныхъ періодовъ. Таковъ напримѣръ былъ выводъ, къ которому пришелъ, сравнительно въ недавнее время, именно въ 1845 году, Денойе (Deinoyers), въ своемъ сочиненіи о пещерахъ, заключающихъ въ себѣ кости. Если бы этотъ аргументъ былъ дѣйствительно неопровержимъ, то нельзя не согласиться, что доказательства, основанныя на изслѣдованіи заключающихся въ пещерахъ остатковъ, были бы всегда подвержены справедливому недовѣрію.

Однако, я надѣюсь показать, что въ дѣйствительности происходитъ совершенно иное.

Еще въ 1828 году, гг. Турналь и Кристоль нашли на югѣ Франціи, между остатками вымершихъ животныхъ, глиняные черепки и человѣческіе кости и зубы; при этомъ г. Турналь положительно выразилъ мнѣніе, что остатки эти не были занесены разомъ, вслѣдствіе какой нибудь дилювіальной катастрофы, но были вводимы туда постепенно. Тѣмъ не менѣе, присутствіе глиняныхъ черепковъ невольно заставляетъ сомнѣваться въ предполагаемой древности этихъ остатковъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1833 и 1834 годахъ, д-ръ Шмерлингъ опубликовалъ отчетъ о своихъ изслѣдованіяхъ въ бельгійскихъ пещерахъ близь Льежа. Въ четырехъ или пяти изъ нихъ ему попались человѣческія кости и во всѣхъ ихъ онъ находилъ грубыя каменныя орудія, бо́льшею частью кремневые осколки, разбросанные такимъ образомъ между костями мамонта, Rhinoceros tichorhinus, пещерной гіены и пещернаго медвѣдя, что Шмерлингъ отнесъ ихъ къ одному и тому же періоду. Конечно, насъ невольно поражаетъ выводъ, что всѣ эти животныя были нѣкогда обитателями Франціи и Англіи, водились въ нашихъ лѣсахъ и жили по берегамъ нашихъ рѣкъ; но, когда намъ говорятъ, что они были современниками человѣка, удивленіе наше переходитъ въ недовѣріе. А между тѣмъ, эти изслѣдованія пещеръ были, повидимому, ведены съ большою осмотрительностью, и главнѣйшіе результаты ихъ были подтверждены новѣйшими открытіями.

Сомнѣніе, съ которымъ были приняты результаты изслѣдованій Шмерлинга учеными, обусловливалось, безъ сомнѣнія, отчасти тѣмъ фактомъ, что нѣкоторые изъ найденныхъ имъ ископаемыхъ остатковъ были положительно невѣрно опредѣлены, а отчасти тѣмъ, что относительно остатковъ нѣкоторыхъ видовъ и въ особенности мамонта, онъ самъ выразилъ мнѣніе, что они попали сюда издалека и были, по всей вѣроятности, вымыты изъ болѣе древнихъ слоевъ. Поэтому, если бы Шмерлингъ былъ и правъ въ своемъ заключеніи, что человѣческіе остатки были «погребены въ этихъ пещерахъ въ одно время и, слѣдовательно, подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, какъ и масса костей различныхъ вымершихъ видовъ», то все-таки отсюда нельзя еще вывести несомнѣннаго заключенія, чтобы человѣкъ жилъ въ одно время съ этими вымершими видами.

Болѣе тщательныя изслѣдованія бельгійскихъ пещеръ были предприняты въ новѣйшее время, при участіи правительства, г. Дюпономъ. Большая часть ихъ принадлежатъ такъ называемому вѣку сѣ-

вернаго оленя и всѣ найденныя тамъ кремневыя орудія не полированы. Такъ, изъ 30,000 искусственныхъ кремней, найденныхъ въ пещерѣ Шале, и изъ 1,200—въ пещерѣ Фурфозъ, ни одинъ не представляетъ слѣдовъ полировки. Нѣкоторые изъ этихъ кремневыхъ осколковъ и пр. были сдѣланы, повидимому, изъ прессиньйскаго кремня, и, по мнѣнію Дюпона и Де-Мортилье, должны были попасть сюда изъ отдаленной мѣстности. Въ этой пещерѣ была найдена плечевая кость слона, но, по мнѣнію Дюпона, основанному на степени сохраненія кости, она относится къ болѣе древнему періоду, чѣмъ другіе остатки. Во многихъ изъ этихъ пещеръ были найдены человѣческія кости, а такъ называемая Trou du Frontal заключала въ себѣ остатки, по крайней мѣрѣ тринадцати особей, которыя были, по всей вѣроятности, тамъ погребены, послѣ чего входъ въ пещеру былъ, повидимому, нарочно замкнутъ каменною глыбою. При открытіи пещеры, кости лежали въ большомъ безпорядкѣ, что обусловливается, по мнѣнію гг. Дюпона и Ванъ Бенедена, дѣйствіемъ водныхъ потоковъ. Однако форма пещеры и то обстоятельство, что входное отверстіе ея было въ значительной мѣрѣ замкнуто камнемъ, по моему мнѣнію, рѣзко противорѣчитъ только что приведенному предположенію, и я скорѣе готовъ приписать безпорядочное положеніе костей барсукамъ и лисицамъ. Въ Trou de la Naulette была найдена замѣчательная нижняя челюсть человѣка, которая, по своей малой вышинѣ, значительной толщинѣ, отсутствію подбородочнаго выступа и внутренной подбородочной кости, а также относительной величинѣ зубныхъ ячеекъ,—представляетъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ древнихъ остатковъ человѣка. [Что касается до зубныхъ ячеекъ, именно большихъ коренныхъ зубовъ, то извѣстно, что у современныхъ европейскихъ расъ первый настоящій коренной самый большой, а послѣдній, или зубъ мудрости, самый малый. Въ нолеттской же челюсти, судя по ячейкамъ, наоборотъ, зубъ мудрости былъ больше прочихъ и имѣлъ даже пять корней, тогда какъ первый большой коренной имѣлъ только четыре корня и былъ самымъ меньшимъ изъ трехъ большихъ коренныхъ. Всѣ эти особенности могутъ быть разсматриваемы, какъ черты приближенія къ типу обезьянъ *).]

*) Изслѣдованія Дюпона въ пещерахъ каменнаго вѣка въ Бельгіи, изложены имъ въ его сочиненіи: *„L'homme pendant les Ages de la pierre dans les environs de Dirant-sur-Meuse. 2-me edit.* 1872. Нѣкоторыя изъ этихъ пещеръ онъ относитъ къ вѣку мамонта и пещернаго медвѣдя, другія — къ вѣку сѣвернаго оленя. Нолеттская пещера относится къ первому. Узкое отверстіе ея находится въ настоящее время на 28 метровъ выше теченія р. Лессы, но нѣкогда рѣка эта текла въ уровень съ отверстіемъ пещеры, а позже, хотя уровень рѣки и

Знаменитая Кентская пещера близъ Torquay, была осмотрѣна г. Макъ-Энери еще въ 1825 году, причемъ онъ нашелъ тамъ человѣческія кости, кремневые осколки и т. д., а также кости другихъ животныхъ, не опредѣливъ впрочемъ съ точностью, находились ли онѣ въ одномъ слоѣ съ человѣческими остатками. Въ 1840 году, Годвинъ Аустенъ сдѣлалъ англійскому Геологическому обществу сообщеніе о юго-восточномъ Девонширѣ, причемъ, описывая кентскую пещеру, онъ говоритъ, «что человѣческіе остатки и орудія—въ родѣ кремневыхъ стрѣлокъ и ножей, попадаются во всѣхъ частяхъ пещеры, по всей толщинѣ выполняющаго ее слоя глины, и что ни въ степени сохраненія, ни въ распредѣленіи, ни въ относительномъ положеніи, нельзя замѣтить никакого различія между остатками человѣка и остатками животныхъ», въ числѣ которыхъ здѣсь встрѣчаются: «слонъ, носорогъ, быкъ, олень, лошадь, медвѣдь, гіена и какая то большая кошка». «Значеніе подобныхъ открытій», замѣчаетъ онъ совершенно вѣрно, «зависитъ, главнымъ образомъ, отъ тщательности и осмотрительности изслѣдователя. Поэтому, я считаю своимъ долгомъ положительно увѣритъ, что мои изслѣдованія производились всегда въ тѣхъ частяхъ пещеры, которыя еще никогда не были разрываемы, и гдѣ кости были покрыты толстымъ слоемъ сталагмитовъ. Это послѣднее обстоятельство показываетъ, что человѣческія кости и орудія должны были попасть въ пещеру прежде, чѣмъ надъ ними образовался сталагмитовый осадокъ». Несмотря однакоже на почтенный авторитетъ Годвина Аустена, сообщеніе его мало обратило на себя

понизился, однако она все-таки, во время большихъ разливовъ, затопляла пещеру. Это доказывается нахожденіемъ въ пещерѣ семи слоевъ илу, раздѣленныхъ семью слоями сталагмитовъ. Общая толщина всѣхъ слоевъ доходитъ до 11 метровъ. Описанная выше человѣческая челюсть была найдена выше втораго слоя сталагмитовъ, вмѣстѣ съ костями мамонта, носорога, сѣвернаго оленя, лошади, серны, сурка, волка, кабана и др. Изъ прочихъ пещеръ вѣка мамонта наиболѣе замѣчательны: *Trou de Sureau*, гдѣ были найдены орудія изъ кремня и рога, вмѣстѣ съ костями мамонта, носорога, зубра, гіены, льва, сѣвернаго оленя и—въ особенности много—пещернаго медвѣдя; *Trou Magrite*, гдѣ было найдено, между прочимъ, нѣсколько обломковъ оленьихъ роговъ, съ нацарапанными на нихъ изображеніями; *Caverne de Goyet* — гдѣ въ одномъ слоѣ съ костями пещернаго медвѣдя, мамонта, лошади, гіены и др., были найдены многія орудія изъ зубовъ, кости и рога, въ томъ числѣ одинъ, который считаютъ „начальническимъ жезломъ“, въ родѣ индѣйскаго погамагана. Изъ пещеръ вѣка сѣвернаго оленя слѣдуетъ упомянуть о *Фурфозской*, въ которой были найдены человѣческіе черепа, по Прунеру—монголоидной формы (?), и *Trou de Chaleux*, откуда было добыто множество каменныхъ и костяныхъ орудій и цѣлыя массы костей животныхъ, особенно лошади, кабана, сѣвернаго оленя, зубра, лисицы и пр., а также сайги (Ant. Saiga). *Ред.*

вниманія; а другое подобное сообщеніе, сдѣланное г. Вивіаномъ, было сочтено даже настолько невѣроятнымъ, что Геологическое общество отказалось его напечатать въ своихъ мемуарахъ.

Тѣмъ не менѣе, всѣ эти выводы были вполнѣ подтверждены систематическимъ изслѣдованіемъ пещеры, предпринятымъ въ новѣйшее время британской ассоціаціей наукъ, подъ ближайшимъ наблюденіемъ особой коммиссіи, состоящей изъ гг. Лайелля, Бёска, Эванса, проф. Филиппса, Вивіана, Пенгели и Леббока. Обдѣланные кремни попадаются здѣсь, правда, рѣже въ низшихъ слояхъ, чѣмъ въ ближайшихъ къ поверхности, тѣмъ не менѣе нѣсколько ихъ было найдено при такихъ обстоятельствахъ, что не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что они попали въ пещеру въ одно время съ костями большихъ вымершихъ животныхъ. [Въ новѣйшее время, въ этой пещерѣ, Бойдъ Даукинсъ, нашелъ даже кости пліоценоваго Machairodus latidens].

Въ маѣ 1858 года г. Фальконеръ обратилъ вниманіе англійскаго Геологическаго общества на только что открытую пещеру въ Брикстамѣ, вслѣдствіе чего и была немедленно составлена коммиссія, для того, чтобы совмѣстно съ нимъ руководить раскопками. Денежныя средства для этой цѣли были получены отъ Королевскаго общества и отъ миссъ Бёрдетъ Коттсъ. Въ сентябрѣ 1858 года, обществу сдѣланъ былъ предварительный отчетъ объ этомъ изслѣдованіи, изъ котораго мы позволимъ себѣ заимствовать слѣдующее.

Выполняющіе пещеру слои представлялись, сверху внизъ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Слой сталагмитовъ, неодинаковой толщины.
2) Охристая пещерная земля (илъ) съ известковою брекчіею.
3) Охристая земля съ обломками раковинъ.
4) Слой округленнаго гравія.

Органическіе остатки принадлежали главнымъ образомъ слѣдующимъ видамъ:

Elephas primigenius (мамонтъ), Rhinoceros tichorhinus, Bos sp., Equus sp,, Cervus tarandus (сѣверный олень), Cervus elaphus (благородный олень), Cervus capreolus (косуля), Ursus spelaeus (пещерный медвѣдь), Ursus ferox (гриззли), Ursus arctos (сѣрый медвѣдь), Hyaena spelaea, Felis spelaea, Lagomys.

Многіе кремневые осколки были найдены перемѣшанными съ этими костями и принадлежали, по всѣмъ признакамъ, одному и тому же періоду древности. Они попадались на различной глубинѣ, отъ десяти дюймовъ до одиннадцати футовъ отъ поверхности, а нѣкоторые были найдены даже въ гравіи, т. е. ниже всей массы охристой земли.

Въ Сициліи, въ гротѣ Макканьоне, д-ръ Фальконеръ нашелъ также слѣды человѣка, состоявшіе изъ золы и грубыхъ кремневыхъ орудій, въ брекчіи, содержавшей въ себѣ кости Elephas antiquus, гіены, большаго медвѣдя, какой то Felis (вѣроятно Felis spelaea) и, въ особенности, множество костей, принадлежавшихъ гиппопотаму. «Ceneri impastati» или отвердѣвшій пепелъ когда то наполнялъ пещеру и большой кусокъ костяной брекчіи еще остался прилипшимъ къ потолку пещеры; но большая часть ея была однакоже вымыта впослѣдствіи, вѣроятно вслѣдствіе измѣненій въ направленіи потоковъ. Присутствіе гиппопотама достаточно доказываетъ уже, что географическія условія были нѣкогда весьма отличны отъ настоящихъ.

Подобныя же доказательства великихъ и недавнихъ географическихъ переворотовъ были даны изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ испанскихъ пещеръ. Гибралтарская скала изобилуетъ пещерами, содержащими въ себѣ человѣческія кости, каменныя, костяныя и бронзовыя орудія, вмѣстѣ съ остатками домашнихъ животныхъ, именно козы и рогатаго скота. Въ костяной брекчіи Женистской пещеры и разсѣлины, гг. Бескъ и Фальконеръ нашли остатки Hyaena crocuta, вида, который и теперь еще живетъ въ Африкѣ, леопарда, рыси, сервала, варварійскаго оленя, вмѣстѣ съ костями Rh. hemitaechus и одного вида горнаго козла. Впрочемъ, хотя и весьма вѣроятно, однако еще не доказано положительно, что человѣкъ жилъ одновременно съ этими животными на гибралтарской скалѣ. Въ другой испанской пещерѣ, близь Мадрида, г. Ларте нашелъ, между прочимъ, коренные зубы современнаго африканскаго слона.

Еще бо̀льшій интересъ представляетъ небольшой гротъ или пещера, открытая нѣсколько лѣтъ тому назадъ близь Ориньяка, на югѣ Франціи и описанная также Ларте.

Одинъ крестьянинъ, по имени Бонньмезонъ, увидѣвъ разъ кролика, убѣгающаго въ небольшую дыру на одномъ крутомъ косогорѣ, просунулъ туда руку, и къ своему удивленію, вытащилъ оттуда человѣческую кость. Любопытство понудило его къ дальнѣйшему изслѣдованію, и когда онъ удалилъ кучу мусора, то встрѣтилъ большую глыбу камня, которая почти совсѣмъ закрывала входъ въ маленькую камеру, въ которой находилось не менѣе семнадцати человѣческихъ скелетовъ. Къ несчастью для науки, мэръ Ориньяка, услыхавъ объ этой находкѣ, немедленно приказалъ собрать вырытыя кости и снова похоронить ихъ, такъ что когда Ларте, нѣсколько лѣтъ спустя, явился для изслѣдованія пещеры, ихъ уже не могли отыскать.

Изъ тщательнаго изслѣдованія мѣстности, г. Ларте пришелъ къ убѣжденію, что эта маленькая пещера служила мѣстомъ погребенія,

а изъ остатковъ костей, разбитыхъ для извлеченія мозга и изъ слѣдовъ огня, тотчасъ передъ входомъ въ пещеру, онъ заключилъ, что здѣсь же устраивались похоронные пиры и тризны. Изъ животныхъ остатковъ, болѣе всего было найдено здѣсь костей лисицы, лошади, зубра и сѣвернаго оленя; но рядомъ съ ними были найдены также кости мамонта, пещернаго медвѣдя, обыкновеннаго медвѣдя, барсука, хорька, пещернаго льва, дикой кошки, пещерной гіены, волка, Rh. tichorinus, осла (?), кабана, благороднаго оленя, Megaceros hibernicus и косули. Нѣкоторыя изъ этихъ костей были найдены внутри грота, другія при входѣ въ него. Послѣднія были обглоданы какимъ то большимъ хищнымъ животнымъ, вѣроятно гіеной, копролиты которой были найдены между золою. Кости же, находившіяся внутри пещеры были, напротивъ того, нетронуты, изъ чего Ларте заключилъ, что послѣ окончанія похоронныхъ пировъ, къ пещерѣ приходили гіены и пожирали всѣ остатки пира, но что въ самую пещеру онѣ проникнуть не могли, потому что входъ въ нее былъ закрытъ большимъ камнемъ, который и былъ дѣйствительно найденъ Бонньмезономъ еще на своемъ прежнемъ мѣстѣ.

Кромѣ гіены, къ числу животныхъ, упомянутыхъ въ этомъ спискѣ и не существующихъ теперь (или вѣрнѣе, не существовавшихъ въ историческія времена) во Франціи, относятся еще: сѣверный олень, пещерный медвѣдь, носорогъ, пещерный левъ, Megaceros hibernicus и мамонтъ. Современность сѣвернаго оленя человѣку—очевидна: всѣ мозговыя кости разбиты для извлеченія мозга и многія носятъ явственные слѣды ножа; кромѣ того, многіе кости и рога этого вида обдѣланы въ формѣ костяныхъ орудій и инструментовъ. Что носорогъ былъ также современникъ человѣка, Ларте заключаетъ во-первыхъ изъ того, что кости этого вида (равно какъ и кости сѣвернаго оленя, зубра и т. д.) сохранили столько же азота, какъ и человѣческія кости изъ той же мѣстности; во-вторыхъ же потому, что кости носорога кажется также были расколоты человѣкомъ и иногда представляютъ явственные слѣды ножа. Кромѣ того, онъ остроумно указалъ, что кости эти должны были принадлежать недавно убитой особи, потому что, бывъ расколоты человѣкомъ, онѣ были обглоданы послѣ того гіенами, а этого не могло бы случиться. если бы онѣ не были достаточно свѣжи и сочны.

Что касается до слона, то онъ былъ представленъ только одною пяточною костью и нѣсколькими пластинками коренныхъ зубовъ. Пяточная кость была *единственною*, которую нашли въ пещерѣ обглоданною. Ларте полагаетъ, что пластинки зубовъ были отдѣлены одна отъ другой нарочно, и что пяточная кость попала въ склепъ

одновременно съ послѣдними погребеніями; однако нѣтъ положительнаго доказательства, чтобы она попала туда въ свѣжемъ состояніи. Кромѣ того, противъ этого говоритъ и тотъ фактъ, что кость эта обглодана.

Остатки Ursus spelaeus (пещернаго медвѣдя) были несравненно многочисленнѣе, и нѣкоторые изъ нихъ были найдены въ самой пещерѣ. Въ одномъ случаѣ кажется, цѣлая нога была погребена вмѣстѣ съ мясомъ, такъ какъ отдѣльныя кости ея были найдены въ натуральномъ положеніи. Извѣстно, что въ старину съ покойниками часто клали пищу и питье, и г. Ларте думаетъ, что этимъ обычаемъ мы и можемъ объяснить себѣ присутствіе костей четвероногихъ, найденныхъ въ ориньякскомъ гротѣ.

Я потому такъ подробно изложилъ частности этого случая, что если бы эти факты были вполнѣ подтверждены, то мы имѣли бы здѣсь случай погребенія, относящійся къ той эпохѣ, когда на югѣ Франціи жилъ еще пещерный медвѣдь, сѣверный олень, Megaceros hibernicus, густошерстый носорогъ и, вѣроятно, также мамонтъ. Очень жаль, однакоже, что Ларте не могъ присутствовать самъ при первомъ изслѣдованіи этой пещеры, потому что, при теперешнихъ обстоятельствахъ, мы, по моему мнѣнію, не можемъ быть вполнѣ убѣждены, что человѣческіе остатки, найденные въ этой пещерѣ, положительно современны остаткамъ вымершихъ животныхъ.

Другой замѣчательный случай представляетъ такъ называемая «гіеновая пещера», у Уокей Холя, близъ Уэлльса, изслѣдованная и описанная весьма тщательно Бойдъ Даукинсомъ. Эта пещера была до самаго потолка наполнена массами щебня, и кажется, что это накопленіе было обусловлено двумя причинами: 1) разрушеніемъ доломитовыхъ конгломератовъ, составлявшихъ потолокъ и стѣны пещеры, а 2) осадками, наносимыми сюда постепенно дождемъ и мелкими потоками. Очевидно однакоже, что кости и камни не были занесены въ пещеру водою, во первыхъ потому, что ни одна изъ костей не представляетъ округленія и полировки, во вторыхъ, что въ числѣ многихъ найденныхъ тамъ грубыхъ кремневыхъ орудій, попался только *одинъ необработанный* кремень; въ третьихъ, наконецъ, потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, куски одной и той же кости были находимы рядомъ, что врядъ-ли могло бы быть, если бы онѣ были принесены сюда водою. Кромѣ того, здѣсь находится нѣсколько слоевъ, одинъ надъ другимъ, такъ называемаго «album graecum», т. е. кала гіенъ, а каждый изъ этихъ слоевъ указываетъ на существованіе нѣкогда на этомъ мѣстѣ дна пещеры и на отдѣльный періодъ ея обитанія. Такимъ образомъ, присутствіе каждаго такого пласта,

покрывающаго кремневыя орудія, доказываетъ двѣ вещи: во-первыхъ, что гіены, оставившія послѣ себя «album graecum», жили въ пещерѣ уже послѣ дикарей, употреблявшихъ кремневыя орудія, и во-вторыхъ, что орудія эти, съ періода существованія здѣсь гіенъ, не были вымываемы водою.

Въ послѣдніе годы своей жизни, Кристи, смерть котораго была такою важною потерею для науки, съ большою тщательностью изслѣдовалъ, вмѣстѣ съ Ларте, цѣлый рядъ маленькихъ пещеръ и каменистыхъ разсѣлинъ въ департаментѣ Дордони, нѣкоторыя изъ которыхъ уже ранѣе обращали на себя вниманіе археологовъ. Эти пещеры интересны особенно тѣмъ, что, насколько это можно заключить изъ настоящаго состоянія нашихъ свѣдѣній, найденныя въ нихъ остатки относятся къ вѣку сѣвернаго оленя Ларте, и поэтому связываютъ собою, такъ сказать, позднѣйшій каменный вѣкъ или неолитическій періодъ съ періодомъ рѣчныхъ наносовъ и крупныхъ вымершихъ млекопитающихъ, т. е. относятся къ эпохѣ, о которой мы имѣли до тѣхъ поръ самыя неудовлетворительныя свѣдѣнія. Большую часть этихъ пещеръ, въ томъ числѣ нѣкоторыя наиболѣе изслѣдованныя, какъ напр. Ложери, Ла-Маделенъ, Лез-Ейзи, Горжъ-д'Анферъ, Мустье и др., я имѣлъ возможность осмотрѣть лично. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. Les Eyzies и Мустье находятся на значительной высотѣ надъ рѣкою, другія же, напротивъ того, какъ напр. Ла-Маделенъ и Ложери, лежатъ немного выше теперешняго уровня воды, доказывая этимъ самымъ, что уровень рѣки въ настоящее время приблизительно такой же, какимъ онъ былъ и въ періодъ обитанія пещеръ. Дордони протекаетъ въ глубокихъ долинахъ, прорѣзанныхъ въ известковыхъ слояхъ, и хотя бока такихъ долинъ въ мѣловыхъ мѣстпостяхъ обыкновенно бываютъ отлоги, здѣсь, вѣроятно вслѣдствіе плотности горной породы, онѣ часто являются совершенно отвѣсными. Маленькіе пещеры и гроты встрѣчаются тутъ весьма часто; кромѣ того, такъ какъ различные слои обладаютъ неодинаковою устойчивостью противъ атмосферическихъ вліяній, стѣны скалъ являются во многихъ мѣстахъ расколотыми, треснувшими, образуютъ такъ называемыя разсѣлины или ниши. Въ очень отдаленныя времена, эти разсѣлины и ниши служили убѣжищами людямъ, которые оставили тутъ послѣ себя многочисленные слѣды своего пребыванія. Но, съ развитіемъ культуры, человѣкъ уже не сталъ довольствоваться этими природными убѣжищами, а началъ самъ выдалбливать гроты, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вся поверхность скалы представляется изрытою ячеями, дверями и окнами, ведущими въ рядъ отдѣльныхъ камеръ, иногда расположенныхъ ярусами и на-

поминающихъ французскую Пѣтру. Безъ сомнѣнія, многіе изъ этихъ гротовъ служили еще убѣжищами и укрѣпленіями въ сравнительно поздній періодъ, какъ напримѣръ въ смутные времена среднихъ вѣковъ, а нѣкоторые даже и теперь еще служатъ кладовыми и для другихъ цѣлей, какъ напр. въ Брантомѣ, гдѣ въ одномъ изъ такихъ гротовъ помѣщается часовня.

Помимо научнаго интереса, нельзя было не восхищаться красотою мѣстности, разстилавшейся передъ нашими глазами, когда мы медленно плыли внизъ по Везѣрѣ. Такъ какъ рѣка, въ своихъ извивахъ, отклонялась то въ одну, то въ другую сторону долины, то иногда мы имѣли по обѣ стороны роскошные луга, а иногда проходили между почти совершенно отвѣсными, нависшими скалами. Кое-гдѣ наше вниманіе останавливали живописные древніе замки, и хотя деревья были уже не въ полномъ своемъ лѣтнемъ уборѣ, но все же во многихъ мѣстахъ скалы были еще совсѣмъ зелены отъ буковъ, плюща и вѣчно зеленыхъ дубовъ, что̀ прелестно гармонировало съ желтовато-бурымъ цвѣтомъ самихъ камней.

Но возвратимся къ самымъ костнымъ пещерамъ. Остатки пещернаго медвѣдя были найдены въ Пей-де-Лазе, остатки гіены — въ Мустье, а отдѣльныя пластинки коренныхъ зубовъ слона въ Мустье и Ложери, въ послѣднемъ мѣстѣ рядомъ съ тазовою костью. Что касается до остатковъ первыхъ двухъ видовъ, то, по мнѣнію Кристи и Ларте, они принадлежатъ, вѣроятно, болѣе раннему періоду, чѣмъ найденные въ тѣхъ же пещерахъ остатки человѣка. Присутствіе тазовой кости было принято за доказательство современности мамонта и ложерійскихъ охотниковъ за сѣвернымъ оленемъ; и дѣйствительно, трудно придумать, зачѣмъ бы они занесли въ свою пещеру кость ископаемаго животнаго, особенно кость слона, которую, по ея рыхлому, пористому строенію, мудрено было употребить на приготовленіе орудій. Тѣмъ не менѣе, Кристи и Ларте не нашли возможнымъ высказать по этому предмету рѣшительнаго мнѣнія, на томъ основаніи, что̀, по ихъ словамъ, они поставили себѣ за правило: «de ne procèder dans nos inductions que par évidences incontestables».

Что касается до вида Felis seplaea, то въ пещерѣ Эйзи была найдена кость, по всей вѣроятности принадлежащая этому виду и носящая притомъ слѣды ножа. Однако, положительныя зоологическія доказательства древности въ этихъ гротахъ человѣческихъ остатковъ, основаны, главнымъ образомъ, на присутствіи сѣвернаго оленя. Всѣ мозговыя кости животныхъ этого вида разбиты для извлеченія мозга; многія изъ нихъ носятъ, кромѣ того, слѣды разрѣза ножемъ, а въ Эйзи былъ найденъ даже позвонокъ, просверленный кремневымъ ос-

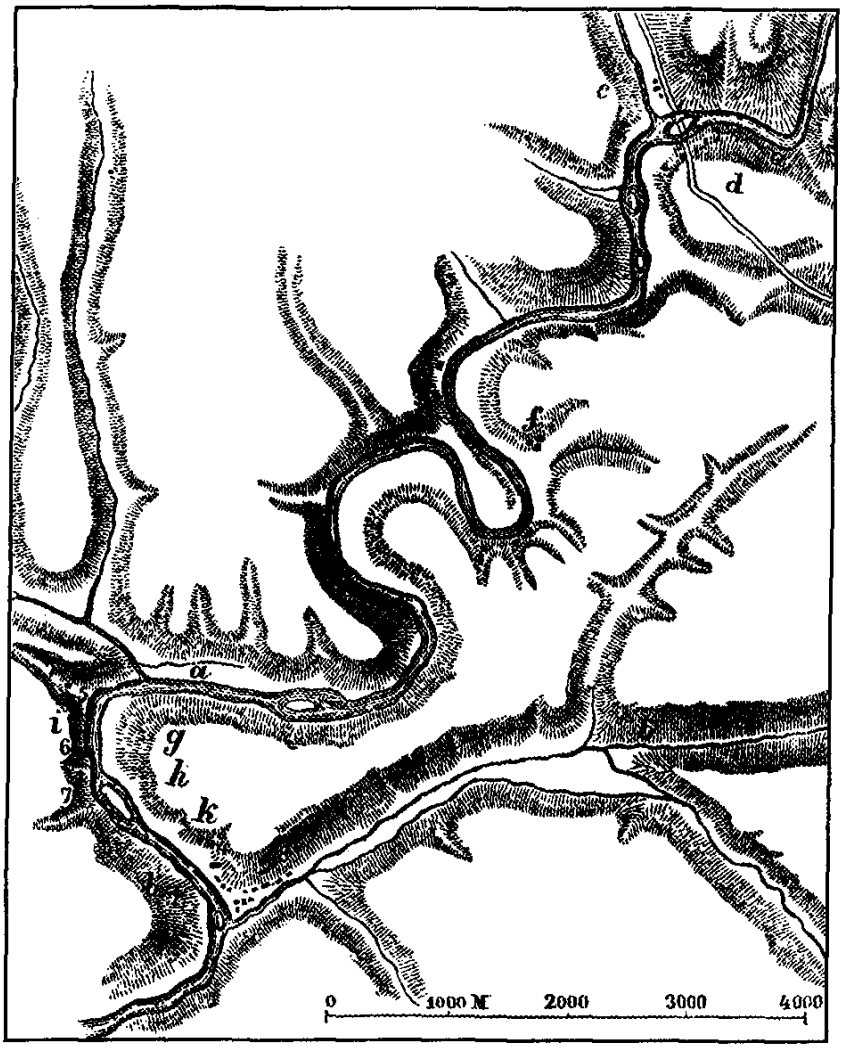
колкомъ. Кристи и Ларте убѣждены, что кость эта была свѣжею въ то время, когда ее такимъ образомъ просверливали. Кромѣ того, какъ мы сейчасъ увидимъ, имѣются еще болѣе убѣдительныя доказательства того, что человѣкъ и сѣверный олень жили нѣкогда въ этой мѣстности одновременно.

Отрицательные зоологическіе факты также весьма поучительны. По мнѣнію Ларте и Кристи, здѣсь не было найдено никакихъ остатковъ, которые можно было бы приписать домашнимъ животнымъ. Правда, кости быковъ и лошадей попадаются, но мы не имѣемъ никакихъ данныхъ относить ихъ къ одомашненнымъ особямъ. Кости кабана попадаются весьма рѣдко, а между тѣмъ, если бы животныя эти были приручены, мы могли бы ожидать встрѣтить ихъ въ гораздо бо̀льшемъ количествѣ. Овцы и козы совершенно не встрѣчаются и, что еще болѣе удивительно, кажется въ то время не было еще и домашней собаки. Напротивъ того, кости лошади и сѣвернаго оленя, особенно послѣдняго, весьма многочисленны; но Кристи и Ларте не думаютъ, чтобы животныя эти были домашними. Съ другой стороны, Рютимейеръ придерживается, повидимому, другаго мнѣнія. Онъ составилъ слѣдующій списокъ костямъ изъ пещеры близь Вейрье: 31 особь каменной куропатки, 18—сѣвернаго оленя, 6—горнаго козла, 5—лошадей, 4—оленя, 4—пищухи, 4—сурка, 1—серны, 1—волка, 1—медвѣдя, 1—быка, 1—лисицы и 1—аиста. Онъ доказываетъ, что это положительно альпійская фауна, и при этомъ спрашиваетъ, почему же, если сѣверный олень былъ въ дикомъ состояніи, почему онъ не удалился въ горы, вмѣстѣ съ медвѣдемъ, горнымъ козломъ и серной. Степень сохраненія и качества костей, въ особенности роговъ, когда нибудь позволятъ намъ дать болѣе удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, но до сихъ поръ мы не знаемъ ни одного примѣра, чтобы одинъ и тотъ же народъ имѣлъ бы одновременно въ одомашненномъ состояніи и сѣвернаго оленя и лошадь.

Въ коллекціяхъ, составленныхъ Кристи и Ларте, а также и въ коллекціи Виконта Де-Ластика изъ Брюникельской пещеры, бо́льшая часть животныхъ остатковъ состоитъ изъ зубовъ, нижнихъ челюстей и роговъ. Конечно, попадаются и другія кости, но онѣ составляютъ малую часть общаго числа. Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ приписать этотъ фактъ присутствію собакъ, отчасти потому, что остатковъ этого животнаго до сихъ поръ не было найдено, а отчасти потому, что найденныя кости не обглоданы. Притомъ извѣстно, что собаки ѣдятъ только нѣкоторыя кости и части костей, именно болѣе сочныя и ноздреватыя; части же болѣе твердыя, какъ напр. діафизисы

трубчатыхъ костей — обыкновенно остаются нетронутыми. Д. Гальтонъ указалъ, что нѣкоторыя дикія племена Африки, не довольствуясь мясомъ убитыхъ животныхъ, толкутъ еще въ ступкахъ ихъ кости и потомъ высасываютъ содержащійся въ нихъ животный сокъ. По-

Фиг. 141.



Карта послѣтретичныхъ Везерскихъ пещеръ и убѣжищъ.

a) Рѣка Везера. d) Притокъ Бенъ. c) Дер. Мустье. d) Ле-Сокъ. e) Маделенъ. f) Тюрзанъ. g) Верхняя Ложери. h) Нижняя Ложери. i) Ле-Рокъ. k) Таракъ. l) Ейзи.

1) Пещера Мустье. 2) Убѣжище Мустье. 3) Убѣжище Маделенъ. 4) Убѣжище и мѣсто погребенія Кроманьонъ. 5) Убѣжище верхняя Ложери. 6) Убѣжище нижняя Ложери. 7) Пещера Горжъ д'Анферъ. 8) Пещера Ейзи.

добнымъ же образомъ, по Лимсу, датскіе Лопари (?) разбивали молоткомъ всѣ кости, содержавшія въ себѣ хоть сколько нибудь жира или мозга, и затѣмъ варили ихъ до тѣхъ поръ, покуда не извлекался

весь жиръ. Такой же обычай существуетъ, по Галлю, и у Эскимосовъ. Нѣкоторые изъ древнихъ каменныхъ молотковъ и ступъ, безъ сомнѣнія, употреблялись для этой цѣли, а относительное число различныхъ костей, даетъ намъ, по моему мнѣнію, косвенное доказательство того, что подобный обычай господствовалъ и у древнихъ обитателей южной Франціи.

Переходя теперь къ найденнымъ въ пещерахъ кремневымъ орудіямъ, мы должны прежде всего обратить вниманіе на ихъ удивительную многочисленность. Безъ всякаго преувеличенія, можно сказать, что количество ихъ безчисленно. Это обстоятельство, конечно, значительно усиливаетъ степень достовѣрности, основанныхъ на этихъ орудіяхъ выводовъ; съ другой стороны, оно и не должно удивлять насъ, такъ какъ кремень настолько хрупокъ, что сдѣланныя изъ него орудія, должны были весьма часто ломаться и тогда, конечно, выбрасывались, какъ ненужныя, въ особенности въ мѣловыхъ мѣстностяхъ, гдѣ запасъ кремня практически неистощимъ. Многія орудія, безъ сомнѣнія, оставались недодѣланными, и слѣдовательно, дѣлались негодными для употребленія, что могло происходить или отъ неловко направленнаго удара, или отъ недостатковъ въ самомъ кремнѣ. Кромѣ того, въ подобныхъ костяныхъ брекчіяхъ мы, естественно, должны ожидать гораздо бо̀льшаго числа кремневыхъ орудій, чѣмъ напр. въ датскихъ кьеккенмеддингахъ. Каждая устрица даетъ только одинъ глотокъ, такъ что съѣдобныя части образуютъ, очевидно, гораздо бо̀льшую часть общей массы у звѣрей, чѣмъ у моллюсковъ. Поэтому, кьеккенмеддинги должны возрастать, caeteris paribus, быстрѣе, чѣмъ костяныя брекчіи и, предполагая, что число кремневыхъ орудій въ обоихъ случаяхъ одинаково,—они должны попадаться гораздо чаще въ первыхъ, нежели во вторыхъ.

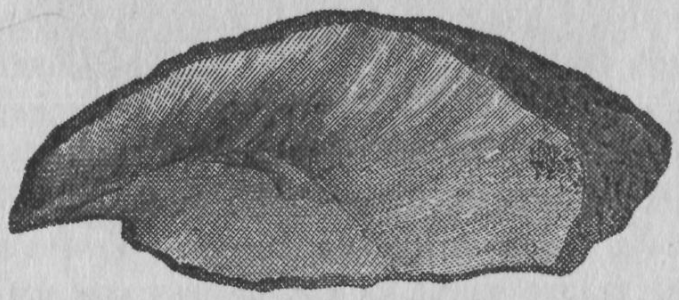
Главнѣйшіе предметы изъ камня, попадающіеся въ разсматриваемыхъ нами пещерахъ суть: кремневые осколки, простые и обдѣланные, скребки, стержни, шила, наконечники копій, рѣжущія орудія, молотки и каменныя ступки.

Простые и обдѣланные осколки попадаются весьма часто, но относительно ихъ нельзя сдѣлать никакихъ особенныхъ замѣчаній. Они представляютъ самыя обыкновенныя, свойственныя имъ измѣненія, какъ по формѣ, такъ и величинѣ.

Скребки, хотя и менѣе многочисленны, чѣмъ осколки, но все же попадаются во множествѣ. Вообще, они, мнѣ кажется, длиннѣе и тоньше, чѣмъ подобныя же орудія изъ датскихъ кьеккенмеддинговъ. Нѣкоторые изъ нихъ вѣроятно предназначались для непосредственнаго употребленія (т. е. безъ рукоятки), такъ какъ оба конца ихъ

приспособлены для скобленія. Ихъ можно было бы назвать двойными скребками. Другіе, напротивъ того, очевидно укрѣплялись въ рукоятки; потому что конецъ, противоположный острію, у нихъ обломанъ, иногда только съ одной стороны, а иногда и съ обоихъ, такъ что представляетъ постепенно съуживающійся наконечникъ, который могъ быть удобно вставляемъ въ деревянную, костяную или роговую рукоятку. Многіе изъ осколковъ также обтесаны на одномъ концѣ, подобнымъ же образомъ. Такъ какъ до сихъ поръ Ларте и Кристи не могли найдти слѣдовъ подобныхъ рукоятокъ, то, по всей вѣроятности, дерево служило наиболѣе употребительнымъ матеріаломъ для ихъ изготовленія.

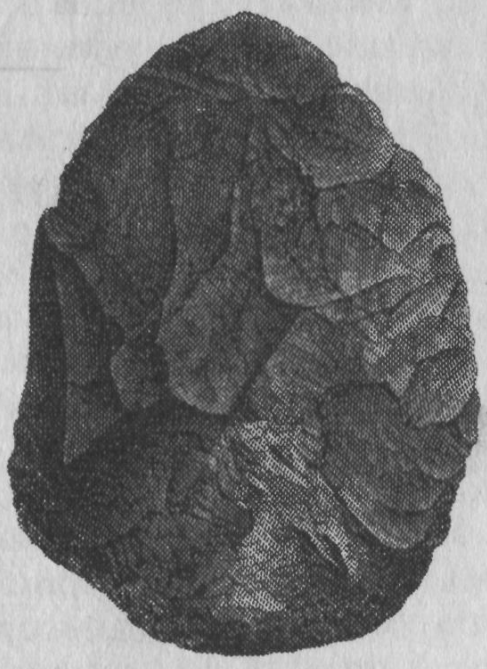
Фиг. 142.



Кремневое орудіе.

Весьма естественно, что если здѣсь была мастерская кремневыхъ осколковъ, то тутъ должны также попадаться и стержни или ну-

Фиг. 143.

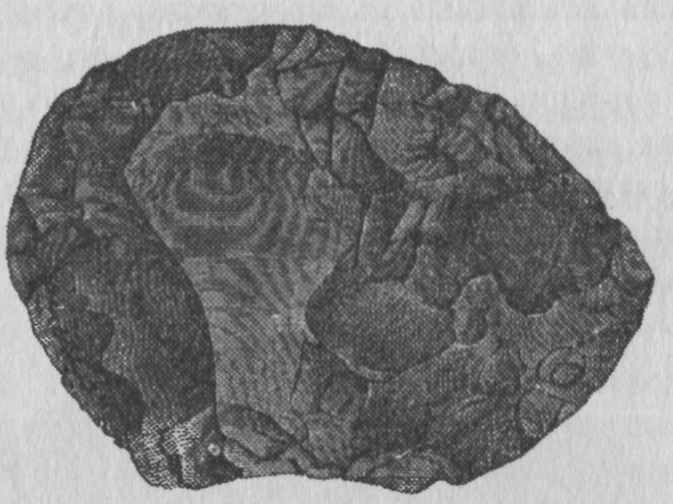


Фиг. 144.

Каменныя орудія изъ Ле-Мустье.

клеусы, отъ которыхъ они отбивались. Тѣмъ не менѣе, я былъ пораженъ многочисленностью этихъ послѣднихъ; во время моего краткаго осмотра этихъ пещеръ, я самъ добылъ ихъ болѣе девяноста штукъ.

Фиг. 145.



Каменное орудіе изъ Ле-Мустье.

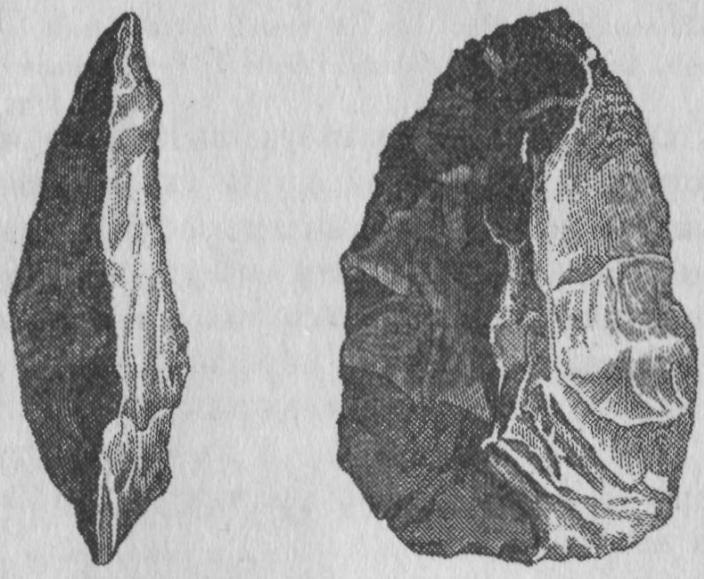
Шила и пилы далеко менѣе многочисленны, но все же было найдено нѣсколько хорошихъ экземпляровъ. Въ нѣкоторыхъ пещерахъ попадаются еще особенныя, плоскія орудія (фиг. 142). Изъ постоянства ихъ формъ, которая, кромѣ того, довольно оригинальна, мы можемъ съ увѣренностью предположить, что они употреблялись для какой нибудь опредѣленной цѣли. Вмѣсто молотковъ, охотники за сѣвернымъ оленемъ употребляли, повидимому, круглые камни, которые попадаются въ пещерахъ довольно часто и носятъ притомъ несомнѣнные слѣды своего употребленія. Нѣкоторые изъ нихъ могли однакоже служить и для другой цѣли, именно для нагрѣванія воды. Извѣстно, что сѣверо-американскіе Индѣйцы, Эскимосы и нѣкоторые другіе дикари, не имѣющіе глиняной посуды, а только деревянную, которую, слѣдовательно, нельзя ставить на огонь, употребляютъ для кипяченія воды раскаленные камни. Многіе изъ камней, найденныхъ въ этихъ пещерахъ, повидимому, употреблялись такимъ же образомъ.

Всѣ указанныя формы орудій принадлежатъ къ наиболѣе обыкновеннымъ и встрѣчаются безъ различія во всѣхъ гротахъ; но кромѣ нихъ, попадаются еще и нѣкоторые другіе типы, распространеніе которыхъ, повидимому, болѣе ограничено. Такъ, въ Ложери и Бадегулѣ, попадаются довольно нерѣдко обломки листовидныхъ наконечниковъ копій, сдѣланныхъ почти также хорошо, какъ и экземпляры изъ Даніи. Поэтому, если бы мы вздумали попытаться классифицировать пещеры, соотвѣтственно періодамъ ихъ заселенія то мы

могли бы отнести тѣ изъ нихъ, въ которыхъ попадаются лучше обдѣланныя орудія къ періоду, нѣсколько болѣе позднему. Наоборотъ, поселеніе въ Мустье. если судить по найденнымъ тамъ кремневымъ орудіямъ, должно быть признано самымъ древнимъ. Хотя, конечно, попытка подобной классификаціи можетъ быть названа нѣсколько преждевременною, тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что пещера Мустье представляетъ нѣсколько такихъ типовъ, которые не были найдены въ другихъ пещерахъ и которые напоминаютъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, типы періода наносовъ.

Одна изъ этихъ особенныхъ формъ имѣетъ одну сторону необтесанною и, повидимому, предназначенную для держанія рукой; другая же сторона имѣетъ рѣжущее остріе, произведенное помощью многихъ небольшихъ ударовъ. Нѣкоторые изъ этихъ орудій отличаются значительною величиною и, по мнѣнію гг. Кристи и Ларте, употреблялись для раскалыванія дерева, а можетъ быть и для разбиванія большихъ костей млекопитающихъ. Другой, весьма интересный типъ изображенъ на фиг. 143—145. Этотъ экземпляръ обдѣланъ съ обѣихъ сторонъ, но чаще одна сторона оставляется плоскою. Гг. Кристи и Ларте считаютъ этотъ типъ тождественнымъ съ «наконечниками копій», находимыми въ рѣчныхъ наносахъ; однако я не могу вполнѣ согласиться съ ними относительно этого сравненія. Экземпляры Мустье не только меньше, но и самая обдѣлка ихъ иная, далеко

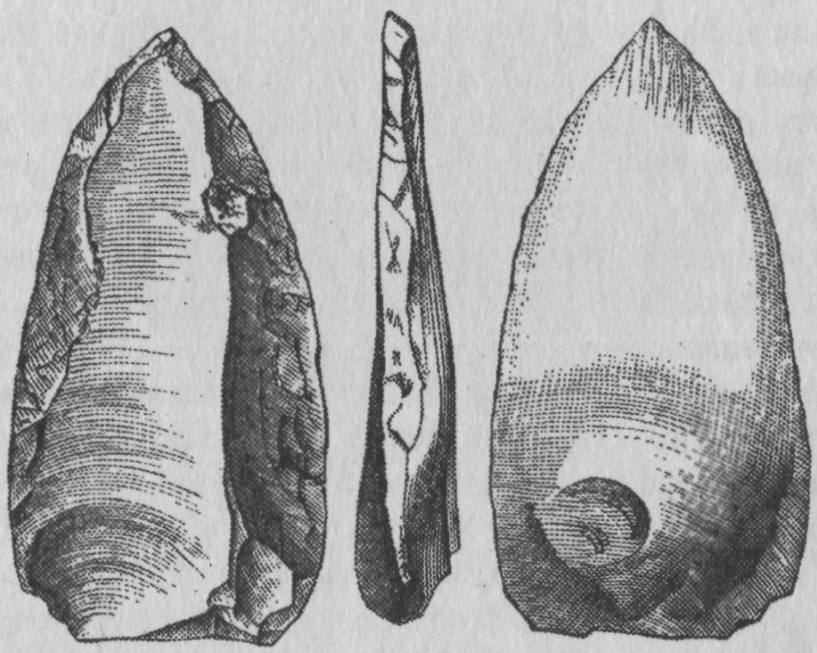
Фиг. 146 и 147.



Фиг. 146—7. Топоръ изъ Сентъ-Ашеля, обтесанный съ двухъ сторонъ.

не такъ смѣлая. Кромѣ того, гладкая поверхность нисколько не составляетъ индивидуальной особенности. Она встрѣчается весьма часто, если не сказать постоянно, и мы находимъ ее также на подобныхъ же орудіяхъ, найденныхъ Бойдъ Даукинсомъ въ гіеновомъ слоѣ вокейской пещеры. Скорѣе, повидимому, этотъ интересный типъ,

Фиг. 148. Фиг. 149. Фиг. 150.



Фиг. 148. Наконечникъ копья изъ Мустье, обтесанный съ одной стороны. Фиг. 149. Онъ же въ профиль. Фиг. 150. Съ плоской стороны.

можетъ быть произведенъ отъ вышеуказанныхъ «рѣжущихъ орудій». и тогда сходство его съ формами орудій изъ наносовъ, будетъ просто случайнымъ и не представляющимъ особой важности. Что касается до ихъ назначенія, то Кристи и Ларте называютъ орудія этого рода «наконечниками копій»; однако еще сомнительно, были ли они дѣйствительно предназначены для подобнаго употребленія, хотя нѣкоторые экземпляры и служили, повидимому, дѣйствительно копьями. Вообще же, хотя эти типы Мустье и представляютъ значительный интересъ, тѣмъ не менѣе, мы еще не можемъ относить ихъ къ формамъ періода наносовъ.

Безъ сомнѣнія, въ безконечномъ разнообразіи формъ, представляемомъ кремневыми орудіями этихъ пещеръ, дальнѣйшія изслѣдованія укажутъ еще и другіе типы, а равно и прольется болѣе свѣта на тѣ цѣли, которыя имѣлись въ виду при ихъ изготовленіи. До настоящаго времени, ни въ одной еще изъ этихъ пещеръ не было найдено полированныхъ орудій. Напротивъ того, въ коллекціи, собранной покойнымъ Мурсеномъ въ окрестностяхъ Perigueux, между

5.025 предметами изъ камня, было не менѣе 3.002 полированныхъ топоровъ, многіе изъ которыхъ, впрочемъ, еще весьма несовершенной обдѣлки.

Фиг. 151.

Фиг. 152.

Фиг. 153.

Фиг. 154.

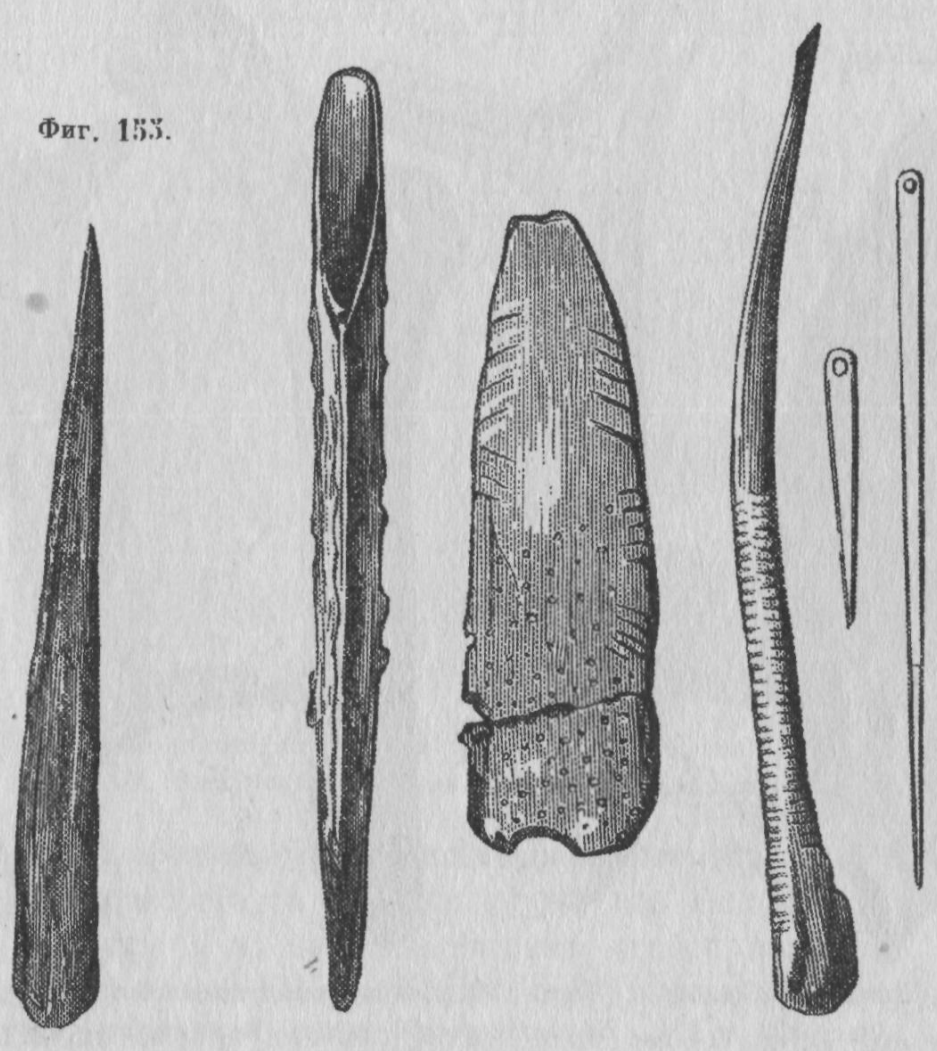
Фиг. 151. Копье изъ Солютре. Фиг. 152. Погамаганъ Эскимосовъ (въ 1/4 натур. величины). Фиг. 153 и 154. Начальническій жезлъ Везерскихъ пещеръ (1/3 натур. величины).

Поселеніе Мустье не дало еще до сихъ поръ ни одного орудія изъ кости, но изъ другихъ пещеръ ихъ было добыто довольно много. «Онѣ состоятъ (по словамъ Кристи) изъ четыреугольныхъ долотовидныхъ орудій, изъ круглыхъ, остроконечныхъ, шилообразныхъ инструментовъ, причемъ нѣкоторые могли служить также крючками для удочекъ; изъ гарпуновидныхъ наконечниковъ копій, изъ гладкихъ или зазубренныхъ наконечниковъ стрѣлъ, Фиг. 155, со многими двойными зубцами, вырѣзанными съ удивительною силою и, наконецъ, изъ иголокъ съ ушками, сдѣланныхъ изъ плотныхъ, хорошо заостренныхъ полированныхъ костей, въ которыхъ маленькія круглыя ушки просверлены съ такою правильностью, что нѣкоторые изъ самыхъ

основательныхъ и остроумныхъ изслѣдователей, высказывали положительное сомнѣніе въ томъ, чтобы онѣ могли быть просверлены камнемъ, покуда Ларте не доказалъ этого опытомъ, при помощи

Фиг. 156. Фиг. 157. Фиг. 158 Фиг. 159—60.

Фиг. 155.



Фиг. 155. Остріе стрѣлы. Фиг. 156. Ложка для вынимания костнаго мозга. Фиг. 157. Счетный реестръ. Фиг. 158. Бирка. Фиг. 159 и 160. Иглы.

тамъ же найденныхъ каменныхъ орудій». Кромѣ того, мы не должны забывать, что Новозеландцы были въ состояніи, при помощи своихъ каменныхъ орудій, просверливать дыры даже на стеклѣ *).

И такъ, всѣ находки, сдѣланныя въ этихъ пещерахъ (за исклю-

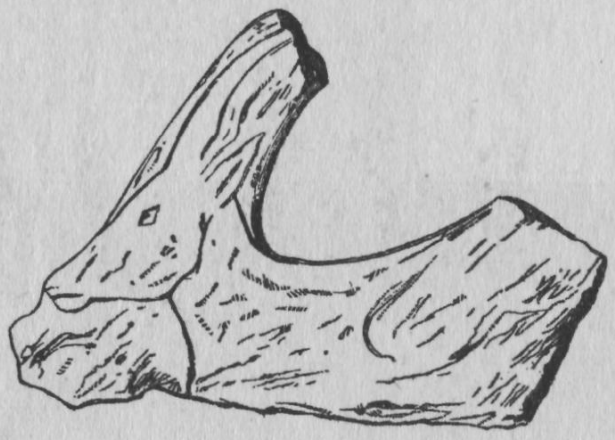
*) Изъ другихъ предметовъ, найденныхъ во французскихъ пещерахъ, можно указать еще на костяныя пластинки или палочки съ зарубками (бирки, счетные реестры? см. фиг. 157 – 8), на костяныя ложки (для добыванія костнаго мозга?), на такъ называемые начальническіе жезлы (?), сходные съ погамаганами Эскимосовъ и пр. *Ред.*

ченіемъ, можетъ быть, только хорошо обдѣланныхъ наконечниковъ стрѣлъ изъ Ложери и Бадегуля), указываютъ на очень далекій, первобытный періодъ, болѣе древній, чѣмъ даже древнѣйшія пфальбауты Швейцаріи или датскіе кьеккенмеддинги. До сихъ поръ ни разу не было найдено ни одного куска металла или глинянаго черепка, которые можно было бы съ достовѣрностью приписать періоду сѣвернаго оленя.

Фиг. 161.

Рисунокъ рыбы.

Фиг. 162.



Рисунокъ горнаго козла.

Однако, существуетъ одинъ классъ предметовъ, въ числѣ найденныхъ въ этихъ пещерахъ, который, взятый въ отдѣльности, могъ бы привести насъ къ совершенно инымъ заключеніямъ. До сихъ поръ, ни въ датскихъ кьеккенмеддингахъ, ни въ швейцарскихъ пфальбаутахъ каменнаго періода, ни разу не находили даже самаго грубаго изображенія какого либо животнаго. Даже на предметахъ бронзоваго вѣка онѣ такъ рѣдки, что еще сомнительно, можно ли привести въ этомъ отношеніи хоть одинъ автентичный примѣръ. Но въ этихъ древнихъ пещерахъ было найдено много прекрасныхъ изображеній, нацарапанныхъ на камнѣ или кости, тонкимъ остріемъ, по всей вѣроятности, какимъ нибудь кремневымъ орудіемъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, замѣчается даже попытка наложить тѣнь.

Уже въ «Annales des Sciences Naturelles», г. Ларте познакомилъ насъ съ нѣкоторыми грубыми рисунками, найденными въ пещерѣ Савинье;

въ послѣднемъ же своемъ мемуарѣ онъ описалъ и изобразилъ ихъ гораздо бо̀льшее число.

Въ пещерахъ Дордоньи также было найдено много такихъ рисунковъ и притомъ, при обстоятельствахъ, которыя ручаются за ихъ подлинность. Фиг. 161, представляетъ цилиндрическій кусокъ оленьяго рога (сѣвернаго оленя), найденный въ Маделенѣ. на которомъ начертаны двѣ рыбы, по одной съ каждой стороны. Фиг. 162, пред-

Фиг. 163.

Группа фигуръ.

Фиг. 164.

Группа сѣверныхъ оленей.

ставляетъ также кусокъ расширенной части оленьяго рога, на которомъ изображены голова и грудь горнаго козла. Фиг. 163, представляетъ весьма курьезную группу, состоящую изъ змѣи или, скорѣе, угря, человѣческой фигуры и двухъ лошадиныхъ головъ. Фиг. 164, изображаетъ живую группу сѣверныхъ оленей, а фиг. 165, по всѣмъ признакамъ, представляетъ мамонта; этотъ послѣдній рисунокъ былъ найденъ въ Маделенѣ и нѣкоторое время оставался не-

замѣченнымъ, такъ какъ онъ довольно неявственъ и затемненъ множествомъ посторонних царапинъ. Онъ сдѣланъ на пластинкѣ изъ

Фиг. 165.

Рисунокъ мамонта.

Фиг. 166.

Рукоятка кинжала.

мамонтова бивня, причемъ длинные волоса животнаго видны довольно явственно.

Другой интересный экземпляръ есть кинжалъ, вырѣзанный изъ рога сѣвернаго оленя (фиг. 166). Художникъ необыкновенно ловко приспособилъ положеніе животнаго къ ограниченному пространству рукоятки. Рога животнаго отогнуты на спину, переднія ноги подобраны подъ брюхо, а заднія ноги вытянуты вдоль клинка. Къ сожалѣнію, кинжалъ этотъ былъ, повидимому, оставленъ неоконченнымъ, хотя нѣкоторыя частности и показываютъ, что животное должно было изображать сѣвернаго оленя. Хотя, конечно, находка этихъ произведеній искусства должна намъ казаться удивительною, тѣмъ не менѣе, можно и между современными дикарями найдти примѣры извѣстной ловкости въ рисованіи и скульптурѣ, вмѣстѣ съ полнѣйшимъ невѣдѣніемъ металловъ. Самый лучшій примѣръ представляютъ въ этомъ случаѣ Эскимосы, образцы рисунковъ которыхъ будутъ представлены въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Если мы попытаемся представить себѣ положеніе и образъ жизни этихъ древнихъ обитателей пещеръ, то мы должны отдать полную справедливость ихъ любви къ искусству, какимъ оно было въ то время; хотя, съ другой стороны, отсутствіе металловъ, полированныхъ кремневыхъ орудій и даже простой глиняной посуды *), незнакомство съ земледѣліемъ и, какъ кажется, отсутствіе всякихъ домашнихъ животныхъ, даже собаки, указываютъ, во всякомъ случаѣ, на очень низкую ступень цивилизаціи и на весьма значительную древность этого народа **).

Есть также доказательства и того, что съ того времени должна была произойти значительная перемѣна въ климатѣ. Сѣверный олень есть самое обыкновенное животное пещеръ и очевидно составлялъ въ то время заселенія ихъ главный родъ пищи, но мы знаемъ, что теперь этотъ видъ встрѣчается только въ сѣверныхъ странахъ и не могъ бы жить на югѣ Франціи. Къ тому же заключенію приводятъ остатки горнаго козла и серны, распространеніе которыхъ ограничивается въ настоящее время снѣжными вершинами Альпъ и Пиренеевъ, а также остатки одного вида сусликовъ. Присутствіе двухъ первыхъ видовъ въ нѣкоторыхъ изъ швейцарскихъ пфальбаутовъ, не имѣетъ одинаковаго значенія, такъ какъ пфальбауты находятся недалеко отъ высокихъ горъ, тогда какъ самые высокіе холмы Дордоньи не превышаютъ 800 футовъ.

---

*) Глиняная посуда, впрочемъ, также весьма рѣдка въ остаткахъ ирландскихъ кранножей, да и въ датскихъ кьеккенмеддингахъ попадаются далеко не часто.

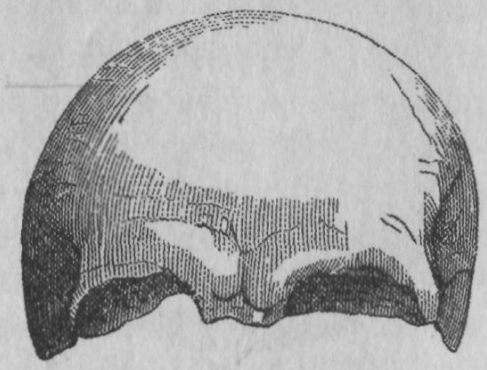
**) Интересныя подробности о вѣроятномъ бытѣ и образѣ жизни этихъ обитателей пещеръ (именно Везерскихъ) можно найдти въ статьѣ П. Брока „Везерскіе троглодиты“ въ сборникѣ „Природа“ 1873 г., книга II.

Другой весьма интересный видъ, недавно опредѣленный Ларте, есть Сайга (Antilope Saiga Pallas), которая въ настоящее время водится только въ самомъ отдаленномъ восточномъ углу Европы, именно въ калмыцкой степи, между Волгой и Манычемъ, хотя еще относительно недавно (въ прошломъ столѣтіи) попадалась и восточнѣе, за Волгой до Днѣпра и даже до равнинъ Польши.

Насколько то можно судить по всѣмъ имѣющимся фактамъ, они указываютъ, повидимому, что обитатели пещеръ вели подобный же образъ жизни, какъ и современные Эскимосы, или какъ Лопари, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ,—и притомъ жили въ эпоху, промежуточную между періодомъ полированнаго камня и періодомъ крупныхъ вымершихъ млекопитающихъ, т. е. слѣдовательно въ эпоху, нѣсколько болѣе древнюю, чѣмъ та, которая соотвѣтствуетъ образованію датскихъ кьеккенмеддинговъ. Но если будетъ дѣйствительно доказано, что эти пещерные люди были современниками пещернаго тигра, пещернаго медвѣдя, пещерной гіены и мамонта, остатки которыхъ были найдены въ нѣсколько сомнительномъ сообществѣ съ костями человѣка, тогда мы должны будемъ, конечно, пріурочить ихъ къ еще болѣе отдаленному періоду.

Что же касается до самихъ пещерныхъ людей, ихъ типа и физическихъ особенностей, то, къ сожалѣнію, мы имѣемъ объ этомъ еще весьма скудныя свѣдѣнія. Правда, обломки человѣческихъ костей

Фиг. 167.



Энгисскій черепъ.

Фиг. 168.

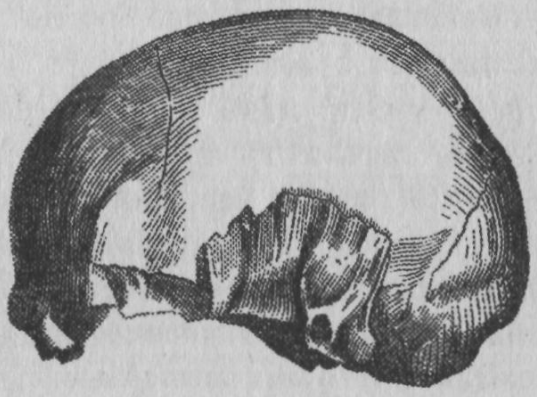
Неандертальскій черепъ.

попадаются довольно часто, но до сихъ поръ извѣстно еще весьма немного случаевъ находокъ достаточно сохранившихся череповъ. Замѣчательно однако, что и эти немногіе весьма значительно разнятся между собою по формѣ. Нѣкоторые изъ нихъ должны быть причислены къ долихоцефаламъ или длинноголовымъ, другіе, напротивъ того, къ брахицефаламъ или короткоголовымъ. Одинъ изъ наи-

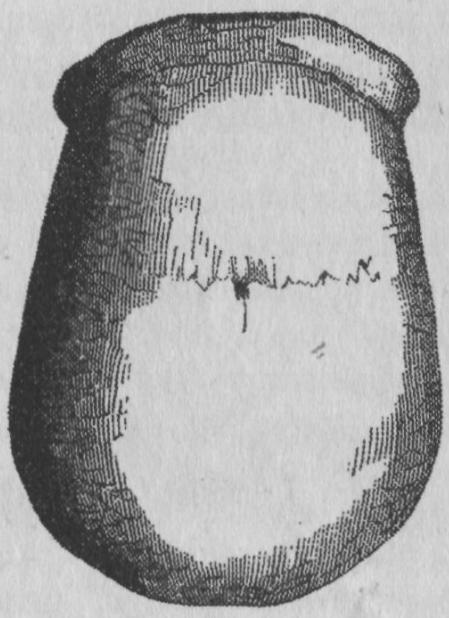
болѣе интересныхъ череповъ, именно найденный Шмерлингомъ, въ пещерѣ Энгисъ, близъ Льежа (см. фигуры), могъ бы отлично принадлежать и нынѣшнему европейцу по крайней мѣрѣ, что касается до

Фиг 169.

Фиг. 170.

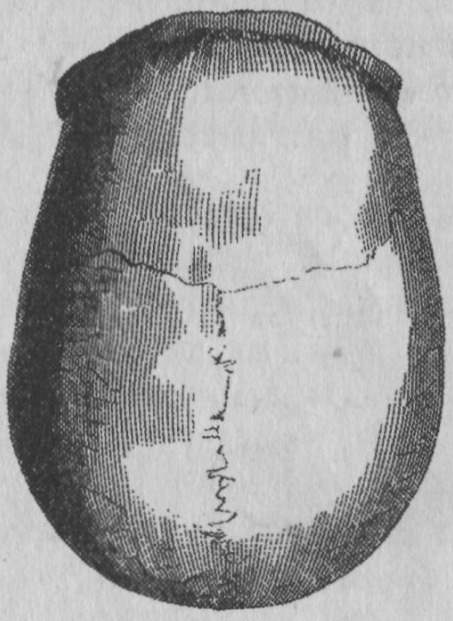


Фи. 171.



Неандертальскій черепъ.

Фиг. 172.



Энгисскій черепъ.

формы. «Онъ не представляетъ никакихъ слѣдовъ деградаціи ни въ одной изъ своихъ частей. Это просто обыкновенный человѣческій черепъ, который могъ принадлежать и философу, и вмѣщать въ себѣ недалекій мозгъ дикаря». Иной видъ представляетъ знаменитый черепъ, найденный въ известняковой пещерѣ Неандерталя, близъ Хохдаля, между Дюссельдорфомъ и Эльберфельдомъ, и описанный перво-

начально д-ромъ Шафгаузеномъ. «Съ какой бы стороны мы не разсматривали бы этотъ черепъ», говоритъ проф. Гексли, «обратимъ ли мы вниманіе на его сжатость въ вертикальномъ направленіи, на необыкновенное развитіе надбровныхъ дугъ, на покатость затылка или на его длинный и прямой чешуйчатый шовъ, вездѣ мы встрѣчаемся съ особенностями обезьяннаго типа, дѣлающими его самымъ обезьяноподобнымъ человѣческимъ черепомъ, изъ всѣхъ до сихъ поръ открытыхъ». Было высказано мнѣніе, что, можетъ быть, этотъ неандертальскій черепъ принадлежалъ идіоту. Однако мы не имѣемъ никакихъ достаточныхъ основаній для этой гипотезы; и хотя форма черепа и представляетъ многія замѣчательныя отличія, тѣмъ не менѣе, заключавшійся въ немъ мозгъ былъ, кажется, довольно объемистъ, именно, какъ полагаетъ Гёкели, равнялся приблизительно 75 кубическимъ дюймамъ, что составляетъ среднюю вмѣстимость череповъ полинезійскихъ и готтентотскихъ. Нужно однакоже принять во вниманіе, что хотя древность этого черепа, безъ сомнѣнія, весьма значительна, но положительныхъ доказательствъ принадлежности его къ періоду вымершихъ млекопитающихъ, никакихъ не имѣется. Кромѣ того, какъ замѣтили Бёскъ и Дэвисъ, «мы должны еще опредѣлить, представляетъ ли эта форма индивидуальную особенность, или же типическій характеръ расы». [Первое, повидимому, вѣроятнѣе, въ особенности, если принять во вниманіе, что г. Вирховъ, осмотрѣвшій недавно весьма внимательно этотъ черепъ (а также и нѣсколько другихъ, найденныхъ вмѣстѣ съ нимъ костей), нашелъ въ немъ положительные слѣды ненормальнаго, патологическаго развитія (rachitis). Замѣтимъ впрочемъ, что черепа, подобные неандертальскому, хотя и не столь низко развитые, были найдены въ послѣднее время и въ другихъ мѣстностяхъ Европы, въ Егизгеймской пещерѣ, Брюкской, Гибралтарскихъ и др. Не менѣе интересные человѣческіе остатки, хотя и совершенно иного типа, были найдены недавно въ одной изъ Везерскихъ пещеръ, именно въ Кроманьонской. Они были изслѣдованы весьма тщательно г. Брока, описаніе котораго мы и позволимъ себѣ привести здѣсь.

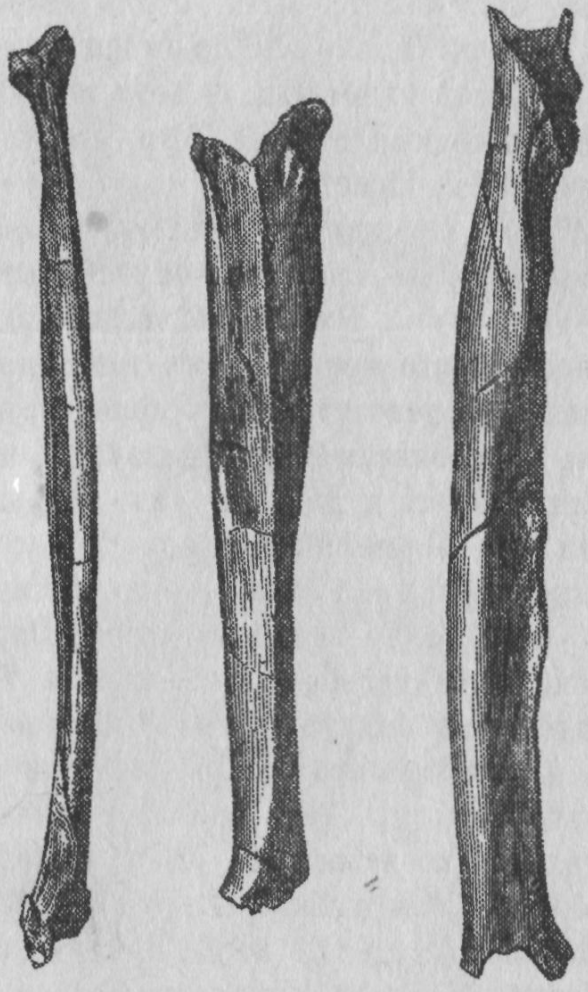
«Въ Кроманьонской пещерѣ были найдены остовы по крайней мѣрѣ пяти человѣкъ; но только три черепа, два мужскихъ и одинъ женскій, сохранились настолько, что ихъ можно было изучить. Одинъ мужчина былъ уже старикъ, другой мужчина, а также и женщина были взрослые. Около нихъ было дитя.

Ростъ ихъ былъ очень высокъ, значительно выше нашего средняго роста. Судя по длинѣ бедряной кости старика, надобно заключить, что онъ былъ нѣсколько выше 1,80 мет. Толщина его костей,

тѣ неровности на ихъ поверхности, къ которымъ прикрѣплялись мускулы, необыкновенное развитіе вѣтви нижней челюсти, къ которой прикрѣплялись жевательные мускулы,—все это указываетъ на атлетическое тѣлосложеніе.

Большія берцовыя кости (tibiae)—не трехгранныя и не призматическія, какъ у насъ, но сплюснуты, какъ у гориллы. Верхняя часть локтевой кости очень толста и изогнута, а ея полулунная вырѣзка (cavitas sigmoidea) очень мала; эти признаки опять напоминаютъ локтевую кость гориллы. Но форма бедряной кости (femur) радикально отличается отъ формъ, встрѣчающихся у обезьянъ. У антропоморфныхъ обезьянъ, тѣло бедряной кости сплюснуто спереди назадъ, т. е. его ширина значительно больше его толщины. На задней его поверхности не замѣчается того продольнаго гребня, который у человѣка носитъ названіе linea aspera. У людей, принадлежащихъ къ нынѣ живущимъ племенамъ,—толщина тѣла этой кости немного больше его ширины. У бедряныхъ костей, найденныхъ въ Кроманьонѣ (фиг. 175), толщина тѣла значительно больше его ширины. Linea aspera развита необыкновенно сильно: это не просто гребень, а настоящая костяная колонка, значительно увеличивающая и крѣпость кости, и поверхность, къ которой прикрѣпляются мускулы. Въ этомъ отношеніи кроманьонская порода людей больше отличалась отъ обезьяньяго типа, чѣмъ теперешнія племена.

Фиг. 173, Фиг. 174. Фиг. 175.

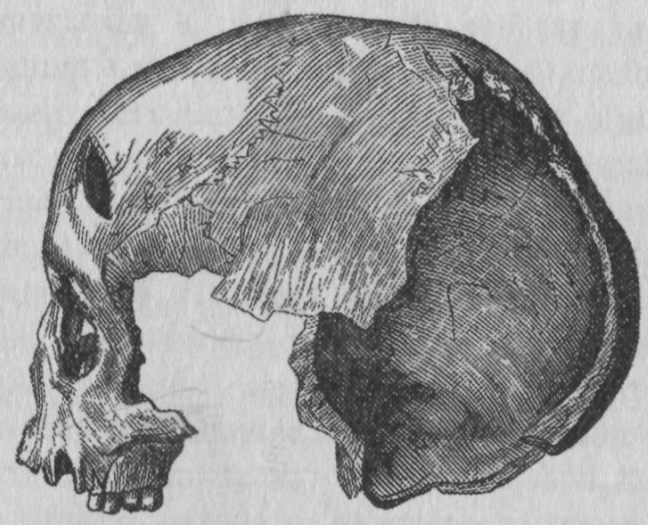


Фиг. 173. Малая берцовая кость старика. Фиг. 174. Сплощенная большая берцовая вость его же. Фиг. 175. Бедряная кость его же.

Скелетъ этихъ троглодитовъ носитъ на себѣ знаки ихъ суровыхъ нравовъ. На одной изъ бедряныхъ костей старика, близь нижняго ея конца, замѣтно углубленіе, похожее на то, которое иногда произ-

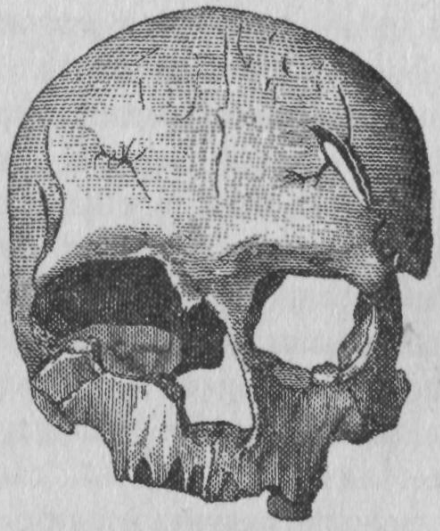
водитъ пуля наизлетѣ. Очевидно, это послѣдствіе старинной раны, полученной можетъ быть на охотѣ, а можетъ быть и на войнѣ. Но,

Фиг. 176.



Черепъ женщины сбоку.

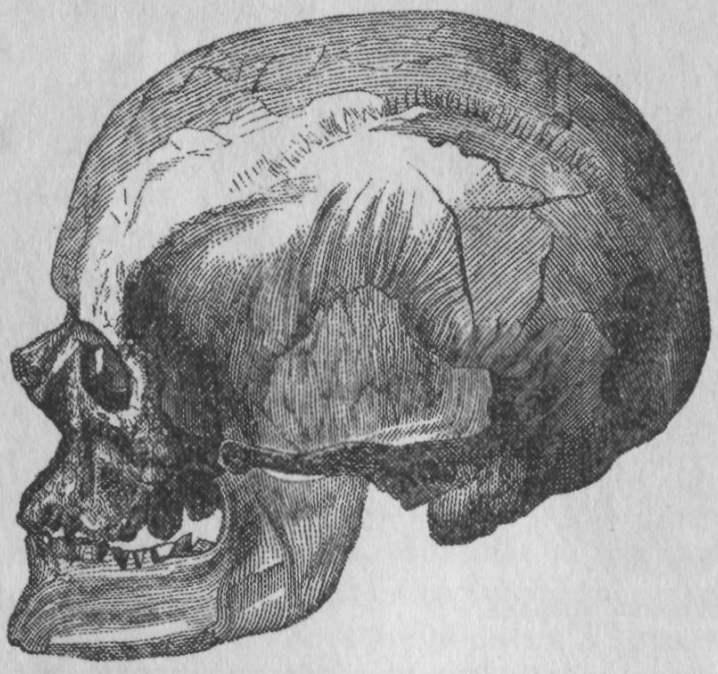
Фиг. 177.



Черепъ женщины спереди.

безъ сомнѣнія, человѣческая рука, вооруженная кремневымъ оружіемъ, сдѣлала продолговатую сквозную рану въ женскомъ черепѣ.

Фиг. 178.



Черепъ старика сбоку

Ширина раны указываетъ на то, что и мозгъ, должно быть, былъ пораненъ. Женщина, однакоже, не сразу умерла отъ этой раны.

Васкуляризація кости на внутренней повёрхности черепа доказываетъ, что она прожила еще дней пятнадцать (фиг. 177).

Это безславное убійство женщины, конечно, не дѣлаетъ чести людямъ Кроманьона. Впрочемъ, изученіе ихъ промышленности убѣдило насъ уже прежде въ томъ, что это были дикари. У нихъ швы въ передней области черепа очень просты, тогда какъ швы задней его части весьма сложны; кромѣ того, первые показываютъ стремленіе срастаться гораздо раньше послѣднихъ. Эти два признака замѣчаются вообще и у народовъ, и у отдѣльныхъ личностей, живущихъ чисто матеріальною жизнью. Кроманьонскіе троглодиты были, слѣдовательно, дикарями; но это были дикари умные и способные къ дальнѣйшему развитію. Рядомъ съ только что указанными особенностями, черепа ихъ представляютъ и несомнѣнные признаки значительнаго развитія головнаго мозга. Эти черепа велики. По своимъ діаметрамъ, по кривизнѣ своей поверхности, по своей вмѣстимости, они равняются теперешнимъ черепамъ средней степени развитія и даже превосходятъ ихъ. Они значительно удлинены, что выражается

Фиг. 179.

Черепъ старика спереди.

Фиг. 180.

Черепъ старика сверху.

терминомъ dolichocephali—длинноголовые; но эта долихоцефалія зависитъ не отъ малой ширины черепа, какъ у негровъ и австралійскихъ племенъ; поперечные размѣры ихъ черепа хорошо развиты; удлиненная форма головы зависитъ отъ увеличенія продольнаго діаметра. Зубной отростокъ верхней челюсти у старика имѣетъ направ-

леніе въ значительной степени косвенное; но верхняя часть черепа вертикальна и лицевой уголъ великъ. Лобъ широкъ, и это вовсе не лобъ, сильно покатый назадъ: онъ очерченъ прекрасною кривою; часть черепной полости, ограниченная лобною костью, указываетъ на значительное развитіе переднихъ долей мозга, а съ этими то долями и находятся въ связи умственныя способности».

[Впрочемъ нужно замѣтить, что хотя древность этихъ череповъ и костей и не подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые палеонтологи не находятъ вполнѣ достаточными доказательства принадлежности ихъ періоду сѣвернаго оленя; и это именно на томъ основаніи, что означенныя кости были найдены близь самой поверхности дна пещеры и выше слоя съ грубыми кремневыми орудіями и остатками вымершихъ млекопитающихъ.]

[Въ дополненіе къ фактамъ, сообщеннымъ въ настоящей главѣ, слѣдуетъ прибавить, что въ послѣднее время число извѣстныхъ пещерныхъ поселеній каменнаго вѣка (періода мамонта и сѣвернаго оленя) значительно увеличилось, такъ какъ къ числу ранѣе найденныхъ во Франціи, Англіи и Бельгіи, присоединились еще многія другія, открытыя въ Германіи, Италіи, Франціи, Австріи, Швейцаріи и пр. Описывать всѣ эти находки, даже вкратцѣ, значило бы выйдти далеко за предѣлы настоящаго сочиненія. Мы позволимъ себѣ только упомянуть о нѣкоторыхъ, наиболѣе интересныхъ въ томъ или другомъ отношеніи.

Изъ числа множества подобныхъ находокъ, сдѣланныхъ въ послѣднее время во Франціи, мы укажемъ только на «поселеніе въ Солютре»—Station de Solutrè, гдѣ было найдено множество лошадиныхъ костей (принадлежащихъ болѣе 10,000 особей), кости сѣвернаго оленя, мамонта, первобытнаго быка, большаго оленя (Вапити), пещернаго и обыкновеннаго медвѣдя, пещерной гіены, сурка, рыси, зайца и пр., а также кремневыя орудія (особаго типа, именно стрѣлки, въ формѣ лавроваго листа, оббитыя съ обѣихъ сторонъ) и долихоцефальные человѣческіе черепа, которые Прунеръ-Бей причисляетъ къ «монголоиднымъ». Нѣсколько человѣческихъ остатковъ было найдено также въ пещерѣ Ложери-Бассъ (Дордонь), относящейся къ вѣку сѣвернаго оленя и въ «пещерѣ мертваго человѣка» (Caverne de l'homme mort Lozére), относимой гг. Прюньеромъ и Брока къ началу неолитическаго періода.

Изъ пещеръ, найденныхъ въ Италіи, можно упомянуть о гротахъ близь Ментоне (на границѣ съ Франціей), гдѣ былъ найденъ, между

прочимъ, цѣлый человѣческій скелетъ съ долихоцефальнымъ черепомъ и съ сплющенными, большеберцовыми костями (подобно кроманьонскимъ), и о такъ называемомъ «голубиномъ гротѣ» (Grotta dei Colombi), на о-вѣ Пальмаріи, близь Спецціи, гдѣ были найдены, между прочимъ, дѣтскія кости, представляющія явственные слѣды ножа, изъ чего можно заключить, что древніе обитатели этой пещеры не чуждались людоѣдства.

Фиг. 181.

Ментонскій троглодитъ.

Подобныя же древнія пещерныя поселенія были найдены въ Германіи и Австріи. Изъ нихъ особенную извѣстность пріобрѣли себѣ: пещера Холенфельса (Hohlenfels bei Schelklingen), изслѣдованная Фраасомъ, и такъ называемая «разбойничья» пещера (Räuberhöhle am Schelmengraben) въ баварскомъ Оберъ-Пфальцѣ, изслѣдованная Циттелемъ. Затѣмъ, такіе же остатки древнихъ пещерныхъ поселеній и погребеній были найдены въ Моравіи (Бычійская пещера), близь Кракова (изслѣдованныя г. Завишей) и, въ самое послѣднее время, близь Шафгаузена, въ Швейцаріи (пещеры Тайнгенская и Фреуденталь ская). Находки, сдѣланныя въ этихъ двухъ послѣднихъ пещерахъ, еще до настоящаго времени не описаны, но судя по нѣкоторымъ сообщеніямъ Фрааса и Рютимейера, онѣ должны быть весьма

интересны. Здѣсь было найдено множество костей сѣвернаго оленя, медвѣдя, лошади, зубра, лося, носорога, мамонта, пищухи, песца и др. животныхъ сѣверныхъ странъ, а также кости пещернаго льва (пещернаго медвѣдя и гіены не найдено) и остатки человѣческой индустріи и искусства. Изъ послѣднихъ, въ особенности интересны орудія и пластинки изъ оленьяго рога, обдѣланныя весьма тщательно, и нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ весьма искусно (можно сказать художнически) сдѣланныя изображенія оленей, лошадей и пр., много превосходящія по своему качеству подобныя же изображенія, добытыя изъ французскихъ пещеръ Дордони.

Въ заключеніе, мы позволимъ себѣ упомянуть о недавно вышедшемъ сочиненіи Бойдъ-Даукинса, посвященнаго исключительно изслѣдованію древнихъ пещерныхъ поселеній (Boyd Dawkins, Cave Hunting. Researches on the évidence of caves respecting the early inhabitants of Europe. L. 1874). Авторъ раздѣляетъ всѣ пещерныя поселенія на: *историческія* (встрѣчаются рѣдко, хотя въ Англіи были найдены относящіяся къ V и VI вѣкамъ по Р. Х.); *бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ* (также довольно рѣдки); *неолитическія* (сюда относятся пещеры Perthi-Chwareu, въ Денбигширѣ, гдѣ, въ числѣ человѣческихъ костей, были найдены, между прочимъ, сплющенныя большеберцовыя кости (tibiae platycnemicae) и femores carinatae; къ этому же разряду, по всей вѣроятности, относится бо́льшая часть поселеній и погребеній французскихъ пещеръ, точное опредѣленіе древности которыхъ (равно какъ Енгисскаго и Неандертальскаго череповъ) еще впрочемъ сомнительно; *палеолитическія* (*плейстоценовыя*)— къ которымъ относятся: кентская, бриксгамская, уокейская и нѣкоторыя другія пещеры Англіи и Франціи.]

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Рѣчные наносы гравія.

[Отложенія дилювіальнаго (плейстоценоваго) періода].

Въ то время, когда наши взоры были обращены на Востокъ и мы, съ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдили за раскопками въ Египтѣ и Ассиріи, передъ нами вдругъ блеснулъ новый свѣтъ, и самые древніе памятники человѣческаго рода были найдены не между развалинами Геліополиса и Ниневіи, не въ песчаныхъ равнинахъ Нила или Евфрата, но въ прелестныхъ долинахъ Англіи и Франціи, на берегахъ Сены, Соммы, Темзы и Уэвенейя.

Эти открытія были такъ неожиданны, такъ несогласны, даже съ съ самою глубочайшею, до тѣхъ поръ приписываемою человѣческому роду древностью, что къ нимъ долгое время относились съ невниманіемъ и недовѣрчивостью. Еще въ 1841 году, Буше де-Пертъ, которому мы такъ много обязаны этимъ великимъ шагомъ впередъ въ исторіи человѣчества, открылъ въ Маншкуртѣ, близь Аббевилля, въ песчаномъ слою, содержавшемъ остатки вымершихъ млекопитающихъ, кусокъ кремня, грубо обдѣланный въ форму рѣжущаго орудія. Въ слѣдующемъ году были найдены другія орудія, при подобныхъ же обстоятельствахъ, въ особенности при устройствѣ Марсоваго поля, близь Аббевилля, когда при срытіи большихъ массъ гравія было открыто много такъ называемыхъ «топоровъ». Въ 1846 году, Буше де-Пертъ опубликовалъ свой первый трудъ по этому предмету, подъ заглавіемъ: «De l'Industrie Primitive, ou les Arts et leur Origine». Въ этомъ сочиненіи онъ объявилъ, что имъ найдены человѣческія орудія, въ слояхъ, несомнѣнно принадлежащихъ дилювіальному періоду. Въ послѣдующемъ своемъ сочиненіи: «Antiquités Celtiques et Antédiluviennes» (1847 г.), онъ представилъ также и многочисленные рисунки этихъ каменныхъ орудій, но, къ сожалѣнію, рисунки были сдѣланы такъ грубо, что по нимъ почти невозможно было составить себѣ вѣрное

понятіе объ оригиналахъ. Въ продолженіе семи лѣтъ, Буше де Пертъ пріобрѣлъ весьма немногихъ вѣрующихъ; большинство считало его за мечтателя, почти за сумасшедшаго. Наконецъ, въ 1853 году, д-ръ Риголло, который до тѣхъ поръ относился также скептически къ этому открытію, изслѣдовалъ самъ дилювіальныя отложенія близъ столь знаменитаго нынѣ Сентъ-Ашёля, недалеко отъ Амiена (Amiens), нашелъ тамъ много каменныхъ орудій и убѣдился въ истинѣ открытій Буше де-Перта. Тѣмъ не менѣе, новое ученіе это нашло себѣ мало поклонниковъ; извѣстно, что «никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ», и Буше де-Пертъ не былъ исключеніемъ изъ этого правила. Наконецъ, счастье улыбнулось и ему. Въ 1859 году, д-ръ Фалькоперъ, проѣзжая черезъ Аббевилль, осмотрѣлъ коллекцію, собранную Буше де-Пертомъ и, по возвращеніи въ Англію, обратилъ вниманіе гг. Прествича, Эванса и другихъ англійскихъ геологовъ на важность сдѣланнаго открытія. Потомъ, въ 1859—60 годахъ, долину Соммы посѣтили сначала Прествичъ и Эвансъ, а вскорости за ними также сэръ Ч. Лайель, сэръ Мурчисонъ, гг. Бёскъ, Флауэръ, Годвинъ Аустенъ, Кристи, Рупертъ Джонсъ, я и другіе геологи. Поэтому, аббатъ Кошѐ былъ совершенно правъ, когда въ своемъ «Rapport adressè à Monsieur le Sénateur Préfet de la Seine Inférieure», отдавая должную справедливость гг. Буше де-Перту и Риголло, прибавляетъ: Mais ce sont les géologues anglais, en tête desquels il faut placer d'abord M. M. Prestwich et Evans.... qui.... ont fini par élever à la dignité de fait scientifique la découverte de M. Boucher de Perthes».

Мою поѣздку въ долину Соммы я сдѣлалъ въ сообществѣ съ гг. Бёскомъ, капитаномъ Гальтономъ и Прествичемъ, а результаты ея были сообщены мною въ «Natural History Review», въ статьѣ: «On the Evidence of the Antiquity of Man afforded by the Physical Structure of the Somme Valley». Я не нахожу основаній измѣнить и теперь общіе выводы, изложенные въ той статьѣ, такъ что настоящая глава можетъ быть разсматриваема, въ сущности, какъ ея перепечатка.

Мы осматривали самымъ тщательнымъ образомъ не только самыя кремневыя орудія, но также и слои, въ которыхъ они были найдены. Для такого осмотра, оба соотечественника мои имѣли всѣ необходимыя качества: Прествичъ,—благодаря своему продолжительному изученію и основательному знанію третичныхъ и дилювіальныхъ отложеній, а Эвансъ—по своему близкому знакомству съ каменными орудіями, принадлежащими тому періоду, который мы теперь должны считать вторымъ или, по меньшей мѣрѣ, новѣйшимъ каменнымъ вѣкомъ. По возвращеніи въ Англію, Прествичъ сообщилъ результаты своей поѣздки въ Королевскомъ обществѣ, а Эвансъ опи-

салъ самыя орудія въ трудахъ Лондонскаго антикварнаго общества. Вскорѣ послѣ этого перваго посѣщенія, Прествичъ препроводилъ въ Парижскую академію наукъ, чрезъ г. Эли де-Бомона, свое сообщеніе, въ которомъ онъ доказывалъ важность этихъ открытій и высказывалъ надежду, что онѣ побудятъ геологовъ всѣхъ націй «á une étude encore plus approfondie des terrains quaternaires». Послѣ такого убѣдительнаго заявленія, парижскіе геологи рѣшились, наконецъ, обратить вниманіе на открытія Буше де-Перта и послали г. Годри, получившаго извѣстность своими интересными палеонтологическими изслѣдованіями въ Греціи, осмотрѣть внимательно, какъ самыя орудія, такъ и мѣстности, въ которыхъ они были найдены.

Годри былъ такъ счастливъ, что ему удалось найдти многія кремневыя орудія in situ, и его отчетъ, вполнѣ подтвердившій увѣренія Буше де-Перта, привлекъ скоро въ долину Соммы и другихъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ я упомяну о гг. Катрфажѣ, Ларте, Колломбѣ, Гебертѣ, дю Вернёйлѣ и Пуше.

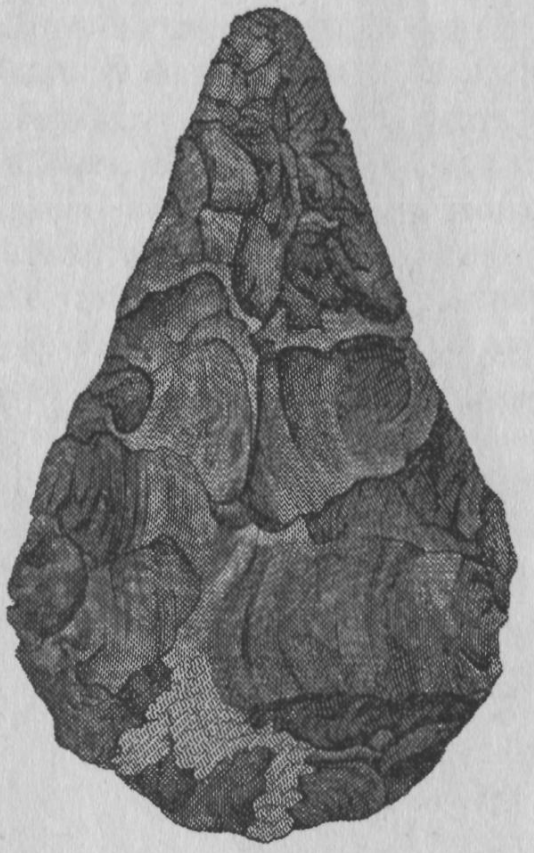
Въ своихъ «Antiquités Celtiques», г. Буше де-Пертъ высказалъ предположеніе, что нѣкоторыя ямы гравія близъ Гренелля, недалеко отъ Парижа, также, судя по ихъ положенію и виду, должны заключать въ себѣ кремневыя орудія. Позже, г. Госсе дѣйствительно нашелъ здѣсь (слѣдовательно въ долинѣ Сены) нѣсколько кремневыхъ орудій; а г. Пенье-Делакуръ сдѣлалъ подобное же открытіе въ долинѣ Уазы, около Преси, недалеко отъ Крейля, гдѣ былъ найденъ также одинъ кремневый топоръ.

Эти открытія не ограничились Франціею. Въ Британскомъ музеѣ уже съ давнихъ поръ хранилось одно каменное орудіе грубой работы, описанное такимъ образомъ въ каталогѣ: «№ 246. Британское каменное орудіе, найденное тамъ-то и тамъ-то вмѣстѣ съ зубомъ слона, въ присутствіи г. Коньерса. Представляетъ большой кусокъ чернаго кремня, обдѣланный въ формѣ острія копья». Это весьма интересное орудіе совершенно сходно съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которыя были найдены позже въ долинѣ Соммы. Подобнымъ же образомъ, г. Эвансъ, по своемъ возвращеніи изъ Аббевилля, замѣтилъ въ музеѣ, принадлежащемъ Антикварному обществу, нѣсколько экземпляровъ, совершенно сходныхъ съ находящимися въ коллекціи Буше де-Перта. По справкамъ оказалось, что они были принесены въ даръ г. Фреромъ, который нашелъ ихъ, вмѣстѣ съ костями вымершихъ животныхъ, въ одной ямѣ гравія, около Гоксна, въ Суффолькѣ, и описалъ, съ приложеніемъ рисунковъ, въ журналѣ «Archaeologia» за 1800 годъ. Затѣмъ, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, было найдено одно подобное же, грубое каменное орудіе г. Уайтбёрномъ, близъ

Годальмина, «на срединѣ кучи, между этимъ мѣстечкомъ и Гюльдфордомъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что этотъ характеристическій типъ кремневыхъ орудій былъ находимъ въ дѣйствительности въ различное время, вмѣстѣ съ костями мамонта, въ продолженіи почти полутораста лѣтъ,—фактъ, вполнѣ подтверждающій открытія Буше де-Перта, но тѣмъ не менѣе, нисколько не умаляющій наше уваженіе къ трудамъ этого изслѣдователя.

Фиг. 182.

Фиг. 183.



Кремневое орудіе, найденное близъ Гоксна въ Англіи (въ ½ натур. велич.).

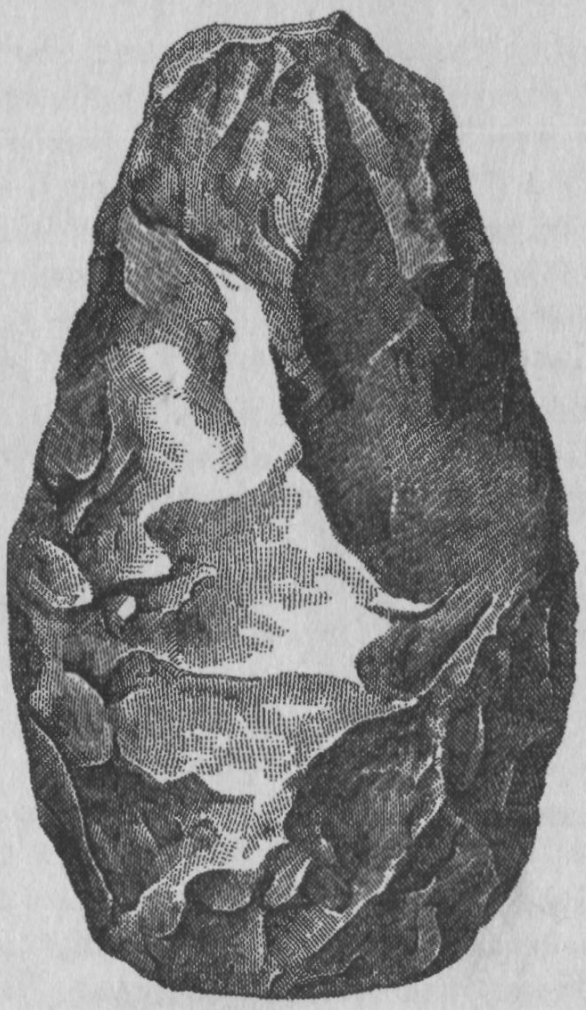
Кромѣ упомянутыхъ выше, подобные топоры были найдены также и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Англіи, часто вмѣстѣ съ остатками вымершихъ животныхъ; такъ, г. Wyatt, въ одномъ слоѣ гравія, близъ Бетфорда, нашелъ, вмѣстѣ съ костями мамонта, носорога, гиппопотама, быка, лошади и оленя, кремневыя орудія, весьма сходныя съ двумя главными типами изъ Аббевилля и Аміена. Подобныя же открытія были сдѣланы и на многихъ пунктахъ континента Европы, а также и въ другихъ частяхъ свѣта, какъ напримѣръ въ Ассиріи, въ Сѣверной Америкѣ и въ Индостанѣ, гдѣ впрочемъ, за исключеніемъ развѣ послѣдней страны, они врядъ ли от-

носятся къ особенно глубокой древности. Индійскіе экземпляры этихъ орудій были описаны г. Брюсъ-Футомъ. Они найдены въ Мадрасской и Сѣверо-Аркотской провинціи, сдѣланы большею частью изъ кварцита, и нѣсколько ихъ было добыто in situ гг. Футомъ и Кингомъ, на глубинѣ 3—10 футовъ. По своей формѣ они весьма напоминаютъ

Фиг. 184.

Кремневое орудіе изъ Гоксна (сбоку, въ $^1/_2$ натур. велич.).

Фиг. 185.



Каменное орудіе изъ Мадраса.

соотвѣтственные европейскіе экземпляры; къ сожалѣнію, отсутствіе въ заключавшихъ ихъ слояхъ костей не позволяетъ опредѣлить точнѣе ихъ палеонтологическую древность. Впрочемъ, обдѣланные

камни (агаты) были найдены также въ отложеніяхъ Нербудды, «которыя», по словамъ Бланфорда, «несомнѣнно относятся къ тому же самому періоду, какъ и другія отложенія этой самой рѣки, заключающія въ себѣ кости Elephas insignis, E. Namadicus, Hippopotamus palaeindicus, Bos palaeindicus и Bos Namadicus».

Экземпляры, найденные въ долинѣ Соммы, находятся въ связи, какъ я постараюсь доказать далѣе, съ настоящей системой рѣкъ, и тоже самое было замѣчено относительно находокъ этого рода въ Англіи. Дальнѣйшія изслѣдованія однако показали, что бываютъ случаи, когда кремневыя орудія попадаются и въ такихъ слояхъ гравія, которые не имѣютъ никакого соотношенія къ существующимъ рѣчнымъ системамъ. Нѣсколько такихъ слоевъ было открыто г. Флауэромъ въ восточныхъ графствахъ Англіи, и я имѣлъ удовольствіе осмотрѣть ихъ вмѣстѣ съ нимъ. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ просто низкія кучи гравія около 15 футовъ толщины, лежащія посреди болотъ и окруженныя со всѣхъ сторонъ низкою и ровною мѣстностью. Тѣмъ не менѣе, въ этихъ слояхъ, и именно въ нижнихъ частяхъ ихъ было найдено множество кремневыхъ орудій, характеристичныхъ палеолитическихъ типовъ.

Нѣкоторые изъ Гампширскихъ экземпляровъ были также найдены in situ, въ массѣ дилювіальнаго гравія, покрывающаго третичные пласты и прорѣзаннаго всѣми потоками, которые въ настоящее время впадаютъ въ Соутгемптонскій лиманъ. Эта масса гравія не ограничивается однако собственно Англіею, но покрываетъ также Форландскія скалы на восточной сторонѣ острова Уайта, гдѣ одно овальное кремневое орудіе было найдено недавно г. Кодрангтономъ. Какъ показалъ г. Эвансъ, мы видимъ въ этомъ открытіи ясное доказательство того, что человѣкъ жилъ въ этой странѣ, прежде нежели еще образовался Соутгемптонскій лиманъ и островъ Уайтъ отдѣлился отъ материка Англіи, такъ что мы можемъ, слѣдовательно, смотрѣть на эти орудія, какъ на самыя убѣдительныя доказательства древности человѣка, которую онѣ отодвигаютъ къ періоду, гораздо болѣе отдаленному, чѣмъ тотъ, который обыкновенно приписывался ему ранѣе.

Поэтому, мы не должны удивляться, что заявленіямъ г. Фрера не вѣрили въ продолженіи цѣлаго полустолѣтія, что орудіе, найденное Коньерсомъ, болѣе столѣтія оставалось незамѣченнымъ; что открытія Буше де-Перта цѣлые пятнадцать лѣтъ были игнорированы; что многочисленные случаи нахожденія остатковъ человѣка вмѣстѣ съ костями вымершихъ животныхъ, были скрываемы или объясняемы инымъ путемъ: эти факты показываютъ только, какъ глубоко уко-

ренилось убѣжденіе въ относительно недавнемъ появленіи человѣка и, какія бы другія обвиненія мы не взводили на геологовъ, ихъ нельзя упрекнуть въ поспѣшности принятія новой теоріи—о совмѣстномъ существованіи человѣческаго рода съ нынѣ-вымерщими толстокожими млекопитающими Европы.

Тѣмъ не менѣе, хотя въ настоящее время всѣ геологи почти единогласно признаютъ глубокую древность этихъ оригинальныхъ орудій, намъ нѣтъ необходимости считать ихъ непреложными судьями въ этомъ дѣлѣ; будемъ смотрѣть на нихъ, только какъ на свидѣтелей. Вотъ вопросы, которые нужно рѣшить въ этомъ случаѣ.

1) Сдѣланы ли такъ называемыя кремневыя орудія рукою человѣка?

2) Также ли древни кремневыя орудія, какъ тѣ отложенія, въ которыхъ онѣ встрѣчаются и какъ тѣ кости вымершихъ животныхъ, между которыми онѣ были найдены?

3) При какихъ обстоятельствахъ образовались эти отложенія и какое право имѣемъ мы приписывать имъ глубокую древность?

На первые два вопроса, почти каждый геологъ, сколько нибудь обратившій вниманіе на этотъ предметъ, далъ бы несомнѣнно утвердительный отвѣтъ. Къ счастью, однако, для полноты обсужденія этого вопроса здѣсь есть и исключеніе. Въ «Blackwood Magazine» за октябрь 1860 года, была помѣщена довольно интересная статья по этому предмету, въ которой авторъ утверждаетъ, что оба послѣдніе, указанные выше вопроса еще не разрѣшены. Но, что касается до самихъ орудій, то здѣсь не существуетъ различія мнѣній. «Орудія эти», говоритъ авторъ только что указанной статьи, «носятъ несомнѣнные слѣды обдѣлки ихъ рукою человѣка». Другой компетентный свидѣтель, проф. Рамзай, говоритъ: «Въ продолженіи болѣе двадцати лѣтъ, я ежедневно имѣлъ въ рукахъ камни, обдѣланные природою или человѣкомъ, и могу увѣрить, что кремневые топоры Аміена и Аббевилля кажутся мнѣ такими же несомнѣнными произведеніями искусства, какъ и какой нибудь шеффильдскій стальной ножикъ». Но самое лучшее, если мы сами употребимъ часъ или два на внимательный осмотръ формъ обыкновенныхъ кремневыхъ голышей; тогда мы навѣрное убѣдимся, что какъ бы ни были грубы эти каменныя орудія, все-таки они несомнѣнно обдѣланы рукою человѣка.

Можно было бы однакоже предположить, что это ничто иное какъ поддѣлки, сдѣланныя хитрыми рабочими для того, чтобы ввести въ заблужденіе неосмотрительныхъ геологовъ. Но они были находимы многими геологами — Буше де-Пертомъ, Генслоу, Кристи, Уаттомъ, Флоуэромъ, Эвансомъ, мною и другими, при такихъ обстоятельствахъ,

которыя исключаютъ всякую мысль объ обманѣ. Такъ, Престичъ описываетъ одинъ подобный случай, когда онъ, хотя и не самъ вытащилъ орудіе, но явственно увидѣлъ его еще на своемъ первоначальномъ мѣстѣ. «Оно лежало плашмя въ гравіѣ на 17-ти футахъ глубины подъ поверхностью пласта и на $6^1/_2$ футовъ выше слоя мѣлу. Одна сторона орудія нѣсколько высовывалась наружу изъ отвѣсной стѣны ямы, причемъ окружающій его гравій былъ нетронутъ и представлялъ обыкновенную ровную поверхность. Я самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовалъ добытый экземпляръ и не нашелъ никакой причины сомнѣваться въ естественности его первоначальнаго положенія, потому что гравій лежитъ обыкновенно такъ неплотно, что одинъ ударъ киркой заставляетъ его обсыпаться на довольно значительной поверхности стѣны, привести которую въ первоначальный видъ, съ помощью того же матеріала, едва ли возможно, по причинѣ необыкновенной рыхлости послѣдняго. Къ тому же, вынувъ кремень, я убѣдился, что сторона, высовывавшаяся наружу, была самая тонкая, и что другая сторона была гораздо толще и значительно менѣе обдѣлана». Но доказательства такого рода хотя и представляютъ интересъ, однако въ нихъ нѣтъ крайней надобности: *добытые кремни говорятъ въ этомъ случаѣ сами за себя*. Многіе изъ нихъ болѣе или менѣе закруглены или стерты на своихъ лезвеяхъ. Тѣ, которые лежали въ кварцовомъ или въ мѣловомъ пескѣ, всегда болѣе или менѣе отполированы и имѣютъ красивую, блестящую поверхность, рѣзко отличную отъ поверхности свѣжаго, только что расколотаго кремня. Въ охристомъ пескѣ, «особенно если онъ содержитъ глину, орудія эти бываютъ покрыты обыкновенно желтыми пятнами тогда какъ въ темномъ желѣзистомъ пескѣ или глинѣ, онѣ принимаютъ бурый, коричневый оттѣнокъ», а въ нѣкоторыхъ другихъ слояхъ становятся бѣлыми и фарфоровидными. Кромѣ того, во многихъ случаяхъ они бываютъ покрыты корою изъ углекислой извести и маленькими дентритическими узорами. Свѣже разломанные мѣловые кремни бываютъ, напротивъ того, матово-чернаго или свинцово-сѣраго цвѣта и никогда не представляютъ бѣлыхъ или желтыхъ пятенъ; притомъ поверхность ихъ всегда матовая и лишена того блеска, который свойственъ экземплярамъ, подвергавшимся долгое время вліянію воздуха. Наконецъ, само собою понятно, что на нихъ не можетъ быть ни дендритовъ, ни коры или налета углекислой извести.

Между тѣмъ поддѣлки (а такія дѣйствительно бывали) отличаются отъ настоящихъ орудій именно тѣми признаками, какими только что отломанные кремни отличаются отъ долго лежавшихъ въ пескѣ или

гравіѣ, или подверженныхъ долгое время вліянію атмосферныхъ дѣятелей. Цвѣтъ ихъ всегда черный и никогда не бываетъ бѣлымъ или желтымъ; поверхность ихъ не блестящая, но матовая, и на нихъ никогда не встрѣчается дентритическихъ узоровъ или инкрустацій. Никакому ловкому поддѣлывателю невозможно обмануть насъ, сдѣлавши топоръ изъ пятнистаго кремня, потому что естественное выцвѣтаніе кремня весьма поверхностно, рѣдко простирается болѣе $^1/_4$ дюйма въ толщину и слѣдуетъ за теперешними очертаніями кремня, показывая тѣмъ, что измѣненіе цвѣта произошло уже послѣ обработки кремня. Между тѣмъ, если бы была сдѣлана попытка обмануть при помощи такого кремня, то обманъ этотъ легко могъ бы быть открытъ, такъ такъ при каждомъ ударѣ о такой кремень, отъ него отскакивалъ бы кусочикъ наружной поверхности и обнажалъ бы внутренній черный кремень.

Кромѣ того, не нужно забывать, что когда Буше де-Пертъ публиковалъ свое первое сочиненіе, орудія, тамъ описанныя, не представляли сходства ни съ какими, извѣстными до тѣхъ поръ археологамъ. Однако, послѣ того, подобныя орудія были найдены въ Англіи, Франціи и другихъ странахъ, и даже, какъ уже было упомянуто, сдѣлалось извѣстнымъ, что много лѣтъ тому назадъ, въ Англіи были описаны два раза такія же орудія и притомъ, въ обоихъ случаяхъ они были найдены вмѣстѣ съ костями вымершихъ животныхъ. Относительно этого вопроса, слѣдовательно, не можетъ быть болѣе убѣдительныхъ доказательствъ.

Обратимся теперь ко второму вопросу и обсудимъ: одинакова ли древность кремневыхъ орудій съ пластами, въ которыхъ они встрѣчаются и съ остатками вымершихъ животныхъ, съ которыми ихъ весьма часто находятъ?

Нѣкоторыми учеными было высказано предположеніе, что хотя орудія эти и встрѣчаются въ пластахъ, содержащихъ въ себѣ кости вымершихъ млекопитающихъ, тѣмъ не менѣе, они могутъ быть относительно новѣйшаго происхожденія и принадлежать, въ дѣйствительности, неолитическому или позднѣйшему каменному періоду, причемъ они могли попасть въ болѣе низкіе слои или по ихъ собственной тяжести или, можетъ быть, были погребены даже нарочно въ искусственныя углубленія. Но противъ этого нужно замѣтить, что здѣсь не существуетъ никакихъ трещинъ или разсѣлинъ, черезъ которыя орудія эти могли бы проникнуть сверху до ихъ теперешняго уровня, а самые пласты «во всякомъ случаѣ слишкомъ плотны и неподвижны, чтобы допустить возможность такого внѣдренія или погруженія черезъ ихъ толщу предметовъ, находившихся на ихъ по-

верхности». Нельзя было также вырыть яму и снова наполнить ее тѣмъ же матеріаломъ безъ того, чтобы измѣненіе это не оставило бы послѣ себя явственныхъ слѣдовъ.

Кромѣ того, въ этихъ случаяхъ мы можемъ основываться также на самыхъ кремняхъ, которые, какъ мы видѣли уже выше, совершенно сооотвѣтствуютъ, по виду и цвѣту, тому же гравію, въ которомъ они находятся; это показываетъ, что они были подвержены однимъ и тѣмъ же вліяніямъ. Если бы они принадлежали позднѣйшему каменному періоду и попали бы въ эти пласты гравія случайно, тогда они должны были бы быть похожи на другія кремневыя орудія каменнаго вѣка. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Конечно, осколки кремня не отличаются ничѣмъ особеннымъ, и подобные же, или сдѣланные изъ обсидіана, были употребляемы, за отсутствіемъ металловъ, почти всѣми дикими племенами во всѣ времена и во всѣхъ странахъ. Но другія орудія, напротивъ того, весьма характеристичны. Почти всѣ они сдѣланы исключительно изъ кремня, между тѣмъ какъ въ позднѣйшій каменный періодъ, для приготовленія ихъ употреблялись также многіе другіе минералы, какъ напр. серпентинъ, яшма, глинистый сланецъ и т. д. Форма орудій также оригинальна: нѣкоторыя изъ нихъ овальны, съ краями, обдѣланными въ лезвее и имѣютъ въ длину отъ 2 до 8 или 9 дюймовъ. Другія тоже овальны, но нѣсколько заострены на одномъ концѣ; третьи, наконецъ, имѣютъ одинъ конецъ широкій и массивный, а другой — вытянутый и острый. Г. Эвансъ полагаетъ, что эти послѣднія служили наконечниками копій или дротиковъ, и считаетъ простою разновидностью этого типа тѣ изъ нихъ, у которыхъ острый конецъ нѣсколько округленъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, были, однакоже, очевидно приспособлены для употребленія отъ руки, и по всей вѣроятности служили для другой цѣли; по моему мнѣнію, ихъ можно бы было считать четвертымъ типомъ, хотя я долженъ признаться, что всѣ эти типы тѣсно связаны между собою множествомъ переходныхъ формъ. Во всякомъ случаѣ, остріе или лезвее здѣсь всегда находится на тонкомъ концѣ, тогда какъ овальные цельты неолитическаго періода почти всегда представляютъ обратное.

Далѣе, нужно замѣтить, что кремневыя орудія наносовъ никогда не бываютъ полированными или шлифованными, а всегда только обтесанными или, вѣрнѣе, оббитыми. Мы можемъ съ увѣренностью сказать, что въ наносныхъ пластахъ гравія Франціи и Англіи было найдено по крайней мѣрѣ около пяти тысячъ экземпляровъ такихъ орудій, и между всѣмъ этимъ громаднымъ количествомъ нѣтъ ни одного, который бы представлялъ хотя малѣйшіе слѣды полировки.

Наоборотъ, почти совершенно обратное тому намъ представляютъ цельты позднѣйшаго каменнаго періода. Правда, это послѣднее правило не безъ исключеній; такъ напримѣръ въ Даніи попадаются двѣ формы такъ называемыхъ «топоровъ», которыя не представляютъ полировки, это именно маленькіе треугольные топоры изъ кьеккенмеддинговъ и большинство массивныхъ и четыреугольныхъ сѣкиръ. Но обѣ эти формы орудій ни въ какомъ другомъ отношеніи не сходны съ находимыми въ наносахъ и никоимъ образомъ не могутъ быть съ ними смѣшаны. Вообще, не преувеличивая, можно сказать, что неизвѣстно ни одного автентичнаго примѣра находки «каменныхъ цельтовъ» въ наносахъ или, наоборотъ, орудій плейстоценоваго періода въ тумулусахъ или вмѣстѣ съ остатками позднѣйшаго каменнаго вѣка.

Безполезно было бы разсуждать о томъ, для какого употребленія предназначены были эти грубыя, но столь почтенныя по своей древности орудія. Съ одинаковымъ основаніемъ можно бы было спросить, для какой цѣли они не могли быть употребляемы? Какъ бы ни были многочисленны и спеціализированы наши новѣйшіе инструменты, но кто можетъ точно опредѣлить настоящее употребленіе ножа? Первобытный же дикарь не имѣлъ такого выбора орудій; мы имѣемъ передъ собою вѣроятно полную коллекцію его инструментовъ, съ помощью которыхъ, какъ бы не казались онѣ намъ грубыми, онъ могъ рубить деревья, выдалбливать изъ нихъ лодки, вырывать корни, нападать на враговъ, убивать звѣрей, разрѣзать мясо, прорубать проруби зимою, колоть дрова для топлива и т. д.

Почти совершенное отсутствіе человѣческихъ костей, показавшееся нѣкоторымъ настолько неизъяснимымъ, что, по ихъ мнѣнію, оно дѣлаетъ сомнительнымъ весь этотъ вопросъ,—въ сущности не такъ странно, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Если мы обратимся къ другимъ остаткамъ древнихъ поселеній человѣка, то мы встрѣтимъ тоже самое явленіе. Такъ напримѣръ въ датскихъ кьеккенмеддингахъ, гдѣ обдѣланные кремни встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ въ ашельскомъ гравіѣ, человѣческія кости принадлежатъ къ величайшимъ рѣдкостямъ, такъ что, собственно говоря, извѣстенъ только одинъ достовѣрный случай такой находки. Въ этотъ періодъ, также какъ и въ періодъ отложенія наносовъ гравія, человѣческій родъ жилъ охотою и рыбною ловлею, а поэтому не могъ быть очень многочисленъ. Иное дѣло было въ эпоху швейцарскихъ пфальбаутовъ. Г. Тройонъ опредѣляетъ населеніе свайныхъ построекъ, въ продолженіи каменнаго вѣка, приблизительно въ 32.000 особей, а въ бронзовый—въ 48.000. Конечно, самъ остроумный авторъ этого

счисленія не сталъ бы настаивать на достовѣрности этихъ цифръ; но во всякомъ случаѣ, число извѣстныхъ уже свайныхъ построекъ очень значительно. Въ однихъ только четырехъ швейцарскихъ озерахъ ихъ было открыто болѣе семидесяти, въ томъ числѣ нѣкоторые изъ нихъ весьма обширныхъ размѣровъ: такъ напр. Вангенъ, по Лоле, былъ построенъ не менѣе чѣмъ на 50.000 сваяхъ. И однако, если мы исключимъ нѣсколько костей, принадлежавшихъ дѣтямъ, то мы въ состояніи будемъ указать только на четыре случая находокъ здѣсь человѣческихъ остатковъ. Число кремневыхъ орудій, добытыхъ по настоящее время изъ гравія долины Соммы, вѣроятно немногимъ превышаетъ 5.000; между тѣмъ въ одномъ только поселеніи въ Консизѣ (на Невшательскомъ озерѣ) ихъ было найдено около 24,000, и при этомъ, ни одного человѣческаго костяка. По всей вѣроятности, это отсутствіе костей можетъ быть отчасти приписано обычаю сожженія или погребенія умершихъ, такъ какъ инстинктивное чувство, уже съ давнихъ поръ могло побуждать человѣка погребать своихъ умершихъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ. Однако, что касается до сентъ-ашельскихъ отложеній, то мы не имѣемъ даже надобности прибѣгать къ такому предположенію, въ особенности, если мы вспомнимъ, *что до сихъ поръ тамъ не было найдено никакихъ остатковъ животныхъ такой же величины, какъ и человѣкъ.* Даже отъ слоновъ, носороговъ, быковъ, лошадей и оленей сохранились только самыя большія и самыя плотныя кости; всѣ же болѣе мелкія исчезли безслѣдно. Никто не станетъ также предполагать, что эти немногія животныя служили единственными представителями фауны млекопитающихъ той эпохи и той мѣстности. Когда мы найдемъ въ Сентъ-Ашелѣ остатки волка, свиньи, косули, барсука и другихъ болѣе мелкихъ животныхъ періода наносовъ, тогда, и только тогда мы будемъ имѣть право удивляться совершенному отсутствію человѣческихъ костяковъ.

Съ другой стороны, мы не должны также забывать, что въ эпоху, когда люди жили только продуктами охоты, на каждаго охотника должно было приходиться весьма большое число дикихъ звѣрей. У Лопарей сто оленей считается самымъ меньшимъ числомъ, необходимымъ для прокормленія одного человѣка, и богачемъ считаютъ только того, кто обладаетъ стадомъ по крайней мѣрѣ въ триста или пятьсотъ штукъ. Но сѣверные олени приручены, и слѣдовательно, значительный запасъ пищи можетъ доставляться ихъ молокомъ. Относительно же дикихъ животныхъ, по необходимости нужно допустить существованіе гораздо большаго числа особей. Гудзонъ-Байская территорія заключаетъ въ себѣ, говорятъ, около 900 милліоновъ экровъ

земли, число же Индѣйцевъ, населяющихъ ее, опредѣляютъ въ 139 тысячъ душъ. Положимъ, что на каждые двадцать экровъ приходилось одно дикое животное; тогда, слѣдовательно, на каждаго Индѣйца придется 300 животныхъ, а если мы примемъ въ соображеніе относительно бо́льшую продолжительность жизни человѣка, то придется еще помножить эту цифру на 6 или даже еще на бо́льшее число.

Эту попытку вычисленія можно произвести еще и инымъ путемъ. Число звѣриныхъ шкуръ, добытыхъ Гудзонъ-Байскою компаніею въ 1866 году простиралось до 1.250.000 штукъ, которыя распредѣлялись такимъ образомъ:

Бобровъ.	144.744
Лисицъ	32.982
Рысей	68.040
Куницъ	92.373
Норокъ	73.149
Ондатръ (Musquash, Fiber zibethicus)	608.399
Выдръ	14.376
Кроликовъ	105.909
Медвѣдей	6.457
Енотовъ.	24.860
Волковъ.	7.429
Различныхъ животныхъ. . . .	63.950
Итого	1.242.765

Число Индѣйцевъ опредѣляютъ въ 139.000 душъ и г. Хернъ (Hearne) утверждаетъ, что каждому изъ нихъ необходимо по крайней мѣрѣ 20 оленьихъ шкуръ для одежды, не считая тѣхъ, которыя употребляются для покрышки шалашей, на мѣшки и т. д. Такимъ образомъ мы получаемъ 139.000 × 20 . . . . . 2.780.000

Сумма 4.022.765

Но шкуры оленей годны для одежды только впродолженіи двухъ мѣсяцевъ въ году, да кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что большая часть вышеупомянутыхъ животныхъ не употребляется въ пищу, поэтому, значитъ, въ тоже время были убиваемы еще и другія животныя, въ количествѣ, достаточномъ для пропитанія въ продолженіи десяти мѣсяцевъ. Предполагая, что каждый Индѣецъ съѣдаетъ по од-

ному животному въ мѣсяцъ, что, конечно, не будетъ преувеличеніемъ, мы получаемъ 139.000 × 10 (число мѣсяцевъ) 1.390.000

Всего на всего это составитъ 5.412.665

А если мы предположимъ, что Индѣйцы изъ 20 животныхъ всегда убиваютъ одного, то на 139.000 Индѣйцевъ придется 108.000.000 животныхъ или около 750 животныхъ на одного человѣка, причемъ еще нужно принять въ разсчетъ относительно бо́льшую продолжительность жизни человѣка. Д-ръ Рэ (Rae), обладающій громадною опытностью въ подобныхъ вещахъ, былъ настолько добръ, что просмотрѣлъ это вычисленіе; онъ призналъ его въ общихъ чертахъ вѣрнымъ, хотя, конечно, оно не можетъ имѣть претензіи на дѣйствительную точность.

Въ заключеніе можно еще замѣтить, что человѣкъ менѣе подверженъ опасности утонуть при неожиданныхъ наводненіяхъ и разливахъ рѣкъ, чѣмъ другіе наземныя млекопитающіе, и что поэтому, говоря вообще, кости животныхъ должны попадаться въ этихъ слояхъ гравія гораздо чаще, чѣмъ кости человѣка.

Впрочемъ, не слѣдуетъ предполагать, чтобы послѣднія совершенно не были находимы. Не говоря уже о нижней челюсти человѣка, найденной, какъ утверждаютъ, въ пещерѣ около Муленъ-Гвиньона, и относительно которой было высказано столько разнообразныхъ и противорѣчивыхъ мнѣній, я могу указать на открытіе человѣческихъ остатковъ, сдѣланное г. Бертраномъ въ Клиши, въ долинѣ Сены. Въ числѣ этихъ остатковъ, древность и автентичность которыхъ, повидимому, не можетъ быть заподозрѣна, былъ найденъ также одинъ черепъ, изслѣдованный г. Ларте и который, по своей формѣ, несомнѣнно относится къ долихоцефаламъ.

До сихъ поръ мы только отчасти отвѣтили на второй изъ поставленныхъ нами выше вопросовъ. Если даже мы допустимъ, что кремневые топоры относятся къ тому же періоду времени, какъ и тѣ слои гравія, въ которыхъ они встрѣчаются, то все же надо еще доказать, что находимыя вмѣстѣ съ ними кости вымершихъ животныхъ относятся также къ тому же самому періоду. Сначала въ этомъ сомнѣвались нѣкоторые геологи, предполагая, что онѣ могли быть вымыты изъ болѣе древнихъ слоевъ. Однако, если онѣ относятся къ болѣе раннему періоду, чѣмъ наносы гравія, то спрашивается, гдѣ же кости тѣхъ животныхъ, которыя жили въ эту эпоху? Кромѣ того, необходимо принять во вниманіе, что кости эти, хотя иногда весьма избитыя и обломанныя, однако, по бо́льшей части, и даже,

по словамъ Прествича, «почти всегда или вовсе не округлены, или въ весьма незначительной степени». Во вторыхъ, эти виды, особенно мамонтъ и густошерстый носорогъ, принадлежатъ къ самымъ характеристичнымъ и обыкновеннымъ въ такихъ слояхъ, не только въ долинѣ Соммы, но и во всѣхъ вообще подобныхъ отложеніяхъ Англіи и Франціи; между тѣмъ, если бы они дѣйствительно принадлежали болѣе раннему періоду, то не встрѣчались бы такъ постоянно и притомъ сопровождались бы другими видами, характеристичными для болѣе древней эпохи.

Въ третьихъ, матеріалъ, составляющій рѣчной наносъ долины Соммы, несомнѣнно образовался въ предѣлахъ настоящаго рѣчнаго бассейна и въ этой мѣстности не встрѣчается болѣе древнихъ слоевъ, изъ которыхъ могли бы быть вымыты остатки вымершихъ млекопитающихъ. Правда, здѣсь выступаютъ кое-гдѣ края третичныхъ пластовъ, но находимые въ нихъ остатки млекопитающихъ принадлежатъ къ другимъ, и притомъ гораздо болѣе древнѣйшимъ видамъ.

Въ четвертыхъ, что касается носорога, то мы имѣемъ положительное свидѣтельство г. Байлльона, что однажды, именно въ Маншкуртѣ, близь Аббевилля, были найдены всѣ кости задней ноги въ ихъ естественномъ положеніи, а недалеко отъ нихъ находились и всѣ прочія части скелета. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, животное было погребено прежде, нежели связки его костей успѣли сгнить и разрушиться.

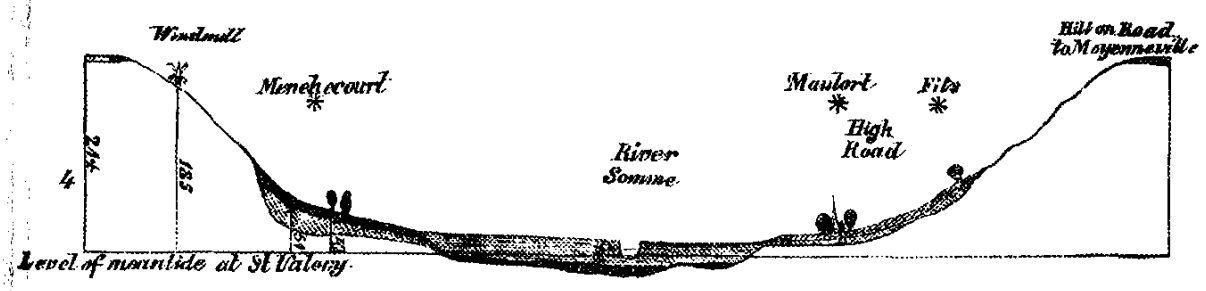
Касьяно де-Прадо сдѣлалъ подобное же наблюденіе въ Испаніи, недалеко отъ Мадрита. Порядокъ наслоенія былъ здѣсь таковъ: сначала растительный слой, потомъ около двадцати пяти футовъ песку и голышей, а подъ ними пластъ песчаной глины, въ которомъ въ 1850 году, былъ найденъ полный скелетъ мамонта. Ниже этого пласта глины находился слой крупнаго гравія футовъ десяти толщиною, въ которомъ было добыто нѣсколько кремневыхъ топоровъ, весьма сходныхъ съ извѣстными типами изъ Аміена.

Наконецъ, относительно посорога, необходимо привести еще наблюденіе Ларте, который нашелъ, что нѣкоторыя кости его представляютъ замѣтные слѣды кремневыхъ орудій, и даже болѣе, онъ могъ убѣдиться «изъ сравнительныхъ опытовъ надъ гомологичными костями нынѣ еще живущихъ животныхъ, что подобныя нарѣзки могли быть сдѣланы только на свѣжихъ костяхъ, еще сохранившихъ свои хрящевыя части». И такъ, мы имѣемъ не болѣе основаній полагать, что кости этихъ вымершихъ млекопитающихъ были вымыты изъ болѣе древнихъ пластовъ, чѣмъ приписывать подобное же происхожденіе самимъ орудіямъ; и мы можемъ поэтому, я полагаю, счи-

тать вполнѣ доказаннымъ, что мамонтъ и густошерстый носорогъ, также какъ и другія, перечисленныя выше животныя, были современниками дикарей, употреблявшихъ грубые «топоры рѣчныхъ наносовъ» и жили въ эпоху отложенія гравія въ долинѣ Соммы.

Такимъ образомъ, второй изъ трехъ поставленныхъ нами себѣ вопросовъ—разрѣшается утвердительно. Но спрашивается, должны ли мы отодвинуть появленіе человѣка далеко въ предѣлы прошедшаго, или мы можемъ удержать при этомъ обыкновенное лѣтосчисленіе, отнеся эпоху существованія вымершихъ животныхъ къ сравнительно новому времени? Полнѣйшее отсутствіе всякихъ народныхъ преданій о слонахъ и носорогѣ въ Европѣ, во всякомъ случаѣ, переноситъ насъ далеко въ предѣлы прошлаго, хотя прошлое это можетъ быть и незначительнымъ, будучи приложено къ геологическому масштабу. Поэтому, мы должны, для болѣе яснаго разрѣшенія вопроса, обратиться къ изслѣдованію самихъ слоевъ гравія, къ матеріаламъ, изъ которыхъ они сложились и къ положенію, которое они занимаютъ, такъ чтобы по возможности опредѣлить, при какихъ обстоятельствахъ они откладывались и насколь продолжительный періодъ времени они указываютъ.

Фиг. 186.



Поперѣчный разрѣзъ долины Соммы у Аббевилля.

Фиг. 186 представляетъ поперечный разрѣзъ долины Соммы у Аббевилля, взятый изъ мемуара Прествича, спеціально изучавшаго пласты четвертой эпохи и болѣе всѣхъ другихъ геологовъ содѣйствовавшаго ихъ надлежащему пониманію. Почти совершенно такой же порядокъ и положеніе мы находимъ и въ другихъ мѣстахъ, не только въ Сентъ-Ашелѣ, но и вездѣ въ долинѣ Соммы, гдѣ только верхніе слои гравія не были смыты впослѣдствіи теченіемъ рѣки. Даже близь Сенъ-Валéри, у настоящаго устья рѣки, я нашелъ пластъ гравія на значительной высотѣ надъ уровнемъ моря. Фактъ этотъ указываетъ, повидимому, что въ эпоху отложенія этихъ слоевъ гравія, проливъ

Ламаншъ былъ у́же, нежели теперь, что̀ впрочемъ, какъ мы знаемъ, подтверждается и историческими свидѣтельствами. Такъ, еще въ 1605 году, англичанинъ Ферстеганъ писалъ, что берега Англіи значительно размываются волнами и отливами. Сэръ Лайелль сообщаетъ много свѣдѣній относительно этого предмета, изъ которыхъ, между прочимъ, можно предполагать, что городъ Брайтонъ, еще во времена королевы, Елисаветы находился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Ченъ-Перъ (Chain-Pier).

Прествичъ показалъ, что подобный же поперечный разрѣзъ, какъ у Соммы, представляютъ также рѣки Ларкъ, Уэвеней, Уза и др., а равно и долина Сены. По всей вѣроятности, однако, относительно большинства англійскихъ и французскихъ рѣкъ можно сказать, что вдоль горъ, окружающихъ ихъ долины, находятся небольшія площадки древняго гравія, отложеннаго на различныхъ уровняхъ потоками, прежде нежели послѣдніе прорыли себѣ русло до его теперешней глубины. Прествичъ полагаетъ, что всѣ пласты песку и гравія могутъ быть вообще раздѣлены на два болѣе или менѣе различныхъ разряда, именно одни, идущіе вдоль дна долинъ и возвышающіеся незначительно надъ уровнемъ воды, онъ называетъ «гравіемъ нижняго уровня (low-level gravels) — и другіе, которымъ онъ придаетъ названіе «верхнихъ» или «гравіевъ верхняго уровня» (high level gravels), которые встрѣчаются отдѣльными массами на высотѣ 50—200 футовъ надъ уровнемъ долинъ. Что же касается до меня, то, наоборотъ, они кажутся мнѣ двумя крайними формами одного и того же ряда пластовъ, нѣкогда бывшаго сплошнымъ, но теперь представляющаго обыкновенно многочисленные перерывы. По снятіи верхняго растительнаго слоя у Сентъ-Ашеля, близь Аміена, мы здѣсь имѣемъ:

1) Слой кирпичной глины, толщиною отъ четырехъ до пяти футовъ, и заключающій въ себѣ незначительное количество угловатыхъ кремней.

2) Подъ нимъ тонкій слой угловатаго гравія, отъ одного до двухъ футовъ толщиною.

3) Еще глубже лежитъ слой песчанаго мергеля, отъ пяти до шести футовъ толщины, содержащій въ себѣ много наземныхъ и прѣсноводныхъ раковинъ, большею частью хорошо сохранившихся.

4) Наконецъ, въ основаніи всего этого и непосредственно надъ мѣломъ, находится слой округленнаго гравія, въ которомъ преимущественно встрѣчаются кремневыя орудія. Слой этотъ заключаетъ въ себѣ также много хорошо округленныхъ третичныхъ голышей.

Въ началѣ Христіанской эпохи, это мѣсто служило кладбищемъ:

могилы доходятъ обыкновенно до слоя песчанаго мергеля и границы ихъ обозначены очень рѣзко—фактъ довольно важный, такъ какъ онъ показываетъ, что остальная часть слоевъ не была тронута въ продолженіи 1500 лѣтъ. Нѣкоторые изъ найденныхъ здѣсь гробовъ были изъ твердаго известняка, другіе—изъ дерева; въ этомъ послѣднемъ случаѣ уцѣлѣли только гвозди и скобки, всѣ же деревянныя части исчезли совершенно, не оставивши по себѣ никакого слѣда. Спускаясь внизъ по холму къ рѣкѣ, можно видѣть, что всѣ эти слои постепенно исчезаютъ и наконецъ остается одинъ мѣлъ, но далѣе книзу, на болѣе низкомъ уровнѣ встрѣчается другой пластъ гравія, подобный первому, и тоже покрытый сверху слоемъ кирпичной глины, извѣстной обыкновенно подъ именемъ леса. Этотъ-то нижній слой гравія, Престичъ и называетъ «гравіемъ нижняго уровня».

Что же доказываютъ эти пласты гравія? Слѣдуетъ ли ихъ считать болѣе древними, нежели долины, или послѣднія древнѣе ихъ? Образовались ли они вслѣдствіе причинъ, еще и нынѣ дѣйствующихъ, или они обязаны своимъ происхожденіемъ необыкновеннымъ наводненіямъ (катаклизмамъ), которыя теперь уже, къ счастью, прекратились?

Если бы могли доказать, что та же рѣка, которую мы видимъ и теперь, хотя можетъ быть нѣсколько болѣе полноводная, вслѣдствіе бо̀льшаго распространенія въ древнія времена лѣсовъ и иныхъ климатическихъ условій, прорыла себѣ существующую долину и отложила выше названные пласты, тогда предположеніе о древности человѣческаго рода получило бы, надо сознаться, поразительную степень грандіозности. Именно, мы бы должны были тогда отодвинуть древность человѣка на цѣлый рядъ вѣковъ, необходимыхъ для того, чтобы относительно незначительные рѣки и потоки восточной Франціи могли бы прорыть свое русло до той глубины, на которой теперь приходится ихъ дно,—въ особенности, если по сходству геологическихъ признаковъ и условій, мы распространимъ эту гипотезу на всю сѣверо-восточную окраину континента и допустимъ, что всѣ внутреннія очертанія долинъ, всѣ встрѣчающіяся здѣсь пещеры и овраги, однимъ словомъ всѣ неровности поверхности, были обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствію потоковъ уже во времена существованія въ этихъ странахъ человѣка.

Но, съ другой стороны, было высказываемо мнѣніе, что всѣ эти гибкіе факты могутъ быть разсматриваемы и какъ «выраженія рѣзкихъ и внезапныхъ переворотовъ, совмѣстимыхъ только съ гораздо болѣе короткими періодами времени». Аргументъ, которымъ руковод-

ствуются въ этомъ случаѣ «пароксисмисты», — я хочу еще позаимствовать одну цитату изъ Блаквуда,—могъ бы быть представленъ приблизительно въ такой формѣ:

«Предположивъ, что существовавшій нѣкогда *рельефъ* или, вѣрнѣе, неровности поверхности были бы сходны въ главныхъ чертахъ съ замѣчаемыми нынѣ, мы могли бы объяснить происхожденіе слоевъ гравія предположеніемъ рѣзкихъ, сотрясательныхъ движеній суши и дна морскаго,—въ родѣ отдѣльнаго или цѣлаго ряда землетрясеній, дѣйствіемъ которыхъ масса поднятыхъ внезапно водъ и могла хлынуть на поверхность суши».

Обратимся, однакоже, къ изслѣдованію самихъ пластовъ и посмотримъ, дѣйствительно ли представляемые ими факты настолько сбивчивы и противорѣчивы.

Если мы возьмемъ поперечный разрѣзъ у Сентъ-Ашеля и начнемъ снизу, то прежде всего мы встрѣтимъ отчасти округленный «гравій верхняго уровня», въ которомъ, особенно въ его нижней части, встрѣчаются, по преимуществу, кремневыя орудія.

Слои эти рѣдко содержатъ въ себѣ растительные остатки. Впрочемъ, въ Гокснѣ могли быть опредѣлены дубъ, тисъ и сосна. Остатковъ звѣрей попадается также мало: мамонтъ, Elephas antiquus, Bos, Cervus и Equus spec. — вотъ единственные виды, которые попадались въ Сентъ-Ашелѣ, хотя въ другихъ мѣстностяхъ Англіи и Франціи, пласты той же эпохи дали еще Rhinoceros tichorhinus, сѣвернаго оленя и нѣсколько другихъ видовъ. Моллюски значительно болѣе многочисленны; они были опредѣлены Джеффрейемъ (Yeffreys), который нашелъ въ гравіѣ верхняго уровня тридцать шесть видовъ, всѣ наземные или прѣсноводные и принадлежащіе къ числу еще и нынѣ существующихъ. Нѣтъ надобности и прибавлять, что раковины эти встрѣчаются не между грубымъ гравіемъ, а только тамъ, гдѣ болѣе спокойныя условія, замѣтныя по присутствію въ этихъ мѣстахъ болѣе мелкозернистаго матеріала, могли предохранить ихъ отъ разрушенія. Здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ рѣшительный отвѣтъ на мнѣніе тѣхъ, которые предполагаютъ, что гравій былъ поднятъ на его теперешнюю высоту внезапнымъ вторженіемъ моря. Если бы это было такъ, то мы непремѣнно нашли бы здѣсь хоть какіе нибудь остатки морскихъ животныхъ; но такъ какъ этого нѣтъ, и всѣ найденные виды принадлежатъ къ наземнымъ или прѣсноводнымъ, то ясно, что слои эти прѣсноводнаго образованія; съ другой стороны, такъ какъ самыя нѣжныя раковинки сохранились въ цѣлости, то не менѣе очевидно, что онѣ были отложены спокойнымъ теченіемъ, а не дѣйствіемъ внезапнаго наводненія.

Но гравій самъ говоритъ намъ нѣчто болѣе: рѣка Сомма протекаетъ въ мѣстности, гдѣ не встрѣчается горныхъ породъ древнѣе мѣла, и гравій этой долины состоитъ исключительно изъ кремней мѣловой формаціи и продуктовъ разрушенія третичныхъ пластовъ. Сена, наоборотъ, принимаетъ притоки, протекающіе по другимъ формаціямъ. Въ долинѣ Іонны мы встрѣчаемъ обломки кристаллическихъ горныхъ породъ, занесенные съ Морвана. Оба (Aube) течетъ чрезъ слои мѣловой и юрской формаціи, и гравій ея долины состоитъ исключительно изъ матеріаловъ, происходящихъ изъ этихъ формацій. Особенно поучительна въ этомъ отношеніи долина Уазы (Oise). «Отъ Макенуаза до Гирсона она представляетъ только болѣе или менѣе округленные обломки горныхъ породъ переходныхъ формацій, образующихъ русло ея рѣки. Спускаясь къ Этреопону, въ ней начинаютъ попадаться юрскіе известняки и мѣловые кремни, относящіеся къ формаціямъ, смѣнившимъ собою древнія горныя породы. Въ Гизѣ, эрратическія отложенія состоятъ изъ кварцитовъ и сланцевъ переходной эпохи, изъ болѣе новѣйшаго гравія, изъ мѣловыхъ кремней и въ особенности изъ молочнаго кварца, куски котораго бываютъ величиною отъ головы и до песочныхъ зеренъ. Далѣе внизъ, обломки древнихъ горныхъ породъ уменьшаются постепенно, какъ по своей величинѣ, такъ и по количеству».

Близь Парижа, обломки гранита, занесенные Іонной, составляютъ значительную пропорцію гравія, а въ Преси, близь Крейля на Уазѣ, обломки древнихъ горныхъ породъ изобилуютъ; но ниже, по Сенѣ, около Манта, они мельче и менѣе многочисленны, а близь Руана и Понъ де л'Аршъ, я уже вовсе не нашелъ ихъ, хотя, безъ сомнѣнія, при болѣе продолжительныхъ поискахъ, они должны были бы найтись. Этотъ примѣръ Уазы интересенъ, однако, не только по важности фактовъ, изложенныхъ въ вышеприведенной цитатѣ, но также и потому, что хотя рѣка эта, какъ видно на картѣ, течетъ почти подъ прямымъ угломъ къ Соммѣ, однако, ни одна изъ древнихъ породъ, образующихъ долину Уазы, не снабдила своими обломками долину Соммы, несмотря на то, что въ одномъ мѣстѣ обѣ эти рѣки раздѣлены одна отъ другой пространствомъ не болѣе 6 англійскихъ миль шириною, и хребтомъ, не превышающимъ 80 футовъ.

Такой же раздѣлъ замѣчается между Сеною и Луарою. «Несмотря на то, говоритъ д'Аршіакъ, что линія водораздѣла Луары и Сены, между Сенъ-Армандомъ (Ньевръ) и Артенэ, къ сѣверу отъ Орлеана, едва замѣтна, ни одинъ обломокъ горныхъ породъ изъ центральной Франціи не попалъ по долинѣ Луары въ бассейнъ Сены». Въ Виварѣ, близь Оверни, «дилювіальныя отложенія состоятъ изъ тѣхъ же

горныхъ породъ, которыя и нынѣшними рѣками увлекаются въ долины и представляютъ исключительно продукты разрушенія трехъ горъ, Лозены, Танарги и Мезена, окружающихъ бассейнъ Виварѣ».

Далѣе, «дилювій долинъ Эны (Aisne) и Эры (Aire) заключаютъ въ себѣ только болѣе или менѣе округленные продукты разрушенія тѣхъ пластовъ, которые эти рѣки перерѣзываютъ въ своемъ теченіи».

Наконецъ, Прествичъ показалъ, что тоже самое явленіе замѣчается и у многихъ англійскихъ рѣкъ. Вообще выводъ, сдѣланный д'Аршіакомъ изъ разсмотрѣнія всѣхъ этихъ наблюденій, въ особенности касающихся долины Сены, состоялъ въ томъ, «что дилювіальные потоки вовсе не шли по одному направленію, но что они сходились отъ краевъ бассейна къ его центру, слѣдуя существующимъ уже углубленіямъ, и что повышеніе ихъ уровня или сила ихъ теченія не были достаточны для того, чтобы перенести несомые ими продукты разрушенія изъ одной долины въ другую».

Однако, если взвѣсить всѣ сопоставленные выше факты и принять во вниманіе, что составныя части рѣчныхъ наносовъ гравія происходятъ всегда изъ пластовъ, еще и теперь ограничивающихъ долины; далѣе, что наносный гравій этотъ не только слѣдовалъ всегда направленію долинъ, но даже направленію нынѣшнихъ потоковъ, и никогда не переходилъ при этомъ изъ одного рѣчнаго бассейна въ другой, то, кажется, нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ содѣйствію дилювіальныхъ потоковъ или вообще какихъ нибудь другихъ силъ, кромѣ тѣхъ, которыя даются самими рѣками.

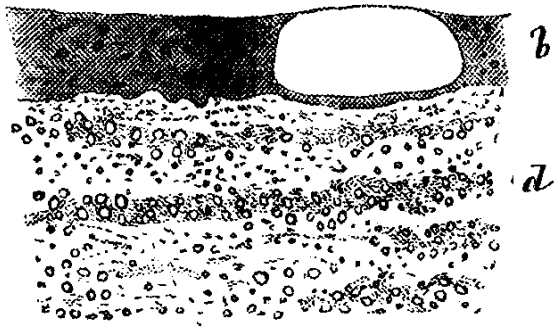
Существуютъ, впрочемъ, нѣкоторые факты, которые считаются многими геологами за роковые для этой теоріи, и которые удержали г. д'Аршіака, равно какъ и большинство другихъ французскихъ геологовъ отъ принятія этого, повидимому столь простаго и очевиднаго объясненія. Факты эти, осложняющіе вопросъ были, кажется, двухъ родовъ; по крайней мѣрѣ, два слѣдующіе были главными: во-первыхъ, большія глыбы песчаника, разсѣянныя повсюду въ рѣчномъ гравіѣ сѣверной и средней Франціи, и во-вторыхъ, высота, до которой достигаетъ «гравій верхняго уровня» надъ теперешнею поверхностью рѣкъ.

Мы разсмотримъ каждое изъ этихъ двухъ возраженій отдѣльно.

Нужно сознаться, что, на первый взглядъ, присутствіе глыбъ песчаника въ пластахъ гравія кажется несовмѣстнымъ съ нашею гипотезою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ попадаются довольно часто и имѣютъ значительную величину; самый большой изъ видѣнныхъ мною лично изображенъ на фиг. 187, представляющей разрѣзъ слоя гравія, близъ Жуанвилльской станціи желѣзной дороги. Глыба эта имѣла

8 футовъ 6 дюймовъ въ длину, 2 фута 8 дюймовъ ширины и 3 фута 4 дюйма толщины. Если мы даже примемъ во вниманіе, что въ эпоху ея отложенія, долина рѣки не была прорыта до той глубины, «какую мы видимъ теперь, все же нельзя не согласиться, что масса воды, имѣвшая силу сдвинуть подобную глыбу, должна была значительно превышать самый высокій уровень воды въ долинѣ въ настоящее время и конечно, по справедливости, можетъ быть названа наводненіемъ. *Но, спрашивается, откуда могла появиться такая громадная* масса воды? Выше мы уже видѣли, что гравій Уазы совершенно отличенъ, несмотря на близкое разстояніе, отъ гравія Соммы, точно также, какъ гравій Сены отъ наносовъ всѣхъ сосѣднихъ съ нею рѣкъ.

Фиг. 187.



Разрѣзъ близь Жуанвилля.

Изъ этого слѣдуетъ, что рѣки эти не могли никогда орошать болѣе обширныхъ бассейновъ, чѣмъ теперь; или, другими словами, что *системы рѣкъ должны были быть одинаковыми съ нынѣшними*. Такимъ образомъ, гипотеза какихъ-то особенныхъ потоковъ точно также не можетъ служить къ объясненію этого явленія: изъ Сциллы мы попали бы въ Харибду. Вокругъ глыбъ, въ слояхъ гравія не замѣчается никакихъ слѣдовъ бурныхъ переворотовъ; въ разрѣзѣ, близь Жуанвилля, сѣрый угловатый гравій проходитъ подъ большою вытянутою глыбою, не выказывая никакихъ признаковъ взрытія. Между тѣмъ волны, которыя могли сдвинуть такую глыбу, навѣрное бы смыли лежавшій подъ нею сравнительно легкій и подвижный гравій. Такимъ образомъ, мы не можемъ объяснить этого явленія дѣйствіемъ воды, потому что потокъ, имѣвшій силу отложить глыбы песчаника, долженъ былъ бы снести лежащій подъ ними гравій, а теченіе, отложившее гравій, не могло бы сдвинуть эти глыбы. Слѣдовательно, прибѣгать здѣсь къ Deus ex machina совершенно безполезно, такъ какъ ближайшее разсмотрѣніе показываетъ, что эта гипотеза въ данномъ случаѣ также совершенно безполезна.

Побуждаемый такимъ образомъ къ необходимости искать какого нибудь другаго рѣшенія вопроса, Престичъ возвратился къ объясненію при помощи пловучаго льда; и здѣсь, дѣйствительно, мы находимъ ту посредствующую силу, которая можетъ удовлетворительно разъяснить всѣ затруднительныя обстоятельства дѣла. Этою способностью льда двигать и переносить тяжести, можно объяснить также и нѣкоторыя неправильности въ распредѣленіи слоевъ, которыя иначе было бы весьма трудно понять. Такимъ образомъ, намъ невольно приходитъ на память рисунокъ, приложенный Лайеллемъ къ своей геологіи и снятый съ эскиза лейтенанта Боуэна, изображающій валуны, увлекаемые льдомъ вдоль береговъ рѣки св. Лаврентія. Сочиненіе г. Лайелля пользуется достаточнымъ распространеніемъ и извѣстностью въ публикѣ, поэтому, я думаю, нѣтъ надобности еще разъ приводить этотъ рисунокъ, который, по моему мнѣнію, живо изображаетъ то, что происходило въ долинѣ Соммы тысячи лѣтъ тому назадъ, совершенно также, какъ это происходитъ теперь еще въ долинѣ св. Лаврентія. И не только одинъ этотъ физическій фактъ указываетъ на господство въ разсматриваемую нами эпоху арктическаго климата; но къ тому же заключенію приводитъ насъ, какъ мы видѣли уже, и изученіе тогдашней фауны.

Но хотя присутствіе глыбъ песчанника и замѣчаемыя иногда неправильности въ расположеніи пластовъ находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ взглядами Престича на отложеніе гравія рѣками, все-таки остается другое затрудненіе, это именно высота, которой достигаетъ «гравій верхняго уровня» надъ теперешней поверхностью воды. Нѣтъ ничего удивительнаго, что эти отложенія обыкновенно приписываются бурнымъ и внезапнымъ наводненіямъ.

Буше де-Пертъ всегда придерживался этого мнѣнія. «И такъ, эти раковины», говоритъ онъ, «этотъ слонъ, этотъ топоръ или рука, которая его сдѣлала, были свидѣтелями наводненія, которое дало нашей странѣ ея современныя очертанія».

Съ другой стороны, г. д'Орбиньи, сдѣлавшій наблюденіе, что всѣ окаменѣлости, найденныя въ пластахъ четвертаго періода, принадлежали или наземнымъ, или прѣсноводнымъ животнымъ, опровергаетъ гипотезу морскаго наводненія, и выражается при этомъ слѣдующимъ образомъ: «Въ самомъ дѣлѣ, большинство геологовъ держится того мнѣнія, что главными причинами дилювіальныхъ наводненій были сильныя колебанія земной коры и поднятія горъ посреди океана, что и обусловило крупныя явленія разрушенія и размытія. Но если бы это было такъ, то могущественные потоки морской воды, дѣйствію которыхъ приписываются эти дилювіальныя явленія размытія,

должны были бы оставить на континентахъ слѣды своего присутствія, какъ напримѣръ многочисленные остатки раковинъ, рыбъ и другихъ морскихъ животныхъ, сходныхъ съ тѣми, которыя и теперь еще живутъ въ морѣ. Однако, какъ уже давно замѣтилъ Кордье, ничего подобнаго никогда не было констатировано. На всѣхъ точкахъ земнаго шара, гдѣ только ни изучали дилювіальныя отложенія, было найдено, что за немногими, довольно рѣдкими и притомъ весьма сомнительными исключеніями, въ нихъ совершенно не встрѣчается морскихъ ископаемыхъ,—или, если такія и встрѣчаются, то онѣ происходятъ изъ болѣе древнихъ слоевъ, размытіе которыхъ доставило матеріалъ для дилювія. Такимъ образомъ, образованіе дилювіальныхъ отложеній имѣло, повидимому, причиною метеорологическія явленія и было, какъ кажется, результатомъ не морскихъ, а *пръсноводныхъ* наводненій или потоковъ, которые, стремясь съ возвышенныхъ пунктовъ къ морю, «auraient dénudé une grande partie de la surface du sol, balayé la généralité des êtres organisés et pour ainsi dire nivelé, coordonné les bassins hydrographiques actuels».

Тѣмъ не менѣе, подобныя наводненія, какъ ихъ себѣ представляютъ д'Орбиньи и многіе другіе французскіе геологи, если даже и допустить ихъ возможность, не могутъ объяснить имѣющіеся предъ нашими глазами результаты. Мы видѣли, что переносъ матеріаловъ не слѣдовалъ постоянно одному какому нибудь направленію, но во всѣхъ случаяхъ сообразовался съ линіями теперешнихъ долинъ и направленіемъ современныхъ потоковъ. Далѣе, мы видѣли, что горныя породы одной долины, никогда не переносятся въ другую,—что состояніе, въ которомъ находятся пласты лёса, несовмѣстимо съ большою скоростью водяныхъ потоковъ, и наконецъ, что полная сохранность многихъ изъ наиболѣе тонкихъ раковинъ ясно доказываетъ, что онѣ не могли быть отложены бурнымъ и внезапнымъ потокомъ.

Кромѣ того, мы не должны забывать, что гравій и песокъ сами по себѣ могутъ служить доказательствами и представляютъ послѣдствія сильнаго размытія. Въ мѣловой мѣстности, подобной той по которой протекаетъ Сомма, каждый кубическій футъ кремня, гравія или песку, свидѣтельствуетъ о размытіи по крайней мѣрѣ 20 кубическихъ футовъ мѣла изъ теперешняго бассейна рѣки. Изслѣдуя, поэтому, образованіе гравіевъ верхняго и нижняго уровня, мы не должны представлять себѣ первобытную долину такою, какою она существуетъ теперь, но, при помощи нашей фантазіи, мы должны возстановить на ихъ прежнемъ мѣстѣ всѣ тѣ громадныя массы мѣла, которыя были разрущены во время образованія гравія нижняго уровня

и песку. Престичъ сдѣлалъ попытку изъяснить это помощью діаграммы, и я долженъ повторить еще разъ, что это вовсе нельзя считать простою гипотезою, потому что массы гравія и песку не могли образоваться безъ размытія громадныхъ количествъ известковыхъ породъ. Изъ всего этого мы можемъ, кажется, положительно заключить, что и гравій верхняго уровня былъ отложенъ теперешнею рѣкою, прежде чѣмъ она размыла долину до ея настоящей глубины или, другими словами, тогда, когда она протекала по значительно болѣе высокому ложу, чѣмъ теперь.

Такимъ образомъ, скопленіе гравія на значительной высотѣ могло произойдти и безъ участія громадныхъ потоковъ, въ 200 футовъ высотою, единственно лишь при помощи ежегоднаго поднятія воды. немногимъ превосходившаго, по своимъ размѣрамъ, полноводье рѣки въ настоящее время.

Одно и тоже количество воды можетъ, однакоже, производить весьма различное дѣйствіе, смотря по быстротѣ, съ которою оно протекаетъ. Опытъ показываетъ, что только скорость въ 3 дюйма въ секунду на днѣ, начинаетъ дѣйствовать на тонкую горшечную глину и размываетъ ее, какова бы ни была ея плотность. Замѣтимъ при этомъ, что ни одна почва не противостоитъ такъ упорно дѣйствію воды, какъ глина, если быстрота теченія не превышаетъ указанной выше скорости, потому что вода уноситъ только самыя тонкія частицы поверхностнаго слоя глины, оставляя крупинки песка сидящими, нижнимъ своимъ концомъ, въ остальной глинѣ, которую онѣ и предохраняютъ отъ размытія, если только потокъ не несетъ съ собою крупнаго песка и гравія, способныхъ стирать эту тонкую оболочку и тѣмъ способствовать размытію слѣдующихъ слоевъ глины. Скорость въ 6 дюймовъ въ секунду даетъ водѣ возможность уносить мелкій песокъ, скорость 8 дюймовъ — песокъ, величиною въ льняное сѣмя, 12 дюймовъ — мелкій гравій, 24 дюймовъ—голыши въ 1 дюймъ въ діамстрѣ, и наконецъ, скорость 3 футовъ въ секунду въ состояніи уносить угловатые камни, величиною съ яйцо.

Если, поэтому, мы имѣемъ основаніе предполагать въ то время климатъ болѣе холодный, чѣмъ господствующій теперь, то мы должны, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно увеличить размывающую способность тогдашнихъ рѣкъ, не только потому, что дожди падали тогда на замерзшую землю, но также и потому, что въ зимніе мѣсяцы водные осадки скоплялись на возвышенностяхъ въ видѣ льда и снѣга и должны были каждую весну производить потоки, гораздо болѣе значительные, чѣмъ въ настоящее время.

Переходимъ теперь къ бѣловатому мергелю (стр. 294 — 295).

По изслѣдованіямъ Прествича, онъ состоитъ изъ бѣлаго кварцеваго песку и бѣловатаго мергеля, смѣшанныхъ съ мелкой мѣловой пылью, небольшимъ количествомъ угловатыхъ кремней и отдѣльно разбросанными глыбами песчаника, а также изъ неправильныхъ скопленій кремневаго гравія, въ видѣ изогнутыхъ волнообразно слоевъ, кое-гдѣ діагональными перемычками и немногими охристыми, отчасти отвердѣвшими полосками. Наземныя и прѣсноводныя раковины въ этомъ слоѣ очень обыкновенны; попадаются также и остатки млекопитающихъ животныхъ.

Въ Аміенскихъ ямахъ этотъ пластъ обыкновенно рѣзко отдѣленъ отъ лежащаго подъ нимъ гравія, что происходитъ можетъ быть отъ того, что верхняя часть гравія была снесена; но въ другихъ мѣстахъ (въ Преси, Иври, Бисетрѣ и т. д.), соотвѣтствующій разрѣзъ полнѣе и грубый гравій становится книзу все мельче и мельче, переходя наконецъ въ кварцевый песокъ. Разрѣзы эти очевидно указываютъ на постепенное уменьшеніе силы воды въ этихъ пунктахъ: скорость, бывшая достаточною сначала для унесенія крупныхъ голышей, мало по малу становилась все слабѣе и слабѣе и подъ конецъ была въ состояніи уносить только мелкій песокъ. Это же указываетъ, съ другой стороны, повидимому, на нѣкоторое измѣненіе въ теченіи рѣки и на постепенное размытіе долины, которое, углубляя мало по малу русло потоковъ, заставляло течь воду съ постепенно убывающею силою и скоростью.

Верхняя часть разрѣза при Сентъ-Ашелѣ состоитъ изъ кирпичной глины, которая книзу переходитъ въ угловатый гравій, тогда какъ между этимъ послѣднимъ и лежащимъ ниже песчанымъ мергелемъ, находится иногда тонкій слой болѣе темной кирпичной глины. Впрочемъ, наслоеніе здѣсь не вездѣ одинаково, и представляетъ значительныя различія даже на очень небольшихъ разстояніяхъ. Взятые въ совокупности, слои эти соотвѣтствуютъ, по мнѣнію Прествича, тѣмъ замѣчательнымъ залежамъ глины, которыя встрѣчаются во всѣхъ этихъ долинахъ сѣверной Франціи, покрывая собою слои гравія и которыя, какъ знаменитый «лёсъ» долины Рейна, достигаютъ иногда до 300 футовъ толщины. Наибольшая толщина этого слоя кирпичной глины, которую я видѣлъ въ сѣверной Франціи, была въ одной ямѣ въ Rue de la Chevalerie, близь Иври, гдѣ она достигала 22 футовъ; впрочемъ, часть этого пласта могла представлять уже перемѣщенный лесъ, вымытый дождемъ изъ болѣе высокаго уровня въ непосредственномъ сосѣдствѣ. Предполагая, что этотъ лесъ состоитъ изъ мелкихъ частицъ, отложенныхъ стоячею или медленно текущею водою, насъ съ перваго взгляда должно удивлять пол-

ное отсутствіе здѣсь остатковъ растеній. Однако, мы знаемъ, — именно изъ нахожденія гвоздей и скобокъ, что въ нѣкоторыхъ сентъ-ашельскихъ могилахъ были похоронены нѣкогда деревянные гробы, и что гробы эти, судя по величинѣ гвоздей, должны были быть сдѣланы изъ довольно толстыхъ досокъ; тѣмъ не менѣе, здѣсь не сохранилось ни малѣйшихъ слѣдовъ дерева и не осталось ни одной щепки, указывающей на его присутствіе. Мы не должны поэтому удивляться, если не встрѣчаемъ въ этихъ наносныхъ слояхъ никакихъ остатковъ растеній.

Таковъ, въ общемъ, составъ этихъ ямъ гравія, лежащихъ на высотѣ 80—150 футовъ надъ теперешнимъ уровнемъ воды и достигающихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по р. Соммѣ даже до высоты 200 футовъ.

Бросимъ теперь взглядъ на нѣкоторыя ямы гравія болѣе низкаго уровня. Почти на 30 футовъ ниже, какъ напримѣръ въ Маншкуртѣ, близъ Аббевилля и у Сентъ-Роха, около Аміена, гдѣ гравій спускается до высоты 60 футовъ, надъ ложемъ долины мы замѣчаемъ почти совершенно тотъ же самый порядокъ наслоенія: внизу грубый, угловатый гравій, а выше — матеріалъ болѣе тонкаго сложенія. Сходство это съ слоями, описанными выше—таково, что я считаю излишнимъ дѣлать болѣе подробное ихъ описаніе.

Весьма вѣроятно, что когда фауна и флора гравіевъ верхняго и нижняго уровня будутъ болѣе основательно изслѣдованы, то онѣ будутъ признаны совершенно тождественными. Въ настоящее же время, число видовъ, добытыхъ изъ гравія нижняго уровня, значительно превышаетъ то, которое было найдено въ верхнемъ. Изъ звѣрей здѣсь, по Прествичу, встрѣчаются: мамонтъ, El. antiquus, Rh. tichorinus Cuv. и megarhinus Chr, пещерные: медвѣдь, гіена, левъ, Bos primigenius Boj, Bison priscus Boj, Equus (можетъ быть два вида), Cervus eurygeros Aldr., C. elaphus и tarandus Linn., Hippopotamus major Nesti, Sus. Къ этому перечню слѣдуетъ еще прибавить пеструшку—Myodes torquatus и мускуснаго быка, остатки которыхъ были найдены въ двухъ мѣстахъ долины Темзы, а также и Шони, въ долинѣ Уазы.

Классъ моллюсковъ представленъ 52 видами, изъ которыхъ 42 живутъ въ настоящее время въ Швеціи, 37—въ Финляндіи и 38—въ Ломбардіи. Если мы вспомнимъ, что Ломбардія гораздо богаче видами моллюсковъ, чѣмъ Финляндія, то нельзя не замѣтить, что вообще тогдашняя фауна моллюсковъ представляла скорѣе преобладаніе сѣверныхъ формъ.

Въ приведенной выше группѣ видовъ, только одинъ гиппопотамъ

кажется не на своемъ мѣстѣ, и въ предшествующей главѣ я уже изложилъ тѣ заключенія, которыя могутъ быть выведены изъ его присутствія. Взявши однакоже фауну въ ея цѣломъ и обращая преимущественное вниманіе на такихъ животныхъ, каковы напр. мускусный быкъ, сѣверный олень, пеструшка, Myodes torquatus, сибирскій мамонтъ и его постоянный спутникъ—густошерстый носорогъ,—мы получаемъ ясное указаніе на климатъ, несходный съ тѣмъ, который теперь господствуетъ въ западной Европѣ.

Наконецъ, самая нижняя часть долины занята въ настоящее время пластомъ гравія, покрытымъ иломъ и торфомъ, изъ коихъ послѣдній достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе 30 и даже 40 футовъ толщины и въ большомъ количествѣ употребляется на топливо. Эти пласты доставили мѣстнымъ археологамъ, и въ особенности Буше де-Перту, богатую коллекцію интересныхъ древностей, относящихся къ различнымъ періодамъ. Глубина, на которой находили эти предметы, была тщательно опредѣлена г. Буше де-Пертомъ. «Принимая», говоритъ онъ, «за среднюю высоту почвы долины—2 метра надъ уровнемъ Соммы, мы находимъ самые многочисленные слѣды среднихъ вѣковъ на 30 и 40 сантиметрахъ отъ поверхности. Пятидесятью сантиметрами ниже, начинаютъ попадаться римскія древности, затѣмъ — галло-римскія. Эти послѣднія можно прослѣдить на глубинѣ одного метра, т. е. до уровня Соммы. За ними слѣдуютъ чисто галльскія древности, которыя идутъ, безъ перерыва, до глубины почти въ 2 метра ниже этого уровня, что можетъ служить доказательствомъ продолжительнаго обитанія этого народа въ долинѣ. На одинъ метръ ниже или, приблизительно, на глубинѣ 4 метровъ ниже того же самого уровня, мы встрѣчаемъ центръ почвы, которую мы назвали кельтскою, по имени народа, изгнаннаго первобытными Галлами или племенами, имъ предшествовавшими», и который принадлежитъ поэтому Неолитическому вѣку. Само собою понятно, что эти различныя глубины установлены Буше де-Пертомъ только приблизительно—«comme terme approximatif».

«Antiquités Celtiques» были изданы нѣсколькими годами раньше, чѣмъ швейцарскіе археологи познакомили насъ съ остатками свайныхъ построекъ; тѣмъ не менѣе, изъ нѣкоторыхъ указаній Буше де-Перта можно кажется заключить, что въ окрестностяхъ Аббевилля также существовали нѣкогда свайныя поселенія. Онъ нашелъ слѣды обширныхъ деревянныхъ помостовъ, со множествомъ костей, каменныхъ орудій и рукоятокъ, поразительно сходныхъ съ тѣми, которыя были добыты въ швейцарскихъ пфальбаутахъ.

Орудія эти отнюдь не могутъ быть смѣшаны съ болѣе грубыми

экземплярами изъ наносовъ гравія. Всѣ онѣ отшлифованы до гладкости и представляютъ рѣжущее лезвее, тогда какъ орудія болѣе древнихъ типовъ, только оббиты и изъ многихъ сотенъ, до сихъ поръ найденныхъ, ни одно не выказываетъ ни малѣйшаго слѣда полировки. Такимъ образомъ, хотя полированныя орудія и относятся къ каменному вѣку, то есть къ такому отдаленному періоду, когда употребленіе металла было еще, повидимому, неизвѣстно въ западной Европѣ,—все же онѣ отдѣлены отъ болѣе древнихъ орудій, въ гравіѣ древняго уровня, всѣмъ тѣмъ періодомъ, который былъ необходимъ для размытія долины Соммы до глубины болѣе чѣмъ въ 100 футовъ.

Если поэтому мы не получаемъ точныхъ указаній на эпоху появленія человѣка въ этихъ мѣстностяхъ, то мы можемъ, по крайней мѣрѣ, составить себѣ живое представленіе объ его древности. Человѣкъ долженъ былъ видѣть Сомму еще когда она текла на высотѣ около 100 футовъ надъ ея теперешнимъ уровнемъ. Вѣроятно даже, что первое появленіе его въ сѣверной Франціи можетъ быть отнесено къ эпохѣ образованія самихъ рѣкъ. Фауна страны, однако, въ то время была несходна съ нынѣшней. По берегамъ рѣкъ жило тогда дикое племя охотниковъ и рыболововъ, а въ лѣсахъ бродили мамонтъ, двурогій густошерстый носорогъ, одинъ видъ льва, мускусный быкъ, сѣверный олень и первобытный быкъ.

Впрочемъ, рельефъ и топографія Франціи не могли въ то время значительно отличаться отъ современныхъ. Нынѣшнія рѣки текли въ томъ же направленіи, равно какъ и море между Соммою и Адуромъ, хотя каналъ въ то время и не былъ такъ широкъ какъ теперь.

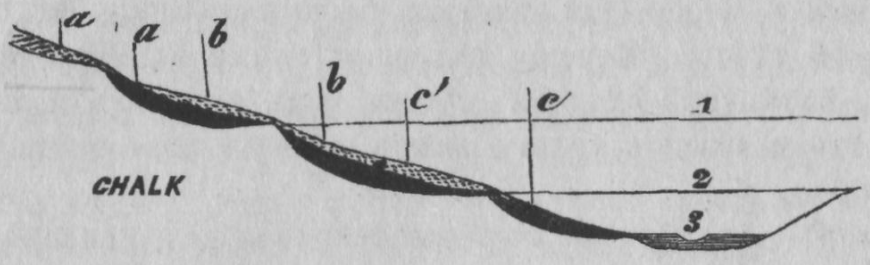
Съ теченіемъ времени, постепенно, рѣка углубляла свою долину; производя незначительное разрушеніе,—даже дѣйствуя созидательно, осенью и зимою, она, вслѣдствіе таянія снѣговъ, превращалась каждую весну въ быстрый, ревущій потокъ. Эти разливы были, по всей вѣроятности, болѣе пагубны для животныхъ, чѣмъ для человѣка, потому что, какъ бы ни были грубы и дики наши предшественники, едва ли можно предположить, чтобы они были не въ состояніи предвидѣть эти наводненія и, слѣдовательно, избѣжать опасности.

Въ то время, когда вода имѣла достаточно силы, чтобы отлагать на извѣстномъ уровнѣ крупный гравій, она должна была отлагать болѣе мелкія частицы на еще болѣе высокомъ уровнѣ, и этимъ обусловливать образованіе лёса, который мѣстами могъ смѣшиваться еще съ угловатыми кремнями и раковинами, заносимыми сюда съ возвышенностей послѣ проливныхъ дождей мелкими потоками и ручьями.

Г. Престичъ разсматриваетъ различіе въ высотѣ между гравіемъ верхняго уровня и лесомъ, «какъ масштабъ разливовъ того періода». Дѣйствительно, если бы пласты гравія сохранились въ ихъ цѣлости, то это не подлежало бы сомнѣнію. Но мнѣ кажется, что гравій верхняго уровня представляетъ только отрывочные остатки нѣкогда почти сплошнаго отложенія, а при такихъ обстоятельствахъ, настоящій видъ пластовъ не можетъ считаться доказательствомъ ихъ первоначальнаго различія.

По мѣрѣ того, какъ долины становились все глубже и глубже, гравій долженъ былъ отлагаться на болѣе низкихъ уровняхъ, а лесъ—слѣдовать за нимъ; такимъ образомъ мы не должны считать лесъ за отдѣльное отложеніе, но за образованіе, одновременное съ гравіемъ, хотя отложенное и не на одинаковомъ уровнѣ. Діаграмма, представленная мною на фиг. 188, въ состояніи лучше изъяснить мою мысль; лесъ обозначенъ здѣсь буквами съ черточками и представленъ точками, а слои гравія—толстыми чертами. Въ этомъ случаѣ я предполагаю, что рѣка текла первоначально на уровнѣ (1) и отложила гравій въ a, а лесъ—въ a; затѣмъ, послѣ извѣстной степени размытія русла, понизившаго уровень воды до — (2), гравій сталъ отлагаться около b, а лесъ около b'. Подобнымъ же образомъ лесъ c', былъ отлагаемъ одновременно съ гравіемъ c.

Фиг. 188.



Діаграмма, показывающая отношеніе между лесомъ и слоями гравія.

Такимъ образомъ, хотя въ каждомъ отдѣльномъ разрѣзѣ низшіе слои будутъ, конечно, самыми древними, тѣмъ не менѣе, разсматриваемый въ его цѣлости, гравій верхняго уровня долженъ считаться наиболѣе древнимъ; слои же, лежащіе въ низшихъ частяхъ долины, самыми новыми.

Для бо́льшей наглядности, я представлялъ себѣ бока долины, какъ образующіе ряды террассъ; и хотя въ природѣ это и не бываетъ

выражено такъ явственно, однако попадаются мѣста, въ которыхъ такія террассы дѣйствительно встрѣчаются.

Извѣстно, однакоже, что рѣки всегда стремятся измѣнить направленіе своего теченія; и Сомма не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи исключенія изъ общаго правила. Долина ея, сама по себѣ, правда, сравнительно довольно пряма, но, въ предѣлахъ ея, рѣка образуетъ значительныя извилины и когда, въ одномъ изъ такихъ изгибовъ, теченіе перекрещиваетъ «общую прямую линію своего паденія, то на противоположномъ берегу или на склонѣ холма, ограничивающаго долину, оно вымываетъ кривую линію, отъ которой поворачиваетъ назадъ, подъ одинаковымъ угломъ, такъ что снова перекрещиваетъ линію своего направленія и постоянно вымываетъ другую кривую, ниже, на противоположномъ берегу», покуда бока долины или русла рѣки, не представятъ на всемъ своемъ протяженіи «послѣдовательнаго ряда входящихъ и выдающихся угловъ». Во время этихъ отхожденій отъ одной стороны долины къ противоположной, рѣка постоянно подмываетъ и уноситъ отложенный ею ранѣе гравій. Вслѣдствіе этого, гравій верхняго уровня сохранился теперь только кое-гдѣ, въ отрывочныхъ фрагментахъ, тогда какъ во многихъ мѣстахъ онъ совершенно исчезъ, какъ напримѣръ на правой сторонѣ долины, между Аміеномъ и Понъ-Реми, гдѣ едва ли можно отыскать еще даже слѣды этого отложенія.

Сосѣдніе берега Франціи и Англіи выказываютъ различные слѣды медленнаго и недавняго поднятія суши. Во многихъ пунктахъ береговъ Суссекса и Па-де-Калѐ находили береговую линію поднятою на высоту 5—10 футовъ. Морскія раковины также встрѣчаются близь Аббевилля, на высотѣ около 25 футовъ надъ уровнемъ моря и, безъ сомнѣнія, это измѣненіе уровня имѣло значительное вліяніе на размытіе долины.

Г. Тэйлоръ, въ недавно опубликованномъ имъ мемуарѣ, соглашается со мною, что гравіи верхняго и нижняго уровней суть только крайнія формы одного и того же ряда отложеній, которыя весьма рѣдко сохранились въ своей цѣлости, а обыкновенно являются неполными и сохранившимися только въ отдѣльныхъ фрагментахъ. Но онъ утверждаетъ также, что поверхность мѣла въ долинѣ Соммы приняла свой теперешній видъ еще до отложенія въ ней существующихъ тамъ теперь слоевъ гравія и леса. Однако, принимая, что матеріалы, образующіе этотъ гравій и лесъ, произошли исключительно изъ мѣстности орошаемой Соммою и ея притоками, онъ тѣмъ ставитъ себя въ двойное затрудненіе. Во-первыхъ, онъ утверждаетъ, что матеріалы, отъ размытія которыхъ образовалась долина, были вполнѣ

удалены изъ нея, что, принимая во вниманіе ея длину, глубину и узкость, кажется положительно невозможнымъ; во-вторыхъ, принимая, что гравій и песокъ состоятъ изъ осколковъ кремня, унесенныхъ Соммою и ея притоками, онъ наноситъ тѣмъ самымъ роковой ударъ своему аргументу, такъ какъ вещество не можетъ быть перенесено съ одного мѣста на другое безъ измѣненія конфигураціи поверхности въ обоихъ пунктахъ. Допуская затѣмъ, что «гравій долины Соммы у Аміена произошелъ отчасти изъ продуктовъ разрушенія, унесенныхъ Соммою и ея двумя притоками, Селлою и Арвою, а отчасти—изъ матеріала, вымытаго наводненіями съ сосѣднихъ возвышенностей», г. Тэйлоръ, въ сущности, принимаетъ тоже объясненіе явленій, какое дано и въ настоящемъ сочиненіи, такъ какъ отложеніе и перенесеніе гравія по необходимости обусловливаетъ измѣненіе поверхности и углубленіе ложа долины.

Когда, наконецъ, образованіе долины окончилось и климатъ сдѣлался постепенно болѣе сходнымъ съ нашимъ, тогда, вслѣдствіе ли этой перемѣны или, можетъ быть, уступая непреодолимой силѣ человѣка, громадныя толстокожія мало по малу вымерли. При измѣненныхъ условіяхъ уровня водъ, рѣка, не имѣя уже возможности уносить въ море болѣе мелкія частицы, вымытыя съ возвышенныхъ уровней, отлагала ихъ въ долинѣ и этимъ поднимала нѣсколько свой средній уровень, ослабляла быстроту теченія и способствовала образованію обширныхъ болотъ, въ которыхъ постепенно отложился толстый пластъ торфа. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакого вѣрнаго средства опредѣлить продолжительность времени, необходимаго для образованія этого послѣдняго вещества, такъ какъ бо́льшее или мѣньшее накопленіе его находится въ значительной зависимости отъ вліянія мѣстныхъ и различныхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ условій. Во всякомъ случаѣ, образованіе массы торфа, достигающаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе тридцати футовъ толщины, должно было потребовать значительнаго періода времени. А между тѣмъ въ этихъ именно слояхъ мы находимъ уже остатки неолитическаго или позднѣйшаго каменнаго вѣка. По сентъ-ашельскимъ могиламъ и по римскимъ древностямъ, найденнымъ въ поверхностныхъ слояхъ торфа, на высотѣ равной теперешнему уровню рѣки, мы видимъ, что пятнадцать столѣтій не произвели почти никакого измѣненія въ конфигураціи долины. Въ торфѣ и въ аллювіѣ у Аббевилля, на глубинѣ около 15 футовъ, находятся остатки неолитическаго періода, которымъ, судя по изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ Даніи, Швеціи и другихъ странахъ, мы имѣемъ полное основаніе приписать довольно значительную древность. А между тѣмъ, всѣ они относятся уже къ

эпохѣ, послѣдующей за размытіемъ и углубленіемъ долины. Какую же древность должны мы приписать тѣмъ людямъ, которые жили въ то время, когда Сомма только начинала еще свою великую работу? Только тотъ можетъ надлежащимъ образомъ оцѣнить указанный промежутокъ времени, кому удалось побывать на высотахъ Льеркура, Пиккиньи или на какомъ нибудь другомъ пунктѣ, господствующемъ надъ долиною; я убѣжденъ, что ни одинъ геологъ, имѣвшій возможность наблюдать съ одной изъ такихъ возвышенностей очертанія долины, не могъ не ощутить подавляющаго чувства удивленія передъ грандіозностью происходившихъ здѣсь преобразованій и передъ продолжительностью времени, долженствовавшаго протечь въ моментъ перваго появленія человѣка, въ западной Европѣ

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Древность человѣка.

Несмотря на то, что факты, изложенные въ предъидущей главѣ, составляютъ открытіе новѣйшаго времени, давно уже, и не одними археологами было признано, что затрудненія, представляемыя хронологіею архіепископа Ушера положительно непреодолимы. Историки, филологи и натуралисты одинаково пришли къ убѣжденію, что краткій общепринятый періодъ времени едва ли можетъ быть согласованъ даже съ исторіей нѣкоторыхъ восточныхъ племенъ, и что онъ положительно недостаточенъ, какъ для развитія отдѣльныхъ языковъ, такъ (если допускать единство человѣческой расы) и для образованія тѣхъ важныхъ физическихъ особенностей, которыми отличаются между собою различныя расы человѣчества.

Такъ, д-ръ Причардъ говоритъ: «Многіе писатели, какъ напр. д-ръ Михаелисъ, чувствовали себя весьма затрудненными общепринятымъ короткимъ промежуткомъ времени, между всемірнымъ потопомъ и тѣмъ періодомъ, съ котораго начинаются воспоминанія различныхъ народовъ или до котораго доходятъ ихъ древнѣйшіе историческіе памятники. Преувеличенные возгласы поэтовъ древнѣйшихъ временъ о неизмѣримо отдаленной, почти безконечной древности человѣчества—исчезли еще прежде, нежели до нихъ коснулась строгая критика; тѣмъ не менѣе, отдѣливъ отъ древнихъ преданій Индусовъ, Египтянъ, и нѣкоторыхъ другихъ народовъ все, что въ нихъ находится чисто мифологическаго, все-таки вѣроятная исторія нѣкоторыхъ изъ нихъ относится, повидимому, къ такому отдаленному періоду, который никоимъ образомъ не можетъ быть приведенъ въ соглашеніе съ краткой хронологіей, принимаемой Ушеромъ и Петавіусомъ. Это было чувствуемо столь единодушно всѣми писателями о древнѣйшихъ судьбахъ человѣчества, что было бы совершенно излишнимъ останавливаться долѣе на этомъ предметѣ.

Баронъ Бунзенъ, одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ ученыхъ въ

ряду тѣхъ, которые принимаютъ единство происхожденія различныхъ формъ человѣческой рѣчи, пришелъ къ необходимости принять для человѣческаго рода древность по крайней мѣрѣ въ 20,000 лѣтъ. Съ другой стороны, геніальный авторъ сочиненія «Генезисъ земли и человѣка», говоритъ совершенно справедливо, что «одно изъ самыхъ замѣчательныхъ затрудненій, съ которыми мы встрѣчаемся при попыткѣ объяснить происхожденіе всего человѣчества отъ одной пары.... заключается въ томъ фактѣ, что на египетскихъ памятникахъ, преимущественно XIII, XIV и XV стол. до Р. Х., мы находимъ изображенія многихъ племенъ Африки, Азіи и Европы, и всѣ они также рѣзко различаются между собою своими физическими особенностями, какъ подобныя же племена настоящаго времени. Между ними мы встрѣчаемъ Негровъ, со всѣми характеристическими особенностями ихъ типа, переданнаго съ необыкновенною отчетливостью, какъ относительно цвѣта кожи, такъ и чертъ лица, — отчетливостью, которую едва ли можетъ превзойти искусство новѣйшихъ художниковъ. Что такія различія могли произойдти естественнымъ путемъ, въ промежутокъ времени, между этимъ отдаленнымъ вѣкомъ и эпохой, когда жилъ Ной—съ этимъ едва ли можетъ согласиться кто либо, достаточно знакомый съ основами анатоміи и физіологіи,—изъ чего Причардъ и выводитъ заключеніе о невозможности происхожденія человѣческой расы отъ одной пары. Но, подобно тому, какъ не существуетъ филологическихъ затрудненій для того, кто принимаетъ буквально разсказъ о чудесномъ смѣшеніи языковъ при столпотвореніи Вавилонскомъ, такъ точно «краткость періода, предполагаемаго общепринятой хронологіей для развитія физическихъ особенностей отдѣльныхъ расъ», хотя и сознается, какъ «одно изъ самыхъ важныхъ затрудненій для принятія происхожденія человѣчества отъ одного первоначальнаго корня», не можетъ, однакоже, стѣснять тѣхъ, кто допускаетъ существованіе нѣсколькихъ отдѣльныхъ видовъ человѣка.

Профессоръ Гексли вывелъ также одинъ весьма интересный аргументъ изъ географическаго распространенія человѣческихъ расъ. Онъ раздѣляетъ все человѣчество на четыре группы: Австралоидовъ, Негроидовъ, Монголоидовъ и Ксантохроидовъ. Къ послѣднимъ онъ причисляетъ тѣ красивыя, бѣлокурыя и голубоглазыя племена, которыя занимаютъ бо́льшую часть Европы; къ Монголоидамъ—Татарскія, Американскія и Полинезійскія расы; къ Негроидамъ—Негровъ, Готтентотовъ и Негритосовъ; наконецъ, къ Австралійскому типу — всѣхъ обитателей Австраліи и первобытныя расы Декана (въ Индо-

станѣ), съ которыми онъ соединяетъ также древнихъ Египтянъ *). Какое бы различіе мнѣній не существовало между этнологами относительно трехъ прочихъ группъ, большинство ихъ согласно въ принятіи Негроидной расы, а на нее то я и намѣренъ теперь обратить вниманіе. Географическое распространеніе Ксантохроидовъ и Монголоидовъ не представляетъ затрудненій; точно также, я не намѣренъ входить въ разсмотрѣніе Австралоидной группы. Но я совершенно согласенъ съ проф. Гекели, что современное распространеніе Негритянской расы не можетъ быть объяснено ничѣмъ инымъ, какъ гипотезою обширныхъ географическихъ измѣненій, происшедшихъ уже послѣ появленія этой расы, причемъ, на мѣстѣ континента, образовался океанъ, а мѣсто океана заняла суша. Негры принадлежатъ къ числу расъ, никогда не отличавшихся склонностью къ мореплаванію: они нигдѣ не строютъ кораблей, и даже лодки обитателей острововъ Фиджи, очевидно были скопированы ими съ полинезійскихъ **). Взглянемъ теперь, каково географическое распространеніе этой расы? Негры населяютъ всю Африку къ югу отъ Сахары, — черезъ которую не переступали, повидимому, ни они, ни другіе представители чисто Африканской фауны, — и хотя мы не встрѣчаемъ ихъ въ Аравіи, Персіи, Индостанѣ, Сіамѣ или Китаѣ, но мы находимъ ихъ въ Мадагаскарѣ и на Андаманскихъ островахъ; ихъ нѣтъ на Явѣ, Суматрѣ и Борнео, но они встрѣчаются на полуостровѣ Малаккѣ, на Филиппинскихъ островахъ, Новой Гвинеѣ, Новыхъ Гебридахъ, Новой Каледоніи, островахъ Фиджи и Тасманіи.

Такое замѣчательное географическое распространеніе, можетъ быть, всего удобнѣе объясняется принятіемъ гипотезы, что со времени происхожденія негритянской расы, здѣсь произошло исчезновеніе громадной полосы земли или длинной цѣпи острововъ, которая простиралась отъ восточнаго берега Африки прямо черезъ Индійскій океанъ, и во вторыхъ, что море занимало тогда пространство на которомъ находится теперь великая пустыня. Но, какимъ бы образомъ не объяснялись эти факты, во всякомъ случаѣ, они указываютъ на большую древность негритянской расы.

---

*) Мы позволимъ себѣ замѣтить, что классификація Гекели едва ли принимается въ настоящее время кѣмъ либо изъ этнологовъ. Смѣшивать Австралійцевъ съ обитателями Декана и съ древними Египтянами, значитъ спутывать всѣ имѣющіяся антропологическія понятія. Съ другой стороны, Готтентоты представляютъ расу, существенно отличную отъ Негритянской; тоже можетъ быть сказано, повидимому, относительно Папуасовъ и Негритосовъ. *Ред.*

**) Обитатели острововъ Фиджи относятся обыкновенно къ Папуасской расѣ, представляющей, по совокупности своихъ физическихъ признаковъ, значительныя отличія отъ черной расы африканскаго континента. *Ред.*

Стоя у подошвы ледниковъ, я часто былъ пораженъ громадностью конечныхъ моренъ и продолжительностью времени, котораго должно было требовать ихъ образованіе. Возьмемъ для примѣра Ніагардскій глетчеръ, находящійся въ Юстедалѣ, въ Согнефіордѣ. Норвежскіе глетчеры, безъ сомнѣнія, покрывали нѣкогда гораздо большее пространство, нежели теперь: они постепенно отступали по мѣрѣ уменьшенія холода. Но мы уже видѣли, что человѣкъ существовалъ въ западной Европѣ, когда средняя температура ея была на нѣсколько градусовъ ниже теперешней; поэтому, мы вѣроятно не преувеличимъ, если предположимъ, что юстедальскій глетчеръ отступилъ по крайней мѣрѣ на одну англійскую милю вверхъ по долинѣ, со времени періода рѣчныхъ наносовъ и появленія человѣка въ западной Европѣ. Въ настоящее время, конечная морена этого глетчера покрываетъ все это мѣсто тысячами и сотнями тысячъ большихъ каменныхъ глыбъ, которыя всѣ, однакоже, были вѣроятно принесены сюда по льду уже въ періодъ существованія человѣка; между тѣмъ на нижнемъ концѣ самого глетчера, я могъ замѣтить только весьма незначительное количество такихъ глыбъ.

Что касается Даніи. то мы должны въ настоящее время обратить особенное вниманіе на двоякое измѣненіе, послѣдовавшее въ преобладающемъ характерѣ ея растительности. Буковые лѣса составляютъ теперь гордость страны, и народное преданіе гласитъ намъ, что это было такъ съ незапамятныхъ временъ. Между тѣмъ, изслѣдованія торфяниковъ показываютъ, что въ этомъ случаѣ народное преданіе ошибается Большія торфяныя болота даютъ намъ, относительно этого предмета, мало указаній, но здѣсь находятся также, во многихъ лѣсахъ, маленькія, глубокія ямы, наполненныя торфомъ и извѣстныя подъ названіемъ «skow mose». Ямы эти, какъ то уже естественно можно было ожидать, заключаютъ въ себѣ много деревьевъ, росшихъ по краямъ ихъ и затѣмъ въ нихъ упавшихъ. На днѣ такихъ ямъ находится обыкновенно аморфный торфъ, а надъ нимъ - слой сосенъ,—деревьевъ, не встрѣчающихся теперь на свободѣ въ Даніи. Далѣе къ верху—сосны исчезаютъ и замѣщаются дубами и бѣлыми березами,—виды, которые въ настоящее время также довольно рѣдко попадаются въ Даніи; наконецъ самый верхній слой состоитъ, главнымъ образомъ, изъ Betula verrucosa и относится уже къ современной эпохѣ, которую мы и можемъ поэтому назвать эпохою березы. Профессоръ Стенструпъ нашелъ между стволами этихъ сосенъ каменныя орудія, а такъ какъ глухарь, питающійся молодыми побѣгами сосны, былъ найденъ въ кьеккенмеддингахъ, то кажется, что эти послѣднія относятся также къ періоду сосенъ и что три

великихъ эпохи цивилизаціи соотвѣтствуютъ, до нѣкоторой степени, этимъ тремъ періодамъ древесной растительности. Во всякомъ случаѣ, вытѣсненіе одного вида деревьевъ другимъ и затѣмъ, въ свою очередь, вытѣсненіе этого третьимъ, должно было требовать значительнаго промежутка времени, хотя теперь мы и не имѣемъ средствъ опредѣлить съ точностью, какъ великъ былъ дѣйствительно этотъ промежутокъ.

Обращаясь теперь отъ Даніи къ Швейцаріи, мы должны указать на два случая, въ которыхъ были сдѣланы попытки болѣе опредѣленнаго вычисленія. При этомъ мы не должны, конечно, относиться къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, хотя, если мы получимъ достаточное количество такихъ вычисленій, сдѣланныхъ по различнымъ даннымъ, то въ будущемъ мы вѣроятно въ состояніи будемъ придти къ довольно удовлетворительному заключенію.

Первымъ изъ этихъ вычисленій мы обязаны Морло. Потокъ Тиньеръ, въ мѣстѣ впаденія своего въ Женевское озеро, недалеко отъ Вилльнева, образовалъ постепенно возвышеніе, въ формѣ конуса, изъ гравія и аллювія. При постройкѣ желѣзной дороги, этотъ конусъ былъ прорѣзанъ, въ длину на 1.000 футовъ, а въ глубину, въ своей центральной части, на 32 фута и 6 дюймовъ выше полотна желѣзной дороги. Разрѣзъ конуса, такимъ образомъ полученный, представлялъ весьма правильное строеніе, которое доказывало, что его образованіе происходило постепенно. Онъ былъ составленъ изъ тѣхъ же матеріаловъ (песку, гравія и большихъ глыбъ), которые еще и теперь уносятся потокомъ. Количество наносовъ должно, конечно, значительно мѣняться изъ года въ годъ; но въ длинномъ рядѣ годовъ, различія эти сглаживаются; такъ что, если мы возьмемъ болѣе значительные періоды и строеніе массы въ ея цѣлости, то вліяніе временныхъ колебаній, происходящихъ отъ метеорологическихъ причинъ, почти исчезаетъ и можетъ, поэтому, не приниматься во вниманіе. Документы, сохранившіеся въ архивахъ Вилльнева показываютъ, что въ 1710 году потокъ былъ запруженъ и направленіе его теченія, вслѣдствіе этого нѣсколько измѣнилось; это и сдѣлало настоящій конусъ слегка неправильнымъ. Но, что это измѣненіе послѣдовало относительно недавно, это видно также изъ того факта, что съ той стороны, гдѣ конусъ былъ защищенъ плотиною, слой чернозема не превышалъ 2 или 3 дюймовъ въ толщину. Въ этомъ, защищенномъ плотиною мѣстѣ, при проведеніи желѣзной дороги, открыты были три слоя растительной земли, изъ которыхъ каждый, повидимому, былъ въ свое время поверхностью конуса. Всѣ эти три слоя правильно разграничены одинъ отъ другаго гра-

віемъ и лежатъ параллельно, какъ другъ къ другу, такъ и къ теперешней поверхности конуса, которая сама изогнута очень правильно. Первый изъ этихъ древнихъ поверхностныхъ слоевъ былъ прослѣженъ на южной сторонѣ конуса, на пространствѣ болѣе чѣмъ въ 15.000 квадратныхъ футовъ: онъ имѣлъ отъ 4 до 6 дюймовъ толщины и лежалъ на глубинѣ около 4 футовъ ниже теперешней поверхности конуса. Въ этомъ слоѣ, относящемся къ Римскому періоду, были найдены кирпичи и одна римская монета.

Второй слой занималъ пространство въ 25,000 квадратныхъ футовъ. Онъ имѣлъ въ толщину около 6 дюймовъ и лежалъ на глубинѣ 10 футовъ (2,97 метра, включая толщину слоя). Въ немъ найдено было много черепковъ, неглазированной посуды, пара маленькихъ щипцовъ изъ бронзы. Третій слой распространялся на 3.000 квадратныхъ футовъ. Онъ имѣлъ 6 или 7 дюймовъ толщины и лежалъ на глубинѣ 19 футовъ подъ теперешнею поверхностью. Въ немъ нашли нѣсколько грубыхъ глиняныхъ черепковъ, нѣсколько кусковъ древеснаго угля, двѣ-три обломанныя кости и одинъ человѣческій скелетъ, съ маленькимъ, круглымъ и очень толстымъ черепомъ. Остатки углей были найдены даже на одинъ футъ глубже, между тѣмъ, слѣды кирпичей не попадались нигдѣ ниже верхняго слоя чернозема.

Къ центру конуса эти три слоя исчезаютъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ теченіе было самое сильное и отложило самые грубые матеріалы, въ томъ числѣ нѣсколько большихъ глыбъ, около трехъ футовъ въ діаметрѣ. Чѣмъ болѣе удаляемся мы отъ этой центральной линіи, тѣмъ мельче становится отложенный матеріалъ и тѣмъ легче, слѣдовательно, слой земли, образовавшійся со времени послѣднихъ большихъ наводненій, могъ покрыться свѣжими отложеніями. Такимъ образомъ, на глубинѣ 10 футовъ, въ гравіѣ, на южной сторонѣ конуса, на томъ мѣстѣ, гдѣ уже исчезъ слой земли, относящійся къ бронзовому періоду, были найдены два неокругленныхъ водою бронзовыхъ орудія. Вѣроятно они были задержаны своею тяжестью въ то время, какъ земля, нѣкогда покрывавшая ихъ, была смыта рѣкою. Исчезнувъ къ центру конуса, эти три слоя снова появляются на его сѣверной сторонѣ, на нѣсколько большей глубинѣ, но съ тою же самою правильностью и въ такомъ же относительномъ положеніи. Слой каменнаго періода только мѣстами былъ прерванъ, тогда какъ слой бронзоваго вѣка легко отличался по его характеристическому виду и окраскѣ.

Нужно сознаться, что исходный пунктъ всего этого аргумента, именно такъ называемый «Римскій», опредѣленъ далеко еще не вполнѣ

удовлетворительно. Весьма возможно, что кирпичи употреблялись еще въ Швейцаріи и до «Римскаго» періода, и почти несомнѣнно, что они продолжали употребляться и въ позднѣйшій періодъ. Монета, найденная въ «Римскомъ» слоѣ, была до того истерта, что ее нельзя было опредѣлить; поэтому, вѣроятно, она была очень долго въ употребленіи. Съ другой стороны, г. Ульманъ обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что кости, найденныя въ нижнемъ слоѣ, не представляютъ того вида, какой мы могли бы ожидать встрѣтить въ отложеніяхъ каменнаго періода, такъ какъ онѣ далеко не такъ обезцвѣчены, какъ напр. кости изъ пфальбаутовъ каменнаго вѣка, и притомъ принадлежатъ исключительно домашнимъ животнымъ. Впрочемъ, здѣсь всего было найдено только четырнадцать такихъ обломковъ костей, которые можно было опредѣлить, да и изъ тѣхъ многія принадлежали, повидимому, одной и той же особи. Кромѣ того, было бы весьма не логичнымъ, сравнивать состояніе костей изъ торфянаго болота съ тѣми, которыя были погребены въ матеріалѣ, подобномъ тому, который образовалъ конусъ Тиньера.

Морлò не скрывалъ отъ себя, что въ данномъ случаѣ присутствуютъ нѣкоторые сомнительные элементы, но въ общемъ ему казалось, что явленія здѣсь выражены такъ правильно и рѣзко, что онъ счелъ себя въ правѣ приложить къ нимъ вычисленіе, съ нѣкоторою притомъ увѣренностью въ его, по крайней мѣрѣ приблизительной, точности. Допуская нѣкоторыя, нѣсколько произвольныя предположенія, какъ напр. принимая, что со времени запруженія рѣки, прошло 300 лѣтъ, вмѣсто 150, и приписывая Римскому періоду древность въ 16—18 столѣтій, онъ получаетъ для бронзоваго періода древность отъ 2.900 до 4.900 лѣтъ, для каменнаго—4.700 до 7.000 и для всего конуса—отъ 7.400 до 11.000 лѣтъ. Морлò считаетъ болѣе вѣрнымъ сократить время существованія плотины на 200 лѣтъ и приписать римскому слою древность въ 1.600 лѣтъ, отнеся такимъ образомъ древность его образованія къ срединѣ III столѣтія. Этимъ путемъ, для бронзоваго періода получится древность въ 3.800 лѣтъ, а для каменнаго періода—въ 6.400 лѣтъ. Вообще онъ принимаетъ, что первый изъ нихъ занимаетъ отъ 3—4.000, второй до 5—7.000 лѣтъ.

Не менѣе остроумна попытка Гильерона, профессора гимназіи въ Нёвилѣ, опредѣлить древность свайныхъ построекъ близъ Pont de Thiele. Рѣка Тіель соединяетъ Нейенбургское озеро съ Бильскимъ. Она течетъ сначала по узкой долинѣ, а мостъ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ котораго найдены свайныя постройки, перекинутъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ. Нѣсколько далѣе, внизъ по теченію, долина расширяется и остается такою до самаго Билерзее. Очевидно, что

прежде озеро заливало всю долину вплоть до самаго моста, но что затѣмъ оно вытѣснено было силами, продолжающими дѣйствовать и до сихъ поръ. Если бы можно было съ точностью опредѣлить, въ какой промежутокъ времени совершились эти измѣненія, то намъ удалось бы приблизительно опредѣлить древность остатковъ близь Pont de Thiéle, очевидно отъ свайной постройки. По старымъ документамъ, монастырь св. Іоанна въ этой долинѣ, въ разстояніи 375 метровъ отъ теперешняго берега озера, основанъ былъ между 1090—1106 г., слѣдовательно, 750 лѣтъ тому назадъ. Быть можетъ, предположимъ, монастырь былъ построенъ въ свое время не на самомъ берегу озера,—но даже и въ этомъ случаѣ убыль воды только на 375 метровъ въ 750 лѣтъ. Профессоръ Гильеронъ не принимаетъ этой цифры для всего пространства между монастыремъ и свайными постройками, такъ какъ приращеніе берега въ узкихъ частяхъ долины гораздо быстрѣе. А если мы пойдемъ къ тому мѣсту, гдѣ съуживается бассейнъ, то получимъ пространство уже въ 3.000 метровъ, что, на основаніи выше приведенныхъ данныхъ, указываетъ на древность по крайней мѣрѣ въ 6.750 лѣтъ. При этомъ разсчетѣ предполагается, что образованіе долины первоначально шло равномѣрно. Морло въ этомъ случаѣ согласенъ съ мнѣніемъ проф. Гильерона и вообще по образованію всей долины, можно думать, что это предположеніе вѣрно. Кромѣ того изслѣдованія грунта въ Билерзи, произведенныя Гизели, показали, что дно его измѣняется въ глубинѣ незначительно. Такимъ образомъ эти два исчисленія, повидимому, доказываютъ, что Швейцарія за 6.000 или за 7.000 лѣтъ была уже населена людьми, употреблявшими полированныя каменныя орудія. Но до сихъ поръ еще намъ неизвѣстно, за сколько времени передъ этимъ поселились они тамъ, или сколько вѣковъ прошло до открытія металла.

Египетскія изслѣдованія Горнера, предпринятыя имъ на счетъ Королевскаго общества и египетскаго правительства, указываютъ намъ на еще болѣе отдаленную древность. Нилъ ежегодно осаждаетъ, во время періодическаго разлива, опредѣленное количество ила; уже во время Геродота существовало предположеніе, что Египетъ былъ прежде морскимъ заливомъ, который постепенно заносился иломъ съ горъ и наконецъ превратился въ материкъ.

Въ большомъ сочиненіи объ Египтѣ, которымъ мы обязаны французскимъ ученымъ, участвовавшимъ въ экспедиціи Наполеона въ эту страну, сдѣлана была попытка опредѣлить, насколько такимъ образомъ повышается уровень земли въ теченіи столѣтія, и оказалось 5 дюймовъ Но это среднее число сильно измѣняется въ различныхъ

мѣстахъ, вслѣдствіе чего Горнеръ не считаетъ себя въ правѣ руководствоваться имъ въ каждомъ частномъ случаѣ, хотя бы наблюденія, изъ которыхъ получено это среднее, были удовлетворительны. Онъ предпочелъ изслѣдовать накопленія этого ила возлѣ памятниковъ, древность которыхъ была извѣстна; изъ нихъ онъ выбралъ два. *Обелискъ въ Геліополисѣ и статую Рамзеса II въ Мемфисѣ.* «Принимаютъ, что обелискъ воздвигнутъ за 2.300 лѣтъ до Р. Х. Прибавивъ къ этому 1.850 лѣтъ, получимъ для наблюденія въ іюнѣ 1851 г., т. е. до разлитія Нила въ текущемъ году, періодъ времени въ 4.150 лѣтъ. Въ теченіи этого времени образовался слой въ 11 футовъ, такъ что на каждое столѣтіе приходится 3,18 дюйма». Но Горнеръ самъ говоритъ, «что нельзя принимать и эту цифру за достовѣрную, такъ какъ мѣсто, *избранное для храма и для города* Геліополиса, могло быть нѣсколько выше общаго уровня пустыни». Поэтому онъ главнымъ образомъ опирается на свидѣтельство колоссальной статуи въ Мемфисѣ. Въ настоящее время тутъ поверхность земли на 10 футовъ $6^{3}/_{4}$ дюйма выше основанія платформы, на которой стояла статуя. Если принять въ разсчетъ, что во время сооруженія, платформа погружена была на $14^{3}/_{4}$ дюйма глубже поверхности земли, то оказывается, что тогдашняя поверхность земли была на 9 футовъ 4 дюйма ниже теперешней. По Лепсіусу, Рамзесъ царствовалъ между 1328 и 1394 г. до Р. Х., т. е. за 3215 лѣтъ тому назадъ; откуда слѣдуетъ, что поверхность почвы поднималась на три съ половиною дюйма въ столѣтіе. Опредѣливъ приблизительно точно количество отлагающагося ила въ этой части нильской долины, Горнеръ велѣлъ выкопать нѣсколько довольно глубокихъ ямъ, и въ одной изъ нихъ, недалеко отъ статуи, нашелъ на глубинѣ 39 футовъ глиняный черепокъ, который, на основаніи выше приведенныхъ данныхъ, долженъ имѣть около 13,000 лѣтъ.

При многихъ другихъ раскопкахъ найдены были глиняные черепки и другіе слѣды человѣка еще на бо́льшей глубинѣ; надо сознаться однако, что по различнымъ причинамъ эти разсчеты не вполнѣ точны. Такъ напр., невозможно вѣрно опредѣлить, какъ глубоко былъ въ землѣ пьедесталъ статуи; Горнеръ принялъ $14^{3}/_{4}$ дюйма, но если на самомъ дѣлѣ глубина была больше, то количество отложеннаго ила будетъ меньше, а слѣдовательно, древность еще увеличивается. Съ другой стороны, если платформа статуи была на возвышенности, то получается совершенно противоположный выводъ.

Утверждали также, что древніе Египтяне окружали плотинами тѣ мѣста, на которыхъ воздвигали свои храмы, статуи и т. под., съ цѣлью предохранить ихъ отъ разлитія Нила.

«Если вода», говоритъ Чарльзъ Лайель, «прорвется какъ нибудь въ защищенныя такимъ образомъ низменныя мѣста, то она занесетъ туда большое количество илу, такъ что тамъ отложится его въ нѣсколько лѣтъ больше, чѣмъ быть можетъ въ столько же столѣтій на бо́льшей, но не низменной поверхности и при другихъ условіяхъ». Подобное возраженіе однако несостоятельно, такъ какъ быстрота выполненія зависитъ отъ продолжительности предшествовавшаго періода, въ теченіи котораго задерживалась вода и не образовалось осадка, результатомъ чего будетъ то, что низины сравняются съ остальнымъ материкомъ. Положимъ напр., что памятникъ Рамзеса, построенный на равнинѣ 3.200 лѣтъ тому назадъ, былъ защищенъ отъ разлитія Нила въ теченіи 2.000 лѣтъ и что, слѣдовательно, въ это время слой почвы, находящійся внѣ плотины, постепенно увеличился на 5 футовъ 10 дюймовъ, прибывая въ теченіи каждаго столѣтія на три съ половиною дюйма. По разрушеніи плотины замкнутое ею пространство быстро выполнилось до общаго уровня, и слой въ 5 футовъ и 10 дюймовъ могъ образоваться въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; но и такое исключительно быстрое накопленіе ила пополнило бы только предшествовавшій полнѣйшій недостатокъ отложенія; слѣдовательно толщина слоя, окружающаго фундаментъ памятника, даже и въ томъ случаѣ, если илъ отложился лишь въ теченіи послѣднихъ столѣтій, т. е. по разрушеніи плотины, можетъ служить мѣриломъ для опредѣленія быстроты отложенія ила въ окружающихъ частяхъ долины. Даже въ томъ случаѣ, если бы плотина сохранилась до настоящаго времени и памятникъ стоялъ бы донынѣ въ образовавшейся такимъ образомъ ямѣ, то и тогда мнѣніе Горнера не опровергалось бы, а скорѣе подкрѣплялось. Глубина этой ямы послужила бы намъ мѣриломъ для измѣренія отложенія, образовавшагося со времени сооруженія памятника или, скорѣе, возведенія плотины. Но если самый памятникъ поставленъ былъ на мѣстѣ, углубленномъ предварительно воздвигнутыми плотинами, то такое исчисленіе оказалось бы невѣрнымъ. Но въ этомъ случаѣ, масса отложеній должна была бы быть гораздо значительнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности, и вслѣдствіе этого, истинная древность постройки была бы еще больше вычисленной выше. Однако, по нѣкоторымъ причинамъ, я все-таки не могу безусловно принять выводовъ Горнера. Но не смотря на то, я признаю, что его изслѣдованія очень важны, и мы должны быть признательны египетскому правительству и королевскому обществу за ихъ содѣйствіе.

Я привелъ уже выше тѣ факты, на основаніи которыхъ Морло пытается опредѣлить древность конуса Тиньеръ, — онъ принимаетъ

такимъ образомъ 6 000 лѣтъ для нижняго черноземнаго слоя и 10.000 лѣтъ для всего конуса. Но надъ этимъ конусомъ находится другой образовавшійся въ то время, когда уровень моря былъ выше чѣмъ теперь. Морло́ относитъ этотъ конусъ къ ледниковому періоду. Этотъ ледниковый конусъ, приблизительно, въ 12 разъ больше перваго, еще наростающаго и, слѣдовательно, по тѣмъ же исчисленіямъ, долженъ имѣть около 100.000 лѣтъ.

Въ своихъ «Путешествіяхъ въ Сѣверную Америку», Лайелль пытается слѣдующимъ образомъ опредѣлить древность дельты Миссисипи. Онъ говоритъ: «Д-ръ Риддль сообщилъ мнѣ въ Нью-Орлеанѣ результатъ цѣлаго ряда опытовъ, для опредѣленія приблизительнаго количества осадковъ, отлагающихся изъ водъ Миссисипи. Онъ нашелъ, что среднимъ числомъ, въ теченіи года, количество твердыхъ отложеній, по вѣсу, относится къ массѣ воды, какъ 1 : 1245, а по объему какъ 1 : 3000. Съ тѣхъ поръ произвелъ онъ дальнѣйшій рядъ опытовъ, и его таблицы показываютъ, что количество взвѣшанныхъ въ водѣ веществъ правильно возрастаетъ съ повышеніемъ уровня и увеличеніемъ скорости теченія. Сравнивая по временамъ года высокую воду съ наиболѣе свѣтлой водою, онъ вывелъ изъ своихъ опытовъ, доведенныхъ до 1849 года, что вообще среднее годичное количество взвѣшанныхъ твердыхъ веществъ немного меньше того, что онъ принималъ прежде. По этимъ наблюденіямъ, а также по наблюденіямъ Карпентера и Форски, занимавшихся вопросомъ о средней ширинѣ, глубинѣ и быстротѣ Миссисипи, вычислено было количество протекающей ежегодно воды и количество ила. Я принялъ 528 футовъ или десятую часть англійской мили за вѣроятную толщину илистыхъ и песчаныхъ отложеній дельты, основываясь главнымъ образомъ на томъ, что при буреніи дельты на сѣверъ отъ Нью-Орлеана, недалеко отъ озера Пончартрена, на глубинѣ 600 футовъ, не дошли еще до конца аллювіальныхъ образованій. Такъ какъ площадь дельты занимаетъ около 13.000 англійскихъ квадратныхъ миль, а количество ежегодно пригоняемаго водою ила доходитъ до 3.702.758.400 кубическихъ футовъ, то на образованіе всей дельты потребовалось около 67.000 лѣтъ; если же аллювіальныя образованія въ выше лежащей равнинѣ достигаютъ глубины 264 футовъ или на половину мельче дельты, то на образованіе ихъ нужно было еще 33.500 лѣтъ, даже если ея площадь считать одинаковою съ дельтою, хотя первая въ дѣйствительности больше.

Кромѣ того, Лайелль могъ убѣдиться самъ, что сравнительно большое количество ила, приносимаго рѣкою, отлагается не въ дельтѣ, но внѣ ея, въ заливѣ. Въ своемъ сочиненіи «Древность человѣка»,

онъ упоминаетъ о выше приведенномъ вычисленіи и полагаетъ, что количество стекающей воды было принято при прежнихъ опытахъ, повидимому, слишкомъ малымъ. Гг. Гёмфри и Абботъ, изслѣдовавшіе недавно отложенія дельты, также замѣчаютъ, что рѣка увлекаетъ по дну своего русла извѣстное количество песку и гравія, которое, по ихъ предположенію, должно увеличивать, приблизительно на одну десятую, массу твердыхъ веществъ. Это, конечно, должно значительно уменьшать требуемый періодъ времени; тѣмъ не менѣе, принимая въ разсчетъ количество ила, уносимаго въ море, и на которое, при вышеприведенномъ вычисленіи, не обращалось никакого вниманія, сэръ Лайелль полагаетъ, что періодъ этотъ, во всякомъ случаѣ, былъ не менѣе 100.000 лѣтъ, и что не меньшую же древность представляетъ и аллювій р. Соммы, заключающій въ себѣ кремневыя орудія и остатки мамонта и гіены.

Съ другой стороны, какая бы причина или совокупность причинъ не произвела то значительное измѣненіе, которое послѣдовало въ климатѣ западной Европы, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что измѣненіе это указываетъ на весьма значительный промежутокъ времени *). Мы обязаны г. Гопкинсу весьма интереснымъ мемуаромъ объ этомъ предметѣ. Изъ числа возможныхъ причинъ измѣненія, онъ разсматриваетъ, во-первыхъ, измѣненіе въ интенсивности солнечнаго лучеиспусканія. Относительно этой теоріи, Гопкинсъ не находитъ возраженій, которыя могли бы быть противъ нея сдѣланы a priori, но не придаетъ ей особеннаго значенія, такъ какъ это есть ничто иное, какъ простая гипотеза, придуманная для объясненія одного ограниченнаго класса фактовъ и не поддержанная свидѣтельствомъ какого либо другаго класса—сходныхъ, хотя и независимыхъ явленій. Кромѣ того, она подлежитъ еще возраженію, выставленному съ большою силою проф. Тиндалемъ, который доказываетъ, что древніе ледники настолько же свидѣтельствуютъ о дѣйствіи теплоты, насколько и холода. «Холодъ», говоритъ онъ, «самъ по себѣ еще не можетъ

*) Опредѣлить этотъ промежутокъ времени въ цифрахъ, даже приблизительно, едва ли впрочемъ возможно, такъ какъ всѣ вышеприведенныя вычисленія не могутъ имѣть никакой претензіи на доставленіе мало-мальски твердой опоры для доисторической хронологіи. Съ другой стороны, нужно принять во вниманіе, что по мнѣнію нѣкоторыхъ палеонтологовъ и геологовъ, періодъ, когда въ средней Европѣ жили еще мамонтъ и сѣверный олень, далеко не настолько удаленъ отъ современнаго, какъ то можно было бы предполагать съ перваго взгляда. Такъ, по мнѣнію Фрааса, „мы не имѣемъ никакихъ основаній для того, чтобы отдалять древность ледянаго періода въ Швабіи, далѣе эпохи процвѣтанія Вавилонскаго царства или времени Мемфиса и его пирамидъ“. *Ред.*

произвести ледниковъ. Вы можете имѣть въ Лондонѣ, въ продолженіи цѣлой зимы, самые рѣзкіе сѣверо-восточные вѣтры и при этомъ ни малѣйшаго снѣга. Холодъ долженъ встрѣчать подходящее вещество, на которое онъ можетъ дѣйствовать, а это вещество—водяной паръ воздуха—есть непосредственный продуктъ теплоты. Мы можемъ представить себѣ этотъ вопросъ о ледникахъ еще въ другой формѣ. Скрытая теплота водянаго пара, при температурѣ его возникновенія подъ тропиками равняется приблизительно 1.000° Ф., такъ какъ скрытая теплота увеличивается въ той же степени, въ какой уменьшается температура испаренія. Такимъ образомъ, фунтъ воды, приведенный въ состояніе пара на экваторѣ, абсорбируетъ въ тысячу разъ болѣе теплоты, сколько нужно для повышенія температуры на одинъ градусъ.... Совершенно ясно, поэтому, что помощью ослабленія солнечнаго дѣйствія, будетъ ли это вслѣдствіе уменьшеннаго лучеиспусканія, или вслѣдствіе перемѣщенія всей солнечной системы въ пространство болѣе низкой температуры, ледники, такъ сказать, отрѣзываются отъ своихъ первоначальныхъ источниковъ».

Проф. Франкландъ идетъ даже далѣе и выражаетъ мнѣніе, что единственная причина явленій ледниковаго періода заключается въ тогдашней болѣе высокой температурѣ океана,—очевидно забывая, что морская фауна того времени имѣла также, подобно наземной, арктическій характеръ.

Во-вторыхъ. Допуская собственное движеніе солнца, было высказано предположеніе, что мы недавно перешли изъ болѣе холодной въ болѣе теплую область міроваго пространства. Я не могу входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этой теоріи, опровергнутой Гопкинсомъ, замѣчу только, что она, повидимому, совершенно неприложима для объясненія измѣненій температуры въ продолженіи новѣйшихъ геологическихъ эпохъ. Кромѣ того, противъ этой второй гипотезы можетъ быть сдѣлано тоже роковое возраженіе, какъ и противъ первой. Для того, чтобы произвести снѣгъ, требуется столько же теплоты, сколько и холода; первая для образованія пара, второй—для его сгущенія. Дѣйствительно, то, что необходимо, это—относительно бо̀льшій контрастъ между температурою тропиковъ и нашею; такъ что, какъ бы это не казалось парадоксальнымъ, первоначальная причина «ледяной эпохи» могла въ концѣ концовъ заключаться въ повышеніи температуры подъ тропиками, обусловливавшемъ бо̀льшее испареніе въ экваторіальныхъ странахъ и, слѣдовательно, бо̀льшій сырой матеріалъ для образованія снѣга въ умѣренныхъ широтахъ, въ продолженіи зимнихъ мѣсяцевъ.

Въ третьихъ: измѣненіе земной оси. Многіе астрономы отвергали возможность такого измѣненія. Напротивъ того, мой покойный отецъ, сэръ Ж. Леббокъ утверждалъ, что подобное измѣненіе должно было быть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ повышенія и пониженія земной поверхности въ томъ случаѣ, если онѣ были достаточно сильны. Это же самое мнѣніе раздѣлялось въ новѣйшее время другими математиками. Такое предположеніе, также какъ и предъидущее, необходимо предполагаетъ огромныя географическія измѣненія, которыя необходимо требуютъ громаднаго промежутка времени.

Въ четвертыхъ. Гопкинсъ высказываетъ предположеніе, что истинное рѣшеніе задачи заключается въ допущеніи, что гольфштремъ въ теченіи упомянутаго холоднаго періода не согрѣвалъ береговъ Европы. Пониженіе на 2000 фут. превратило бы, по его словамъ, долину Миссисипи въ большой заливъ, южный конецъ котораго образовалъ бы теперешній Мексиканскій заливъ, между тѣмъ какъ на сѣверѣ онъ соединился бы съ водами, наполнявшими долину, занятую теперь рядомъ озеръ. Въ такомъ случаѣ гольфштремъ не отклонялся бы американскими берегами, но шелъ бы вверхъ по каналу въ полярное море; а такъ какъ большое морское теченіе необходимо должно вызывать обратное, то очень можетъ быть, что между берегами Норвегіи и Гренландіи существовалъ потокъ холодной воды съ сѣвера. Отсутствіе гольфштрема неизбѣжно понизило бы январскую температуру западной Европы на 10°, а присутствіе холоднаго теченія съ сѣвера въ свою очередь обусловило бы дальнѣйшее пониженіе на 3—4°, каковаго измѣненія климата повидимому достаточно для того, чтобы объяснить себѣ всѣ явленія По мнѣнію Гопкинса эта теорія не есть гипотеза, но основывается на томъ фактѣ, что Сѣверная Америка находилась нѣкогда подъ водою, а это подтверждается многими свидѣтельствами.

Но въ такомъ случаѣ, естественно, періоды наибольшаго холода въ Европѣ и Америкѣ должны были быть послѣдовательными, а не одновременными; и кромѣ того надо замѣтить, что при этомъ предполагаемомъ отклоненіи гольфштрема, Гопкинсъ принимаетъ періодъ, предшествовавшій образованію нынѣшнихъ рѣкъ. Потому что, если мы примемъ такое объясненіе, то придется также признать, что на все это нужно было весьма много времени. Если гольфштремъ покрывалъ теперешнюю долину Миссисипи въ то время, когда откладывался гравій и лесъ въ долинахъ Соммы и Сены, то отсюда слѣдуетъ, что отложеніе лесса въ долинѣ и дельтѣ этой рѣки. продолжавшееся, по мнѣнію Лайелля, около 100,000 лѣтъ, совершилось позднѣе образованія долины Соммы и позднѣе появленія человѣка въ западной Европѣ.

Однако отклоненіе гольфштрема отъ нашихъ береговъ можетъ быть

также объяснено другими причинами и именно пониженіемъ Панамскаго перешейка. Въ подтвержденіе такого предположенія я могу здѣсь привести замѣчательный фактъ, открытый недавно Гунтеромъ, именно то обстоятельство, что изъ 173 видовъ тропическихъ морскихъ рыбъ, не менѣе 57 или, другими словами, около 30 процент. водится по обѣимъ сторонамъ перешейка, слѣдовательно какъ въ Тихомъ, такъ и въ Атлантическомъ океанѣ.

Но, съ другой стороны, Кролль замѣтилъ что въ настоящее время Ю. В. пассатный вѣтеръ атлантическаго океана дуетъ съ бо́льшею силою, чѣмъ С. В. пассатъ и что вслѣдствіе этого Ю. В. пассатъ достигаетъ иногда 10° или 15° с. ш., тогда какъ С. В. вѣтеръ рѣдко заходитъ на югъ отъ экватора. Но въ теченіи ледниковаго періода было вѣроятно совершенно наоборотъ, и большое экваторіальное теченіе атлантическаго океана доходило вѣроятно тогда гораздо далѣе на югъ. Даже и теперь, несмотря на то, что большая часть воды уносится въ Мексиканскій заливъ, часть водъ отклоняется къ югу; но въ только что указанномъ случаѣ большая часть или даже можетъ быть вся вода должна была принимать это направленіе.

При существующихъ условіяхъ однако количество воды, уносимой на югъ, сравнительно очень ничтожно и значительно большая масса великаго экваторіальнаго теченія направляется къ сѣверу и согрѣваетъ сѣверное полушаріе, такъ что сравнительно высокая температура сѣвернаго атлантическаго океана до нѣкоторой степени зависитъ отъ той теплоты, которая приносится изъ южнаго полушарія. Въ одномъ изъ своихъ недавнихъ мемуаровъ Кролль изложилъ подробно, насколько сильно вліяніе гольфштрема на нашъ теперешній климатъ. По его вычисленію, это теченіе приноситъ намъ такое же количество теплоты, сколько получаютъ подъ экваторомъ отъ солнца 3.121.870 англійскихъ квадратныхъ миль, или почти столько же, сколько получаютъ всѣ арктическія страны.

Современный климатъ Англіи на 12° Ф. теплѣе того, который можно принять за нормальный нашей широты, но Кролль замѣчаетъ, что этимъ не ограничивается вліяніе гольфштрема. Температура всего полушарія повысилась вслѣдствіе экваторіальнаго теченія, и 12° выражаетъ только среднее число градусовъ, на которое климатъ Англіи стоитъ выше такъ называемой нормальной температуры широты.

Есть еще и другая причина, которою отчасти обусловливается теперешній мягкій климатъ Европы, и которую также мы не должны оставлять безъ вниманія. Правда, въ разсматриваемомъ нами періодѣ, очертанія западной Европы были, повидимому, очень сходны съ теперешними, но есть основательныя причины предполагать, что Сахара

составляла въ то время часть Атлантическаго океана. Тристрамъ обратилъ вниманіе на существованіе утесовъ древнихъ береговыхъ линій и рядовъ террасъ вдоль сѣверной границы пустыни и на существованіе до настоящаго времени, въ нѣкоторыхъ изъ соленыхъ озеръ ея,—обыкновеннаго сердцевика (Cardium), водящагося въ морѣ. Г. Тристрамъ нашелъ также одинъ видъ Haligenes (живущій въ Гвинейскомъ заливѣ)—въ соленомъ озерѣ, находящемся подъ 32° с. ш. и 7° в. д., гдѣ онъ отдѣленъ такимъ образомъ отъ своей теперешней океанической области всею шириной великой пустыни. Кромѣ того, какъ мы уже видѣли, теперешнее географическое распространеніе животныхъ можетъ быть объяснено только тою гипотезою, что существующая фауна, включая сюда и человѣка, занимала Африку еще задолго передъ тѣмъ, какъ Сахара сдѣлалась сушею.

Въ указанномъ мемуарѣ, г. Кролъ доказалъ, что теплыя водяныя теченія имѣютъ гораздо бо́льшее вліяніе на климатъ, чѣмъ воздушныя одинаковаго объема и одинаковой температуры Но, само собою разумѣется, что измѣненіе воздушнаго теченія также должно было имѣть большое зліяніе на климатъ Европы. Въ настоящее время у насъ дуютъ съ юга теплые, сухіе вѣтры, которые приносятъ намъ теплоту, какъ прямымъ, такъ и косвеннымъ путемъ —именно заставляя таять снѣгъ и ледъ, лежащіе на верхушкахъ нашихъ горъ. Но если бы Сахара была моремъ, то Фёнъ не былъ бы палящимъ сухимъ вѣтромъ, сгоняющимъ снѣгъ съ Альповъ, но былъ бы сырымъ, туманнымъ теченіемъ воздуха, которое по достиженіи горъ образовало бы облака и густые туманы; вслѣдствіе чего земля не согрѣвалась бы такъ и глетчеры не таяли бы. Такимъ образомъ безплодной Сахарѣ, на которую мы смотримъ какъ на безплодную пустыню, Европа обязана значительно своимъ плодородіемъ и своею цивилизаціею.

Еще одна попытка объясненія холода ледниковаго періода, была сдѣлана Адгемаромъ, которая, въ томъ случаѣ, если бы оказалась вѣрною, дала бы намъ возможность опредѣлить и его древность. Если бы плоскость экватора совпадала въ точности съ плоскостью эклиптики, т. е. съ плоскостю земной орбиты, то конечно ночь постоянно была бы равна дню. Но вслѣдствіе наклоненія эклиптики, это дѣйствительно бываетъ только два раза въ году, именно 20 марта и 23 сентября. Такимъ образомъ нашъ годъ раздѣляется на четыре рѣзко ограниченныхъ періода. Зима начинается 22 декабря, самымъ коротким днемъ въ году и продолжается до 20 марта, т. е. до того дня, который называется весеннимъ равноденствіемъ, такъ какъ въ это число день равенъ ночи. Весна начинается съ 20 марта и длится до

21 іюня, въ теченіи каковаго времени день постоянно увеличивается въ ущербъ *ночи*.

Съ 21 іюня, перваго лѣтняго дня, дни начинаютъ сокращаться, пока наконецъ 21 сентября снова бываетъ день равенъ ночи. Этотъ день называется осеннимъ равноденствіемъ.

Осень начинается 23 сентября, и дни уменьшаются до 22 декабря, когда бываетъ самый короткій день, послѣ котораго они снова прибываютъ.

Въ настоящее время сѣверное полушаріе въ каждомъ году пользуется семью днями долѣе весною и лѣтомъ, нежели осенью и зимою, между тѣмъ какъ съ другой стороны, на южномъ полушаріи, осень и зима длятся семью днями долѣе, чѣмъ весна и лѣто. Эта неравномѣрность временъ года зависитъ отъ бо́льшей скорости вращенія земли въ то время, когда она находится въ перигеліи или, другими словами, ближе всего подходитъ къ солнцу, что́ бываетъ 31 декабря.

Числа перигелія и весенняго равноденствія не всегда были и будутъ такими какъ теперь; наоборотъ, здѣсь замѣчается постоянное, хотя и *медленное движеніе*, Весеннее равноденствіе, бывающее теперь 20 марта, по прошествіи нѣкотораго времени будетъ 19-го, затѣмъ 18-го и т. д., точно также какъ и перигелій, который теперь совпадаетъ съ 31 декабря, по истеченіи нѣкотораго времени перейдетъ сначала на 1-е, а затѣмъ на 2-е января и т. д. Такимъ образомъ, промежутокъ между этими двумя явленіями постоянно сокращается и наступитъ когда нибудь, что они совпадутъ, а по прошествіи около 21,000 лѣтъ снова будутъ находиться на такомъ же разстояніи между собою, какъ теперь.

Самый длинный и самый короткій день подвигаются слѣдовательно также, какъ осеннее и весеннее равноденствіе, а вслѣдствіе этого сѣверное и южное полушарія попеременно наслаждаются болѣе долгимъ лѣтомъ. 1248 г. по Р. Х. былъ именно тотъ годъ, въ которомъ первый день зимы совпадалъ съ прохожденіемъ земли черезъ перигелій; слѣдовательно въ этомъ году преобладаніе лѣта на сѣверномъ полушаріи было наибольшимъ. До упомянутаго года продолжительность лѣта постоянно возрастала, а теперь, въ теченіи 625 лѣтъ, она постепенно уменьшается.

Однако астрономы вообще полагаютъ что, какъ эти измѣненія, такъ и тѣ, которыя касаются эксцентрицитета земной орбиты не производятъ сколько нибудь замѣтныхъ измѣненій въ климатѣ обоихъ полушарій, такъ какъ оба полушарія, какъ бы ни былъ великъ эксцентрицитетъ нашей орбиты должны получать совершенно одинаковое

количество теплоты, потому что близость солнца въ перигеѣ и отдаленность его въ апогеѣ вполнѣ уравновѣшиваются большей или меньшей быстротой движенія. Другими словами: южное полушаріе пользуется болѣе короткимъ лѣтомъ чѣмъ наше, такъ какъ оно находится ближе къ солнцу, но вслѣдствіе этого же обстоятельства, въ теченіи даннаго времени, оно получаетъ болѣе теплоты, такъ что оба различія уравниваютъ одно другое.

Адгемаръ доказываетъ однако, что температура каждаго полушарія зависитъ не отъ количества тепла, полученнаго отъ солнца, но отъ различія между полученнымъ и потеряннымъ чрезъ лучеиспусканіе въ пространство, другими словами, отъ количества удержанной теплоты. Если, говоритъ онъ для поясненія, вы сжигаете извѣстное количество дровъ въ двухъ одинаковыхъ комнатахъ и затѣмъ въ одной изъ нихъ отворяете окна, а въ другой нѣтъ, то скоро замѣтна будетъ разница температуры, несмотря на то, что количество произведенной теплоты было въ обѣихъ комнатахъ одинаково.

Въ настоящее время наше сѣверное полушаріе имѣетъ $186 \times 24 = 4464$ часа дня въ году и $179 \times 24 = 4296$ часовъ ночи; между тѣмъ какъ южное полушаріе 4464 часа ночи и лишь 4296 часа дня. Положимъ даже, что южное полушаріе въ 4296 часовъ дня получаетъ отъ солнца столько же теплоты, какъ мы въ наши 4464, но оно очевидно сохранитъ менѣе теплоты, такъ какъ оно имѣетъ лишнихъ 168 часовъ ночи, въ теченіи которыхъ происходитъ лучеиспусканіе. Слѣдовательно, если бы даже количество получаемой теплоты было одинаково, то и въ такомъ случаѣ температура обоихъ полушарій не могла бы быть одинакова, и, хотя вначалѣ это различіе можетъ быть незначительнымъ, съ теченіемъ времени оно постоянно будетъ возростать.

Что южное полушаріе холоднѣе сѣвернаго, видно изъ большаго скопленія въ первомъ льда; но понятно также, что самый этотъ фактъ долженъ, въ свою очередь, дѣлать это различіе еще болѣе ощутительнымъ.

Кромѣ того, Адгемаръ утверждаетъ, что громадный куполъ льда, который облекаетъ какъ извѣстно, южный полюсъ, долженъ вліять на центръ тяжести земли и, сообразно этому, передвигать океанъ къ югу. Такимъ путемъ онъ старается именно объяснить преобладаніе суши на сѣверномъ—и воды на южномъ полушаріи. Различіе это замѣтно при первомъ взглядѣ на карту, но слѣдующая таблица доказываетъ это нагляднѣе. Принявъ каждый параллельный кругъ за единицу, относительное количество моря будетъ:

60	град.	сѣв.	шир.	0,353	10	град.	южн.	шир.	0,786
50	»	»	»	0,407	20	»	»	»	0,777
40	»	»	»	0,527	30	»	»	»	0,791
30	»	»	»	0,536	40	»	»	»	0,951
20	»	»	»	0,677	50	»	»	»	0,972
10	»	»	»	0,710	60	»	»	»	1,000
0	»	»	»	0,771					

Не подлежитъ сомнѣнію, что такое правильное, прогрессивное приращеніе моря едва ли можетъ быть дѣломъ чистаго случая.

Адгемаръ утверждаетъ, что оно обусловливается перемѣщеніемъ центра тяжести земли, которое произошло вслѣдствіе скопленія льда близь южнаго полюса. Онъ думаетъ, что 11,125 лѣтъ тому назадъ, т. е. за 10,500 лѣтъ до 1248 года, когда холода на сѣверномъ полушаріи были всего сильнѣе и ледники достигали своего максимума, а на южномъ полушаріи—минимума,—преобладаніе воды существовало въ сѣверномъ полушаріи; такъ что слѣд. погруженіе низменныхъ частей европейскаго и американскаго материка обязано измѣненію не уровня суши а уровня моря. По его мнѣнію, когда увеличивающійся куполъ льда на одномъ полюсѣ начинаетъ перевѣшивать уменьшающійся на другомъ, происходитъ внезапное перемѣщеніе центра тяжести земли, съ одной стороны центра твердой массы на другую, и, вслѣдствіе этого, паденіе воды или наводненіе—то съ сѣвернаго полушарія на южное, то съ южнаго на сѣверное повторяющееся попеременно черезъ каждые 10.500 лѣтъ. Но мнѣ кажется,что измѣненія въ количествѣ льда у полюсовъ должны происходить медленно и слѣд. измѣненіе положенія центра тяжести земли должно быть слишкомъ постепеннымъ, чтобы производить такое внезапное перемѣщеніе воды съ одного полюса на другой.

Согласно съ этой теоріей, 1248 годъ былъ именно тотъ, въ теченіи котораго наше сѣверное полушаріе находилось въ періодѣ наибольшаго нагрѣванія, а южное—въ періодѣ наибольшаго охлажденія, и, такъ какъ съ тѣхъ поръ прошло 600 лѣтъ, то мы должны были бы ожидать замѣтить нѣкоторые признаки совершившагося измѣненія.

Что касается южнаго полушарія, то Адгемаръ утверждаетъ, что большіе южные глетчеры значительно уменьшились со времени капитана Кука. Но болѣе поразительныя измѣненія замѣчаетъ онъ на сѣверномъ полушаріи. Съ особымъ удареніемъ указываетъ онъ здѣсь на увеличеніе Швейцарскихъ глетчеровъ и Ирландскихъ льдовъ въ теченіи послѣднихъ столѣтій и напоминаетъ тотъ фактъ, что винодѣліе не распространяется теперь такъ далеко на сѣверъ, какъ это было прежде.

Такимъ образомъ, Адгемаръ держится того мнѣнія, что годъ наибольшаго холода на сѣверномъ полушаріи былъ за 11.125 лѣтъ тому назадъ; съ тѣхъ поръ климатъ нашего полушарія постоянно смягчался до 1248 года, когда онъ былъ самый благопріятный и послѣ котораго онъ, по его мнѣнію, постепенно началъ снова ухудшаться. Замѣтимъ однако, что сэръ Ч. Лайелль не думаетъ, чтобы это измѣненіе, (которое можетъ понизить среднюю температуру теперешней зимы только на полъ-градуса Ф., сравнительно съ зимою 1248 года) могло бы быть замѣчено нами. Онъ прибавляетъ, что всѣ явленія, которыя могутъ быть произведены вѣковыми астрономическими измѣненіями, ничего не значатъ передъ «вліяніемъ географическихъ условій».

Сэръ Джонъ Гершель также далекъ отъ мысли принимать это за достаточную причину такихъ серьезныхъ измѣненій. Все это показываетъ, какъ мало мы обладаемъ еще данными, необходимыми для сколько нибудь удовлетворительныхъ выводовъ. Въ то время, какъ Адгемаръ разсматриваетъ, какъ мы видѣли, огромный ледяной куполъ южнаго полюса, какъ причину почти полнаго отсутствія тамъ суши, сэръ Ч. Лайелль, наоборотъ, признаетъ за положительный фактъ, что главную причину страшнаго холода высшихъ широтъ южнаго полушарія составляетъ «огромный и высокій антарктическій материкъ», существованіе котораго отвергается Адгемаромъ, и—дѣйствительно, не согласно съ теоріей послѣдняго, тогда какъ оно необходимо для объясненій сэра Ч. Лайелля.

Что касается до меня, то по моему мнѣнію надо согласиться, что земля Викторія, Эндерби и другіе берега южнаго материка, точно также какъ большой вулканъ Эребусъ, противорѣчатъ теоріи Адгемара, насколько она стремится объяснить теперешнее замѣчательное распредѣленіе суши и моря.

Кромѣ того, мы не должны упускать изъ виду еще одно обстоятельство, которое показываетъ, что географическое распредѣленіе суши и моря имѣетъ болѣе вліянія на климатъ, чѣмъ предполагаетъ Адгемаръ,—это именно то, что по теоріи Адгемара, южное полушаріе въ общемъ должно было бы быть въ настоящее время гораздо холоднѣе сѣвернаго, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ.

Такимъ образомъ, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что астрономическія измѣненія до нѣкоторой степени могутъ вліять на нашъ климатъ описаннымъ Адгемаромъ способомъ, тѣмъ не менѣе опытные и свѣдущіе люди не находятъ эти причины сами по себѣ достаточными для того, чтобы произвести столь замѣчательныя измѣненія. Произведенное явленіе увеличивается однакоже съ эксцентрицитетомъ земной

орбиты. Форма этой орбиты постоянно, измѣняется. Въ то время, когда она приближается къ кругу, дѣйствіе, производимое прецессіей (предвареніемъ равноденствій и измѣненіемъ въ положеніи перигелія уменьшается, тогда какъ съ другой стороны оно увеличивается съ удлиненіемъ орбиты. Въ настоящее время эксцентрицитетъ нашей орбиты = только 0,0168, т. е. она почти круглая. Но были періоды, когда она имѣла болѣе эллиптическую форму, и когда, слѣдовательно, разница въ температурѣ, обусловленная прецессіей и положеніемъ перигелія, была выражена много болѣе *).

Мнѣ кажется рѣшительно невѣроятнымъ, чтобы теперешняя фауна Европы могла существовать почти безъ перемѣны въ продолженіи 800.000 лѣтъ, какъ это полагаетъ сэръ Ч. Лайель, отдаляя на такой періодъ времени ледниковую эпоху. Я считаю возможнымъ, что измѣненія въ составѣ и распредѣленіи водныхъ и наземныхъ животныхъ, могли произойдти и менѣе чѣмъ въ 200.000 лѣтъ, при тѣхъ большихъ измѣненіяхъ въ климатѣ, какія были констатированы. Въ «Geological Magazine» за іюнь 1868 года помѣщена была интересная статья Гейки «On denudation now in progress», въ которой онъ разсуждаетъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя производятъ рѣки посредствомъ вымыванія долинъ и пониженія общаго уровня страны. «Понятно», говоритъ онъ, «что если рѣка уноситъ ежегодно въ море столько милліоновъ кубическихъ футовъ осадковъ, то обмытая такимъ образомъ земля должна терять такое же количество твердаго вещества, и если бы мы могли собрать унесенныя этимъ путемъ частички, чтобы опять равномѣрно распредѣлить ихъ по бассейну орошенія, то отложившійся слой равнялся бы той дроби фута, на которую понизился бассейнъ въ теченіи года». Изъ изслѣдованій, сдѣланныхъ на Гангѣ, Миссиссиппи, Ронѣ, Дунаѣ и др. большихъ рѣкахъ, м-ръ Гейки опредѣляетъ ежегодную потерю въ $^1/_{6000}$ фута. Но онъ дѣлаетъ оговорку, что такая цифра не можетъ быть вездѣ одинакова. Равнины и водораздѣлы теряютъ мало, склоны и долины много. «Безъ сомнѣнія», говоритъ онъ, «склоны и русла рѣкъ размываются въ гораздо большей степени, нежели болѣе ровныя мѣстности. Мы можемъ даже

*) Большинство современныхъ ученыхъ полагаетъ, что ледниковый періодъ (или періоды) Европы и Сѣв. Америки должны были быть вызваны измѣненіемъ въ распредѣленіи суши и моря, т. е. явленіями мѣстными, теллурическими. Однако, по мнѣнію Гейки (Jam Geikie The Great Ice Age 1874.), спеціально изучившаго въ новѣйшее время ледниковую эпоху, однихъ явленій поднятія и опусканія материковъ недостаточно еще для ея объясненія и необходимо допустить во всякомъ случаѣ вліяніе космическихъ причинъ. Подробнѣе см. цитированное сочиненіе. *Ред.*

принять, что потеря въ первомъ случаѣ среднимъ числомъ въ девять разъ болѣе, чѣмъ во второмъ (весьма вѣроятно, что различіе это еще рѣзче), — или, другими словами, что склоны и русла рѣкъ теряютъ девять футовъ въ то время какъ съ поверхности равнинъ смоется только одинъ футъ. Примемъ далѣе, что одна десятая поверхности страны занята водными потоками и долинами, между тѣмъ какъ остальныя девять частей состоятъ изъ равнинъ, широкихъ долинъ или плоскихъ возвышенностей. Теперь, согласно выше приведеннымъ числамъ, ежегодно среднимъ числомъ уносится въ море $^1/_{6000}$ фута съ общей поверхности страны. Такимъ образомъ долины углубляются на $^1/_{1200}$ фута, между тѣмъ какъ открытыя пространства только на $^1/_{10800}$ фута».

Гейки исчисляетъ такимъ путемъ, что по прошествіи 4.000.000 лѣтъ Европа должна исчезнуть. Я не могу однакоже считать эти исчисленія вполнѣ вѣрными, такъ какъ если наклонъ рѣки уменьшается дальше извѣстныхъ предѣловъ, то рѣка перестаетъ вымывать берега. Такъ напримѣръ Нилъ повышаетъ, а не понижаетъ Египетскую почву. Большая часть нашихъ большихъ рѣкъ дѣйствуетъ подобнымъ же образомъ близъ устьевъ. Что касается выше расположенныхъ областей, то его данныя можетъ быть и не совсѣмъ невѣрны, и если мы приложимъ ихъ къ долинѣ Соммы, гдѣ размытіе идетъ въ глубину на 200 футовъ, то онѣ укажутъ для палеолитическаго періода древность отъ 100.000 до 240.000 лѣтъ,—результатъ, совпадающій съ вычисленіями Кролля и Стона для эпохи ледниковаго періода, основанными на совершенно иныхъ, именно астрономическихъ данныхъ.

Кромѣ только что изложенныхъ причинъ, есть еще одно астрономическое явленіе, которое необходимо принять во вниманіе при разсмотрѣніи вліянія, какое оказывали или могли оказать на климатъ космическія явленія; это именно измѣненіе наклоненія эклиптики. Весь этотъ вопросъ не только въ высшей степени интересенъ, но и представляетъ также большія затрудненія, и мнѣ кажется, что въ настоящее время мы не въ состояніи еще съ точностью опредѣлить то вліяніе, которое производили на климатъ эти причины.

Многія другія, связанныя съ ледниковымъ періодомъ явленія, могли бы найдти естественное объясненіе, если бы можно было принять безусловно гипотезы Адгемара и Кролля. Такъ напримѣръ Морлò, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, указалъ на то, что въ Швейцаріи сохранились слѣды двухъ холодныхъ періодовъ въ теченіи такъ называемой ледниковой эпохи, и что между ними былъ промежутокъ времени съ болѣе мягкимъ климатомъ.

Трудно рѣшить при современномъ уровнѣ нашихъ знаній, основательно ли предположеніе Адгемара, на основаніи котораго онъ объясняетъ перевѣсъ воды на южномъ полушаріи огромнымъ антарктическимъ скопленіемъ льда; но несомнѣнно, что накопленіе льда и снѣга на одномъ полюсѣ должно неизбѣжно измѣнить положеніе центра тяжести земли и привлечь воды къ этому полюсу. По исчисленіямъ Кроля, уровень моря у сѣвернаго полюса поднялся бы на 26 футовъ 5 дюймовъ, а на широтѣ Гласго на 25 футовъ, если бы толща антарктическаго льда уменьшилась на 470 футовъ. Удаленіе подобнымъ же путемъ мили льда, произвело бы измѣненіе на 280 футовъ. Адгемаръ приводитъ различныя соображенія, на основаніи которыхъ онъ предполагаетъ, что толщина южнаго ледянаго купола должна быть ужасающихъ размѣровъ и что, слѣдовательно, измѣненія въ уровнѣ моря, которыя происходятъ отъ перемежающагося перевѣса льда въ арктическихъ и антарктическихъ странахъ, могли бы объяснить различныя колебанія въ распредѣленіи воды и суши. Не подлежитъ впрочемъ сомнѣнію, что эти повышенія и пониженія почвы могли происходить и сами по себѣ, но съ другой стороны, нельзя отвергать, что и приведенная Адгемаромъ причина могла обусловить относительное повышеніе морскаго уровня, какъ то доказывается съ одной стороны нашими возвышенными береговыми линіями, а съ другой потопленными лѣсами, встрѣчаемыми во многихъ мѣстностяхъ.

Первыя, т. е. возвышенныя береговыя линіи могли бы соотвѣтствовать высокому уровню воды и указывали бы на періоды холода, вторые (потопленные лѣса) соотвѣтствовали бы низкому уровню водъ и указывали бы на періоды высокой температуры. Современное состояніе нашихъ рѣкъ также нашло бы себѣ при этомъ объясненіе. По моему мнѣнію, нельзя сомнѣваться, что многія изъ нихъ сами промыли свои долины. Но въ настоящее время онѣ занимаютъ только самыя глубокія части своихъ долинъ, какъ мы видѣли это напр. на Соммѣ.

Кромѣ того, дно такихъ долинъ въ большинствѣ случаевъ лежитъ ниже теперешняго уровня моря, чего не могло быть въ то время, когда онѣ были вымываемы. Очевидно слѣдовательно, что это вымываніе должно было кончиться въ то время, когда море находилось на относительно болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ теперь.

Еще не надо упускать изъ виду то обстоятельство, что остатки арктическихъ животныхъ были находимы въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ остатками другихъ, указывающихъ на болѣе теплый климатъ, напр. — гиппопотама. Этотъ фактъ, представлявшій до сихъ поръ большое затрудненіе, объясняется отчасти предположеніемъ

Кроля; потому что, если эксцентрицитетъ имѣетъ значительное вліяніе, то каждыя десять или двѣнадцать тысячъ лѣтъ долженъ совершаться переходъ отъ высокой до низкой температуры и наоборотъ. Но періодъ въ десять тысячъ лѣтъ, какъ бы не казался онъ намъ длиннымъ, съ геологической точки зрѣнія очень кратокъ; и мы можемъ такимъ образомъ понять, какимъ образомъ въ Англіи и во Франціи могли быть найдены рядомъ остатки гиппопотама и мускуснаго быка. Тѣ же самыя астрономическія условія, которыя дѣлали наши долины пригодными для жизни одного изъ этихъ животныхъ, по прошествіи десяти тысячъ лѣтъ могли сдѣлать ее обитаемой для другаго.

Сэръ Лайелль также пытался опредѣлить продолжительность ледниковаго періода, основываясь на томъ, что различныя колебанія въ пониженіи и повышеніи почвы, производили среднимъ числомъ измѣненіе на два съ половиною фута въ теченіи одного столѣтія. На слѣдующій рядъ измѣненій въ физической географіи Великобританіи, онъ указываетъ какъ на самый простой способъ объяснить, какимъ бы то ни было образомъ, явленія ледниковаго періода.

«Сначала», по его мнѣнію, «существовалъ континентальный періодъ, въ концѣ котораго процвѣталъ Кромерскій лѣсъ; въ то время страна была по крайней мѣрѣ на 500 футовъ выше чѣмъ теперь, а можетъ быть и того болѣе, и протяженіе ея было гораздо болѣе, чѣмъ означено на картѣ (фиг. 41)—приложенной къ сочиненію Лайелля о древности человѣка. На этой картѣ Британскіе острова, включая Гебридскіе, Оркнейскіе и Шотландскіе, соединены какъ другъ съ другомъ, такъ и съ материкомъ, и все Сѣверное море представляетъ сушу».

«Затѣмъ слѣдовалъ періодъ осѣданія, въ теченіи котораго Англія на сѣверъ отъ Темзы и Бристольскаго канала, точно также какъ и Ирландія, постепенно превратились въ архипелагъ (см. тамъ же на картѣ. фиг. 40); а наконецъ море покрыло все, такъ что остались непокрытыми только верхушки горъ (см. тамъ же фиг. 39). Это былъ періодъ великаго наводненія и пловучихъ льдинъ, въ теченіи котораго Скандинавская флора, занимавшая въ продолженіи перваго континентальнаго періода, самыя низкія равнины, получила исключительное право пользованія всѣми областями, которыя не были постоянно покрыты снѣгами».

«Въ заключеніе: второй континентальный періодъ, въ теченіи котораго дно изобиловавшаго льдами моря со всѣми своими раковинами и эрратическими валунами превратилось въ сушу и въ которомъ площадь материка получила такую же величину, какъ и въ первомъ періодѣ».

Понятно, что потребовалось много времени для такихъ измѣненій. Сэръ Ч. Лайелль говоритъ, что опредѣленіе измѣненія уровня на два съ половиною фута въ столѣтіе—не болѣе какъ произвольная цифра, и что бывали такіе случаи, когда, повидимому, отлагалось футовъ 6 въ столѣтіе. Впрочемъ, по его мнѣнію, принятая имъ средняя цифра скорѣе превышаетъ, чѣмъ уменьшаетъ дѣйствительную среднюю величину, и съ этимъ вѣроятно согласится большинство геологовъ. Принимая же эту цифру, пониженіе Уэллса на 1.400 футовъ, потребовало бы такимъ образомъ 56.000 лѣтъ. Если же, какъ полагаетъ проф. Рамзей, нужно принять еще 800 футовъ, требуемыхъ расположеніемъ извѣстныхъ слоевъ наносовъ, то придется прибавить еще 32.000 лѣтъ, такъ что весь періодъ занялъ бы промежутокъ времени въ 88.000 лѣтъ; и такой же срокъ потребовался бы для повышенія страны до ея теперешняго уровня. Но если земля въ теченіи втораго континентальнаго періода повысилась не болѣе какъ на 600 футовъ выше теперешняго уровня, то это потребовало бы еще 24.000 лѣтъ, такъ что вся сумма колебаній страны, заключающихъ въ себѣ ея повышеніе и пониженіе, потребовала бы, круглымъ числомъ, 224.000 лѣтъ, и это даже въ томъ случаѣ, если не было никакой паузы или періода бездѣйствія между тѣмъ временемъ, когда оканчивалось пониженіе и тѣмъ, когда начиналось повышеніе.

Для геолога, впрочемъ, такія числа, какъ бы они не были велики, не будутъ казаться невозможными. Всѣ геологическіе факты указываютъ на такую древность, о какой мы себѣ можемъ составить только самое неясное представленіе. Возьмемъ для примѣра одну формацію, мѣловую. Вся она состоитъ исключительно изъ раковинъ и обломковъ раковинъ, отложившихся на днѣ древнихъ морей, находившихся далеко отъ континента. Такое постепенное приращеніе должно было совершаться очень медленно; вѣроятно мы значительно преувеличимъ, если примемъ что въ теченіи столѣтія отлагалось осадковъ на 10 дюймовъ. Между тѣмъ извѣстно, что мѣловой слой (въ Англіи) имѣетъ болѣе 1.000 футовъ въ толщину, такъ что на образованіе его нужно было слѣдовательно болѣе 120.000 лѣтъ. Въ Великобританіи слои, содержащіе окаменѣлости, простираются на 70.000 футовъ, и многіе изъ нихъ, которые имѣютъ здѣсь лишь нѣсколько дюймовъ въ толщину, достигаютъ на континентѣ ужасныхъ размѣровъ; тогда какъ другихъ слоевъ, имѣющихъ большое значеніе въ иныхъ странахъ, въ Англіи нѣтъ вовсе. Между тѣмъ, очевидно, что въ теченіи всѣхъ различныхъ періодовъ, въ продолженіи которыхъ Великобританія была твердой землей, слои отлагались гдѣ нибудь въ другихъ мѣстахъ, а не въ Англіи, какъ это совершается напримѣръ и

въ настоящее время. Кромѣ того, мы не должны забывать, что многіе изъ теперь существующихъ слоевъ образовались на счетъ прежнихъ; такъ напр. кремнистые гравіи въ юго-западной Англіи произошли отъ разрушенія мѣла. Это, въ свою очередь, очень медленный процессъ. Было вычислено, что скала въ 500 футовъ разрушается на одинъ дюймъ въ теченіи цѣлаго столѣтія. Это можетъ показаться ничтожной цифрой, но мы еще должны помнить, что сравнительно немногіе пункты размываются одновременно вдоль одного и того же берега и что даже въ томъ случаѣ, когда происходитъ паденіе скалы, и тогда осколки служатъ нѣкоторое время для защиты берега, пока наконецъ не будутъ постепенно унесены волнами. Уэльденская долина имѣетъ въ ширину 22 мили, и на основаніи этихъ данныхъ было вычислено, что размытіе ея потребовало не менѣе 150.000.000 лѣтъ.

Безъ сомнѣнія, всѣ эти вычисленія очень интересны и кромѣ того имѣютъ еще то значеніе, что даютъ нѣкоторую опредѣленность нашимъ представленіямъ. Но во всякомъ случаѣ мы не должны придавать имъ слишкомъ большаго значенія, такъ какъ его не придаютъ имъ сами авторы. Морлò говоритъ, «Dans tous les cas, il doit être bien entendu, que l'auteur n'expose le présent calcul que comme une première imparfaite et hasardeuse tentative, sans valeur absolue en elle même, tant qu'elle n'aura pas été verifiée au moyen d'autres essais du même genre». Кромѣ того, не надо забывать, что эти исчисленія приводятся не какъ доказательство, а какъ масштабъ для опредѣленія древности. Наши представленія о древности человѣческаго рода основаны не на какихъ либо отдѣльныхъ вычисленіяхъ, но на измѣненіяхъ, происшедшихъ уже послѣ его появленія. Эти измѣненія касаются географіи, фауны и климата Европы. Долины углубились, увеличились и потомъ отчасти снова наполнились. Пещеры, черезъ которыя протекали когда-то подземныя рѣки, высохли. Даже очертаніи странъ существенно измѣнились и Африка наконецъ отдѣлилась отъ Европы.

Климатъ нашъ значительно измѣнился къ лучшему, а съ нимъ потерпѣла измѣненіе и фауна. Очень можетъ быть, что исчезновеніе нѣкоторыхъ животныхъ, напр. гиппопотама и африканскаго слона, мы должны приписать исключительно недостатку пищи и появленію человѣка. Быть можетъ, исчезновеніе мамонта, Elephas antiquus и Rhinoceros tichorhinus также могутъ быть объяснены этими же причинами. Но отступленіе сѣвернаго оленя и мускуснаго быка зависѣли, вѣроятно, главнымъ образомъ, отъ измѣненія климата. Эти и подобные имъ факты, хотя и не даютъ намъ масштаба для измѣренія,

производятъ однакоже впечатлѣніе неопредѣленной и поражающей древности. Дѣйствительно, въ настоящее время всѣ геологи пришли къ заключенію, что надо допустить гораздо болѣе высокую древность человѣка, чѣмъ это было допускаемо до сихъ поръ.

Но тѣмъ не менѣе, можно сомнѣваться еще, въ состояніи ли сами геологи такъ сказать реализировать высокую древность нашего рода.

«Слѣдя за рядомъ событій, совершившихся въ теченіи ледниковаго и слѣдующаго за нимъ періодовъ», говоритъ Лайелль, «воображеніе наше отказывается служить намъ передъ ужасающимъ пространствомъ времени, которое оказывается необходимымъ для того, чтобы объяснить себѣ памятники этого періода, всѣ относящіеся къ эрѣ существующихъ еще органическихъ видовъ. Для того, чтобы сократить громадное число необходимыхъ иначе столѣтій, многіе полагали даже возможнымъ допустить, что въ доисторическія времена измѣненія шли вообще быстрѣе, благодаря тому, что причины, обусловливавшія измѣненія въ одушевленномъ и неодушевленномъ мірѣ, дѣйствовали тогда съ необыкновенной и поразительной энергіей.... Для насъ, представителей современнаго поколѣнія, когда намъ приходится насчитывать тысячи столѣтій для объясненія событій такъ называемаго новѣйшаго геологическаго періода, естественно, кажется сначала страшнымъ быть настолько расточительными въ отношеніи протекшихъ вѣковъ».

Что человѣкъ существовалъ въ западной Европѣ во времена мамонта и Rhinoceros tichorhinus—это, по моему мнѣнію, не можетъ болѣе подлежать сомнѣнію. Но когда мы переносимся къ пліоценовому, а тѣмъ болѣе къ міоценовому періоду, то наша увѣренность значительно ослабѣваетъ.

Денойе обратилъ вниманіе на зарубки, найденныя имъ на костяхъ, вырытыхъ въ верхнемъ пліоценовомъ слоѣ въ Сентъ-Престѣ и принадлежащихъ Elephas meridionalis. Rhinoceros lepthorhinus. Hippopotamus major, нѣсколькимъ видамъ оленей (между прочимъ гигантскому Megaceros cornutorum Langel) и двумъ видамъ Bos. Денойе изслѣдовалъ большую часть этихъ костей и пришелъ къ результату: «que les traces d'incisions..., en un mot, que des traces tout à fait analogues á celles que produiraient les ou ils de silex tranchants à point plus ou moins aigue, à bords plus ou moins dentelés, se voyaient sur la plupart de ces ossements».

Нѣкоторые оленьи черепа были раздроблены такимъ образомъ, какъ будто бы сдѣланъ былъ сильный ударъ между рогами или у основанія ихъ. Стенструпъ замѣтилъ подобные разломы на другихъ, менѣе древнихъ черепахъ, а нѣкоторыя изъ сѣверныхъ племенъ и

теперь поступаютъ такимъ образомъ съ черепами жвачныхъ. Благодаря любезности Денойе, я осмотрѣлъ нѣкоторыя изъ разбитыхъ костей, добытыхъ имъ въ Сентъ-Престѣ. Зарубки на нихъ были совершенно таковы, какъ онъ описалъ ихъ и, мнѣ кажется, о нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ увѣренностью можно сказать, что онѣ сдѣланы рукою человѣка Но въ то же самое время, при теперешнемъ состояніи нашихъ знаній, я не могу утверждать, чтобы онѣ не могли произойдти отъ какихъ нибудь другихъ причинъ.

На томъ же самомъ мѣстѣ, неутомимый археологъ, аббатъ Буржуа нашелъ недавно обдѣланные кремни,—осколки, шила и скребки, но, къ сожалѣнію, существуютъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно стратиграфическихъ условій того слоя, въ которомъ они были найдены.

Нѣкоторые археологи утверждаютъ даже, что мы имѣемъ доказательства существованія человѣка въ міоценовомъ періодѣ. Такъ напр. Буржуа нашелъ въ известнякѣ, недалеко отъ Понлевуа, много кремней, которые очевидно подвергались вліянію сильнаго жара, и другихъ, которые представляли слѣды обработки ихъ рукою человѣка. Относительно перваго пункта, существуетъ еще разногласіе мнѣній, такъ какъ дѣйствіе огня, хотя и указываетъ на присутствіе человѣка, но не доказываетъ его абсолютно. Эти интересные экземпляры найдены были въ слоѣ, содержащемъ остатки Ацеротеріума, вымершаго животнаго изъ рода носороговъ, и ниже того слоя, въ которомъ найдены были мастодонтъ, динотеріумъ и Rhinoceros*).

Весьма вѣроятно, такимъ образомъ, что человѣкъ существовалъ уже въ продолженіи пліоценоваго, и даже міоценоваго періода, хотя строгихъ доказательствъ тому мы, надо признаться, и не имѣемъ. Впрочемъ мы не должны и ожидать найти эти доказательства именно въ Европѣ. Самые близкіе наши родственники въ животномъ царствѣ живутъ, какъ извѣстно, только въ жаркомъ, почти тропическомъ климатѣ; въ этихъ же странахъ вѣроятно найдены будутъ впослѣдствіи и самые древніе слѣды человѣка.

---

*) На Конгрессѣ доисторической Археологіи въ Брюсселѣ въ 1872 году назначена была спеціальная коммиссія для разсмотрѣнія кремней, собранныхъ Аббатомъ Буржуа, въ міоценовыхъ слояхъ Тонэ, близь Понлевуа,—подъ предсѣдательствомъ г. Капеллини, изъ гг. Стенструпа, Вирхова, Катрфажа, Фрааса, Ворсо, Дезора, Франкса, В. Шмидта, д'Омаліюса, Картальяка и др. Коммисія эта, впрочемъ, не пришла ни къ какому единогласному рѣшенію, такъ какъ одни изъ ея членовъ защищали мнѣніе Буржуа, что эти кремни (по крайней мѣрѣ часть ихъ) были обдѣланы рукою человѣка, другіе же совершенно отрицали вмѣшательство человѣка. Первое мнѣніе было принято однако большимъ числомъ членовъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Современные дикари.

Хотя за послѣдніе годы наше знаніе первобытной исторіи человѣчества сдѣлало значительные успѣхи. тѣмъ не менѣе оно еще далеко неполно, такъ что мы не должны пренебрегать ни однимъ источникомъ, который можетъ дать намъ новыя свѣдѣнія. Само собою разумѣется, что исторія можетъ пролить весьма мало свѣта на первобытное состояніе человѣка, такъ какъ открытіе, или, правильнѣе сказать, употребленіе металла всегда предшествовало изобрѣтенію письменъ. Даже относительно бронзоваго періода, исторія даетъ намъ весьма мало указаній; что же касается до каменнаго вѣка, то, хотя древнѣйшіе европейскіе писатели, какъ мы видѣли, и упоминаютъ объ немъ вскользь, однако сообщаемыя ими свѣдѣнія скорѣе относятся къ міру фантазіи, чѣмъ исторіи, и притомъ ограничиваются въ сущности только констатированіемъ факта, что было когда-то время, когда металлъ еще не былъ извѣстенъ.

Преданія также не могутъ въ этомъ случаѣ замѣнить исторію. При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ онѣ не долговѣчны и не заслуживаютъ довѣрія. Такъ напр. въ 1770 году Новозеландцы уже совершенно забыли о посѣщеніи Тасмана, который былъ у нихъ не далѣе какъ въ 1643 г., т. е не болѣе 130 лѣтъ передъ тѣмъ, а между тѣмъ посѣщеніе его во всякомъ случаѣ должно было произвести сильное впечатлѣніе на туземцевъ. Точно также у сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ весьма скоро изгладилось всякое воспоминаніе объ экспедиціи Де-Сото, не смотря на то, что она была соединена съ такими обстоятельствами, которыя должны были остаться на долго въ памяти дикарей.

Даже относительно очень недавнихъ событій преданія дикарей весьма скоро искажаются. Такъ напр. Нильсонъ приводитъ разсказъ Макензи, который сообщаетъ, что Эскимосы описывали ему Англи-

чанъ, какъ великановъ, снабженныхъ крыльями, убивающихъ однимъ взглядомъ и могущихъ проглотить цѣликомъ бобра. Полковникъ Дальтонъ также разсказываетъ, что «хотя Англичане извѣстны племени Колей (Kols) не болѣе 50 лѣтъ, тѣмъ не менѣе они занимаютъ весьма почетное мѣсто въ родословной этого племени». Бунгоги и Панкосы (горныя племена Читагопа) вѣрятъ, что ихъ предки вышли изъ земли черезъ пещеру, подъ предводительствомъ вождя, по имени Тландроспа, который былъ, по ихъ мнѣнію, такъ могущественъ, что великій духъ отдалъ ему въ супружество свою дочь, а онъ подарилъ ему свое ружье. «Вы еще и теперь можете слышать выстрѣлы этого ружья во время грома». Въ настоящемъ случаѣ упоминаніе ружья показываетъ, что эта сага новѣйшаго происхожденія. Извѣстный африканскій путешественникъ Спикъ также разсказываетъ, что «племя Уганда держится того же глупаго предразсудка, какъ и племя Уэтамбо, относительно сверхъестественнаго могущества лѣснаго короля Камрази, который, по ихъ мнѣнію, можетъ такимъ же образомъ раздѣлять воды Нила, какъ Моисей сдѣлалъ это съ водами Чернаго моря».

Мансфильдъ Паркинсъ сообщаетъ, что въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Абиссиніи жители были твердо убѣждены, что нѣмецкіе миссіонеры «въ нѣсколько дней сдѣлали туннель отъ Адова до Массова, на разстояніи болѣе ста пятидесяти англійскихъ миль, для того, чтобы провезти черезъ этотъ туннель запасъ оружія, боевыхъ припасовъ и т. п.»

Съ другой стороны, Бэкеръ въ своемъ сочиненіи «Притоки Нила», описывая Арабовъ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Рѣчь арабовъ, по своему стилю, совершенно напоминаетъ Ветхій Завѣтъ. Имя Бога упоминается при всѣхъ маловажныхъ случайностяхъ обыденной жизни и они вполнѣ вѣрятъ въ постоянное его вмѣшательство во всѣ человѣческія дѣла. Случится ли голодъ, они говорятъ словами Библіи: «Господь послалъ страшный голодъ на землю» или «Господь призвалъ голодъ и онъ посѣтилъ насъ». Заболѣетъ ли скотъ, они принимаютъ это какъ ниспосланное отъ Бога испытаніе; а если стада особенно размножатся въ теченіи года, они приписываютъ это его непосредственной милости. Вообще по понятіямъ Арабовъ, ни одно событіе обыденной жизни не совершается помимо непосреднаго вмѣшательства воли Божіей».

«Это удивительное сходство съ стилемъ рѣчи Ветхаго Завѣта необыкновенно поражаетъ путешественника, странствующаго по кочевьямъ этого своеобразнаго народа. Съ библіей въ рукахъ, онъ съ удивленіемъ смотритъ на эти неизмѣнившіеся племена, бытъ и рѣчь

которыхъ какъ бы служатъ иллюстраціями для Священнаго Писанія. Прошедшее становится настоящимъ, три тысячи лѣтъ какъ бы исчезаютъ и путешественникъ видитъ передъ собою картину, совершенно соотвѣтствующую историческому описанію. Въ тоже самое время проливается свѣтъ и на многія темныя мѣста Ветхаго Завѣта, именно наблюденіемъ современныхъ нравовъ и фигуральныхъ выраженій Арабовъ, которыя совершенно такія же, какими они представлены и въ описанныя времена. Такъ какъ я не намѣренъ здѣсь вести богословскаго разсужденія, то и нѣтъ надобности останавливаться долго на отдѣльныхъ примѣрахъ. Внезапное и опустошительное нашествіе саранчи, чума и всякое другое непредвидѣнное бѣдствіе приписывается всегда гнѣву Божьему и считается такимъ же наказаніемъ за грѣхи, какъ были нѣкогда Египетскія казни, ниспосланныя на Фараона и на Египтянъ. Если бы арабскій писатель вздумалъ написать теперешнюю исторію страны, то стиль его изложенія былъ бы совершенно такой же, какъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ. Все дурное и все хорошее, случившееся съ народомъ и съ отдѣльными личностями— онъ непремѣнно приписалъ бы Божьему гнѣву или Божьей милости за добрыя дѣла. Довольно сколько нибудь замѣчательнаго сна, чтобы Арабъ думалъ, что Богъ говорилъ съ нимъ во снѣ и наставлялъ его на путь. Арабскій писатель или историкъ назвалъ бы это «гласомъ» Божіимъ (Kallam el Allah), говорившимъ съ человѣкомъ, или сказалъ бы такъ: Богъ явился ему во снѣ и «говорилъ съ нимъ». Такимъ образомъ, со стороны европейскаго читателя требуется значительная уступка фигуральному выраженію мыслей, составляющему характеристическую особенность языка этого народа».

Изъ всего этого слѣдуетъ, что хотя преданія и миѳы имѣютъ для насъ сами по себѣ большое значеніе и косвенно проливаютъ значительный свѣтъ на положеніе человѣка въ древнія времена, однако мы не можемъ ожидать отъ нихъ никакихъ, сколько нибудь пригодныхъ, прямыхъ указаній. Во всякомъ случаѣ, что касается до каменнаго вѣка въ Европѣ, то исторія и преданіе одинаково объ немъ умалчиваютъ, и находимыя каменныя стрѣлки, топорки и др. орудія—носятъ почти вездѣ прозваніе «громовыхъ» или приписываются эльфамъ, карликамъ и т п. миѳическимъ существамъ.

Лишенный такимъ образомъ, что касается этого періода, всякаго содѣйствія исторіи, точно также какъ и всякого вмѣшательства преданія, археологъ имѣетъ поэтому полное право пользоваться тѣмъ методомъ, который былъ съ такимъ успѣхомъ примѣненъ въ геологіи, т. е. изучать грубыя костяныя и каменныя орудія древнихъ вѣковъ такимъ же образомъ, какъ геологъ изучаетъ остатки вымер-

шихъ животныхъ. Эта аналогія можетъ быть проведена и далѣе. Извѣстно, что многіе звѣри, уже вымершіе въ Европѣ, имѣютъ еще и теперь живыхъ представителей въ другихъ странахъ. Такъ виды, обитающіе въ нѣкоторыхъ частяхъ Азіи и Африки, бросаютъ свѣтъ на нашихъ ископаемыхъ толстокожихъ; ископаемыя сумчатыя втораго періода находятъ себѣ объясненіе въ современныхъ ихъ представителяхъ Австраліи и Южной Америки и т. д. Подобнымъ же образомъ, если мы хотимъ составить себѣ ясное понятіе объ европейскихъ древностяхъ, мы должны сравнить ихъ съ грубыми орудіями и оружіемъ, которыя употребляются еще и теперь, или употреблялись недавно, дикими народами въ другихъ частяхъ свѣта. Дѣйствительно, въ этомъ случаѣ жители Вандименовой земли и Южной Америки представляютъ для археолога такое же значеніе, какое имѣютъ для геолога сумчатый опоссумъ или лѣнивецъ (Bradypus).

На этомъ основаніи, я нахожу здѣсь не лишнимъ посвятить нѣсколько страницъ описанію быта современныхъ дикарей, и, хотя подробное изслѣдованіе этого предмета потребовало бы цѣлыхъ томовъ, однако для нашей цѣли достаточно сгруппировать только извѣстное число фактовъ, способныхъ пролить нѣкоторый свѣтъ на найденныя въ Европѣ древности и на образъ жизни ея первобытныхъ обитателей. Чтобы еще болѣе сократить изложеніе, я намѣренъ ограничиться только народами, «незнакомыми съ употребленіемъ металла», и даже изъ нихъ выбрать только тѣхъ, быть которыхъ наиболѣе поучителенъ или которые были ближе наблюдаемы путешественниками.

По довольно распространенному мнѣнію, всѣхъ этихъ дикарей принимаютъ обыкновенно за жалкіе остатки нѣкогда болѣе цивилизованныхъ народовъ. Однако, если намъ и извѣстно нѣсколько примѣровъ дѣйствительнаго упадка и вырожденія націй, то ничто не даетъ намъ тѣмъ не менѣе права прилагать это къ дикарямъ вообще. Безъ сомнѣнія, существуютъ примѣры націй, нѣкогда прогрессивныхъ, но которыя потомъ не только остановились въ своемъ развитіи, но даже пошли назадъ. Тѣмъ не менѣе, если мы сравнимъ описанія старинныхъ путешественниковъ съ теперешнимъ положеніемъ вещей, то мы не найдемъ никакихъ доказательствъ сколько нибудь общаго упадка культуры. Австралійцы, Бушмены и Пешересы жили, при первомъ ихъ открытіи европейцами, почти совершенно также, какъ и теперь. У нѣкоторыхъ дикихъ племенъ мы встрѣчаемъ даже нѣкоторые слѣды прогресса: такъ Бачапины южной Африки, при посѣщеніи ихъ Бёрчелемъ, только что ввели искусство обработки желѣза. Самая обширная постройка о-ва Таити была воздвигнута поколѣніемъ, еще живущимъ во время посѣщенія этого острова капита-

номъ Кукомъ; а обычай людоѣдства былъ оставленъ только незадолго передъ тѣмъ. Самый значительный храмъ Мексики былъ выстроенъ только за шесть лѣтъ до открытія Америки. Макъ-Гилливрэ сообщаетъ намъ, что въ сѣверной Австраліи грубыя лодки изъ древесной коры, бывшія нѣкогда во всеобщемъ употребленіи, были совершенно вытѣснены другими, выдолбленными изъ древесныхъ стволовъ и т. п. Съ другой стороны, если нѣкоторые народы, напр. нѣкоторые изъ американскихъ племенъ, дѣйствительно регрессировали, то это слѣдуетъ, я думаю, приписать не столько какому нибудь врожденному стремленію, сколько вредному вліянію столкновенія съ европейской культурой. Кромѣ того, если бы мысъ Доброй Надежды, Австралія, Новозеландія и т. п. были нѣкогда населены племенами, болѣе цивилизованными чѣмъ тѣ, которые живутъ тамъ теперь, то конечно отъ нихъ сохранились бы какіе нибудь слѣды. А такъ какъ этого нѣтъ и никто изъ нашихъ путешественниковъ не открылъ тамъ какихъ нибудь развалинъ или другихъ слѣдовъ болѣе высокой культуры, то, слѣдовательно, мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, чтобы эти жалкія созданія стояли въ какомъ либо отношеніи ниже своихъ предковъ.

Готтентоты.

Говоря вообще, можно сказать, что употребленіе металла давно уже было извѣстно въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, между тѣмъ какъ въ Америкѣ, въ Австраліи и на Океаническихъ островахъ всѣ орудія и оружіе, по крайней мѣрѣ до послѣднихъ трехъ сотъ лѣтъ, дѣлались изъ дерева, кости, камня и т. п. матеріала.

Полуцивилизованные народы Центральной Америки составляли, однакоже, удивительное исключеніе изъ этого общаго правила, такъ какъ они были знакомы съ употребленіемъ бронзы. Сѣверо-американскіе Индѣйцы имѣли также въ употребленіи мѣдные топоры, но они были сдѣланы съ помощью молотка, не прибѣгая къ содѣйствію огня. Здѣсь мы получаемъ такимъ образомъ нѣкоторое указаніе на то, какъ могли познакомиться съ употребленіемъ металла наши предки. Безъ сомнѣнія, обладаніе желѣзомъ указываетъ вообще на значительный успѣхъ цивилизаціи; тѣмъ не менѣе, развитіе совершается весьма постепенно и существуютъ народы, которые хотя и знакомы съ употребленіемъ металла, но вообще еще очень мало удалились отъ состоянія варварства. Къ числу такихъ именно могутъ быть причислены Готтентоты. Они знакомы были не только съ употребленіемъ, но и съ мануфактурой желѣза, имѣли большія стада барановъ и крупнаго рогатаго скота, и при всемъ томъ, во многихъ

другихъ отношеніяхъ, не отличались отъ самыхъ грубыхъ дикарей. Даже Кольбенъ, который вообще относится къ нимъ довольно благосклонно, говоритъ, что это самый грязный народъ во всемъ свѣтѣ. Мы могли бы пойдти еще далѣе и сказать, что это самыя грязныя животныя (?), такъ какъ, по моему мнѣнію, ни одинъ видъ звѣрей не можетъ быть сравниваемъ съ ними въ этомъ отношеніи (?!) Ихъ тѣло было всегда покрыто грязью, платья никогда не мылись, а на головѣ «съ каждымъ днемъ нарасталъ все бо́льшій и бо́льшій слой сажи и жира, на которыхъ еще осаждалась масса пыли и грязи, и такъ какъ они никогда не чистили головы, то у нихъ образовывалось со временемъ нѣчто въ родѣ коры или шапки изъ черной глины. На спинѣ они носили шкуру, связанную напереди. Одежда эта не снималась въ теченіи всей жизни, а послѣ смерти служила вмѣсто савана. Другая часть костюма состояла изъ четыреугольнаго куска кожи, привязаннаго веревкою къ таліи и ниспадавшаго внизъ въ видѣ фартука. Зимой иногда они употребляли также шапку. Украшенія ихъ состояли изъ колецъ, сдѣланныхъ изъ желѣза, мѣди, слоновой кости или кожи. Послѣдніе имѣли то преимущество, что въ случаѣ крайности могли служить и въ пищу.

Хижины ихъ были большею частью овальной формы, имѣли отъ 10 до 14 футовъ въ поперечникѣ, а въ вышину рѣдко болѣе 4 или 5 футовъ. Сдѣланы онѣ были изъ жердей и рогожъ. Жерди укрѣплялись въ землѣ обоими концами, а въ томъ случаѣ, когда онѣ не были достаточно длинны, ихъ брали двѣ вмѣсто одной и связывали верхушками. Одинъ конецъ хижины оставлялся открытымъ и служилъ для входа. Рогожи дѣлались изъ ситника и тростника, высушенныхъ на солнцѣ, и сплетались такъ плотно, что только самый проливной дождь могъ проникнуть черезъ нихъ. «Что касается домашней утвари», говоритъ Тунбергъ, «то они почти вовсе не имѣютъ ее. Та же самая одежда, которая днемъ служитъ для прикрытія части тѣла, употребляется ночью для подстилки и одѣяла». Пищу они приготовляли въ кожаныхъ мѣшкахъ, въ водѣ, нагрѣтой раскаленными камнями, иногда также въ глиняныхъ горшкахъ Молоко они сохраняли въ кожаныхъ мѣшкахъ въ животныхъ пузыряхъ или въ корзинахъ, такъ плотно сплетенныхъ изъ тростника, что онѣ были совершенно непроницаемы для жидкостей. Названные предметы, да еще кожаный мѣшокъ для табака, деревянная или каменная трубка и оружіе составляли весь инвентарь ихъ имущества. По словамъ Кольбена, они иногда жарили мясо, а иногда варили его въ крови, къ которой иногда примѣшивали еще молока: «это у нихъ считается лакомымъ блюдомъ». Кушанье вообще приготовлялось

весьма грязно и мясо ѣлось часто па половину гнилое и болѣе чѣмъ на половину сырое.

Оружіе ихъ состояло изъ луковъ съ ядовитыми стрѣлами, копій, дротиковъ, камней и «кирри»—палокъ, около трехъ футовъ длины п одного дюйма толщины. Всѣмъ этимъ оружіемъ они владѣли въ совершенствѣ и безъ страха нападали на слона, носорога и даже на льва. Большихъ животныхъ они загоняли также въ западни, глубина которыхъ простиралась отъ шести до восьми футовъ, а поперечникъ въ четыре фута. По срединѣ такой ямы они вбивали большой, заостренный колъ. «Если слонъ попадаетъ передними ногами въ эту яму, которая слишкомъ мала для всего его туловища, то колъ вонзается ему въ шею и грудь, и положеніе его дѣлается безъисходнымъ». Чѣмъ болѣе онъ старается освободиться, тѣмъ колъ вонзается глубже. Рыбу Готтентоты ловятъ какъ удочками, такъ и сѣтями. Кромѣ того, они употребляютъ въ пищу плоды дикихъ растеній и разныя коренья, но они не берутъ на себя труда воздѣлывать ихъ.

Домашними животными Готтентоты имѣютъ: крупный рогатый скотъ, овецъ и собакъ. Что касается воловъ, то можно предполагать, что они на всемъ земномъ шарѣ употребляются одинаково, т. е. для возки и въ пищу. Иное дѣло собака; мы сами употребляемъ ее для различныхъ цѣлей, а потому насъ не можетъ очень удивлять, если она оказываетъ весьма различныя услуги у различныхъ племенъ дикарей. Но оказывается, что тоже можетъ быть сказано и относительно воловъ. Такъ Ведды или первобытные обитатели Цейлона употребляютъ воловъ для охоты, а Готтентоты дрессируютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ для исполненія обязанностей овчарной собаки, т. е. пріучаютъ стеречь стада; между тѣмъ какъ другіе пріучаются ими къ войнѣ,—назначеніе, которое повидимому рѣшительно противорѣчитъ самой природѣ животнаго, а между тѣмъ оказывается весьма полезнымъ на дѣлѣ.

При первомъ знакомствѣ съ Европейцами, Готтентоты не только употребляли желѣзныя оружія, но и сами приготовляли ихъ. Желѣзная руда плавилась у нихъ слѣдующимъ образомъ: «Они выкапываютъ», говоритъ Кольбенъ, «на возвышенномъ мѣстѣ, въ землѣ яму такой величины, чтобы можно было туда положить достаточное количество руды, которая въ изобиліи встрѣчается въ странѣ. Въ этой то ямѣ они отдѣляютъ желѣзо отъ руды. Для этого они дѣлаютъ, на разстояніи полутора футовъ отъ первой ямы, другую, нѣсколько меньшую и болѣе глубокую, которая назначается для того, чтобы принимать расплавленное желѣзо, текущее по узкому каналу,

соединяющему обѣ ямы. Прежде чѣмъ положить руду въ яму, въ которой должно быть расплавлено желѣзо, они разводятъ въ ней огонь, чтобы нагрѣть такимъ образомъ ея стѣнки. Когда, по ихъ предположенію, земля будетъ достаточно нагрѣта, они наполняютъ почти всю яму рудою и затѣмъ разводятъ надъ нею большой огонь, который поддерживаютъ до тѣхъ поръ, пока все желѣзо не расплавится и не перетечетъ въ мѣньшую яму, назначенную для его пріемки. Какъ только желѣзо въ этой ямѣ остынетъ, они вынимаютъ его и разбиваютъ камнями на части. Полученные такимъ образомъ куски желѣза Готтентоты обыкновенно снова подвергаютъ дѣйствію огня и затѣмъ, при помощи ударовъ камнями, выковываютъ свое оружіе. Они весьма рѣдко дѣлаютъ изъ желѣза какія либо другія вещи».

Готтентотскіе нравы и обычаи, нѣкоторые изъ которыхъ весьма любопытны во многихъ отношеніяхъ, были подробно описаны Тунбергомъ, Кольбеномъ, Коркомъ, Шпаррманомъ и другими путешественниками. Что касается вопроса: имѣли ли Готтентоты какую нибудь религію, то отвѣтъ на него будетъ зависѣть конечно отъ того, какое значеніе мы придадимъ этому слову. Хотя у нихъ и было, повидимому, нѣкоторое представленіе о божествѣ, однако даже Кольбенъ соглашается, что они не имѣли никакого культа. Старинные путешественники впрочемъ принимали нѣкоторыя пляски ихъ за религіозныя церемоніи; но такое мнѣніе было положительно отвергаемо самими туземцами, что не помѣшало, однакоже, Кольбену настаивать на религіозномъ характерѣ этихъ плясокъ, наивно прибавляя: «пусть Готтентоты говорятъ что хотятъ».

Пристрастіе къ табаку и къ крѣпкимъ напиткамъ у нихъ было развито очень сильно. Впрочемъ, Кольбенъ очень хвалитъ ихъ за честность, вѣрность, гостепріимность и увѣряетъ насъ, что Готтентоты самый радушный, услужливый и миролюбивый народъ, который когда либо существовалъ. Другіе путешественники также отзываются всьма благопріятно объ ихъ нравственныхъ качествахъ. Подобные отзывы, однако, плохо вяжутся съ тѣмъ фактомъ, что «какъ скоро мужчина или женщина дѣлаются отъ старости неспособными къ труду»,—я привожу собственные слова Кольбена,—«и вообще ни къ чему негодными по понятіямъ племени, то ихъ исключаютъ изъ общества, заставляютъ жить въ уединенной хижинѣ, находящейся гдѣ нибудь на значительномъ разстояніи отъ краала, и содержатъ тамъ на самой скудной пищѣ, вдали отъ всякой помощи и всякаго утѣшенія. Покинутые такимъ образомъ, они умираютъ отъ старости или съ голоду, а иногда даже дѣлаются добычею дикихъ звѣрей». Такой образъ дѣйствій, нужно помнить, не былъ исключительною

жестокостью, но общимъ обычаемъ, примѣнявшимся какъ въ отношеніи богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, потому что, если старый человѣкъ имѣлъ имущество, оно отнималось у него. Дѣтоубійство также было очень распространено между Готтентотами и не считалось за преступленіе. Въ особенности часто убивались дѣвочки, а если у женщины родились двойни, то худшаго изъ новорожденныхъ всегда выбрасывали или закапывали живаго въ землю. Это совершалось съ согласія всего краала, которое получалось впрочемъ обыкновенно безъ затрудненій. Грубые обычаи эти однакожъ могли быть отчасти извинены бѣдностью и трудностью жизни.

Бушмены во многихъ отношеніяхъ были сходны съ Готтентотами, но стояли еще на нисшей степени культуры. Они не были знакомы съ способами добыванія и обработки металла, и не имѣли ни домашнихъ животныхъ, ни лодокъ. Они часто воровали скотъ у своихъ болѣе цивилизованныхъ сосѣдей, но всегда немедленно убивали его и съѣдали по возможности скорѣе. Оружіе ихъ состояло изъ луковъ и отравленныхъ стрѣлъ. Лихтенштейнъ увѣряетъ, что у нихъ не было именъ, но это, по всей вѣроятности, ошибка. Бликъ считаетъ ихъ за самую нисшую расу человѣчества, а Геккель даже утверждаетъ, что въ глазахъ не предубѣжденнаго натуралиста, они выказываютъ бо̀льшее приближеніе къ гориллѣ и къ чимпанзе, чѣмъ къ какому нибудь Канту или Гёте».

Ведды.

Ведды или дикіе племена, населяющіе внутренность о-ва Цейлона, были описаны Кноксомъ, Теннентомъ и Байлеемъ. Они живутъ въ хижинахъ, грубо сдѣланныхъ изъ сучьевъ и древесной коры, и воздѣлываютъ маленькіе участки чены (chena); но главную ихъ пищу составляютъ медъ и добыча охоты. Оружіе ихъ состоитъ изъ топоровъ, луковъ и стрѣлъ. Послѣдними они владѣютъ не очень ловко, такъ какъ охотятся только за крупною дичью и все искусство охоты заключается въ томъ, чтобы подкрасться къ добычѣ на возможно близкое разстояніе. Они умѣютъ великолѣпно охотиться за оленями, и кромѣ превосходныхъ собакъ, имѣютъ еще охотничьихъ буйволовъ. Послѣдніе такъ хорошо дрессированы, что ими легко управлять съ помощью снурка, обвязаннаго вокругъ рогъ. Для охоты ихъ употребляютъ ночью. Буйволъ спокойно пасется, человѣкъ прячется за нимъ, и такимъ образомъ, не будучи замѣченъ и не возбуждая подозрѣнія, подстерегаетъ добычу и бросается на нее.

У нихъ нѣтъ глиняной посуды, и ихъ способъ приготовлять ку-

шанье самый первобытный. Они почти вовсе не одѣты, такъ какъ весь костюмъ ихъ состоитъ изъ грязной тряпки, которая надѣвается какъ фартукъ. Юбка женщины нѣсколько длиннѣе мужской, но въ этомъ и состоитъ вся разница. На видъ они ужасно грязны и малы ростомъ; обыкновенный ростъ мужчины простирается отъ 4 футовъ 6 дюймовъ до 5 футовъ 1 дюйма, а ростъ женщины отъ 4 футовъ 4 дюймовъ до 4 футовъ 8 дюймовъ. По мнѣнію Байлея, невозможно представить себѣ болѣе дикихъ образчиковъ человѣческой расы. Дэви утверждаетъ даже, что они не имѣютъ имени и не хоронятъ своихъ мертвыхъ. Тѣмъ не менѣе, у нихъ замѣчается одна характеристическая особенность, которую нельзя обойдти молчаніемъ. Они обращаются очень хорошо съ своими женами, любятъ ихъ, остаются имъ всегда вѣрными и ненавидятъ полигамію; у нихъ есть даже поговорка: «Одна смерть можетъ разлучить мужа съ женою». Въ этомъ отношеніи они рѣзко отличаются даже отъ своихъ наиболѣе цивилизованныхъ сосѣдей. Одинъ весьма интеллигентный Кандійскій старшина, сопутствовавшій Байлею во время его посѣщенія Веддовъ, былъ «совершенно скандализированъ варварскимъ обычаемъ—жить съ одной только женой и не разлучаться съ нею до самой смерти». Это, говорилъ онъ, «совершенно какъ у *вандеру* (обезьянъ)». Впрочемъ и въ отношеніи брачныхъ обычаевъ, Ведды не всегда могутъ быть рекомендованы, такъ какъ у нихъ весьма обыкновенно, что братъ женится на своей младшей сестрѣ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что жениться на старшей сестрѣ кажется имъ настолько же противоестественнымъ, какъ и намъ.

Жители Андаманскихъ острововъ.

Минкопіи или обитатели Андаманскихъ острововъ были описаны д-ромъ Муатомъ, Бельчеромъ и проф. Оуэномъ, изъ коихъ послѣдній считаетъ ихъ «можетъ быть самымъ первобытнымъ племенемъ человѣческой расы, стоящимъ на самой низкой ступени цивилизаціи». Ихъ хижины состоятъ изъ четырехъ столбовъ, изъ которыхъ два переднихъ имѣютъ отъ 6 до 8 футовъ вышины, а два заднихъ только отъ 1 до 2 футовъ. Съ боковъ онѣ открыты, а сверху защищены бамбуковою крышею или прикрыты плотно связанными пальмовыми листьями. Минкопіи питаются главнымъ образомъ плодами мангровыхъ и другихъ деревьевъ, а также слизняками. Иногда они убиваютъ еще маленькихъ свинокъ, водящихся въ джунгляхъ.

Лодки у нихъ самого простого устройства и приготовляются ими изъ древесныхъ стволовъ съ помощью топора, похожаго своею фор-

мою на букву *p*, и вѣроятно также съ помощью огня. Ихъ стрѣлы и дротики въ настоящее время обыкновенно снабжены наконечниками изъ стекла или желѣза,—матеріаловъ, которые они добываютъ съ кораблей, потерпѣвшихъ крушеніе, и которые замѣнили у нихъ кость. Гарпуны ихъ, подобно тому, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ дикихъ народовъ, снабжены подвижнымъ наконечникомъ и длиннымъ шнуркомъ, за который держутся въ то время, какъ инструментъ вонзится въ жертву. Они очень искусно владѣютъ лукомъ и на разстояніи 40—50 шаговъ никогда не дѣлаютъ промаха; на стрѣлахъ у нихъ нѣтъ перьевъ. Сѣти ихъ чисто и аккуратно сработаны. У нихъ вовсе нѣтъ глиняной посуды, и воду они сохраняютъ въ раковинахъ или въ кускахъ бамбуковыхъ стволовъ. Рыбъ они убиваютъ гарпунами или ловятъ ручными сѣтками, именно тѣхъ, которыя бываютъ выброшены морскимъ приливомъ; говорятъ даже, что они умѣютъ, ныряя, ловить ихъ руками.

Они обмазываютъ себя грязью и татуируются, но платьевъ не носятъ. Вообще они, повидимому, лишены чувства стыда и похожи во многихъ отношеніяхъ на животныхъ (?!). У нихъ нѣтъ никакой идеи о Высшемъ Существѣ, никакой религіи, никакой вѣры въ будущую жизнь. Покойники хоронятся у нихъ въ сидячемъ положеніи. По прошествіи нѣкотораго времени, когда по ихъ мнѣнію тѣло должно было уже разрушиться, они выкапываютъ скелетъ и каждый родственникъ беретъ себѣ по кости. Если это былъ женатый человѣкъ, то вдова получаетъ черепъ и носитъ его на сшуркѣ на шеѣ. Онъ служитъ ей при этомъ удобнымъ помѣщеніемъ для мелкихъ вещей. Бракъ, впрочемъ, уважается только до рожденія ребенка и до его выкормленія грудью, послѣ чего, по словамъ лейтенанта Сэнъ-Джона, котораго цитируетъ Бельчеръ, супруги обыкновенно расходятся и каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ новаго сожителя.

У нихъ нѣтъ ни собакъ, ни вообще какихъ либо домашнихъ животныхъ, за исключеніемъ лишь домашней птицы.

Австралійцы.

Первобытные обитатели Австралійскаго континента представляли на всемъ протяженіи его замѣчательное сходство между собою, какъ по своей наружности и характеру, такъ и по образу жизни. Во многихъ отношеніяхъ они нисколько не были цивилизованнѣе обитателей Андаманскихъ острововъ. Хижины ихъ, видѣнныя капитаномъ Кукомъ близъ Ботанической бухты, были лишь настолько велики, что человѣкъ могъ въ нихъ сидѣть прямо, но нечего было и думать,

чтобы вытянуться въ нихъ во всю длину человѣческаго роста. По своей формѣ онѣ представляли сходство съ печью и были сдѣланы изъ прутьевъ, воткнутыхъ обоими концами въ землю, а сверху прикрытыхъ пальмовыми листьями и большими кусками коры. Далѣе къ сѣверу, гдѣ климатъ становится жарче, жилища сдѣланы еще менѣе солидно, такъ что едва ли заслуживаютъ даже это названіе, будучи почти совершенно открыты съ одной стороны и служа лишь защитой отъ вѣтра. Наконецъ, обитатели мыса Левекъ, на сѣверо-западномъ берегу Австраліи, по наблюденіямъ Дампье (Dampier), вовсе не имѣли жилищъ. По словамъ кап. Кука, вокругъ стоянокъ туземцевъ находились всегда огромныя кучи раковинъ, животныя которыхъ, по всей вѣротности, были употреблены ими въ пищу. Капитанъ Грей также описываетъ нѣсколько такихъ кучь, изъ коихъ нѣкоторыя занимали почти цѣлый акръ земли и имѣли въ вышину около 10 футовъ. Какъ кажется, онѣ были въ первый разъ замѣчены Дампье.

Пища австралійскихъ дикарей очень различна въ различныхъ частяхъ материка. Главнымъ образомъ она состоитъ изъ различныхъ кореньевъ, плодовъ, грибовъ, моллюсковъ, лягушекъ, змѣй, меду, червей, насѣкомыхъ, птицъ, птичьихъ яицъ, рыбъ, черепахъ, кэнгуру, собакъ и иногда тюленей и китовъ. Кэнгуру составляетъ, впрочемъ, только случайную роскошь; кита туземцы, насколько мнѣ извѣстно, также не въ состояніи убить для себя. Но за то, если одного изъ нихъ случайно выкинетъ на берегъ мертвымъ, то это считается великимъ праздникомъ. Сейчасъ же зажигаются костры, съ цѣлью *распространить это радостное извѣстіе*. Затѣмъ туземцы намазываются вдоволь китовымъ жиромъ и намазываютъ такимъ же образомъ своихъ любимыхъ женъ. Покончивъ этотъ туалетъ, они прорѣзываютъ жиръ, и добравшись такимъ путемъ до мяса, вырѣзываютъ куски его и ѣдятъ, или въ сыромъ видѣ, или поджариваютъ, воткнувъ на заостренныя палки. Между тѣмъ подходятъ другіе туземцы и «всѣ начинаютъ буквально *пробдать* кита, копошась внутри и вокругъ его воняющаго остова и отыскивая лакомые кусочки». По цѣлымъ днямъ остаются они возлѣ этой падали, измазанные съ головы до ногъ вонючей ворванью и наѣдаясь до пресыщенія гнилымъ мясомъ, до тѣхъ поръ, покуда не сдѣлаются наконецъ больны, не получатъ рвоту, сыпь на кожѣ, разстройство пищеваренія, — представляя всѣ вмѣстѣ въ высшей степени непріятное зрѣлище. «Трудно представить себѣ что нибудь болѣе отвратительное», говоритъ кап. Грей, «какъ видѣть молодую, красиво сложенную туземную дѣвушку, вылѣзающую изъ гнилаго китоваго остова». Австралійцы разбиваютъ

также кости и высасываютъ заключающійся въ нихъ костный мозгъ. Какъ и всѣ дикари, они очень любятъ все жирное.

Въ одной пещерѣ, на сѣверо-восточномъ берегу Австраліи, г. Куннингамъ нашелъ «довольно сносныя изображенія акулъ, морскихъ свиней, черепахъ, ящерицъ, голотурій, морскихъ звѣздъ, лодокъ, палицъ и какихъ-то звѣрей, по всей вѣроятности кэнгуру и собакъ.

Туземцы окрестностей Сиднея также довольно часто изображали на скалахъ: «различныя фигуры рыбъ, палицъ, мечей, звѣрей, древесныхъ вѣтокъ и т. п.» Другія племена, однакожъ, не имѣли никакого понятія объ искусствѣ, и по словамъ Ольдфильда «не въ состояніи были опредѣлить самое живое и вѣрное художественное изображеніе. Когда имъ показали однажды большой раскрашенный портретъ одного изъ ихъ родичей, то одинъ изъ нихъ объявилъ, что это корабль, другой, что это кэнгуру, и т. п.; изъ двѣнадцати человѣкъ не нашлось ни одного, который бы нашелъ въ портретѣ хотя малѣйшее сходство съ самимъ собою». Но, по моему мнѣнію, возможно думать также, что туземцы хотѣли просто подшутить надъ Ольдфильдомъ.

На сѣверо-восточныхъ берегахъ туземцы употребляютъ лодки, сдѣланныя изъ древесныхъ стволовъ, выдолбленныхъ, по всей вѣроятности, при помощи огня. «Лодки эти довольно длинные (около 14 футовъ) и очень узки». Далѣе къ югу онѣ дѣлаются просто изъ куска коры, связаннаго на концахъ, а на срединѣ расширеннаго съ помощью деревянной распорки. Западныя племена вовсе не имѣли лодокъ, и это, по мнѣнію Кинга, обусловливалось отсутствіемъ тамъ крупныхъ деревьевъ. Вмѣсто лодокъ они употребляли деревянные чурбаны, на которые садились верхомъ, причемъ, вмѣсто веселъ держали въ рукѣ кусокъ коры. Нѣкоторыя же племена просто связываютъ по нѣскольку мангровыхъ стволовъ и получаютъ такимъ образомъ нѣчто въ родѣ плота или парома. Туземцы, которыхъ имѣлъ возможность наблюдать Дампье, были еще менѣе изобрѣтательны, у нихъ не было совершенно ни лодокъ, ни плотовъ. А между тѣмъ они жили на берегу моря, питались главнымъ образомъ рыбою и могли переправляться вплавь съ одного острова на другой. По Джюксу, «западные Австралійцы не имѣли ни плотовъ, ни лодокъ, и до основанія англійскихъ колоній никогда не посѣщали сосѣднихъ острововъ». Жители окрестностей Сиднея, повидимому, не были въ состояніи даже и плавать. Это отсутствіе лодокъ очень замѣчательно у народа, который живетъ преимущественно по берегамъ и котораго пища добывается почти исключительно изъ моря.

Домашняя утварь Австралійцевъ необыкновенно проста. Они не

умѣютъ дѣлать глиняной посуды и сохраняютъ воду въ кожаныхъ мѣшкахъ или въ сосудахъ, сдѣланныхъ изъ коры. О горячей водѣ они не имѣли понятія, и видъ кипятка привелъ ихъ въ первый разъ въ великое удивленіе. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ на спинѣ кошель, сдѣланный изъ веревочной сѣтки и въ которомъ они сохраняютъ небольшіе кусочки краски и смолы, удильные крючки и лёсы, одну или двѣ раковины, изъ которыхъ они дѣлаютъ свои рыболовные крючки, нѣсколько наконечниковъ дротиковъ и ихъ обыденныя украшенія — что все вмѣстѣ составляетъ самое цѣнное достояніе самаго богатаго между ними человѣка.

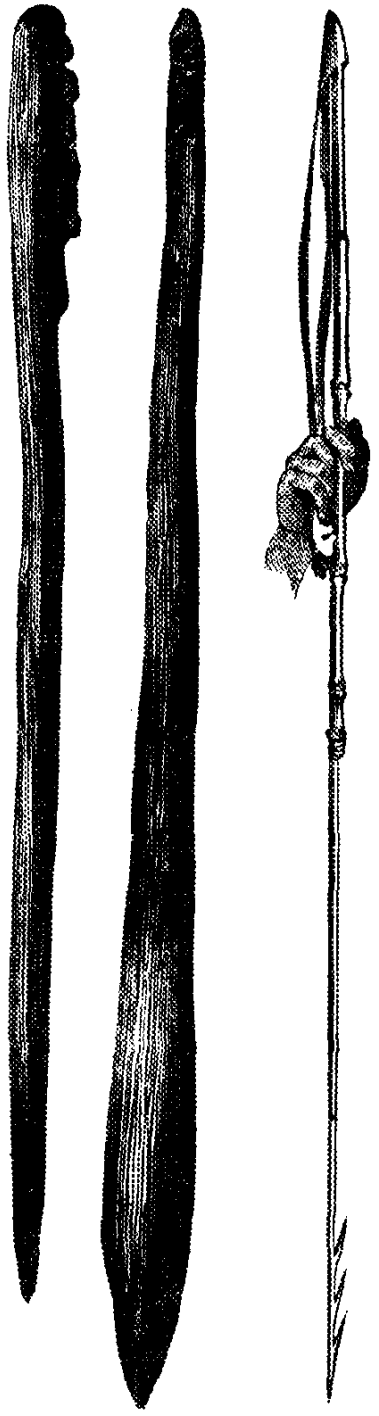
Почти такой же инвентарь имущества даетъ кап. Грей, который прибавляетъ еще впрочемъ плоской камень для очистки кореньевъ. Кромѣ того, у нихъ есть еще каменные топоры, молотки, ножи, куски кремня и палки для выкапыванія кореньевъ. Молотками они убиваютъ тюленей и другихъ животныхъ, а также раскалываютъ раковины. Рукоятка такого молотка имѣетъ отъ 12 до 15 дюймовъ длины, на одномъ концѣ она заострена, а на каждой сторонѣ другаго конца имѣетъ по твердому камню, которые прикрѣплены къ ручкѣ массой смолы (гумми). Ножи (фиг. 189 представляетъ намъ одинъ такой экземпляръ, подаренный мнѣ г-мъ Франксомъ) снабжены точно такою же рукояткою, на концѣ которой прикрѣплено нѣсколько кварцевыхъ или кремневыхъ осколковъ, расположенныхъ въ рядъ и прикрѣпленныхъ съ помощью гумми въ глубинѣ бороздки.

Жители Ботанической бухты знакомы были съ употребленіемъ удочекъ, но не знали сѣтей; между тѣмъ какъ по словамъ капитана Грея, западные Австралійцы употребляли для ловли рыбы сѣти и не имѣли понятія объ удочкахъ. Эйръ говоритъ что южные Австралійцы также не были знакомы съ удочками, между тѣмъ какъ сѣти употреблялись ими также для охоты и въ видѣ мѣшковъ.

По наблюденіямъ Дампье, у Австралійцевъ не было «никакихъ орудій для ловли большихъ рыбъ». Туземцы, описанные Кингомъ, точно также не имѣли ни рыболовныхъ крючковъ, ни сѣтей. На всемъ материкѣ они не были знакомы ни съ пращей, ни съ лукомъ и стрѣлами. Съ другой стороны, у нихъ были копья, палицы, щиты и еще два весьма оригинальныхъ инструмента, именно: метательная палочка (фиг. 190) и бумерангъ (фиг. 191). Самое національное ихъ оружіе однако копье. Длина такихъ коній простирается до 10 футовъ; они очень тонки, сдѣланы обыкновенно изъ дерева или тростника и заострены къ концу, гдѣ они снабжены зазубринами. Подобное копье очень легко, и трудно повѣрить, чтобы его можно было бросать съ достаточной силой; однако это достигается, именно съ помощью такъ

называемой «*вуммеры*» — прямой, плоской палки, въ три фута длиной, которая оканчивается костянымъ влагалищемъ или сумочкой, куда и вставляется нижній конецъ копья. Эта вуммера держится послѣдними пальцами правой руки (фиг. 191), причемъ копье помѣщается между указательнымъ и большимъ пальцами. Прежде чѣмъ бросить послѣднее, ему сообщается колебательное или содрагательное движеніе, по всей вѣроятности для того, чтобы увеличить точность прицѣла. При бросаньи копья, вуммера остается въ рукѣ, и примѣненіе этого простаго инструмента значительно увеличиваетъ силу удара. Австралійцы достигли большаго совершенства въ употребленіи этого оружія. Капитанъ Грей разсказываетъ, что ему не разъ случалось видѣть, какъ они убивали, на разстояніи 30 метровъ, голубя; а кап. Кукъ говоритъ, что копье Австралійца вѣрнѣе попадаетъ въ цѣль, на разстояніи 50 шаговъ, чѣмъ наша пуля. Длинныя австралійскія копья бросаются безъ вуммеры, просто отъ руки. Ихъ существуетъ нѣсколько сортовъ. Тѣ, которыя употребляются для охоты за черепахами или за дюгонями, имѣютъ подвижные наконечники, снабженные зазубринами и прикрѣпленные веревками къ древку копья. Какъ только копье попадетъ, напр. въ черепаху, древко его отдѣляется отъ наконечника, который остается въ тѣлѣ, между тѣмъ какъ древко, во-первыхъ, затрудняетъ движенія черепахи, а во-вторыхъ, на подобіе поплавка удочки, указываетъ то мѣсто, гдѣ она находится. Подобное же оружіе употребляется также Эскимосами, Минкопіями, Пешересами, Бразильскими Индѣйцами и друг. дикарями.

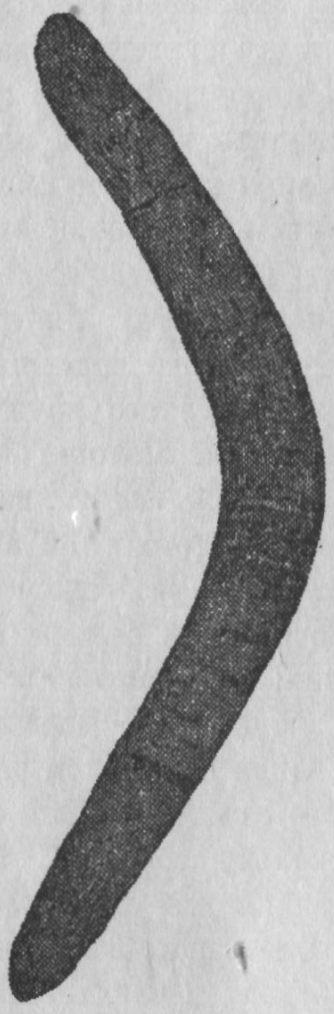
Фиг. 189. Фиг. 190. Фиг. 191.



Австр. ножикъ. Австр. палица. Австр. метательное копье

Но самое замѣчательное оружіе, исключительно свойственное Австраліи—есть «бумерангъ». Это — ничто иное, какъ кривая палка, обыкновенно округленная съ одной стороны и плоская съ другой, имѣющая около трехъ футовъ въ длину и двухъ дюймовъ въ ширину, при толщинѣ въ три четверти дюйма. Съ перваго взгляда она похожа нѣсколько на кривой деревянный мечъ грубой работы. Бумерангъ этотъ употребляется туземцами какъ на охотѣ, такъ и на войнѣ. «Крѣпко придерживая его за одинъ конецъ правою рукою, его бросаютъ или вверхъ или косвенно внизъ, къ землѣ. Въ первомъ случаѣ онъ летитъ съ сильнымъ вращательнымъ движеніемъ, обусловливаемымъ его формою и—достигнувъ значительной высоты, разомъ поворачиваетъ назадъ, къ мѣсту, откуда былъ брошенъ, описывая такимъ образомъ эллиптическую дугу. Если же его бросаютъ внизъ, объ землю, онъ отскакиваетъ по прямой линіи и продолжаетъ свое движеніе рикошетами до тѣхъ поръ, покуда не достигнетъ предмета, къ которому онъ былъ направленъ. Съ помощью этого орудія туземцы убиваютъ птицъ и маленькихъ звѣрей, а также бьютъ утокъ на водѣ. Самая любопытная кривая, описываемая бумерангомъ, это та, когда его бросаютъ на воздухъ подъ угломъ въ 45°; тогда его полетъ всегда направляется обратно и туземецъ, бросающій его, стоитъ обращенный спиною, а не лицомъ къ тому предмету, въ который желаетъ попасть».

Фиг. 192.



Бумерангъ.

М-ръ Мерри, жившій нѣкоторое время въ Австраліи, сообщаетъ мнѣ, что однажды, желая испробовать искусство туземцевъ въ метаніи бумеранга, онъ предложилъ имъ призъ въ полшиллинга всякій разъ, когда бумерангъ будетъ брошенъ такимъ образомъ, что возвратится къ мѣсту своего первоначальнаго полета. Онъ сдѣлалъ на пескѣ кругъ въ 5—6 футовъ въ поперечникѣ, и не смотря на то, что бумерангъ бросался съ большой силой, изъ 12 разъ, туземцу удавалось 5 бросить его такъ, что онъ опять возвращался въ кругъ. Эйръ говоритъ также, что это оружіе въ особенности полезно на войнѣ, «такъ какъ, если даже кто и видитъ его

полетъ въ воздухѣ, то все-таки нельзя еще разсчитать, куда онъ попадетъ или откуда брошенъ. Мнѣ самому однажды онъ чуть было не перебилъ руку, между тѣмъ какъ я стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ туземца, который бросалъ бумерангъ, и пришелъ только съ цѣлью полюбоваться на его искусство».

Ольдфильдъ, наоборотъ, говоритъ далеко не въ пользу этого оружія. Онъ говоритъ, что бумерангъ приноситъ весьма мало пользы на войнѣ, и что «жители даже никогда и не пытаются убивать имъ отдѣльныхъ птицъ и звѣрей». Напротивъ того, въ болотистыхъ мѣстностяхъ, гдѣ собирается множество водяной дичи, бумерангъ приноситъ большую пользу, потому что если бросить въ такую стаю заразъ значительное число бумеранговъ, то добыча во всякомъ случаѣ будетъ хорошая.

Огонь добывается у Австралійцевъ черезъ треніе другъ о друга двухъ кусковъ дерева. Такой способъ добыванія огня очень затруднителенъ, въ особенности въ сырую погоду, такъ какъ не успѣютъ добыть его, какъ онъ уже снова потухаетъ. По этой причинѣ они часто носятъ съ собою шишку банксіи, которая загорается легко, какъ трутъ. Г. Стюартъ сообщаетъ мнѣ, что нѣкоторыя сѣверныя племена не имѣютъ вовсе средствъ добывать себѣ огонь и получаютъ его, когда онъ потухаетъ у нихъ, у сосѣднихъ племенъ. Ангасъ точно также говоритъ, что нѣкоторыя западныя племена не знаютъ никакихъ способовъ добывать себѣ огонь По ихъ словамъ, они получили его первоначально съ сѣвера, и если случится, что онъ у нихъ случайно потухнетъ, то они добываютъ его гдѣ нибудь по сосѣдству у другаго племени.

Согласно капитану Куку, Австралійцы не имѣли никакого понятія о мѣновой торговлѣ. «Намъ невозможно было», говоритъ онъ, «обмѣняться съ ними товарами. Они брали вещи, которыя мы давали имъ, но никакъ не хотѣли понять, что мы хотимъ получить что нибудь въ обмѣнъ.—Они относились равнодушно къ нашимъ вещамъ и не хотѣли у насъ ничего покупать; но за то они и не воровали также. Если бы они были болѣе алчны, то врядъ ли были такъ честны».

Однако въ другихъ мѣстностяхъ туземцы болѣе цивилизованны въ этомъ отношеніи. Главные предметы ихъ взаимной торговли составляютъ: различныя краски, перья, раковины и орудія, въ особенности кремни.

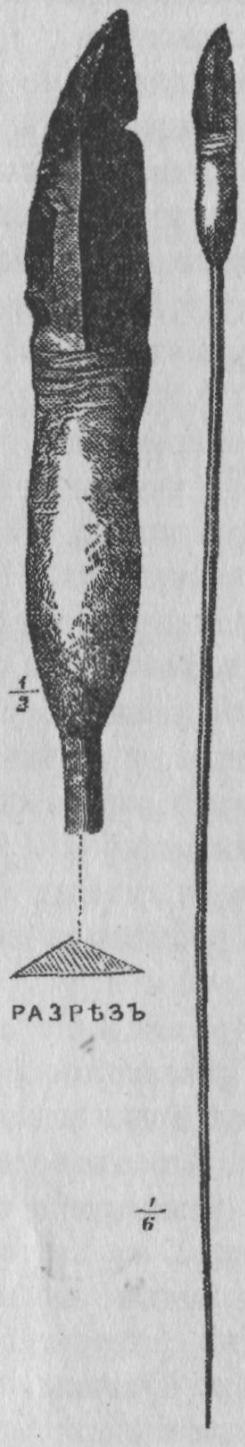
Тѣ Австралійцы, которыхъ наблюдали Дампье, Кукъ и Флиндерсъ, вовсе не носили одежды, и единственное украшеніе ихъ состояло изъ кости, длиною въ 5—6 дюймовъ, которую они продѣвали сквозь но-

совой хрящъ. У нихъ не было обычая татуированія. На сѣверо-западномъ берегу, Кингъ замѣтилъ у нѣкоторыхъ туземцевъ весьма оригинальный способъ украшать себя. На каждыхъ трехъ дюймахъ между верхней частью груди и пупкомъ, проведены были на кожѣ горизонтальные рубцы, изъ коихъ каждый имѣлъ около дюйма въ ширину и возвышался примѣрно на полдюйма надъ кожей. Нѣкоторые изъ туземцевъ приклеивали себѣ также къ волосамъ, съ помощью гумми, зубы кэнгуру или человѣка, собачьи хвосты, рыбьи кости, куски дерева и т. п. предметы, которые должны были служить украшеніемъ. Иногда,—не ради приличія, но для тепла —они носили также шкуры опоссума или кэнгуру, которыя на охотѣ служили имъ и защитой отъ разныхъ колючихъ растеній. По свидѣтельству Д'юрвиля, впрочемъ, жители южнаго Уэллса находили неприличнымъ оставлять маленькихъ дѣтей совершенно голыми. Максъ Джиливрэ также упоминаетъ о подобной идеѣ у жителей Моретоновой бухты. Во многихъ частяхъ Австраліи жители имѣютъ обычай раскрашиваться, причемъ самыми любимыми или по крайней мѣрѣ употребительными цвѣтами служатъ красный и бѣлый. Красная краска накладывается большими пятнами, а бѣлая обыкновенно по лосами или крапинами. Часто они проводятъ также кругъ около каждаго глаза. Нѣкоторыя племена, впрочемъ далеко не всѣ, татуи-

Фиг. 193.

Кремневый осколокъ изъ Австраліи.

Фиг. 194.



Новокаледонскій дротикъ

руютъ себѣ спину и грудь, въ формѣ полосъ, круговъ и полукружій.

Что касается женщинъ, то единственная сколько нибудь значительная церемонія, которой онѣ подвергаются у племенъ по рѣкѣ Мёррею, заключается, насколько это могъ разузнать Эйръ, въ «надрѣзываніи» спины. Эйръ называетъ его впрочемъ татуированіемъ, но мнѣ кажется, вѣрнѣе будетъ назвать его «зарубаніемъ». Операція эта производится по достиженіи совершеннолѣтія и сопряжена съ значительною болью. Дѣвушка становится на колѣни и кладетъ голову между колѣнъ старой, сильной женщины, а операторъ, который всегда долженъ быть мужчина, дѣлаетъ раковиной или кремнемъ глубокіе надрѣзы кожи на спинѣ, идущіе поперегъ отъ праваго бока къ лѣвому и достигающіе до самыхъ плечъ. Вся эта сцена до нельзя возмутительна: кровь бѣжитъ ручьми на землю, а несчастная жертва издаетъ ужасные крики. Тѣмъ не менѣе, дѣвушки добровольно подвергаютъ себя этому мученію, такъ какъ хорошо изрѣзанная спина вызываетъ большое удивленіе.

Молодые люди также должны подвергать себя извѣстному испытанію, прежде чѣмъ удостоются чести быть принятыми въ общество взрослыхъ. Иногда они подвергаются обрѣзыванію, а иногда надъ ними производятъ почти невѣроятныя операціи (funditur usque ad urethram à parte inferâ penis) или выбиваютъ одинъ изъ переднихъ зубовъ. У другихъ племенъ употребительны также различныя отличительныя насѣчки, какъ напр. рубцы, идущіе поперегъ груди, круги на плечахъ или маленькія точки, расположенныя разнообразными узорами.

Въ области Аделаидѣ, по словамъ Мурхауза, существуетъ пять различныхъ ступеней посвященія, которыя долженъ пройдти туземецъ, прежде нежели получитъ право пользоваться всѣми привиллегіями совершеннолѣтняго мужчины. А между тѣмъ у Австралійцевъ нѣтъ, можно сказать, никакой формы правленія, никакого различія сословій и никакихъ признанныхъ вождей или начальниковъ.

У дѣтей туземцевъ въ большомъ употребленіи игра съ веревочкой, нѣсколько сходная съ англійской Cat's-cradle; но главнѣйшее и любимое ихъ занятіе состоитъ въ изученіи охоты и рыболовства. Взрослые имѣютъ большое пристрастіе къ танцамъ, которые могутъ быть подраздѣлены на военные, охотничьи и любовные. Два послѣднихъ рода танцевъ болѣе обыкновенны. Они производятся обыкновенно поздно вечеромъ на общественныхъ собраніяхъ. Пѣніе туземцевъ грубо и состоитъ изъ отдѣльныхъ, несвязныхъ между собою по смыслу и часто случайно набранныхъ словъ.

У нихъ нѣтъ никакой систематизированной религіи, никакого

культа или богослуженія. Большинство туземцевъ вѣритъ впрочемъ въ злыхъ духовъ и питаетъ непреодолимый страхъ къ мраку и къ колдовству Они держатся даже того мнѣнія, что ни одинъ человѣкъ не умираетъ естественною смертью.

Капитанъ Уилькъсъ слѣдующимъ образомъ описываетъ австралійскія похороны. Почти сейчасъ же послѣ смерти покойнику придаютъ сидячее положеніе, прижимаютъ ему колѣни плотно къ туловищу, нагибаютъ впередъ голову и затѣмъ обвертываютъ всего въ одѣяло. Послѣ этого выкапываютъ овальную могилу, около 6 футовъ длиною, 3—шириною и 5—въ глубину. На днѣ ея кладутъ слой листьевъ, затѣмъ шкуру опоссума и наконецъ набитый мѣшокъ изъ шкуры кэнгуру, который долженъ служить подушкой. На такую-то постель кладутъ мертваго вмѣстѣ съ его орудіями и оружіемъ. Тѣло обкладывается сверху листьями и вѣтвями, а затѣмъ яма наполняется камнями. Въ заключеніе на могилу насыпается вырытая изъ ямы земля и образуетъ такимъ образомъ холмъ, вышиною въ 8 или 9 футовъ. По словамъ Д'юрвиля, жители новаго южнаго Уэльса хоронили молодыхъ покойниковъ и сожигали старыхъ. Другія племена поступаютъ съ своими мертвыми иначе, но ни одно изъ нихъ не предавалось людоѣдству, какъ постоянному обычаю, хотя нѣкоторыя племена и прибѣгали иногда къ нему за недостаткомъ пищи.

Ни одинъ фактъ. однако, не можетъ дать намъ болѣе живаго понятія объ умственныхъ способностяхъ этихъ жалкихъ дикарей, какъ то наблюденіе, что они не въ состояніи были даже сосчитать пальцы своей руки (?). Крауфордъ изслѣдовалъ нумераціи тридцати австралійскихъ нарѣчій и «ни въ одномъ изъ нихъ онѣ, повидимому, не простирались далѣе четырехъ». Впрочемъ Скоттъ-Найндъ, описывая Австралійцевъ области пролива короля Георга, говоритъ, что у нихъ нумерація доходитъ до пяти. Но при этомъ онъ прибавляетъ, что слово, выражающее послѣднюю цифру, обозначаетъ собственно «много». Такимъ образомъ число пять вызываетъ у нихъ представленіе о большомъ количествѣ, подобно тому, какъ для насъ сотня или тысяча.

Языкъ ихъ, кромѣ того, не заключаетъ въ себѣ нарицательныхъ именъ, каковы напр. дерево, рыба, птица и т. д., но только видовыя названія, соотвѣтственныя отдѣльнымъ породамъ.

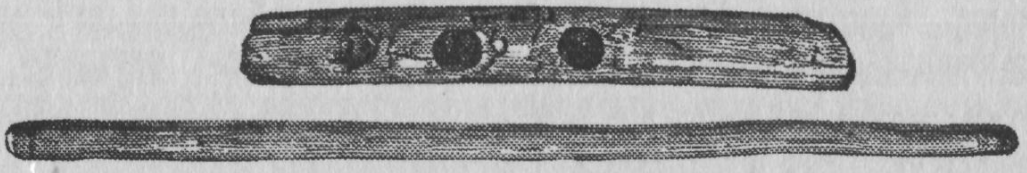
Полигамія у нихъ не воспрещается; но если мужчина беретъ себѣ болѣе двухъ женъ, то его считаютъ обыкновенно эгоистомъ и неразумнымъ. Запрещается также брать въ жены женщину одной и той же фамиліи. Если умираетъ женатый человѣкъ, то братъ его наслѣдуетъ его жену, которая «по прошествіи трехъ дней по смерти перваго мужа, переходитъ въ хижину втораго супруга».

Не смотря на то, что они, повидимому, очень любятъ своихъ дѣтей, Эйръ говоритъ, что между мужемъ и женой не существуетъ сильной привязанности. «Я видѣлъ», говоритъ онъ, «какъ Австралійцы, возвращаясь послѣ долгаго отсутствія къ своему кочевью, не обращали никакого вниманія на своихъ женъ, и вообще вели себя такъ, какъ будто они и не удалялись изъ дому». На женъ вообще они смотрятъ какъ на простую собственность. Свадьба не сопровождается никакими празднествами, и къ супружеской вѣрности они относятся совершенно равнодушно. Женщину, какъ рабу, оцѣниваютъ по ея достоинствамъ и обращаются съ нею очень скверно. Эйръ говоритъ, что «никому не придетъ даже въ голову принять сторону женщины». Красота только ухудшаетъ ея положеніе. Капитанъ Грей говоритъ, что «молодые годы красивой дѣвушки сопровождаются обыкновенно цѣлымъ рядомъ похищеній ея различными мужчинами, жестокими побоями, бѣгами и оскорбленіями отъ другихъ женщинъ, завидующихъ ея красотѣ». Не многія женщины въ Австраліи, по его словамъ, доживаютъ до тридцати лѣтъ. Не смотря однакоже на все это беззаконіе и тираннію, бракъ регулируется все-таки нѣкоторыми весьма любопытными запрещеніями. Такъ напр. мужчина можетъ украсть жену у своего ближняго, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ жениться на женщинѣ одной и той же фамиліи, какъ бы ни было далеко родство. Есть нѣсколько большихъ фамилій или родовъ, какъ напр. Балларокъ, Тдондарупъ, Нготакъ, Нагарнукъ, Монгальми, Наррангуръ,—которыя занимаютъ обширныя пространства материка, и члены которыхъ не могутъ вступать въ бракъ между собою. Кромѣ того, существуютъ еще многія другія запрещенія. Вообще, по словамъ Ланга, «Австралійцы далеко не пользуются тою личною свободою и независимостью, какія можно было бы предположить при отсутствіи законовъ, потому что у нихъ существуетъ цѣлый кодексъ обычаевъ и приличій, обусловливающихъ такую тираннію, какой, быть можетъ, не существовало нигдѣ на землѣ, и которая не только ограничиваетъ свободу, но ставитъ какъ жизнь, такъ и имущество слабаго въ зависимость отъ сильнаго. Все отдается въ руки старыхъ и сильныхъ, въ ущербъ слабымъ и молодымъ и главное, въ ущербъ женщинамъ. Женщинамъ и молодымъ мужчинамъ запрещается напр. употреблять въ пищу лучшіе куски и лучшихъ животныхъ, которые отдаются старикамъ. Женщины обыкновенно составляютъ собственность старыхъ и сильныхъ, многіе изъ которыхъ имѣютъ ихъ отъ четырехъ до семи; между тѣмъ какъ молодымъ вовсе запрещается имѣть женъ, въ томъ случаѣ, если у нихъ нѣтъ сестеръ, которыхъ бы они могли дать въ обмѣнъ, и если они еще не достаточно сильны, чтобы помѣшать взять у нихъ сестеръ безъ возмездія».

Тасманійцы.

Жители Вандименовой земли или Тасманіи (нынѣ совершенно вымершіе) принадлежали къ совершенно другой расѣ, хотя во многихъ отношеніяхъ и были сходны съ Австралійцами. По свидѣтельству кап. Кука, у нихъ не было ни хижинъ, ни платья, ни лодокъ, ни гарпуновъ, ни сѣтей, ни рыболовныхъ крючковъ. Они питались разными слизняками, устрицами и улитками. Единственнымъ ихъ оружіемъ была прямая палка, заостренная съ одного конца. По словамъ Дове, у нихъ не было никакихъ нравственныхъ понятій, и дѣйствительно, онъ едва рѣшается признать ихъ за разумныя существа. На подобіе Австралій-

Фиг. 195.



Палочки Тасманійцевъ для добыванія огня.

цамъ, они также не въ состояніи были выразить какое либо отвлеченное понятіе; у нихъ даже не было слова «дерево». Не смотря на то, что огонь имъ былъ хорошо извѣстенъ, они не знали откуда получили его впервые, или какъ его добыть снова, въ случаѣ если онъ погаснетъ. «Во время ихъ странствій и перекочевокъ», говоритъ Дове, «главную заботу ихъ составляетъ поддержаніе огня, т. е. имѣніе подъ руками достаточнаго запаса сухаго дерева. Въ ихъ памяти не сохранилось никакого воспоминанія о томъ періодѣ, когда они должны были измыслить средство добыть себѣ огонь, этотъ необходимый элементъ для здоровья и комфорта. Какъ они достигли обладанія этимъ элементомъ—неизвѣстно. Былъ ли онъ даромъ природы или продуктомъ искусства и изобрѣтательности, во всякомъ случаѣ они не помнятъ такого времени, когда его у нихъ еще не было.... Обязанность поддерживать огонь лежала въ особенности на женщинахъ, которыя должны были носить ради этого постоянно головню въ рукахъ и заботливо замѣнять ее новой, какъ только она начинаетъ потухать». Фигура 195 представляетъ двѣ тасманійскихъ палочки, служившія для добыванія огня и подаренныя мнѣ г. Робинзономъ.

Жители острововъ Фиджи.

Острова Тихаго океана заселены двумя, весьма различными расами людей: Негритосами и Полинезійцами, входить въ разсмотрѣніе интереснаго вопроса о взаимномъ сродствѣ которыхъ для меня здѣсь невозможно по недостатку мѣста. Обитатели Фиджи относятся къ первой категоріи и во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ Негровъ. Они темнѣе Полинезійцевъ, челюсти ихъ больше, а волосы, хотя и не совсѣмъ шерстисты, все-таки курчавѣе. Это очень сильно сложенное племя, хотя и не такое граціозное, какъ Полинезійцы. Языкъ ихъ, однако, скорѣе Полинезійскій, чѣмъ Негритосскій, а учрежденія, обычаи и нравы отчасти Полинезійскія, отчасти Негритосскія. Удивительно, что они никогда не употребляютъ согласныхъ *b*, *d*, и *g*, безъ того, чтобы не поставить передъ ними *m* или *n*, какъ напр. *Мбау*, *Ндуандуа*, *Нгата*. Но извѣстно, насколько часто эти звуки встрѣчаются въ именахъ Негровъ.

Пища островитянъ Фиджи состоитъ изъ рыбъ, черепахъ, слизняковъ, крабовъ, человѣческаго мяса,—всегда, когда имъ удается его добыть,—таро, ямса, банановъ и кокосовыхъ орѣховъ. Высшіе классы прибавляютъ еще къ этому по временамъ свинину и куръ. Постоянный напитокъ ихъ есть *ава*; онъ подается у нихъ при всѣхъ церемоніяхъ.

Оружія ихъ состоятъ изъ копьевъ, пращей, палицъ, луковъ и стрѣлъ. Копья имѣютъ въ длину отъ 10 до 15 футовъ и дѣлаются обыкновенно изъ дерева кокосоваго орѣха. Конецъ такого копья обыкновенно заостряется и обугливается. Иногда, хотя это и рѣдко случается, на конецъ надѣваютъ заостренную кость. Палицы у нихъ дѣлаются различной формы и всѣ изъ желѣзнаго дерева. Самыя цѣнныя имѣли около трехъ футовъ длины и конецъ ихъ былъ весьма тяжелъ. Другія представляютъ нѣсколько лопатообразную форму, такъ что ихъ можно было бы назвать короткими мечами, Подъ именемъ *Ула* у нихъ были извѣстны короткія, тяжелыя палицы, около 13 дюймовъ длиной съ большой и тяжелой булавой. Орудіе это употреблялось какъ праща, и туземцы умѣли бросать его съ большой силой и ловкостью Это были ихъ главныя оружія, такъ какъ ихъ луки и стрѣлы были слабы и легки. Впрочемъ они также употреблялись на войнѣ, равно какъ и для охоты за рыбой. Укрѣпленныя городища островитянъ обносились всегда земляннымъ валомъ, футовъ шести толщиною, который обкладывался обык-

новенно камнемъ, укрѣплялся частоколомъ изъ кокосовыхъ деревьевъ и окружался илистымъ рвомъ.

Жилища ихъ продолговатой формы и имѣютъ въ длину отъ 20 до 30 футовъ, а въ вышину—футовъ 15. Строятся онѣ обыкновенно изъ кокосоваго дерева и папоротниковъ и иногда бываютъ сложены весьма тщательно. Бо́льшей частью онѣ снабжены, съ двухъ противопожныхъ сторонъ, входными галлереями отъ 3 до 4 футовъ вышиною и фута въ 4 ширины. Стѣны жилищъ дѣлаются изъ отдѣльныхъ столбовъ, переплетенныхъ прутьями, а крыша, обыкновенно крутая, изъ стеблей сахарнаго тростника, положенныхъ на стропила изъ пальмоваго дерева и перемежающихся съ листьями папоротника. Рогожка или циновка служитъ вмѣсто двери, а нѣсколько плоскихъ камней, лежащихъ посреди́нѣ хижины, замѣняютъ очагъ. Хижины бываютъ рѣдко подраздѣлены на отдѣленія; впрочемъ съ обѣихъ сторонъ въ нихъ дѣлаются возвышенія (около одного фута), на которыя настилаются циновки и которыя служатъ туземцамъ нарами.

Храмы ихъ имѣли пирамидальную форму и подобно тому, какъ въ Центральной Америкѣ, часто воздвигались на терассообразныхъ холмахъ. Кромѣ того, туземцы поклоняются еще нѣкоторымъ камнямъ, представлявшимъ сходство съ такъ называемыми друидическими менгирами Европы. «Жители острововъ Фиджи», говоритъ Газльвудъ, «считаютъ своихъ боговъ за существа, обладающія такими же страстями, какъ они сами. По ихъ мнѣнію, боги также любятъ и ненавидятъ; также горды и мстительны; также ведутъ войны, убиваютъ и ѣдятъ другъ друга; вообще въ сущности—такіе же дикари и канибалы, какъ они сами». По словамъ капитана Эрскина, «Жестокость и алчность къ крови, въ особенности къ человѣческому мясу, составляетъ характеристическое свойство боговъ Фиджи». Съ своей стороны, жители Фиджи смотрятъ съ ужасомъ на своихъ сосѣдей—обитателей о-вовъ Самоа, какъ на людей, не имѣющихъ никакой религіи, на томъ основаніи, что послѣдніе не вѣрятъ въ существованіе такихъ боговъ, и не допускаютъ у себя такихъ кровавыхъ церемоній и обрядовъ, какіе приняты у нихъ.

Лодки островитянъ Фиджи отличаются весьма хорошею постройкой. Большей частью онѣ дѣлаются двойными и не одинаковой величины. Бо́льшія лодки имѣютъ иногда болѣе 100 футовъ въ длину. Обѣ лодки соединяются между собою платформой, которая имѣетъ около 15 футовъ ширины и выдается фута на 2 или на 3 въ стороны за лодки. Дно каждой лодки состоитъ изъ одной доски, а стѣнки ихъ скрѣплены скобками и плотно связаны между собою веревками, причемъ полученныя отверстія задѣланы смолой хлѣб-

наго дерева. Паруса на нихъ большіе и сдѣланы изъ рогожъ. Мачта имѣетъ приблизительно половину длины лодки, а реи обыкновенно вдвое длиннѣе мачты.

Главный инструментъ ихъ былъ топоръ, который первоначально дѣлался изъ камня, а теперь дѣлается по большей части изъ желѣза. Для пробуравливанія дыръ они употребляли длинные шипы морскихъ ежей, заостренныя кости, а также, если могли добыть ихъ, гвозди; для рѣзанья они употребляли зубы мелкихъ животныхъ, какъ напр. крысъ и мышей; а ихъ ножи дѣлались изъ наружнаго слоя бамбука, куску котораго придавали желаемую форму, въ то время, когда бамбукъ былъ еще зеленъ. Когда кусокъ этотъ высыхалъ, его обжигали, черезъ что онъ дѣлался такъ крѣпокъ, что его можно было бы даже употреблять для хирургическихъ операцій.

Островитяне Фиджи отличались отъ Полинезійцевъ, между прочимъ, еще тѣмъ, что употребляли глиняную посуду для варенія пищи. Посуда эта была аккуратно и хорошо сдѣлана, хотя употребленіе гончарнаго станка и не было извѣстно. Приготовлялась она вся женщинами. Орудія, которыми совершалась эта работа, были весьма просты и состояли изъ небольшихъ круглыхъ и плоскихъ камней для обдѣлыванія дна и плоскихъ лопаточекъ для выглаживанія сторонъ которыя дѣлались настолько круглыми и гладкими, какъ будто онѣ были приготовлены при помощи гончарнаго круга. Вилки, повидимому, были уже съ давнихъ поръ въ употребленіи у островитянъ Фиджи,—фактъ довольно замѣчательный, если мы вспомнимъ, что онѣ были неизвѣстны въ сѣверной Европѣ до XVII столѣтія.

У туземцевъ имѣются различные роды игръ и увеселеній. Они большіе любители качаться и бросать въ цѣль фрукты и камни. Еще у нихъ въ употребленіи игра очень сходная съ кеглями. Танцы ихъ, подобно танцамъ многихъ другихъ народовъ, не отличаются особеннымъ приличіемъ. Музыкальные инструменты ихъ состоятъ изъ большой морской раковины, носовой флейты, трубъ, гуслей—сдѣланныхъ изъ бамбуковыхъ волоконъ, и разныхъ барабановъ. Они также большіе любители пѣнія и поэзіи.

Ихъ земледѣльческія орудія были описаны Вилліамсомъ. Палки, употребляемыя для копанія земли, дѣлаются у нихъ изъ молодыхъ мангровыхъ деревьевъ. Величина ихъ такая, какъ у обыкновенныхъ вилъ, а нижній конецъ ихъ заостренъ съ одной стороны на подобіе зубочистки. При копаніи, инструментъ держатъ плоской стороной книзу. Если участокъ приготовляется подъ ямсъ, то работаютъ обыкновенно заразъ нѣсколько человѣкъ, которые раздѣляются на группы по 3—4. Всѣ они вооружены палками для копанья, которыя опи и втыкаютъ

въ землю такимъ образомъ, какъ будто бы желаютъ образовать кругъ, фута въ 2 въ поперечникѣ. Когда палки, послѣ повтореннаго вбиванія въ землю, достигнутъ глубины 18 дюймовъ, то ихъ употребляютъ какъ рычаги и поднимаютъ ими все это круглое пространство земли. Затѣмъ мальчики разбиваютъ вывороченныя глыбы коротенькими палками.—Полотье совершается у нихъ при помощи инструмента, имѣющаго очень много общаго съ голландской мотыкой. Работники такъ глубоко всовываютъ его въ землю, что рукоятка почти касается поверхности земли. Лезвее такого инструмента дѣлалось сначала изъ спиннаго или груднаго щита черепахи, изъ верхней створки большой двустворчатой раковины или изъ раковины одного вида Pinna. На Виндварскихъ островахъ употребляютъ еще большой сажальный колъ, футовъ въ 8 длиною и около 18 дюймовъ въ окружности, заостренный къ одному концу. Кромѣ того, у нихъ еще въ употребленіи садовые ножи, сдѣланные изъ черепахи и насаженные на тростниковую ручку, около 10 футовъ длиною.—Они очень искусны въ плетеніи корзинъ и хорошо дѣлаютъ сѣти изъ ползучихъ растеній или изъ веревокъ.

Женщины находятся у нихъ въ большой зависимости. «Мужчины часто привязываютъ и бьютъ ихъ. Наравнѣ съ другимъ имуществомъ, они могутъ продавать ихъ, и обыкновенная стоимость ихъ—мушкетъ. Покупатель можетъ дѣлать съ ними все, что хочетъ, и даже убитъ до смерти». Эрскинъ, однако, даетъ намъ болѣе удовлетворительное описаніе положенія женщинъ, изъ котораго можно повидимому заключить, что онѣ во всякомъ случаѣ цѣломудреннѣе, чѣмъ женщины на другихъ островахъ Тихаго океана, а это—уже что нибудь да значитъ, хотя, конечно, и не особенно много. Не смотря на то, что во многихъ отношеніяхъ у нихъ были очень шаткія понятія, въ другихъ онѣ были весьма строги; такъ напр. на нѣкоторыхъ островахъ считалось неприличнымъ, если мужъ и жена провели ночь подъ однимъ кровомъ.

Хотя костюмъ ихъ очень несложенъ и плохо прикрываетъ тѣло, тѣмъ не менѣе, они выказываютъ большое вниманіе къ своему туалету и разрисовкѣ. Въ особенности они гордятся своими волосами и въ случаѣ короткости ихъ, носятъ парики. Нѣкоторые изъ этихъ париковъ весьма тщательно сдѣланы. Мужчины носятъ такъ называемый «тапа», кусокъ ткани изъ луба бумажной шелковицы, имѣющій видъ кушака и длину отъ 3 до 100 ярдовъ. Обыкновенная длина его, впрочемъ, 6—10 ярдовъ; онъ проводится между ногъ и обвязывается вокругъ таліи. Женщины не имѣютъ права носить «тапа» и ихъ костюмъ еще менѣе сложенъ, чѣмъ у мужчинъ,

такъ какъ онъ состоитъ только изъ такъ называемаго «лику», то есть куска ткани изъ коры hibiscus, обернутаго вокругъ поясницы. Внизу онъ отдѣлывается бахромою, которая у незамужнихъ короче, чѣмъ у замужнихъ. Не смотря однакоже на это малое прикрытіе наготы, островитяне Фиджи, говорятъ, весьма скромны, и если бы кто нибудь осмѣлился показаться у нихъ совершенно голымъ, то, по мнѣнію капитана Уилькса, онъ былъ бы по всей вѣроятности убитъ оскорбленными такимъ зрѣлищемъ туземцами.

Татуировка въ употребленіи у нихъ только между женщинами, которыя разукрашиваютъ себѣ пальцы, углы рта и,—довольно странно,—тѣ части тѣла, которыя прикрыты «лику». Операція эта сопряжена съ значительною болью, но подчиненіе ей считается какъ бы религіозною обязанностью, за несоблюденіе которой непремѣнно придется быть наказаннымъ на томъ свѣтѣ.

Могилы обыкновенныхъ смертныхъ означаются только нѣсколькими камнями, но надъ могилами начальниковъ жители воздвигаютъ небольшія хижины отъ 2 до 5 футовъ вышины, а иногда насыпаютъ большія кучи камней, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ предназначены для того, «чтобы указывать мѣсто, гдѣ умеръ человѣкъ». Мертвые хоронятся въ сидячемъ положеніи. Въ знакъ траура обрѣзываютъ себѣ волосы или бороду, а иногда то и другое. Часто дѣлаютъ они себѣ также раны на кожѣ и отрубаютъ послѣдній суставъ пальца на рукѣ или на ногѣ.

У островитянъ Фиджи не считается преступленіемъ убивать родителей; напротивъ того, это введено у нихъ въ обычай. Родители обыкновенно погибаютъ отъ руки своихъ дѣтей. Иногда старики сами приходятъ къ такому заключенію, что имъ пора умирать, а иногда дѣти напоминаютъ имъ, что они становятся уже въ тягость. Въ томъ и другомъ случаѣ, приглашаются друзья и родственники, происходитъ совѣщаніе и назначается день, въ который должна произойдти эта церемонія, начинающаяся обыкновенно большимъ пиромъ. Миссіонеры часто бывали свидѣтелями этихъ ужасныхъ трагедій. Однажды Гёнтъ былъ приглашенъ молодымъ парнемъ присутствовать на похоронахъ его матери, имѣющихъ только что произойдти. Гёнтъ принялъ приглашеніе; но когда показалась погребальная процессія, онъ, къ величайшему своему удивленію, нигдѣ не видѣлъ мертваго тѣла. Когда же онъ сталъ распрашивать по этому поводу молодаго дикаря, то «послѣдній указалъ ему свою мать, которая тутъ же шла рядомъ съ нимъ и была, повидимому, также бодра и весела, какъ и всѣ остальные.... Дикарь прибавилъ при этомъ, что онъ поступаетъ такимъ образомъ изъ любви къ матери, и что эта то любовь

и заставляетъ его хоронить ее теперь, такъ какъ это священная обязанность дѣтей хоронить своихъ родителей.... Она наша мать, а мы ея дѣти, поэтому мы и обязаны убить ее». Въ такихъ случаяхъ выкапывается обыкновенно могила, фута въ 4 глубиною, родныя и друзья поднимаютъ страшный вопль, трогательно прощаются съ несчастной жертвой и затѣмъ закапываютъ ее живою. Удивительно послѣ этого, что Гентъ утверждаетъ все-таки, что островитяне Фиджи весьма привязаны къ своимъ родителямъ и очень любятъ ихъ. На самомъ дѣлѣ, «именно этотъ обычай они считаютъ такимъ важнымъ доказательствомъ своей любви, что, по ихъ мнѣнію, никто кромѣ дѣтей не можетъ его исполнить». Они не только вѣрятъ въ загробную жизнь, но убѣждены, что человѣкъ, уходя изъ этой жизни, немедленно просыпается въ лучшемъ мірѣ. Поэтому отчасти совершенно понятно ихъ желаніе покинуть этотъ свѣтъ, когда они начинаютъ чувствовать приближеніе старости. Это вѣрованіе было у нихъ на столько общимъ, и вліяніе его было такъ сильно, что въ городѣ, населенномъ нѣсколькими сотнями людей, кап. Уилксъ не нашелъ ни одного человѣка, которому было бы больше сорока лѣтъ. На вопросъ, гдѣ же старики, ему отвѣчали, что они всѣ похоронены. Подобнымъ же образомъ, въ теченіи перваго года, проведеннаго Гентомъ въ Сомо-Сомо, только одинъ человѣкъ умеръ натуральною смертью, всѣ же старыя или больныя особи были задушены или похоронены живыми.

Когда умираетъ начальникъ, то обычай требуетъ, чтобы съ нимъ схоронено было нѣсколько женъ и рабовъ. Узнавъ о смерти Нгавинди, г. Кальвертъ немедленно отправился въ Мбау, «въ надеждѣ воспрепятствовать удушенію женщинъ, но было уже поздно. Три женщины были уже убиты. Тха-Комбау, по обычаю, предложилъ задушить свою сестру, какъ первую жену покойника; но народъ Лазахау просилъ пощадить ее, чтобы ея дитя могло быть ихъ начальникомъ. Тогда мать Нгавинди пожелала замѣнить ее и была задушена. Умершій вождь лежалъ въ полномъ своемъ нарядѣ на возвышенной платформѣ, рядомъ съ трупомъ одной изъ своихъ женъ; трупъ его матери лежалъ у него въ ногахъ на носилкахъ; а убитая раба лежала на рогожѣ посрединѣ жилища. Въ сосѣдней хижинѣ сдѣлана была глубокая могила, въ которую опустили сначала рабу, а затѣмъ три остальные трупа, которые были предварительно всѣ вмѣстѣ завернуты. Въ подобныхъ случаяхъ женщины умираютъ добровольно, такъ какъ онѣ держатся мнѣнія, что только такимъ путемъ имъ можно попасть въ небесныя жилища. Всѣ эти факты, какъ бы ни

были они возмутительны, показываютъ однако, какъ сильна должна быть въ этомъ случаѣ вѣра въ загробную жизнь.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы чистота побужденій не могла до нѣкоторой степени оправдывать всѣ эти жестокости, надо все-таки признаться, что человѣческая жизнь цѣнилась весьма мало у островитянъ Фиджи. Не только дѣтоубійство, но также и человѣческія жертвы были весьма обыкновенны, и безъ послѣднихъ не обходилось, *можно сказать, ни одно сколько нибудь важное дѣло.* Такъ напр , когда король спускалъ въ море новую кану, на палубѣ ея непремѣнно убивалось десять или даже болѣе человѣкъ, для того, чтобы омыть ее человѣческою кровью. Но нужно упомянуть еще о худшемъ. Жители Фиджи были закоренѣлые людоѣды и настолько пристрастившіеся къ человѣческому мясу, что самая высшая похвала, которую они могли выразить въ отношеніи какого нибудь лакомаго блюда, состояло въ выраженіи: «нѣжно, какъ человѣческое мясо». Они были даже такими гастрономами по этой части, что не любили напримѣръ мяса бѣлыхъ, предпочитали мясо женщинъ мужскому и считали верхнюю часть руки и ляжку за самые лакомые куски. При этомъ они были такъ жадны до человѣческаго мяса, что никогда не давали его женщинамъ, и считали его приличнымъ только для мужчинъ. Когда король давалъ большой обѣдъ, человѣческое мясо всегда составляло одно изъ важнѣйшихъ блюдъ, и хотя трупы погибшихъ въ сраженіи непріятелей всегда съѣдались, число ихъ было еще далеко недостаточнымъ, такъ что съ этою цѣлью постоянно откармливались еще рабы для продажи. Иногда они жарили ихъ живыми и сейчасъ же съѣдали, а иногда они прятали трупы до тѣхъ поръ, пока они не получали такъ называемаго haut-goût, т. е. не приходили въ разложеніе. Ра Ундре-ундре, начальникъ племени Рахираки, одинъ, говорятъ, съѣлъ девятьсотъ труповъ, никому не дозволяя раздѣлять съ собою свою трапезу.

Это людоѣдство жителей острововъ Фиджи отнюдь не обусловливалось недостаткомъ пищи. Въ одномъ случаѣ они принесли въ жертву богу войны 10.000 кореньевъ ямса (изъ которыхъ каждый вѣсилъ отъ 6 до 12 фунтовъ), 30 черепахъ, 40 большихъ кореньевъ якуона, нѣсколько сотенъ мѣстныхъ пироговъ (2 тонны), 150 гигантскихъ устрицъ, 15 арбузовъ, много кокосовыхъ орѣховъ и большое количество фіолетовыхъ крабовъ, арума и спѣлыхъ банановъ». На одномъ публичномъ празднествѣ Вилліамсъ видѣлъ, какъ «200 человѣкъ заняты были въ продолженіи 6 часовъ тѣмъ, что разливали и подавали кушанье. Тамъ находилось 6 кучъ ямса, арума, вакалоло, свиней и черепахъ. Въ нихъ заключалось около 50 тоннъ ва-

ренаго ямса и арума, 15 тоннъ пироговъ, 70 черепахъ, 5 возовъ якуона и около 200 тоннъ сыраго ямса. На одномъ пирѣ, на о-вѣ Лакемба, былъ поданъ пирогъ, который имѣлъ въ окружности около 3 саженъ,—21 футъ».

Людоѣдство настолько вошло въ обычай этого племени, что у нихъ нѣтъ даже словъ для обозначенія трупа или его частей, въ которыхъ бы не заключалось идеи о чемъ-то съѣдобномъ. Такъ, человѣческое мясо извѣстно у нихъ подъ названіемъ «*Puaka-baluva*» или «длинной свиньи».

«Разсматривая характеръ этого замѣчательнаго народа», говоритъ Эрскинъ, «мы невольно поражаемся чуднымъ смѣшеніемъ сложной и тщательно организованной политической системы, утонченныхъ манеръ и церемонной вѣжливости съ кровожадностью и проявленіемъ такихъ дикихъ наклонностей, подобныя которымъ врядъ ли можно найдти въ какой либо другой части свѣта». «Убійство», говоритъ Вилліамсъ, «не есть случайное явленіе у островитянъ Фиджи, но постоянное, обыденное, систематичное». Въ другомъ мѣстѣ, тотъ же Вилліамсъ разсказываетъ, что ни одинъ островитянинъ Фиджи не можетъ чувствовать себя спокойнымъ, если сзади него идетъ чужой, и что «сдѣлаться извѣстнымъ убійцею, составляетъ у нихъ предметъ страстныхъ желаній честолюбцевъ». На островѣ Вануа-Леву, даже между женщинами, трудно было найдти такихъ, которыя бы «не совершили какого либо убійства». Къ этому они приучаются уже съ своего младенчества. «Одинъ изъ первыхъ уроковъ ребенка заключается въ томъ, чтобы бить свою мать». Въ Сомо-Сомо Вилліамсъ видѣлъ, какъ матери тащили своихъ дѣтей къ непріятельскимъ трупамъ и заставляли топтать ихъ ногами. Не удивительно послѣ этого, что при такомъ воспитаніи, «трудно ожидать семейнаго счастія и согласія». Это тѣмъ болѣе невозможно, что по обычаю, который намъ кажется положительно невѣроятнымъ, «братья не могутъ говорить и ѣсть съ одного блюда вмѣстѣ съ сестрами, точно также какъ двоюродные братья и сестры между собою, тести съ зятьями, матери съ невѣстками, невѣстки съ деверьями».

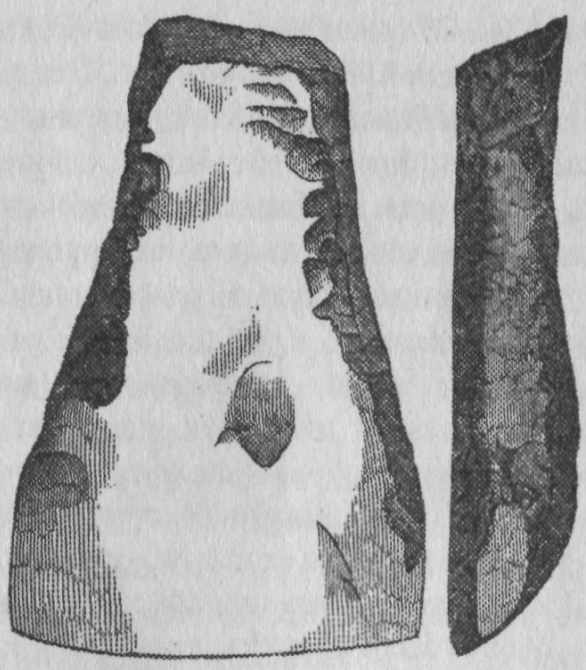
Несмотря однакоже на весь внушаемый ими ужасъ, въ характерѣ Фиджійцевъ есть нѣчто такое, что удерживаетъ ихъ отъ чрезмѣрной жестокости. Если Фиджіецъ способенъ ненавидѣть кого нибудь, то онъ можетъ также и искренно любить и, можно сказать, что насколько жестока его месть, настолько сильна и продолжительна его дружба и вѣрность. Такомбау былъ Фиджіецъ съ головы до ногъ и почти до послѣдняго времени противился миссіонерамъ. Онъ не только былъ язычникъ, но и положительно врагъ христіанъ. Подъ конецъ, будучи обращенъ,

онъ созвалъ свой народъ и,—говоритъ г. Кальвертъ,—что за сборище предстало передъ нимъ! «Мужья, женъ которыхъ онъ обезчестилъ; вдовы, мужей которыхъ онъ убилъ; сестры, братья которыхъ были задушены по его приказанію; родственники, друзей которыхъ онъ съѣлъ и дѣти, родителей которыхъ онъ убилъ и которые поклялись отмстить за нихъ». Но даже и этотъ человѣкъ, этотъ обольститель, отцеубійца, канибалъ, рука котораго совершила сотни убійствъ,—даже этотъ человѣкъ имѣлъ нѣчто благородное и привлекательное въ своемъ обращеніи настолько, что несмотря на всѣ его преступленія, онъ могъ внушить къ себѣ привязанность, дружбу и даже уваженіе такого прекраснаго человѣка, какимъ былъ г. Кальвертъ.

Маори.

Маори или Новозеландцы, суть самые южные представители большаго Полинезійскаго семейства. Главную ихъ пищу составляли ко-

Фиг. 196.



Новозеландскій топоръ.

ренья папоротника, которые они слегка поджаривали на огнѣ и затѣмъ до тѣхъ поръ били палкой, пока не отпадала кора и сухая наружная часть корня. Остававшаяся мягкая, клейкая масса, была бы не дурна на вкусъ, если бы не многочисленныя жесткія волокна. Въ сѣверныхъ округахъ встрѣчались большія плантаціи ямса и ба-

нановъ. Кромѣ того, они культивировали еще тыкву, которая, за неимѣніемъ посуды, замѣняла у нихъ горшки. Единственнымъ земледѣльческимъ орудіемъ былъ у нихъ «длинный, тонкій колъ, одинъ конецъ котораго былъ заостренъ въ лезвее и снабженъ на нѣкоторомъ разстояніи поперечной деревяшкой, для того, чтобы удобно было надавливать его ногою». Животная пища состояла у нихъ главнымъ образомъ изъ рыбы и моллюсковъ, и капитанъ Кукъ видѣлъ около ихъ жилищъ большія кучи раковинъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ имъ удавалось еще убить какую нибудь болотную птицу, пингвина и т. п. Огонь они добывали обыкновеннымъ способомъ, т. е. черезъ треніе другъ о друга двухъ кусковъ дерева. Единственными четвероногими животными занимаемыхъ ими острововъ были собаки и крысы. Свиней тамъ не было, а собакъ держали единственно ради пищи.

Новозеландцы были очень искусные рыболовы и имѣли превосходныя удочки, крючки которыхъ дѣлались изъ кости или раковинъ, и очень большія сѣти, связанныя изъ листьевъ особаго вида льна, которые изрѣзывались на полосочки надлежащей длины и крѣпко связывались одинъ съ другимъ. При изготовленіи бичевокъ, «съ тѣхъ же листьевъ счищался раковиной ихъ верхній зеленый покровъ до тѣхъ поръ, покуда не открывались крѣпкія бѣлыя волокна, идущія вдоль листа по нижней его сторонѣ». Этотъ сортъ веревокъ предпочитался даже европейскому, сдѣланному изъ пеньки.

Изъ этихъ же листьевъ они приготовляли себѣ и большую часть одежды, такъ какъ хотя они и были знакомы съ производствомъ ткани изъ коры, но рѣдко пользовались ею, употребляя ее почти исключительно на украшенія. Листья разрѣзались у нихъ на три или на четыре полоски, которыя и сплетались въ родъ ткани, составляющей нѣчто среднее между плетеньемъ и матеріей. Собачья шерсть также употреблялась у нихъ для изготовленія тканей. Костюмъ ихъ былъ одинаковъ у обоихъ половъ и состоялъ изъ двухъ частей: изъ куска только что описанной грубой ткани, обвязанной вокругъ плечъ и достигавшей до колѣнъ, который напереди былъ стянутъ веревочкой или приколотъ костяною иголкою, и изъ другаго куска ткани, обернутаго вокругъ таліи и достигавшаго почти до земли. Впрочемъ эта вторая одежда носилась мужчинами обыкновенно только въ особенныхъ случаяхъ.

Изъ украшеній, у нихъ были въ употребленіи деревянные и костяные гребни, перья, ожерелья, браслеты, кольца изъ кости и изъ раковинъ, и серьги, сдѣланныя изъ нефрита или изъ перьевъ альбатроса. У многихъ были надѣты также на шеѣ маленькія грубыя фигурки изъ нефрита, которыя они считали весьма цѣпными. При этомъ Новозеландцы еще татуировались—весьма искусно и съ боль-

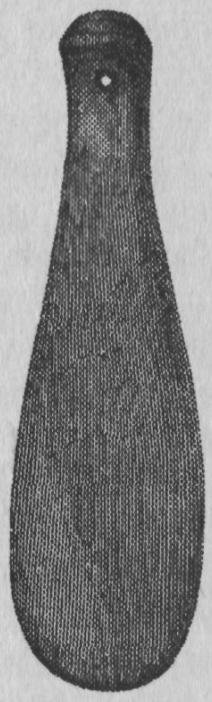
шимъ вкусомъ разукрашивая не только туловище, но и лицо, что въ концѣ концовъ производило во многихъ случаяхъ далеко не непріятное впечатлѣніе. Но операція эта была страшно болѣзненна, такъ что ее нельзя было вынести за одинъ разъ, почему она и продолжалась иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ или даже годамъ. Губы и углы глазъ должны были терпѣть въ этомъ случаѣ болѣе всего. Тѣмъ не менѣе, бояться этой операціи считалось большимъ позоромъ.

Жилища ихъ имѣли около 18 или 20 футовъ въ длину, 8—10 въ ширину и 5—6 въ вышину. Стѣны доходили до самой земли и отличались въ этомъ отношеніи отъ хижинъ Таити, у которыхъ бока оставлялись открытыми. Это дѣлалось впрочемъ не ради уютности, а для того, чтобы защититься отъ дождя и вѣтра. Стѣны были сдѣланы изъ жердей, плотно прикрытыхъ травою и сѣномъ. На одной сторонѣ находилась дверь, которая была настолько велика, чтобы человѣкъ могъ свободно пролѣзть въ нее на четверенькахъ. Кромѣ того, въ жилищѣ находилось еще другое отверстіе, служившее одновременно и вмѣсто окна и для выхода дыма. Крыша часто украшалась рѣзьбою, а на фронтонѣ можно было иногда видѣть уродливое изображеніе самого хозяина.

Ихъ деревни и поселенія были всѣ укрѣплены. Они выбирали всегда мѣстности, хорошо защищенныя отъ природы, и обносили дома палисадниками около 10 футовъ вышиною. Болѣе слабыя стороны были защищены кромѣ того двойнымъ рвомъ, изъ которыхъ внутренній былъ снабженъ плотиной, а наружный—частоколомъ. Сваи вбивались въ землю въ косомъ направленіи, такъ что онѣ выдавались надо-рвомъ, который отъ верхушки плотины до дна имѣлъ 24 фута глубины. Внутри самой внутренней палисады находились подмостки, возвышавшіяся футовъ на 20 и имѣвшія около 40 футовъ въ длину и около 6 фут. въ ширину. Эти подмостки поддерживались крѣпкими сваями и были предназначены чтобы служить постомъ для защитниковъ укрѣпленія, которые могли бросать отсюда въ нападающихъ дротики и камни, кучи которыхъ и были уже здѣсь приготовлены. Другія такія подмостки господствовали надъ крутымъ проходомъ сзади укрѣпленія и находились также внутри палисадника. Внутри ограды почва была не ровною, а возвышалась ступенями на подобіе амфитеатра, и каждая изъ этихъ ступеней была огорожена особымъ палисадникомъ. Всѣ эти различныя подмостки сообщались между собою узенькими переходами, такъ что, слѣдовательно, каждыя изъ нихъ могли быть защищаемы отдѣльно, тѣмъ болѣе, что на каждыхъ были заготовлены большіе запасы сушеной рыбы, кореньевъ папоротника и т. п. Такъ какъ у туземцевъ, при первомъ открытіи

ихъ Европейцами, не было ни луковъ, ни стрѣлъ, ни даже пращей, вообще никакихъ метательныхъ орудій, за исключеніемъ копій, которыя бросались прямо отъ руки, то такія укрѣпленія должны были быть почти совершенно неприступны. Главное оружіе туземцевъ было *пату-пату* (фиг. 197), родъ палицы, которая удерживалась помощью бичевки, обхватывавшей запястье кисти. У нихъ не было никакихъ оборонительныхъ оружій и только начальники носили еще «почетные жезлы».

Фиг. 197.



Пату-пату.

Ихъ кану или лодки были построены тщательно и походили на таковыя же другихъ островитянъ. Многія изъ нихъ отличались значительною величиною, а концы ихъ часто были очень искусно разукрашены рѣзьбой.

Покойники завертывались у нихъ обыкновенно въ туземную ткань и затѣмъ, или хоронились въ сидячемъ положеніи, или выставлялись на нѣкоторое время на маленькихъ четыреугольныхъ подмосткахъ до тѣхъ поръ, покуда не отпадало съ костей мясо; послѣ чего кости обмывали, складывали въ маленькіе закрытые ящики и ставили на столбахъ, или въ самой деревнѣ, или гдѣ нибудь по близости. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ однако мертвыхъ бросали обыкновенно въ море, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые погибали на полѣ сраженія, такъ какъ послѣдніе бо̀льшей честью съѣдались непріятелями. Ни одинъ изъ предметовъ, которыми пользовался покойникъ въ теченіи своей послѣдней болѣзни, не употреблялся болѣе, такъ какъ его или уничтожали, или закапывали вмѣстѣ съ умершимъ. Такъ, въ одномъ случаѣ было найдено въ рукахъ одного, похороненнаго въ сидячемъ положеніи туземца яйцо моа; яйцо это цѣло и предназначалось повидимому для того, чтобы служить въ пищу умершему.

Въ округѣ Таранаки, по свидѣтельству Тайлора, туземцы хоронились въ ихъ собственныхъ жилищахъ, дверь которыхъ въ такомъ случаѣ запиралась и разрисовывалась охрою «въ знакъ того, что эти жилища были «табу». Въ большей части Паховъ (pahs) или укрѣпленныхъ деревень, половина домовъ принадлежала мертвымъ, а такъ какъ такіе никогда не исправлялись, то деревни и имѣли всегда полуразваленный видъ.

Главный музыкальный инструментъ ихъ была флейта, которой у нихъ было три или четыре вида. Д'юрвиль видѣлъ у нихъ также родъ лиры, съ 3 или 4 струнами. Кромѣ того, они употребляли еще

крупныя раковины, которыя служили имъ вмѣсто трубъ. Вообще они были большіе любители пѣнія, поэзіи и танцевъ. Послѣдніе раздѣлялись у нихъ на военные и любовные.

По своему характеру, Новозеландцы могли бы быть названы гордымъ, ревнивымъ, вспыльчивымъ, жестокимъ и непримиримымъ,—но въ то же время чувствительнымъ, великодушнымъ, искреннимъ, гостепріимнымъ и привязчивымъ народомъ. Подобно тому, какъ и другіе Полинезійцы, Маори были весьма преданы дѣтоубійству. Дѣвушки до замужества пользовались большой свободой, но замужнія женщины были вѣрны и преданы своимъ мужьямъ, которые, съ своей стороны, также платили имъ любовью и уваженіемъ. Вообще надо признать, что у Новозеландцевъ положеніе женщины было довольно удовлетворительно.

Маори были заняты постоянно войной, которую они надѣялись продолжать и послѣ смерти. Небо они представляли себѣ такимъ мѣстомъ, гдѣ можно было ѣсть сколько угодно рыбы и бататовъ и гдѣ можно было постоянно воевать и всегда оставаться побѣдителями. Имѣли ли они опредѣленную религію или нѣтъ, рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ того, какъ понимать слово «религія». Они вѣрили въ безсмертіе души, но не вѣрили въ воскресеніе тѣла,—догматъ, въ которомъ, по словамъ Марсдена, «никакъ не могли убѣдить ихъ миссіонеры». Они не могли составить себѣ идеи о Всемогущемъ Божествѣ. Разговаривая съ Тайлоромъ, Те-Хеухеу, начальникъ Таупо, даже подсмѣивался надъ этой идеей, говоря такимъ образомъ: «Развѣ есть между вами, Европейцами, такіе люди, которые умѣютъ дѣлать все? Вѣроятно и у васъ также одинъ—столяръ, другой—кузнецъ, третій—корабельный мастеръ, четвертый—плотникъ. Такъ точно оно было и всегда. Одинъ богъ сотворилъ одно, другой другое: Тани создалъ деревья, Ру—горы, Тангароа—рыбъ и т. д. Ваша религія началась на дняхъ, а наша ведетъ свое начало отъ глубокой древности. Не думайте, что вамъ удастся побѣдить нашу древнюю вѣру съ помощью вашей вновь испеченной религіи».

Ихъ главный богъ былъ Атуа, который считался такимъ же жестокимъ людоѣдомъ, какъ и они сами. Если кто заболѣвалъ, то о немъ говорили: «Атуа пожираетъ его внутренности». Въ такихъ случаяхъ Новозеландцы старались обыкновенно изгнать его съ помощью угрозъ и заклинаній.

Послѣдній фактъ можно считать, правда, какъ бы противорѣчащимъ религіозному культу; но въ другихъ случаяхъ, туземцы дѣйствительно приносили этому божеству человѣческія и другія жертвы, въ тщетной надеждѣ смягчить его гнѣвъ. Они не поклонялись идо-

ламъ, но многіе жрецы ихъ, повидимому, были убѣждены, что дѣйствительно они находились въ прямомъ сношеніи съ Атуа; точно также какъ и нѣкоторые изъ старинныхъ христіанскихъ миссіонеровъ были склонны думать, что сатана получилъ дозволеніе обманывать ихъ, съ цѣлью усилить свою власть. Какъ это не можетъ показаться страннымъ, однако на Таити мы видимъ тоже самое. Эллисъ говоритъ, «что многіе миссіонеры были вполнѣ убѣждены въ дьявольскомъ могуществѣ туземныхъ жрецовъ и въ ихъ способности околдовывать другихъ». Даже самъ Эллисъ, повидимому, раздѣлялъ это мнѣніе. При такихъ несовершенныхъ понятіяхъ о божествѣ, не можетъ казаться удивительнымъ, что нѣкоторые изъ начальниковъ признавались за боговъ еще въ продолженіи ихъ жизни. Часы и бѣлые люди также сначала принимались за божества, и, что касается послѣднихъ, то это имѣло нѣкоторое основаніе, такъ какъ ихъ огнестрѣльное оружіе признавалось за громъ и молнію.

Новозеландцы очень низко цѣнили человѣческую жизнь. Эрль разсказываетъ намъ про одного молодаго начальника, по имени Атои, который, по его описанію, «имѣлъ открытыя красивыя черты лица», что онъ, найдя однажды принадлежащую ему хорошенькую шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, находившуюся въ услуженіи у Эрля, взялъ ее, какъ свою бѣглую рабу, отвелъ въ свое селеніе, а тамъ убилъ и съѣлъ. На слѣдующее утро онъ показалъ Эрлю столбъ, къ которому привязывалъ ее и усмѣхался при воспоминаніи о томъ, какъ онъ заманилъ ее. «Я сказалъ ей», говорилъ онъ, «что хочу только посѣчь ее, а вмѣсто того выстрѣлилъ въ нее и попалъ прямо въ сердце». «Несмотря на это», говоритъ Эрль, «я опять таки повторяю, что этотъ молодой человѣкъ не только имѣлъ очень пріятную наружность, но отличался весьма любезнымъ и вѣжливымъ обращеніемъ и былъ нашимъ общимъ любимцемъ».

Хотя Новозеландцы были настолько же преданы людоѣдству, какъ и обитатели Фиджи, однако каннибализмъ ихъ имѣлъ совершенно другой характеръ. Правда, не подлежитъ сомнѣнію, что Маори также любили человѣческое мясо, что мы замѣчаемъ у всѣхъ народовъ, которымъ разъ удалось преодолѣть естественное отвращеніе къ такого рода пищѣ. Но при этомъ каннибализмъ Новозеландца не всегда былъ простой трапезой, а во многихъ случаяхъ религіозной церемоніей. Такой каннибализмъ рѣзко отличается уже отъ простаго удовлетворенія голода и составляетъ уже часть религіи, какое-то нечестивое таинство. Справедливость этого доказывается напр. тѣмъ фактомъ, что послѣ сраженія они не выбирали жирныхъ, молодыхъ людей или нѣжныхъ молодыхъ дѣвушекъ, но предпочитали знамени-

тыхъ вождей, какъ бы ни были они стары и жестки У нихъ дѣйствительно существовало убѣжденіе, что съѣдая такимъ образомъ человѣка, они присвоивали себѣ его умъ, ловкость и славу. Чѣмъ больше было число труповъ, съѣденныхъ ими, тѣмъ болѣе они имѣли шансовъ разсчитывать на высокое положеніе въ будущей жизни. Вслѣдствіе такого вѣрованія, этотъ звѣрскій обычай получаетъ извѣстное дьявольское освѣщеніе, ставящее его во всякомъ случаѣ выше сластолюбія обыкновеннаго каннибализма. Съ другой стороны, быть съѣденнымъ считалось у Новозеландцевъ за самое большое несчастье, какое только могло постигнуть человѣка, такъ какъ они были убѣждены, что въ этомъ случаѣ душа уничтожалась также, какъ и тѣло. Начальнику, которому удавалось не только убить, но и съѣсть своихъ враговъ, нечего было бояться ихъ ни въ этой, ни въ будущей жизни; наоборотъ, сила, ловкость и хитрость, противъ которыхъ онъ боролся, не только были побѣждены, но благодаря этому ужасному поступку, онѣ должны были перейдти въ его собственное тѣло и увеличить его силу.

Въ другихъ случаяхъ были убиваемы рабы, которыхъ съѣдали въ честь боговъ. Новозеландцы утверждали, что они поступали такимъ образомъ только съ преступниками. Но если это даже и справедливо, то такой обычай все-таки весьма жестокъ; не надо однако забывать, что и въ Европѣ религіозныя гоненія едва ли еще прекратились совершенно, и что еще прошло сравнительно очень не много времени съ тѣхъ поръ, какъ костеръ и колъ считались необходимыми средствами для поддержанія христіанства. Новозеландскій вождь E'hongui былъ твердо убѣжденъ, что всѣ аналогіи природы говорятъ въ пользу каннибализма. Онъ положительно удивлялся ужасу, который вызывала такая трапеза въ Д'юрвилѣ и говорилъ: «Большія рыбы ѣдятъ маленькихъ; насѣкомыя пожираютъ другихъ насѣкомыхъ; большія птицы питаются маленькими; не слѣдуетъ ли изъ этого, что и человѣкъ имѣетъ полное право поѣдать своихъ враговъ».

Таити.

Таити, царь острововъ (собственно «царица» — the Queen, такъ какъ «островъ» по англійски женскаго рода), возбуждалъ необыкновенное удивленіе и восторгъ во всѣхъ путешественникахъ, которые имѣли случай посѣщать его. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ жители Таити стояли, правда, ниже другихъ островитянъ южнаго моря, какъ напр. жителей о-вовъ Фиджи, бывшихъ, какъ мы видѣли, уже зна-

комыми съ горшечнымъ производствомъ; но вообще, ихъ можно считать представителями самой высокой цивилизаціи, до которой когда либо удавалось дойдти человѣку—прежде открытія или введенія металлическихъ орудій. Дѣйствительно, трудно предположить, чтобы жители большихъ материковъ могли настолько подвинуться въ своемъ развитіи въ продолженіи ихъ каменнаго періода. Безъ всякаго сомнѣнія, жители острововъ Товарищества не остались бы безъ знанія металла, если бы страна ихъ дозволяла имъ добыть его. Съ другой стороны, мы знаемъ, что древніе обитатели Европы до тѣхъ поръ ограничивались употребленіемъ каменныхъ орудій, пока не убѣдились въ преимуществахъ мѣди, бронзы и желѣза и не научились обработывать эти металлы; да и вообще оно очевидно, что народъ знакомится съ металломъ прежде, чѣмъ достигаетъ высшей степени цивилизаціи, которая могла бы быть, по всей вѣроятности, достигнута имъ, при отсутствіи знанія металловъ.

Фиг. 198.

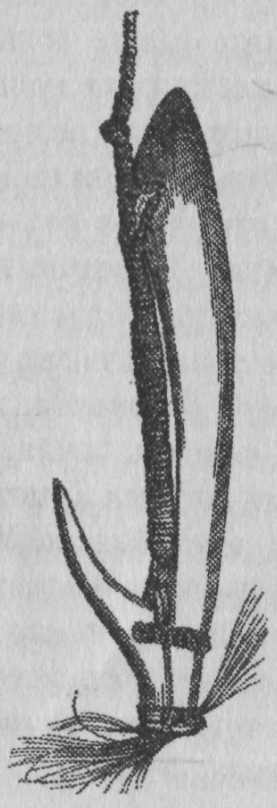
Каменный топоръ съ деревянной рукояткой (Таити).

Орудія Таитянъ, во время ихъ перваго посѣщанія Европейцами, были всѣ сдѣланы изъ камня, кости, раковинъ и дерева. О металлѣ они не имѣли и понятія. Увидѣвши въ первый разъ гвозди, они приняли ихъ за молодые отпрыски очень твердаго дерева и посадили ихъ бережно въ своихъ садахъ, въ надеждѣ, что они еще не совсѣмъ засохли.

Тѣмъ не менѣе, достаточно было весьма короткаго промежутка времени, чтобы каменное оружіе было совершенно вытѣснено желѣзнымъ, и кап. Кукъ, въ журналѣ своего послѣдняго путешествія, говоритъ, что «каменный топоръ составляетъ теперь такую же рѣдкость у туземцевъ, какую составлялъ восемь лѣтъ тому назадъ желѣзный; а каменнаго или костянаго долота и вовсе нельзя уже встрѣтить». Величина камен-

ныхъ топоровъ или сѣкиръ была весьма различна: тѣ, которые назначались для рубки деревьевъ, вѣсили отъ 5 до 7 фунтовъ; маленькіе же, употреблявшіеся для рѣзьбы, вѣсили не болѣе нѣсколькихъ унцій. Всѣ они требовали безпрестаннаго точенья, для чего и носился туземцами постоянно съ собою точильный камень. Туземцы были весьма искусны въ употребленіи своихъ топоровъ; тѣмъ не менѣе, требовалось нѣсколько дней для того, чтобы свалить напр. дерево. Нѣкоторые изъ топоровъ были снабжены изящными рѣзными рукоятками; такіе составляли уже, такъ сказать, государственную собственность.

Фиг. 199.



Рыболовный крючекъ островитянъ Южнаго моря.

Долота и долбила дѣлались у нихъ обыкновенно изъ костей и очень часто именно изъ костей человѣческаго предплечья. Вмѣсто терпуговъ употреблялись куски коралловъ, а вмѣсто ножей осколки бамбука. Для обработки земли они имѣли орудія изъ твердаго дерева, длиною около 5 футовъ, узкія, съ рѣжущимъ краемъ и съ заостренною верхушкою. Употреблялись они какъ заступы или какъ мотыки. Удильные крючки дѣлались у нихъ изъ перламутра, и каждый рыболовъ приготовлялъ ихъ для себя самъ. Они служили въ одно и тоже время и крючкомъ и приманкой. При изготовленіи ихъ, «раковина разламывалась, помощью остраго края другой, на четыреугольные кусочки, которымъ затѣмъ сообщались очертанія крючковъ, именно помощью куска коралла, достаточно шероховатаго, чтобы служить пилой. Послѣ этого, въ срединѣ крючковъ продѣлывалась дыра, причемъ буравчикомъ служилъ первый попавшійся остроконечный камешекъ, снабженный острою гранью. Камешекъ этотъ укрѣплялся на концѣ бамбуковой палочки, которую, при буравленіи, быстро вертѣли въ рукахъ на подобіе шоколадной мутовки Когда раковина была просверлена и дыра достаточно значительна, въ нее вставляли маленькую пилочку изъ коралла, съ помощью которой приготовленіе крючка заканчивалось весьма быстро. Вообще же, на приготовленіе такого крючка, для опытнаго рабочаго, требовалось не болѣе четверти часа времени».

Канаты и веревки приготовлялись у нихъ изъ коры *поэру* (видъ Hibiscus), различной толщины, отъ одного дюйма въ діаметрѣ до толщины крѣпкой нитки; изъ нихъ они дѣлали себѣ рыболовныя сѣти.

Кромѣ того, у нихъ былъ еще въ употребленіи родъ невода, сдѣланнаго изъ грубой, широколистной травы, листья которой связывались и переплетались между собою до тѣхъ поръ, пока не получалась сѣть, протяженіемъ въ 60—80 саж. Такія сѣти погружались обыкновенно въ мелкую воду, и, благодаря своей собственной тяжести, опускались настолько низко, что едва ли удавалось проскользнуть подъ ними какой нибудь рыбкѣ. Они употребляли также извѣстные листья и плоды, которые, будучи брошены въ воду, такъ одуряли рыбу, что ее можно было брать руками. Снурки для удочекъ приготовлялись у нихъ изъ коры растенія, сходнаго съ крапивою, называемаго «Эрова» и растущаго въ горахъ. По описанію: «это самые лучшіе удильные снурки, какіе только существуютъ», повидимому даже лучше, чѣмъ наши самые крѣпкіе, шелковые. Они употребляли также волокна кокосоваго орѣха для изготовленія нитокъ, которыми связывались у нихъ различныя части ихъ кану. Изготовленіе корзинокъ и различнаго плетенія было доведено у нихъ до совершенства, и они имѣли «тысячи узоровъ, изъ которыхъ многіе были замѣчательно красивы». Они имѣли также нѣсколько сортовъ циновокъ изъ тростника, травы и древесной коры, всѣ весьма чисто и правильно сотканныя, съ помощью однѣхъ рукъ и безъ всякаго станка или машины.

Но главный продуктъ ихъ производства—была матерія, приготовлявшаяся изъ коры. Такой матеріи было три сорта: одна дѣлалась изъ коры бумажной шелковицы (это была самая лучшая), другая—изъ хлѣбнаго дерева, а третья—изъ одного вида смоковницы. Послѣдній сортъ, хотя и не такъ красивъ, былъ наиболѣе полезнымъ вслѣдствіе своей непромокаемости. Всѣ три сорта тканей приготовлялись однимъ и тѣмъ же способомъ и различіе заключалось только въ матеріалѣ. Для этого выдергивали обыкновенно съ корнями молодые деревья, толщиною въ палецъ и вышиною футовъ въ 6 или 8 и обрубали у нихъ коренья и вѣтки. Кора, которая сдиралась продольными полосами, легко облуплялась; для этого стоило ее только продержать нѣкоторое время въ проточной водѣ. Послѣ этого наружная зеленая часть коры осторожно соскабливалась раковиною и полоски разстилались вечеромъ для просушки, причемъ ихъ клали плотно одну подлѣ другой, до тѣхъ поръ, пока онѣ не покрывали пространства около одного фута. На этотъ слой накладывали второй, а на него иногда еще третій. Къ утру бо́льшая часть воды стекала или испарялась и «всѣ волокна такъ склеивались между собою, что получался родъ куска матеріи, который легко можно было поднять разомъ съ земли». Затѣмъ этотъ кусокъ ткани клали на гладкую сторону деревянной доски и работницы начинали колотить по немъ осо-

бенными деревянными вальками, которые имѣли около фута длины и походили формою на четыреугольный бритвенный ремень. Четыре стороны этого валька были снабжены различными продольными бороздками неодинаковой степени ширины. На одной сторонѣ онѣ были настолько широки и глубоки, что въ нихъ входила тонкая бичевка, на другихъ сторонахъ онѣ были тоньше, и притомъ постепенно, такъ что на послѣдней онѣ были шириной въ шелковинку». Работники сначала били кусокъ ткани грубо-бороздчатой стороной орудія, затѣмъ послѣдовательно другими сторонами, заканчивая самой мелкобороздчатой. Вслѣдствіе этихъ операцій, ткань значительно вытягивалась и становилась наконецъ почти такою же тонкою, какъ кисея.

Отдѣльныя полоски коры такъ плотно склеивались между собою при этой обработкѣ, что полученную ткань можно было мыть и выжимать, не рискуя изорвать ее. Но если она случайно и разрывалась, то ее легко было зачинить, вставляя заплатку на клеѣ, приготовленномъ изъ корня дикаго гороха; такая починка производилась настолько искусно, что слѣды ея трудно было открыть. Эта ткань холодила и была пріятна на ощупь, будучи даже мягче англійскаго сукна; что же касается до тонкости, то, само собою разумѣется, она была различна, смотря по цѣлямъ, для которыхъ предназначалась ткань. Два первыхъ сорта матеріи легко бѣлились и затѣмъ окрашивались въ разные цвѣта, преимущественно въ красный и желтый. Обѣ эти краски были растительныя и не отличались прочностью.

Для праздниковъ у Таитянъ имѣлись различные странные и очень сложные наряды; но обыкновенный ихъ костюмъ былъ очень простъ и состоялъ только изъ двухъ частей. Одна изъ этихъ частей была простой кусокъ матеріи, съ дырой по срединѣ, чтобы просунуть въ нее голову, и который простирался отъ шеи до колѣнъ; другая обвязывалась вокругъ таліи на манеръ юбки и доходила до колѣнъ; эта часть костюма называлась *пару*. Кромѣ того, они носили еще часто кусокъ матеріи на головѣ, обвязывая его на подобіе чалмы или тюрбана. Эллисъ слѣдующимъ образомъ описываетъ нарядъ королевы: «На ней надѣта была легкая, прозрачная, развѣвающаяся одежда, сдѣланная изъ прекрасной снѣжно-бѣлой туземной матеріи. Одежда эта была съ большимъ вкусомъ прикрѣплена на лѣвомъ плечѣ и доходила до лодыжекъ. Волосы ея были нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ обыкновенно у туземцовъ, и на головѣ у ней была легкая и изящная шапочка, сдѣланная изъ зеленыхъ и желтыхъ листьевъ кокосоваго орѣха. Уши ея были проколоты и вмѣсто серегъ въ нихъ было воткнуто по нѣскольку цвѣтковъ душистаго жасмина». Ко-

стюмъ мужчинъ былъ очень сходенъ съ женскимъ, съ тою только разницею, что вмѣсто юбки они носили кусокъ матеріи промежъ ногъ, называвшійся «маро». Во время жаровъ и въ полдень, какъ мужчины, такъ и женщины ходили почти нагіе, оставляя только небольшой кусокъ матеріи вокругъ таліи. Кромѣ тюрбановъ и головныхъ уборовъ изъ листьевъ, они носили иногда длинныя косы изъ человѣческихъ волосъ, которыя они умѣли обвертывать вокругъ головы съ большимъ вкусомъ. Они были очень чистоплотны, какъ въ отношеніи собственной своей особы, такъ и въ отношеніи платья и купались постоянно раза по три въ день.

Украшенія ихъ, бывшія въ большомъ употребленіи какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ, состояли изъ перьевъ, цвѣтовъ, раковинъ и бусъ. Татуировка была также въ употребленіи почти у всѣхъ, и личность, не надлежащимъ образомъ татуированная, подверглась бы у нихъ подобнымъ же порицаніямъ и насмѣшкамъ, какія вызвалъ бы у насъ тотъ, кто вздумалъ бы погулять по улицамъ голымъ. Они щедро мазали себѣ голову надушеннымъ кокосовымъ масломъ, но гребней не употребляли, хотя это было бы далеко не лишнимъ въ такой жаркой странѣ. Тѣмъ не менѣе, однако, волоса взрослыхъ особей были обыкновенно очень красиво убраны.

Жилищами они пользовались главнымъ образомъ для спанья. Дѣлались онѣ изъ дерева и имѣли обыкновенно около 24 фут. въ длину, 11—въ ширину и 9—въ вышину. Стѣнъ въ нихъ не было, а только одна крыша, приподнятая на столбахъ фута на 3 или 4 надъ землею. Мѣсто соломы въ этой крышѣ занимали пальмовые листья, а полъ обыкновенно покрывался мягкимъ сѣномъ.

Ихъ лодки походили на тѣ, какія были въ употребленіи у островитянъ Фиджи, хотя, говорятъ, и не такой хорошей конструкціи. Уже одно приготовленіе досокъ было не легкимъ дѣломъ, но еще труднѣе было скрѣпить ихъ вмѣстѣ. Это дѣлалось съ помощью крѣпкихъ, плетеныхъ ремней, которые продѣвались по нѣскольку разъ въ одну и туже дырочку, а дырочки эти пробуравливались съ помощью деревяннаго долота или костянаго буравчика. Длина лодокъ колебалась между 10—90 футами, но ширина лодокъ не согласовалась однако съ ихъ длиною, такъ какъ лодки въ 10 фут. длины имѣли въ ширину около фута, а тѣ, которыя имѣли болѣе 70 фут. длины, имѣли въ ширину не болѣе 2 футовъ. Большія лодки не употреблялись отдѣльно, но всегда скрѣплялись по двѣ вышеописаннымъ образомъ. Приготовленіе такихъ лодокъ должно было требовать весьма много труда и времени; тѣмъ не менѣе, островитяне южнаго моря имѣли ихъ въ весьма значительномъ числѣ. Такъ, кап.

Кукъ видѣлъ однажды въ одномъ мѣстѣ болѣе 300 кану; и, не считая мелкихъ лодокъ, онъ опредѣляетъ морскія силы жителей острововъ Товарищества въ 1.700 военныхъ кану, могущихъ вмѣстить въ себѣ 68.000 человѣкъ.

Главный музыкальный инструментъ ихъ былъ барабанъ; онъ дѣлался изъ выдолбленнаго куска твердаго дерева, обтянутаго кожей акулы. Кромѣ того, у нихъ былъ еще родъ трубы, сдѣланной изъ большой раковины, съ дырой на узкомъ концѣ, куда вставлялась бамбуковая трубочка около 3 футовъ длиною. Флейты ихъ дѣлались также изъ бамбука и на нихъ играли носомъ. У нихъ были въ большемъ употребленіи разнообразныя игры, изъ которыхъ иныя, повидимому, были сходны съ англійскимъ hockey и ножнымъ мячемъ; танцы у нихъ были также въ большомъ употребленіи.

Они были совершенно незнакомы съ горшечнымъ производствомъ, но дѣлали большія блюда изъ полированнаго дерева. Скорлупа кокосовыхъ орѣховъ служила имъ вмѣсто бутылокъ и бокаловъ. Для этой цѣли ее обскабливали, полировали и искусно украшали рѣзьбой, сохраняя всегда въ большой чистотѣ.

Обыкновенный способъ сидѣнья Таитянъ былъ — скрестивши ноги на разостланныхъ на полу циновкахъ; но у начальниковъ можно было иногда встрѣтить табуретки на четырехъ ножкахъ. Стулья и столы были имъ неизвѣстны. Спали они на рогожахъ, подкладывая подъ голову деревянныя подушки, очень похожія на маленькія скамейки для ногъ. Верхнія стороны такихъ подушекъ были вогнуты для болѣе удобнаго помѣщенія шеи. Въ каждомъ жилищѣ находился также столбъ или шестъ, воткнутый въ землю, и отъ котораго отходили въ различныя стороны крюки, на которые вѣшали блюда, кувшины для воды, корзинки съ съѣстными припасами и т. п.

Оружія ихъ были страшны, хотя и просты. Онѣ состояли изъ пращей, копьевъ, снабженныхъ каменными наконечниками и длинныхъ палицъ, сдѣланныхъ изъ тяжелаго и твердаго дерева. Пращами они владѣли въ совершенствѣ. Ихъ было у нихъ два рода: однѣ состояли изъ гладкихъ камней, ошлифованныхъ треніемъ по дну рѣки; другія — изъ острыхъ, угловатыхъ и шероховатыхъ камней. Послѣднія назывались у нихъ *ofai ara*, — т. е. реброватые или многогранные камни. Выше мы уже имѣли случай упомянуть, что два же сорта пращевыхъ камней, совершенно сходныхъ съ только что описанными, употреблялись и древними обитателями Европы. Было бы интересно знать относительныя преимущества каждаго изъ этихъ двухъ видовъ, которые очевидно не могли употребляться для совершенно однихъ и тѣхъ цѣлей. Кромѣ того, у островитянъ были еще

луки и стрѣлы, которые однако не были достаточно сильны, чтобы употребляться на войнѣ. Тетивы луковъ дѣлались изъ коры дерева *роава*. Обитатели острововъ Товарищества были, какъ говорятъ, весьма жестоки на войнѣ; но по свидѣтельству капитана Кука, «у нихъ рѣдко бывали междоусобицы». Хотя вообще ихъ нельзя было назвать трусами, но у нихъ считалось «менѣе позорнымъ бѣжать съ поля сраженія не раненнымъ, чѣмъ сражаться и получить рану».

Изъ домашнихъ животныхъ имъ были извѣстны только свиньи, собаки и куры. На островѣ не было никакихъ дикихъ животныхъ, за исключеніемъ утокъ, голубей, попугаевъ, еще нѣкоторыхъ птицъ и одного вида крысъ; змѣй не было совершенно. Собаки держались исключительно для пищи, и капитанъ Кукъ увѣряетъ, «что собаки острововъ Южнаго моря не многимъ уступали по вкусу мяса англійскому ягненку, что зависѣло отъ ихъ усиленнаго откармливанія исключительно одной растительной пищей. Туземцы предпочитали собачье мясо свининѣ. Море снабжало ихъ прекрасной рыбой и моллюсками. Кромѣ того, они употребляли въ пищу плоды хлѣбнаго дерева, бананы, пизанги, имсъ, кокосовые орѣхи, картофель, сахарный тростникъ, плоды, сходные съ нашими яблоками и другія растенія, годныя для пищи и воздѣлываніе которыхъ не требовало большаго труда. Одно хлѣбное дерево могло снабжать ихъ достаточнымъ количествомъ пищи въ теченіи 8 мѣсяцевъ, а въ продолженіи остальныхъ четырехъ мѣсяцевъ, они употребляли «mahie», родъ кислаго тѣста, которое получалось изъ спѣлыхъ плодовъ, подвергавшихся броженію. По всей вѣроятности, девять десятыхъ ихъ пищи состояли изъ растительныхъ веществъ; простолюдины же почти никогда не отвѣдывали ни свинины, ни собачьяго мяса, несмотря на то, что свиньи водились у нихъ въ изобиліи.

Огонь добывали они посредствомъ тренія. Когда дерево было совершенно сухо, для этого требовалось не болѣе двухъ минутъ, но въ сырую погоду это была скучная и трудная работа. Такъ какъ у нихъ не было глиняной посуды, то они и не варили себѣ кушанье. «Трудно описать ихъ удивленіе», говоритъ Уаллисъ, «когда они увидѣли, какъ канониръ, караулившій товары, варилъ на берегу себѣ обѣдъ въ горшкѣ, положивъ туда свинину и дичь. Такъ какъ у нихъ не было никакой посуды, способной выдерживать огонь, то они и не имѣли понятія о кипяткѣ». Капитанъ Кукъ также положительно говоритъ, что у нихъ было только два способа приготовлять кушанья: печь и жарить. Тайлоръ, однако, указалъ на тотъ фактъ, что они употребляли для нагрѣванія воды раскаленные камни, и что поэтому они не могли быть безъ всякаго понятія о кипяткѣ Для

того, чтобы спечь свинью, они дѣлали въ землѣ небольшую яму, которую выкладывали большими камнями, а на нихъ разводили огонь. Когда камни достаточно нагрѣвались, они удаляли угли, вытряхивали золу и покрывали камни зелеными листьями кокосоваго орѣха. Животное, предназначенное для жаркого, потрошилось, обчищалось, завертывалось въ банановые листья и покрывалось горячими углями, сверхъ которыхъ накладывали плоды хлѣбнаго дерева и ямса, также завернутые въ листья банановъ. Все это покрывалось остальными углями и горячими камнями, и наконецъ заваливалось землею. Приготовленное такимъ образомъ мясо, отличалось, говорятъ, нѣжностью и необыкновенною сочностью, такъ что Уаллисъ и Кукъ утверждаютъ, что такой способъ приготовленія превосходитъ во всѣхъ отношеніяхъ всѣ другіе. Вмѣсто соуса они употребляли соленую воду, безъ которой не обходилось ни одно блюдо, и родъ густаго тѣста, сдѣланнаго изъ мякоти кокосоваго орѣха. За обѣдомъ они пили воду или сокъ кокосоваго орѣха. Жители Сандвичевыхъ острововъ были большіе охотники до соленаго мяса и имѣли на берегу моря правильныя ямы для добыванія соли.

Изъ крѣпкихъ напитковъ имъ была извѣстна только *ава* — настой корня, стеблей и листьевъ перечнаго дерева, употребленіе котораго было, по счастью, запрещено женщинамъ и рѣдко дозволялось простолюдинамъ. На нѣкоторыхъ изъ другихъ острововъ, этотъ напитокъ приготовлялся весьма отвратительнымъ способомъ. Брались коренья, разламывались на куски, обчищались, затѣмъ жевались, складывались въ деревянныя чашки и наливались водой, причемъ перемѣшивались руками. На Таити, однакоже, жеванье не употреблялось. Деревянныя чашки, изъ которыхъ пили эту «ава» начальники, часто были очень красиво разукрашены рѣзьбой. На Сандвичевыхъ островахъ такіе кубки «имѣли обыкновенно 8—10 дюймовъ въ діаметрѣ, совершенно круглую форму и были очень хорошо полированы. Они поддерживались обыкновенно тремя, иногда четырьмя небольшими человѣческими фигурами въ различныхъ позахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ фигуръ поддерживали чашу руками, поднятыми кверху, другія подпирали ее руками и головою, третьи наконецъ несли ее на плечахъ». Всѣ эти фигуры не только были пропорціонально и аккуратно сдѣланы, но даже очень вѣрно было передано положеніе частей и напряженіе мускуловъ,

Капитанъ Кукъ оставилъ интересное описаніе обѣда начальниковъ. У нихъ не было столовъ, и каждый сидѣлъ одинъ и ѣлъ молча. Нѣсколько листьевъ, положенныхъ на землѣ, замѣняли скатерть; на нихъ ставилась корзина съ пищею, которая, въ случаѣ мяса и рыбы,

была уже приготовлена и завернута въ листья. Возлѣ ставились двѣ скорлупы кокосоваго орѣха, изъ коихъ въ одной была прѣсная, въ другой соленая вода. Прежде всего начальникъ умывалъ себѣ руки и полоскалъ ротъ прѣсной водой,—операція, которая повторялась неоднократно въ теченіи обѣда. Затѣмъ онъ бралъ изъ корзины часть своей провизіи, состоявшей обыкновенно изъ одной или двухъ небольшихъ рыбъ, двухъ или трехъ плодовъ хлѣбнаго дерева, десятка полтора спѣлыхъ бананновъ и шести или семи яблоковъ. Прежде всего онъ съѣдалъ немного плодовъ хлѣбнаго дерева, затѣмъ—, искрошивъ одну рыбу въ соленой водѣ, вытаскивалъ ее оттуда по кускамъ пальцами, стараясь при этомъ захватить какъ можно больше соленой воды, которую онъ пилъ въ тоже время горстью или изъ скорлупы кокосоваго орѣха. Иногда онъ дѣлалъ также при этомъ нѣсколько глотковъ кокосоваго молока. Съѣвъ плоды хлѣбнаго дерева и рыбу, онъ переходилъ къ бананамъ и яблокамъ, послѣ чего снова возвращался къ хлѣбнымъ плодамъ, на этотъ разъ приготовленнымъ уже въ видѣ тѣста и обыкновенно смѣшаннымъ съ бананами и другими плодами. Вмѣсто ножа во время обѣда употреблялась острая раковина или кусокъ расщепленнаго бамбука. Въ заключеніе онъ снова мылъ себѣ руки и полоскалъ ротъ. Вилки имъ были совершенно неизвѣстны. Уаллисъ разсказываетъ намъ, что когда, во время его посѣщенія, одинъ изъ туземцевъ попробовалъ ѣсть этимъ инструментомъ, онъ рѣшительно не умѣлъ управиться съ нимъ и по привычкѣ рука его постоянно подносилась ко рту, въ то время, какъ куски, находившіеся на вилкѣ, попадали къ уху. Островитяне не употребляли также тарелокъ и блюдъ, и когда кап. Кукъ подарилъ Пулахо, начальнику острововъ Дружбы, оловянную тарелку, послѣдній не подумалъ употреблять ее обыкновеннымъ образомъ, а сказалъ: «Когда мнѣ теперь понадобится уѣзжать на другіе острова, я буду оставлять ее вмѣсто себя въ Тангатабу».

Капитанъ Кукъ былъ очень удивленъ, найдя, что такой общительный народъ, любящій общество женщинъ, никогда не обѣдалъ вмѣстѣ съ ними. Даже сестры и братья имѣли каждый свою особую корзину и когда желали ѣсть, то удалялись, «садились на разстояніи двухъ-трехъ саженъ одинъ отъ другаго и, обративъ лице въ противоположную сторону, начинали свою трапезу, сохраняя мертвое молчаніе». Они ѣли одни, потому что, по ихъ словамъ, такъ «слѣдовало», но почему такъ слѣдовало, они не могли объяснить. Мы не должны впрочемъ забывать, что вообще островитяне оставались гораздо большее время въ обществѣ другъ друга, чѣмъ мы. Мы любимъ обѣдать вмѣстѣ потому, что наши занятія часто лишаютъ насъ

возможности оставаться надолго вмѣстѣ въ другое время; но у островитянъ, потребности которыхъ удовлетворялись такими незначительными усиліями, и которые почти весь день были вмѣстѣ, не имѣя вовсе помѣщеній, въ которыхъ бы они могли уединиться,—обычай такого рода, дававшій возможность подъ благовиднымъ предлогомъ удаляться отъ друзей, не рискуя ихъ этимъ обидѣть,—имѣлъ, конечно, немаловажное значеніе. Такъ какъ для ѣды у нихъ не было опредѣленнаго времени, то всякій, кто желалъ быть одинъ, бралъ свою корзинку и удалялся, въ полной увѣренности, что никто въ это время не осмѣлится его безпокоить. Такой обычай былъ поэтому въ одно и тоже время и остроуменъ и приличенъ.

Хотя туземцы имѣли обыкновеніе ложиться спать тотчасъ по захожденіи солица, у нихъ были все-таки родъ свѣчей, именно «ядра одного вида маслянистыхъ орѣховъ, которыя они нанизывали на спицы». Такія свѣчи могли горѣть довольно долгое время и, говорятъ, давали очень хорошій свѣтъ. Обитатели острововъ Товарищества не имѣли никакого понятія о медицинѣ, какъ о наукѣ, отличной отъ колдовства; тѣмъ не менѣе, извѣстно нѣсколько курьезныхъ разсказовъ объ ихъ ловкости въ хирургическомъ искусствѣ. Я хочу привести здѣсь одинъ изъ самыхъ необыкновенныхъ. «Разсказываютъ», говоритъ г. Эллисъ, «хотя, признаюсь, я этому плохо вѣрю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда мозгъ былъ также поврежденъ, какъ и кости, туземцы вскрывали черепъ, вынимали поврежденную часть мозга и замѣняли ее частью, взятою отъ мозга только что убитой свиньи; послѣ чего черепъ снова задѣлывался». Носы младенцевъ женскаго пола часто раздавливали или приплющивали вскорѣ послѣ рожденія, такъ какъ плоскій носъ считался у нихъ очень красивымъ. Подобнымъ же образомъ, мальчикамъ иногда сдавливали лобъ и затылокъ, такъ что верхняя часть головы получала клинообразную форму. По ихъ убѣжденіямъ, такое уродованіе дѣлало ихъ болѣе страшными на войнѣ.

Мертвыхъ они не сейчасъ хоронили, а сначала клали на платформы, возвышенныя на нѣсколько футовъ надъ землей и окруженныя красивой оградой изъ бамбука. Тѣло завертывалось въ ткань, и кромѣ того прикрывалось крышей. Возлѣ мертваго клали его оружіе и запасъ пищи и питья. Когда мясо совершенно разрушалось, кости собирали, старательно обчищали и хоронили—смотря по званію покойника, внутри или внѣ «мораи». Самый большой морай, изъ видѣнныхъ капитаномъ Кукомъ, былъ—приготовленный для Оамо и Обереа, царствовавшихъ въ то время супруговъ. Это была самая большая постройка на всемъ островѣ, имѣвшая видъ столба или

даже пирамиды съ четыреугольнымъ продолговатымъ основаніемъ, въ 267 футовъ длиною и 87—шириною. Бока этой пирамиды были снабжены ступенями, которыя по сторонамъ были шире, чѣмъ напереди и назади, такъ что пирамида оканчивалась не четыреугольникомъ, какъ при основаніи, а ребромъ, подобно домовой крышѣ. Всѣхъ ступеней было 11 и каждая изъ нихъ имѣла 4 фута вышины, такъ что высота всего столба равнялась 44 футамъ. Каждая ступень была сдѣлана изъ ряда бѣлыхъ коралловыхъ камней, тщательно обдѣланныхъ и отполированныхъ. Остальная часть массы,—зданіе это не имѣло пустоты въ срединѣ,—состояло изъ круглыхъ голышей, которые, судя по правильности ихъ очертаній, казались обдѣланными искусственно. Весьма сходное описаніе этой постройки было сдѣлано недавно Уильсономъ, который придаетъ ей нѣсколько бо́льшіе размѣры. Если принять въ соображеніе, что постройка эта была воздвигнута безъ помощи желѣзныхъ орудій, которыми можно было бы шлифовать камни, и безъ цемента, которымъ можно было бы скрѣплять ихъ, то нельзя не удивляться грандіозности предпріятія и искусству, которое было необходимо для его выполненія. Это, можетъ быть, самый замѣчательный изъ монументовъ, про которые достовѣрно извѣстно, что они воздвигнуты были исключительно каменными орудіями, и фактъ его существованія значительно ослабляетъ кажущуюся невѣроятность мнѣнія, что нѣкоторые изъ большихъ кургановъ и другихъ древнихъ монументовъ Европы могли принадлежать каменному періоду.—Когда умиралъ начальникъ, его родные и приближенные изрѣзывали и обезображивали себя ужаснымъ образомъ. Они прокалывали себѣ пиками бедра, руки, щеки и наносили себѣ такіе удары палицей въ голову, что, по словамъ очевидца, «кровь лилась ручьями». Часто въ такихъ случаяхъ они отрѣзывали себѣ мизинецъ на рукѣ,—странный обычай, который существовалъ также и на островахъ Дружбы.

Въ Тіаррабу капитанъ Кукъ видѣлъ грубую человѣческую фигуру, сплетенную изъ прутьевъ и имѣвшую около сажени въ вышину. Фигура эта должна была изображать одного изъ второстепенныхъ боговъ, но, насколько извѣстно, это былъ единственный идолъ на всемъ островѣ; потому что туземцы, при первомъ открытіи ихъ, хотя и поклонялись многимъ богамъ, которымъ они приносили иногда даже человѣческія жертвы, однако не были идолопоклонниками. Въ позднѣйшій періодъ, однако, Эллисъ видѣлъ у нихъ много грубо сдѣланныхъ идоловъ. Капитанъ Кукъ пашелъ, что религія ихъ, «подобно религіямъ многихъ другихъ странъ, была облечена мракомъ и переполнена очевидными противорѣчіями». Они вѣрили

въ безсмертіе души и въ «два состоянія различной степени блаженства, нѣсколько аналогичныя нашему раю и аду»; но, будучи далеки отъ мысли считать ихъ мѣстами воздаянія и наказанія, они скорѣе держались того мнѣнія, что болѣе счастливѣйшій удѣлъ предназначался для начальниковъ и высшихъ классовъ, а другой—для простолюдиновъ или черни.

Вообще они не допускали возможности, чтобы ихъ поступки на этомъ свѣтѣ могли имѣть какое либо вліяніе на состояніе ихъ душъ въ жизни будущей. Такимъ образомъ религія ихъ не дѣйствовала на нихъ ни обѣщаніями, ни угрозами, и если они поклонялись своимъ богамъ и почитали ихъ, то это дѣлалось только изъ чувства сознанія собственнаго ничтожества и превосходства божественнаго совершенства. Какъ бы ни были ошибочны во многихъ отношеніяхъ ихъ убѣжденія и дики многіе изъ ихъ обычаевъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что при такой вѣрѣ какъ эта, добрые поступки получаютъ вдвое бо́льшее значеніе и добродѣтель блеститъ много ярче.

У нихъ не было ни законовъ, ни судовъ. Личная безопасность и право частной собственности мало обращали на себя ихъ вниманіе. Начальники и жрецы имѣли у нихъ власть, основанную на страхѣ и суевѣріи. Въ сущности, они управлялись скорѣе обычаемъ, чѣмъ закономъ, для котораго на ихъ языкѣ не было даже и соотвѣтствующаго слова. Къ чести начальниковъ надо сказать, что они отнюдь не предавались праздности, и что у нихъ считалось даже безчестіемъ, если начальникъ не превосходилъ своихъ подданныхъ во всевозможныхъ работахъ. По своему характеру, Таитяне, говоря словами капитана Кука, были великодушный, мужественный, прямой и честный народъ, и имъ отнюдь нельзя было сдѣлать упрека въ вѣроломствѣ, жестокости или мстительности Они были очень заботливы въ дѣлѣ воспитанія. Женщины ихъ были привязчивы, нѣжны, послушны; мужчины отличалйсь тихимъ и великодушнымъ характеромъ. Разсердить ихъ было трудно, а успокоить весьма легко. Какъ мужчины, такъ и женщины пользовались весьма хорошимъ здоровьемъ. «Я не видѣлъ между ними ни одного», говоритъ Форстеръ, «который бы отличался угрюмымъ, брапчивымъ и недовольнымъ расположеніемъ духа. Всѣ они соединяли съ веселымъ темпераментомъ—учтивость и хорошія манеры, которыя находились въ самой счастливой гармоніи съ невинной простотой нравовъ». Убійства случались между ними весьма рѣдко, и хотя дѣвушки до замужества пользовались у нихъ большою свободою,—замужнія женщины вели себя не хуже, чѣмъ и въ другихъ странахъ.—Они были весьма склонны

къ воровству, но мы не должны забывать, какому сильному соблазну они подвергались при видѣ такихъ вещей, которыя имѣли въ ихъ глазахъ невыразимую цѣну. Какъ и другіе дикари, они во многихъ отношеніяхъ походили на дѣтей; печаль ихъ была скоропреходяща, страсти выражались рѣзко и порывисто. Въ одномъ случаѣ королева Обереа, которой въ то время было около сорока лѣтъ, такъ прельстилась большой куклой, что ее пришлось подарить ей. Нѣсколько дней спустя оказалось, что Тоотаха, одинъ изъ главныхъ вождей, ужасно завидуетъ королевѣ, что ей сдѣланъ былъ такой подарокъ, такъ что Англичане принуждены были и ему подарить подобную же куклу.

Едва ли найдется какая либо нація, будетъ ли то между дикарями или цивилизованными народами, у которой отношенія между полами были бы совершенно удовлетворительны. Почти всѣ дикари безъ исключенія обращаются съ своими женами, какъ съ рабынями, а цивилизованные народы, избѣгая подобной ошибки, часто впадаютъ въ другія.

Жители Таити были, какъ говорятъ, абсолютно лишены всякого понятія о приличіи или, какъ выражается правильнѣе Кукъ, о неприличіи. Отчасти это зависѣло, безъ сомнѣнія, отъ ихъ большихъ, открытыхъ домовъ, внутренность которыхъ не была подраздѣлена на отдѣльныя комнаты. Какъ бы то ни было, они держались того мнѣнія, что тамъ не можетъ быть стыда, гдѣ нѣтъ ничего дурнаго, а ихъ понятіе о дурномъ во многихъ отношеніяхъ также отличалось отъ нашего. Прежде однакоже, чѣмъ осуждать ихъ, вспомнимъ напр. о томъ, что нашъ обычай обѣдать въ обществѣ показался бы имъ настолько же худымъ, какъ и многіе изъ ихъ обычаевъ для насъ. Если насъ удивляетъ ихъ свобода въ рѣчахъ и поступкахъ, то нельзя также не подивиться на наши такъ называемыя приличія, которыя часто не позволяютъ намъ говорить о многихъ, въ высшей степени интересныхъ вещахъ, разговоръ о которыхъ могъ бы быть иногда даже очень полезенъ.

Значительная часть лучшаго сословія Таитянъ обоихъ половъ составляла особое общество, называвшееся «Арреои», всѣ члены котораго считались въ брачномъ союзѣ между собою. Если какая нибудь изъ женщинъ, состоявшихъ въ числѣ членовъ такого общества рожала ребенка, то онъ былъ почти неизбѣжно убиваемъ; если же его оставляли въ живыхъ, то отецъ и мать считались уже навѣки соединенными другъ съ другомъ и должны были быть исключены изъ общества. Такая женщина дѣлалась извѣстною подъ именемъ «производительницы дѣтей»,—названіе, которое у этого ориги-

нальнаго народа считалось позорнымъ. Существованіе такого общества доказываетъ, какъ фундаментально различны могутъ быть понятія о добродѣтели въ различныхъ странахъ. Замужнія женщины, однако, были вѣрны своимъ мужьямъ и безукоризненно нравственны, хотя дѣтоубійство было и у нихъ въ большомъ ходу. Впрочемъ, хотя и трудно оправдать подобный обычай, мы можемъ все-таки отыскать причину, которою онъ можетъ быть до нѣкоторой степени объясненъ. Я не говорю уже о томъ оригинальномъ обычаѣ, на основаніи котораго, только что родившійся ребенокъ наслѣдовалъ титулъ, званіе и имущество отца,—такъ что человѣкъ, бывшій вчера начальникомъ, внезапно становился простымъ гражданиномъ; равно какъ и о томъ фактѣ, что каждый членъ Арреои, пощадившій своего ребенка, изгонялся изъ этого общества, — хотя мы можемъ предполагать, что и эти причины не оставались безъ вліянія. Но еще болѣе важная побудительная причина могла заключаться въ томъ, что населеніе было уже достаточно многочисленно, а средства къ существованію весьма ограничены; такъ что туземцы должны были постоянно бояться, что народонаселеніе увеличится наконецъ не пропорціонально средствамъ (тѣмъ болѣе, что войны и болѣзни производили между ними лишь незначительныя опустошенія), если не будетъ положено преграды естественному размноженію. Какъ бы то ни было, дѣтоубійство достигало у нихъ, повидимому, ужасныхъ размѣровъ. Было вычислено, что двѣ трети дѣтей погибало у нихъ отъ руки родителей, и оба миссіонера, какъ г. Ноттъ, такъ и г. Эллисъ, единогласно говорятъ, что во все время пребыванія ихъ на островѣ, въ періодъ до принятія христіанства, нельзя было найдти ни одной матери, которая была бы свободна отъ такого преступленія.

Какъ говоритъ Уильсонъ, языкъ ихъ не имѣлъ слова для выраженія благодарности, и даже Кукъ соглашается, что они не уважали старость. Фитцрой идетъ еще далѣе и увѣряетъ, что они безъ всякаго упрека совѣсти убивали своихъ стариковъ и больныхъ, даже своихъ родителей, когда они становились стары и неспособны къ работѣ. Болѣе старые писатели, однако, не взводятъ на нихъ такихъ обвиненій, такъ что подобные поступки встрѣчались у нихъ, по всей вѣроятности, весьма рѣдко, и происходили, какъ и у жителей Фиджи, скорѣе отъ ложно направленнаго чувства привязанности, чѣмъ отъ преднамѣренной жестокости.

Денегъ у нихъ не было и, хотя добываніе необходимыхъ жизненныхъ потребностей не представляло трудности, накопленіе собственности было почти невозможно. Съ другой стороны, отсутствіе спиртныхъ напитковъ и форма взаимныхъ отношеній между полами,

(какъ бы онѣ не были неудовлетворительными въ другихъ отношеніяхъ), избавляли ихъ отъ многихъ побужденій къ преступленіямъ. Вообще, если мѣрить жителей острововъ Товарищества на мѣстный масштабъ островитянъ Южнаго моря, то нужно признать ихъ почти свободными отъ преступленій.

За исключеніемъ небольшихъ ссоръ, которыя возникали большею частью изъ за ихъ наклонности къ воровству, а также, можетъ быть, отъ невозможности вполнѣ объясниться между собою, капитанъ Кукъ и его офицеры жили въ сердечной дружбѣ съ туземцами и разстались съ ними съ большимъ сожалѣніемъ. Эллисъ, наоборотъ, утверждаетъ, «что трудно найдти гдѣ либо на землѣ такой распутный и безнравственный народъ, какимъ были эти дикари». Подобное обвиненіе едва ли однако можетъ быть согласовано съ его же разсказомъ о жадности, съ которою туземцы стремились пріобрѣсть экземпляры Библіи, когда она была переведена на ихъ языкъ. «Они цѣнились ими», говоритъ онъ, «дороже золота, — да, дороже драгоцѣннаго золота, и дѣлалась скоро постоянными спутниками своихъ владѣльцевъ и источниками ихъ высочайшихъ радостей».

Жители острововъ Дружбы или Тонга и острововъ Сандвичевыхъ были также весьма хорошо описаны капитаномъ Кукомъ; но они принадлежали къ той же расѣ, какъ и обитатели острововъ Таити и Новозеландіи, и были сходны съ ними по своей религіи, языку, формѣ лодокъ, хижинъ, оружія, пищи, привычкамъ и т. д. Нѣсколько замѣчательно, что жители острововъ Сандвичевыхъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ напр. по своимъ пляскамъ, стилю построекъ, татуировкѣ и т. д., болѣе походили на Новозеландцевъ, чѣмъ на своихъ ближайшихъ сосѣдей на островахъ Товарищества и Дружбы. У этихъ послѣднихъ капитанъ Кукъ подмѣтилъ весьма оригинальную, утонченную привычку у начальниковъ. Именно, когда кто изъ нихъ ложился спать, то къ нему приходили двѣ женщины, садились рядомъ съ нимъ и «принимались бить довольно сильно по его ногамъ и туловищу, какъ по барабану, до тѣхъ поръ, пока онъ не засыпалъ, и продолжали это занятіе съ короткими промежутками въ теченіи всей ночи. Когда начальникъ крѣпко засыпалъ, онѣ иногда немного отдыхали, но какъ только онъ начиналъ пробуждаться, онѣ снова принимались за свою работу». Тоже самое разсказываетъ Уильсонъ въ своемъ миссіонерскомъ путешествіи. На всѣхъ этихъ островахъ начальники, повидимому, пользовались большимъ уваженіемъ, хотя уваженіе это выражалось у нихъ совершенно иначе, чѣмъ у насъ. Такъ напр. въ знакъ почтенія они обнажали свое тѣло до таліи, причемъ повидимому было безразличнымъ или

скорѣе условнымъ — обнажалось ли оно выше или ниже таліи. На островахъ Дружбы считалось, говорятъ, ужасной невѣжливостью—говорить съ королемъ стоя.

Между отдѣльными островами велась нѣкоторая торговля. На островахъ Бора-Бора и Отагавѣ производилось очень много кокосоваго масла, которое обмѣнивалось на о-вѣ Таити на ткани. На Нижнихъ Островахъ (Low Islands) плохо росла бумажная шелковица, но за то жители ихъ имѣли особую породу собакъ съ длинной волнистой шерстью, которая весьма цѣнилась на другихъ островахъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Современные дикари

(Продолженіе).

Эскимосы.

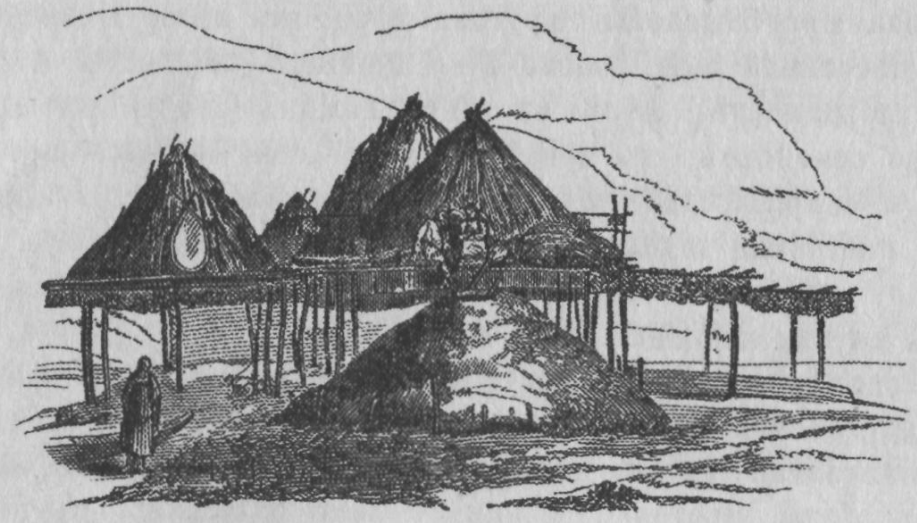
Эскимосы, и они одни между всѣми дикими народами, обитаютъ одновременно какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Они занимаютъ берега Ледовитаго океана отъ Сибири до Гренландіи, и на всемъ этомъ громадномъ протяженіи—языкъ, типъ, привычки, занятія и оружіе жителей представляютъ большое сходство между собою, а послѣднее (т. е. оружіе) указываетъ въ тоже время на значительное остроуміе и изобрѣтательность туземцевъ. Языкъ Иннуитъ или Эскимосовъ очень похожъ, по своему строенію, на языкъ сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ, тогда какъ ихъ наружность представляетъ положительное сходство, въ особенности по формѣ глазъ, съ Китайскою и Монгольскою.

Жилища Эскимосовъ двоякаго рода. Лѣто они проводятъ въ палаткахъ или вигвамахъ, входъ въ которыя сдѣланъ съ юга или съ юго-востока. Въ палаткахъ, видѣнныхъ капитаномъ Парри, за неимѣніемъ лѣса, остовъ былъ сдѣланъ изъ оленьихъ роговъ и костей, связанныхъ вмѣстѣ. Нижніе края кожъ (замѣнявшихъ парусину) удерживались помощью большихъ камней, которые часто были расположены правильными кругами въ 8—9 футовъ въ діаметрѣ и отъ 4 до 5 футовъ въ вышину. Эти круги сначала принимали за остатки зимнихъ жилищъ, но впослѣдствіи убѣдились, что они предназначались исключительно для придерживанія кожъ, изъ которыхъ дѣлались лѣтнія палатки. Вблизи такихъ домовыхъ круговъ (hut circles) путешественники встрѣчали иногда длинные ряды стоячихъ камней. Зимнія жилища строились въ болѣе южныхъ областяхъ изъ земли и выкиднаго лѣса, который мѣстами встрѣчался въ изобиліи; но на

сѣверѣ лѣсъ становится чрезвычайно рѣдкимъ. Эскимосы сѣверныхъ береговъ Баффинова залива, не знавшіе никакого дерева кромѣ одного вида малорослаго вереска, имѣли такое смутное понятіе о тяжести строеваго лѣса, что многіе изъ нихъ съ очевидно воровскимъ намѣреніемъ хватались за главную мачту корабля «Изабеллы», совершенно не сознавая повидимому ея тяжести.

За неимѣніемъ лѣсу, жилища ихъ строятся изо льда и снѣга. Ледяныя жилища очень красивы и почти прозрачны, такъ что даже на нѣкоторомъ разстояніи можно видѣть все, что дѣлается внутри. Но, такъ какъ такія жилища холоднѣе сдѣланныхъ изъ снѣгу, то послѣднія обыкновенно предпочитаются. На западѣ Скалистыхъ горъ, зимнія жилища обыкновенно устраиваются подъ землею. Капитанъ Кукъ такимъ образомъ описываетъ Камчадальскую *юрту:* «На глубинѣ шести футовъ выкапывается въ землѣ продолговатый четыреугольникъ, величина котораго зависитъ отъ числа лицъ, для которыхъ предназначается юрта (причемъ нужно замѣтить, что обыкновенно въ одной и той же юртѣ живетъ по нѣскольку семействъ). Внутри сдѣланной такимъ образомъ четыреугольной ямы ставятся

Фиг. 200.



Лѣтнія и зимнія хижины (юрты) Камчадаловъ.

крѣпкіе столбы или подпоры,—на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго, а на нихъ кладутся перекладины, долженствующія поддерживать крышу. Послѣдняя состоитъ изъ наискось положенныхъ жердей, одинъ конецъ которыхъ упирается въ землю, а другой лежитъ на перекладинѣ. Пространство между жердями забирается ивовыми прутьями, а поверхъ накладывается дернъ, такъ что издали такая юрта имѣетъ видъ низкаго, круглаго холма (фиг. 200). Въ самой срединѣ дѣ-

лается отверстіе для прохода дыму, оно же служитъ вмѣсто окна и двери. За неимѣніемъ лѣстницы, обитатели хижины лазаютъ вверхъ и внизъ по толстому бревну, на которомъ сдѣланы едва достаточныя для ножныхъ пальцевъ зарубки. Чаще однако этотъ входъ замѣняется выкопаннымъ въ землѣ коррідоромъ (въ родѣ того, какъ на фиг. 110).

Говоря вообще, можно сказать, что юрты западныхъ Эскимосовъ устраиваются обыкновенно подъ землею, у племенъ же, живущихъ къ востоку отъ Скалистыхъ горъ, на поверхности ея.

Способъ, которымъ Эскимосы устраиваютъ свои снѣжныя жилища — *иглусы* (igloos), подробно описанъ капитаномъ Парри. Они выбираютъ плотную глыбу снѣгу и вырѣзаютъ изъ нея продолговатые бруски или плиты въ 6—7 дюймовъ толщины и около 2 фут. длиною. Изъ этихъ плитъ они складываютъ круглый куполъ, вышина котораго доходитъ иногда до 9—10 футовъ, при ширинѣ въ 8—15 футовъ при основаніи. На южной сторонѣ купола прорѣзывается небольшая дверь, не болѣе 3 футовъ въ вышину, ведущая въ небольшой коррідоръ, около 10 футовъ длиною, и по срединѣ котораго находится порогъ, вслѣдствіе чего половина, ближайшая къ жилью, лежитъ глубже, нежели наружная. Для прохода свѣта, на одной сторонѣ свода прорѣзывается круглая дыра, въ которую вставляется круглая пластинка льда, около 3—4 дюймовъ толщиною и около 2 футовъ въ діаметрѣ. Если въ одной хижинѣ разсчитываютъ жить нѣсколько семействъ, то придѣлываются еще боковыя помѣщенія, которыя и открываются всѣ въ центральную хижину. Въ заключеніе, вся постройка заваливается снаружи снѣгомъ, и тогда вся капитальная работа считается оконченною. Затѣмъ остается только устроить внутри жилища, вдоль стѣнъ, скамейки изъ снѣга, служащія для спанья и сидѣнья. На нихъ насыпается сперва гравій, потомъ кладутся жерди, китовый усъ, древесныя вѣтви и т. д., и наконецъ нѣсколько рядовъ оленьихъ шкуръ, образующихъ мягкое и роскошное ложе. Постояннаго общаго очага у Эскимосовъ нѣтъ, но каждое семейство имѣетъ свою лампу или плоскій сосудъ, сдѣланный обыкновенно изъ Lapis ollaris, и въ которомъ жгутъ свѣтильню, сплетенную изъ сухаго мха и пропитанную тюленьимъ жиромъ.

Хотя они не были знакомы съ горшечнымъ искусствомъ, капитанъ Кукъ видѣлъ однакоже на Уналашкѣ сосуды изъ плоскаго камня съ глиняными стѣнками, напоминавшіе нѣсколько «стоячіе паштеты». Фактъ этотъ даетъ намъ указаніе на то, какимъ образомъ могло развиться горшечное искусство. Употребляя сначала глину только для возвышенія краевъ каменныхъ сосудовъ, естественно было придти

наконецъ къ заключенію, что и основаніе сосудовъ могло быть сдѣлано изъ того же матеріала, а это необходимо должно было повлечь за собою вытѣсненіе камня глиною.

Жители Нижняго Мёррея варятъ свои кушанья въ углубленіяхъ, сдѣланныхъ въ землѣ и выложенныхъ глиною или, въ другихъ случаяхъ, въ тыквахъ и деревянныхъ сосудахъ, обмазанныхъ глиною для того, чтобы они могли противустоять огню. Здѣсь мы получаемъ такимъ образомъ указаніе на три пути, которыми могла быть изобрѣтена горшечная посуда.

Снѣжныя хижины конечно растаиваютъ каждую весну; но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Эскимосы строятъ свои жилища, хотя по тому же плану, но уже изъ китовыхъ и моржевыхъ костей, укрѣпленныхъ на каменномъ фундаментѣ и прикрытыхъ землею. Снѣжные дома сначала, само собою разумѣется, очень чисты, но постепенно становятся все болѣе и болѣе грязными. Костяныя хижины еще болѣе неопрятны, уже однимъ тѣмъ, что стоятъ гораздо долѣе. «По всѣмъ направленіямъ вокругъ жилищъ», говоритъ капитанъ Парри, «валяются во множествѣ кости китовъ и тюленей, вмѣстѣ съ черепами собакъ, медвѣдей и лисицъ, издающія ужасное и нестерпимое зловоніе». Между этими костями ему попадались иногда даже человѣческія. «Отъ недостатка вентиляціи и скопленія множества нечистотъ, внутренность хижинъ издаетъ невыносимый запахъ, чему не мало способствуютъ хранящіеся почти въ каждой хижинѣ запасы сыраго и полусгнившаго моржеваго мяса».

На сѣверо-западномъ берегу Америки жители находятъ въ изобиліи выкидной лѣсъ, вслѣдствіе чего и полъ ихъ юртъ, по Бельчеру, дѣлается изъ деревянныхъ досокъ, старательно обтесанныхъ и щели между которыми выкладываются мохомъ. Подъ поломъ же часто устроивается подвалъ для запасовъ, такъ какъ туземцамъ случается убивать за лѣто большое количество сѣверныхъ оленей, китовъ, моржей, тюленей, лебедей, утокъ и пр. Одинъ изъ такихъ подваловъ или погребовъ весьма наглядно (хотя и нѣсколько поверхностно) описывается Бельчеромъ: «Внизу всѣ запасы были плотно слиты въ сплошную замерзшую массу, но сверху масса эта была рыхла и вслѣдствіе какого-то необъяснимаго процесса, казалась превращенною въ родъ *студенистаго снѣга*, который они легко загребали руками и съ удовольствіемъ пожирали. Преобладающимъ элементомъ былъ тутъ рыбій жиръ; онъ былъ не вонючъ и повидимому нисколько не испорченъ. Сколько лѣтъ сохранялась такимъ образомъ нижняя масса, я не могъ рѣшить; но если принять, что запасъ каждой юрты дѣлался на 10 человѣкъ — среднее число жите-

лей въ одной юртѣ—, то надо думать, что его могло бы хватить на 300 дней, если бы каждый получалъ ежедневно по 24 фунта». Бельчеръ опредѣляетъ количество твердаго мяса въ такой кладовой въ 71.494 фунта. Капитанъ Россъ также упоминаетъ о громадныхъ запасахъ, заготовляемыхъ на зиму Эскимосами, живущими въ Боотіа Феликсъ. Обычай этотъ, однакоже, распространенъ повидимому не вездѣ между Эскимосами, хотя всѣ они выкапываютъ въ землѣ небольшія ямы, въ которыхъ и сберегаютъ подъ камнями мясо.

Шарлевуа производитъ названіе Эскимосовъ отъ индѣйскаго слова *Eskimantsik*, что значитъ «пожирающій сырое мясо». Многія изъ сѣверныхъ племенъ ихъ дѣйствительно ѣдятъ невареное мясо, однако, соблюдая справедливость, слѣдуетъ упомянуть, что нѣкоторыя изъ нашихъ сѣверныхъ экспедицій также приняли этотъ способъ питанія, который повидимому въ тѣхъ широтахъ наиболѣе полезенъ для здоровья.

Въ томъ случаѣ, когда они подвергали мясо извѣстному приготовленію, оно у нихъ жарилось на вертелѣ или варилось. Такъ какъ ихъ каменная и деревянная посуда не могла выдерживать огня, то для варки кушанья, налитую въ нихъ воду кипятили помощью опусканія въ нее раскаленныхъ камней. Само собою разумѣется, что при этомъ вводилось въ пищу большое количество пыли, сажи и золы,— что, по нашимъ понятіямъ, дѣлало ее положительно невыносимою. Однако, если уже зловоніе жилищъ не могло повредить ихъ аппетиту, то ничто худшее также не могло оказать на него вліянія. Эскимосы никогда не моютъ своей посуды, такъ какъ собаки, облизывая ее, избавляютъ ихъ отъ этого труда. Тѣ изъ нихъ, которые дошли до сознанія своей нечистоплотности, обыкновенно еще ухудшаютъ дѣло. Желая напр. хорошенько угостить гостя, они облизываютъ кусокъ мяса, который желаютъ предложить ему,—чтобы очистить его такимъ образомъ отъ крови и грязи, приставшихъ къ нему въ котлѣ. Чужестранецъ, который не съумѣетъ достаточно оцѣнить подобную любезность, будетъ признанъ неблаговоспитаннымъ человѣкомъ. Впрочемъ Эскимосы, встрѣченные д-ромъ Рэ (Rai), близь бухты Отказа (Repulse Bay), были много опрятнѣе въ своихъ привычкахъ.

Пища ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ мяса сѣверныхъ оленей, мускусныхъ быковъ, моржей, тюленей, птицъ и семги. Впрочемъ, они не отказываются ни отъ какого рода животной пищи. Въ особенности они большіе любители жира и костнаго мозга, для добыванія котораго они разбиваютъ кости помощью камня. Южныя племена занимаются также собираніемъ небольшаго количества ягодъ лѣтомъ, но тѣ, которыя живутъ на сѣверѣ, почти вовсе не употреб-

ляютъ растительной пищи, за исключеніемъ развѣ полупереваренныхъ остатковъ изъ желудка сѣвернаго оленя, почитаемыхъ ими за большое лакомство. Самые же сѣверные изъ нихъ, не будучи въ состояніи убить оленя, лишены такимъ образомъ всякой растительной пищи.

«Я присутствовалъ однажды», говоритъ кап. Кукъ, «на обѣдѣ начальника Уналашки и видѣлъ, какъ онъ ѣлъ сырую голову только что пойманной громадной камбалы. Прежде чѣмъ вождю было подано это кушанье, двое изъ его слугъ поспѣшно съѣли сырыя жабры, очистивъ ихъ только нѣсколько. Затѣмъ одинъ изъ нихъ отрѣзалъ голову рыбы, понесъ ее къ морю, обмылъ тамъ, и принеся обратно, сѣлъ возлѣ своего начальника. Послѣ того онъ сорвалъ нѣсколько травы, часть которой положилъ въ рыбью голову, а другую часть разсыпалъ передъ начальникомъ и наконецъ, отрѣзавъ нѣсколько большихъ кусковъ отъ щеки рыбы, передалъ ихъ своему господину, который проглотилъ ихъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ мы глотаемъ сырыя устрицы. По окончаніи обѣда, остовъ головы былъ разломанъ на куски и отданъ слугамъ, которые бросились съ жадностью, какъ собаки, рвать мясо и глодать кости».

Капитанъ Ліонъ оставилъ еще болѣе непривлекательное описаніе обѣда Эскимосовъ. «У Кулиттука», говоритъ онъ, «я познакомился еще съ другою утонченностью Эскимосской гастрономіи. Онъ ѣлъ до тѣхъ поръ, покуда не впалъ въ совершенно безсознательное состояніе. Лице его разгорѣлось и побагровѣло, ротъ раскрылся, сонъ безпрестанно одолѣвалъ его. Возлѣ него сидѣла Арналуа (его жена), которая наблюдала за его котелкомъ и отъ времени до времени будила своего супруга, чтобы съ помощью указательнаго пальца засунуть ему въ ротъ по возможности большій кусокъ полусыраго мяса, подрѣзывая его ножемъ возлѣ самаго рта. Кулитукъ медленно пережевывалъ мясо и, какъ только получалось немножко свободнаго мѣста, жена снова засовывала ему кусокъ сырой ворвани. При этомъ счастливый человѣкъ не шевелилъ ни однимъ членомъ, за исключеніемъ челюстей, и даже не открывалъ своихъ глазъ. Только по временамъ, когда получалось свободное мѣсто для прохожденія звука, онъ издавалъ какое-то выразительное хрюканье, которое должно было выражать его крайнее удовольствіе. Падающія капли лакомой пищи покрывали въ изобиліи его шею и лице, и все это произвело на меня такое непріятное впечатлѣніе, что, по моему крайнему убѣжденію, обжирающійся такимъ образомъ человѣкъ болѣе приближается къ животному, чѣмъ тотъ, который доводитъ себя до безсознательнаго состоянія помощью спиртныхъ напитковъ. Усыпивъ

такимъ образомъ свою лучшую половину, женщины не забываютъ и себя, и наѣвшись вдосталь, только тѣмъ и занимаются, что проводятъ время въ болтовнѣ».

Кранцъ слѣдующимъ образомъ описываетъ пиръ болѣе цивилизованныхъ Эскимосовъ Гренландіи: «Прикащикъ, приглашенный на большое пиршество вмѣстѣ съ нѣсколькими избранными Гренландцами, насчиталъ слѣдующія кушанья: 1) сушеныя сельди; 2) сушеное мясо тюленя; 3) тоже мясо вареное; 4) тоже, наполовину сырое и наповину сгнившее, извѣстное подъ названіемъ «микіакъ»; 5) кусокъ хвоста полусгнившаго кита (это блюдо было самымъ главнымъ, ради котораго собственно и созваны были гости); 6) сушеная семга; 7) сушеное мясо сѣвернаго оленя; 8) десертъ изъ голубики, смѣшанной съ пищевою кашицею изъ желудка сѣвернаго оленя; 9) тоже блюдо, подправленное ворванью».

Питье ихъ состоитъ изъ крови и воды. Въ продолженіи бо́льшей части года они съ большимъ трудомъ добываютъ себѣ воду для утоленія жажды, и считаютъ ее слишкомъ драгоцѣнной, чтобы употреблять для мытья. Для насъ конечно можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ народъ, окруженный льдомъ и снѣгомъ, можетъ страдать отъ недостатка воды; но нужно замѣтить, что количество тепла, необходимое для разстаянія снѣга, настолько значительно, что человѣкъ, лишенный средствъ для разведенія огня, можетъ умереть отъ жажды въ этихъ арктическихъ странахъ также легко, какъ и въ песчаныхъ пустыняхъ Африки. «Прямое же пользованіе для этой цѣли снѣгомъ», говоритъ Кэнъ, «сопровождалось выступаніемъ крови на языкѣ и губахъ и чувствомъ ожога, какъ отъ употребленія ляписа». При своемъ посѣщеніи капитана Парри, Эскимосы каждый разъ были настолько жадны до воды, «что не было возможности удовлетворить даже на полсвину ихъ желанія». На крайнемъ сѣверѣ, одна изъ главныхъ обязанностей женщинъ въ продолженіи зимы заключается въ таяніи снѣга на лампахъ и въ пропитываніи ворванью свѣтиленъ Обыкновенная температура жилищъ не въ состояніи расплавить ледъ, такъ какъ она обыкновенно поддерживается ниже точки замерзанія. Въ южной Гренландіи, впрочемъ, хижины дѣлались изъ дерна и были очень теплы; но мы не должны забывать, что для Эскимосовъ, живущихъ въ снѣжныхъ юртахъ, тепло хуже холода, потому что при температурѣ въ 32° Ф. (0° Р.) снѣжная крыша начинаетъ таять и капли, падающія внизъ, причиняютъ жителямъ немалое неудобство и даже нездоровье. И дѣйствительно, весна для Эскимосовъ самое нездоровое время года, такъ какъ, въ теченіи ея, погода слишкомъ тепла для снѣжныхъ жи-

лищъ и холодна для лѣтнихъ палатокъ. Поэтому Эскимосы, несмотря на суровый климатъ обитаемой ими страны, лишены возможности пользоваться огнемъ даже и въ томъ случаѣ, если бы у нихъ былъ необходимый для этого матеріалъ. Условія ихъ жилищъ не допускаютъ такой роскоши; Симпсонъ говоритъ, «что они повидимому и не думаютъ о томъ, что огонь можетъ согрѣвать». Лампы они употребляютъ болѣе для приготовленія кушанья, для освѣщенія и для просушки одежды, чѣмъ для нагрѣванія воздуха; а такъ какъ температура тѣла Эскимоса почти такая же, какъ и у насъ, то и понятно, что они должны употреблять большое количество животной пищи. Количество употребляемаго ими мяса, дѣйствительно ужасно; и замѣчательно, что по случаю недостатка лѣса на крайнемъ сѣверѣ, они употребляютъ одинъ и тотъ же матеріалъ, и для пищи, и для топлива. Это согрѣвающее вещество есть именно—ворвань, изъ которой теплота получается или вслѣдствіе процесса пищеваренія, или—горѣнія; въ первомъ случаѣ ворвань съѣдается и переваривается, во второмъ — наливается въ лампу и сгораетъ. Лѣтомъ однако, когда менѣе необходимо поддерживать въ жилищахъ низкую температуру, они жгутъ иногда рыбьи кости, пропитанныя ворванью. Чтобы добыть огонь, Эскимосы употребляютъ большей частью маленькіе куски желѣзнаго колчедана и кварца, изъ которыхъ выбиваютъ искры на мохъ, предварительно хорошо высушенный и растертый въ рукахъ. Они знакомы также со способомъ полученія огня посредствомъ тренія, но рѣже пользуются имъ, въ виду его трудности и продолжительности. Впрочемъ у Гренландскихъ Эскимосовъ онъ былъ, повидимому, самымъ употребительнымъ.

Обыкновенно полагаютъ, что человѣкъ едва ли можетъ жить безъ огня даже въ умѣренномъ климатѣ, не говоря уже о холодномъ; однако выше приведенные факты, равно какъ и тѣ, которые будутъ приведены сейчасъ, заставляютъ усомниться въ справедливости этого мнѣнія. Эскимосы не употребляютъ огня для отопленія своихъ жилищъ и даже на варку кушанья смотрятъ какъ на роскошь. Тѣ же изъ нихъ, которые питаются болѣе оленьимъ, чѣмъ тюленьимъ мясомъ и имѣютъ мало ворвани, почти совершенно не употребляютъ огня.

У южныхъ племенъ мужчины имѣютъ луки, стрѣлы, гарпуны, копья, удочки, рыболовные крючки, ножи, ножи для снѣгу, долота для льда, лопаты для снѣга, буравы, сверлы и т. д. Въ распоряженіи женщинъ находятся: лампы, каменная посуда, мохъ для лампъ, куски колчедана, костяныя иглы, оленьи сухожилья, скребки (фиг. 201—202), роговыя ложки, сосуды изъ тюленьей кожи, заостренныя ко-

сти, ложки для костнаго мозга и различные ножи (фиг. 203—204) кромѣ того онѣ употребляютъ, по словамъ Д-ра Ре,—особенный инструментъ для приведенія въ порядокъ свѣтильни, изъ камня, кости или рога, около шести дюймовъ длины и полдюйма толщиною.

Кэнъ приводитъ слѣдующій инвентарь одной, посѣщенной имъ Эскимосской хижины: бадья изъ тюленьей кожи—для собиранія и сбереженія воды; лопатка моржа, замѣняющая лампу; плоскій камень, служащій ей подставкою; другой большой, тонкій и плоскій камень, употребляемый для предназначеннаго къ таянію снѣга; копье, съ ремнемъ изъ моржевой шкуры; вѣшалка для платьевъ и нако-

Фиг. 201.

Фиг. 202.

Эскимосскій скребокъ.

нецъ самыя платья, — вотъ всѣ земныя сокровища, которыми обладалъ владѣлецъ хижины.

Во время путешествій, они не нуждаются даже и въ этомъ: сырое мясо и мѣховой мѣшокъ—вотъ все, что для нихъ необходимо.

Орудія Эскимосовъ свидѣтельствуютъ о большой ихъ ловкости. Кромѣ ножей, сходныхъ съ тѣми, какіе изображены на фиг. 203—204, женщины употребляютъ еще другіе—полукруглой формы и весьма сходные съ древними полулунными ножами, столь часто попадающимися въ Даніи и изображенными на фиг. 78. Въ настоящее время, однако, эти ножи дѣлаются изъ металла, который южные Эскимосы получаютъ, хотя и въ маломъ количествѣ, отъ Европейцевъ. Нѣкоторыя племена, впрочемъ, дѣлаютъ ихъ и изъ метеорическаго желѣза (аеролитовъ), отбивая отъ послѣднихъ продолговатые куски, придавая имъ молотомъ желаемое лезвее и насаживая на роговыя или костяныя рукоятки. Наконечники стрѣлъ у нихъ

весьма различны. Каменные (фиг. 205) дѣлаются не съ помощью ударовъ, а посредствомъ давленія, для чего употребляется ими верхушка *оленьяго рога*, *вдѣланная въ кость*, такъ какъ одна кость была бы не достаточно крѣпка для подобной работы. Другіе наконечники дѣлаются изъ рога; на такихъ часто встрѣчаются значки ихъ владѣльцевъ, какъ то можно видѣть напр. на фиг. 2 (стр.

Фиг. 203.

Фиг. 204.

Эскимосскіе ножи.

7). Древки стрѣлъ коротки, выпрямлены надъ паромъ и снабжены на противоположномъ концѣ перьями, прикрѣпленными помощью сухожилій сѣвернаго оленя. Луки дѣлаются обыкновенно изъ дерева,— или изъ одного сучка, выпрямленнаго при помощи пара, или изъ трехъ отдѣльныхъ кусковъ, ловко связанныхъ и скрѣпленныхъ костями или сухожильями. Въ случаѣ недостатка дерева, послѣднее замѣняется костями и рогомъ. Повидимому, они далеко не отлича-

ются мѣткостью стрѣльбы, хотя капитанъ Парри и увѣряетъ, что на разстояніи 40 или 45 саженъ они могутъ въ большинствѣ случаевъ попасть въ спокойно стоящаго оленя. Но, вообще говоря, оружія ихъ не дѣйствительны въ борьбѣ съ крупной дичью. Сэръ Россъ приводитъ интересный разсказъ объ охотѣ на мускуснаго быка, при которой онъ лично присутствовалъ. Потерявъ, наконецъ, всякое терпѣніе при видѣ безпрерывно стрѣляющихъ безъ всякаго успѣха Эскимосовъ, которые совершенно не умѣли выбрать удобнаго момента для прицѣла и теряли послѣ того много времени на собираніе своихъ стрѣлъ, сэръ Россъ выстрѣлилъ самъ и, къ удивленію дикарей, сразу переломилъ переднюю лопатку животнаго.

Фиг. 205

Наконечникъ стрѣлы.

Фиг. 206.

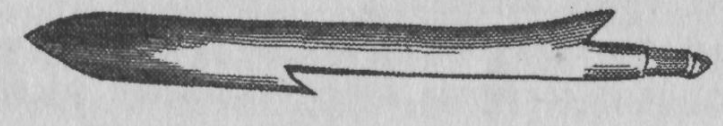
Наконечникъ копья.

Копья дѣлаются на манеръ стрѣлъ, только длиннѣе; наконечники ихъ часто бываютъ снабжены крючками и во многихъ случаяхъ весьма слабо прикрѣплены къ рукояткамъ, но за то крѣпко привязаны къ длинному, кожанному ремешку, укрѣпленному на тупомъ концѣ копья. Для метанья гарпуновъ они употребляютъ короткія рукоятки или палки, около 2 футовъ въ длину, тонкія при основаніи и имѣющія около 4 дюймовъ ширины на концѣ; рукоятки эти снабжены зарубками для большаго и указательнаго пальцевъ. Съ этимъ оружіемъ они нападаютъ не только на моржей и тюленей, но даже и на китовъ. Обыкновенно, они стараются бросить въ кита одновременно нѣсколько гарпунъ, къ которымъ привѣшаны большіе пузыри изъ тюленьей кожи, весьма затрудняющіе (въ случаѣ, если ихъ много) погруженіе кита въ глубину. Когда наконецъ китъ выбивается изъ силъ, они покачиваютъ съ нимъ помощью ихъ маленькихъ копьевъ. Кэнъ приводитъ рисунокъ одного такого копья, наконечникъ котораго ничѣмъ не отличается отъ одной изъ длинныхъ формъ топоровъ, находимыхъ въ датскихъ кьёккенмёддингахъ.

Для охоты за тюленями у Эскимосовъ существуютъ три способа.

Самый обыкновенный—это помощью гарпуна и пузыря. Когда Эскимосъ, сидя въ своемъ каякѣ, открываетъ тюленя, онъ старается подъѣхать къ нему незамѣтно, противъ солнца и вѣтра, такъ чтобы животное не могло ни видѣть, ни слышать его приближенія. Онъ ловко прячется за волнами и приближается быстро и безъ шума, на разстояніе 4—6 саженъ, употребляя въ тоже время все стараніе, чтобы его гарпуны, веревки и пузыри были въ готовности. Какъ только тюлень настигнутъ, наконечникъ копья отдѣляется самъ собою отъ древка и въ тотъ же самый моментъ Эскимосъ бросаетъ въ воду большой пузырь, наполненный воздухомъ. Пузырь этотъ часто увлекается на нѣкоторое время животнымъ въ воду, но препятствіе оказывается настолько сильнымъ. что раненый звѣрь скоро снова появляется на поверхности. «Гренландецъ спѣшитъ къ тому мѣсту, гдѣ подымается пузырь, и какъ только тюлень покажется на поверхности, поражаетъ его своимъ большимъ копьемъ», такъ называемый «анговигакъ». Копье это безъ крючка и легко вынимается изъ

Фиг. 207.



Костяной гарпунъ.

тѣла животнаго, поэтому имъ можно ударять нѣсколько разъ сряду, покуда животное не будетъ убито окончательно. Второй родъ охоты на тюленей это «охота съ загонщиками». Когда Эскимосамъ удается застигнуть или загнать нѣсколько тюленей въ маленькую бухту или въ проливъ, они преслѣдуютъ ихъ съ крикомъ, гамомъ, хлопая въ ладоши и бросая камни, всякій разъ, какъ только животныя показываются на поверхности воды, чтобы запастись воздухомъ; такую аттаку продолжаютъ они до тѣхъ поръ, пока тюлени совершенно не выбьются изъ силъ и могутъ быть легко убиты. Зимою, когда море замерзнетъ, тюлени, которымъ необходимо высовываться время отъ времени на поверхность, чтобы запастись воздухомъ, поддерживаютъ для этой цѣли открытыми небольшія продушины; и, какъ только Эскимосъ замѣтитъ такую продушину, онъ терпѣливо будетъ ожидать появленія животнаго, чтобы моментально убить его ударомъ гарпуна.

Эскимосы искусно охотятся за сѣверными оленями и умѣютъ при этомъ ловко подражать крику животныхъ. Рыбу ловятъ они иногда съ помощью крючка и лесы, иногда же при посредствѣ небольшихъ

сѣтей, именно въ то время, когда рыба стадами ходитъ около береговъ, въ періодъ метанія икры; иногда же наконецъ помощью копья. Сѣти дѣлаются у нихъ изъ маленькихъ обручей и колечекъ, приготовленныхъ изъ китоваго уса, изъ котораго дѣлаются у нихъ также и лесы. Семга попадается у нихъ иногда въ такомъ изобиліи, что капитанъ Россъ, въ Боотіа-Феликсъ, вымѣнялъ однажды на одинъ ножъ цѣлую тонну ихъ. При охотѣ за птицами, они употребляютъ оружіе, нѣсколько сходное съ «боласъ» (шарами) Южно-Американцевъ; это именно извѣстное число камней или моржевыхъ зубовъ, укрѣпленныхъ на веревкѣ, концы которой связываются между собою. Копья или дротики, предназначаемые для бросанья въ птицъ и другихъ маленькихъ животныхъ, снабжены обыкновенно на концѣ вилкою, а ближе къ срединѣ древка имѣютъ еще три зубца, торчащіе въ разные стороны и предназначенные для пораженія жертвы, въ томъ случаѣ, когда конечная вилка не достигнетъ цѣли. Водяныя птицы ловятся также въ силки изъ китоваго уса; но «самую богатую жатву доставляетъ имъ періодъ линьки, когда нѣсколько человѣкъ, гоняя птицъ по мелкимъ озерамъ, скоро утомляютъ ихъ и тогда хватаютъ прямо руками».

Такъ называемые «арктическіе горцы» (Arctic Highlanders) были однако, говорятъ, не въ состояніи настигать оленей, несмотря на то, что послѣдніе водились у нихъ въ изобиліи, равно какъ и не знали вовсе искусства ловить рыбу, хотя—довольно странно—умѣли отлично ловить птицъ маленькими ручными сѣтками. Мясо тюленей, медвѣдей, моржей и птицъ составляло почти исключительную ихъ пищу. Ни Американскимъ, ни Гренландскимъ Эскимосамъ не удалось приручить сѣвернаго оленя и собака составляетъ ихъ единственное домашнее животное, которымъ они пользуются, иногда для охоты, но главнымъ образомъ для запряжки въ сани.

Санки Эскимосовъ весьма различны, какъ по матеріалу, такъ и по формѣ. Лучшія, по словамъ капитана Ліона, приготовляются изъ нижнихъ челюстей кита, которыя обпиливаются въ видѣ двухъ брусковъ, имѣющихъ дюйма 2 въ ширину и отъ 6—12 дюймовъ вышиною. Это собственно—полозья; они подбиваются тонкими дощечками, сдѣланными изъ того же матеріала. Боковыя части удерживаются помощью плотно связанныхъ между собою костей и кусковъ рога или дерева. Въ Боотіа капитанъ Россъ видѣлъ сани, полозья которыхъ состояли изъ семгъ, связанныхъ въ цилиндры, завернутые въ кожи и въ такомъ видѣ облитые и замороженные. Весною изъ этихъ кожъ дѣлаютъ мѣшки, а рыбу съѣдаютъ. Всѣ эти сани сдѣланы очень

тщательно, въ особенности если принять во вниманіе, какими простыми орудіями онѣ сработаны.

Управлять Эскимоскими собаками не особенно легко. Каждая изъ нихъ привязывается къ передку саней слабою веревкою, которая проходитъ между ногъ животнаго и прикрѣпляется на груди къ ошейнику. Вслѣдствіе этого, собаки идутъ очень тѣсно одна возлѣ другой и ремни, которыми онѣ привязаны, часто путаются между собою. Управляютъ собаками помощью бича, конецъ котораго перекидывается съ одной стороны своры на другую и крика *уōōа*, означающаго тпру, стой.

Ихъ лодки построены весьма остроумно и представляютъ два типа: мужская лодка или *каякъ* и женская — или *умьякъ*. Каякъ имѣетъ въ длину отъ 18—20 футовъ, а въ ширину, въ срединѣ, около 18 дюймовъ; къ концамъ онъ заостряется и въ глубину едва ли имѣетъ болѣе одного фута. На этихъ лодкахъ нѣтъ бортовъ, вслѣдствіе чего сидѣть на нихъ довольно трудно. Сверху онѣ совершенно закрыты, и только по срединѣ оставлена дыра, куда Эскимосъ просовываетъ свои ноги. Вода поэтому не можетъ проникнуть въ такую лодку и даже, если послѣдняя опрокинется, то ее легко привести въ прежнее положеніе ударомъ весла или лопаточки. Мало того, ловкій Эскимосъ можетъ даже легко кувыркаться въ водѣ вмѣстѣ съ своею лодкой. Несмотря на то, они довольно часто тонутъ въ морѣ и считаютъ поэтому такія поѣздки настолько опасными, что отправляются обыкновенно вдвоемъ, для того, чтобы подать помощь одинъ другому въ случаѣ несчастья. Кожа, которою обтягиваются каяки, очень тонка и скоро рвется отъ тренія льдинъ или плавучаго лѣса, а такъ какъ эти встрѣчи очень часты, то и лодки очень часто прорываются, а въ такомъ случаѣ для Эскимоса почти невозможно спасеніе. Умьякъ больше и имѣетъ плоское дно. Онъ дѣлается изъ тонкихъ рѣшетинъ, крѣпко связанныхъ китовымъ усомъ и обтянутыхъ тюленьей кожей. Эскимосы, встрѣченные Россомъ у сѣвернаго конца Баффиноваго залива, были совершенно лишены понятія о существованіи лодокъ. Явленіе это, справедливо замѣчаетъ Россъ, весьма замѣчательно, въ особенности у народа, живущаго на берегу моря. Но мы не должны однако забывать, что у этихъ Эскимосовъ совершенно нѣтъ дерева и что море остается здѣсь не замерзшимъ всего лишь нѣсколько недѣль въ году. Не удивительно послѣ этого, что туземцы могли принять корабли Росса за живыя существа и что шлюпки его возбудили въ нихъ безконечный восторгъ и изумленіе Кэнъ также подтверждаетъ отсутствіе у нихъ лодокъ, но говоритъ, что «каякъ былъ извѣстенъ имъ по преданіямъ»,

Для выдѣлки кожъ Эскимосы употребляютъ извѣстныя каменныя орудія (фиг. 201—202), которыя, по причинѣ своей необыкновенной простоты, часто вовсе не обращали на себя вниманія путешественниковъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, весьма интересны для насъ по значительному сходству, представляемому ими съ нѣкоторыми древними орудіями, находимыми въ Европѣ. Въ коллекціи моего покойнаго друга Кристи находится четыре такихъ скребка для обработки кожъ. Три были получены отъ Эскимосовъ, живущихъ къ сѣверу отъ Берингова пролива; они прикрѣплены къ рукояткамъ изъ слоновой кости. Четвертый скребокъ былъ найденъ въ Гренландской могилѣ, по всей вѣроятности не древнѣе XV столѣтія, и относится къ каменному періоду, начавшемуся со времени перерыва сообщеній съ Норвегіей. Нѣкоторые археологи высказывали предположеніе, что древніе «скребки» (scrapers) употреблялись «вѣроятно какъ ножи, толстый, выдающійся конецъ которыхъ служилъ вмѣсто ручки, такъ какъ за эту часть держались большимъ и указательнымъ пальцами, или быть можетъ его насаживали на рукоятку». Теперь, съ помощью современныхъ экземпляровъ, вполнѣ доказано, что назначеніе этихъ орудій въ былое время было совершенно одинаково съ нынѣшнимъ. Способъ приготовленія кожъ у Эскимосовъ остроуменъ и замысловатъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма отвратителенъ.

Одежда Эскимосовъ приготовляется изъ оленьихъ, тюленьихъ и птичьихъ шкуръ, сшитыхъ оленьими жилами. Вмѣсто иголокъ служатъ птичьи или рыбьи кости, при помощи которыхъ туземцы могутъ шить весьма красиво и крѣпко. Верхнее мужское платье похоже на короткое пальто и снабжено капишономъ, который можетъ накидываться на голову и служить вмѣсто шапки. Нижнее платье или рубаха дѣлается изъ птичьихъ или звѣриныхъ шкуръ, перомъ и шерстью внутрь; иногда они носятъ кромѣ того еще вторую рубаху, сдѣланную изъ кишекъ тюленя. Ихъ панталоны, которыхъ зимою они носятъ по двѣ пары, также обращены мѣхомъ внутрь и сдѣланы изъ тюленьихъ или изъ оленьихъ шкуръ, а ихъ чулки приготовляются изъ шкурокъ самыхъ молодыхъ животныхъ. Сапоги дѣлаются у нихъ изъ мягкой, черненой тюленьей кожи, изъ которой они дѣлаютъ также большіе армяки для поѣздокъ по морю. Платья ихъ обыкновенно весьма жирны, грязны и переполнены вшами. Костюмъ женщинъ весьма мало отличается отъ мужскаго.

Главное украшеніе ихъ составляютъ «щечныя пуговки» (фиг. 208), полированные кусочки камня или кости, втыкаемые въ нижнюю губу или щеки. Соотвѣтственныя отверстія дѣлаются въ самомъ раннемъ дѣтствѣ и постепенно расширяются съ возрастомъ.

Восточные Эскимосы не носятъ однако такихъ украшеній въ губахъ, которыя, по Ричардсону, употребительны у большинства племенъ, живущихъ отъ Берингова пролива до рѣки Макензи. Другія украшенія состоятъ у нихъ изъ полосокъ крашенаго мѣха и изъ бахромы, сдѣланной изъ просверленныхъ зубовъ волка и лисицы. У тѣхъ Эскимосовъ, которыхъ посѣтилъ капитанъ Ліонъ, только мужчины носили подобныя украшенія. Нѣкоторые изъ семей имѣютъ также привычку татуированія.

Мужчины у Эскимосовъ проводятъ время въ охотѣ и рыбной ловлѣ, дѣлаютъ оружіе и разные инструменты и занимаются починкой лодокъ. Женщины — готовятъ кушанье, выдѣлываютъ кожи и шьютъ платье. Кромѣ того, онѣ исправляютъ хижины, палатки и лодки, такъ какъ мужчины принимаютъ въ нихъ на себя только плотничную работу. Хотя съ женщинами обращаются повидимому не особенно худо, но во всякомъ случаѣ онѣ ведутъ «суровую, рабскую жизнь» Впрочемъ участь ихъ врядъ ли вообще печальнѣе участи мужчинъ.

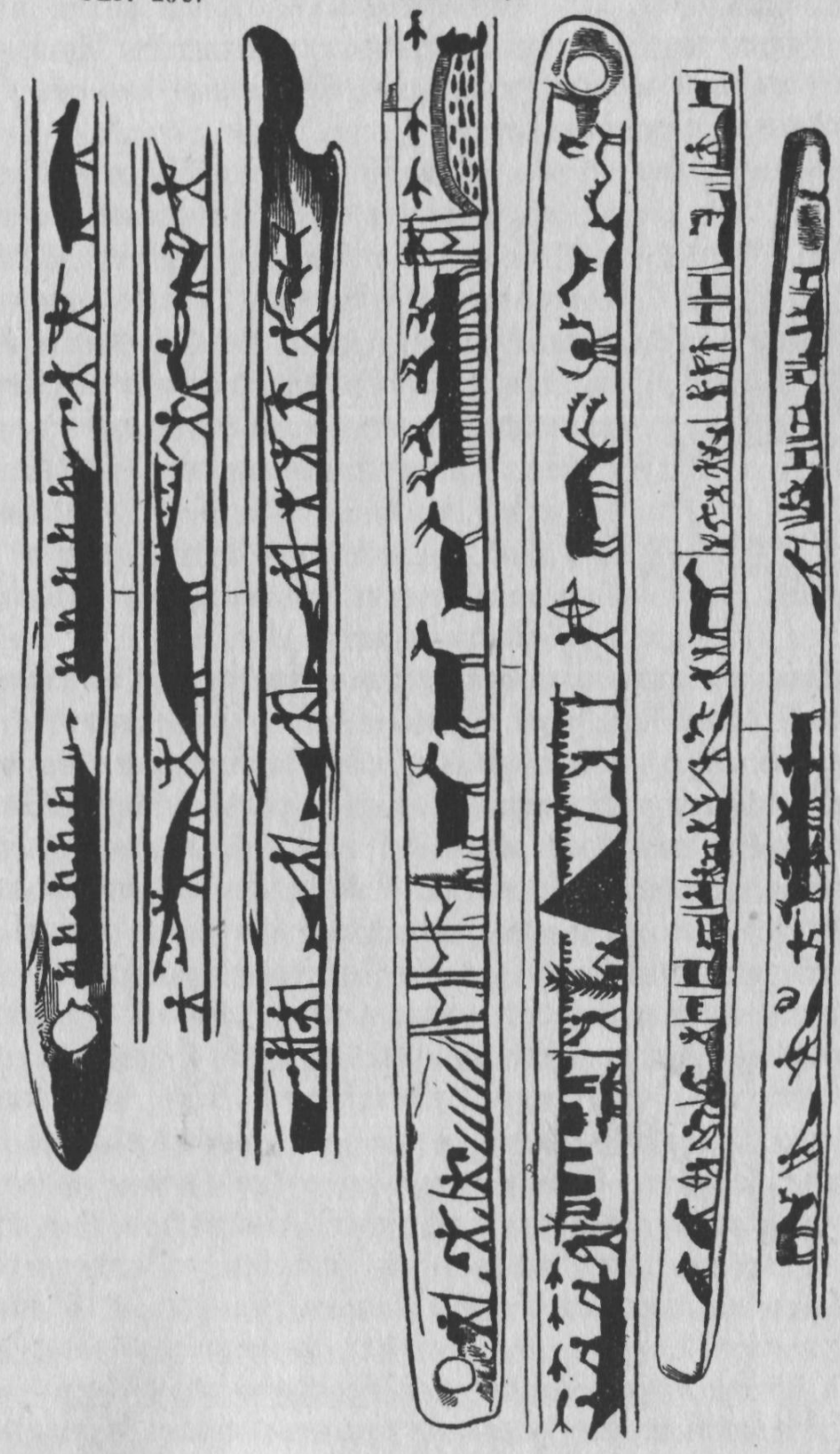
Фиг. 208.

Эскимосскія запонки носимыя въ щекахъ или губахъ.

Эскимосы не лишены окончательно удовольствія наслаждаться музыкой. У нихъ есть родъ барабана и они любятъ пѣть, какъ въ одиночку, такъ и цѣлыми хорами. Они знакомы также съ различными играми, въ которыхъ можно блеснуть силою и ловкостью, а также питаютъ большое пристрастіе къ танцамъ, которые у нихъ часто весьма неприличнаго свойства. Они имѣютъ также большую природную страсть къ рисованію. Во многихъ случаяхъ они дѣлали для англійскихъ моряковъ грубыя карты, которыя оказывались въ главныхъ своихъ чертахъ вполнѣ правильными. Многіе изъ ихъ костяныхъ орудій покрыты рисунками. Фиг. 209—211 представляютъ три костяныхъ лучка, подаренные капитаномъ Бичи въ Ашмолинскій музей. Фиг. 211 изображаетъ юрты или зимнія жилища, на которыхъ стоятъ собаки. Кромѣ того, мы видимъ здѣсь людей, вооруженныхъ стрѣлами и луками, и другихъ, тащущихъ по льду тюленей, въ то время, какъ одинъ прицѣливается въ сѣвернаго оленя, гарпуной съ подвижнымъ наконечникомъ. На фиг. 210 мы видимъ сѣверныхъ оленей, гусей, байдару или плоскодонную лодку, палатку, возлѣ которой развѣшаны для просушки разнородныя одежды, женщину, занимающуюся очевидно приготовленіемъ кушанья и одну охотничью сцену. Кромѣ того, на этомъ рисункѣ изображены: приманка—плохо-сдѣланная голова сѣвернаго оленя, и, рядомъ съ нею

спокойно пасущійся сѣверный олень и Эскимосъ, приготовляющій свой лукъ, чтобы пустить его въ животное. На (фиг. 209) изображены два животныхъ, которыя должны повидимому представлять кро-

Фиг. 209. Фиг. 210. Фиг. 211.



кодиловъ. Вѣроятно художникъ видѣлъ на европейскихъ корабляхъ изображенія этихъ животныхъ.

Крантцъ утверждаетъ, что у Гренландскихъ Эскимосовъ не было никакихъ религіозныхъ обрядовъ или поклоненія идоламъ, вообще никакихъ религіозныхъ церемоній. Тоже самое было подтверждено и многими другими путешественниками. Тѣмъ не менѣе, ихъ погребальныя церемоніи указываютъ, по мнѣнію другихъ, на вѣру въ загробную жизнь. Именно, мертвыхъ они хоронятъ обыкновенно въ сидячемъ положеніи, такъ что подбородокъ сходится съ колѣнами, причемъ обертываютъ трупъ самыми лучшими шкурами. Для могилъ они выбираютъ возвышенныя мѣста и набрасываютъ надъ тѣломъ кучу камней. Возлѣ трупа они кладутъ часто инструменты покойника и даже иногда, если умершій былъ мужчина, его каякъ, полагая, что вещи эти могутъ пригодиться въ будущей жизни. Эгеде однако положительно отрицаетъ, чтобы это дѣлалось подъ вліяніемъ подобной идеи, каковой взглядъ раздѣляется и Галлемъ. По словамъ послѣдняго, Эскимосы питаютъ суевѣрное отвращеніе ко всему, что было близко къ трупу и боятся не только употреблять, но даже и трогать такія вещи.

Этимъ же страхомъ объясняется вѣроятно ихъ обычай выносить покойниковъ черезъ окна, а не черезъ двери. Возлѣ умирающаго они кладутъ обыкновенно все, что только можетъ быть для него пріятно и что можетъ облегчить его послѣднія минуты, а затѣмъ оставляютъ хижину, плотно запираютъ ее и превращаютъ такимъ образомъ въ могилу. Крантцъ говоритъ, что они кладутъ обыкновенно въ могилу ребенка собачью голову, съ тою цѣлью, чтобы душа собаки не дала заблудиться душѣ ребенка во время ея путешествія въ міръ тѣней,—и этотъ фактъ подтверждаетъ также и Эгеде. Наконецъ, обычай класть иногда въ могилу модели орудій, а не самыя орудія, приводитъ къ тому же заключенію.

Капитанъ Кукъ видѣлъ на Уналашкѣ каменные и земляные могильные курганы. Одинъ изъ нихъ находился недалеко отъ деревни и онъ замѣтилъ, что каждый прохожій, слѣдуя обычаю страны, бросалъ на него новый камень. Младенецъ, имѣвшій несчастіе потерять мать, обыкновенно хоронится вмѣстѣ съ нею. Лица, ослабѣвшія отъ старости, также иногда хоронятся живыми, что считается у нихъ очень человѣколюбивымъ поступкомъ со стороны дѣтей, такъ какъ такимъ образомъ родители ихъ избавляются отъ медленной, мучительной смерти. Эскимосы, которыхъ наблюдалъ Парри, держались того мнѣнія, что всякій тяжелый предметъ, лежащій на покойникѣ, долженъ былъ причинять ему жестокія страданія. Такое вѣрованіе

непремѣнно вызвало бы въ болѣе просвѣщенной странѣ устройство кургановъ со сводами; но на крайнемъ сѣверѣ, это повело только къ тому, что жители стараются какъ можно легче прикрывать трупъ, вслѣдствіе чего послѣдній часто вырывается и съѣдается собаками и лисицами. Туземцы относятся къ этому впрочемъ очень равнодушно; мало того, они допускаютъ даже, чтобы человѣческія кости валялись вмѣстѣ съ костями другихъ животныхъ, около ихъ хижинъ. Все это заставляетъ дѣйствительно сомнѣваться, можно ли, на основаніи существующихъ погребальныхъ обрядовъ, допускать у нихъ существованіе вѣрованія въ загробную жизнь и предполагать, что они кладутъ вмѣстѣ съ покойникомъ его орудія для того, чтобы они могли пригодиться ему на томъ свѣтѣ. Въ общемъ, способъ погребенія у Эскимосовъ довольно сходенъ съ тѣмъ, память о которомъ сохранили многіе древніе курганы сѣверной и западной Европы.

По своему характеру, Эскимосы очень спокойный и миролюбивый народъ. Тѣ изъ нихъ, съ которыми познакомился Россъ, на берегу Баффинова залива, «рѣшительно не могли понять, что такое война, и не имѣли никакого военнаго оружія». Какъ и другіе дикари, они во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ дѣтей. Счисленіе дается имъ такъ туго, что для многихъ ихъ нихъ счетъ до десяти составляетъ уже большой трудъ, а до пятнадцати — невозможность. Д-ръ Рэ, извѣстный своимъ расположеніемъ къ Эскимосамъ, увѣряетъ, что если спросить отца семейства, сколько у него дѣтей, то можно часто привести его въ большое затрудненіе. Посчитавъ нѣсколько времена по пальцамъ, онъ, по всей вѣроятности, долженъ будетъ еще посовѣтоваться съ женой, причемъ оба супруга могутъ придти къ различному результату, даже въ томъ случаѣ, если дѣтей всего только четверо или пятеро.

Изъ формъ брака, у Эскимосовъ, повидимому, встрѣчается не только полигамія, но и поліандрія. Сильный или ловкій мужчина часто имѣетъ болѣе одной жены; точно также красивая и ловкая женщина часто имѣетъ болѣе одного мужа. Отдать свою жену на время пріятелю, считается доказательствомъ большой дружбы, — при этомъ выгода предполагается не на одной только сторонѣ, такъ какъ большое семейство не считается бременемъ, а напротивъ, большимъ преимуществомъ. Кромѣ этого обычая, признаннаго всѣми, Эскимосы вообще не особенно высоко ставятъ повидимому добродѣтель цѣломудрія.

Они въ высшей степени нечистоплотны. Впрочемъ, когда мы подумаемъ о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми соединено у нихъ, въ

продолженіи бо́льшей части года, добываніе воды, даже для питья,— то для насъ не будетъ удивительнымъ, что имъ даже и въ голову не приходитъ—употреблять ее на мытье. Ихъ слово для обозначенія грязи, *ebérk*, вовсе не заключаетъ въ себѣ идеи о чемъ-нибудь непріятномъ, отталкивающемъ. Въ оправданіе Эскимосовъ можно однако сказать, что сильный морозъ, исключая возможность гніенія, уничтожаетъ тѣмъ самымъ одно изъ нашихъ главныхъ побужденій къ чистотѣ и въ то же самое время обусловливаетъ такую скудость воды въ жидкомъ видѣ, что дѣлаетъ мытье почти невозможнымъ.

По общему правилу, на обѣщанія Эскимосовъ нельзя полагаться, не столько потому, чтобы они были преднамѣренными лжецами, сколько вообще вслѣдствіе непостоянства ихъ характера, раздѣляемаго ими со многими другими дикарями. Счастливый охотникъ или рыболовъ охотно готовъ подѣлиться своею добычею съ менѣе счастливыми сосѣдями; но при этомъ онъ вполнѣ увѣренъ, что ему оказана будетъ такая же услуга при случаѣ. Такъ какъ они ничего не даютъ, не надѣясь въ свою очередь получить что нибудь, и даже рѣшительно не предполагаютъ, чтобы можно было поступать инымъ образомъ,— то у нихъ и не въ обычаѣ выражать благодарность. Капитанъ Россъ и д-ръ Рэ не считаютъ неблагодарными или особенно эгоистичными тѣхъ Эскимосовъ, съ которыми имъ приходилось имѣть сношеніе, и которые были, повидимому, во всѣхъ отношеніяхъ славнымъ народомъ. Впрочемъ, если ихъ и нельзя назвать жестокими, то во всякомъ случаѣ они довольно безсердечны. Нельзя сказать, чтобы они чувствовали удовольствіе причинять муки другимъ, но они и незаботятся о томъ, чтобы прекратить или облегчить страданія. Кромѣ того, они большіе воры,—хотя капитанъ Парри и замѣчаетъ совершенно вѣрно, что мы должны принять при этомъ во вниманіе степень соблазна, которому они ежедневно подвергались при видѣ неизмѣримыхъ по ихъ мнѣнію богатствъ Европейскихъ судовъ. Въ отношеніи другъ друга, по словамъ Галля, они очень честны, великодушны и довѣрчивы.

Парри такъ описываетъ видѣнныхъ имъ Эскимосовъ: «Разъ только намъ представился случай воспользоваться ихъ гостепріимствомъ и мы были вполнѣ имъ довольны. Самая лучшая пища, самый лучшій комфортъ, какими они только могли располагать, были предложены къ нашимъ услугамъ. Ихъ внимательность выражалась во всемъ, на что только могли указывать имъ долгъ гостепріимства и сердечная доброта. Мы долго не забудемъ ту любезность, съ какою женщины дома бросились сушить и чинить наши платья, варить наше кушанье, растаивать для питья снѣгъ и пр.,—любезность, вызвав-

шую въ насъ чувство глубокаго удивленія и признательности. Будучи ихъ гостемъ, я провелъ вечеръ не только удобно, но и пріятно. Женщины работали и пѣли, мужчины, молча, исправляли лесы удочекъ, дѣти играли около двери, а горшокъ клокоталъ надъ лампой, которая разливала пріятный свѣтъ. При видѣ всего этого можно было забыть, что находишься въ Эскимосской хижинѣ, и я готовъ повторить съ Картрайтомъ, что я не знаю людей, которымъ бы, находясь подъ ихъ кровомъ, я могъ бы спокойнѣе довѣрить себя и свое имущество, чѣмъ Эскимосамъ».

Д-ръ Рэ также отзывается объ нихъ съ весьма хорошей стороны и, повидимому, они дѣйствительно представляютъ замѣчательное явленіе высокой нравственности, при отсутствіи всего того, что можно было бы назвать религіей.

Сѣверо-американскіе Индѣйцы.

Первобытные обитатели Сѣверной Америки, то есть тѣ, которые населяли ее до Колумба, естественнымъ образомъ распадались на три группы: на Эскимосовъ, жителей сѣвера, на Индѣйскія племена, въ центрѣ, и сравнительно цивилизованныхъ Мексиканцевъ—на югѣ. Центральныя племена, занимавшія наибольшую часть материка, въ свою очередь раздѣлялись Скалистыми горами на двѣ большія группы, изъ коихъ жившая на западѣ находилась наиболѣе въ жалкомъ положеніи. Хотя несомнѣнно, что здѣсь было и есть большое различіе между отдѣльными племенами и, въ особенности, между полуземледѣльческими націями Запада и грязными дикарями Сѣверной Калифорніи, во всякомъ случаѣ, всѣ они имѣли между собою много общаго. Какъ справедливо говоритъ Скулькрафтъ, авторъ извѣстнаго сочиненія объ Индѣйскихъ племенахъ: «On the History, Condition and Prospects of the Indian Tribes», «ихъ нравы и обычаи, мнѣнія и образъ мышленія представляли большое сходство — вездѣ, гдѣ только удавалось ихъ наблюдать и такъ было это, повидимому, съ незапамятныхъ временъ. Это же сходство находимъ мы въ способѣ веденія войны и религіозныхъ обрядахъ; въ охотѣ и удовольствіяхъ; въ обычаѣ приносить въ жертву военноплѣнныхъ; въ правѣ возмездія; въ священномъ характерѣ, придаваемомъ публичнымъ собраніямъ и выражавшемся въ раскуриваніи трубки; въ усыновленіи семействами лицъ взятыхъ на войнѣ; въ танцахъ, которыми сопровождалось всякое, возбудавшее человѣческія чувства, событіе; въ скудномъ и безъискусственномъ стилѣ музыки; въ такъ на-

зываемомъ тотемизмѣ, связывавшемъ родствомъ членовъ одного племени; въ системѣ знаковъ и фигуръ, вырѣзавшихся на могильныхъ столбахъ, на деревьяхъ, а иногда даже и на скалахъ. Во всемъ этомъ мы видимъ совершенное тождество основныхъ идей, степени развитія искусствъ и способа мышленія. Пристрастіе къ кочевой жизни и къ мелкимъ войнамъ удерживало ихъ въ состояніи дикости, не смотря на то, что они имѣли цивилизующій элементъ въ растущемъ у нихъ маисѣ».

Что касается одежды, то у многихъ Индѣйскихъ вождей были великолѣпные наряды изъ звѣриныхъ шкуръ и изъ перьевъ. Нѣкоторыя племена однако вовсе не носили платья, что впрочемъ не относится къ женщинамъ: да и мужчины, бо́льшею частью, носили по крайней мѣрѣ кусокъ матеріи вокругъ бедеръ. Вообще же бо́льшая или ме́ньшая сложность костюма зависѣла главнымъ образомъ отъ климата. Въ равнинахъ и лѣсахъ тропическихъ южныхъ широтъ, Индѣйцы почти вовсе не носятъ одежды въ теченіи большей части года, тогда какъ на сѣверѣ и въ горахъ, обыкновенный костюмъ ихъ состоитъ изъ штановъ и моккасиновъ, къ которымъ присоединяется еще буйволовая кожа, набрасываемая на плечи. У жителей о-ва Ванкувера были циновки или ковры, сдѣланные изъ собачьей шерсти, или изъ собачьей шерсти пополамъ съ гагачьимъ пухомъ, или, наконецъ, изъ нитокъ, получаемыхъ изъ коры кедроваго дерева. У нихъ были въ большомъ употребленіи ожерелья изъ раковинъ и звѣриныхъ когтей или вампумы, головныя украшенія изъ перьевъ, браслеты, равно какъ серьги и кольца для ношенія въ носу. Многія изъ Индѣйскихъ племенъ весьма заботятся о чистотѣ тѣла и часто моются въ горячей банѣ или въ рѣкѣ; но есть и такія, которыя отличаются необыкновенною нечистоплотностью и весьма грязными манерами и привычками.

Восточныя племена не имѣютъ обычая искусственнымъ образомъ обезображивать свою фигуру, за исключеніемъ развѣ окраски ея различными цвѣтами; иное дѣло— на западѣ. Индѣйцы Сачетъ пролива де-Фука носятъ въ носовомъ хрящѣ кости или деревяшки. Индѣйцы племени Классетъ дѣлаютъ у себя зарубки на носу, когда имъ удается поймать кита; у Бабиновъ, живущихъ на сѣверъ отъ рѣки Колумбіи, величина нижней губы считается мѣриломъ женской красоты. Въ нижней губѣ младенца они протыкаютъ диру, въ которую вставляютъ маленькую косточку; затѣмъ, время отъ времени, они замѣняютъ эту кость другою, болѣе толстою, и это продолжается до тѣхъ поръ, покуда не получается отверстіе, куда можно свободно вложить деревяшку, дюйма въ три длиною и въ полтора толщи-

ною, причемъ губа получаетъ ужасающіе размѣры. Процессъ произведенія такой дыры долженъ, повидимому, причинять порядочную боль.

Вслѣдствіе очень распространеннаго обычая привязывать дѣтей къ колыбельной доскѣ, черепа многихъ Американскихъ племенъ отличаются очень плоскимъ затылкомъ. Такой особенности мы не встрѣчаемъ теперь на черепахъ Европейцевъ, но она была замѣчена на многихъ древнихъ черепахъ, найденныхъ въ различныхъ частяхъ Стараго Свѣта. По мнѣнію Везалія, Госсе и Вильсона, это служитъ доказательствомъ, что давно оставленныя колыбельныя доски были прежде въ употребленіи въ западной Европѣ, подобно тому, какъ онѣ еще и теперь употребляются у нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ. Этотъ оригинальный обычай измѣнять форму головы былъ распространенъ между многими Индѣйскими племенами. Онъ существовалъ въ Мексико, въ Перу, на Караибскихъ островахъ и у дикихъ племенъ Орегона. У Индѣйцевъ Натчезъ, по словамъ историка экспедиціи Де-Сото, существовалъ обычай сдавливать голову такимъ образомъ, что она оканчивалась кверху остріемъ или ребромъ. Чоктавы, хотя враги Натчезовъ, также «улучшали» свои головы подобнымъ же образомъ. Для этого они привязывали младенцевъ къ доскѣ и клали имъ на лобъ мѣшокъ съ пескомъ, «который, постояннымъ слабымъ давленіемъ, придавалъ передней части головы нѣсколько кирпичеобразную форму; и такимъ образомъ они производили большіе, покатые взадъ лбы». Такой же обычай существовалъ у Ваксаусовъ, Мускогисовъ, или Крихсовъ, Катавбасовъ и Альтакаповъ.

Операціямъ этимъ подвергались обыкновенно одни только младенцы мужскаго пола. У Нутка-Колумбійцевъ, однако, этотъ обычай сдавливать голову прилагался къ обоимъ поламъ. Дитя клали въ ящикъ или колыбель, устланную мохомъ, причемъ затылокъ долженъ былъ оставаться на нѣсколько приподнятой доскѣ. Другая доска клалась на лобъ младенца и крѣпко привязывалась къ его головѣ. Процессъ давленія продолжался до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не начиналъ ходить, и въ это время, онъ, судя по описаніямъ, долженъ былъ имѣть ужасный видъ. Глаза его далеко отстояли другъ отъ друга, глазные яблоки сильно выпячивались и направлялись къ верху, голова дѣлалась неимовѣрно широкою и получала почти форму клина.—Неватисы, племя, жившее на сѣверномъ берегу острова Ванкувера, придавало также своимъ головамъ, съ помощью кедровой коры и ремня изъ оленьей кожи, — конусообразную форму. Ремень этотъ, толщина котораго равнялась большому пальцу, обводился вокругъ головы ребенка и мало-по-малу сообщалъ ей форму остраго конуса. У

Перуанцевъ лобъ сдавливался и отгибался назадъ помощью двухъ бинтовъ, между которыми оставлялось свободное пространство, возвышавшееся впослѣдствіи въ видѣ поперечнаго валика. Такимъ образомъ задерживалось развитіе лба, равно какъ и боковыхъ частей головы, между тѣмъ какъ затылку предоставлялась полная свобода роста; вслѣдствіе этого, мозгъ долженъ былъ увеличиваться ненормально въ одномъ направленіи.—Получавшіяся такимъ путемъ измѣненія были такъ значительны, а форма этихъ ненормальныхъ череповъ такъ оригинальна, что многіе этнологи расположены были приписывать ихъ совершенно особенной человѣческой расѣ. Эта теорія однакоже оказалась ложною и въ настоящее время всѣми оставлена. Весьма замѣчательно, что такой неестественный процессъ сдавливанія черепа, повидимому не оказываетъ никакого значительнаго вліянія на умственныя способности страдальцевъ.

По словамъ Херна, сѣверныя Индѣйскія племена совершенно не имѣли религіи; даже знаменитые «пять народовъ» Канады, по свидѣтельству Кольдена, не только не имѣли религіи, но въ ихъ языкѣ не было даже слова, для выраженія понятія «Богъ». Бёрнетъ ненашелъ у Команчей никакихъ признаковъ религіознаго культа. Въ центральныхъ частяхъ Сѣверной Америки, однако, Индѣйскія племена вѣрили въ существованіе Великаго Духа и въ загробную жизнь; но вообще у нихъ кажется не было никакихъ религіозныхъ обрядовъ, а тѣмъ болѣе построекъ для религіозныхъ цѣлей. Дакоты никогда не молились Создателю: если они желали хорошей погоды, то и возсылали молитвы къ погодѣ. Они держались того мнѣнія, что Великій Духъ создалъ все,—за исключеніемъ грома и риса; но на чемъ они основывали это оригинальное исключеніе, намъ неизвѣстно.

Общественное положеніе женщины у туземныхъ племенъ Сѣверной Америки было, повидимому, очень незавидно. Съ женами или собаками, какъ называютъ ихъ иногда Индѣйцы, обращаются еще впрочемъ довольно хорошо, покуда онѣ способны работать и пока нѣтъ недостатка въ пищѣ; но на всемъ Американскомъ материкѣ, какъ и вообще у всѣхъ дикарей, на женщинахъ лежатъ всѣ домашнія работы, между тѣмъ какъ мужчины занимаются охотою и войною. Мы не должны однакоже забывать, что по крайней мѣрѣ первое изъ этихъ двухъ занятій имѣло для нихъ громадную важность, и что отъ него зависѣли главнѣйшіе средства существованія.—Изъ формъ брака, въ большинствѣ случаевъ преобладала полигамія. Мужъ имѣлъ абсолютную власть надъ своими женами и бракъ продолжался лишь до тѣхъ поръ, пока это было угодно мужу. У нѣкоторыхъ Индѣйскихъ племенъ Сѣверной Калифорніи считалось несправедливымъ бить женъ,

но за то мужчины оставляли за собою право застрѣливать тѣхъ, которыя имъ надоѣдали. У Догрибовъ и другихъ сѣверныхъ племенъ, женщины составляли собственность болѣе сильнаго. Тамъ держались положительно такого мнѣнія, что всякій мужчина имѣлъ законное и нравственное право отнимать себѣ жену у болѣе слабаго. Такимъ образомъ у нихъ происходила такая же борьба изъ за обладанія женщинами, какъ у оленей, или самцевъ другихъ дикихъ животныхъ. Передаваніе жены на время было также дѣломъ весьма обыкновеннымъ.

«Невозмутимое равнодушіе во всякомъ положеніи «говоритъ Скулькрафтъ», составляетъ наиболѣе рѣзкую и типичную черту Индѣйскаго характера. Они стараются достичь возможно полнаго совершенства въ искусствѣ управлять своими мышцами и подавлять всякое душевное волненіе, и любятъ въ особенности блеснуть этимъ искусствомъ на общественныхъ собраніяхъ. Ни испугъ, ни радость отнюдь не должны возмущать когда либо это невозмутимое спокойствіе». Даже между родственниками «не принято выказывать другъ другу расположеніе, такъ какъ это противорѣчитъ гордости и стоицизму воина и охотника. Даже гордость жены, существа привыкшаго ко всякимъ жестокостямъ, возмущается противъ этого».

Но, можетъ быть, самымъ лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить тотъ фактъ, что въ Алгонкинскомъ языкѣ, одномъ изъ самыхъ богатыхъ, между Индѣйскими нѣтъ даже слова для выраженія *любви*, такъ что миссіонеръ Эліотъ, переводя для нихъ библію въ 1661 г., долженъ былъ самъ составить такое слово, именно «*womon*», которое и было введено въ употребленіе. Языкъ племени Тинне, по Ричардсону, также не заключаетъ въ себѣ слова «милый» или «любезный». Въ параллель къ этому, слѣдуетъ однако прибавить, что Кэнъ слышалъ, какъ Индѣйцы племени Кри божились и ругались на французскомъ языкѣ, такъ какъ ихъ собственный языкъ былъ въ этомъ отношеніи недостаточенъ. Скулькрафтъ припоминаетъ,—желая доказать, что въ дѣйствительности Индѣйцы способны къ нѣжному расположенію, что «прогуливаясь однажды недалеко отъ Индѣйскаго вигвама, я видѣлъ, какъ одинъ Индѣецъ, незамѣчая меня, взялъ своего мальчика на руки и нѣсколько разъ поцаловалъ его». Особенное упоминаніе объ этомъ фактѣ вызываетъ однакоже впечатлѣніе противоположное тому, какое при этомъ имѣлось въ виду. Тѣмъ не менѣе, въ средѣ лучшихъ племенъ встрѣчается несомнѣнно много такихъ людей, которые способны къ сильной привязанности. Извѣстны даже такіе случаи, когда отецъ избавлялъ своего сына отъ мукъ, замѣняя его своею собственною особою и погибая вмѣсто него на кострѣ.

Вслѣдствіе ненависти, вызванной почти постоянными войнами,

быть можетъ также, вслѣдствіе стоическаго равнодушія ко всякому страданію, которое предписывается ихъ гордостью, Индѣйцы были очень жестоки въ отношеніи своихъ военноплѣнныхъ. Скальпированіе было у нихъ распространено повсемѣстно. Говорятъ даже, что Индѣйцы племени Сіу съѣдали иногда сердца своихъ враговъ, наблюдая при этомъ, чтобы каждому воину досталась хотя малѣйшая частичка.

Дѣтоубійство было очень распространено на сѣверѣ, между тѣмъ какъ на югѣ оно встрѣчалось много рѣже. До знакомства съ Европейцами, Индѣйцы, повидимому, не знали опьяняющихъ напитковъ. У Сіу, Ассинибоиновъ и другихъ племенъ существовалъ обычай покидать старыхъ и слабыхъ, неспособныхъ слѣдовать за прочими на охоту. Это же было въ ходу и у сѣверныхъ племенъ.

Мѣдь встрѣчается въ самородкахъ въ сѣверныхъ округахъ и еще до знакомства съ Европейцами, была употребляема на приготовленіе топоровъ, браслетовъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, она употреблялась скорѣе какъ камень, чѣмъ металлъ, т. е. Индѣйцы не плавили ее и не выливали въ формы, вообще не обработывали ее въ горячемъ состояніи, но пользовались ковкостью этого металла и обработывали его съ помощью молотковъ, безъ всякаго содѣйствія огня. Металлическіе сосуды были имъ совершенно неизвѣстны.

Орудія Шошоновъ или Змѣиныхъ Индѣйцевъ были описаны Wyeth'омъ. Имущество ихъ состояло изъ «горшковъ, стрѣлъ и лука, ножей, скребковъ для выдѣлки кожъ, шилъ, инструментовъ для выкапыванья кореньевъ, острогъ для багренья рыбы, сѣтей, особаго рода лодокъ или плотовъ, курительныхъ трубокъ, циновокъ для прикрытія отъ непогоды и орудій для добыванія огня.

Горшки дѣлались изъ «длинныхъ, жесткихъ кореньевъ, согнутыхъ въ складки вокругъ центра, такимъ образомъ, что сосуды съуживались книзу и имѣли видъ опрокинутаго улья.» Такіе горшки были настолько хорошо сработаны, что вода не вытекала изъ нихъ и они могли употреблятся для варки кушанья, способомъ, описаннымъ выше и свойственнымъ вообще дикарямъ. Дакоты варили, говорятъ, еще иногда животныхъ въ ихъ собственной шкурѣ. Для этой цѣли они снимали кожу животнаго, привязывали ее за четыре угла и затѣмъ употребляли, какъ и обыкновенно, раскаленные камни. Кромѣ того, у нихъ были еще каменные сосуды, но такіе встрѣчались рѣдко и служили, кажется, исключительно ступками.

Луки ихъ дѣлаются очень искусно изъ роговъ горнаго барана, лося и иногда также изъ дерева. Тетивы для нихъ приготовляются изъ крученыхъ сухожилій и висятъ, натягиваясь свободно, такъ что при стрѣляніи изъ такихъ луковъ требуется защита для держащей

ихъ руки. Стрѣла пускается съ такою силой, что можетъ проходить насквозь тѣла лошади или буйвола, и въ описаніи экспедиціи Де-Сото говорится даже, что въ одномъ случаѣ такая стрѣла прошла черезъ сѣдло и черезъ вальтрапъ лошади и еще вонзилась на одну треть своей длины въ тѣло животнаго. Хотя вообще такой лукъ не можетъ конечно сравниться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, однако въ приложеніи къ охотѣ, онъ имѣетъ то преимущество, что не производитъ шуму. У многихъ племенъ приготовленіе луковъ составляло особое ремесло. Наконечники стрѣлъ дѣлаются обыкновенно изъ обсидіана и имѣютъ въ длину три четверти дюйма, а въ ширину полдюйма, — при этомъ надо замѣтить, что онѣ очень тонки. Нижній конецъ такого наконечника шире и вдѣлывается въ расщепленный конецъ древка, къ которому привязывается крѣпко сухожильями. Древко имѣетъ въ длину около двухъ съ половиною футовъ. Въ томъ случаѣ, когда оружіе назначается для охоты, древко къ концу расширяется, такъ что при извлеченіи его изъ раны, выходитъ наружу и наконечникъ стрѣлы; если же оно предназначается для войны, то древко къ концу заостряется, такъ что, при извлеченіи его, наконечникъ остается въ ранѣ. Праща, повидимому, были въ незначительномъ употребленіи.

Ножи дѣлались обыкновенно изъ обсидіана, отличались довольно грубой работой и укрѣплялись большой частью въ деревянныхъ или роговыхъ рукояткахъ. Скребки, назначавшіеся для выдѣлки кожи, приготовлялись, то изъ костей, то изъ обсидіана. Шила дѣлались обыкновенно изъ костей, но иногда они замѣнялись также крупными шипами или колючками. Инструменты для выкапыванія кореньевъ дѣлались или изъ рога, или изъ заостренныхъ и обожженныхъ для большей крѣпости палокъ. «Гарпуны для ловли рыбы—очень простое и остроумное орудіе. Наконечникъ ихъ дѣлается изъ кости, къ срединѣ которой прикрѣпляется маленькій, крѣпкій снурокъ, соединяющій его съ древкомъ на разстояніи около 2 футовъ отъ конца послѣдняго. Вблизи передняго конца наконечника находится не большое, мелкое углубленіе, которое идетъ косвенно кпереди. Въ углубленіе это вставляется передній конецъ древка», которое дѣлается обыкновенно изъ легкой ивы и имѣетъ въ длину около 10 фут. Когда такимъ орудіемъ попадаютъ въ рыбу, то древко тотчасъ же вытаскиваются, и привязанная къ нему веревка приводитъ костяной наконечникъ въ поперечное положеніе.

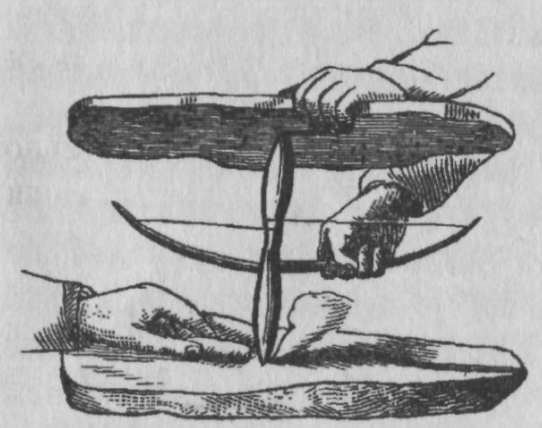
Рыболовныя сѣти дѣлаются двоякаго рода изъ древесной коры, дающей очень прочныя бичевки. Впрочемъ, у сѣверныхъ племенъ, жившихъ на западъ отъ рѣки Макензи, онѣ были совершенно неиз-

вѣстны. Лодки Шошоновъ едва ли заслуживаютъ такое названіе, такъ какъ онѣ повидимому, употребляются подобно паромамъ, исключительно для перевоза. У другихъ племенъ, впрочемъ, встрѣчаются лучшія лодки, сдѣланныя изъ коры или выдолбленныя изъ дерева. Курительныя трубки у нихъ длинныя и головки дѣлаются обыкновенно изъ валяльной глины, или изъ пѣнки. Циновки, приготовляемыя изъ тростника, имѣютъ фута 4 въ длину и употребляются вмѣсто постели или служатъ также для устройства вигвамовъ.

Огонь Индѣйцы получали помощью тренія другъ о друга двухъ кусковъ дерева. Племена Чиппевейсъ и Натчезъ имѣли особое учрежденіе для поддержки постояннаго огня, для чего у нихъ спеціально предназначалось нѣсколько человѣкъ.

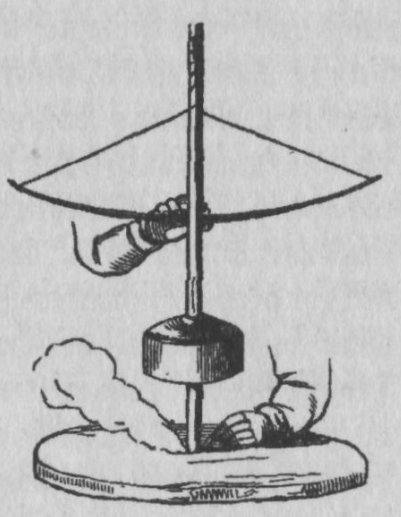
Дакоты употребляли для добыванія огня особый лучекъ (фиг. 212). Инструментъ этотъ, какъ то можно видѣть на прилагаемомъ

Фиг. 212.



Лучокъ для добыванія огня, племени Дакота.

Фиг. 213.



Ирокезскій лучокъ для высверливанія огня.

рисункѣ, есть небольшой крѣпко натянутый лучокъ, тетива котораго образуетъ петлю вокругъ вертикально поставленной палки и, посредствомъ движенія лука вверхъ и внизъ, приводитъ послѣднюю во вращательное движеніе. Ирокезы сдѣлали нѣкоторое улучшеніе этого снаряда, вслѣдствіе чего онъ получилъ большое сходство съ инструментомъ, употребляемымъ въ западной Европѣ, а также и на островѣ Цейлонѣ, для пробуравленія дыръ въ глинѣ и въ металлѣ.

Хижины или вигвамы сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ бываютъ двухъ родовъ—лѣтнія и зимнія. Зимній вигвамъ Дакотовъ такимъ образомъ описывается Скулькрафтомъ: «Для постройки такого виг-

вама нужно только срубить нѣсколько молодыхъ деревьевъ, футовъ въ 15 длиною, воткнуть ихъ толстыми концами въ землю въ видѣ круга, а тонкими соединить вверху въ формѣ конуса. Затѣмъ берутся нѣсколько буйволовыхъ шкуръ, сшиваются вмѣстѣ въ видѣ шапки и надѣваются на остовъ, укрѣпляясь помощью нѣсколькихъ колышковъ. Огонь разводится прямо на землѣ, по срединѣ вигвама, а дымъ проходитъ черезъ отверстіе, сдѣланное вверху. Такія жилища теплы и, относительно, довольно удобны. Другаго рода хижины дѣлаются изъ коры и, обыкновенно, изъ коры вяза». Хижины Мандановъ, Минетаріевъ и др. были круглой формы и имѣли въ поперечникѣ отъ 40—60 ф. Земля въ нихъ снималась фута на 2 глубины, а остовъ дѣлался изъ толстыхъ кольевъ, плотно прикрытыхъ ивовыми вѣтками, только по срединѣ оставлявшими отверстіе для прохожденія дыма и свѣта. На этотъ деревянный остовъ клался толстый слой земли, а на него еще слой твердой глины, которая дѣлала жилище непроницаемымъ для воды, и съ теченіемъ времени становилась настолько твердою, что крыша такихъ жилищъ могла служить въ хорошую погоду любимымъ мѣстомъ отдыха туземцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жилища содержались въ большой чистотѣ, но это относительно довольно рѣдко. Описывая Индѣйцевъ пролива Нутка, Кукъ говоритъ, что «нечистота и вонь ихъ жилищъ по крайней мѣрѣ соотвѣтствовали ихъ безпорядку, потому что они имѣли обыкновеніе потрошить и коптить рыбу въ самыхъ жилищахъ, да тутъ же бросали еще кости, остатки отъ обѣда и прочіе отбросы, которые, полагать надо, только тогда удалялись, когда уже начинали значительно затруднять движеніе по хижинѣ. Однимъ словомъ, ихъ хижины болѣе походили на свиной хлѣвъ, чѣмъ на человѣческое жилище и всѣ предметы въ нихъ и около были насквозь пропитаны запахомъ рыбы, ворвани и дыма».

Индѣйцы Колумбіи выкапываютъ въ землѣ круглыя ямы, отъ 10 до 12 футовъ глубины и отъ 40 до 50 футовъ въ окружности, и устраиваютъ надъ ними крышу изъ сплавнаго лѣса и глины. Съ одной стороны оставляется отверстіе, долженствующее служить дверью, и въ него вставляется бревно съ зарубками, замѣняющее лѣстницу. Зимуютъ въ такихъ землянкахъ обыкновенно по 12—15 человѣкъ, которые имѣютъ мало надобности въ огнѣ, такъ какъ они ѣдятъ свою семгу большей частью въ сыромъ видѣ, а помѣщеніе нагрѣвается уже достаточно само собою, вслѣдствіе скопленія народа и отсутствія вентиляціи. Лѣтомъ они живутъ въ шалашахъ изъ кольевъ, обтянутыхъ циновками. Племена эти питаются главнымъ образомъ семгою, отдавая предпочтеніе той, которая попортилась.

Къ югу отъ залива св. Лаврентія и на западъ отъ Скалистыхъ горъ почти всѣ племена, повидимому, занимались воздѣлываніемъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ маиса. Въ Каролинѣ и въ Виргиніи Индѣйцы воздѣлывали огромныя пространства маиса и считали его однимъ изъ самыхъ главныхъ источниковъ своего продовольствія. Делавары имѣли также обширныя маисовыя поля въ эпоху открытія Америки. Въ 1527 году Де-Вака встрѣчалъ маисъ въ небольшомъ количествѣ во Флоридѣ, а Де-Сото, 12 лѣтъ спустя, нашелъ его въ изобиліи у Мускогисовъ, Чоктавовъ, Чиказавовъ и Чирокисовъ. Въ одномъ случаѣ его армія шла на протяженіи двухъ лигъ полями маиса. Положительно извѣстно, что въ 1610 году хлѣбное растеніе это воздѣлывалось Ирокезами, а также, хотя и въ меньшемъ количествѣ, охотничьими племенами Огіо, Уэбаги, Міами и Иллинойса, равно какъ и обитателями обоихъ береговъ Миссисипи. Что касается до слѣдовъ древней агрикультуры, то объ нихъ уже было говорено въ главѣ о Сѣверо-Американской археологіи. Маисъ, повидимому, былъ единственнымъ дѣйствительно воздѣлываемымъ хлѣбнымъ растеніемъ, хотя нѣкоторыя племена также значительно зависѣли въ своемъ существованіи отъ нѣкоторыхъ кореньевъ и пр. Главнымъ земледѣльческимъ орудіемъ былъ кажется заступъ, который дѣлался у нихъ бо̀льшею частью изъ лопатки бизона, укрѣпленной на деревянной рукояткѣ. Дикій рисъ попадается также въ изобиліи въ мелкихъ озерахъ и рѣчкахъ Мичигана, Уисконсина, Іовы, Миннесоты, также какъ и въ верхнихъ долинахъ Миссисипи и Миссури. Онъ собирался женщинами и составлялъ одинъ изъ главныхъ источниковъ пищи. Индіянки отправлялись къ рисовымъ полямъ въ лодкахъ, набирали въ руку стеблей риса, нагибали ихъ въ лодку и отмолачивали зерна съ помощью своихъ веселъ.

Главнымъ образомъ, однако, сѣверо-американскіе Индѣйцы извлекали (и извлекаютъ) свою пищу изъ царства животныхъ. Охота и рыболовство составляютъ ихъ главнѣйшее занятіе; бизонъ, олень и семга — главнѣйшій источникъ пищи. Бизоновъ они или загоняли въ загоны, или же убивали въ открытой преріи съ помощью лука и стрѣлъ. Рыбу добывали острогою, ловили сѣтями или били стрѣлами. Макаусы и Клаллумы, племена береговъ Тихаго океана иногда охотились также за китами. Для этой цѣли они употребляли большія костяныя гарпуны, съ зубцами, веревкой и крѣпкимъ пузыремъ, сдѣланнымъ изъ тюленьей кожи и наполненнымъ воздухомъ. Снарядъ этотъ употреблялся такимъ же образомъ, какъ и описанный выше—Эскимосами. Подобно хищнымъ животнымъ, Индѣйцы то находятся въ періодѣ изобилія пищи, то терпятъ ужасный недоста-

токъ въ ней. Обыкновенно впрочемъ дичь встрѣчается у нихъ въ изобиліи, и Нока, одинъ изъ ихъ наиболѣе знаменитыхъ охотниковъ, убилъ, говорятъ, въ одинъ день—16 лосей, 4 бизона, 5 оленей, 3 медвѣдей, 1 дикобраза и 1 рысь. Такой случай впрочемъ надо уже считать исключительнымъ. Въ извѣстное время года они, обыкновенно, убиваютъ болѣе дичи, чѣмъ это необходимо для непосредственнаго употребленія. Тогда они сушатъ излишекъ, дѣлая изъ него такъ называемый «пеммиканъ». Зимою, однако, имъ часто приходится терпѣть большой недостатокъ въ продовольствіи. Бакъ приводитъ ужасную картину ихъ мученій въ голодныя времена, а Wyeth говоритъ, что Шошоны «почти ежегодно доходятъ до рубежа голодной смерти и невѣроятнымъ образомъ худѣютъ зимою и весною. Транперы (охотники въ преріяхъ) держатся даже того мнѣнія, что всѣ Индѣйцы, подъ старость, буквально умираютъ отъ голодной смерти».

Какъ и слѣдовало ожидать, способъ погребенія въ различныхъ частяхъ Сѣверной Америки очень различенъ. Въ Колумбіи и у многихъ другихъ племенъ, живущихъ въ преріи, мертвыхъ зашиваютъ въ мѣхъ или въ одѣяло и кладутъ на вѣтки деревьевъ или на подмостки. Личная собственность каждаго умершаго также кладется вмѣстѣ съ тѣломъ. Иногда мертвыхъ клали также въ лодки и покрывали вѣтками, а многіе изъ восточныхъ племенъ, какъ уже было упомянуто выше. хоронили своихъ покойниковъ подъ курганами. У Индѣйцевъ Свѣтлаго озера (Clear Lake Indians), Карріеровъ и т. д., существовалъ обычай сжигать покойниковъ, между тѣмъ какъ во Флоридѣ ихъ хоронили въ сидячемъ положеніи. У нѣкоторыхъ племенъ существовалъ также обычай, каждыя 8 или 10 лѣтъ, собирать кости и сносить ихъ въ одну общую могилу.

Нельзя сказать, чтобы краснокожіе вовсе были лишены понятій объ искусствѣ. Они въ состояніи дѣлать грубые рисунки на камнѣ и часто украшаютъ свои вигвамы, платья и т. д. подобными же грубыми рисунками и узорами. Что касается портретовъ, то они имѣютъ относительно ихъ курьезныя идеи. Такъ, они думаютъ, что художникъ пріобрѣтаетъ какую-то таинственную власть надъ тѣмъ, кого онъ срисовываетъ—предразсудокъ, давшій однажды возможность Кэну избавиться весьма скоро отъ нестерпимо надоѣдавшихъ ему Индѣйцевъ. Именно, онъ сказалъ, что срисуетъ каждаго изъ нихъ, кто только останется въ его палаткѣ, и немедленно же всѣ поспѣшили удалиться. Чѣмъ болѣе портретъ сходенъ съ оригиналомъ, тѣмъ хуже,—такъ какъ они полагаютъ, что такое сходство можетъ быть достигнуто только въ ущербъ оригиналу. Кромѣ того, они воображаютъ, что существуетъ какая-то таинственная связь между

портретомъ и оригиналомъ, такъ что оригиналъ долженъ напр. пострадать, если нанесенъ будетъ какой нибудь вредъ портрету. Катлинъ разсказываетъ интересный анекдотъ по этому поводу. Онъ возбудилъ противъ себя великое неудовольствіе племени Сіу, за то, что нарисовалъ одного изъ ихъ главныхъ вождей въ профиль. «Отчего же ты нарисовалъ только половину его лица», приступали они къ нему. «Махточига никогда не боялся глядѣть прямо въ лицо бѣлому человѣку». Самъ Махточига, повидимому, нисколько не оскорбился этимъ фактомъ, но другой Индѣецъ, Шонка, «Собака», воспользовался этимъ случаемъ, чтобы посмѣяться надъ нимъ. «Англичанинъ знаетъ», сказалъ онъ, «что ты только на половину человѣкъ, а потому и нарисовалъ только половину твоего лица; онъ знаетъ, что все остальное никуда не годится». Такая насмѣшка вызвала поединокъ, въ которомъ бѣдный Махточига палъ отъ пули. Надо же было случиться такъ, что пуля оторвала ему именно ту часть лица, которой не доставало на портретѣ. Это была неблагопріятная случайность для г. Катлина; ему едва удалось спастись бѣгствомъ, и кромѣ того, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ему угрожала ежеминутная смерть. Ссора между Индѣйцами продолжалась до тѣхъ поръ, пока убійствомъ Шонка и его брата не отомщена была смерть Махточиги.

Какъ и многіе другіе дикари, Сѣверо-Американскіе Индѣйцы быстро исчезаютъ съ лица земли. Будучи предоставлены самимъ себѣ, они дошли бы вѣроятно до извѣстной, своеобразной цивилизаціи, но къ нашей они рѣшительно неспособны. Не будучи въ состояніи идти совмѣстно съ Европейцами, какъ равные съ равными, и слишкомъ гордые для того, чтобы работать въ подчиненномъ положеніи, они могутъ извлечь пользу изъ сношенія съ высшей расой только тамъ, гдѣ, какъ во владѣніяхъ Гудсонъ-Бэйской Компаніи, они защищены отъ притѣсненій поселенцевъ и отъ междоусобій, гдѣ охота поощряется, войнамъ положенъ конецъ, торговля водкой запрещена и, въ голодные годы, имъ доставляется необходимая пища. Очень можетъ быть, что не въ очень долгомъ времени Индѣйцы уцѣлѣютъ только на территоріи Гудсонъ-Бэйской Компаніи.

Индѣйцы Парагвая.

Индѣйцы Парагвая описаны были Добрицхоферомъ и Дономъ Феликсомъ де-Азара, которые жили долгое время между ними. Послѣдній нашелъ ихъ раздѣленными на много различныхъ племенъ,

съ по крайней мѣрѣ сорока отдѣльными нарѣчіями и многими мелкими отличіями въ обычаяхъ. Нѣкоторыя изъ племенъ кормились по преимуществу рыбою, но большая часть зависѣла въ своемъ существованіи отъ дикихъ лошадей и рогатаго скота, и слѣдовательно, должна была вести какой либо другой образъ жизни до открытія Америки. Главное оружіе ихъ состояло изъ длинныхъ копьевъ, палицъ, луковъ и стрѣлъ. Нѣкоторыя племена, какъ напр. жившія въ Пампасахъ, не употребляли ни стрѣлъ, ни луковъ и предпочитали такъ называемые боласы. На войнѣ Парагвайскіе Индѣйцы были безпощадны въ отношеніи къ мужчинамъ, но щадили женщинъ и дѣтей.

Хижины ихъ, если имъ только можно дать это названіе, были очень просты. Они срѣзывали двѣ или четыре длинныхъ вѣтви, втыкали ихъ обоими концами въ землю и навѣшивали на нихъ коровью шкуру. Постель ихъ состояла также изъ звѣриной шкуры; ни столовъ, ни стульевъ, ни другой какой либо мебели у нихъ не было. Мужчины рѣдко одѣвались, а костюмъ женщинъ состоялъ изъ одного «пончо»,—у нѣкоторыхъ же племенъ, какъ напр. у Наликуегасъ, и того не было. Искусство мыться было имъ повидимому совершенно неизвѣстно, хотя Азара и сообщаетъ, что въ сильную жару они купались иногда, но не столько ради чистоты, сколько освѣженія. Лишнимъ будетъ слѣдовательно говорить о томъ, какъ они были чрезвычайно грязны. У нихъ не было домашнихъ животныхъ и они не имѣли никакого понятія о земледѣліи. У знахарей ихъ извѣстно было только одно средство, которое прилагалось во всѣхъ болѣзняхъ и во всякомъ случаѣ имѣло то великое достоинство, что не могло быть вреднымъ; оно состояло: »a sucer avec beaucoup de force l'estomac du patient, pour en tirer le mal».

Многія изъ этихъ племенъ расписывали себѣ различнымъ образомъ тѣло и протыкали нижнюю губу, чтобы воткнуть въ нее деревяшку въ 4—5 дюймовъ длины; такая деревяшка никогда не вынималась.

У нихъ не было никакой постоянной формы правленія и, по свидѣтельству Азара, также никакихъ религіозныхъ понятій. Азара впрочемъ прилагаетъ это послѣднее заключеніе ко всѣмъ вообще Индѣйцамъ и въ особенности къ племенамъ: Чарруасъ, Минуанасъ, Аукасъ, Гварани, Гваянасъ, Наликуегасъ, Гвазарановъ, Гуатовъ, Нинаквигиласъ, Гуанасъ, Леигвасъ, Агвилотовъ, Мокоби, Абипоновъ и Парагвасъ; но изъ другихъ описаній видно, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ этихъ племенъ вѣрили въ колдовство и въ таинственныхъ злыхъ духовъ.

Азара описываетъ языкъ Гварани, какъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ,

но, тѣмъ не менѣе, во многихъ отношеніяхъ онъ былъ весьма недостаточенъ. Такъ напр:: на немъ можно было считать только до 4; для обозначенія же дальнѣйшихъ цифръ не существовало словъ, даже нельзя было найдти названій для 5 и 6 (?!). Нѣтъ надобности и сообщать, что бракъ имѣлъ у нихъ весьма неважное значеніе. Они женились, когда имъ было угодно, и расходились, когда имъ нравилось.

Дѣтоубійство у нѣкоторыхъ племенъ составляло скорѣе правило, чѣмъ исключеніе; а такъ какъ у женщинъ введено было въ обычай оставлять лишь одного ребенка и именно того, который по ихъ мнѣнію, долженъ былъ быть послѣдній, то часто случалось, что онѣ оставались совершенно безъ дѣтей.

Патагонцы.

Обитатели южныхъ частей Южной Америки, хотя они подраздѣляются на множество различныхъ племенъ, могутъ, однакоже, быть разсматриваемы, какъ принадлежащіе къ двумъ главнымъ группамъ: Патагонцевъ или такъ называемыхъ Конныхъ Индѣйцевъ Востока, имѣющихъ лошадей и не знающихъ лодокъ, и—Чоносъ или Пешересовъ, не имѣющихъ лошадей, но употребляющихъ лодки и населяющихъ бурные острова на югѣ и западѣ.

Якапа-кунни, занимающіе сѣверо-восточную часть Огненной земли, суть, собственно говоря, не Пешересы, но Патагонцы и сходны съ ними по цвѣту кожи, росту и одеждѣ. Только лодки у нихъ своеобразны. Они живутъ теперь приблизительно такъ, какъ жили вѣроятно Патагонцы до введенія лошадей, и питаются главнымъ образомъ гуанаками, американскими страусами, птицами и тюленями, за которыми охотятся съ собаками, луками и стрѣлами, боласъ, пращами, копьями и палицами. Образъ жизни Патагонцевъ долженъ былъ очень измѣниться съ введеніемъ лошади; но мы конечно можемъ судить о нихъ лишь по настоящему порядку вещей.

Конные и Островные Индѣйцы представляютъ большой контрастъ между собою по силѣ и сложенію. Въ то время, какъ послѣдніе малы ростомъ, невзрачны, плохо сложены, первые обыкновенно значительно выше средняго роста и описывались старинными путешественниками, какъ настоящіе великаны. Магелланъ, первый посѣтившій ихъ въ 1519 году, увѣряетъ, что многіе изъ нихъ имѣли болѣе 7 (французскихъ) футовъ. Гарція де-Лоаиза, видѣвшій ихъ въ 1525 году, также упоминаетъ объ ихъ большомъ ростѣ, но кажется не

измѣрялъ его. Подобное же сообщаютъ Кавендишъ, Кнефетъ, Зибольдъ де-Вертъ, Ванъ-Нортъ, Спильбергенъ и Лемеръ Однимъ словомъ, изъ числа пятнадцати первыхъ путешественниковъ, которымъ удалось пройдти Магелланов проливъ, не менѣе девяти свидѣтельствуютъ о гигантскомъ ростѣ Патагонцевъ. Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ путешественниковъ также подтверждаютъ этотъ фактъ, между прочимъ Фальконеръ, который увѣряетъ, что видѣлъ многихъ мужчинъ выше 7 футовъ ростомъ.

Трудно во всякомъ случаѣ отбросить всѣ эти показанія, а такъ какъ онѣ совершенно не приложимы къ настоящему положенію вещей, то возможно, что со введеніемъ во всеобщее употребленіе лошади, здѣсь послѣдовало уменьшеніе роста.

Хижины или «тольдосъ» патагонцевъ «прямоугольной формы и имѣютъ въ длину отъ 8 до 12 футовъ, при 10 футахъ глубины и 7 вышины. Остовъ постройки состоитъ изъ воткнутыхъ въ землю кольевъ, вилообразныя верхушки которыхъ поддерживаютъ поперечные колья, на которыхъ укрѣплены стропила, а на нихъ кровля, составленная изъ сшитыхъ между собою кожъ и довольно хорошо защищающая отъ вѣтра и непогоды. Эти колья и стропила, добываемыя не особенно легко, переносятся ими съ мѣста на мѣсто во всѣхъ перекочевкахъ. Достигнувъ назначеннаго пункта и выбравъ мѣсто, *защищенное отъ вѣтра, они выкапываютъ, съ помощью твердыхъ* заостренныхъ кольевъ—ямки и вставляютъ въ нихъ колья остова, а такъ какъ вся остальная часть жилища всегда готова, то для возведенія постройки нужно весьма непродолжительное время.

У нихъ нѣтъ глиняной посуды и для носки воды они употребляютъ животные пузыри. Одежда ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ шкуръ, сшитыхъ страусовыми жилами и иногда замѣчательно разрисованныхъ съ одной стороны. По увѣренію Фальконера, нѣкоторыя племена умѣли ткать прекрасные пестрые плащи изъ шерсти. Кромѣ того, они носятъ маленькіе треугольные передники, которые привязываются двумя концами вокругъ таліи, между тѣмъ какъ третій конецъ проводится между ногъ и пристегивается сзади. Для верховой ѣзды они употребляютъ плащи или пончо, въ которыхъ сдѣлана по срединѣ дыра для прохожденія головы. Вмѣсто сапогъ они носятъ «кожу, снимаемую съ голеней и съ бедръ кобылъ и жеребцовъ». Они вычищаютъ кожу, высушиваютъ ее, смягчаютъ съ помощью жира и надѣваютъ ее такъ, какъ она есть, не сшивая и не оскребая ее. Они дѣлаютъ щетки изъ травы, изъ вѣтокъ и изъ камыша, а нижняя челюсть морской свиньи служитъ имъ вмѣсто гребня. Женщины носятъ плащи, которые пристегиваются на груди деревян-

ною спицею или иголкою и привязываются вокругъ таліи. Онѣ носятъ также родъ передника, который достигаетъ до колѣнъ, но прикрываетъ тѣло только спереди. Обувь носятъ онѣ такую же, какъ и мужчины. Какъ и прочіе дикари, они имѣютъ большое пристрастіе къ бусамъ, перьямъ и другимъ украшеніямъ. Они любятъ также раскрашивать себя красной, бѣлой и черной красками, что, впрочемъ, въ глазахъ Европейца, нисколько не прикрашиваетъ ихъ. Оборонительное вооруженіе ихъ состоитъ изъ шлема и щита, сдѣланныхъ изъ толстыхъ звѣриныхъ шкуръ и настолько крѣпкихъ, что могутъ оказывать сопротивленіе копьямъ и стрѣламъ.

Луки ихъ малы, а стрѣлы, снабженныя наконечникомъ изъ кости или камня, иногда бываютъ, говорятъ, отравлены. Кромѣ того у нихъ есть палицы и длинныя тростниковыя копья, большая часть которыхъ въ настоящее время снабжена желѣзнымъ наконечникомъ. Но наиболѣе характеристическое и почти единственно у нихъ однихъ встрѣчающееся оружіе,—это боласъ или шары, которыхъ мы находимъ у нихъ два сорта. Тотъ, который употребляется на войнѣ, состоитъ изъ одного круглаго, обтянутаго кожею камня или шара, сдѣсдѣланнаго изъ твердой глины; такой шаръ долженъ вѣсить около фунта и привязывается къ короткому ремню, или къ звѣриной жилѣ. Иногда они бросаютъ его вмѣстѣ съ веревкой въ противника, но въ большинствѣ случаевъ стараются попасть самымъ шаромъ въ его голову. На охотѣ они употребляютъ два такихъ шара, или камня, связанныхъ между собою ремнемъ въ 3—4 ярда длины. Употребляютъ они это оружіе слѣдующимъ образомъ. Одинъ шаръ берутъ въ руку, другой начинаютъ кружить изъ всѣхъ силъ у себя надъ головою, а затѣмъ бросаютъ оба шара въ предметъ, который они избрали для своей цѣли. Иногда такіе боласъ состоятъ изъ нѣсколькихъ ядеръ, но обыкновенное число ихъ—два. При этомъ туземцы не стараются попасть въ добычу самими шарами, но ремнемъ, и «въ такомъ случаѣ шары начинаютъ закруживаться въ противоположномъ направленіи, а ремни затягиваются такъ, что всякая попытка животнаго къ избавленію только ухудшаетъ его положеніе». Разсказываютъ, что туземцы, сидя верхомъ на лошади, могутъ попадать въ цѣль боласомъ на разстояніи 80 ярдовъ. Кромѣ того, они употребляютъ еще лассо.

Пища прибрежныхъ жителей состоитъ главнымъ образомъ изъ рыбы, которую они или убиваютъ дротиками, или ловятъ, погружаясь въ воду. Гуанаковъ и страусовъ они ловятъ помощью боласовъ. Кромѣ того они не пренебрегаютъ также кобылятиной и питаются многими другими мелкими звѣрями и по крайней мѣрѣ двумя

сортами дикихъ кореньевъ. Они не знакомы съ крѣпкими напитками, а единственный напитокъ ихъ есть отваръ чалась и барбарисовый сиропъ съ водой.

Похороны сопровождаются у нихъ оригинальными церемоніями. Кости мертваго по возможности аккуратно очищаются отъ мяса и «вѣшаются на связанныя вѣтки и сучья, для того, чтобы онѣ хорошенько выбѣлились отъ вліянія дождя и солнца». Для исполненія отвратительной обязанности обчистки скелета приглашается одна изъ самыхъ знатныхъ женщимъ. Въ то время, какъ она занимается своею работою, «Индѣйцы ходятъ кругомъ палатки въ длинныхъ плащахъ, сдѣланныхъ изъ звѣриныхъ шкуръ, съ лицами, намазанными сажей ради этой церемоніи. Въ рукахъ они держатъ длинныя палки или копья, поютъ жалобнымъ тономъ и ударяютъ въ землю, чтобъ испугать и принудить къ бѣгству Валихуса или злаго духа. Лошадей покойника убиваютъ для того, чтобы онъ могъ пользоваться ими въ Алхуе Мапу или странѣ мертвецовъ». По истеченіи года кости собираются въ звѣриную шкуру и кладутся на любимую лошадь покойника, нарочно оставленную въ живыхъ для этой цѣли. Иногда туземцамъ приходится очень далеко отвозить такія кости, потому что они хоронятъ ихъ всегда тамъ, гдѣ уже покоятся предки мертваго. Тамъ кости собираютъ, приводятъ въ нормальное положеніе и связываютъ веревками. Затѣмъ скелетъ одѣваютъ въ лучшее платье, украшаютъ перьями, бусами и т. п. и кладутъ вмѣстѣ съ другими скелетами въ четыреугольную яму. Оружія покойника также кладутся съ нимъ въ могилу, а вокругъ нея они ставятъ мертвыхъ лошадей, подпертыхъ палками. Иногда они воздвигаютъ также надъ могилою насыпь изъ камней.

Фальконеръ считаетъ Патагонцевъ политеистами, но, къ сожалѣнію, мы очень мало знаемъ о ихъ религіи. По свидѣтельству миссіонеровъ, какъ Патагонцы, такъ и Арауканы не имѣли никакого понятія о богослуженіи, вообще «никакихъ слѣдовъ религіознаго культа».

Пешересы.

Жители Огненной земли стоятъ еще на болѣе низкой степени культуры, чѣмъ туземцы материка. Многіе путешественники отзываются о нихъ, какъ о самыхъ нисшихъ представителяхъ человѣчества. Адольфъ Декеръ, посѣтившій Полинезію и Австралію въ 1624

году, описываетъ Пешересовъ, какъ «похожихъ скорѣе на звѣрей, чѣмъ на людей; такъ какъ они разрываютъ на части человѣка и ѣдятъ его мясо сырымъ, какъ оно есть. У нихъ нѣтъ ни малѣйшей искры религіи или правленія,—напротивъ, они совершенные дикари во всѣхъ отношеніяхъ», что онъ и подтверждаетъ такими доказательствами, которыя я не рѣшаюсь повторять. Мужчины ходятъ совершенно нагіе, а женщины носятъ только маленькій кусокъ кожи вокругъ бедръ.

Хижины у нихъ деревянныя и имѣютъ форму палатокъ, съ дырой по срединѣ для прохожденія дыма. Внутри онѣ углублены фута на 2 или на 3, а выкопанная оттуда земля выбрасывается обыкновенно наружу и насыпается вокругъ стѣны.

Ихъ рыболовные спаряды очень оригинальны, а каменные крючки весьма сходны по формѣ съ нашими. Вооруженіе ихъ различно; одни имѣютъ луки и стрѣлы съ каменными наконечниками; другіе—длинные дротики, вооруженные острыми костями; третьи—носятъ большія деревянныя палицы; иные, наконецъ, имѣютъ пращи и большіе, весьма острые каменные ножи. Ихъ стрѣлы сдѣланы изъ твердаго дерева, прямы и хорошо отполированы. Въ длину онѣ имѣютъ около 2 футовъ и вооружены наконечникомъ изъ агата, обсидіана или стекла, который не плотно прикрѣпленъ къ древку, такъ что остается въ ранѣ, даже когда стрѣла будетъ изъ нея вынута. Луки имѣютъ въ длину 3—4 фута и сдѣланы очень грубо. Тетива ихъ ссучивается изъ сухожилій.

Форстеръ нашелъ Пешересовъ «замѣчательно тупыми, неспособными понять ни одного нашего жеста, которые однакоже были весьма понятны для всѣхъ племенъ Тихаго океана». Уаллисъ въ своемъ «Путешествіи вокругъ свѣта», описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ. «Они были покрыты тюленьими шкурами, отъ которыхъ нестерпимо пахло, и нѣкоторые изъ нихъ съ большимъ аппетитомъ пожирали сырьемъ гнилую рыбу и китовый жиръ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Нѣкоторые изъ нашихъ матросовъ, которые ловили рыбу удочками, дали одному туземцу живую рыбу, немного по больше селедки, только что вытащенную изъ воды. Индѣецъ жадно схватилъ ее, какъ собака кость, немедленно убилъ, прокусивъ возлѣ жабръ, и затѣмъ принялся ѣсть съ головы, не отбрасывая ни костей, ни внутренностей, ни чешуи, ни плавниковъ. Ихъ способъ приготовленія кушанья, если возможно, еще отвратительнѣе. Фитцрой и Байронъ говорятъ, что онъ слишкомъ противенъ, чтобы его описывать.

«Мужчины», по словамъ Фитцроя, «малы ростомъ, невзрачны и

плохо сложены. Цвѣтъ кожи ихъ походитъ на цвѣтъ очень стараго краснаго дерева или представляетъ нѣчто среднее между темными цвѣтами мѣди и бронзы. Туловище ихъ удлинено въ отношеніи короткихъ и искривленныхъ конечностей. Ихъ черные волосы, жесткіе и взъерошенные, притомъ невыразимо грязные, придавали имъ еще болѣе жалкій и дикій видъ. Волоса женщинъ длиннѣе, не такъ жестки и нѣсколько чище мужскихъ. Причесываютъ онѣ ихъ посредствомъ нижней челюсти морской свиньи (дельфина), но при этомъ никогда не плетутъ и не связываютъ ихъ, а только подрѣзываютъ нѣсколько напереди, чтобы не падали на глаза и не застилали свѣтъ. Женщины вообще—малаго роста, съ длиннымъ, не пропорціональнымъ туловищемъ и чертами лица, которыя едва ли, въ особенности у старухъ, могутъ быть названы менѣе отвратительными и непріятными, чѣмъ у мужчинъ. Онѣ никогда не ходятъ прямо, и согбенная осанка и неуклюжесть движеній всегда характеризуютъ ихъ походку. Для своихъ супруговъ онѣ могутъ быть хорошими помощницами, но на цивилизованнаго человѣка онѣ производятъ отвратительное впечатлѣніе».

«Дымъ, наполняющій ихъ вигвамы, дѣйствуетъ такъ сильно на глаза, что послѣдніе у нихъ почти постоянно бываютъ красные и гноятся. Тѣло у нихъ обыкновенно бываетъ вымазано масломъ и жиромъ и затѣмъ натерто охрой, глиной или углемъ. Въ пищу они употребляютъ всякую гадость и иногда въ гниломъ видѣ. Рѣзцы ихъ стираются вплоть, какъ у Эскимосовъ и многихъ древнихъ доисторическихъ расъ».

«Мужчины занимаются охотой за крупными животными, какъ то: тюленями, выдрами, дельфинами и т. п.; ломаютъ или рубятъ дерево и кору для топлива, равно какъ и для постройки вигвамовъ и лодокъ, ловятъ по ночамъ птицъ, дрессируютъ собакъ и вообще принимаютъ на себя всѣ охотничьи и военныя экспедиціи. Женщины кормятъ дѣтей, поддерживаютъ огонь, (стараясь при этомъ, во избѣжаніе дыма, жечь больше сухаго, нежели сыраго дерева), дѣлаютъ корзины и бадейки для воды, удочки, ожерелья, отправляются въ своихъ лодкахъ ловить мелкую рыбу, собираютъ моллюсокъ, ныряютъ за морскими ежами, чинятъ лодки и обыкновенно занимаются греблею, въ то время какъ ихъ мужья лѣниво сидятъ въ лодкахъ, въ ожиданіи болѣе важной работы».

«Плаваніе есть любимое занятіе Пешересовъ въ продолженіи лѣта; но несчастныя женщины принуждены бываютъ погружаться въ воду и зимою—для добыванія морскихъ ежей. Мужчины, женщины и дѣти всѣ великолѣпно плаваютъ, хотя и совершенно «по собачьи».

Когда есть лишнее время, туземцы поджариваютъ моллюсокъ,

равно какъ и всякую другую твердую пищу; но—въ торопяхъ, или когда голодные, они ѣдятъ какъ рыбу, такъ и мясо въ сыромъ видѣ. Какъ тюленей, такъ и дельфиновъ они бьютъ копьями съ лодокъ. Будучи настигнуто, животное имѣетъ обыкновеніе прятаться въ морскихъ растеніяхъ, но копье, привязанное короткимъ снуркомъ къ подвижному наконечнику, плаваетъ на поверхности и выдаетъ звѣря. Охотникъ подъѣзжаетъ въ лодкѣ, схватываетъ копье и снова бросаетъ въ добычу, повторяя это до тѣхъ поръ, пока животное не околѣетъ. Овладѣть тюленемъ или дельфиномъ для нихъ составляетъ такое же важное дѣло, какъ для нашихъ соотечественниковъ убить кита. Въ лунныя ночи они ловятъ спящихъ птицъ, и такая охота производится не только ими самими, но и собаками, которыхъ они посылаютъ разъискивать птицъ по прибрежнымъ скаламъ, гдѣ тѣ обыкновенно ночуютъ. Собаки такъ хорошо выдрессированы, что сейчасъ же приносятъ добычу своему господину, не производя при этомъ ни малѣйшаго шуму и снова отправляются на поиски. Кромѣ того, туземцы часто убиваютъ птицъ стрѣлами, или мѣтко брошеннымъ камнемъ. Они любятъ также разыскивать птичьи яица. Короче сказать, они ѣдятъ все, что только съѣдобно, не заботясь о томъ, будетъ ли они въ сыромъ видѣ или уже приготовлено».

По словамъ Байрона, собаки Индѣйцевъ-Чоносъ помогаютъ своимъ хозяевамъ не только при охотѣ за птицей, но и при рыбной ловлѣ. «Собаки эти», говоритъ онъ, «имѣютъ весьма не представительный видъ, но онѣ очень умны и легко дрессируются..... При ловлѣ рыбы, сѣть держится двумя Индѣйцами, стоящими въ водѣ, а собаки описываютъ вплавь огромный кругъ и загоняютъ рыбу въ сѣти. Такой способъ ловли извѣстенъ однако только въ немногихъ мѣстностяхъ». Байронъ прибавляетъ, что собаки «исполняютъ эту обязанность очень охотно, и каждый разъ, какъ высовываютъ на поверхность голову, чтобы передыхнуть, выражаютъ свое удовольствіе особымъ лаемъ».

«Зимою, когда падетъ глубокій снѣгъ, племя Текиника собирается на охоту за гуанако, которыя сходятъ въ это время съ горъ, чтобы искать себѣ пастбищъ въ приморскихъ низменностяхъ. Длинныя ноги животныхъ глубоко погружаются при этомъ въ снѣгъ и въ сырую землю, что весьма затрудняетъ ихъ движенія; тогда Пешересы съ своими собаками окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и безъ особеннаго труда овладѣваютъ ими.... Въ другое время года туземцы подстерегаютъ животныхъ въ засадахъ и бросаютъ оттуда стрѣлами, или влѣзаютъ на деревья и, выждавъ моментъ подхода животныхъ, поражаютъ ихъ копьями».

Изъ растительной пищи они могутъ пользоваться немногимъ; брусника, толокнянка, родъ гриба, находимаго ими на букѣ,—вотъ все, что они употребляютъ. Жалкіе Пешересы часто страдаютъ весьма сильно отъ голода. Однажды, когда племя Чоносъ находилось въ такомъ положеніи, туземцы послали небольшую партію въ поиски за пищею, и отправляющіеся увѣряли, что черезъ четыре ночи они вернутся съ провизіей. На пятый день они дѣйствительно вернулись, полумертвые отъ усталости и «каждый изъ нихъ несъ на плечахъ по два или по три огромныхъ куска китовой ворвани, которые были обрѣзаны въ формѣ пончо съ дырой въ срединѣ, для надѣванія на плечи. Ворвань была на половину испортившаяся и имѣла такой видъ, какъ будто бы была выкопана изъ земли». Тѣмъ не менѣе, она была тотчасъ же разрѣзана на куски и съѣдена. Въ другой разъ, массы ворвани были найдены въ пескѣ, безъ сомнѣнія спрятанныя туда про запасъ на голодное время. Главнѣйшую ихъ пищу составляли впрочемъ улитки, ракушки и другіе слизняки.

По словамъ адмирала Фитцроя, не подлежитъ сомнѣнію, что Пешересы — людоѣды. «Находясь постоянно въ войнѣ съ сосѣдними племенами, они сражаются съ ними при всякой встрѣчѣ, и всѣ побѣжденные и взятые въ плѣнъ, если еще живы, убиваются и съѣдаются побѣдителями. При этомъ грудь и руки достаются обыкновенно женщинамъ, мужчины ѣдятъ ляшки, а туловище бросается въ море». Случатся также, что въ суровую зиму, когда не предвидится возможности добыть пищи, они выбираютъ изъ своей же среды самую старую женщину, держатъ ея голову нѣкоторое время надъ густымъ дымомъ костра и, сдавливая горло, удушаютъ ее. Въ этомъ случаѣ они съѣдаютъ уже все мясо цѣликомъ, не оставляя туловища». Когда ихъ спрашивали, отчего они не убиваютъ скорѣе своихъ собакъ, они отвѣчали: «собаки ловятъ яппо»,—т. е. выдръ.

Какъ Декеръ, такъ и адмиралъ Фитцрой никогда не были свидѣтелями и ничего не слышали о какомъ либо дѣйствіи религіознаго характера. Впрочемъ, нѣкоторые туземцы вѣрятъ въ существованіе могущественнаго и таинственнаго существа, живущаго въ лѣсахъ. «Когда кто нибудь изъ нихъ умираетъ, они относятъ трупъ его далеко въ глубь лѣса, кладутъ на подстилку изъ листьевъ и наваливаютъ надъ нимъ кучу хворосту».

Лодки ихъ сдѣланы изъ большихъ, сшитыхъ между собою кусковъ коры. На днѣ такихъ лодокъ они устраиваютъ очагъ изъ глины, на которомъ поддерживаютъ обыкновенно постоянный огонь. У племени Чоновъ, сходнаго во многихъ отношеніяхъ съ Пешересами,

лодки бываютъ устроены гораздо лучше, такъ какъ онѣ дѣлаются обыкновенно изъ пяти досокъ, по двѣ съ каждой стороны и одна внизу. Вдоль каждой доски, возлѣ края, идетъ рядъ небольшихъ углубленій на разстояніи одного дюйма одно отъ другаго. Доски сшиваются между собою жимолостью, а щели затыкаются чѣмъ-то въ родѣ пакли, приготовленной изъ коры. Байронъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что при отсутствіи металла «приготовленіе хотя бы одной такой доски изъ большаго ствола, съ помощью раковинъ и кремней, требовало чрезвычайно много труда, даже въ томъ случаѣ, если бы работа эта производилась при помощи огня».

Пешересы не имѣютъ глиняной посуды, но, на подобіе Индѣйцевъ Сѣверной Америки, употребляютъ сосуды, сдѣланные изъ березовой— или, еще чаще, буковой коры. На восточномъ берегу многіе туземцы носятъ плащи изъ гуанаковыхъ шкуръ, а на западномъ—изъ мѣха тюленей. У центральныхъ же племенъ существуетъ обычай накидывать на себя шкуру выдры или какой нибудь маленькій лоскутокъ, величиною съ носовой платокъ, едва достаточный для прикрытія спины. Этотъ лоскутъ привязывается черезъ грудь веревками и, смотря потому, откуда дуетъ вѣтеръ, передвигается изъ стороны въ сторону. Многіе однако. даже женщины, ходятъ совершенно нагими. Относительно послѣднихъ капитанъ Кукъ замѣчаетъ, что «хотя онѣ нисколько не стыдятся своей наготы, но имѣютъ большую претензію нравиться», для чего и расписываютъ себя красными, черными и бѣлыми полосами, а также, равно какъ и мужчины, носятъ на рукахъ и на ногахъ браслеты, сдѣланные изъ кости или раковинъ Д-ръ Гукеръ говоритъ, «что на крайнемъ югѣ Огненной земли ему случалось видѣть въ срединѣ зимы совершенно голыхъ мужчинъ, спящихъ въ своихъ вигвамахъ, тогда какъ женщины, также нагія и иногда еще съ дѣтьми на груди, стояли по поясъ въ водѣ и занимались отыскиваніемъ съѣдобныхъ моллюсковъ, въ то время, какъ снѣгъ падалъ хлопьями на нихъ и на ихъ несчастныхъ малютокъ». Повидимому, огонь не особенно нуженъ имъ, такъ какъ они и не думаютъ пользоваться имъ для нагрѣванія своихъ жилищъ, и только изрѣдка позволяютъ себѣ, въ видѣ роскоши, погрѣть на огнѣ свои руки и ноги. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что если бы они были лишены этого источника теплоты, то едва ли бы чаще гибли отъ изнеможенія, чѣмъ это происходитъ теперь.

Если Пешересовъ и нельзя, можетъ быть, считать самыми писшими представителями человѣчества, то, во всякомъ случаѣ, они принадлежатъ къ самымъ жалкимъ образчикамъ нашего рода, и об-

разъ жизни ихъ долженъ представлять для насъ особенный интересъ, вслѣдствіе вѣроятнаго сходства своего съ *бытомъ племенъ*, оставившихъ послѣ себя древніе датскіе кьёккенмёддинги. Нужно замѣтить, что эти послѣднія племена стояли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на болѣе высокой ступени цивилизаціи,—такъ напр. они были знакомы съ искусствомъ приготовленія глиняной посуды, которое Пещересамъ неизвѣстно.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Современные дикари.

(Окончаніе).

Читая почти любое описаніе дикарей, нельзя не удивляться искусству, съ которымъ они управляютъ своимъ оружіемъ и инструментами,—замысловатымъ хитростямъ, проявляемымъ ими на охотѣ и рыбной ловлѣ,—ихъ быстрой и точной наблюдательности. Иные дикари способны даже узнавать по слѣду отдѣльныя личности. Такъ Лангъ разсказываетъ, что путешествуя однажды около Мортонской бухты, въ Австраліи, онъ спросилъ своего туземнаго проводника, указывая ему на слѣдъ человѣка: кто это прошелъ? «Проводникъ взглянулъ мелькомъ, не останавливая лошади, и сейчасъ же отвѣтилъ:—Бѣлые зовутъ его Тигромъ». Отвѣтъ этотъ оказался вѣрнымъ, что тѣмъ болѣе удивительно, что они принадлежали къ разнымъ племенамъ и не видались уже два года. Относительно Арабовъ, Бёркгардъ увѣряетъ, что между ними встрѣчаются такіе, которые могутъ узнавать по слѣду каждаго, принадлежащаго къ ихъ племени. «Кромѣ того, каждый Арабъ умѣетъ отличить слѣды своихъ верблюдовъ отъ принадлежащихъ ближайшимъ сосѣдямъ, а по глубокому или мелкому отпечатку ноги, онъ узнаетъ, шелъ ли верблюдъ, т. е. не несъ вовсе вьюка, или на немъ сидѣлъ одинъ человѣкъ, или онъ былъ тяжело нагруженъ». Сѣверо-американскіе Индѣйцы пронизываютъ насквозь своими стрѣлами лошадь и даже буйвола. Африканскіе дикари одолѣваютъ слона, а Чинуки не боятся нападать на кита. Капитанъ Грей сообщаетъ, что онъ часто видѣлъ, какъ Австралійцы убивали голубя дротикомъ на разстояніи тридцати шаговъ.

Описывая Эскимосовъ острова Шамиссо, Бичи говоритъ, что однажды была предложена награда одному туземцу, если онъ съумѣетъ попасть въ плавающаго на разстояніи 30 ярдовъ ныряка. Туземецъ тотчасъ же испугалъ птицу, та нырнула, а когда она показалась

надъ водою, то онъ одною стрѣлою пострѣлилъ ей оба глаза. Говоря объ Австралійцахъ, Станбриджъ увѣряетъ, что «одно изъ любимыхъ упражненій туземцевъ по р. Мёррею состоитъ въ томъ, чтобы нырять въ воду съ копьемъ въ рукѣ и показываться обратно съ рыбою». Вудсъ Рогерсъ также говоритъ, что Калифорнскіе Индѣйцы умѣли, ныряя въ воду, «бить рыбу деревянными копьями», а Фальконеръ разсказываетъ, что нѣкоторыя племена Патагонцевъ питаются главнымъ образомъ рыбою, «которую они добываютъ или ныряя въ воду, или убивая своими дротиками». Подобное же сообщаютъ Дю-Тертръ о Караибахъ и Уэллесъ—о Бразильскихъ Индѣйцахъ. Островитяне Южнаго Океана отличаются особенною ловкостью на водѣ. Они ныряютъ за рыбою, которая «старается спрятаться подъ коралловыми рифами; но водолазъ преслѣдуетъ ее и тамъ, протыкаетъ ей оба глаза своими пальцами и вытаскиваетъ такимъ образомъ на поверхность». Они не боятся даже акулы и смѣло нападаютъ на нее съ однимъ ножемъ. Если же они не вооружены, то «они всѣ окружаютъ ее и гонятъ на берегъ, если только имъ удастся направить ее на прибой»; но если она и увернется, то они безъ малѣйшаго страха продолжаютъ купаться. Эллисъ выражается впрочемъ осторожнѣе и говоритъ только, что «имѣя при себѣ оружіе, они нападаютъ иногда даже на акулу въ водѣ». Про Андаманцевъ извѣстно, что они ловятъ рыбу, ныряя подъ воду, а Рутерфордъ сообщаетъ тоже самое относительно Новозеландцевъ. Добрицгоферъ разсказываетъ, что Паяжюасы и Вилеласы (племена Парагвая) питаются главнымъ образомъ рыбою, употребляя для ловли ея маленькую сѣть, съ которою они ныряютъ «и, замѣтивши на днѣ рыбу, подплываютъ къ ней, ловятъ въ сѣть» и такимъ образомъ вытаскиваютъ на берегъ. Про Эскимосовъ извѣстно, что они дѣлаютъ въ своихъ каякахъ настоящія кувырканья въ водѣ. Скирингъ видѣлъ одного Пешереса, который «бросалъ изъ обѣихъ рукъ камни съ удивительною силою и мѣткостью». Кольбенъ, въ своемъ описаніи Готтентотовъ, говоритъ, что ихъ ловкость въ метаніи «гассагайя и ракума приводитъ зрителя въ величайшее изумленіе.... Если Готтентотъ, преслѣдуя зайца, оленя или дикую козу, приближается на разстояніе 30—40 шаговъ къ животному, то дальше летитъ уже одинъ ракумъ и поражаетъ животное обыкновенно какъ разъ посреди тѣла». Смерть Голіафа есть самый общеизвѣстный примѣръ замѣчательной ловкости въ метаніи пращи; кромѣ того мы читаемъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, что въ племени Веніамина былъ отрядъ изъ семисотъ человѣкъ лѣвшей, изъ которыхъ каждый могъ безъ промаха попадать въ зайца пращею. Бразильскіе Индѣйцы бьютъ черепахъ стрѣлами

изъ лука; но если бы они цѣлили прямо въ животное, то стрѣла отскочила бы отъ гладкой, твердой поверхности черепашьей раковины; поэтому они направляютъ стрѣлу прямо вверхъ, такъ чтобы она падала почти отвѣсно на спину черепахи, которую она и въ состояніи тогда пробить.

Какая нужна практика, чтобы достигнуть подобной ловкости! Какъ вѣрно приспособлено должно быть оружіе! Дѣйствительно, мы съ увѣренностью можемъ принять, что каждый отдѣльный типъ кремневаго оружія былъ предназначенъ для особенной цѣли. Такъ, различныя формы гарпунъ, каменныхъ топоровъ и стрѣлъ должны были имѣть различное назначеніе. У сѣверо американскихъ Индѣйцевъ стрѣлы, употребляемыя на охотѣ, были устроены такъ, что наконечникъ могъ быть вынутъ изъ раны вмѣстѣ съ древкомъ, тогда какъ въ военныхъ стрѣлахъ древко дѣлалось къ концу тонкимъ, чтобы въ случаѣ, если бы понадобилось вытащить его, наконечникъ оставался бы въ ранѣ. Подобнымъ же образомъ гарпуны Эскимосовъ представляли двѣ формы—съ зубцами и безъ зубцовъ. Къ сожалѣнію, мы мало знакомы съ подобнаго рода подробностями. Обыкновенно путешественники считаютъ излишнимъ сообщать свѣдѣнія о такихъ, ничтожныхъ повидимому частностяхъ; а какъ вообще недостаточно еще наше знаніе кремневыхъ орудій, можно видѣть изъ спора между Стенструпомъ и Ворсо, о томъ, были ли такъ называемые «топоры» раковинныхъ кучъ дѣйствительно топорами, или не употреблялись ли они скорѣе при ловлѣ рыбы, какъ грузила неводовъ. Будемъ надѣяться однако, что въ будущемъ,—путешественники, которымъ представится возможность наблюдать каменныя орудія современныхъ дикарей, сообщатъ намъ болѣе точныя свѣдѣнія, какъ объ ихъ спеціальномъ назначеніи и употребленіи, такъ и о способѣ ихъ изготовленія, и — будутъ собирать не одни только особенно хорошо отдѣланныя оружія, но также, и даже еще съ бо́льшимъ стараніемъ,— простыя орудія обыденной жизни.

Нѣкоторые археологи высказывали предположеніе, что у народа, оставившаго послѣ себя Датскіе кьёккенмёддинги, должно было быть болѣе дѣйствительное оружіе, чѣмъ всѣ до сихъ поръ найденныя. Они считаютъ невозможнымъ, чтобы такими простыми, костяными и каменными оружіями (а другихъ до сихъ поръ не находили) жители могли убивать такихъ большихъ животныхъ, какъ напримѣръ быка и тюленя. Профессоръ Ворсо беретъ даже на себя смѣлость утверждать, «что противъ птицъ и другихъ мелкихъ животныхъ эти каменныя стрѣлы могли быть еще употребляемы съ успѣхомъ, но очевидно, онѣ не годились для крупныхъ животныхъ, какъ напр. зубра, лося,

сѣвернаго оленя, кабана и оленя, тѣмъ болѣе, что будучи ранены, эти животныя становятся часто очень свирѣпыми». Однако, что касается меня, я совершенно не могу согласиться съ проф. Ворсо. Мы знаемъ напротивъ того, что современные дикари могутъ убивать подобными стрѣлами и копьями даже самую крупную дичь. Каменными ножами тоже можно сдѣлать гораздо больше, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда, а многія дикія племена употребляютъ даже для разрѣзанія мяса обломки раковинъ, или куски твердаго дерева.

Аккуратность, съ какою Готтентоты, Эскимосы, сѣверо-американскіе Индѣйцы и т. д. способны шить, не менѣе замѣчательна, хотя въ нашихъ рукахъ шила и сухожилія были бы жалкимъ суррогатомъ иглы и нитокъ. Какъ уже замѣчено выше, нѣкоторые осторожные археологи не рѣшались отнести пещеры Дордоньи къ костяному періоду на томъ основаніи, что въ нихъ были найдены каменныя иголки и рисунки животныхъ; въ особенности ушки иголокъ, по ихъ мнѣнію, могли быть сдѣланы только при помощи металлическихъ инструментовъ. Однако проф. Ларте разсѣялъ эти сомнѣнія, приготовивъ самъ подобную иголку при помощи остраго кремня. Впрочемъ ему достаточно было указать только на фактъ, приведенный Кукомъ, именно, что Новозеландцы просверлили дыру въ кускѣ стекла, который онъ подарилъ имъ, употребивъ для этой цѣли, какъ онъ предполагаетъ, единственно кусокъ яшмы.

Бразильцы также употребляютъ украшенія изъ несовершенно кристаллизированнаго кварца въ пластинкахъ отъ 4 до 5 дюймовъ длиною и около дюйма толщиною, продыравливая ихъ на обоихъ концахъ съ помощью заостренныхъ побѣговъ одного вида дикаго банана, дѣйствующихъ при посредствѣ песка и воды. Обыкновенно отверстіе продѣлывается поперечно, но украшенія начальниковъ часто бываютъ просверлены вдоль,—трудъ, который, по мнѣнію Уэллеса, требуетъ несомнѣнно нѣсколькихъ лѣтъ для его выполненія.

Рисунки, найденные въ Дордоньскихъ пещерахъ, немногимъ уступаютъ рисункамъ Эскимосовъ или сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ. Вообще, на способность къ тому или другому искусству слѣдуетъ смотрѣть скорѣе какъ на этнологическую особенность, чѣмъ на признакъ какой нибудь особенной ступени цивилизаціи. Мы знаемъ также, что во многихъ случаяхъ нѣкоторое знакомство съ земледѣліемъ предшествовало употребленію металловъ; и укрѣпленія Новозеландцевъ, также какъ большія мораи на островахъ Южнаго океана могутъ служить аргументами въ пользу теоріи, приписывающей нѣкоторыя изъ нашихъ городищъ, наши большіе тумулусы и другія т. наз. друидическія древности позднѣйшему періоду каменнаго вѣка. Знамени-

тыя колоссальныя статуи на островахъ Пасхи не менѣе достойны удивленія. Одна изъ нихъ, которая упала, достигаетъ 27 футовъ, другія повидимому отличаются еще бо́льшею величиной. Затѣмъ слѣдуетъ еще упомянуть о домахъ обитателей Ладронскихъ острововъ. Самыя большія изъ нихъ поддерживались крѣпкими каменными пирамидами, построенными изъ матеріала, который, по Фрейсине, приготовлялся изъ извести, песку и крупныхъ камней, скрѣпленныхъ между собою чѣмъ то въ родѣ цемента. Такія пирамиды были найдены въ значительномъ числѣ, и въ одномъ мѣстѣ представляли цѣлый каменный валъ длиною на четыреста ярдовъ. Впервые они были описаны Ансономъ, который видѣлъ многія въ 13 футовъ вышиною; но одна, видѣнная Фрейсине, достигала болѣе 20 футовъ. Форму онѣ имѣли четыреугольную при основаніи и стояли прямо на землѣ. Вообще островитяне Южнаго океана представляютъ многіе удивительные примѣры—до чего можно достигнуть при помощи только каменныхъ орудій. Ихъ жилища представляютъ обыкновенно большіе размѣры и часто прекрасно построены, а ихъ кану (лодки) возбуждали удивленіе всѣхъ, кто ихъ видѣлъ.

Хотя, поэтому, употребленіе камня, какъ главнаго матеріала для приготовленія оружія и орудій, можно считать характеристичнымъ для болѣе ранней ступени развитія цивилизаціи, все-таки эта ступень должна, по необходимости, имѣть нѣсколько подраздѣленій. Такъ напр. Андаманцевъ или Австралійцевъ нельзя ставить наравнѣ съ полуцивилизованными туземцами острововъ Товарищества. Точно также и относительно древняго каменнаго вѣка Европы мы находимъ указанія на большія различія. Дикіе обитатели пещеръ южной Франціи не обладали, согласно Ларте и Кристи, никакими домашними животными и не имѣли ни малѣйшаго понятія ни о гончарномъ искусствѣ, ни о земледѣліи. Строители датскихъ раковинныхъ кучъ уже имѣли собаку; а у жителей швейцарскихъ свайныхъ построекъ, кромѣ собаки, были еще свиньи, рогатый скотъ, овцы и, можетъ быть, также лошади. Они имѣли извѣстное понятіе о земледѣліи и были знакомы съ искусствомъ прясть. Поэтому, если бы мы были даже убѣждены, что извѣстная находка относится къ каменному вѣку, мы этимъ только вступаемъ, такъ сказать, на порогъ нашего изслѣдованія.

Путешественники и натуралисты никогда не могли вполнѣ согласиться между собою, какой расѣ должна быть приписана незавидная честь занимать самую низшую ступень цивилизаціи. Кукъ, Дарвинъ, Фитцрой и Уэллесъ склоняются, если только можно такъ выразиться, въ пользу Пешересовъ; Бёрчель утверждаетъ, что ниже

всѣхъ стоятъ Бушмены; Д'юрвиль стоитъ за Австралійцевъ и Тасманійцевъ; Дампіеръ считаетъ Австралійцевъ «самымъ жалкимъ народомъ въ свѣтѣ»; Форстеръ говоритъ, что туземцы Малликолло «ближе всего подходятъ къ обезьянамъ»; Оуэнъ склоняется въ пользу Андаманцевъ; другіе указывали на нѣкоторыя сѣверо-американскія племена, питающіяся, главнымъ образомъ, кореньями (Root-diggers), а одинъ французскій писатель XVII вѣка заявлялъ даже, что «изъ всѣхъ животныхъ, послѣ обезьянъ, Лопарь наиболѣе подходитъ къ человѣку».

Цивилизація каменнаго вѣка представляла впрочемъ различія не только по степени, но также и по роду, варіируя соотвѣственно климату, растительности, пищи и т. д. Изъ этого видно,—по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто вѣритъ въ единство происхожденія человѣческаго рода,—что теперешній образъ жизни дикихъ племенъ не даетъ намъ вѣрнаго изображенія жизни первыхъ людей, такъ какъ онъ обусловливается отчасти вліяніемъ внѣшнихъ условій, хотя до извѣстной степени зависитъ и отъ національнаго характера, представляющаго, въ свою очередь, конечно также результатъ внѣшнихъ вліяній, дѣйствовавшихъ на предшествовавшія поколѣнія.

Если мы обратимъ вниманіе на нѣкоторые, самые распространенные у дикарей предметы, какъ напримѣръ луки и стрѣлы, пращи, метательныя копья, глиняные сосуды, домашнія животныя, или—возьмемъ степень развитія земледѣлія, то для насъ естественно будетъ предположить a priori, что пріобрѣтеніе или изобрѣтеніе всего этого имѣло свою правильную послѣдовательность. На самомъ дѣлѣ, однако, этого нельзя сказать. Положимъ, что отсутствіе земледѣлія у Эскимосовъ объясняется суровымъ климатомъ страны, а отсутствіе свиней на Новой Зеландіи и собакъ на о-вахъ Дружбы—тѣмъ, что первоначальные поселенцы не обладали этими животными, изолированное же положеніе помѣшало получить ихъ позже извнѣ. Допустимъ также, какъ общее правило, что нисшій дикарь можетъ имѣть одновременно въ употребленіи только одинъ или два вида оружія, что онъ ограничивается только тѣми, которыя можетъ носить съ собою, предпочитая конечно—наиболѣе для него полезныя. Все-таки, этимъ способомъ, мы далеко не можемъ объяснить себѣ многіе факты. Такъ, въ Колумбіи, въ Австраліи, на Мысѣ Доброй Надежды и въ другихъ мѣстахъ, земледѣліе было неизвѣстно до прибытія Европейцевъ. Наоборотъ, жители острововъ Пасхи обладали значительными плантаціями бататовъ, ямса, банановъ, сахарнаго тростника и т. д. У Чинуковъ Колумбіи были луки, стрѣлы, удильные крючки и сѣти; у Австралійцевъ—метательныя палки, бумеранги,

удильные крючки и сѣти; у Готтентотовъ — луки и стрѣлы, сѣти, удильные крючки, глиняная посуда и нѣкоторое знакомство съ желѣзомъ; напротивъ того, ничего изъ этого кажется не было извѣстно жителямъ острововъ Пасхи, хотя все это было бы для нихъ весьма полезно и, за исключеніемъ желѣза, могло быть ими изобрѣтено и употребляемо. Если бы этотъ примѣръ острововъ Пасхи былъ бы единственнымъ въ своемъ родѣ, то отсутствіе лука и стрѣлъ могло быть объяснено недостаткомъ дичи, рѣдкостью птицъ и уединеннымъ положеніемъ острова, на которомъ война почти невозможна. Но такими причинами нельзя объяснить себѣ другіе случаи подобнаго рода. Сравнимъ напримѣръ между собою Атлантическія племена сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ, — Австралійцевъ, Кафровъ, Бушменовъ, Новозеландцевъ и обитателей острововъ Товарищества. У всѣхъ этихъ племенъ война была обыкновеннымъ явленіемъ, а первыя два жили, кромѣ того, по преимуществу добычею охоты. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что они должны были имѣть и сходныя потребности. Но на самомъ дѣлѣ оказывается, что только копья, да можетъ быть еще палицы, были единственными общими для всѣхъ ихъ оружіями. У Сѣверо-американцевъ были хорошіе луки и стрѣлы, у Бушменовъ и жителей острововъ Товарищества —настолько плохіе, что даже не употреблялись на войнѣ, а у Австралійцевъ, Кафровъ и Новозеландцевъ ихъ совсѣмъ не было. Съ другой стороны, Австралійцы имѣли метательныя палки и бумеранги; жители острововъ Товарищества — праши, а Новозеландцы, кромѣ весьма дѣйствительныхъ палицъ,—еще многочисленныя и обширныя укрѣпленія. Во всякомъ случаѣ крайне удивительно, что такія воинственныя и во многихъ отношеніяхъ значительно ушедшія впередъ племена, какъ Новозеландцы и Кафры, были совершенно незнакомы съ лукомъ и стрѣлами, которые употреблялись многими, весьма низко стоящими дикарями, какъ напримѣръ Пешересами, Чинуками, Андаманцами и Бушменами; и это тѣмъ болѣе, что изобрѣтеніе лука было бы несомнѣнно весьма полезнымъ для Новозеландцевъ, и что тѣ племена ихъ, которые бы изобрѣли его, получили бы огромное преимущество въ «борьбѣ за существованіе».—Можно было бы подумать, что нѣкоторые изъ подобныхъ контрастовъ объясняются вліяніемъ болѣе цивилизованныхъ сосѣдей, и что только что приведенный примѣръ еще ничего не доказываетъ, такъ какъ Новозеландцы были племенемъ изолированнымъ, тогда какъ Чинуки могли заимствовать употребленіе лука и стрѣлъ у Восточныхъ племенъ, точно также какъ эти послѣднія могли научиться гончарному искусству у полуцивилизованныхъ націй Юга. Никто не станетъ отрицать, что

это могло дѣйствительно быть вѣрнымъ въ приложеніи къ нѣкоторымъ случаямъ, такъ какъ намъ извѣстны въ настоящее время многія племена дикарей, употребляющія желѣзные топоры, ножи, пуговицы и т. п., которые они получаютъ отъ торговцевъ, но которые они сами приготовлять не въ состояніи. Можетъ быть, что и Чинуки заимствовали свое знаніе лука у своихъ сѣверныхъ сосѣдей; но врядъ ли мы можемъ предполагать, чтобы они научились этому у восточныхъ племенъ краснокожихъ Индѣйцевъ, потому что тогда становится непонятнымъ, почему они не переняли у нихъ болѣе простаго и почти настолько же полезнаго искусства приготовлять глиняную посуду. Кромѣ того, встрѣчаются случаи, когда о заимствованіяхъ не можетъ быть и рѣчи; такъ напримѣръ кольцо для метанія копій употребляется Эскимосами, Австралійцами, Новозеландцами и нѣкоторыми племенами Бразиліи; боласъ—Эскимосами и Патагонцами; бумерангъ—исключительно одними Австралійцами. «Сумпитанъ» или духовая трубка Малайцевъ встрѣчается также и въ бассейнѣ Амазонки. Притомъ нужно замѣтить, что различныя расы дикарей имѣютъ мало мирныхъ сношеній между собою. Они почти всегда воюютъ другъ съ другомъ. Если ихъ образъ жизни одинаковъ, они почти всегда—смертельные враги и оспариваютъ другъ у друга лучшія мѣста для охоты и рыбной ловли; если же ихъ потребности различны, то они борятся для пріобрѣтенія рабовъ, женщинъ и украшеній, или, если они не заботятся обо всемъ этомъ,—просто изъ за любви къ войнѣ, изъ за скальповъ, череповъ или другихъ общепризнанныхъ эмблемъ славы. Въ этомъ положеніи общества, каждое племя живетъ или изолированно отъ другихъ или во враждѣ со своими сосѣдями. Delenda est Carthago есть всеобщій девизъ, и дикари только тогда могутъ жить мирно, когда они заключены въ своемъ отдѣльномъ, маленькомъ мірѣ. Въ иныхъ случаяхъ обширное море, или высокая цѣпь горъ, въ другихъ широкія болота или, наконецъ, нейтральная территорія доставляютъ необходимыя условія и разграничиваютъ ихъ взаимно. Они встрѣчаются только для того, чтобы сражаться, не имѣя слѣдовательно ни желанія, ни возможности учиться многому одно отъ другаго Кромѣ того, бываютъ случаи, когда нѣкоторыя племена имѣютъ оружіе, совершенно неизвѣстное ихъ сосѣдямъ. Такъ напримѣръ у бразильскихъ племенъ мы находимъ: лукъ и стрѣлы, духовую трубку, лассо и такъ называемую «palheta» или метательную палку. Первый родъ оружія у нихъ—самый распространенный, но Барбадосы употребляютъ только метательную трубку, Моксосы обмѣнили лукъ и стрѣлы на лассо, а Пурупурусы отличаются отъ всѣхъ своихъ сосѣдей тѣмъ, что не употреб

ляютъ ни лука, ни стрѣлъ, а только пальету или метательную палку. Подобнымъ же образомъ Кафры не заимствовали ни лука, ни стрѣлъ у Бушменовъ; Эскимосы не научились гончарному искусству у сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ, точно также какъ и южно-колумбійскія племена—у сѣверныхъ Мексиканцевъ.

Съ другой стороны, многія изъ простѣйшихъ искусствъ, какъ напримѣръ приготовленіе глиняной посуды и луковъ, настолько полезны и, въ тоже самое время,—какъ бы ни была остроумна ихъ первоначальная идея, — настолько просты для выполненія, что кажется положительно невѣроятнымъ, чтобы,—разъ эти искусства были пріобрѣтены,—они могли быть снова забыты. И однако, мы видѣли, что Новозеландцы и Кафры не имѣли луковъ, а изъ Полинезійскихъ племенъ ни-одно не было знакомо съ гончарнымъ производствомъ, хотя изъ ихъ ловкости въ другихъ ремеслахъ, равно какъ и изъ общаго состоянія ихъ цивилизаціи, не подлежитъ сомнѣнію, что какъ приготовленіе луковъ, такъ и глиняной посуды не могло бы составить для нихъ большаго труда,—если бы разъ оно было имъ показано. Подобнымъ же образомъ «боласъ» есть въ высшей степени дѣйствительное оружіе, и притомъ такое, приготовленіе котораго не представляетъ конечно никакой трудности, а между тѣмъ распространеніе его было ограничено, повидимому, исключительно Патагонцами и Эскимосами. Напротивъ того, знаніе гончарнаго искусства могло, по моему мнѣнію, передаваться иногда отъ одного племени къ другому; хотя и здѣсь мы встрѣчаемъ случаи, даже существующихъ еще расъ, когда мы повидимому находимъ указанія на самостоятельное его открытіе; во всякомъ случаѣ находимъ его на самой зачаточной ступени развитія.

Вообще, изъ сопоставленія всѣхъ этихъ и другихъ подобныхъ имъ фактовъ, которыхъ можно бы было привести еще нѣсколько, кажется мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ, что многія изъ простѣйшихъ орудій, оружій и т. д. были изобрѣтены самостоятельно различными дикими племенами, хотя, безъ сомнѣнія, встрѣчаются также случаи, когда онѣ очевидно были заимствованы однимъ племенемъ отъ другаго.

Противоположное мнѣніе было принято многими другими писателями—*вслѣдствіе неопровержимаго сходства*, существующаго между оружіями дикарей въ самыхъ различныхъ частяхъ Свѣта. Но, какъ бы то не казалось парадоксальнымъ, орудія и оружія дикарей, при всемъ ихъ замѣчательномъ сходствѣ, представляютъ въ тоже время поразительныя различія. Безъ сомнѣнія, насущныя потребности жизни просты и одинаковы на всемъ земномъ шарѣ. Точно также и матеріалъ, съ которымъ приходится имѣть дѣло, весьма однообразенъ:

дерево, кость, и до нѣкоторой степени камень,—вездѣ имѣютъ одни и тѣже свойства. Осколки обсидіана Ацтековъ напоминаютъ кремневые осколки древнихъ обитателей Европы не потому, что послѣдніе походили на Ацтековъ, а потому что обсидіанъ и кремень имѣютъ оба одинаковый изломъ. Точно также заостренныя кости, употребляемыя какъ шила, необходимо сходны между собою на всемъ земномъ шарѣ. На дѣлѣ сходство существуетъ впрочемъ болѣе въ сыромъ матеріалѣ, чѣмъ въ работѣ, и даже самыя простыя каменныя орудія представляютъ большія различія у различныхъ племенъ. Такъ сѣкировидные топоры островитянъ Южнаго океана совершенно не похожи на Австралійскіе или на древне-Бретонскіе; послѣдніе, въ свою очередь, много отличаются отъ типа, характеристичнаго для періода наносовъ или археолитическаго.

Съ другой стороны, нравы и обычаи дикарей, хотя и представляютъ многія замѣчательныя черты сходства, указывающія, по моему мнѣнію, на единство происхожденія человѣческаго рода, все-таки значительно разнятся между собою, что̀ можетъ служить строгимъ доказательствомъ независимаго развитія. Конечно, многія изъ этихъ различій,—которыя должны были обратить на себя вниманіе каждаго, читавшаго предыдущую часть этой главы, слѣдуетъ прямо и непосредственно изъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ различныя племена находились. Нравы Эскимосовъ и Готтентотовъ, конечно, не могутъ быть одинаковыми. Но возьмемъ такія дѣйствія, которыя общи многимъ племенамъ, но выполненіе которыхъ можетъ происходить различными путями. Такъ напримѣръ, многіе дикари питаются отчасти дичиной; спрашивается, какъ они добываютъ ее? Большею частью—при помощи лука и стрѣлъ; но Австралійцы ловятъ птицъ руками, или убиваютъ ихъ простымъ копьемъ или бумерангомъ; Пешересы пользуются какъ пращею, такъ и лукомъ; Эскимосы употребляютъ для этого сложныя копья со многими наконечниками, или метательное оружіе, состоящее изъ нѣсколькихъ моржевыхъ зубовъ соединенныхъ короткими ремнями и образующихъ нѣчто въ родѣ боласа. Самыя же сѣверныя племена, которыхъ посѣтилъ Кэнъ, поступаютъ иначе. Они ловятъ огромное число птицъ,—особенно маленькихъ чистиковъ,—въ небольшія сѣти, похожія на рыболовныя и снабженныя длинными костяными ручками. Въ тоже самое время народъ этотъ не имѣетъ никакого понятія о рыбной ловлѣ.

Разсмотримъ теперь употребленіе собаки. Сначала собака была вѣроятно товарищемъ человѣка по охотѣ: хитрость одного дополнялась быстротой другаго и оба дѣлились между собою результатами

своихъ стараній. Постепенно однако духъ получилъ преобладаніе надъ матеріею и человѣкъ сдѣлался господиномъ. Тогда собаку стали употреблять для другихъ цѣлей, менѣе соотвѣтствующихъ ея природнымъ качествамъ. Эскимосъ заставилъ ее возить сани; Чинукъ сталъ держать ее изъ за шерсти; островитянинъ Южнаго океана, за недостаткомъ дичи, сталъ разводить ее для пищи; Индѣйцы-Чоносъ пріучили ее къ ловлѣ рыбы; племена, сдѣлавшіяся пастушескими, выучили и собакъ своихъ стеречь стада; наконецъ, еще Плиній сообщаетъ, что въ древности своры собакъ употреблялись на войнѣ. Даже быкъ, который далеко не такъ поворотливъ, какъ собака, былъ пріученъ различными племенами къ первому и къ двумъ послѣднимъ изъ перечисленныхъ родовъ службы.

При добываніи огня различныя племена слѣдуютъ тоже двумъ совершенно различнымъ методамъ. Нѣкоторые дикари, какъ напр. Пешересы, высѣкали его, тогда какъ другіе, какъ напр. островитяне Южнаго океана, добывали его треніемъ одного куска дерева объ другой. Вопросъ о томъ, имѣемъ ли мы достовѣрныя извѣстія о какомъ нибудь народѣ, который не умѣлъ бы добывать огня, отвѣчается различными писателями различно. Выше мы уже говорили, что нѣкоторыя племена Австралійцевъ и Тасманійцевъ, хотя и были знакомы съ огнемъ, однако не умѣли добывать его сами. Патеръ Гобьенъ въ своей исторіи Ладронскихъ острововъ утверждаетъ, «что жителямъ ихъ былъ вовсе неизвѣстенъ такой простой и распространенный элементъ какъ огонь, пока Магелланъ, раздраженный ихъ многократными попытками воровства, не сжегъ одного изъ ихъ селеній. Когда они увидѣли свои хижины въ огнѣ, то сначала приняли послѣдній за звѣря, пожирающаго дерево, и нѣкоторые дикари, которые слишкомъ неосторожно приблизились къ нему, получили ожоги; другіе же держались въ отдаленіи, чтобы ужасный звѣрь не поглотилъ ихъ, или не отравилъ бы своимъ страшнымъ дыханіемъ». Но этотъ фактъ вовсе не упоминается въ подлинномъ описаніи путешествія Магеллана. Съ другой стороны, Фрейсине считаетъ это сообщеніе патера Гобьена совершенной выдумкой. «Языкъ туземцевъ», говоритъ онъ, «содержитъ въ себѣ слова для обозначенія огня, горящихъ угольевъ, очага, жаренья, варенья и т. д., и гончарное искусство было хорошо извѣстно этимъ островитянамъ еще до прибытія Европейцевъ». Трудно однако не удѣлять никакого вниманія положительному увѣренію патера Гобьена, которое подтверждается еще нѣсколько разсказами другихъ путешественниковъ. Такъ напримѣръ Альваро де Сааведра сообщаетъ, что жители какихъ то небольшихъ острововъ Тихаго океана, которые онъ называетъ «Los Jardines», но которые

впослѣдствіи не могли быть найдены,—пришли въ ужасъ при видѣ огня, никогда ими прежде не видѣннаго. Далѣе, Уилькъсъ разсказываетъ, что на островѣ Факаафо, который онъ называетъ «Боудичъ», «нельзя было открыть никакихъ слѣдовъ очага или огня». Туземцы также были очень испуганы, когда увидѣли искры, отскакивавшія при ударахъ кремня о сталь. Здѣсь уже, повидимому, мы можемъ надѣяться имѣть передъ собою примѣръ, не подлежащій сомнѣнію, такъ какъ присутствіе огня едва ли могло ускользнуть отъ наблюдательности путешественника; тѣмъ болѣе что слѣды, оставляемые огнемъ, обыкновенно очень замѣтны. Если мы не можемъ положиться даже на подобное свидѣтельство, находящееся въ офиціальномъ отчетѣ флотскаго капитана Соединенныхъ Штатовъ, посланнаго для спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій, то спрашивается, чему же мы должны довѣрять при этнологическихъ изысканіяхъ? Тѣмъ не менѣе, показанія Уилькса были заподозрѣны Тэйлоромъ и, повидимому, не безъ основаній. Именно, въ сочиненіи «Ethnography of the United States' Exploring Expedition», Гэль приводитъ списокъ Факаафскихъ словъ, между которыми мы находимъ и слово «afi» для обозначенія огня. Очевидно, что это-тоже слово, какъ и Новозеландское ahi; но, такъ какъ оно обозначаетъ не только огонь, но также свѣтъ и жаръ, то мы можемъ предположить, что оно и попало этимъ путемъ въ лексиконъ Факаавцевъ. Поэтому, я не могу приписывать этому аргументу такую же важность, какую приписываетъ ему Тэйлоръ. Очевидно впрочемъ, что капитанъ Уилькъсъ не понималъ всей важности своего наблюденія, иначе онъ постарался бы основательно изслѣдовать этотъ вопросъ; а такъ какъ Гэль въ своемъ спеціальномъ сочиненіи объ этнологіи этой экспедиціи не упоминаетъ ни слова объ этомъ фактѣ, то ясно, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что жители Факаафо представляли такую интересную особенность. Если бы этотъ фактъ былъ подтвержденъ, онъ представлялъ бы большую важность; но по настоящее время нельзя считать положительно доказаннымъ, чтобы теперь, или когда либо въ историческое время существовалъ народъ, которому бы употребленіе огня было неизвѣстно. Достовѣрно по крайней мѣрѣ, что огонь былъ вполнѣ извѣстенъ въ Европѣ въ эпохи древнѣйшихъ Швейцарскихъ *пфальбаутовъ и Датскихъ кьеккенмеддинговъ.*

Съ другой стороны, какъ уже было упомянуто, нѣкоторыя Тасманійскія и Австралійскія племена совершенно не умѣли добывать себѣ огонь, хотя и были знакомы съ его употребленіемъ. Поэтому, они были принуждены постоянно и съ большими хлопотами поддер-

живать его, а если онъ по какому нибудь несчастному случаю погасалъ, то должны были идти за нимъ къ сосѣднимъ племенамъ.

Далѣе, кажется невозможно придумать такого способа погребать мертвыхъ, который бы не былъ принятъ въ какой либо части свѣта. У однихъ племенъ просто зарываютъ трупы, у другихъ жгутъ. Нѣкоторыя Индѣйскія племена Сѣверной Америки кладутъ своихъ покойниковъ на подмостки между вѣтвями деревьевъ; другія погружаютъ ихъ въ священныя рѣки, третьи — въ море. У Даяковъ умершаго начальника кладутъ въ его военную кану, вмѣстѣ съ его любимымъ оружіемъ и большей частью имущества и предоставляютъ произволу волнъ. Многія племена бросаютъ своихъ покойниковъ дикимъ звѣрямъ, тогда какъ другія предпочитаютъ съѣдать ихъ сами. Нѣкоторыя Бразильскія племена даже *выпиваютъ* своихъ покойниковъ. Именно, Таріаны, Туканосы и нѣкоторыя другія племена, мѣсяцъ спустя послѣ погребенія, вырываютъ разложившійся уже трупъ и ставятъ его на большомъ противнѣ на огонь до тѣхъ поръ, пока при страшномъ смрадѣ не улетучатся всѣ газы и не останется черная, обуглившаяся масса, которую они тогда толкутъ въ мелкій порошекъ и замѣшиваютъ въ нѣсколькихъ большихъ раковинахъ «Кахири». Порошекъ этотъ выпивается затѣмъ въ общемъ собраніи, съ твердою вѣрою, что добродѣтели умершихъ перейдутъ въ пьющихъ.

Если какое нибудь дѣйствіе *можно производить двумя различными* способами, то мы можемъ быть увѣрены, что одни племена предпочтутъ одинъ, другіе — другой способъ. Такъ, намъ кажется очень естественнымъ, что родословная ведется по мужской линіи; но существуютъ и такіе народы, у которыхъ родъ ведется отъ матери, а не отъ отца. Супругъ или отецъ кажется намъ естественною главою семейства, но на Таити мы видимъ обратное. Тамъ, сейчасъ же послѣ *рожденія сынъ получаетъ имущество и званіе отца*, а послѣдній остается только въ качествѣ покровителя или опекуна сына, такъ что у этого замѣчательнаго народа главою семьи бываетъ въ дѣйствительности не отецъ, а сынъ. Подобнымъ же образомъ и въ Австраліи, не сынъ называется по отцу, а отецъ по сыну. На мысѣ Іоркъ и на сосѣднихъ островахъ младшій сынъ наслѣдуетъ двойную часть. Броунъ утверждаетъ, что у Новозеландцевъ меньшой сынъ есть наслѣдникъ отца. У Веніамьюзи наслѣдство переходитъ не къ законнымъ, а къ незаконнымъ дѣтямъ. У многихъ народовъ лицамъ, находящимся въ извѣстномъ родствѣ, запрещено говорить другъ съ другомъ,—весьма замѣчательный предразсудокъ, достигающій, какъ мы видѣли, наибольшаго развитія у островитянъ Фиджи.

Намъ кажется вполнѣ естественнымъ, что женщина послѣ родовъ ложится въ постель и что мужъ, въ продолженіи извѣстнаго времени, старается, насколько возможно, освободить ее отъ трудовъ и заботъ обыденной жизни. Можно было бы думать, что въ этомъ отношеніи всѣ народы держатся одинаковыхъ воззрѣній. Однако на самомъ дѣлѣ это—не такъ. У Карибовъ, наоборотъ, отецъ послѣ рожденія ребенка ложится въ свой хамакъ и поручаетъ себя попеченію знахаря, тогда какъ мать остается на ногахъ и выполняетъ свои работы, какъ обыкновенно. Подобный же обычай былъ замѣченъ на материкѣ Южной Америки, у Абипоновъ, Мундуруковъ, Пешересовъ и у Арауаковъ въ Суринамѣ, — въ китайской провинціи Западнаго Юнана,—у Дайяковъ острова Борнео и у Гренландскихъ Эскимосовъ. Ксенофонтъ упоминаетъ объ этомъ обычаѣ, какъ объ встрѣчающемся въ Малой Азіи, а Страбонъ говоритъ, что онъ существовалъ у Иберійцевъ. Онъ встрѣчается еще и теперь у Басковъ (въ Испаніи), про которыхъ разсказываютъ, что въ нѣкоторыхъ долинахъ «женщины, сейчасъ же послѣ рожденія ребенка, поднимаются съ постели и возвращаются къ своимъ домашнимъ занятіямъ, тогда какъ мужья ложатся вмѣстѣ съ ребенкомъ въ постель и здѣсь принимаютъ поздравленія сосѣдей». Тотъ же самый обычай былъ замѣченъ и въ южной Франціи; по словамъ Діодора Сицилійскаго, онъ господствовалъ въ его время въ Корсикѣ; и наконецъ, «обычай этотъ, говорятъ, существуетъ еще и теперь въ нѣкоторыхъ округахъ Бернскаго кантона, гдѣ онъ извѣстенъ подъ названіемъ «faire la couvade».

Далѣе,—любовь къ жизни и страхъ смерти—обыкновенно наши самыя сильныя ощущенія. Все, что есть у человѣка, онъ охотно отдаетъ за свою жизнь. Это правда, но не вездѣ это такъ. По словамъ Азара, Парагвайскіе Индѣйцы совершенно равнодушны къ жизни и смерти; тоже самое равнодушіе господствуетъ, какъ мы уже видѣли, у островитянъ Фиджи и по Бертону, у Негровъ-Дагомеевъ. У Китайцевъ, говорятъ, человѣкъ, приговоренный къ смерти, можетъ, если только получитъ разрѣшеніе, за небольшую сумму денегъ, найти подставное лице, и гробъ считается совершенно приличнымъ подаркомъ для престарѣлаго родственника.

Далѣе,—звуки, изъ которыхъ составляется языкъ, удивительно различны въ разныхъ частяхъ свѣта. Поразительнымъ примѣромъ могутъ служить въ этомъ случаѣ щелкающіе звуки Готтентотскаго языка. У Гуроновъ вовсе нѣтъ губныхъ согласныхъ; Индѣйцы Портъ au Français въ Колумбіи, по словамъ Ламанона, не употребляли совершенно *b*, *f*, *x*, *j*, *d*, *p*, или *r*. Въ Перуанскомъ языкѣ нѣтъ буквъ *b*, *d*,

f, *g*, *s* и *x*. Австралійцы не имѣютъ звука, соотвѣтствующаго нашему *s*. У многихъ племенъ Негровъ нѣтъ *r*. Жители о-вовъ Фиджи не употребляютъ буквы *c*; въ нарѣчіи Сомо-сомо нѣтъ, кромѣ того, *k*, а въ нарѣчіи Ракираки и другихъ мѣстностей звука *l*. Жители острововъ Товарищества и Австралійцы не имѣютъ ни *s*, ни *c*. При составленіи Новозеландской азбуки, миссіонеры нашли возможнымъ выбросить не менѣе тринадцати буквъ, а именно: *b*, *c*, *d*, *f*, *g*, *j*, *l*, *q*, *s*, *v*, *x*, *y* и *z*. Шотландъ увѣряетъ, что Новозеландцы не имѣли никакого понятія о свистѣ.

Даже символы и жесты, которыми люди выражаютъ свои ощущенія, чрезвычайно различны у разныхъ народовъ. Поцѣлуй кажется намъ естественнымъ выраженіемъ любви. «Это очевидно», говоритъ Штиле, «что природа сама изобрѣла его, и что первый поцѣлуй явился вмѣстѣ съ первымъ ухаживаніемъ». А между тѣмъ онъ былъ положительно неизвѣстенъ Таитянамъ, Новозеландцамъ, Папуасамъ и первобытнымъ жителямъ Австраліи. Сомали и Эскимосы тоже не употребляютъ его, а горныя племена Читтагона вмѣсто «поцѣлуй меня», говорятъ «понюхай меня». Малайцы, жители острововъ Фиджи и Дружбы и многія другія Полинезійскія племена считаютъ, что нисшіе должны садиться, говоря съ высокопоставленными особами. Жители Малликолло «выражаютъ свое удивленіе тѣмъ, что шипятъ какъ гуси». Звукъ этотъ похожъ, можетъ быть, на нашъ «штъ», что у насъ значитъ «тише, молчи», а у нихъ служитъ знакомъ сочувствія. Тодасы Нильгирской возвышенности выражаютъ свое уваженіе тѣмъ, что подносятъ правую руку къ лицу, опирая большой палецъ на корень носа; (въ Ватавулу (на о-вѣ Фиджи) считается вѣжливостью оборачиваться спиною къ высшему лицу, въ особенности обращая къ нему рѣчь. Тотъ же обычай существуетъ въ Конго; Депгамъ нашелъ его въ средней, — а Спикъ у Вагумовъ восточной Африки. По словамъ Фрейсине, на Сандвичевыхъ островахъ слезы считались выраженіемъ счастья: а у нѣкоторыхъ Эскимосскихъ племенъ знакъ взаимнаго уваженія заключается въ треніи носовъ.) Спикъ и Марціусъ увѣряютъ, что румянецъ стыда былъ неизвѣстенъ Бразильскимъ Индѣйцамъ, и что только послѣ продолжительныхъ сношеній съ Европейцами измѣненіе цвѣта лица стало выражать у нихъ душевное волненіе.

Подобнымъ же образомъ мы находимъ весьма противоположныя понятія о приличіяхъ въ дѣлѣ одежды. Турокъ считаетъ въ высшей степени неприличнымъ, если женщина показываетъ свое лицо. Скульптурныя работы древне-Индускихъ храмовъ показываютъ, что народъ можетъ достигнуть значительной степени цивилизаціи, не ощущая

ни малѣйшей потребности въ одеждѣ. Мы это видимъ по женщинамъ, слушающимъ проповѣдь Будды, въ числѣ коихъ даже жена Будды и Майя, его мать, изображены обыкновенно нагими. Фергюсонъ не задумывается даже утверждать, что «до завоеванія Индіи Магометанами, отсутствіе одежды нисколько не оскорбляло чувства приличія.»

Понятія о добродѣтели тоже представляютъ большія различія. Вѣра, надежда и любовь, или милосердіе не принадлежатъ къ числу добродѣтелей дикаря. Сешуанскій языкъ (юж. Африки) не имѣетъ словъ для выраженія благодарности; въ Альгонкинскомъ (Сѣв.-Ам. Индѣйцевъ) для понятія «любить», въ языкѣ Тинне—для понятій «милый, любимый». Сѣверо-американскіе Индѣйцы считали жалость порокомъ, а миръ—зломъ. «Воровство», говоритъ Катлинъ, «они называютъ добычею, а идея смиренія для нихъ совершенно непонятна». «У Купуевъ» (Kouprouees), говоритъ маіоръ Макъ-Куллохъ, «прощать враговъ — считается большимъ грѣхомъ, а мстить имъ — наибольшою добродѣтелью».

У древнихъ Грековъ, какъ это мы видимъ изъ примѣра Уллиса у Гомера, лживая хитрость пользовалась одобреніемъ.

Одинъ Африканецъ съ негодованіемъ сказалъ Бёртону: «Неужели человѣкъ долженъ умирать съ голоду, когда у его сестры есть дѣти, которыхъ она можетъ продать?» Съ перваго взгляда эта фраза кажется очень эгоистичною; но въ сущности такое впечатлѣніе было бы не совсѣмъ вѣрнымъ. Марсденъ разсказываетъ, что одинъ Малаецъ съ острова Суматры сказалъ, съ удивленіемъ разсматривая часы: «Развѣ не справедливо, что такіе люди, какъ мы, должны быть рабами народа, который обладаетъ такими способностями чтобы изобрѣсть—и такимъ искусствомъ, чтобы воспроизвести эту удивительную машину?»

Новозеландцы и Индѣйцы племени Кри не считали цѣломудріе до брака за добродѣтель; она не одобрялась также, хотя и по другимъ причинамъ, нѣкоторыми Бразильскими племенами, Андаманцами, жителями Ладронскихъ острововъ и нѣкоторыми другими. Съ другой стороны, Австралійцы ужаснулись бы, если бы кто нибудь изъ нихъ женился на дѣвушкѣ одного съ нимъ рода. Абинонцы считаютъ грѣхомъ для мужчины произносить свое собственное имя; Таитяне полагаютъ, что очень нехорошо обѣдать за общимъ столомъ и были необыкновенно возмущены, когда увидѣли, что одинъ англійскій матросъ несъ на головѣ корзину съ провизіей. Это же предубѣжденіе существовало и у Новозеландцевъ, а жители Фиджи, которые были завзятые людоѣды и у которыхъ жалость считалась

слабостью, а жестокость—добродѣтелью, твердо вѣрили, что неправильно татуированная женщина не можетъ послѣ смерти разсчитывать на вѣчное блаженство. Ту же странную идею мы встрѣчаемъ и у Эскимосовъ. Галль разсказываетъ, что «они татуируются по принципу,—у нихъ существуетъ вѣрованіе, что линіи, проведенныя извѣстнымъ образомъ, сочтутся въ будущемъ мірѣ за знаки набожности». Веддамъ кажется самымъ естественнымъ, если братъ женится на своей меньшей сестрѣ, между тѣмъ какъ бракъ со старшею сестрою показался бы имъ настолько же предосудительнымъ, какъ и намъ. Главный жрецъ острововъ Дружбы считался слишкомъ святымъ, чтобы жениться; но онъ могъ брать сколько ему угодно наложницъ и даже вожди не посмѣли бы отказать ему, если бы онъ вздумалъ потребовать ихъ дочерей. Въ Западной Африкѣ женщины царствующаго дома могутъ имѣть сколько угодно любовниковъ, но имъ запрещено унижать себя бракомъ. У туземцевъ Новаго Южнаго Уэлльса, въ то время какъ замужнія женщины ходили обыкновенно нагими, для молодыхъ дѣвушекъ это считалось весьма неприличнымъ.

Многіе дикіе народы считаютъ грѣхомъ, если женщина родитъ близнецовъ; у Ибосовъ восточной Африки такія дѣти бросаются дикимъ звѣрямъ, а женщина выгоняется изъ общины. Тамъ же большимъ несчастьемъ считается, если у кого верхніе зубы выростутъ прежде нижнихъ. Фраза: «у тебя выросли первыми верхніе зубы», считается тамъ самымъ высокимъ оскорбленіемъ. Всѣ подобные факты заставляютъ меня думать, что различія въ нравахъ и обычаяхъ дикихъ народовъ болѣе замѣчательны, чѣмъ существующія сходства.

Предпринимая оцѣнку нравственнаго характера дикарей, мы должны помнить, что не только ихъ понятія о добрѣ и злѣ были, а отчасти еще и теперь продолжаютъ быть во многихъ случаяхъ, значительно отличными отъ нашихъ, но также что согласно показаніямъ путешественниковъ нѣкоторые изъ нихъ едва ли могутъ считаться отвѣтственными за свои поступки, такъ какъ они не достигли никакихъ, хотя бы даже ложныхъ и неопредѣленныхъ понятій о нравственной правотѣ и справедливости. Но гдѣ эти понятія и существуютъ, тамъ онѣ могутъ значительно отличаться отъ нашихъ и мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы вздумали разбирать вопросъ, всегда ли нашъ нравственный масштабъ—есть самый вѣрный.

Обращаясь къ характеру женщинъ дикихъ и полудикихъ народовъ, мы должны также помнить, что дикари часто смотрятъ на бѣлыхъ людей, какъ на существа высшаго порядка. Такъ Дю-Шалью разсказываетъ, что нѣкоторые Африканскіе дикари считали его высшимъ существомъ, а островитяне Южнаго океана поклонялись Куку,

какъ божеству. Даже когда они убили его и изрѣзали на куски, жители Оваиги съ полною увѣренностью ожидали его возвращенія и часто спрашивали: «что онъ сдѣлаетъ съ нами, когда воротится?» Какъ бы дико и странно не казалось на первый взглядъ такое вѣрованіе, все-таки нужно признаться, что во многихъ отношеніяхъ оно было вполнѣ естественно. Дикари могутъ возвыситься своимъ умомъ только до представленія существа, немногимъ высшаго, чѣмъ они сами, а кап. Кукъ былъ могущественнѣе, мудрѣе и, можемъ мы прибавить, добродѣтельнѣе, чѣмъ большинство ихъ такъ называемыхъ «божествъ». При такихъ обстоятельствахъ, хотя и нужно согласиться, что обыкновенно дикари не придаютъ особеннаго значенія цѣломудрію женщины, но мы не должны строго судить ихъ въ этомъ отношеніи. Насъ не должно удивлять, что каждая связь съ бѣлымъ человѣкомъ считается вообще скорѣе за честь, чѣмъ за униженіе, такъ какъ Европейцы играютъ въ этомъ случаѣ въ сущности ту же роль, какую влюбчивые боги играли въ древней миѳологіи.

Далѣе, дикарямъ, также какъ и дѣтямъ, время кажется болѣе длиннымъ, чѣмъ намъ, и временное супружество считается у нихъ настолько же естественнымъ и приличнымъ, какъ и пожизненное. Часто гостепріимство проводится такъ далеко, что считаютъ несправедливымъ не предоставить гостю всего, что можетъ увеличить его комфортъ и полагаютъ, что не предложивъ гостю временной жены, гостепріимство неполно. Этотъ обычай былъ найденъ во многихъ мѣстностяхъ Сѣверной Америки, на островахъ Южнаго океана, у Абиссинцевъ, Бедуиновъ, Кафровъ, Патагонцевъ и другихъ расъ. У Эскимосовъ считается великимъ доказательствомъ дружбы — помѣняться на нѣсколько дней женами. Выше я уже говорилъ, какъ одинъ Кандійскій старшина былъ скандализированъ обычаемъ Веддовъ — жить только съ одной женой. «Это», говорилъ онъ, «совершенно какъ у Вандеру» (видъ обезьянъ). Во время пребыванія Кука въ Новой Зеландіи, многіе изъ его спутниковъ заключили временные браки съ женщинами Маори. Браки эти были заключены формально и по всѣмъ правиламъ приличія, и Новозеландцы смотрѣли на нихъ, какъ на вполнѣ законные и позволительные.

Реньяръ (XVII ст.) увѣряетъ, что Лопари предпочитали жениться на дѣвушкѣ, имѣвшей уже ребенка отъ бѣлаго, въ томъ убѣжденіи, что если бѣлый человѣкъ, по ихъ мнѣнію высшей породы, обратилъ свое вниманіе на дѣвушку ихъ племени, то послѣдняя должна имѣть слѣдовательно какія нибудь скрытыя достоинства. Даже еще въ новѣйшее время, леди Дуффъ Гордонъ разсказываетъ намъ въ

своемъ описаніи Капской колоніи, что «у цвѣтнаго племени не существуетъ такъ называемой морали, — да и къ чему она имъ? Это честь для всякой дѣвушки ихъ племени, — имѣть ребенка отъ бѣлаго». Если принять во вниманіе всѣ эти факты, то мнѣ кажется, что мы не должны относиться слишкомъ строго къ связямъ между Европейцами и женщинами нисшихъ племенъ, или вѣрнѣе, что позоръ въ этомъ случаѣ долженъ падать скорѣе на насъ, чѣмъ на нихъ. Но даже и между самчми дикарями, мы должны признать, что женская добродѣтель уважается во многихъ случаяхъ весьма мало, и это вполнѣ естественно, такъ какъ на женщину смотрятъ почти также, какъ на домашнюю скотину. У многихъ племенъ, какъ напримѣръ у островитянъ Южнаго океана и у Эскимосовъ, неприличные танцы не только не составляютъ рѣдкости, но въ нихъ учавствуютъ также женщины самаго высшаго сословія, которымъ повидимому и въ голову не приходитъ, что эти танцы грязны и неприличны. По словамъ Уллоа, Бразильцы не одобряли невинности дѣвушки до замужества, полагая, что это доказываетъ ея непривлекательность. Жители Ладронскихъ и Андаманскихъ острововъ придерживаются того же взгляда, только послѣдніе по другой причинѣ, именно считая сдержанность за спесь и эгоистичность. Съ нашей точки зрѣнія подобныя убѣжденія могутъ казаться ужасными; но мы не должны забывать, что у дикарей онѣ не могутъ имѣть такихъ роковыхъ послѣдствій, какъ у насъ, и прежде чѣмъ строго осуждать ихъ, вспомнимъ лучше нашу собственную литературу и нашу собственную нравственность даже только одного послѣдняго столѣтія.

Самая темная черта въ характерѣ дикарей—это ихъ грубое, чтобы не сказать жестокое, обращеніе съ женщинами. А между тѣмъ она присуща всѣмъ дикимъ. Всѣ они смотрятъ на болѣе слабый полъ, какъ на нисшія существа, какъ на простыхъ домашнихъ животныхъ. Работа и страданія женщины не вознаграждаются нѣжною любовью того, для кого она мучитъ себя. Мы уже видѣли, что въ Альгонкинскомъ языкѣ нѣтъ слова «любовь», а у племени Тинне—для понятій «милый» или «любимый». Капитанъ Лефруа говоритъ: «я старался объяснить Нанеттѣ, что хочу узнать отъ нея выраженія, соотвѣтствующія нашимъ понятіямъ ma chère femme, ma chère fille. Когда наконецъ она поняла меня, то отвѣчала съ большимъ воодушевленіемъ: «l'disent jamais ça, i'disent ma femme, ma fille». Спикъ и Марціусъ утверждаютъ, что у Бразильскихъ племенъ отецъ имѣетъ едва ли какое нибудь—, а мать только инстинктивное расположеніе къ ребенку. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ дикіе, почти безъ исключенія, жестоки, но мы не должны забывать, что они вообще

значительно менѣе чувствительны къ боли, чѣмъ люди, проводящіе большую часть жизни въ домахъ, и что во многихъ случаяхъ они сами налагаютъ на себя ужаснѣйшія мученія.

Часто сравнивали дикихъ съ дѣтьми и это сравненіе не только вѣрно, но и въ высшей степени поучительно. Многіе естествоиспытатели полагаютъ, что раннее состояніе особи указываетъ на положеніе расы, и что проходимыя стадіи развитія могутъ служить лучшими доказательствами генетическаго сродства. Тоже самое можно сказать и о человѣкѣ. Жизнь отдѣльной особи представляетъ въ сокращеніи исторію человѣческаго рода и постепенное развитіе ребенка объясняетъ намъ развитіе всего рода. Отсюда важное значеніе сходства между дикимъ и ребенкомъ. У дикихъ, какъ и у дѣтей, вовсе нѣтъ постоянства и терпѣнія. Описывая Индѣйское племя Догрибовъ, Ричардсонъ говоритъ между прочимъ: «мы на опытѣ убѣдились, что несмотря на высокую награду за точное исполненіе порученія, имъ (Индѣйцамъ) невозможно напримѣръ довѣрить отнести письмо. Довольно малѣйшаго затрудненія, мысли о попойкѣ или вкусномъ жаркомъ, или вдругъ появившагося желанія навѣстить пріятеля, чтобы отложить исполненіе порученія на неопредѣленное время». Даже у сравнительно цивилизованныхъ островитянъ Южнаго океана дѣтскость характера была весьма замѣтна. «При каждомъ сильномъ волненіи», говоритъ Кукъ, «они готовы были, какъ дѣти, залиться слезами, но печаль забывалась у нихъ также скоро, какъ и у дѣтей». Д'юрвиль приводитъ случай, какъ одинъ изъ Новозеландскихъ начальниковъ, Тай-ванга, плакалъ и кричалъ, какъ ребенокъ, увидѣвъ, что матросы запылили мукою его лучшій костюмъ. «Не удивительно впрочемъ», замѣчаетъ Кукъ, «что печали у этого первобытнаго народа проходятъ такъ скоро, а страсти выражаются такъ быстро и рѣзко. Ихъ никогда не учили подавлять или скрывать свои чувства, и такъ какъ они не имѣютъ привычки думать о прошломъ и заботиться о будущемъ, то ихъ волнуютъ только происшествія настоящей минуты; каждая перемѣна отражается и на нихъ. У нихъ нѣтъ плана, которому бы они слѣдовали изо дня въ день; нѣтъ неизбѣжныхъ заботъ и опасеній, которыя поднимались бы въ ихъ головѣ вмѣстѣ съ зарею и забывались бы только во снѣ. Тѣмъ не менѣе, если мы признаемъ, что они въ общемъ счастливѣе насъ, то мы должны будемъ принять также, что ребенокъ счастливѣе взрослаго и что усовершенствованіемъ нашей природы, увеличеніемъ знаній и расширеніемъ нашихъ взглядовъ мы не выигрываемъ, а скорѣе теряемъ».

Извѣстна трудность, съ какою дѣти выговариваютъ нѣкоторые зву-

ки; такъ напр. они почти постоянно смѣшиваютъ *r* и *l*. Но это же явленіе мы встрѣчаемъ и у жителей Сандвичевыхъ острововъ, а по Фрейсине и у жителей Ладронскихъ; также—у туземцевъ Ваникоро, у племени Даммара Юж. Африки и на о-вахъ Тонга. Дарвинъ сдѣлалъ наблюденіе, что Пешересы съ большимъ трудомъ могутъ понять альтернативу (выборъ одкого изъ двухъ), и почти каждый путешественникъ могъ замѣтить наклонность дикарей составлять новыя слова помощью редупликаціи (удвоенія). Эта же особенность характеристична для дѣтскаго возраста цивилизованныхъ народовъ.

Далѣе, — многіе изъ наиболѣе звѣрскихъ поступковъ дикарей должны считаться не столько проявленіями преднамѣренной жестокости, сколько—дѣтской необдуманности и вспыльчивости. Кап. Байронъ приводитъ одинъ поразительный тому примѣръ въ своемъ «Narrative of the Loss of the Wager». «Одинъ Кацикъ племени Чоносъ, христіанинъ на словахъ, возвращался вмѣстѣ съ своею женою съ ловли морскихъ ежей. Ловля была мало успѣшна и онъ находился въ весьма дурномъ расположеніи духа. Маленькій мальчикъ ихъ, лѣтъ трехъ, котораго они повидимому нѣжно любили, ждалъ возвращенія своихъ родителей на берегу моря и побѣжалъ къ нимъ на встрѣчу въ прибой. Отецъ подалъ мальчику корзину съ морскими ежами, но она оказалась настолько тяжела, что ребенокъ уронилъ ее. Тогда отецъ выскочилъ изъ лодки, схватилъ ребенка и изо всей силы ударилъ его о камни. Бѣдное дитя упало безъ чувствъ все въ крови; мать подняла его, но оно было уже мертвымъ».

Въ сущности мы можемъ суммировать эту часть вопроса въ нѣсколькихъ словахъ, сказавъ, что въ дикарѣ характеръ ребенка соединяется съ силою и страстями взрослаго человѣка. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что характеры разныхъ дикихъ народовъ очень различны; такъ напримѣръ между Эскимосами и Пешересами весьма мало общаго. Но что бы ни говорили въ пользу дикихъ, все-таки, я полагаю, нельзя не признать, что какъ въ нравственномъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, они стоятъ много ниже цивилизованныхъ расъ. Конечно, трудно выбрать изъ разсказовъ путешественниковъ такое жестокое преступленіе или порокъ, параллельнаго которому мы не могли бы найдти въ Европѣ. Но то, что у насъ есть исключеніе, у нихъ составляетъ правило; то, что у насъ строго порицается приговоромъ общества и совершается только невѣжественными и порочными личностями, на то у нихъ не обращаютъ никакого вниманія, точно это такъ и должно быть. Миссіонеры утверждаютъ, что напримѣръ на островѣ Таити: «не менѣе двухъ третей дѣтей убивается самими родителями».

Если мы обратимся теперь къ умственнымъ различіямъ между первобытными и цивилизованными народами, то мы найдемъ ихъ весьма рѣзко выраженными. Говоря о племени Бушменовъ, Бёрчелль замѣчаетъ: «способны ли они размышлять или нѣтъ, только они никогда не употребляютъ въ дѣло этой способности.» Почт. Дове описываетъ Тасманійцевъ, какъ отличающихся «полнымъ отсутствіемъ всякихъ нравственныхъ понятій и впечатлѣній. Кажется, что въ мозгу ихъ угасла всякая мысль объ ихъ происхожденіи и назначеніи, какъ разумныхъ существъ». Можно было бы легко наполнить цѣлую книгу анекдотами о невѣроятномъ тупоуміи дикарей, приводимыми различными путешественниками. Конечно, могутъ возразить, что примѣры эти представляютъ скорѣе случаи индивидуальнаго слабоумія, чѣмъ національной тупости; но мы имѣемъ пробный камень высшаго развитія народа въ свойствахъ и природѣ его языка. Къ сожалѣнію, путешественникамъ трудно бываетъ составить списокъ употребительныхъ словъ и еще труднѣе узнать, какихъ именно словъ въ немъ не имѣется.

Однако, бываютъ случаи, когда это и удается. Я уже упоминалъ объ отсутствіи въ нѣкоторыхъ Сѣверо-американскихъ языкахъ словъ для выраженія понятій «любовь», «милый»—фактъ, который не только бросаетъ мрачный свѣтъ на семейныя отношенія, но свидѣтельствуетъ также о весьма низкомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ. То, что Спикъ и Марціусъ разсказываютъ о Бразильскихъ Индѣйцахъ, повидимому, примѣнимо ко многимъ, если не ко всѣмъ дикимъ народамъ. Лексиконъ ихъ богатъ и они имѣютъ особыя названія для каждой части тѣла, для каждаго извѣстнаго имъ животнаго и растенія, для каждаго предмета, который они могутъ видѣть и осязать. Но, съ другой стороны, у нихъ нѣтъ вовсе словъ для выраженія абстрактныхъ идей, какъ напр. для понятій: цвѣтъ, звукъ, полъ, видъ, умъ и т. д.

У Абипоновъ нѣтъ такихъ словъ, какъ напр. человѣкъ, тѣло, мѣсто, время, никогда, когда-либо, вездѣ и т. д.; нѣтъ также такого глагола, какъ напр. «быть». Малайскій языкъ также, по словамъ Крауфорда, очень бѣденъ отвлеченными выраженіями. Въ немъ есть отдѣльныя слова для различныхъ цвѣтовъ, но нѣтъ слова для выраженія общаго понятія о «цвѣтѣ». Лѣтъ сорокъ тому назадъ, Петербургское Библейское общество задалось, между прочимъ, мыслью—перевести «Отче нашъ» и Десять заповѣдей» на языкъ Чукчей, но «частью отъ бѣдности языка словами для выраженія новыхъ и отвлеченныхъ идей, а частью отъ неимѣнія буквъ, которыми можно

было бы передать странные и негармоничные звуки, составляющіе этотъ языкъ,—переводъ вышелъ совершенно непонятнымъ».

Подобнымъ же образомъ, у Тасманійцевъ не было слова для общаго понятія о деревѣ, хотя для каждаго отдѣльнаго вида деревьевъ они имѣли особое названіе; точно также они не могли выразить качества вещей, въ родѣ: твердый, мягкій, теплый, холодный, длинный, короткій, круглый и т. д. Вмѣсто «твердый», они говорили: «какъ камень», вмѣсто «высокій»—«длинныя ноги», вмѣсто «круглый»—«какъ шаръ, какъ мѣсяцъ» и т. д. По словамъ миссіонеровъ, у Пешересовъ нѣтъ вовсе «отвлеченныхъ выраженій для передачи истинъ нашей религіи», а въ Сѣверо-американскихъ языкахъ, «выраженіе, достаточно общее для передачи напр. понятія—«дубъ, дубовое дерево»,—принадлежитъ уже къ исключеніямъ.» Даже у сравнительно цивилизованныхъ обитателей Таити, по словамъ Форстера, не было «особыхъ словъ для выраженія отвлеченныхъ идей».

Имена числительныя могутъ служить лучшимъ или по крайней мѣрѣ легче всего примѣнимымъ пробнымъ камнемъ умственнаго состоянія нисшихъ расъ человѣчества. Мы видѣли уже, что Эскимосы съ трудомъ могутъ считать до десяти, а нѣкоторыя особи не идутъ даже далѣе пяти. Абипоны только три цифры могутъ выразить отдѣльными словами. Можетъ быть, въ языкѣ племени Даммара есть и болѣе числительныхъ, но на практикѣ они также никогда не употребляютъ свыше трехъ. Если же они хотятъ выразить «четыре», то прибѣгаютъ къ помощи пальцевъ, которые для нихъ также необходимы при счетѣ, какъ англійскому школьнику линейка и ноніусъ. Свыше пяти они очень затрудняются, потому что нѣтъ свободной руки для схватыванія и отсчитыванія пальцевъ, составляющихъ единицы. М-ръ Крауфордъ, которому мы обязаны интереспою статьею объ этомъ предметѣ, изслѣдовалъ не менѣе тридцати Австралійскихъ языковъ и, повидимому, ни одно племя этого обширнаго континента не можетъ считать далѣе четырехъ. Правда, по словамъ Скоттъ-Найида, числа, употребляемыя туземцами залива Короля Георга, достигаютъ до пяти; но послѣднее число обозначаетъ просто «много». Бразильскіе Индѣйцы также считаютъ только до трехъ, а вмѣсто бо́льшихъ чиселъ употребляютъ выраженіе «много». Туземцы съ мыса Іорка (Австралія) не идутъ даже собственно говоря выше двухъ; вотъ ихъ нумерація:

Одинъ	Netat.
Два	Naes
Три	Naes-netat.

Четыре . . . . Naes-naes.
Пять . . . . . Naes-naes-netal.
Шесть . . . . Naes-naes-naes.

Далѣе, въ формѣ ихъ религіозныхъ воззрѣній и еще болѣе въ отсутствіи религіозныхъ понятій мы встрѣчаемъ новое доказательство крайне низкаго умственнаго уровня. Часто разбирался вопросъ, существуетъ ли въ дѣйствительности племя, настолько павшее, чтобы оно не имѣло никакой религіи, никакой идеи о божествѣ. Заключеніе, къ которому въ этомъ случаѣ приходятъ, зависитъ, какъ мнѣ кажется, весьма много отъ того, что понимаютъ подъ словомъ «религія». Если боязнь неизвѣстнаго или болѣе или менѣе смутная вѣра въ колдовство можетъ быть принята за религію, то, конечно, трудно отрицать существованіе послѣдней у какого бы то ни было племени. Но если принимать религію въ болѣе высокомъ смыслѣ, то придется придти къ совершенно обратному заключенію, именно, что многіе, даже почти всѣ наиболѣе дикіе народы находятся, по единогласному почти свидѣтельству путешественниковъ, въ этомъ грубомъ и лишенномъ религіи состояніи.)

По словамъ Спика и Марціуса, Бэтса и Уэллеса, нѣкоторыя Бразильскія племена Индѣйцевъ совершенно не имѣютъ религіи. Бурмейстеръ подтверждаетъ этотъ фактъ, а въ перечнѣ главныхъ племенъ бассейна Амазонки, составленномъ Гаклюйтскимъ обществомъ, говорится между прочимъ, что у «Чунховъ совсѣмъ нѣтъ религіи», и что «Куреты не имѣютъ никакого понятія о Верховномъ Существѣ». У Тупинамбовъ Бразиліи также не существуетъ религіи. Южно-американскіе Индѣйцы изъ Гранъ-Шако, по словамъ миссіонеровъ, «не имѣютъ никакихъ религіозныхъ или идолопоклонническихъ вѣрованій, никакого культа, не обладаютъ никакимъ понятіемъ о Богѣ или о какомъ нибудь Высшемъ Существѣ. Они не дѣлаютъ различія между добромъ и зломъ и не питаютъ поэтому никакой надежды или боязни настоящаго или будущаго наказанія, равно какъ не имѣютъ никакого таинственнаго страха передъ сверхъестественной силой, которую можно было бы умилостивлять жертвами или суевѣрными обрядами». Бэтсъ разсказываетъ, «что ни одно изъ Индѣйскихъ племенъ по верхнему теченію Амазонки не имѣетъ понятія о Высшемъ Существѣ, а слѣдовательно и слова для выраженія его въ ихъ языкѣ». Азара утверждаетъ тоже самое относительно нѣкоторыхъ, посѣщенныхъ имъ племенъ Южной Америки.

Патеръ Бэгертъ, прожившій 17 лѣтъ между Калифорнскими Индѣйцами въ качествѣ миссіонера, увѣряетъ, что «идолы, храмы, религіозные обряды и церемоніи были имъ совершенно неизвѣстны и

они не имѣли вѣры ни въ истиннаго Бога, ни въ какихъ-либо ложныхъ боговъ». Ла-Перузъ также говоритъ, что они «ничего не знали о Богѣ и о загробной жизни». Кольденъ, имѣвшій много случаевъ составить себѣ вѣрное понятіе, утверждаетъ, что знаменитыя «пять націй» Канады «не имѣли открытаго богослуженія и даже никакого слова для передачи понятія «Богъ», а Хернъ, жившій много лѣтъ между Сѣверо-американскими Индѣйцами и хорошо знакомый съ ихъ языкомъ и обычаями, разсказываетъ тоже самое о нѣкоторыхъ племенахъ Гудзонова залива.

Въ «Путешествіи фрегата Астролябіи» говорится, что туземцы острововъ Саломоновыхъ и Мореплавателей (Самоа) въ Тихомъ океанѣ не имѣли религіи, а въ новѣйшемъ «Путешествіи фрегата Наварры», сообщается тоже самое о жителяхъ Каролинскихъ острововъ. У обитателей Самоа «нѣтъ ни мораевъ, ни храмовъ, ни жертвенниковъ, ни жертвоприношеній, слѣдовательно никакихъ изъ тѣхъ кровавыхъ обрядовъ, которые наблюдались у другихъ группъ островитянъ. Поэтому они считались безбожниками и безбожіе ихъ вошло въ пословицу у народа о-вовъ Раротонга, у котораго, если кто-либо порицался за неблагочестіе, то его называли «безбожнымъ Самоанцемъ». На островѣ Дамудѣ, между Австраліею и Новою Гвинеею, Джюксъ не могъ найдти «никакихъ слѣдовъ религіозныхъ вѣрованій или обрядовъ». Одинъ сипай, Дурадаванъ, прожившій нѣсколько времени на Андаманскихъ островахъ, утверждалъ, что у жителей ихъ нѣтъ никакой религіи и д-ръ Муаттъ полагаетъ, что это утвержденіе—совершенно вѣрно. Нѣкоторыя Австралійскія племена тоже, говорятъ, лишены религіи. На Пелевскихъ островахъ Вильсонъ не нашелъ ни храмовъ, ни какихъ либо признаковъ религіозныхъ вѣрованій.

Уэллесъ, имѣвшій много благопріятныхъ случаевъ составить вѣрное мнѣніе и котораго достоинства, какъ наблюдателя, не могутъ быть подвержены сомнѣнію, разсказываетъ, что у народа Ванумба, на о-вахъ Ару, онъ не могъ найдти никакихъ слѣдовъ религіи, прибавляя впрочемъ, что онъ пробылъ между ними относительно недолго.

Іенадисы и Виллисы (Индостана), согласно д-ру Шорту, совершенно не имѣютъ представленія о будущей жизни; а Гукеръ утверждаетъ, что Лепчасы сѣверной Индіи лишены религіи. Кап. Грантъ не могъ найдти «никакой опредѣленной формы религіи» у нѣкоторыхъ сравнительно цивилизованныхъ народовъ, посѣщенныхъ имъ въ центральной Африкѣ. По Бёрчелю, у Бачапиновъ (Кафровъ) южной Африки, не было никакой формы богослуженія или религіи. Они думали, что «каждый предметъ создалъ себя самъ», и что деревья и

травы ростутъ совершенно самопроизвольно». Они не вѣрили добрымъ богамъ, имѣли однакоже какое-то смутное понятіе о зломъ духѣ. И дѣйствительно, первая идея о божествѣ почти всегда представляетъ его въ формѣ злаго духа.

Калье, въ своемъ описаніи племени Фула, въ Вассуло, въ Центральной Африкѣ, говоритъ между прочимъ: «Я старался узнать, имѣютъ ли они свою религію, поклоняются ли они фетишамъ или солнцу, лунѣ или звѣздамъ; но я ни разу не могъ замѣтить у нихъ *никакой религіозной церемоніи*». Тотъ же путешественникъ сообщаетъ о племени Бамбара, что «они, подобно народу Вассуло, не имѣютъ религіи», прибавляя впрочемъ, что у нихъ сильно распространена вѣра въ колдовство.

Бёртонъ также утверждаетъ, что нѣкоторыя изъ племенъ страны озеръ въ Центральной Африкѣ «не вѣрятъ ни въ Бога, ни въ ангеловъ, ни въ чорта». Ле-Вальянъ, въ своемъ описаніи Готтентотовъ, говоритъ: «Я не видѣлъ у нихъ никакихъ слѣдовъ религіи, ничего, чтобы приближалось къ идеѣ о карающемъ и награждающемъ существѣ. Я долго жилъ между ними въ ихъ мирныхъ пустыняхъ; я совершалъ съ этими добрыми людьми много поѣздокъ въ очень отдаленныя мѣстности, и нигдѣ я не встрѣчалъ ничего, что бы походило на религію». Ливингстонъ разсказываетъ, что однажды ему случилось долго разговаривать съ однимъ Бушменомъ, какъ онъ полагалъ, о Богѣ, «а между тѣмъ оказалось, что дикарь понялъ его такъ, что онъ говорилъ о Секоми, главномъ начальникѣ ихъ въ этомъ округѣ».

Въ своемъ описаніи Эскимосовъ, Россъ говоритъ: «Мы пришли къ заключенію, что Эрвикъ, старшій изъ первой группы прибывшихъ къ намъ на судно туземцевъ, былъ наиболѣе подходящимъ лицемъ, чтобы сообщить намъ самыя вѣрныя свѣдѣнія по вопросу о религіи. Я поручилъ Сачезу спросить его, знаетъ ли онъ что нибудь о Высшемъ Существѣ; но хотя мой переводчикъ перепробовалъ всѣ слова ихъ языка, чтобы объяснить ему мою мысль, Эскимосъ не могъ его понять. Можно было ясно убѣдиться, что онъ не поклонялся ни солнцу, ни лунѣ, ни звѣздамъ, ни идоламъ, ни какому нибудь живому существу. На вопросъ, зачѣмъ существуютъ солнце и луна, онъ отвѣчалъ: «чтобы свѣтить». Онъ не зналъ и не имѣлъ никакого представленія о томъ, какъ онъ получилъ существованіе и что будетъ съ нимъ послѣ смерти, но говорилъ, что когда онъ умретъ, то его зароютъ въ землю. Убѣдившись вполнѣ, что онъ не имѣетъ никакого понятія о благодѣтельномъ Высшемъ Существѣ, я сталъ испытывать его, чрезъ Сачеза, не вѣритъ ли онъ въ злаго духа; но ему никакъ не могли растолковать, что мы понимаемъ подъ

этимъ словомъ..... Онъ положительно увѣрялъ, что при колдовствѣ онъ *не пользуется ни чьимъ содѣйствіемъ*, и для него невозможно было понять, что такое добрый или злой духъ».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ путешественники приходили къ этимъ выводамъ къ великому своему удивленію и разочарованію. Такъ, Патеръ Добрицгофферъ (миссіонеръ XVIII вѣка) говоритъ: «всѣ богословы согласны, что ни одинъ человѣкъ, не лишенный разума, не можетъ, не будучи преступникомъ, оставаться долгое время въ невѣденіи о Богѣ. Это мнѣніе горячо защищалъ и я въ университетѣ Кордовы, гдѣ я окончилъ четырехъ-лѣтній курсъ Богословія, начатый мною въ Грацѣ, въ Штиріи. Но каково же было мое удивленіе, когда переселившись въ Абипонскую колонію, я нашелъ, что во всемъ языкѣ этихъ дикарей нѣтъ ни одного слова, соотвѣтствующаго нашему «Богъ» или «божество». Чтобы говорить съ Абипонцами о религіи, я принужденъ былъ взять слово Богъ изъ испанскаго языка и вкести въ катехизисъ выраженіе «Dios ecnam caogerik», т. е. «Богъ—творецъ вещей».

Мы приводили уже одинъ случай подобнаго рода описывая Готтентотовъ, именно когда мы упоминали о путешественникѣ Кольбенѣ, который, несмотря на увѣренія самихъ туземцевъ, остался при убѣжденіи, что нѣкоторые ихъ танцы имѣютъ религіозный характеръ, «пусть Готтентоты говорятъ что хотятъ». Подобнымъ же образомъ Матьюсъ, который поселился въ качествѣ миссіонера между Пешересами, но принужденъ былъ отказаться отъ своего безнадежнаго труда,—замѣтилъ только одинъ актъ, «которому можно было приписать религіозный характеръ». Именно, онъ говоритъ, что «иногда передъ восходомъ солнца слышенъ былъ громкій вой и жалобные крики; и когда мы спросили Джемми Беттона, что это значитъ, онъ не могъ дать удовлетворительнаго объясненія, а сказалъ только: «люди очень печальны, очень много кричатъ». Однакожъ объясненіе это кажется мнѣ настолько естественнымъ и удовлетворительнымъ, что, признаюсь, я не понимаю, почему Матьюсъ полагаетъ возможнымъ видѣть здѣсь религіозный обрядъ.

Подобнымъ же образомъ, по увѣренію Гукера, не существуетъ вовсе религіи у одного изъ племенъ Индостана—Кхазіевъ. Юль, напротивъ того, утверждаетъ, что она есть, прибавляя впрочемъ, что разбиваніе куриныхъ яицъ «составляетъ главную часть ихъ религіозныхъ обрядовъ». (?)

Но, если большинство путешественниковъ надѣялось всегда найдти повсюду какую либо форму религіи и, почти противъ своей воли, убѣждалось въ противномъ, то могло случаться также, что другіе

слишкомъ поспѣшно отрицали у посѣщенныхъ ими племенъ существованіе религіи. Однако, какъ бы то ни было, тѣ, которые утверждаютъ, что даже самые дикіе народы вѣрятъ въ Высшее Божество, принимаютъ нѣчто такое, что совершенно противорѣчитъ очевидности. Прямыя показанія путешественниковъ подтверждаются въ этомъ случаѣ косвеннымъ путемъ, ихъ другими наблюденіями. Какъ напримѣръ можетъ народъ, не умѣющій сосчитать своихъ пальцевъ, возвысить свой умъ до пониманія хотя бы первоначальныхъ основъ религіи? Поклоненіе фетишамъ, столь распространенное въ Африкѣ, едва ли можетъ быть названо религіею; и даже островитяне Южнаго океана, бывшіе во многихъ отношеніяхъ значительно цивилизованными, говорятъ, ругались съ своими богами, если тѣ поступали съ ними слишкомъ строго или безъ должнаго уваженія. По словамъ Коцебу, Камчадалы поклонялись своимъ богамъ «когда желанія ихъ исполнялись, и ругались надъ ними, когда испытывали неудачи». Когда миссіонеры привезли на острова Фиджи типографскій станокъ. то «язычники немедленно признали его богомъ».

Жители Никобарскихъ острововъ ставили птичьи пугала, чтобы пугать своего бога, а Бёртонъ разсказываетъ, что онъ слышалъ разъ, какъ одна старуха изъ племени Иза (въ Африкѣ), у которой болѣли зубы, произносила такого рода молитву: «О Аллахъ, чтобы твои зубы болѣли также сильно, какъ у меня, чтобы твои десны ломили также, какъ мои теперь!»

Дикарь однакоже почти повсюду вѣритъ въ колдовство. Смѣшивая субъективное съ объективнымъ, онъ вѣчно находится въ страхѣ чего нибудь. Это вѣрованіе въ колдовство не легко оставляется и цивилизованными народами. Іаковъ I (король Англіи) былъ того убѣжденія, что растапливая маленькія восковыя фигурки, «можно заставить также таять или чахнуть и тѣхъ лицъ, имена которыхъ носятъ фигурки». Что касается портретовъ, то у дикарей существуютъ относительно ихъ самыя оригинальныя понятія. Вообще, всѣ они неохотно даютъ съ себя рисовать, полагая, что художникъ пріобрѣтаетъ этимъ нѣкоторую таинственную силу надъ ними. Кэнъ, однажды, только тѣмъ и могъ освободиться отъ докучавшихъ ему Индѣйцевъ, что погрозилъ нарисовать ихъ, если они не отстанутъ. Я уже упоминалъ объ опасности, которой подвергнулъ себя Катлинъ, нарисовавъ одного Индѣйскаго начальника въ профиль и лишивъ тѣмъ его, какъ предполагали туземцы, половины лица. Подобная же таинственная связь предполагается между отрѣзаннымъ пучкомъ волосъ и особью, которой онъ принадлежалъ. Въ различныхъ частяхъ свѣта колдуны стараются добыть отрѣзки волосъ и ногтей, или объѣдки

пищи своего врага, въ полной увѣренности, что всякій вредъ, причиненный этимъ остаткамъ, отразятся и на ихъ прежнемъ обладателѣ. Даже лоскутъ одежды или щепотка земли, на которой стояла особь, будетъ годиться для этой цѣли, а у нѣкоторыхъ племенъ даже одно знаніе имени лица считается уже достаточнымъ для того, чтобы получить надъ нимъ таинственную власть. Индѣйцы Британской Колумбіи весьма опасаются открывать свои имена. У Алгонкинцевъ настоящее имя лица сообщается только его ближайшимъ родственникамъ и лучшимъ друзьямъ; всѣмъ же остальнымъ, которые имѣютъ съ нимъ сношеніе, извѣстно только его прозвище. У другихъ племенъ это суевѣріе относительно именъ выражается иначе. Такъ, по словамъ Уарда, у Индусовъ считается непростительнымъ для женщины называть своего мужа по имени. Подобное же суевѣріе существуетъ у Кафровъ и у нѣкоторыхъ другихъ племенъ Восточной Африки. Во многихъ частяхъ свѣта упоминаніе именъ умершихъ избѣгается вслѣдствіе какого то суевѣрнаго страха. Это существуетъ во многихъ частяхъ Сѣверной и Южной Америки, въ Сибири, у Папуасовъ, Австралійцевъ и даже въ Шотландіи, гдѣ, говорятъ, вдовы весьма неохотно упоминаютъ имена своихъ покойныхъ мужей.

По всей Австраліи, у нѣкоторыхъ Бразильскихъ племенъ, во многихъ мѣстностяхъ Африки и въ различныхъ другихъ странахъ, естественная смерть считается невозможною. На Ново-Гебридскихъ островахъ, «когда человѣкъ заболѣваетъ, онъ непремѣнно думаетъ, что какой нибудь колдунъ сжегъ его испражненія; и трубы изъ раковинъ, слышныя за цѣлыя мили, служатъ сигналомъ для колдуновъ—остановить волшебство и принять подарки, которые будутъ имъ принесены на другой день. Каждую ночь почти м-ръ Терперъ слышалъ меланхолическіе звуки раковинъ, призывавшіе колдуновъ перестать мучить ихъ жертвы».

Дикари постоянно находятся подъ вліяніемъ мысли, что они могутъ подпасть могуществу этихъ страшныхъ враговъ, и съ нашей стороны не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что ужасный страхъ передъ неизвѣстнымъ зломъ виситъ, подобно тучѣ, надъ головою дикаря, отравляя каждую его радость и удовольствіе.)

Душевныя страданія, претерпѣваемыя ими вслѣдствіе этого, ужасныя мученія, налагаемыя ими по временамъ на себя и преступленія, которыми они отягощаютъ свою совѣсть—производятъ въ высшей степени печальное впечатлѣніе. Не слѣдуетъ думать, что въ предыдущей главѣ я выбиралъ только факты, наиболѣе неблагопріятные для дикарей, и что картина ихъ нравовъ, представленная мною, вышла, вслѣдствіе этого, слишкомъ рѣзка. Въ дѣйствительности,

нужно принять обратное; дѣйствительное положеніе ихъ хуже и отвратительнѣе, чѣмъ то, которое представлено мною. Я, правда, заботился о томъ, чтобы цитировать только достовѣрные авторитеты, но нѣкоторые изъ приведенныхъ ими фактовъ я не рѣшался повторить, а кромѣ того, есть еще другіе, которые сами путешественники постыдились предать гласности.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Заключеніе.

Я имѣлъ случай уже выразить разъ мое мнѣніе. что простѣйшія искусства и орудія были изобрѣтены самостоятельно различными племенами, въ разное время и въ различныхъ частяхъ свѣта. Даже теперь еще мы можемъ иногда, я думаю, получить намеки на способъ, которымъ онѣ были или могли быть открыты. Слоны ломаютъ вѣтви деревьевъ и употребляютъ ихъ какъ опахала. Обезьяны пользуются сучьями и бросаютъ въ нападающихъ каменья и палки. Онѣ употребляютъ также круглые камни для раскалыванія орѣховъ, а отсюда, конечно, стоитъ только сдѣлать одинъ шагъ, чтобы перейдти къ приспособленію остраго камня для разрѣзыванія. Когда лезвее такого камня тупилось и становилось негоднымъ, его могли бросать и замѣнять новымъ; но, когда нибудь, случай, если не размышленіе, могъ показать дикарю, что круглымъ камнемъ можно разбивать не только орѣхи, но и другіе камни, а чрезъ это дикарь могъ научиться приготовлять самъ себѣ острыя орудія. Сначала, какъ мы видѣли это на экземплярахъ періода рѣчныхъ наносовъ, они были грубы и аляповаты, но постепенно работа стала производиться тщательнѣе, отбиваемые кусочки мельче, производимые удары осторожнѣе и обдуманнѣе, покуда наконецъ не было найдено, что лучшіе результаты достигаются давленіемъ, а не ударами Отъ надавливанія до полированія былъ снова только одинъ шагъ. При изготовленіи кремневыхъ орудій должны были получаться искры, при полированіи ихъ нельзя было не замѣтить, что камень разгорячался, а отсюда легко уже понять, какъ могли явиться два употребительныхъ способа добыванія огня *).

Чимпанзе устроиваетъ себѣ жилище или убѣжище, весьма похо-

*) Мысль воспользоваться огнемъ могла быть возбуждена горящими вулканами, деревьями зажженными молніею и естественными огнями, появляющимися въ жаркое лѣто.

жее на жилища нѣкоторыхъ дикарей. Можетъ быть наши древнѣйшіе предки тоже обладали этимъ искусствомъ: но если и нѣтъ, то сдѣлавшись охотниками и,—какъ это мы находимъ у всѣхъ охотничьихъ племенъ,—восполняя недостаточность своего оружія подробнымъ знаніемъ нравовъ и обычаевъ преслѣдуемыхъ животныхъ, они имѣли постоянно случаи наблюдать, а можетъ быть и копировать, жилища, устроиваемыя различными видами животныхъ для самихъ себя.

Эскимосы не имѣютъ глиняной посуды; вмѣсто нея они употребляютъ полые камни. Но мы видѣли уже, что иногда они стараются улучшить ихъ, устраивая вокругъ глиняный ободокъ. Увеличить этотъ ободокъ, уменьшить и наконецъ совсѣмъ замѣнить камень,— дѣло уже не особенно хитрое. Въ жаркихъ странахъ употребляютъ для храненія жидкостей сосуды изъ дерева, или оболочки плодовъ, въ родѣ напримѣръ кокосовыхъ орѣховъ или тыквъ. Сосуды эти не выдерживаютъ огня, но, въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ облѣпляютъ снаружи глиною, они являются способными его выдерживать. Существуютъ нѣкоторыя основанія допустить, что это очевидное улучшеніе было сдѣлано многими отдѣльными племенами даже въ новѣйшее время. Можно привести еще и другіе подобные случаи, когда весьма простымъ, и повидимому само собою понятнымъ переходомъ сдѣлано было весьма важное улучшеніе.

Кажется весьма невѣроятнымъ, чтобы какое либо изъ этихъ открытій могло снова затеряться впослѣдствіи. «Мы не знаемъ ни одного примѣра», говоритъ Эд. Тэйлоръ, «чтобы какой нибудь народъ оставилъ напр. употребленіе веретена, чтобы возвратиться къ крученію нитки рукою, или бросилъ бы напримѣръ, при добываніи огня помощью крутящагося лука, употребленіе ремня, чтобы перейдти къ болѣе грубому и первобытному способу. Даже невѣроятно представить себѣ, чтобы такой переходъ могъ когда нибудь случиться». Но что же слѣдуетъ изъ этого факта? Очевидно, что самыя нисшія племена существующихъ дикарей должны наконецъ, — если мы допустимъ только общее происхожденіе человѣческаго рода,—подвинуться настолько по пути цивилизаціи, насколько ушли впередъ наши предки, когда они разселялись впервые по лицу земли. Но въ какомъ состояніи они должны были тогда находиться? Глиняная посуда была имъ неизвѣстна, такъ какъ и теперь еще, или по крайней мѣрѣ еще весьма недавно, ея не было у Эскимосовъ, Полинезійцевъ, Австралійцевъ, нѣкоторыхъ Индѣйскихъ племенъ Сѣверной и Южной Америки и многихъ другихъ первобытныхъ народовъ. Лука и стрѣлъ у нихъ не было, потому что оружіе это было неизвѣстно Австралійцамъ и Новозеландцамъ. Лодки ихъ, вслѣдствіе такихъ же

причинъ, должны были отличаться самою грубою конструкціей. Они были наги, не знали искусства прясть, не имѣли никакого понятія о земледѣліи и, вѣроятно, никакихъ домашнихъ животныхъ, кромѣ собаки, хотя въ этомъ послѣднемъ случаѣ, имѣющіяся доказательства слабѣе, такъ какъ свѣдѣнія могли передаваться легче, нежели имущество. Тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, весьма вѣроятно, что собака была долгое время единственнымъ домашнимъ животнымъ. Необыкновенныхъ оружій, какъ напримѣръ бумеранга, духовой трубки, боласовъ и т. п. у нихъ, конечно, не было. Праща и метательная палка были, безъ сомнѣнія, также неизвѣстны и даже щитъ,— такъ какъ онъ употребляется только на войнѣ,—вѣроятно не былъ еще изобрѣтенъ. Такимъ образомъ остаются только копье, которое въ сущности есть лишь видоизмѣненный ножъ, и палица, которая есть ничто иное, какъ удлиненный топоръ. Эти виды оружія были, повидимому, самыми естественными и всеобщими.

Съ перваго раза можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ человѣкъ могъ въ то время промышлять себѣ дичь; но мы не должны забывать, что если человѣкъ былъ неискусенъ, то и животныя были не такъ подозрительны. Всѣмъ извѣстны разсказы путешественниковъ о довѣрчивости птицъ на необитаемыхъ островахъ. Вообще можно сказать, что осторожность животныхъ и ловкость человѣка, какъ охотника, возростали почти совершенно соотвѣтственно.

Тотъ же самый способъ доказательства можетъ быть приложенъ и къ умственному состоянію дикарей. Весьма невѣроятно, чтобы наши предки умѣли считать до десяти, особенно, если мы вспомнимъ, что многія изъ теперь живущихъ племенъ не идутъ дальше четырехъ. Съ другой стороны, весьма невѣроятно также, чтобы человѣкъ могъ существовать на еще болѣе низкой ступени, чѣмъ только что указанная. Впрочемъ, покуда его распространеніе ограничивалось тропическими странами, онъ могъ находить себѣ постоянно плоды и жить слѣдовательно, подобнымъ же образомъ, какъ теперь обезьяны. По словамъ Бэтса, это и можно дѣйствительно сказать относительно нѣкоторыхъ племенъ Бразиліи: «Обезьяны», говоритъ онъ, «ведутъ въ самомъ дѣлѣ такую же жизнь, какъ и Индѣйцы Парауты». Но, какъ скоро наши предки распространились за предѣлы умѣреннаго пояса, этотъ образъ жизни сдѣлался для нихъ невозможнымъ, и они принуждены были, хотя отчасти, заимствовать свою пищу у животнаго царства. Вотъ въ это то время, если не раньше еще, каменные ножъ и топоръ и должны были развиться въ копье и палицу.

Часто высказывали предположеніе, что земля населилась посред-

ствомъ ряда «переселеній». Но переселенія, въ собственномъ смыслѣ слова, возможны только при сравнительно высокой организаціи народа. Кромѣ того, было сдѣлано наблюденіе, что географическое распространеніе различныхъ расъ человѣчества поразительно совпадаетъ съ распространеніемъ другихъ видовъ животныхъ, такъ что не подлежитъ сомнѣнію, что первоначально человѣкъ разселялся постепенно, шагъ за шагомъ, понемногу каждый годъ, совершенно также, какъ напримѣръ сорныя травы Европы—постепенно, но неудержимо распространяются по поверхности Австраліи.

Предъидущій способъ доказательствъ, конечно, предполагаетъ единство человѣческаго рода. Для меня было бы невозможнымъ закончить настоящее сочиненіе, не сказавъ нѣсколько словъ по поводу этого важнаго вопроса. Необходимо допустить, что главнѣйшія разновидности человѣческаго рода, должны быть весьма древни. На древнѣйшихъ Египетскихъ памятникахъ, нѣкоторые изъ коихъ несомнѣнно восходятъ до 2400 года до Р. Х., мы находимъ «два совершенно различныхъ типа, Арабовъ на востокѣ и западѣ Египта и Негровъ на югѣ; тогда какъ Египетскій типъ занимаетъ между ними среднее мѣсто. Хотя эти изображенія на монументахъ очень условны, тѣмъ не менѣе, онѣ настолько характерны, что невозможно не распознать ихъ». Эти различные типы и теперь еще преобладаютъ въ Египтѣ и въ сосѣднихъ ему странахъ. «Такимъ образомъ», говоритъ Пуль, «этотъ громадный промежутокъ времени не произвелъ здѣсь ни малѣйшаго измѣненія ни въ Арабѣ, ни въ Негрѣ; и даже типъ, могущій считаться промежуточнымъ между ними, остался совершенно неизмѣненнымъ. Тѣ, которые полагаютъ, что время можетъ измѣнять типъ народовъ, не должны оставлять безъ вниманія того факта что три тысячи лѣтъ не даютъ никакого масштаба, на которомъ бы можно было основать вычисленіе». Впрочемъ, мнѣ неизвѣстно, существовала ли такая школа этнологовъ, которая бы считала, что «время» одно, безъ измѣненія внѣшнихъ условій, могло обусловливать измѣненіе типа.

Обратимся теперь къ примѣрамъ, которые были приведены Крауфордомъ. «Милліоны Африканскихъ Негровъ», говоритъ онъ, «вывезенныя въ послѣдніе три столѣтія въ Новый Свѣтъ и его острова, остались такими же по цвѣту своей кожи, какъ и Негры, живущіе еще и теперь въ отечествѣ ихъ предковъ. Испанскіе креолы, населяющіе почти столько же времени тропическую Америку, отличаются такою же правильностью чертъ лица, какъ Аррагонцы или Андалузцы, представляя тѣже варіететы въ цвѣтѣ волосъ и глазъ, какъ и ихъ предки. Чисто Голландскіе колонисты Капской колоніи, про-

жившіе около 200 лѣтъ между черными Кафрами и желтыми Готтентотами, имѣютъ такой же цвѣтъ кожи, какъ и ихъ соплеменники въ Голландіи». Здѣсь мы имѣемъ, наоборотъ, значительное измѣненіе условій, но весьма недостаточный періодъ времени, и дѣйствительно, неизвѣстно ни одного вполнѣ автентичнаго случая, когда бы оба эти условія были бы соединены. Тѣмъ не менѣе, Крауфордъ идетъ, я полагаю, слишкомъ далеко, когда онъ отрицаетъ совершенно всякое измѣненіе типа. Несмотря на сравнительно короткій срокъ и на постоянное приращеніе эмигрантовъ, въ Соединенныхъ Штатахъ замѣтна напримѣръ уже значительная разница по типу между Англичанами и Англо-Американцами, и было бы весьма желательно изслѣдовать, дѣйствительно ли Негры Новаго Свѣта совершенно похожи на своихъ Африканскихъ родичей.

Но есть нѣкоторыя основанія полагать, что перемѣна внѣшнихъ условій, или скорѣе среды, производитъ въ настоящее время меньшее вліяніе, чѣмъ это было прежде. Теперешніе переселенцы приносятъ съ собою нравы и удобства цивилизованной жизни. Они воздвигаютъ дома, болѣе или менѣе сходные съ ихъ прежними жилищами, перевозятъ съ собою цѣлыя стада домашнихъ животныхъ и разводятъ въ новомъ отечествѣ полезныя растенія своей родины. Если новое мѣсто жительства холодно, они усложняютъ свою одежду; если жарко — убавляютъ ее. Этимъ и сотнями другихъ способовъ значительно ослабляется то вліяніе, которое иначе произвело бы свое дѣйствіе.

Но какъ мы уже видѣли, это не всегда было такъ. Когда человѣкъ разселялся впервые по землѣ, у него не было домашнихъ животныхъ, можетъ быть даже—собаки; онъ не имѣлъ понятія о земледѣліи; оружіе его было самое грубое, а его хижины едва ли заслуживали этого названія. Его пища, обычаи и. весь образъ жизни должны были существенно мѣняться съ переходомъ изъ одной страны въ другую; онъ долженъ былъ подвергаться гораздо болѣе вліянію внѣшнихъ условій и, по всей вѣроятности, былъ болѣе способенъ къ измѣненію. Кромѣ того, есть основаніе предполагать, что сама форма его. которая теперь сдѣлалась, такъ сказать, стереотипною вслѣдствіе долголѣтняго повторенія, была болѣе пластична, чѣмъ въ настоящее время.

Если въ этомъ воззрѣніи есть хотя доля истины, то отсюда прямо будетъ слѣдовать, что главные варіететы человѣческаго рода имѣютъ за собою глубокую древность и восходятъ почти до самаго перваго появленія человѣка. Тогда мы перестанемъ удивляться, что древнѣйшія изображенія Египетскихъ монументовъ передаютъ намъ такъ

вѣрно признаки различныхъ племенъ, еще и теперь существующихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, и что напримѣръ Энгисскій черепъ, можетъ быть самый древній изъ найденныхъ въ Европѣ, такъ поразительно похожъ на многіе изъ современныхъ.

Эта гипотеза была развита далѣе Уэллесомъ, въ его превосходной статьѣ «О происхожденіи расъ и о древности человѣческаго рода, съ точки зрѣнія теоріи естественнаго подбора». Онъ сдѣлалъ попытку примирить два діаметрально противоположныхъ этнологическихъ воззрѣнія: одно, утверждающее, что родъ человѣческій составляетъ въ сущности одинъ видъ и что всѣ разновидности его суть только мѣстныя и временныя варіаціи, вызванныя различными, физическими и нравственными, окружающими условіями; и другое, защищающее съ такою же увѣренностью, что родъ человѣческій состоитъ изъ многихъ видовъ, каждый изъ которыхъ въ сущности не измѣняется и всегда былъ настолько же, если не болѣе, отличенъ отъ другихъ, чѣмъ мы это видимъ и теперь. Самъ Уэллесъ придерживается перваго изъ этихъ воззрѣній, признавая впрочемъ, что въ настоящее время, повидимому, наилучшіе аргументы находятся на сторонѣ гипотезы о коренномъ различіи человѣческихъ породъ, — и показываетъ, что истинное рѣшеніе этого труднаго вопроса заключается въ теоріи естественнаго подбора, которую онъ, съ замѣчательнымъ самоотверженіемъ, приписываетъ одному Дарвину, несмотря на то, что, какъ извѣстно, онъ пришелъ самостоятельно къ той же самой идеѣ и изложилъ ее печатно, хотя и не въ такой выработанной формѣ, одновременно съ Дарвиномъ.

Разъяснивъ истинный смыслъ теоріи, которая, нужно сознаться, и теперь еще понимается многими ложно, онъ доказываетъ, что пока человѣкъ влачилъ чисто животное существованіе, онъ долженъ былъ подчиняться тѣмъ же законамъ и также варіировать, какъ и другія животныя, но что со временемъ, познакомившись съ одеждой и научившись дѣлать оружія и орудія, онъ отнялъ у природы эту мощь видоизмѣнять внѣшнюю форму и строеніе, которую она проявляетъ надъ всѣми другими животными.....

Съ того времени, какъ общественное сознаніе и чувство симпатіи къ ближнимъ начали проявлять свое дѣйствіе, а умственныя и нравственныя способности достигли значительной степени развитія, человѣкъ вышелъ изъ подъ вліянія естественнаго подбора своей физической формы и своего строенія. Какъ животное, онъ пересталъ почти совершенно измѣняться; перемѣны въ окружающей его средѣ перестали оказывать на него то могущественное, модифицирующее вліяніе, которое онѣ производятъ на весь остальной органическій

міръ. Но, съ этого момента, какъ только его тѣло сдѣлалось постояннымъ, его духъ сталъ подчиняться тѣмъ же самымъ вліяніямъ, изъ подъ которыхъ освободилось его тѣло. Всѣ малѣйшія измѣненія въ его умственной и нравственной природѣ, которыя давали ему возможность лучше противустоять непріятнымъ случайностямъ или соединяться съ своими собратьями для общей пользы и защиты, сохранялись и накоплялись. Поэтому, лучшія и высшія особи нашего рода должны были размножаться и распространяться, а низшія и болѣе животныя—уступать и вымирать. Въ результатѣ долженъ былъ произойдти тотъ быстрый прогрессъ въ развитіи умственныхъ способностей, который возвысилъ даже самыя низшія расы человѣчества на такое далекое разстояніе надъ безсловесными животными, (хотя по физическому строенію они и очень мало отличаются отъ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ) и, въ соединеніи съ почти незамѣтными измѣненіями наружной формы, вызвалъ высшее проявленіе человѣческаго разума у Германской и Романской расъ. Однако, мнѣ кажется, м-ръ Уэллесъ нѣсколько преувеличиваетъ, когда утверждаетъ, что человѣкъ совершенно не находится болѣе подъ вліяніемъ естественнаго подбора и что его тѣло сдѣлалось неизмѣняемымъ. Медленныя и постепенныя измѣненія все еще продолжаются, хотя одно физическое строеніе, само по себѣ, уже давно сдѣлалось гораздо менѣе важнымъ для человѣка, чѣмъ та невѣсомая сила, которую мы называемъ «умомъ». «*Умъ*»—говоритъ краснорѣчиво Уэллесъ, «далъ нагому, беззащитному тѣлу одежду для предохраненія отъ перемѣнчивыхъ вліяній погоды. Будучи неспособнымъ соперничать съ оленемъ въ быстротѣ бѣга или съ дикимъ быкомъ по физической силѣ, — *умомъ* человѣкъ дошелъ до изобрѣтенія оружій, съ помощью которыхъ могъ одолѣть обоихъ. Хотя и менѣе способный питаться травою и фруктами, добровольно предлагаемыми ему природою, съ помощью этой дивной способности, онъ могъ руководить и управлять природой на свою пользу, заставляя ее производить ему пищу тамъ и тогда, гдѣ это ему будетъ желательно. Съ момента, когда въ первый разъ была употреблена шкура для одежды, сдѣлано первое грубое копье для болѣе вѣрной охоты, посаженъ отпрыскъ растенія или брошено въ землю сѣмя, совершился великій переворотъ въ природѣ,—переворотъ, не имѣющій себѣ равнаго во всѣхъ предшествовавшихъ вѣкахъ исторіи міра. Явилось существо, освобожденное отъ обязанности непремѣнно измѣняться вмѣстѣ съ измѣняющеюся вселенной,—существо, стоящее даже до нѣкоторой степени выше природы, именно насколько оно знаетъ контролировать и ре-

гулировать ея дѣйствія и можетъ содержать себя въ гармоніи съ нею—не измѣненіемъ тѣла, но прогрессомъ ума.

Здѣсь мы видимъ, такимъ образомъ, истинное величіе и достоинство человѣка. Съ этой точки зрѣнія его спеціальныхъ способностей, мы должны согласиться, что даже тѣ, которые приписываютъ ему исключительное положеніе, отдѣляютъ его въ отдѣльный порядокъ, *классъ или полцарство*, — *имѣютъ значительную долю правды* на своей сторонѣ. Дѣйствительно, человѣкъ есть совершенно особенное существо, такъ какъ онъ не подчиняется тѣмъ великимъ законамъ, по которымъ измѣняются всѣ прочія органическія созданія. Даже болѣе: эта побѣда, выигранная имъ, даетъ ему направляющее вліяніе на другія существа. Человѣкъ не только освободился самъ отъ естественнаго подбора, но сдѣлался даже способнымъ отнимать у природы часть той власти, которую, ранѣе его появленія, она распространяла на всѣхъ. Мы можемъ уже вообразить себѣ то время, когда на землѣ останутся только воздѣлываемыя растенія и домашнія животныя, когда естественный подборъ замѣнится искусственнымъ, при помощи человѣка, и когда океанъ останется единственною областью, гдѣ возможно будетъ проявляться той силѣ, которая безсчетное число вѣковъ господствовала неограниченно по всей землѣ».

Такимъ-то образомъ, великій принципъ естественнаго подбора, который представляетъ такую же важность для біологіи, какъ законъ тяготѣнія для астрономіи, не только проливаетъ неожиданный свѣтъ на прошедшее, но освѣщаетъ надеждою и будущее; и я не могу понять, почему теорія, проповѣдывающая намъ смиреніе передъ прошлымъ, вѣру въ настоящее и надежду на будущее, можетъ считаться нѣкоторыми противною основамъ христіанства или интересамъ истинной религіи.

Но если даже теорія естественнаго подбора и окажется въ дѣйствительности несостоятельною, и если истина останется на сторонѣ тѣхъ, которые полагаютъ, что ни наше тѣло, ни душа не способны къ сколько нибудь значительному измѣненію и улучшенію, то все же, я полагаю, мы имѣемъ право думать, что благоденствіе человѣка съ теченіемъ времени увеличивается. Обыкновенно принимаютъ, что если какое нибудь животное значительно размножается, то это происходитъ оттого, что условія сдѣлались для него болѣе благопріятны, другими словами потому, что ему стало привольнѣе, оно начало благоденствовать. Теперь, что будетъ, если мы приложимъ это заключеніе къ человѣку? Скулькрафтъ вычисляетъ, что у населенія, живущаго продуктами охоты, на каждаго охотника, для удовлетворенія его потребностей, необходимо, среднимъ числомъ, 50.000 экровъ

или 78 англійскихъ квадратныхъ миль. Далѣе, онъ говоритъ, что въ 1825 году, въ Соединенныхъ Штатахъ, за исключеніемъ территоріи Мичигана, къ западу отъ озера того же имени и къ сѣверу отъ Иллинойса, было всего около 97.000 Индѣйцевъ, которые занимали поверхность въ 77.000.000 экровъ или въ 120.312 англійскихъ миль. Это составляетъ около одной съ четвертью квадратной мили на человѣка. Въ этомъ случаѣ, однако, Индѣйцы жили отчасти на субсидіи, предоставленныя имъ правительствомъ въ обмѣнъ на земли, и населеніе поэтому было гуще, чѣмъ если бы оно жило исключительно добычею охоты Почти тоже можно сказать объ Индѣйцахъ территоріи Гудзонова залива. Георгъ Симсонъ, бывшій губернаторъ области Гудзонъ-Байской компаніи, въ своемъ отчетѣ, поданномъ въ 1857 году комитету Палаты Общинъ, опредѣляетъ число душъ ихъ въ 132,000, а занимаемое ими пространство приблизительно въ 1.400.000 англійскихъ квадратныхъ миль. Къ этому мы должны еще прибавить 13.000 англійскихъ квадратныхъ миль на о въ Ванкуверъ и тогда составится поверхность болѣе чѣмъ въ 900 милліоновъ экровъ, что даетъ, слѣдовательно, около 6,500 экровъ или 10 англійскихъ квадратныхъ миль на человѣка. Далѣе, число жителей Патагоніи къ югу отъ 40°, за исключеніемъ Чилое и Огненной земли, опредѣляется адмираломъ Фитцроемъ въ 4.000 душъ, а число экровъ земли въ 176.640.000, что составляетъ болѣе 44.000 экровъ или 68 квадратныхъ миль на человѣка. Впрочемъ, одинъ сотрудникъ миссіонерскаго журнала «Voice of Pity» полагаетъ, что число жителей этой страны можетъ простираться до 14 или 15 тысячъ.

Трудно было бы составить сколько нибудь точную перепись Австралійскимъ туземцамъ; по исчисленіямъ Ольдфильда, одинъ Австраліецъ приходится приблизительно на 50 англійскихъ квадратныхъ миль. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію что съ введеніемъ цивилизаціи, общее число народонаселенія этой части свѣта значительно возросло.

И дѣйствительно, народонаселеніе обыкновенно возрастаетъ вмѣстѣ съ цивилизаціей. Парагвай, съ его 100.000 англ. квадр. миль, имѣетъ только отъ 300 до 500 тысячъ жителей, т. е. около четырехъ человѣкъ на одну квадратную милю. Полудикія мѣстности Мексики—на 675.000 квадратныхъ миль заключаетъ 374.000 жителей, тогда какъ собственно Мексика, на 833.600 квадратныхъ миляхъ — 6.691.000 жителей. Въ Неаполѣ на одну квадратную милю приходится болѣе 183 жителей, въ Венеціи—болѣе 200, въ Англіи и Ломбардіи—280, а въ Бельгіи даже болѣе 320.

Наконецъ, нельзя не согласиться, что подъ вліяніемъ цивилизаціи питательныя средства возрастаютъ еще быстрѣе, чѣмъ народонаселеніе. Густо населенныя страны, вмѣсто того, чтобы страдать отъ недостатка питательныхъ средствъ, напротивъ, изобилуютъ ими не только абсолютно, но даже и относительно. Было сказано, что если кто съумѣетъ вырастить двѣ былинки на томъ мѣстѣ, гдѣ была одна, тотъ становится благодѣтелемъ человѣческаго рода; но что же должны мы сказать о той силѣ, которая допускаетъ тысячѣ людей жить въ въ изобиліи тамъ, гдѣ прежде одинъ дикарь едва могъ найдти себѣ скудныя и ненадежныя средства къ существованію?

Есть однако многіе, которые сомнѣваются въ томъ, чтобы благоденствіе человѣка увеличивалось съ цивилизаціей, и которые говорятъ о свободныхъ, благородныхъ дикаряхъ. Но у настоящаго дикаря нѣтъ ни благородства, ни свободы; онъ—рабъ своихъ нуждъ и страстей. Плохо защищенный отъ непогоды, онъ страдаетъ—ночью отъ холода, днемъ отъ жары. Незная земледѣлія, онъ живетъ добычею охоты, и не дѣлая запасовъ въ благопріятную пору, всегда имѣетъ передъ глазами перспективу голода, часто заставляющаго его дѣлать ужасный выборъ между людоѣдствомъ и голодной смертью.

Дикія животныя постоянно находятся въ опасности за свою жизнь. Гальтонъ, которому было сподручнѣе всего составить объ этомъ предметѣ свое мнѣніе, полагаетъ, что жизнь всѣхъ звѣрей въ дикомъ состояніи должна быть исполнена непрестаннаго безпокойства, и что «въ южной Африкѣ каждой антилопѣ приходится среднимъ числомъ чрезъ каждый день или два — буквально спасать свою жизнь бѣгствомъ, и кромѣ того, каждый день ее еще нѣсколько разъ спугиваютъ съ мѣста разныя фальшивыя тревоги». Тоже можно сказать и о жизни дикаря. Страхъ вѣчно преслѣдуетъ его; онъ постоянно въ опасности, постоянно на-сторожѣ. Онъ никому не можетъ довѣрять и никто не довѣряетъ ему. Онъ не можетъ положиться на своего сосѣда и поступаетъ съ другими также, какъ, думаетъ, и они поступаютъ съ нимъ. Такимъ образомъ его жизнь есть одна продолжительная цѣпь эгоизма и страха. Даже въ своей религіи, если она у него есть, онъ создаетъ себѣ новый источникъ страховъ и населяетъ міръ невидимыми врагами. Положеніе женщины у дикарей еще безотраднѣе, чѣмъ ея властелина—мужчины. Она не только раздѣляетъ съ нимъ его страданія, но еще должна переносить его капризы и грубости. Можно сказать безъ преувеличенія, что ея жизнь не многимъ лучше жизни его собаки и что едва ли онъ многимъ больше дорожитъ ею, чѣмъ своею лошадью. Ольдфильдъ никогда не видалъ въ Австраліи могилы туземной женщины и поэтому предполагаетъ,

что дикари не даютъ себѣ труда хоронить ихъ. Онъ думаетъ даже, что не многимъ изъ нихъ приходится умереть естественною смертью, такъ какъ «обыкновенно ихъ убиваютъ прежде, чѣмъ онѣ состарѣются и похудѣютъ, чтобы не пропадало даромъ такъ много хорошей пищи..... Какъ бы то ни было, при жизни и послѣ смерти на нихъ обращаютъ такъ мало вниманія, что является даже сомнительнымъ, не дорожитъ ли дикарь своею собакою, пока она жива, столько же, какъ и женою, и не одинаково ли часто и съ равною любовью вспоминаетъ онъ о нихъ послѣ того, какъ обѣ онѣ будутъ имъ съѣдены».

Не довольствуясь непріятностями, приносимыми самою жизнью, дикари находятъ, повидимому, болѣзненное удовольствіе сами себѣ причинять мученія. Кромѣ весьма распространеннаго обычая татуироваться, у нихъ встрѣчаются самые необыкновенные способы самообезображенія и самоуродованія. Одни отрѣзаютъ себѣ мизинецъ, другіе дѣлаютъ огромную дыру въ нижней губѣ или просверливаютъ носовой хрящъ. Жители острововъ Пасхи такъ оттягиваютъ себѣ уши, что онѣ достигаютъ у нихъ до плечей. Чинуки и многія другія Американскія племена измѣняютъ форму своей головы. Нѣкоторыя изъ Африканскихъ племенъ подпиливаютъ себѣ различнымъ образомъ зубы и каждая община дѣлаетъ это на свой собственный манеръ. Ніамбанцы, отрасль Кафровъ, отличаются рядомъ искусственныхъ возвышеній или бородавокъ, величиною съ горошину, которыя идутъ у нихъ отъ лба къ кончику носа. Украшеніемъ этимъ они очень гордятся. У Бачапиновъ, воины, отличившіеся въ битвѣ, пользуются привиллегіей—носить на бедрѣ длинный рубецъ, который, отъ втиранія въ свѣжую рану древесной золы, получаетъ голубоватый цвѣтъ и не заростаетъ. Капитанъ Кингъ видѣлъ въ Австраліи одного туземца, украшеннаго горизонтальными рубцами на верхней части груди. Рубцы эти имѣли по крайней мѣрѣ одинъ дюймъ въ діаметрѣ и возвышались на полдюйма надъ кожею. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Австраліи и въ Тасманіи, каждому мужчинѣ выбиваютъ одинъ зубъ самымъ грубымъ и болѣзненнымъ способомъ. «Жители Танны», говоритъ Форстеръ, «носятъ на рукахъ и на тѣлѣ выпуклые шрамы, изображающіе растенія, цвѣты, звѣзды и другія фигуры. Сначала ихъ вырѣзаютъ острою бамбуковою палочкою, потомъ вводятъ въ рану какое-то растительное вещество, отчего надрѣзъ распухаетъ и возвышается надъ кожею. Жители о-ва Тазавана или Формозы посредствомъ мучительной операціи выдавливаютъ на своей голой кожѣ различныя фигуры деревьевъ, цвѣтовъ и животныхъ. Въ Гвинеѣ знатные люди имѣютъ кожу вышитую цвѣтами, какъ камка. Въ Деканѣ женщины подобнымъ же образомъ вырѣзаютъ себѣ цвѣты на

лбу, рукахъ и груди, разрисовывая выпуклые шрамы яркими красками и придавая такимъ образомъ кожѣ видъ узорчатой матеріи. Женщины Новаго Южнаго Уэлльса имѣютъ обыкновеніе перевязывать туго веревочкою мизинецъ до тѣхъ поръ, пока палецъ не отвалится. Только немногія изъ нихъ избѣгаютъ этого мучительнаго обычая. Въ Америкѣ Индѣйцы тоже добровольно подвергаютъ себя ужаснымъ мученіямъ. Всѣ эти и многіе другіе курьезные обычаи нисколько не дѣлаются менѣе мучительными оттого, что производятся добровольно.

Если мы обратимся къ другой, свѣтлой сторонѣ вопроса, то всѣ аналогіи въ природѣ убѣждаютъ насъ, что счастіе и удовольствія цивилизованнаго человѣка превышаютъ счастіе дикаря. Спускаясь по лѣстницѣ организмовъ, мы находимъ, что функціи животныхъ пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе растительный характеръ, что животныя становятся менѣе чувствительными къ боли, а слѣдовательно менѣе способными и къ радости. Можно даже сомнѣваться въ томъ, ощущаютъ ли нѣкоторыя изъ этихъ существъ, которыхъ по ихъ строенію мы должны отнести къ міру животныхъ—чувство радости, или даже просто своего бытія, сильнѣе, чѣмъ напр. дерево или водоросль. Но даже и у животныхъ съ ясно выраженною нервной системою мы должны отличать различныя степени чувствительности. Правда, изученіе органовъ чувствъ низшихъ животныхъ представляетъ большія трудности; но мы знаемъ все-таки, что во многихъ случаяхъ органовъ этихъ немного и что они способны передавать только общія впечатлѣнія. Никто не станетъ оспаривать, что пріобрѣтеніе новаго чувства или усиленіе стараго должно быть новымъ источникомъ возможнаго счастія; но, могутъ спросить насъ, «въ какомъ же это находится отношеніи къ разбираемому вопросу?» Мы не имѣемъ достаточно основаній предполагать, чтобы человѣкъ могъ быть когда нибудь одаренъ новымъ шестымъ чувствомъ. Мы не только не имѣемъ возможности улучшить устройство нашего глаза или уха, но не можемъ даже прибавить вершка къ нашему росту или сдѣлать наши волосы бѣлыми или черными. Однако, съ другой стороны, изобрѣтеніе микроскопа и телескопа равносильно по своимъ результатамъ необыкновенному усовершенствованію глаза и открываетъ намъ новые міры, новые источники знанія и счастія. Подобнымъ же образомъ, мы не можемъ измѣнить физическое устройство нашего уха, но мы можемъ развить его, можемъ изобрѣсти новые музыкальные инструменты, сложить новыя мелодіи. Музыка дикарей груба и жалка сравнительно съ нашею, такъ что хотя человѣческое ухо и не могло замѣтно измѣниться, но наслажденіе, получаемое чрезъ

его посредство, возросло въ необыкновенной степени. Кромѣ того, дикарь похожъ на ребенка, который видитъ и слышитъ только то, что происходитъ непосредственно вокругъ него, цивилизованный же человѣкъ задаетъ природѣ вопросы и помощью различныхъ процессовъ химіи, помощью электричества, магнетизма и тысячи другихъ остроумныхъ способовъ, заставляетъ ее пролить, такъ сказать, свѣтъ на самую себя,—открыть свои сокровенныя силы и неподозрѣваемыя прелести, почти также, какъ если бы онъ былъ одаренъ совершенно новымъ органомъ чувства.

Страсть къ путешествіямъ укоренилась глубоко въ сердцѣ человѣка и возможность посѣщать чужія страны, видѣть неизвѣстныя племена и народы сдѣлалось источникомъ огромнаго наслажденія. Изобрѣтеніе книгопечатанія дало возможность бесѣдовать каждому желающему съ величайшими умами человѣчества; и, такимъ образомъ идеи Шекспира и Гете, открытія Ньютона и Дарвина стали общимъ достояніемъ человѣчества. Результаты этого въ высшей степени важнаго, хотя и простаго искусства равняются громадному усовершенствованію нашихъ умственныхъ способностей, и, изо дня въ день, по мѣрѣ того, какъ книги становятся дешевле, распространяются школы и улучшаются методы воспитанія, получаемые результаты являются все болѣе и болѣе значительными. Общеупотребительная пословица: «даровому копю въ зубы не смотрятъ» не можетъ быть приложена къ дарамъ природы. Они требуютъ подробнѣйшаго изслѣдованія, и чѣмъ болѣе мы изучаемъ ихъ, тѣмъ болѣе принуждены удивляться. Замѣтимъ, что эти новые источники наслажденія нисколько не сопровождаются новыми страданіями; напротивъ, по мѣрѣ того, какъ выростаютъ наши наслажденія, наши страданія уменьшаются: мы имѣемъ тысячи способовъ для того, чтобы избѣгать или отвращать бѣды, которыя для нашихъ предковъ были велики и неизбѣжны. Отъ скольких страданій, напримѣръ избавился человѣкъ однимъ открытіемъ хлороформа? Способность ощущать боль, на сколько она можетъ служить для насъ предостереженіемъ, осталась во всей силѣ, но необходимость терпѣть ее значительно уменьшилась. Съ возрастающимъ знаніемъ и съ обращеніемъ большаго вниманія на законы гигіены, болѣзни будутъ становиться все менѣе и менѣе частыми. Расположеніе къ нимъ, унаслѣдованное нами отъ предковъ будетъ постепенно исчезать и,—если только не станутъ распространяться новые зародыши болѣзней, родъ человѣческій пріобрѣтетъ со временемъ неоцѣнимыя преимущества возможно большаго здоровья.

Такимъ образомъ, при довѣріи къ возрастающему вліянію науки, мы можемъ надѣяться на значительное усовершенствованіе въ жизни

человѣчества. Но, могутъ возразить мнѣ, наши страданія и печали проистекаютъ главнымъ образомъ отъ грѣха, и поэтому всякій моральный прогрессъ долженъ быть обязанъ религіи, а не наукѣ. Это раздѣленіе двухъ могучихъ двигателей нашего усовершенствованія есть величайшее несчастіе для человѣчества, которое уже болѣе, чѣмъ что либо другое, оказало вліяніе на замедленіе хода цивилизаціи. Но даже, если мы и допустимъ на мгновеніе, что наука не дѣлаетъ насъ болѣе добродѣтельными, то во всякомъ случаѣ она дѣлаетъ насъ болѣе свободными отъ заблужденій. Изъ 130,000 лицъ, приговоренныхъ въ 1867 г. къ тюремному заключенію въ Англіи и Уэллсѣ, только 4,137 человѣкъ умѣли бѣгло читать и писать. Дѣйствительно, населеніе нашихъ тюремъ состоитъ почти изъ чистыхъ дикарей, и большая часть ихъ преступленій представляетъ безразсудныя и отчаянныя попытки—жить на подобіе дикаря посреди и на счетъ цивилизованнаго общества.

Люди не грѣшатъ ради самаго грѣха, они только поддаются искушенію. Большинство нашихъ страданій происходитъ отъ дурно направленнаго стремленія къ наслажденію. отъ невѣрнаго пониманія того, что составляетъ истинное счастье. Люди заблуждаются или по невѣжеству, или въ надеждѣ, можетъ быть не высказываемой даже самимъ себѣ, что они будутъ въ состояніи наслаждаться послѣдствіями преступленія и избѣгнутъ наказанія закона. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть сомнѣній, что ученіе религіи часто понимается ложно. Слишкомъ часто думаютъ, что раскаяніе можетъ замѣнить наказаніе: полагаютъ, что грѣхъ сопровождается *или* тѣмъ *или* другимъ. Но, насколько это по крайней мѣрѣ касается нашего свѣта, такое мнѣніе вовсе невѣрно. Раскаяніе можетъ помочь человѣку избѣжать грѣха въ будущемъ, но оно не можетъ имѣть вліянія на послѣдствія случившагося. Законы природы благодѣтельны и справедливы, но онн неумолимы. Всѣ люди согласны, что «удѣлъ грѣха—смерть», но они, повидимому, считаютъ это за общее правило, допускающее много исключеній, и полагаютъ, что есть и такіе грѣхи, которые могутъ вести къ блаженству, что иногда терновникъ можетъ произвести виноградъ и чертополохъ—смоквы. Но строгое и спасительное ученіе науки говоритъ, что страданіе есть неизбѣжное слѣдствіе грѣха, столь же неизбѣжное, какъ слѣдованіе ночи за днемъ. И несомнѣнно, если бы это ученіе вполнѣ запечатлѣлось въ нашихъ умахъ, еслибъ мы дѣйствительно были твердо убѣждены въ неизбѣжности наказанія, и въ томъ, что грѣхъ никогда не можетъ привести къ счастью, то искушеніе, этотъ истинный корень всякаго зла бы-

ло бы уничтожено и чловѣчество должно было бы по необходимости сдѣлаться болѣе безгрѣшнымъ.

Не можемъ ли мы, однако, сдѣлать еще шагъ впередъ и сказать, что знаніе дѣлаетъ человѣка и болѣе добродѣтельнымъ. «Во всѣ времена, говоритъ Лордъ Бруггамъ, считали самымъ достойнымъ и благодѣтельнымъ занятіемъ изученіе наукъ, ознакомленіе съ тѣмъ, что было открыто другими, и расширеніе границъ человѣческаго знанія.... Только тотъ, кто занимался изученіемъ философіи, можетъ составить себѣ вѣрное представленіе о возвышенныхъ предметахъ, для пониманія которыхъ Провидѣніе снабдило человѣка умомъ,—о необычайной несоразмѣрности, существующей между его физическою и умственною мощью, и о той силѣ, которую доставляетъ ему послѣдняя». «Знаніе, заключаетъ наконецъ Лордъ Бруггамъ, дѣлаетъ нашу жизнь не только пріятнѣе, но и лучше; всѣ побужденія долга и собственной пользы заставляютъ каждое разумное существо подчинить свой умъ тѣмъ стремленіямъ, которыя не только направляютъ его на вѣрный путь добродѣтели, но и ведутъ также къ счастью».

Въ сущности мы стоимъ еще только на порогѣ цивилизаціи. Въ послѣднее время стремленіе къ разширенію знаній стало проявляться, повидимому, даже съ усиленнымъ импульсомъ и съ ускоренною быстротою, а тѣмъ болѣе не выказывая никакихъ, сколько-нибудь замѣтныхъ признаковъ приближенія къ концу. На какомъ же основаніи можемъ мы предполагать, что стремленіе это должно теперь вдругъ прекратиться? Не подлежитъ сомнѣнію, что человѣкъ далеко еще не достигъ границъ своего духовнаго развитія и отнюдь не исчерпалъ еще безконечныхъ способностей своей природы. Существуетъ еще много вещей, которыя и не снились нашимъ философамъ, и предстоитъ еще много открытій, долженствующихъ обезсмертить тѣхъ, которые ихъ сдѣлаютъ, и доставить человѣчеству такія выгоды, какія въ настоящее время мы не можемъ себѣ и представить. Дѣйствительно, можно согласиться съ великимъ Ньютономъ, что мы были до сихъ поръ какъ дѣти, играющія на берегу моря и занимались только тѣмъ, что поднимали тамъ и сямъ какой-нибудь гладкій камешекъ или красивую раковинку, между тѣмъ какъ цѣлый великій океанъ истины лежитъ еще передъ нами неизслѣдованнымъ.

Такимъ образомъ, взглядъ на прошлое даетъ намъ самыя смѣлыя надежды на будущее. Безразсудно было бы предполагать, что процессъ, продолжающійся уже многія тысячи лѣтъ, долженъ вдругъ прерваться. Только слѣпецъ можетъ вообразить, что наша цивилизація не способна къ дальнѣйшему развитію, или что мы сами стоимъ уже на высшей ступени ея, достижимой для человѣка.

Если мы отъ опыта обратимся къ теоріи, то должны будемъ придти къ тому же самому заключенію. Великій законъ естественнаго подбора, который у животныхъ оказываетъ повидимому вліяніе только на тѣло, почти не касаясь умственныхъ способностей, у человѣка оказываетъ дѣйствіе на умъ, оставаясь почти безъ вліянія на тѣло. Въ первомъ случаѣ онъ стремится главнымъ образомъ къ сохраненію жизни, во второмъ—къ прогрессу разума и, слѣдовательно, къ увеличенію счастья. «Онъ обусловливаетъ», выражаясь словами Спенсера, «постоянный прогрессъ въ развитіи способностей, разума и самообладанія,—лучшую координацію дѣйствій, болѣе совершенную жизнь». Даже тѣ, которые не согласны съ Дарвиномъ и думаютъ, что наша духовная организація, также какъ и тѣлесная, не способны ни къ какому значительному измѣненію,—могутъ смотрѣть съ надеждою впередъ на будущее. Стремленіе новѣйшихъ улучшеній и открытій направлено не столько къ тому, чтобы произвести какой-нибудь рѣзкій переворотъ въ самомъ человѣкѣ, сколько къ тому, чтобы привести его въ гармонію съ природою, не столько—чтобы одарить его новыми силами, сколько научить, какъ примѣнять старыя.

Я думаю, никто не станетъ опровергать, что почти все зло, отъ котораго мы страдаемъ, должно быть приписано или невѣжеству, или заблужденію. Что невѣжество должно уменьшаться съ успѣхами науки, это—фактъ неопровержимый; полагать надо, тоже самое можно сказать и относительно заблужденія. И такъ, слѣдовательно, теорія и практика приводятъ насъ къ однимъ и тѣмъ же заключеніямъ. Наука смѣло предсказываетъ намъ то будущее счастье человѣка, объ которомъ едва осмѣливались мечтать поэты. Утопія, на которую мы долго смотрѣли, какъ на синонимъ очевидной невозможности, которую мы считали—неблагодарные—за «слишкомъ хорошую, чтобы быть вѣрною» оказывается, наоборотъ, необходимымъ слѣдствіемъ законовъ природы, и мы еще разъ убѣждаемся, что простая истина въ состояніи опередить самый блестящій полетъ нашего воображенія.

Даже еще въ наше время мы можемъ надѣяться быть свидѣтелями нѣкоторыхъ улучшеній. Но несвоекорыстный умъ найдетъ себѣ высочайшее удовлетвореніе въ томъ убѣжденіи, что если не мы, то наши потомки поймутъ многія вещи, сокрытыя отъ насъ теперь, постигнутъ лучше прекрасный міръ, въ которомъ мы живемъ, избѣгнутъ многихъ страданій, которымъ мы подвержены, насладятся многими радостями, которыхъ мы еще недостойны и избѣгнутъ многихъ искушеній, которыя мы оплакиваемъ, но противостоять которымъ мы не въ состояніи.

ДОБАВЛЕНІЯ:

Къ стр. 2.

Подраздѣленіе доисторической археологіи на періоды.

Извѣстный англійскій геологъ *Флауэръ* считаетъ общепринятое дѣленіе каменнаго вѣка на палеолитическій и неолитическій періоды недостаточнымъ, по крайней мѣрѣ въ приложеніи къ Англіи, и предлагаетъ установить слѣдующія четыре подраздѣленія: a) *палеолитическій періодъ* для орудій наносовъ (Drift); b) *архаическій* періодъ—для относительно менѣе древнихъ орудій пещеръ; c) *доисторическій* — для каменныхъ орудій древнихъ тумулусовъ и d) *неолитическій*—для полированныхъ каменныхъ орудій.—Что же касается до бронзоваго вѣка, то такъ какъ употребленіе бронзы было распространено въ Англіи одновременно съ употребленіемъ полированныхъ и даже грубыхъ каменныхъ орудій, то Флауэръ, во избѣжаніе недоразумѣній, полагаетъ возможнымъ совершенно выкинуть этотъ періодъ, въ смыслѣ отдѣльной, обособленной эпохи.— См. стат. *Flouer'a* On the relative Ages of the stone Implement Periods in England, въ «Journ. of the Anthr. Inst».-L. 1872.

Съ другой стороны, *Мортилье* (Mortillet), принимая два подраздѣленія каменнаго вѣка, установленныя Лёббокомъ, также считаетъ необходимымъ подраздѣлить древнѣйшій, палеолитическій періодъ на отдѣльныя эпохи, которыхъ онъ принимаетъ четыре, характеризуемыя каждая особыми типами орудій, особою фауной и отчасти особымъ типомъ населенія. Эпохи эти слѣдующія: a) *древнѣйшая эпоха Сенъ-Ашеля*; характеризуется миндалевидными каменными инструментами, заключенными въ наносахъ на возвышенностяхъ, присутствіемъ остатковъ гиппопотама и Elephas antiquus, умѣреннымъ климатомъ, предшествовавшимъ ледниковому періоду, и самымъ низко-развитымъ типомъ человѣка (Неандертальскій и Енгизгеймскій черепа, Нолетская челюсть, орудія изъ St. Acheul, Abbeville etc.

b) *Эпоха Мустье*; орудія состоятъ изъ заостренныхъ кремней, оббитыхъ съ одной стороны, и скребковъ (racloirs); климатъ былъ ледниковаго періода, т. е. холодный и влажный; изъ животныхъ—

преобладали пещерный медвѣдь и носорогъ; человѣкъ отличался еще весьма низкимъ, долихоцефальнымъ типомъ (Енгизъ, Ольмо); орудія изъ пещеры Moustier, Chez-Poure и др., изъ отложеній въ Grenelle, Clichy и др.

c) *Эпоха Солютре:* кремневыя орудія, оббитыя съ обѣихъ сторонъ, въ формѣ лаврoваго листа; климатъ былъ холодный и сухой; человѣкъ (брахи и мезатицефальнаго типа) приближался болѣе къ современнымъ расамъ. (Cro-Magnon, Laugerie-Basse, Solutré).

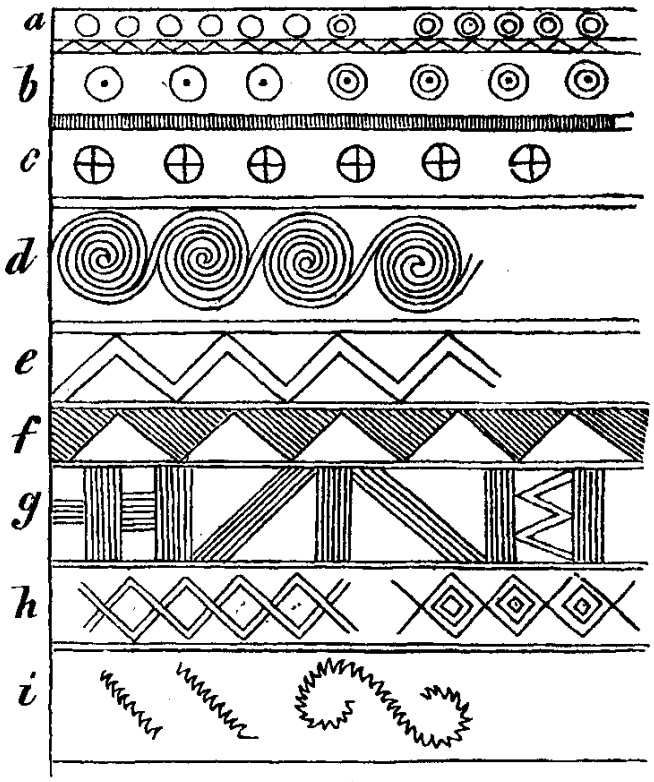
d) *Эпоха Маделень*: кремневые ножи и костяные наконечники стрѣлъ съ зазубринами; климатъ послѣ-ледниковый; изъ животныхъ играли преобладающую роль—сѣверный олень, зубръ, уръ, мамонтъ, гіена, большая кошка. (La Madelaine, les Eyzies, Bruniquel; Salève (въ Швейцаріи); Furfooz (въ Бельгіи). Шуссенридъ (въ Вюртембергѣ).

Всѣ эти попытки классификаціи имѣютъ конечно только временное и притомъ почти чисто мѣстное значеніе.

Къ стр. 25;

Главнѣйшія формы орнаментовъ бронзоваго вѣка.

Фиг. 214.



a, b,—кружки: простые, или концентрическіе, съ точкою въ центрѣ или безъ нея; *c—колесо* съ четырьмя спицами; *d—спирали* различнаго рода, бо́льшей частью въ формѣ S, или—переходящія изъ одной въ другую; *e, f—зигзаги*, иногда со штрихами на углахъ одной стороны (*f*); *g—полоски*, образованныя параллельными штрихами въ различныхъ направленіяхъ; *h—ромбы*, простые или двойные; *i*—простыя или спиральныя *зубчатыя* линіи.

Къ стр. 71:

Въ новѣйшее время было описано много каменныхъ орудій изъ различныхъ частей свѣта; такъ, изъ Скандинавіи — *Нильсономъ* и *Мирсденомъ*, изъ Англіи — *Эвансомъ*, изъ Греціи — *Шантромъ*, изъ Японіи — маркизомъ *de Vibrage*, изъ Сиріи и Палестины — сэромъ *Леббокомъ*, *Бёртономъ*, *Дрэкомъ*, изъ Америки — *Гиббомъ*, *Рау*, *Шмидтомъ*, *Лэнъ Фоксомъ* и др., изъ Египта — *Арселиномъ*, *Хами и Ленорманомъ*, *Лепсіусомъ*, сэромъ *Д. Леббокомъ* и т. д. Прилагаемый рисунокъ (фиг. 215) изображаетъ каменное орудіе, найденное въ Индіи, близъ Мадраса.

Фиг. 215.

Къ стр. 77:

Относительно каменнаго вѣка въ Россіи интересны, между прочимъ, изслѣдованія г. Полякова въ Олонецкой губерніи, описанныя въ «Запискахъ Имп. Геогр. Общ.», по отдѣленію этнографіи, т. III.

1873 г. Замѣтимъ, что въ недавнее время было заявлено о нахождении въ Россіи кремневыхъ орудій вмѣстѣ съ костями мамонта, именно въ наносѣ около Лубенъ и Вязовокъ близъ берега Сулы и около Хонтцовъ на р. Удай въ Полтавской губ. Заявленіе это весьма интересно, такъ какъ, кажется, это—первая находка у насъ каменныхъ орудій въ одномъ слоѣ и одинаковой древности съ мамонтовыми костями.

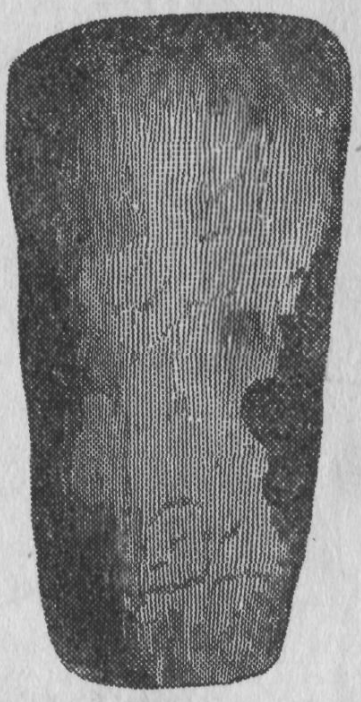
Къ стр. 96:

Относительно этой страницы слѣдуетъ оговорить, что ссылка въ концѣ ея на рис. 109 невѣрна и что относящійся сюда рисунокъ (именно планъ хижины или «гаммы» Лопарей), къ сожалѣнію, по ошибкѣ, остался не сдѣланнымъ и пропущенъ.

Къ стр. 135:

Долихоцефальные черепа, найденные въ курганахъ Московской губ., также какъ въ нѣкоторыхъ Владимірскихъ, Тверскихъ и пр., г. *Европеусъ* приписываетъ народу Угрѣ или Югрѣ, ближайшими родичами котораго могутъ, по его мнѣнію, считаться теперь Обьскіе Остяки. Этотъ Угорскій народъ (длинноголоваго, длинночелюстнаго, африканскаго (!?) типа) населялъ нѣкогда, по предположенію г. Европеуса, (которое онъ старается подкрѣпить лингвистическими данными, именно названіями мѣстностей),—всю сѣверную Россію отъ Бѣлаго моря до р. Оки, и впослѣдствіи былъ частью истребленъ, а частью оттѣсненъ на востокъ короткоголовыми Финнами. См. брошюру *Д. П. Европеуса* объ Угорскомъ народѣ. Спб. 1874 г. Всѣ эти выводы и предположенія, впрочемъ, какъ основанныя на слишкомъ шаткихъ данныхъ, нуждаются еще въ основательной провѣркѣ.

Фиг. 216.



Къ стр 147:

Наиболѣе обыкновенная форма каменныхъ топоровъ, встрѣчающихся въ Швейцарскихъ пфальбаутахъ,—слѣдующая: (фиг. 216). Большей частью топоры эти дѣлались изъ серпентина или діорита.

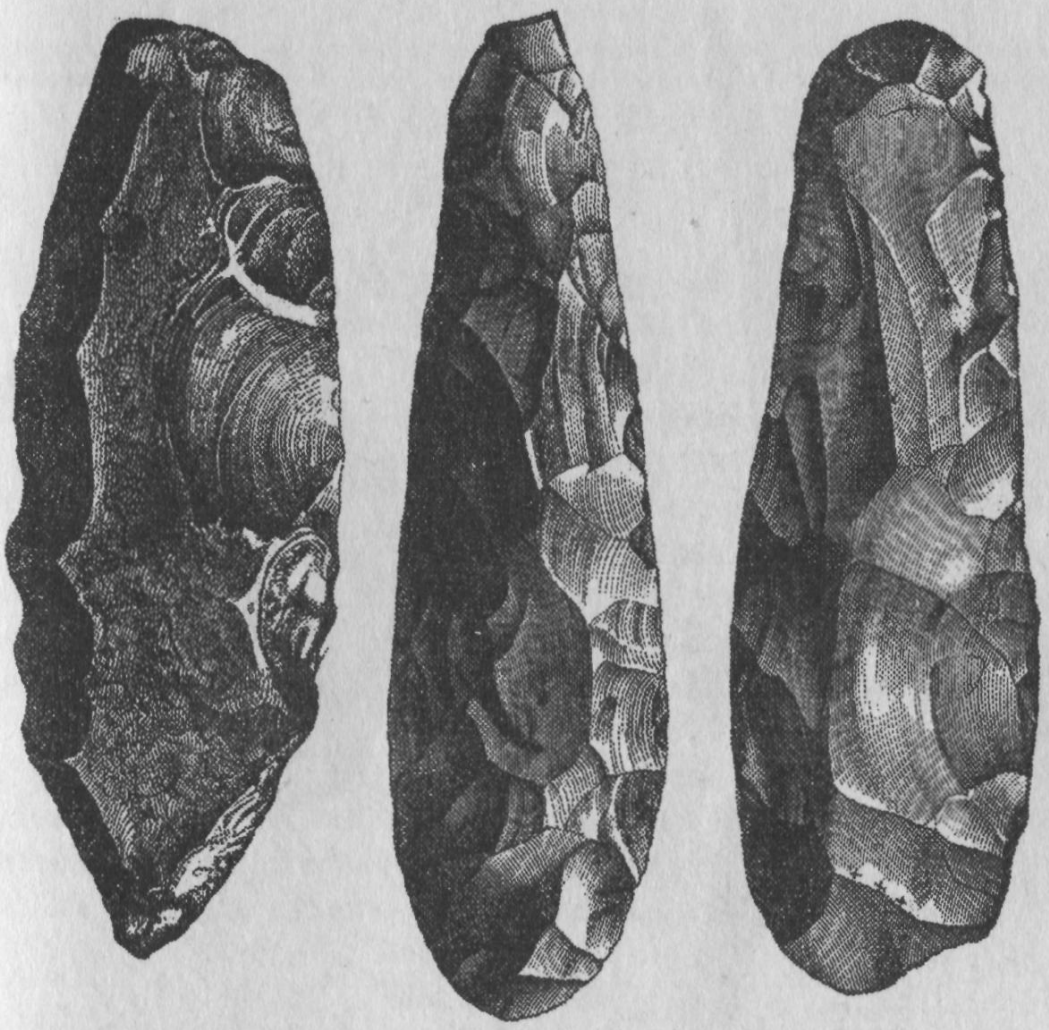
Къ стр. 173:

Въ новѣйшее время литература свайныхъ построекъ обогатилась, между прочимъ, изслѣдованіемъ Наумана – фауны пфальбаутовъ въ Штарнбергскомъ озерѣ. Изслѣдованіе это (изложеніе результатовъ его повело бы насъ слишкомъ далеко) во многомъ дополняетъ изысканія Рютимейера.

Къ стр 186:

Мы позволимъ себѣ представить здѣсь изображенія наиболѣе обыкновенныхъ кремневыхъ орудій, встрѣчающихся въ Датскихъ кьёк-

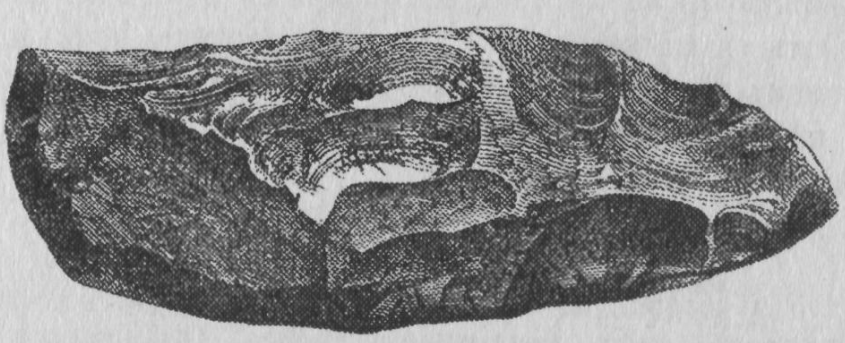
Фиг. 217. Фиг. 218. Фиг. 219.



кенмёддингахъ (въ дополненіе къ тѣмъ, которыя изображены на стр. 186—187), именно: а) т. наз. *наконечниковъ копій*. (Фиг. 217, 218, 219).

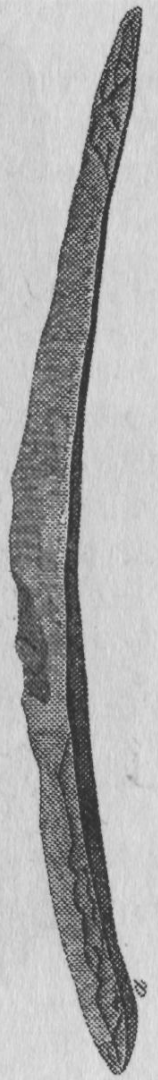
b) орудій весьма грубой работы, считаемыхъ за топоры: (фиг. 220).

Фиг. 220.

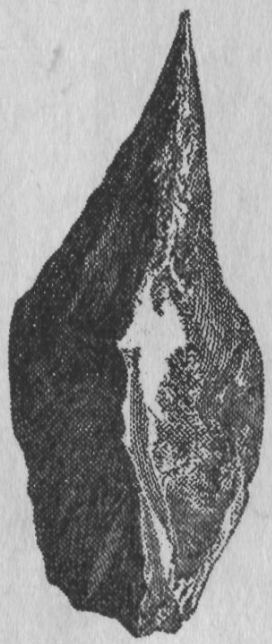


c) *шила:* (фиг. 223).

Фиг. 222.



Фиг. 223.

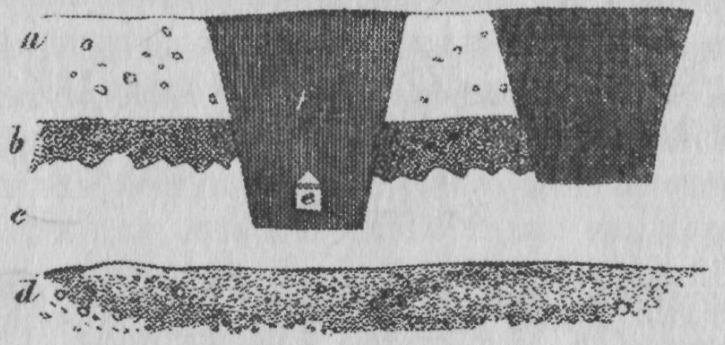


и наконецъ d) *кремневаго осколка*, въ профиль (фиг. 222); (en face онъ изображенъ на фиг. 129).

Къ стр. 294:

Представляемъ здѣсь разрѣзъ слоевъ гравіевъ у Сенъ-Ашеля, близъ Аміена, описанный въ текстѣ:

Фиг. 224.



a—изображаетъ слой кирпичной глины; *b*—тонкій слой угловатаго гравія; *c*—слой песчанаго мергеля; *d*—слой округленнаго гравія съ кремневыми орудіями; *f*—мѣсто погребенія; *e*—саркофагъ изъ твердаго известняка.

Къ стр. 347:

Бытъ Готтентотовъ, Бушменовъ и др. народовъ Южной Африки былъ въ послѣднее время изученъ весьма подробно г. *Фричемъ* въ его большомъ сочиненіи «Die Eingeborenen Süd-Afrika's 1872, а также *Т. Ханомъ* и др. Оказывается, между прочимъ, что у Готтентотовъ существуютъ извѣстныя религіозныя представленія, но уяснить ихъ падлежащій смыслъ не всегда легко, особенно въ настоящее время, когда къ нимъ примѣшались нѣкоторыя понятія, заимствованныя у миссіонеровъ. Впрочемъ, можно заключить, что центральный пунктъ ихъ культа образуетъ таинственный *Tsui-xoab* (можетъ-быть духъ нѣкогда могучаго древняго вождя?). Затѣмъ слѣдуетъ почитаніе мѣсяца, который часто ставится въ связи съ *Tsui-xoab*'омъ и поклоненіе которому совершается при ново и полнолуніи. У Намаква-Готтентотовъ—*Tsui-xoab* замѣняется *Heitsi-Eibib*'омъ. Кромѣ того, можно убѣдиться въ существованіи у Готтентовъ вѣрованій въ загробную жизнь, въ разныхъ духовъ, въ колдовство и пр.

Къ стр. 349:

Жители Андамапскихъ острововъ были описаны въ послѣднее время *Добзономъ* («On the Andamans and Andamenese» въ «Journ. of the Anthr. Inst» Apr. 1875), *Фр. Дэемъ* («Observ. on the An-

damanese» въ «Proc. of the Asiat. Soc. of Bengal), *Боллемъ* и др. Повидимому, это одно изъ наиболѣе первобытныхъ, сохранившихся до настоящаго времени племенъ.

Къ стр. 360:

Подробнѣе о племени Тасманійцевъ и его истребленіи можно познакомиться въ прекрасной статьѣ *Жильоли* «J. Tasmaniani», помѣщенной въ «Archivio per l'Antropologia e la Etnologia» 1871 и переведенной на русскій языкъ въ жур. «Знаніе» 1872 г.

Къ стр. 428:

Племена Патагоніи были въ послѣднее время изучены подробнѣе лейт. *Мэтерсомъ* (см. его статью «on the Races of Patagonia» въ «Journ. of the Anthr. Inst» 1871). Сами себя Патагонцы называютъ *Ахоникаика* или *Чонекъ*, но болѣе извѣстны они подъ именемъ *Техуелке*, даннымъ имъ Арауканцами. Одежда мущинъ состоитъ изъ нижняго платья (*ширипы*), иногда изъ льна, бо́льшею же частью изъ остатковъ старой одежды, и изъ плаща, сдѣланнаго изъ шкуры молодаго гуанако, также лисицы, эму и пр. Плащъ этотъ обвязывается вокругъ поясницы поясомъ, часто украшеннымъ серебряными бляхами и за который затыкается обыкновенно ножъ, мѣшокъ съ табакомъ и боласъ. На ногахъ носятъ сапоги изъ лошадиной или кугуаровой кожи, а сверхъ ихъ часто еще большія калоши изъ кожи гуанако. Головы не покрываютъ ничѣмъ, или перевязываютъ свои длинные локоны сѣткой, сплетенною изъ нитокъ или фланели—продуктовъ, получаемыхъ ими отъ Арауканцевъ и Европейцевъ. Женщины носятъ просторную рубашку изъ бумажной или шерстяной ткани, прикрывающую тѣло отъ плечей до колѣнъ, а сверху плащъ изъ шкуры гуанако, застегиваемый на груди серебряною булавкой или брошкой, у бѣдныхъ же просто деревянной спицей. Иногда, особенно въ дорогѣ, онѣ надѣваютъ еще поясъ, украшенный бусами или металлическими бляхами, а также носятъ ожерелья изъ серебряныхъ бляхъ и синихъ бусъ. Подобныя же ожерелья носятся и мущинами, которые также любятъ отдѣлывать серебромъ ножны ножей, пояса и конскую сбрую. Изъ посуды встрѣчаются иногда желѣзные котлы и вертѣла, также глиняныя блюда, изъ охотничьихъ принадлежностей—боласъ и лассо, изъ оружія—ружье или револьверъ, длинное тяжелое копье и т. наз. bola perdeda. т. е. простой каменный шаръ. Луки же и стрѣлы, о которыхъ упоминаютъ прежніе путешественники, теперь не встрѣчаются, и жители даже не имѣютъ о нихъ по-

нятія, тѣмъ болѣе, что и подходящаго для этихъ орудій лѣса найдти въ ихъ странѣ весьма трудно.

Мущины, если не заняты охотой и ловлей или объѣзжаніемъ лошадей, занимаются приготовленіемъ деревянныхъ сѣделъ, лассо, конской сбруи, боласъ, серебряныхъ украшеній и курительныхъ трубокъ, которыя дѣлаются обыкновенно изъ камня или твердаго дерева и укрѣпляются на серебряномъ мундштукѣ. Кромѣ того, они занимаются также обдѣлкой желѣза, добываемаго ими путемъ торговли, съ разбитыхъ кораблей, — въ кольца, ножи и пр. Ихъ наковальни и молоты для обдѣлки серебра дѣлаются обыкновенно изъ камня, также какъ и ихъ боласъ. Скребки, которыми женщины обчищаютъ кожи, приготовляются бо́льшею частью также изъ кремня или обсидіана—матерьяла, который до прибытія европейцевъ употреблялся, по всей вѣроятности, и на приготовленіе ножей. Огонь они добываютъ теперь помощью огнива.

Питаются они почти исключительно добычею охоты, предпочитая особенно мясо страуса (Rhea), почти всегда употребляемое варенымъ, но иногда и жаренымъ. По временамъ они разнообразятъ также свой обѣдъ клубнями дикаго картофеля, дикимъ шпинатомъ, разными плодами и ягодами. При ѣдѣ они любятъ употреблять много соли, добываемой ими въ различныхъ мѣстностяхъ въ достаточномъ количествѣ. Нѣкоторые имѣютъ привычку жевать какую то растительную смолу—для очищенія зубовъ, большая часть куритъ, другіе наконецъ любятъ пить ромъ или сосать сахаръ, добываемые ими въ обмѣнъ на шкуры въ европейскихъ поселеніяхъ.

При рожденіи ребенка, достиженіи дѣвушкой періода зрѣлости, бракѣ, болѣзни и смерти—у нихъ употребительны различныя церемоніи, сопровождаемыя жертвоприношеніемъ лошади, и въ которыхъ главную роль играетъ колдунъ или знахарь. Въ случаѣ смерти, всѣ лошади, собаки и др. животныя умершаго убиваются, его одежды, вещи и т. д. сожигаются, мясо животныхъ раздѣляется между родственниками, а тѣло умершаго хоронится въ сидячемъ положеніи, съ лицомъ, обращеннымъ на востокъ, послѣ чего надъ могилою обыкновенно воздвигается куча камней.

Религія ихъ состоитъ изъ вѣрованія въ добраго духа, который создалъ Индѣйцевъ и необходимыхъ для нихъ животныхъ, но который, по ихъ мнѣнію, мало вмѣшивается въ ихъ земныя дѣла. Поэтому, большая часть ихъ церемоній состоитъ въ умилостивленіи злыхъ духовъ; послѣднихъ существуетъ нѣсколько, но главный изъ нихъ называется *Гвалишу*. Духъ этотъ постоянно подсматриваетъ въ ихъ палатки и вѣчно наровитъ сдѣлать какую-нибудь па-

кость, отъ которой можно избѣгнуть только благодаря содѣйствію знахарей. Кромѣ того туземцы еще имѣютъ обычай привѣтствовать нарожденіе мѣсяца, поклоняются разнымъ духамъ горъ и рѣкъ, почитаютъ одну сову и одинъ видъ ящерицы, имѣютъ много разныхъ предразсудковъ и т. д.

Къ стр. 433:

О племени Пешересовъ нѣкоторыя замѣтки были сообщены въ недавнее время *Роб. Кунниигамомъ* въ его сочиненіи: «Notes on the Natural History of the Strait of Magellan and West Coast of Patagonia» Edinb. 1871.

Къ главѣ XV:

Различіе въ выборѣ оружія различными народами въ различныхъ частяхъ свѣта можетъ быть объяснено отчасти свойствами мѣстности, какъ это прекрасно разъяснено *Пешелемъ* въ статьѣ *Bewaffnung*, помѣщенной въ его сочиненіи «Voelkerkunde» L. 1874.

О различныхъ способахъ добыванія огня и о вѣроятномъ первоначальномъ его открытіи, читатель можетъ познакомиться изъ соч. *Тэйлора* «Researches into the Early History of Mankind», переведеннаго на русскій языкъ г. Валицкимъ, подъ заглавіемъ «Доисторическій бытъ человѣчества», а также изъ соч. *Caspari* «Urgeschichte der Menschheit». 1873.

Относительно низкой степени развитія религіи и нравственности у дикарей читатель можетъ найдти много данныхъ въ другомъ сочиненіи *Леббока: Начало цивилизаціи*, недавно изданномъ въ русскомъ переводѣ редакціей журнала «Знаніе». Что касается впрочемъ до утвержденія, будто бы существуютъ дикія племена совершенно лишенныя религіи, то нѣкоторые извѣстные этнологи, какъ напр. Эд. Тэйлоръ, положительно отвергаютъ его. «Если подъ словомъ религія», говоритъ Тэйлоръ, «понимать вѣрованіе въ верховное божество или судъ послѣ смерти, поклоненіе идоламъ, обычаи жертвоприношенія или другіе какіе либо болѣе или менѣе распространенныя ученія или обряды, то, конечно, придется исключить многія племена изъ кате-

горіи религіозныхъ. Но столь узкое опредѣленіе имѣетъ тотъ недостатокъ, что оно отождествляетъ религію скорѣе съ частными проявленіями вѣрованій, чѣмъ съ болѣе глубокою мыслью, которая лежитъ въ основѣ ихъ. Цѣлесообразнѣе будетъ стать сразу у этого главнаго источника и принять за ближайшее опредѣленіе религіи вѣрованіе въ духовныя существа. Если приложить эту мѣрку къ описанію писшихъ расъ въ отношеніи ихъ религій.... то... насколько я могу судить на основаніи громадной массы фактовъ, мы должны допустить, что вѣрованіе въ духовныя существа оказывается у всѣхъ писшихъ расъ, которыхъ удалось узнать ближе...». См. *Тйлоръ*, *Первобытная культура*, гл. XI стр. 1—9.

Оглавленіе:

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Введеніе.

Стр.

Подраздѣленіе доисторической археологіи на четыре періода.—Первое открытіе металла.—Упоминаніе о бронзовомъ вѣкѣ древними писателями.—Находка желѣзныхъ вещей въ Нидамскомъ болотѣ въ Шлезвигѣ.—Знаки владѣльцевъ.—Характеръ археологическихъ доказательствъ.—Глиняная посуда и орнаментація различныхъ періодовъ.—Бронзовое оружіе—не римскаго и не германскаго происхожденія.—Галльштадтскій могильникъ. 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Объ употребленіи бронзы въ древнія времена.

Бронзовые цельты.—Бронзовые мечи.—Бронзовые наконечники копій, рыболовные крючки, серпы.—Бронзовые ножи.—Бронзовыя украшенія.—Орнаментація бронзоваго вѣка.—Степень развитія металлургіи.—Золотыя украшенія —Одежда во время бронзоваго вѣка.—Способы погребенія.—Урны въ видѣ построекъ.—Penpits.—Picts' Houses.—Ульеобразныя жилища.—Бургъ Мусса —Стегъ-фортъ 13

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Бронзовый вѣкъ.

Различныя предположенія относительно открытія и введенія въ употребленіе бронзы.—[Теорія, приписывающая открытіе и распространеніе въ Европѣ бронзы ея туземному населенію.—Заключенія Вибеля и шаткость

Стр.

доводовъ, на которыхъ они построены.—Теорія Нильсона относительно введенія въ Европу бронзы Финикійцами.—Древность и обширное распространеніе Финикійской торговли.—Недостаточность доказательствъ, приводимыхъ Нильсономъ.—Цивилизація Этрусковъ и ея вліяніе на развитіе культуры бронзоваго вѣка въ Европѣ.—Великая Греція.—Развитіе металлургіи у Египтянъ, Ассирійцевъ, Персовъ и знакомство съ металлами первобытнаго Арійскаго племени.—Металлическое дѣло у монголо-татарофинскихъ племенъ.—Чудскія бронзовыя древности и ихъ отношеніе къ западно-европейскимъ.—Невозможность окончательнаго рѣшенія вопроса при современномъ состояніи археологіи] 35

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Каменный вѣкъ.

Громадное количество каменныхъ орудій, находимыхъ въ различныхъ частяхъ свѣта.—«Грязныя ямы» (Grime's Graves).—Прессиньи.—Способъ добыванія кремневыхъ осколковъ.—Употребленіе такихъ осколковъ современными дикарями.—Приготовленіе осколковъ въ Мексикѣ и у Ескимосовъ.—Древнія мастерскія.—Употребленіе древнихъ каменныхъ топоровъ.—Скребки.—Топоры изъ Датскихъ кьёккенмёддинговъ.—Долота.—Шила.—Наконечники копій.—Кинжалы.—Метательные камни.—Стрѣлки.—Костяные инструменты.—Гарпуны.—Находки каменныхъ орудій за предѣлами Европы [Каменныя орудія въ Россіи.—Преданія о нихъ. Распространеніе ихъ.—Главнѣйшія формы] 49

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мегалитическіе монументы и могильныя насыпи.

Тумулусы или курганы.—Менгиры.—Дольмены [Ихъ географическое распространеніе].—Остатки укрѣпленій [Глазированные форты].—Кромлехи или круги изъ камней.—Упоминаніе о каменныхъ кругахъ и тумулусахъ въ древней исторіи.—Мегалитическіе монументы—не Друидическаго происхожденія.—Авбери.—Стоунхенгъ.—Различныя мнѣнія о цѣли и эпохѣ построенія этихъ памятниковъ.—Карнакъ.—Постройка круговъ изъ камней въ новѣйшее время.—Мегалитическіе монументы Индіи.—Современные индійскіе дольмены.—Каменные круги и т. под. въ Палестинѣ и др. странахъ.—Сходство тумулусовъ съ коридоромъ—съ жилищами нѣкоторыхъ сѣверныхъ племенъ.—Погребеніе въ жилищахъ у современныхъ дикарей.—„Дома Пиктовъ".—Продолговатые тумулусы (long barrows).—Предметы положенные въ могилу не всегда предназначались для дѣйствительнаго употребленія на томъ свѣтѣ.—Результаты раскопокъ

Стр.

Хора, Батемана и Гринуэлля.—Модели инструментовъ.—Могильныя насыпи относятся къ весьма различнымъ періодамъ.—Трудность опредѣленія періода, къ которому принадлежитъ тумулусъ.—Таблица раскопокъ Батемана и Хора.—Датскій тумулусъ на о-вѣ Мёнъ.—Продолговатый курганъ въ Вильтширѣ близъ Кеннета.—Бретонскіе тумулусы.—Глиняная посуда въ могилахъ.—Начертанія на камняхъ.—Кости животныхъ въ тумулусахъ.—Похоронные пиры.—Жертвоприношенія.—Совѣты желающимъ заняться разрытіемъ кургановъ и мѣры, необходимыя для ихъ сохраненія.—[Мегалитическія монументы въ Россіи.—Долмены въ Крыму и на Кавказѣ.—Могилы близъ Инкермана.—Мнѣніе Ворсо.—Историческія свидѣтельства.—Мѣстныя названія могилъ.—Величина и форма кургановъ.—Сторожевые курганы.—Могильные курганы.—Могилы, изслѣдованныя недавно въ Польшѣ г. Пжиборовскимъ.—Переходъ отъ каменнаго вѣка къ желѣзному.—Орудія изъ кости или рога.—Крайній восточный предѣлъ распространенія западно-европейской культуры бронзоваго вѣка.—Чудская культура и ея археологическіе признаки.—Мѣдныя стрѣлы.—Курганы южной Россіи.—Каменныя бабы.—Скивы и Чудь.—Ананьевскій могильникъ близъ г. Елабуги.—Мерянскіе курганы]. 78

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Древнія озерныя поселенія Швейцаріи.

(Пфальбауты).

Первое открытіе швейцарскихъ свайныхъ построекъ.—Геонійскія озерныя поселенія, описанныя Геродотомъ.—Ирландскіе кранножи.—Современныя свайныя постройки въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта.—Швейцарскіе пфальбауты.—Попытка опредѣлить число жителей отдѣльныхъ поселеній.—Сравненіе построекъ въ большихъ и малыхъ озерахъ.—Сравненіе озерныхъ поселеній различныхъ періодовъ.—Приготовленіе свай.—Число ихъ въ отдѣльныхъ постройкахъ.—Описаніе остатковъ, найденныхъ въ Вовилѣ.—Оружіе и инструменты озерныхъ поселенцевъ: топоры, ножи, пилы, глиняныя веретена, кремневые осколки, стрѣлки.—Орудія изъ кости и дерева.—Глиняная посуда.—Одежда.—Фауна озерныхъ поселеній.—Изслѣдованія Рютимейера.—Общее число видовъ.—Наичаще встрѣчаются благор. олень, домашній быкъ и свинья.—Размѣры костей оленя и кабана.—Виды птицъ.—Отсутствіе зайца, мыши, крысъ, домашней кошки и осла.—Остатки лошадей.—Торфяная свинья.—Сравненіе костей, принадлежащихъ дикимъ и домашнимъ расамъ.—Дикіе виды быковъ и породы домашняго скота.—Отсутствіе вымершихъ видовъ.—Зубръ.—Лось.—Горный козелъ.—Общій характеръ фауны.—Сравненіе различныхъ озерныхъ поселеній.—Флора пфальбаутовъ.—Воздѣлывавшіяся растенія.—Рѣдкость человѣческихъ остатковъ.—Вещи изъ бронзы.—Поклоненіе озерамъ.—Посуда бронзоваго вѣка.—Глиняные полумѣсяцы.—Населеніе свайныхъ по-

Стр.

строекъ.—Характеръ предметовъ, найденныхъ въ различныхъ постройкахъ.—Древность озерныхъ поселеній.—[Открытіе древнихъ свайныхъ построекъ въ другихъ частяхъ Европы.—Итальянскія террамары.—Найденныя въ нихъ орудія, украшенія, растительные и животные остатки.—Свайныя постройки во Франціи (поселеніе въ оз. Паладрю), въ сѣверной Германіи и въ Австріи.—Упоминаніе о пфальбаутахъ въ одной старинной нѣмецкой рукописи] 136

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Датскіе кухонные остатки или кучи раковинъ.

(Кьёккенмёддинги).

Значеніе Даніи въ отношеніи доисторической археологіи.—Датскіе тумулусы.—Кьёккенмёддинги, или раковинныя кучи.—Описаніе раковинныхъ кучъ.—Распространеніе ихъ.—Раковинныя кучи въ Шотландіи, Англіи, Австраліи, Америкѣ и пр.—[Отсутствіе ихъ въ Россіи].—Флора датскихъ кьёккенмёддинговъ.—Фауна ихъ.—Рыбы.—Птицы.—Звѣри.—Состояніе костей.—Преобладаніе извѣстныхъ костей надъ прочими.—Образъ жизни строителей кучъ.—Кремневыя орудія изъ кухонныхъ остатковъ.—Отсутствіе шлифованныхъ кремневыхъ орудій.—Пища строителей кьёккенмёддинговъ.—Вѣроятное сходство ихъ быта съ бытомъ современныхъ Пешересовъ.—Отношеніе раковинныхъ кучъ къ тумулусамъ.—Мнѣнія гг. Стенструпа и Ворсо.—Древность кьёккенмёддинговъ 174

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Сѣверо-американская археологія.

Библіографическія указанія.—Классификація древностей.—Орудія.—Употребленіе мѣди.—Древніе мѣдные рудники.—Глиняная посуда.—Курительныя трубки.—Украшенія.—Земляныя сооруженія.—Ограды.—Священныя ограды.—Сооруженія въ долинѣ Scioto.—Ацталанъ.—Глазированные валы.—Земляныя сооруженія новѣйшихъ Индійцевъ.—„Chunk yards“.—Древніе способы погребенія.—Т. наз. „жертвенные курганы“ (sacrificial mounds).—„Могила Криковъ“.—„Моленные“ курганы (Temple-Mounds).—Курганы, представляющіе животныхъ (Animal mounds).—Начертанія на скалахъ.—Вампумъ (Wampum).—Строители кургановъ.—Гигантскія земляныя сооруженія.—Слѣды древней агрикультуры.—Древность остатковъ.—Состояніе костей.—Американскіе лѣса.—Указаніе на четыре періода.—Человѣкъ и мастодонтъ.—Древность человѣка въ Америкѣ.—[Новѣйшія находки и предположенія] 196

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Звѣри четвертаго періода.

Стр.

Послѣдовательность видовъ.—Пещерный медвѣдь.—Пещерная гіена.—Пещерный левъ.—Мамонтъ.—Существованіе нѣкогда въ Европѣ африканскаго слона.—Виды носороговъ четвертаго періода.—Rhinoceros tichorhinus.—Мускусный быкъ.—Гиппопотамъ.—Ирландскій олень (Megaceros hibernicus).—Дикія лошади.—Сѣверный олень.—Первобытный зубръ.—Туръ.—Лось.—Пеструшка.—Бѣлая сова.—Моллюски.—Границы между существующими видами.—Климатъ четвертаго періода.—Вѣроятныя колебанія климата 228

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Пещерные люди.

Пещеры южной Франціи.—Бельгійскія пещеры [Изслѣдованія Дюпона].—Кентская пещера.—Брикгамская пещера.—Пещеры Сициліи и Гибралтара.—Ориньякскій гротъ, изслѣдованный Ларте.—Гіеновая пещера (Wokey hole).—Пещеры Дордоньи.—Геологическій характеръ мѣстности.—Фауна Дордоньскихъ пещеръ.—Отсутствіе домашнихъ животныхъ.—Кремневыя орудія: осколки, скребки, шила, молотки, наконечники копій.—Попытки классификаціи орудій на различные типы.—Относительная древность ихъ.—Отсутствіе полированныхъ орудій.—Орудія изъ кости.—Изображенія животныхъ.—Рисунки сѣвернаго оленя и мамонта.—Скульптурныя изображенія.—Вѣроятный образъ жизни обитателей пещеръ.—Человѣческіе останки.—Черепа: енгисскій и неандертальскій.—[Останки, найденные въ Кроманьонской пещерѣ.—Результаты изслѣдованія ихъ Брока.—Station de Solutré.—Ментонскій гротъ.—Grotta dei Colombi.—Нѣмецкія пещеры (Холенфельсъ, Räuberhöhle), Моравскія; Польскія (изслѣдованія г. Завишы), Швейцарскія (Тайнгенская).—Новое сочиненіе о пещерахъ Бойдъ-Даукинса]. . . 246

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Рѣчные наносы гравія.

Открытія Буше де-Перта.—Провѣрка ихъ гг. Прествичемъ и Эвансомъ.—Древнія кремневыя орудія, найденныя г. Фреромъ еще въ 1800 году.—Подобныя же открытія, сдѣланныя въ другихъ странахъ (въ Индіи, Ассиріи и пр.).—Древность доказываемая данными физической географіи.—Вопросъ относительно автентичности каменныхъ орудій.—Доказательства

Стр.

представляемыя самими кремнями.—Поддѣлки каменныхъ орудій.—Признаки настоящихъ древнихъ орудій изъ наносовъ.—Формы ихъ.—Орудія наносовъ никогда не бываютъ шлифованы.—Рѣдкость человѣческихъ костей.—Рѣдкость населенія въ древнія времена.—Отношеніе числа людей къ числу животныхъ въ территоріи Гудзонова залива.—Слонъ и носорогъ.—Характеристическіе признаки рѣчныхъ наносовъ.—Физическая географія долины Соммы.—Сенъ-Ашель.—Органическіе остатки.—Минеральныя составныя части рѣчныхъ наносовъ гравія.—Возраженія противъ предложенной теоріи.—Дѣйствіе льда.—Прѣсноводное происхожденіе слоевъ гравія.—Неприложимость гипотезы катаклизмовъ.—Измѣненіе уровня рѣки.—Постепенное вымываніе долины.—Слои гравія нижняго уровня.—Фауна ихъ.—Торфъ.—Предметы найденные въ торфѣ.—Отношеніе лёсса къ слоямъ гравія.—Постоянныя измѣненія въ направленіи теченія рѣкъ.—Поднятіе страны 278

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Древность человѣка.

Историческія свидѣтельства.—Доказательства этнологіи и физической географіи.—Растительность Даніи.—Тиньерскій конусъ.—Долина Тьели.—Образованіе Египта Постепенное повышеніе страны, обусловленное ежегоднымъ отложеніемъ Нильскаго ила.—Египетскія изслѣдованія Горнера.—Древность дельты Миссисипи.—Промежутокъ времени, указываемый измѣненіемъ климата.—Вліяніе перемѣны направленія гольфъ-стрема.—Астрономическія причины.—Прецессія равноденствій.—Аргументы Адгемара.—Куполъ льда на южномъ полюсѣ.—Возраженія противъ Адгемаровой теоріи.—Вѣроятное вліяніе прецессіи.—Эксцентриситетъ земной орбиты.—Періодъ времени принимаемый для ледниковой эпохи.—Вліяніе рѣкъ на уровень континентовъ.—Адгемаръ.—Объ измѣненіяхъ уровня моря.—Геологическія измѣненія въ теченіе четвертаго періода.—Геологическое время.—Доказательства приводимыя въ пользу существованія человѣка въ продолженіи пліоценоваго періода.—Человѣкъ въ міоценовую эпоху . . . 311

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Современные дикари.

Недостовѣрность народнаго преданія.—Стремленіе къ чудесному.—Нѣтъ доказательствъ вырожденія.—Прогрессъ у дикарей.—*Готтентоты*: одежда, пища, оружіе, развитіе металлургіи, обычаи, характеръ.—*Веддды*.—*Жители Андаманскихъ острововъ*.—*Австралійцы*: жилища, пища, начертанія на скалахъ, лодки, инструменты, палицы, копья, метательная палка, бу-

Стр.

мерангъ, огонь, одежда, украшенія, татуировка, церемоніи посвященія, игры, суевѣрія, способы погребенія, языкъ, бракъ.— *Тасманійцы.—Жители острововъ Фиджи:* пища, оружіе, жилища, храмы, религія, лодки, посуда, игры, земледѣліе, женщины, одежда, татуированіе, погребеніе, обычаи, отцеубійство, ужасные обряды, людоѣдство, характеръ Фиджійцевъ.—*Маори или Новозеландцы:* пища, одежда, украшенія, татуировка, жилища, укрѣпленія, оружіе, лодки, погребеніе, музыка, характеръ, религія, людоѣдство.—*Таити:* орудія, рыболовные крючки, сѣти, корзины, циновки, ткань изъ коры, наряды, лодки, музыка, принадлежности хозяйства, оружіе, пища, добываніе огня, приготовленіе кушанья, ава, обѣдъ начальника, ѣда въ уединеніи, медицина, виды погребенія, морai Обереа, идеи нравственности, общество Арреои, общій характеръ.—*Жители острововъ Тонга* 339

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Современные дикари.

(Продолженіе).

Эскимосы: лѣтнія и зимнія жилища, внутренность эскимосскаго жилища, лампы, грязь, запасы пищи, способъ приготовленія мяса, пища, трудность добывать воду, огонь, инструменты и оружіе, охота, способы охоты и рыбной ловли, санки, лодки, скребки, одежда, украшенія, запонки въ щекахъ, музыка, рисунки, погребальные обряды, предметы хоронимые съ покойникомъ, характеръ.—*Съверо-американскіе Индѣйцы:* одежда, украшенія, деревяшки въ нижней губѣ, сдавливаніе головы, религія, соціальное положеніе женщинъ, характеръ, жестокость, дѣтоубійство, орудія, оружіе, луки, ножи, копья, лодки, огонь, жилища, земледѣліе, мисеъ, рисъ, животная пища, виды погребенія, искусство.—*Индѣйцы Парагвая.—Патагонцы:* ростъ, жилища, одежда, оружіе, пища, погребеніе.—*Пешересы:* жилища, орудія, оружія, пища, нравы, способъ ловить рыбу, людоѣдство, отсутствіе религіи, лодки, одежда, огонь 382

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Современные дикари.

(Заключеніе).

Находчивость и изобрѣтательность дикарей.—Различныя формы орудій.—Чистота шитья.—Искусство продырявливать камень и кость.—Значительныя сооруженія, воздвинутыя дикарями.—Различія въ предѣлахъ каменнаго вѣка. — Различныя границы цивилизаціи. — Различіе въ оружіи. — Изо-

Стр.

лированное положеніе дикарей.—Географическое распространеніе оружій и т. п.—*Различія между дикарями.*—*Виды пользованія собакой.*—*Различные* способы добыванія огня.—Различные виды погребенія.—Наслѣдованіе собственности.—Различія въ преобладающихъ звукахъ рѣчи, въ знакахъ, въ понятіяхъ о приличіяхъ и о нравственности. — Обоготвореніе бѣлаго человѣка.—Любопытные обычаи.—Соціальное положеніе женщины.—Дикари и дѣти.—Низкій уровень нравственности дикарей. Низкій умственный уровень.—Бѣдность языковъ дикарей.—Недостаточность нумераціи.—Отсутствіе религіи у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ.—Зачатки религіи.—Низкія понятія о божествѣ.—Колдовство.—Жалкое вообще положеніе дикарей. 434

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Заключеніе.

Высшія животныя.—Первобытное состояніе человѣка.—Распространеніе человѣка.—Древнія племена.—Естественный подборъ въ приложеніи къ человѣку.—Вліяніе ума.—Возрастаніе богатства.—Страданія и безпокойства дикарей.—Суевѣрный страхъ.—Добровольно налагаемыя на себя мученія.—Дары цивилизаціи.—Уменьшеніе страданій.—Уменьшеніе грѣха.—Преимущества науки.—Будущее 465

Дополненія 481

URSS.ru URSS.ru URSS.ru URSS.ru

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Серия «Академия фундаментальных исследований: этнология»

Гернес М. **История первобытного человечества.**
Шурц Г. **История первобытной культуры: Основы культуры. Общество. Хозяйство.**
Шурц Г. **История первобытной культуры: Материальная и духовная культура.**
Леви-Брюль Л. **Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении.**
Леви-Брюль Л. **Первобытная мифология: Мифический мир австралийцев и папуасов.**
Ковалевский М. М. **Родовой быт: В настоящем, недавнем и отдаленном прошлом.**
Семенов Ю. И. **Происхождение брака и семьи.**
Маурер Г. Л. **Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти.**
Срезневский И. И. **Исследования о языческом богослужении древних славян.**
Котляревский А. А. **О погребальных обычаях языческих славян.**
Ефименко А. Я. **Исследования народной жизни: Обычное право.**
Кулишер М. И. **Очерки сравнительной этнографии и культуры.**
Селиванов В. В. **Год русского земледельца: Зарисовки из крестьянского быта.**
Кавелин К. Д. **Быт русского народа.**
Нибур Г. И. **Рабство как система хозяйства.**

Серия «Академия фундаментальных исследований: история»

Шрадер О. **Индоевропейцы.**
Морган Ж. де. **Доисторическое человечество.**
Марков Г. Е. **История хозяйства и материальной культуры в первобытном обществе.**
Марков Г. Е. **Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации.**
Тахтарев К. М. **Очерки по истории первобытной культуры: Первобытное общество.**
Мэйн Г. **Древнее право.**
Мэйн Г. **Древнейшая история учреждений.**
Мэйн Г. **Древний закон и обычай: Исследования по истории древнего права.**
Ингрэм Дж. К. **История рабства от древнейших до новых времен.**
Жид П. **Гражданское положение женщины: С древнейших времен.**
Фюстель де Куланж Н. Д. **Римский колонат: Происхождение крепостного права.**
Фюстель де Куланж Н. Д. **Древняя гражданская община.**
Брентано Л. **Народное хозяйство Византии.**
Гарнак А. фон. **Сущность христианства.**
Герье В. И. **Франциск: Апостол нищеты и любви.**
Эйкен Г. **История и система средневекового миросозерцания.**

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел. **+7 (499) 724–25–45 (многоканальный)**
или *электронной почтой* URSS@URSS.ru
Полный каталог изданий представлен
в *интернет-магазине:* http://URSS.ru

Научная и учебная литература

URSS.ru URSS.ru URSS.ru URSS.ru